

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Гильфердинг А. Ф.	Миллер О. Ф.
Нестор Летописец	Глинка Г.	Надеждин Н. И.
Владимир Мономах	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Русская Правда	Даль В. И.	Потебня А. А.
Нил Сорский	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Иосиф Волоцкий	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иван Грозный	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Стоглав	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Домострой	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Соборное Уложение	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Азадовский М. К.	Забылин М.	Сахаров И. П.
Аничков Е. В.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Антоновский М. И.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Анучин Д. Н.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Афанасьев А. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Барсов Е. В.	Киреевский П. В.	Толстой Н. И.
Батюшков П. Н.	Коринфский А. А.	Фаминцын А. С.
Безсонов П. А.	Костомаров Н. И.	Флоринский Т. Д.
Бодянский О. М.	Кулиш П. А.	Худяков И. А.
Болотов А. Т.	Ламанский В. И.	Чулков М. Д.
Будилович А. С.	Максимов С. В.	Шангина И. И.
Бурцев А. Е.	Максимович М. А.	Шейн П. В.
Буслаев Ф. И.	Мельников П. И.	Шергин Б. В.
Веселовский А. Н.	Метлинский А. Л.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Миллер В. Ф.	Якушкин П. И.

МИХАИЛ ЗАБЫЛИН

РУССКИЙ НАРОД

**ЕГО ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ,
ПРЕДАНИЯ, СУЕВЕРИЯ
И ПОЭЗИЯ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014**

УДК 930
ББК 63.5(2)
З 12

Забылин М.

З 12 Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. // Сост. и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014 – 688 с.

В книге знатока русского народного быта Михаила Забылина собраны уникальные материалы о русском образе жизни, традициях и обычаях, систематизированы основные этнографические источники о русском народе. Книга содержит сведения о русских праздниках, обрядах, суевериях и предрассудках, домашней жизни, народной медицине, приметах, пословицах, поговорках, песнях и музыке. В труде Забылина также рассказывается об охоте и досуге, старинном травнике и народном цветнике, одежде, о колдунах, ведьмах и другой нечистой силе.

В оформлении обложки использована икона Божией Матери "Слово плоть бысть".

Печатается по оригиналу 1880 года.
Издание М. Березина. Москва. 1880.

ISBN 978-5-4261-0096-1

© Институт русской цивилизации, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Благословите, братцы, старину сказать,
С обычаев, поверьев, предрассудков,
Сняв маску старины,
На правду указать.*

Смеем надеяться, что наша книга послужит прекрасным сводом этнографических знаний для каждого любителя русской истории и русской народности, а также для историка, художника, исторического романиста, драматурга и вообще для всех читателей, любящих серьезное чтение.

Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас. Между тем археологические и этнографические исследования указывают нам на следы и остатки обычаев, обрядов и образа жизни народа. В сказках, былинах, поверьях, песнях встречается очень много правды о родной старине, и в поэзии их передается весь народный характер века, с его обычаями и понятиями. Кроме того, ученые иностранцы разного времени, как то: Гербенштейн, Олеарий, Шлецер и другие высокопоставленные персоны при русских дворах – передали в своих записках много из тех обычаев, какие существовали в России. Архивы наши, монастырские библиотеки тоже сообщили

нам многое и обогатили нашу историю тем, что сохранили документы, письменные очерки и рукописи, знакомство с бытом и нравами русского народа.

В наше время, когда собрано слишком достаточно разных сведений о нашей старине для пояснения жизни и характера наших предков, эти новые исторические открытия уяснят многое для всех, кому нужны бытовые сведения, например: историческим художникам, драматическим, историческим писателям, реставраторам и многим другим.

На основании всего этого, слишком близкого русскому сердцу, мы находим, что наше издание послужит большим пояснением для разгадки разного рода поверий, обрядов, предрассудков, обычаев, а по ним поясняется самый быт и порядок жизни со всей ее обстановкой и ложными взглядами, и для открытия причин, откуда все эти поверья и обряды возникли, а вместе с тем, какими путями проникли на Русь предрассудки, привились и укоренились в русском народе, а затем — к очищению нашей жизни от странных обрядностей и устранению предрассудков.

Источниками при составлении нашей книги стали:

Летопись Русской литературы.

Русские простонародные праздники и суеверные обряды, 1837.

История государства Российского. Карамзина.

Сводная летопись. Л. И. Лейбовича. Спб., 1876.

Нижегородский сборник. Гациского. Нижний Новгород, 1871.

Чародейство и таинственные явления в новейшее время. Соч. Хотинского. Спб., 1866.

Рукописный список. Григорья Данилова Книголюбова.

Абевега русских суеверий. Соч. М. Ч<улкова>. М., 1786.

Таинственные чары. Соч. гр. Калиостро. М., 1876.

Владимирский сборник.

Предание о народных русских суевериях, поверьях и некоторых обычаях. М., 1861.

Быт русского народа. Соч. А. Терещенко.

Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетии. Костомарова. Спб., 1860.

Сказания Русского народа. И. Сахарова. 1841.

Пермский сборник. Повременное издание. М., 1860.

Материалы по этнографии Арханг. губ. Ефименко. Ред. Попов.

А также книги многих других писателей, о которых будет указано в своем месте.

Михаил Забылин

Часть I

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

В России каждый народный праздник сопровождается обрядами и усвоенными им песнями или пением. Самое происхождение того или другого празднества, содержание и цель их решительно отделяет от церковных св. празднеств и независимо в отношении к св. обрядам Церкви, потому что большая часть народных праздников возникла во времена еще самого глубокого язычества, когда с богослужебными обрядами соединены были различные правительственные постановления, торговые операции и пр. Так что почти всегда, где был торг, там были суд и расправа и торжественный праздник. Понятно, что торжественность дня усиливалась еще в большей степени от такого влияния массы народа с целями такого высокого нравственного и религиозного направления. Легко эти обычаи поясняются германскими языческими обычаями, где жрецы были в то же время и судьями, а самые сборные местности считались священными, всегда находились близ рек, дорог и вообще удобных мест для сообщения.

Такие сообщения язычников при сближениях, где они молились богам, совещались о делах, разбирали тяжбы при посредстве жрецов или прибегали к их мудрости, прося советов, не могли остаться бесследно забытыми, как серьезно лежащие в основе жизни народа и крепко утвердившиеся в его памяти. Когда Христианская вера поборолa языческую и водворилась, то хотя языческим обрядам и был положен конец, но множество обычаев, не входящих

в состав прямого языческого богослужения, были оставлены, и множество из них сохранились даже до сих пор в форме увеселений, обычаев вроде празднеств, и, к стыду христианства, некоторые обычаи язычества привились к торжествам христианским.

Смысл и понятие о празднествах до того перепутались, что нашим знаменитым русским историкам, хронографам и этнографам было много хлопот, чтобы определить их характер.

В дальнейшем мы имеем сообщить подробности и указания на основании данных исторических сведений об обрядах.

ПРАЗДНИКИ И СОПРИКОСНОВЕННЫЕ С НИМИ ОБРЯДЫ

СВЯТКИ

Святки, святые вечера – так обыкновенно называются в России, да и не в одном нашем отечестве, а и за границей, дни празднества, дни веселья и дни священного торжества Рождества Христова, начинавшегося с 25 декабря и оканчивавшегося обыкновенно пятым января следующего года. Это торжество соответствовало *священным ночам* у немцев¹. По другим наречиям Святки (swatki) означают *праздники*.

В Малороссии, в Польше, в Белоруссии многие праздники известны под именем Святков (swiatki), как, например, Зеленые Святки, то есть Троицкая неделя. Поэтому профессор Снегирев заключает, что можно извлечь, как самое

¹ Weihnachten.

название, так и большая часть народных игрищ перешла на север с юга и запада России.

Если мы начали со Святков, то потому именно, что нет ни одного празднования на Руси, которое бы сопровождалось таким богатым выбором обычаев, обрядов, примет и прочего, как так называемые Святки.

На святках мы встречаем или видим странную смесь обычаев из языческого обряда, смешанных с некоторыми христианскими воспоминаниями о Спасителе мира.

Бесспорно, что к обрядам языческим, а не иначе, принадлежат: гадание, игры, наряды и прочее, которые выражают свою изобретательную сторону торжества, совершенно не имеющей ничего общего с христианскими целями и настроением духа, и – *славление*, то есть хождение детей, а иногда и взрослых со звездой, подчас с рацеями, вертепом и тому подобными предметами.

Между тем как самое слово «Святки» представляет понятие о значении святости дней по причине отрадного для христиан события. Но в древности с незапамятных времен язычества вошли обычаи и обряды в эти торжественные дни, и мы одолжены тому, что и в настоящее время эти обычаи не искореняются, а существуют, хотя в разных видах и формах, более или менее измененными.

В Белоруссии и в Малороссии Святки называют Колядою, Каледою; название сходствует с римскими *Kalendae* от греческого глагола *καλεῖν* – сзывать, также от санскритского *kāla*.

Кормчая книга говорит, что Святки, праздники приняты от эллинов (греков); то же подтверждение коляд от эллинов видим в 62 правиле Стоглава. Впрочем, профессор Снегирев свидетельствует, что св. отцы, говоря о эллинах, имели в виду безразлично языческие народы в противоположность православным грекам и иудеям.

История говорит, что обычай этот существовал в Римской империи, в Египте, у греков и у индийцев. Так, напри-

мер, египетские жрецы, празднуя восстание Озириса или Новый год и вместе с тем надев на себя личины и костюмы, соответствующие божествам, ходили по улицам города.

Барельефы и иероглифы в Мемфисе и Фифах указывают, что такие маскарады совершались в новолетие и считались обрядом священным. Точно тому же подобные обряды совершались у персов в день рождения Митры, у индийцев Перун, Монгол и Угады. У римлян праздники эти назывались днями солнца.

Напрасно Константин Великий, Тертуллиан, св. Иоанн Златоуст восставали против святочных волхований и безумных игр (календ) и папы Захарии, – обычаи гадать и наряжаться все-таки остались, хотя в форме довольно измененной.

Даже сам Император Петр I по возвращении из путешествия в Россию наряжал Зотова папою, а других своих любимцев кардиналами, дьяконами и церемониймейстерами, и в сопровождении хора певчих о святках ходил с ними к боярам по домам славить¹.

В книге Кормчей, на основании XXII главы стиха 5 Второзакония, упомянутые переряживания воспрещаются. Известно, что Моисей как законодатель, истребитель язычества и его обрядов в избранном народе, воспрещая поклонение идолам, воспретил и переряживание, как то делали жрецы египетские.

Валсамон, патриарх XII века, говорит, что, несмотря на запрещение Церкви, на Западе продолжалось наряжение в шутовское платье, в сатиров, комедиантов, скотов, кумиров и чудовища; кроме того, представляли рождение Сына Божия, явление ангелов пастырям, обрезание, звезду, трех царей и тому подобное, что потом перешло и в Россию.

Константин Багрянородный упоминает о *Готских играх*, которые совершались при дворе в присутствии императора о Рождестве Христове. Это были ряженые в выво-

¹ См. Рус. прост. праздники. М., 1837. Вып. II.

роченных тулупах или шубах, или в масках, или с раскрашенными лицами, которые вертелись, бегали или, наконец, аккомпанировали под музыку. Название игр «Готских» они получили потому, что греки наряжались по-готски, когда приходили к императору и получали подарки за пропетое ими государю многолетие и рождественский кондак.

Близко будет к истине, если скажем, что во время сношения России с византийским двором святочные обычаи, как и многие прочие, перешли в Россию, так как, по словам проф. Снегирева, много славяно-русов в качестве телохранителей находились при дворе византийских императоров.

У скандинавов¹ Святки были известны под именем Иольского и Юльского праздника (*Iuul*, *Ioel*) как важнейшего и продолжительнейшего из всех. Этот праздник отпраздновался в честь Тора в Норвегии зимою, а в Дании в честь Одина для благословенной жатвы и скорого возврата солнца.

Начало праздника обыкновенно наступало в полночь 4 января, и продолжался целых три недели. Первые три дня были посвящены благотворениям и торжеству, последние затем дни были проводимы в веселье и пиршествах. Название *Iuul* происходит от *Hjul*, по-русски – колесо, потому что тогда год поворачивался колесом. Древность этого скандинавского праздника доказывается тем, что о нем рассказывал еще в VI веке Прокопий, византийский летописец.

У древних англосаксов должайшая и мрачнейшая ночь предшествовала дню рождения Фрейера или Солнца, называлась Материнскою ночью, так как эта ночь почиталась матерью солнца или солнечного года.

В это время, по верованию северных народов, являлся дух Юлеветтен в образе черноликого юноши с женской повязкой на голове, закутанного в черный длинный плащ. В таком виде является будто бы он ночью в дома, как у русских о Святках *суженый-ряженный*, и принимает подарки.

¹ Обитателей нынешней Швеции.

Это верование ныне на всем севере превратилось в забаву, уже лишенное всякого суеверного смысла. Та же роль представлена на германском севере Филии.

На Иольском празднике был в честь Фрейера убиваем вепрь в присутствии короля как священное животное. Над этим животным, положив руки, клялись королю в верности. По окончании жертвы все предавались веселью, которое состояло в питье, яствах, плясках и разных играх. Эти Иольские праздники продолжались по несколько дней.

Остатки этого празднества остались еще кое-где на скандинавском севере, к которому присоединились гадания, приметы, суеверия и пр. В это время употребительна свинина и пироги в форме свиней.

В Англии за несколько дней до праздника Рождества Христова начинаются в большей части городов ночное пение и музыка по улицам. В Голландии восемь ночей перед праздником и восемь после праздника ночей страж после возвещения утра прибавляет смешную песню, содержание которой – совет во время праздников есть кашу с изюмом и прибавлять в нее сахарного сиропа, чтобы она была слаще.

Вообще рождественские праздники, несмотря на холодное зимнее время года, дышат весельем, как и канун Рождества. Впрочем, сочельник в России менее весел как день постный, как день приготовления и встречи к празднику.

У простого народа всегда найдется бездна смешных преданий по случаю этого дня, и ночь перед Рождеством бывает свидетельницей множества суеверных наблюдений. В целой Англии существует поверье, что будто бы если войти в хлев ровно в полночь, то найдешь весь скот на коленях. Многие убеждены, что в сочельник все пчелы поют в ульях, приветствуя день торжества. Это поверье распространено по всей католической и протестантской Европе.

Вечером женщины ни за что не оставят кудели на прялках, чтобы черт не вздумал вместо них сесть за работу.

Молодые девушки дают этому другое толкование: они говорят, что, если не допрясть кудели накануне Рождества, прялка придет за ними в церковь при венчании и мужа их подумают, что они Бог весть какие лентяйки. В этом убеждении девушки недопряженную кудель солят с целью сохранить ее от проделок черта. Если нитки останутся на мотовиле, их не снимают, как обыкновенно, а разрезают.

В Шотландии домашний скот в праздник Р. Х. кормят последнею горстью сжатого хлеба с целью предохранить его от болезни.

В Англии в старину был обычай подавать в Рождество к столу кабанью голову в уксусе с лимоном во рту. Причем была пета песня приличная торжеству.

Есть приметы довольно оригинальные: например, в Шотландии и по сие время многие из простого народа верят, что кто первый отворит дверь в праздник Рождества, тот будет счастлив во весь следующий год, потому что он впустил Юля.

Для этого языческого божества иные и по сию пору накрывают прибор и ставят хлеб с сыром и какой-нибудь напиток, как это делали восточные народы, и притом каждый гость должен отведать этой жертвы, а если забудет и уйдет, то это считается дурной приметой в Шотландии.

Там же в Рождество, в Новый год, в первый январский понедельник и 3 мая суеверные люди в Шотландии ни за что не дадут угольев соседям, опасаясь колдовства и прочего вреда, как тому верили и римляне.

В западных областях Англии оказывают честь яблонам, чтобы они на будущий год были плодородны. В некоторых местах обыватели совершают ходы по плодовым садам и кланяются каждому дереву, произнося род заклинания или заговора. После того орошают дерево яблочным соком или разбивают об него кубок с яблочным напитком — все это делается в честь и желание будущего урожая.

Также к Рождественской ночи делают особенные свечки такой толщины, что они горят с вечера накануне праздника до исхода следующего дня, и, если погаснут прежде, это предзнаменует несчастье в семействе.

В северной Шотландии лавочники дарят своим покупателям Юлевые свечи, которые суеверные шотландцы и строгие исполнители всяких примет зажигают и дают им сгореть дотла или же, дав некоторое время гореть, гасят и огарки сохраняют как талисманы.

Там же есть так называемый Taghairm – ночное гулянье на воловьей коже, очень сходное с русскими (будет сказано).

В Англии в Святки также сохранилось множество суеверий. Все их перечислять не стоит, но мы ограничимся несколькими из них; так, например, кто-нибудь встает ранее прочих в семействе и готовит завтрак, который все семейство и ест, сидя в постели, не вставая. Завтрак этот – пирожки с яйцами, считая по одному на каждого, и чей пирог развалится во время печения, тому не дожить до будущего праздника.

Накануне Рождества кладут в огонь одно из толстых поленьев, которое должно гореть во весь следующий день, а если можно и далее, для чего, конечно, стараются применить медленное горение. Употребляют для этого головню, если можно оставшуюся с прошлого года. Пока рождественское полено не потухнет, всей домашней прислуге дают к столу пиво.

29 декабря, когда празднуется память избиения младенцев Царем Иродом, в старину обыкновенно детей будили плетью, чтобы таким путем укрепить в памяти детей такое кровопролитное событие; самый день, в который приходился этот праздник, считался *черным*.

В Германии во время так называемых священных ночей, по-нашему святых вечеров, или Святков, гадают, устраивают для детей елку, всяким способом стараются узнать

будущность в течение года и верят, что накануне Рождества Христова скоты говорят. В недалекое от нас время представляли историю рождения Иисуса Христа в лицах.

Кроме того, что уже сказано сейчас и укрепилось в нашей России, в Саксонии в деревне Шолбеке, по свидетельству Кранца, мужчины всех возрастов с женщинами проводили повечерие Рождества Христова на погосте Св. Магна в бесчинных плясках и неблагопристойных песнях, по крайней мере, таких песнях, которые не свойственны такому высокаторжественному дню.

Коляда

Декабря 24 русские язычники славили Коляду, о которой уже мы ранее говорили. По словам нашего знаменитого историка Карамзина, Коляда был бог пиршеств и мира, и хотя по созвучию можно производить Коляду от римских календ и других, но римские праздники этого названия были празднуемы во всех месяцах. А если находят, что наш рождественский праздник был сходствен с Янусовым, то причиною тому было, вероятно, не что иное, как влияние римского владычества над славянскими народами, причем, конечно, каждый народ, усваивая и принимая чуждые понятия и верования, всегда ищет в них сходства внешнего или внутреннего со своими коренными понятиями и верованиями.

Значение слова «Коляда» у разных народов различно: у виндийцев *Koléda* (коледа) почитается за божество празднеств и также называются некоторые церковные обряды, а *koledowati* (коледовати) означает хождение детей по разным домам с песнями и плясками.

У чехов, болгар и сербов *Koléda*, а также *wanoënj písniéku* значит – святочная песнь, *choditi po Koléde* (ходить по коледу) значит поздравлять с новым годом и за это получать подарки от каждого, кто что может дать.

Коледа у словаков означает благословение домов, какое у них бывает около праздника *трех царей*, а *kolédovat* – благословлять дома.

Богемская история объясняет коледу набожным обычаем хождения священнослужителей по домам с крестом и мощами о Рождестве Христове, который был утвержден чешским князем Бретиславом в XI веке после изгнания колдунов и оборотней из пределов своего княжества.

Босняки, кроаты и другие славянские народы под Коледою разумеют подарок на Новый год: тогда в римско-католических церквах раздавались народу сделанные из теста ясли, пеленки и другие принадлежности к месту рождения Иисуса Христа, что называлось *колендами*. Римское духовенство, по свидетельству Боеция, именовалось от *Colendo*, *Coledi* и *Coldei богочтецы, то есть ублажавшие* Бога песнопением. Знаменитый переводчик Гомера Гнедич производит Коледу от греч. *χόλαδεῖς* (кишки) колбасы, которой кольцо выпрашивали себе колядовщики в Малороссии. Наконец, от слова «колядование» произошло слово «колдование».

Коляда не упоминается у Нестора как божество в числе богов Владимировых; но св. Дмитрий Туптала (митр. Ростов.) в своей Четьи-Минеи упоминает о Коляде как о шестом боге, боге празднеств. Но скорее всего, это – не божество, а праздник, который олицетворяют сказания и народные песни.

Коляда в южной и западной Руси собственно канун праздника Рождества Христова, который известен на северо-востоке России под именем Авсеня или Таусеня, а у литовцев известна под именем *вечера колодок*, или *Блоккова*, в котором почти везде в славянском мире и в русском готовится из зернового хлеба *каша* и из пшена и плодов *кутья*, напоминающая индийский *Перун-Монгол* и *Угады*, во время которых по варению пшена угадывали жребий в наступающем году.

Считают две коледы: *Васильевская*, накануне Нового года, и *крещенская*, накануне *Крещения* или *водокрещей*. Первая – *богатая*, а вторая – *бедная* или *постная*.

В Малороссии коледою называется хождение с вертепом и звездой, сделанной из бумаги, и пенье винограда известно под именем *Коледы*. Даже в Москве и в Петербурге до сих пор существует обычай славления ребятишками Рождества Христова целыми группами под предводительством старшего, несущего звезду с фонариком; после каждого славления притом поется в доме молитва, говорится: «С праздником хозяина поздравляем, здравия вам желаем» и прочее. Иногда нечто в более шутиливом тоне. Ныне в столицах обычай этот выводится, но было время, когда не принять так называемых христославов считалось за грех для домовладыки и оскорбление для христославов.

Профессор Снегирев говорит¹, что под Москвою был обычай назвать сочельник «коледою» и в ночь на Рождество возить в саних девушку, одетую поверх всей теплой одежды в рубашку, которую и выдавали за Коледу; есть ли такой обычай и посейчас – не знаем.

Есть предположение, что как празднование Коледы, так и ее имени перешло из Новгорода в Костромскую и другие великороссийские губернии в XV и XVI веках, чему свидетельствует старинная песня, которую в некоторых местностях поют о святках так: «Шла Коледа из Новгорода...» и проч.

У румын Святки называются *Керечуном*, у карпатароссов – канун Рождества, то есть наш сочельник, а коледование – за празднование. При этом же названием *Керечуна* у русских назывался рождественский пост или филипповки, такое название поста Карамзин объясняет короткостью дней² зимних. Однако же, по замечанию проф. Снегирева, Карачун сходствует с сербским «кара-

¹ См. Рус. прост. празд. и суев. обряды. Вып. II, 1837, с. 29.

² Карамзин. И. Г. Р. Ч. II, пр. 288.

чити», то есть ходить, и с русским словом «*корчить*» что-либо или кого, кривляться.

Потом еще есть догадка, неразрешенная, однако ж, ничем, — не имеет ли слово «корачун» какого-нибудь сходства с упоминаемым в Стоглаве чародейании над корчагами.

В Великороссии Святки, кроме славления по домам, сопровождаются наряжением в маски и костюмы с целью не быть узнаваемыми, а также загадываниями. Как гадания, так равно и наряжения в разные костюмы производятся вечером, а гадают часто по ночам.

Маски известны от глубокой древности, еще в оргиях Бахусовых надевали личины, чтобы избавить себя от чарования. Между греками и латинами в Средние века было мнение, будто в продолжение 8 дней после Рождества Христова дьяволы скитаются по земле и по наступлении разрушения их царства, изгоняемые в тревоге и тоске, рыскают по улицам в мрачном и огнезрачном виде, терзая, муча и увлекая встречных и поперечных. Переряженные, или святочники, умышленно представляют воплощенных дьяволов, и история Тюрпена называет их личинами бородатыми, рогатыми и похожими на демонов. Один древний писатель объясняет силу отвораживания масок тем, что они своим стройным и нелепым видом удаляют очарование от самых лиц, которые их носят. Но так как маски, по объяснению Нантского собора, — личины демонов и оскверняют людей, посему те, кто рядился на святках, имели обыкновение очищаться купаньем в реках в день Крещения Господня.

В Новгороде Святки известны под именем *окрутников*, которые со второго дня праздника Рождества Христова до Богоявления ходили ряжеными по городу в те дома, где выставлены были зажженные свечи на окнах, и тешили хозяев шутками, карикатурными представлениями, песнями и плясками.

В Тихвине о Святках снаряжалась большая лодка, которая ставится на несколько саней и возится несколькими

лошадьми по городу. Верхом на лошадях, везущих лодку, сидели окрутники. Те же окрутники и святочники сидели в лодке, украшенной разноцветными флагами. Все эти поездежане бывали в костюмах и масках.

В Тихвине ряженные назывались то окрутниками, то кудесниками, то куликами, то щеголями.

Во время поезда они пели, играли на разных инструментах и выкидывали разные штуки. Разумеется, ряженных сопровождали толпы народа, а зажиточные граждане потчевали этих ряженных вином и кушаньем.

В Новгородской и Вологодской губерниях Святки до сих пор называются *кудесами*, так как в летописях чародеи, колдуны, арби – кудесники и кобники, которые гадали и, вероятно, кудесили, как колдуны, кобенились, как шаманы.

В Троице Псковской губернии Святки слывут «субботками». Тогда незамужние дочери обывателей этого городка собираются у бедных вдов, которые делают к тому нужные приготовления: для посетительниц делают скамьи уступами от полу до потолка в виде амфитеатра, потом среди комнаты к потолку подвешивается большой фонарь из цветной бумаги, украшенный лентами и множеством свечей. По сторонам этой же горницы ставятся скамейки для мужчин.

Девушки, как богатые, так и бедные, непременно считают долгом быть на этих вечеринках или субботах и для сего одеваются как можно чисто, сообразно своему состоянию. Когда девушки собрались все до одной из числа приглашенных, тогда ворота, до сих пор запертые, открываются, и начинается прибытие холостых молодых людей. Прибытие каждого молодого гостя девушки величают песнями, которые исстари поются на субботах. За эту честь каждый гость должен платить деньгами, которые потом отдаются в пользу хозяйки дома, небогатой вдовы. Сюда женатые и замужние не допускаются.

Русская история указывает, что и царь Иван Васильевич Грозный со своими опричниками маскировался, подобно скоморохам, и даже казнил К. Репнина за то, что тот не надел личины¹.

Петр I любил святочные игрища, в которых сам принимал участие, как было выше нами замечено. В его время святочные игры бывали не только в городах и в сельских приютах, но и в царских теремах, где царевны святочничали с верховными сенными девушками и боярынями.

Гадание

В состав святочных обрядов входит гадание, где по каким-либо особенным знакам, искусственным или естественным, стараются предугадать человеческий жребий, свое будущее.

В язычестве гадание составляло одно из главных обрядов богослужения; но когда язычники стали переходить в христианство, то гадание стало преследоваться под видом ворожбы, и если гадание и осталось в народе как сила привычки по праву давности, то как народная забава, самое слово «гадание» сродно с еврейским словом *Gad*, *Gad* – так называлась богиня счастья, а по другим, от санскритского *Gad* – исследовать, по третьим – *Gadam* – испытывать.

Самое же гадание в древности было служение богине Гаде (фортуны, богине счастья). Основываясь более на случайных, но естественных явлениях или знаках, открывали тайну, то есть что-нибудь угадывали. Ворожбою называлось действие сверхъестественных враждебных сил ко вреду одних или к пользе других, почему волхование, по толкованию Стоглава, называлось бесовским служением и имело одно и то же значение, что и колдовство, колдование, которым, по сказанию, занимались халдейские и другие волхвы.

¹ Карамзин. И. Г. Р. Т. IX. 2-е изд.

Способы гадания бывают естественные или искусственные, какие встречаются не только у восточных народов, но у греков, римлян и славян.

Святочными гаданиями вообще занимаются вечером или ночью.

...**Гадание на вещах.** Молодые люди обоего пола собираются на вечер, берут кольца, перстни, запонки, сережки и другие мелкие вещи и кладут их под блюдо вместе с кусочками хлеба, сверх всего накрывают чистым полотенцем, салфеткою или ширинкою. После того участвующие в гадании поют песню, посвященную хлебу и соли, и потом другие подблюдные песни. По окончании каждой, запустив руку и отворотясь от блюда, из-под закрытого блюда вынимают какой-нибудь один предмет, попавшийся первым под руку. Это нечто вроде домашней лотереи. К этому применялось содержание песни, из которого выводится себе предвещание.

Но так как из-под блюда вынутые вещи не всегда попадают тем, кому они принадлежат, то присуждается по этому случаю выкуп вещей. Последнему вынувшему доставшуюся из-под блюда на долю его вещь, уже последнюю, поют песню обыкновенно свадебную, как бы предвещающая скорый брак. Затем и кольцо катят по полу, наблюдая, в которую сторону оно покатится: если к дверям, то для девушки – близость брака, для мужчины – отъезд.

По наблюдениям г. Снегирева, эти обряды близки с греческими обрядами и *ληρόν*.

Хоронение золота, или как золото хоронить. Но нужно быть хорошим наблюдателем даже, чтобы видеть, в каком высоком почтении было исстари золото и как оно даже посейчас служит эмблемой выражения богатства, достоинств, красоты, приязни и прочего.

Например, когда мать говорит своему сыну или дочери: «Ах, ты золото мое!» – понятно уже, что она этим выражает ласку, любовь и высокое значение своей любви

как бы к золоту, часто не в отношении столько к его значению, сколько к тому, что золото вообще прежде имело высокую недостигаемую ценность относительно своей редкости. Так и сейчас часто говорят: «Это не человек, а золото». Этим словом по смыслу хотя человека выставляет ниже того, что он стоит по человечеству, но в общем смысле оценивают какое-либо одно качество или в отношении ума, доброты, или искусства.

По всей вероятности, эта поговорка возникла из глубокой древности; таким образом, читая отечественную летопись, видим, что русские при договоре с греками, полагая золото перед Перуном и Волосом, клялись, что если нарушат договор, то да «будут золото, яко золото». То же было и с югорскими князьями, клявшимися в верности пред великим князем на опас, и в знак верности клялись, испивая воду с золота¹.

Также иногда поговоркой «С твоего слова, как с золотого блюда» выражают желание благополучия и всех благ, так сказать довольства и благополучия. Таким же образом и обычай *хоронить золото* причисляют к обычаям, принадлежащим временам языческим. Остатки обрядности сохранились о святках, но уже в форме забавы или как развлечение времени.

Дело в том, что в собрании сидящих девиц, дам и мужчин тихонько дают оставшееся от подблюдной песни кольцо, и оно передается тайком от одного к другому из сидящих рядом и смежно между собою, предоставляя кому-нибудь из мужчин или девушек искать это кольцо при пении обрядовой песни, пока не найдется в чьей-либо руке искомое. Пойманный в скрытии вещи в свою очередь начинает отыскивать и так далее.

Окличка прохожих и проезжих. Это гадание состоит в том, что во время вечера или ночи выходят из дома и, стоя

¹ См. Ист. Госуд. Российск. I. Прим. 461. Евреи также клялись храмовым золотом, как видно из Еван. Матфея, XXIII, с. 16.

у калитки, девушки спрашивают у мужчин словами: «Как ваше имя?» с тою целью и уверенностью, что будущий жених будет иметь то же самое имя и ту же красоту, которую имеет виденный и опрошенный. В Ярославской губернии окликают с блином на голове.

Подслушивание. Стоглав говорит, что *окличка* была древним народным суеверием, что гадалы и гадательницы ходят слушать под окна чужих домов и, судя по услышанным ими словам, веселому или неприятному разговору, предрекают себе приятную или скучную жизнь, бранчивого или ласкового мужа. Заключение под чужими окнами через подслушивание бывают самые разнообразные и выводятся из того, кого слышат: старого или молодого, пьяного и трезвого, мужчину или женщину и проч. Такие подслушивания производятся у окон или дверей жилых изб или у окон домов (преимущественно первых этажей).

Но более храбрые и резвые из девушек решаются слушать под замком церковных дверей с целью услышать пение в церкви в полночь, когда службы не бывает. Если воображение сильно возбуждено, нервы тоже, то легко может случиться, что возбужденная особа в полузабвении, увлеченная мыслью и силою воли до мозга костей, слышит скорее во сне то сладкое венчальное, то погребальное пение, из чего выносит, что ей в этот год или идти замуж, или помереть.

Гадание на курицах. Сняв с насеста курицу, чаще петуха, приносят в ту комнату, где заранее приготовлены на полу в трех местах вода, хлеб, золотые, серебряные и даже медные кольца, серьги и другие мелкие вещи.

Птицу пускают на пол и смотрят: какую вещь она клюнет или за что примется прежде всего, имея в виду, что птица ночью или вечером бывает слепа и по естественной привычке клевать, что попадая, клюнет что-либо из предметов, положенных на полу.

Гадают и так и иначе: если гадает одна особа, то понятно, что ей, выпустив петуха или курицу, можно гадать на разные мотивы, но если же гадающих девушек очень много, то приходится задумывать иначе. Например, курицу или петуха пускают в середину круга, составленного из колец и перстней, принадлежащих разным девушкам. Чье кольцо, перстень или серьгу клюнет птица, та выйдет замуж в течение этого года.

Но выйти замуж вообще нетрудно, каково быть за мужем? – задается вопросом каждая из девиц.

В этом случае девушка-гадательница применяет, как выше сказано, к делу гадания воду, хлеб, уголь и кольца. Затем пускает курицу. Если курица или петух станет пить воду, то муж будет пьяница. Если будет есть хлеб, то муж будет достаточный, когда же примется за уголь, то муж будет бедняк или, как говорится, прогорит; золотое кольцо клюнет – богач, серебряное – достаточный, медное – скудный по труду, иногда волокита.

Иногда бывает и так, что гадательницы делают в просторной избе несколько таких кругов, каждая для себя, и приносит каждая девушка курицу из своего дома.

В Костромской губернии во время Святков холостежь и молодежь ходят по птичьим закутам или дворам и, зажмуриив глаза, снимают курицу с насеста (нашестка, наседа), по цвету курицы судят о цвете волос суженого или суженой.

В Сибири в это время гаданий впускают на середину комнаты курицу с петухом и пускают по полу и замечают: если петух гордо расхаживает и щиплет курицу, то муж будет сердитый; но если и курица будет храбриться, то это знак того, что жена будет одерживать верх над мужем.

Гадание на лошадях. Выводят из конюшни лошадей не иначе, как через оглоблю или через какую-либо жердь. Если лошадь зацепит за оглоблю или жердь ногами, то для девушки – муж сердитый и несчастная жизнь. Когда же

лошадь удобно перешагнет, не зацепив жердь или оглоблю, то для девушки предстоит счастливое житье со смиренным ласковым мужем.

Проф. Снегирев приписывает это гадание ко временам языческим, когда в Рюгене пред началом каждой войны жрецы гадали о будущем успехе, для чего переводили коня чрез несколько жердей, и непременно белого коня Световидова, а в Штетине Воронова коня. Следы этого языческого обычая остались и по сие время в Костромской и Ярославской губерниях. Иногда садятся на лошадь, у которой завязаны глаза, и пускают из ворот по воле; в которую сторону лошадь изберет путь, туда девушке замуж выходить.

Гадание у ворот. Выходят к забору или просто, стоя за воротами во время ночи, и говорят: «Залай, залай, собаченька! Залай, серый волчок!», «Где залает собаченька, там живет мой суженый!».

Мнение вообще таково, что где девушка услышит собачий лай, туда непременно будет отдана замуж слышавшая лай девушка, и чем глуше и дальше слышен будет лай, тем дальше она будет отдана замуж. Притом лай хриплый, значит – брак со стариком, звонкий и тонкий лай – молодой жених.

Гадание башмаком. Девушки снимают с левой ноги башмаки и кидают их за ворота, наблюдая при этом, куда башмак ляжет носком. Куда ляжет носком, в ту сторону будет отдана кидающая, когда же башмак ляжет носком к воротам, из которого выкинут башмак, то девушке в этот год – жить дома и не выходить замуж.

Гадание топором. Это гадание относят к древним. Плиний свидетельствует, что этого рода гадание внесено в Грецию Остонесом при Ксерксе I и употребляли его для узнания виновного.

Вбивали в топор деревянный кол и держали его обеими руками так, что вращать кол было очень легко, и при вращении произносили имена подозреваемых. На чьем

имени он покривится, тот и оказывался виновным. Ныне, если хотят погадать, выйдет ли девушка в нынешнем году замуж, при верчении топора упоминают имена девушек, и та из них выйдет, на чьем имени топор покривится.

Гадание на луковицах. Берут несколько луковиц и замечают каждую из них; эти луковицы кладут на землю; чья луковица ранее даст росток, та из девушек выйдет прежде других замуж.

Гадание яйцом. Берут стакан, наполненный чистой водою, и в эту воду с осторожностью выпускают свежее яйцо. Дают несколько постоять, а потом по расположению белка в воде судят о будущем.

Гадание на поленьях. Девушки подходят к поленице задом или зашурясь и берут из нее без выбора, которой какое попадется. Затем каждая свое осматривает, из чего заключают о будущем женихе, например, гладкое полено в тонкой ровной коре предсказывает хорошего, красивого жениха; полено с шероховатой корою – некрасивого на вид; в толстой, но хорошей коре – богатого. Полено местами ободранное – нуждающегося; без коры – бедного, толстое полено – сильного, толстого; с сучками – большая семья, и по числу сучьев – о числе людей в семье; кривое – уroda или с какими-нибудь физическими недостатками.

Гадание воском, оловом или свинцом. В некоторых областях Германии, так и в России, о Святках льют воск или олово в воду и по вылитым фигурам заключают о своем жребии, о счастье, несчастье, неудаче, урожае или голоде.

В Потребнике 1639 года все *восколеи* и *оловолеи* названы «чародеями».

Гадание на зборнике (головной убор). Когда девушка желает узнать, что случится в этом году, то берет три вещи: зборник или другую какую принадлежность головного убора, кусок хлеба и кусок дерева и кладет все три вещи в пустой чистый горшок, иногда сопровождая все это приличными наговорами. Потом, закрыв или завязав глаза,

подходит к горшку и берет первое, что попадется. Если попадется ей в руку головной убор – выйти замуж, часть хлеба – оставаться девушкой, а кусок дерева – гроб¹.

Гадание лучиною. Если девушка желает узнать, проживет ли она этот год, то, взяв в руки березовую лучину, бежит к роднику реки или к колодцу, мочит эту лучину и, возвратившись домой, зажигает ее на огне; у которой скоро загорится она, то это знак долгой жизни, а у которой не загорится вовсе, то умрет; у которой будет гореть с треском и гореть не особенно ровно, то в течение года гадающая будет хворать.

Гадание на коровьей или воловьей коже. Проф. Снегирев описывает, как гадают в Вельской и Шенкурской областях о годовой судьбе при помощи снятой с крупного рогатого скота кожи. С этой целью несколько девушек берут столешник, хлеб, ножик и коровью сырую кожу, идут на перекресток или на прорубь, расстилают там кожу, кладут на нее хлеб и ножиком очерчивают круг, в пределах которого и садятся, закрыв себя столешником или скатертью, и, ухватив друг друга за мизинец, делают завешание, чтобы судьба известила их, что случится им в нынешнем году, и в таинственной тишине ночи слушают: одной слышится, что едут женихи большим поездом, другой чудится, что на поле большое собрание народа, знак обильной жатвы и проч. Такие гадания происходят не только в России, но и в Шотландии, по свидетельству Вальтера Скотта. Гадают ночью, завернувшись в сырую коровью или в воловью кожу, садятся в ожидании ответов на сделанные вопросы или имеют видения, которые открывают будущее.

Гадание по сковороде. Чтобы узнать имя будущего жениха, девушки кладут на стол солому, сбитую в ком, на этот ком ставят сковороду, а на сковороду кладут камень и льют несколько воды. После того потихоньку и медленно

¹ Сведения почерпнуты из рукоп. Мясникова в 1829 г. Народные праздники в округах Шенкурском и Вельском.

начинают каждая из девушек вынимать по соломинке и из звука, производимого камнем на сковороде при колебании, воображают слышать имя будущего жениха.

Тоже делают так: наливают на сковороду воды и <кладут> камни; сверх этого всего кладут растрепанные хлопья льна или пеньки, зажигают их и накрывают горшком. Когда вода сильно заклокочет, то, по замечанию суеверов, у невестки будет сварливая свекровь.

Гадание на кольце, хлебе и крючке. Положив на пол кольцо, крючок из соломы и кусок хлеба, покрывают эти три предмета платком, из-под которого потом и вынимают, кому какая вещь достанется. Если вынется кольцо, то жених будет щеголь, если хлеб – богач, а если крючок, то – бедняк. *Бедный крюк* в смысле того, что бедняк всегда горбится от труда и пред всеми изгибается.

Гадание у омета соломы. Подходят к омету соломы, закинув голову назад, берут ртом соломинку; ежели она будет с колосом, то примечают, что вышедшая в замужество будет богата, если соломина попадется без колоса, то жизнь будет бедная.

Гадание на перекрестке в полночь. Девушки выходят на перекресток и, загадав каждая из них о своем будущем женихе, очерчивают круг и, стоя в нем, прислушиваются, и когда почудится им звон колокольчиков, или смех, или веселое пение, то заключают, что – быть замужем. Если же послышится плач или унылое пение, то значит – умереть. На перекрестке также смотрят в зеркало и видят своего суженого и ряженого¹.

Гадание под окном. В полночь гадающие девушки садятся у окон, и каждая из них приговаривает: «Суженый, ряженный! Поезжай мимо окна!» Если которая из них услышит поезд с криком и свистом, то предрекает себе веселую и счастливую жизнь; если же поезд будет тихий, то слышавшая его девушка предвидит жизнь бедную.

¹ Абевега русских суеверий. – М. Ч. М., 1776.

Гадание на бобах. Еще в начале XVII века существовало гадание на бобах, как то видно из Потребника мирского, где запрещается верить бобам, и также из народной пословицы: «*Чужую беду бобами разведу, а к своей-то беде и ума не приложу*».

Гадание это производится так: берут 41 боб и раскладывают на 9 кучек по столу в три линии таким образом:

Прежде всего делают только три кучки из 41 боба без счета, а по виду; затем из первой отсчитывают 4 боба, которые и кладут в сторону таким образом: из первой кучки откладывают 4, 3, 2 и 1 боб; последний будет для образования первой кучки второго ряда.

Потом принимают за вторую кучку из трех первоначальных и поступают с нею так же, как и с первой; остаток присоединяют ко второй линии для образования в ней второй кучки. Наконец, поступив таким образом, получим в первом ряду 3 кучки, в каждой из которых будет не более как по 4 боба.

Вторые ряд или линия должны производиться из тех кучек, где бобы были отсчитаны по 4, все эти бобы должно также разложить на произвольные три кучки.

Потом нужно образовать третий ряд, только он не отсчитывается, а просто делится весь остаток от первых двух линий на произвольные последние три кучки. При этом нужно иметь в памяти слова: *желаю, надеюсь, исполнится*.

В первом ряду средняя из трех кучек у гадальщиц названа головою, третья кучка — рукою, средняя со второй — сердцем. В третьей третья кучка — ногою в походе. Эти кучки считаются главными, а потому и выбирают при загадывании ту из них, которая подходит ближе к вопросу, так как:

- 1) *Голова* содержит ответы на вопрос об уме, способностях и о характере.
- 2) *Рука*. Имение, богатство, бедность.

3) *Сердце*. Печаль, радость, чувство, любовь.

4) *Нога в походе* – путешествие, дорога, письма, отъезд, отправка.

Лишь только будет подходить вопрос к одной из четырех кучек, то посмотрите, сколько будет в ней зерен; если чет, то неблагоприятное, а если нечет, то – благоприятный вывод. Причем нужно также осведомляться для соображения с первой кучкой той же линии или ряда, где видим ответ на вопрос, потому что если видим нечет в вопрошаемой кучке, то есть благополучие, а в первой кучке того же ряда – чет, то значит будет препятствие, но окончится к вашему благополучию.

Гадание ключом. Для такого гадания берут какой-нибудь ключ, преимущественно старый, закладывают его бородкой между листом переплетенной книги, которую при этом крепко завязывают. Понятно, что защемленный ключ должен держаться крепко между страниц книги. Тогда за кольцо или дужку ключа вешают книгу на веревку к потолку и загадывают, кто выйдет из числа предстоящих здесь девушек замуж. Если книга до сих пор висела неподвижно, то она при чьей-либо фамилии перевернется, что и служит знаком того, что та девушка, при имени которой книга оказалась движение, будет замужем в этом году.

Точно так же иногда, конечно давно, узнавали виноватого при выклипании имени подозреваемых лиц.

Гадание на священной книге. Берут какую-нибудь книгу, преимущественно духовного содержания, и, не раскрывая ее, задают себе цифру страницы и строчку сверху или снизу наобум. Потом открывают эту страницу и читают. То, что вычитается из определенной неизвестно страницы и строчки, служит ответом на задуманный вопрос. Если он будет ответ не прямой, то его растолковывают по-своему.

Гадание на зеркалах. Гадание на зеркалах производят только самые смелые девушки, которым более осязательно

и более серьезно хочется ознакомиться со своей будущностью. Гадание в зеркале, или наведение зеркал, всегда сопряжено с тишиною и молчанием, а вместе с тем с безлюдностью, для чего избирается ночь.

Средств к гаданию на зеркалах много, вот некоторые:

а) В темном покое ставят на стол зеркало, а перед ним зажженную свечу. Гадающая девушка входит в покой и смотрит через свечу в зеркало, где и видит своего суженого. Когда она скажет: «чур меня», – видение исчезает. Но этому верить и нельзя, она скорее себя увидит, чем незнакомое лицо.

б) В Сибири ставят два зеркала, одно против другого; перед одним девушка ставит 2 свечи на стол, а другое зеркало уставляет за собою, таким образом поместившись между двух зеркал, очерчивает вокруг себя зажженную лучинкою, которой был зажжен огонь в сочельник, глядит внимательно в поставленное пред собою зеркало.

Тут непременно покажется суженый, который будет глядеть через плечо девушки. Нужно вовремя зачураться, а не оглядываться¹.

в) Гадание посредством зеркала, вероятно, занесено к нам в Россию, а не русское наше, как и многие из гаданий. Вечером берут два зеркала, если можно, равной величины, и, если можно, большие и устанавливают одно против другого, освещая их при помощи двух свечей с того и другого края. Лучше всего держать зеркало против освещенного стенного зеркала и держать в руках так, чтобы из направленных зеркал в стенном образовался длинный коридор, освещенный огнями. Разумеется, лучше всего, когда зеркала безукоризненно чисты и без пузырей и других пороков. Когда зеркала будут уставлены одно против другого и освещены двумя свечами одинаковой высоты, то гадающая особа должна удалить из комнаты кошек, собак, птиц и посторонних лиц, кроме разве одной или двух

¹ Из записок и замечаний о Сибири. М., 1838.

скромных особ, интересующихся одинаково с особой гадающей или для повадности. Со стороны этих последних особ, однако же, требуется не смотреть в зеркало, не подходить к гадающему лицу и не разговаривать.

Особа, севшая гадать, должна смотреть в зеркало пристально и неподвижно, направляя свой взор в конец представившегося ей коридора, образовавшегося от двух зеркал, направленных стеклами одно против другого.

Время для этого гадания определить нельзя, можно просидеть далеко за полночь и ничего не увидеть, можно вздремнуть и во сне видеть многое; но вообще говорят, что зеркало перед началом видения тускнеет, свечи также теряют свой первоначальный свет, и вот тут-то нужно обратить усиленное внимание, чтобы вскорости увидеть что-нибудь.

Некоторые говорят, что если сосредоточить на какую-нибудь неподвижную точку все свое внимание, то проявляются у многих нервных особ признаки сна или забытья, во время которого они теряют сознание, слух утрачивается на мгновение, даже самая мысль запутывается. Опыты эти каждый испытывал на себе, глядя в бесконечную даль, углубляясь в чтение книги; из последнего понятно, что многие не могут читать книги без того, чтобы не задремать. Не этот ли самый напускной или искусственный первый сон действует и на гадающую особу?

Отсюда понятно, что усиленное напряжение нервов сосредоточивается в мозгу, действует на воображение и развивает из фантазий разные образы, часто непредвиденные.

К этому гаданию вообще способны нервные, впечатлительные особы с воображением; но больные, истерические, ипохондрики не должны браться за это дело, потому что испуг от виденного может потрясти организацию.

Приведем один случай, описанный покойным профессором русской истории Михайлом Петровичем Погодиным, почерпнутый им из записок одной ему известной

графини А. Д. Б., которая, в свою очередь, получила этот рассказ от Е. О.

В 1807 г. в обществе подруг Е. О. в доме помещика зашел разговор об опасностях и трудах близких сердцу отсутствующих, бывших в армии. Известий никаких в деревне. Между молодыми девушками зашла речь о гадании в зеркале; одни не верили, другие сомневались в способе гадания, а некоторые верили, и одна из подруг обратилась к хозяйской дочери, чтобы та погадала в зеркале.

«Посмотри-ка, где теперь мой брат и что с ним теперь?» – просила подруга.

Хозяйская дочь устала от зеркала и села при известной обстановке, прочие подруги расположились поодаль...

Долго молча сидела гадальщица, и все было бесплодно, так что некоторым это стало надоедать, как вдруг заговорила:

– Вот, вот туман сходит со стекла, вот лесок, песчаный берег, река, большая быстрая река! Господи, сколько народу! Все войска... лагерь, солдаты, пушки, кони на обоих берегах. Что это так суетятся у подошвы горы, на самом берегу? Кажется, все штабные тут... А, отчалила лодка с того берега, в ней маленького роста генерал сидит; вот плот посредине реки, другая лодка причалила, смотри!

Е. О. подошла и стала за стулом подруги; посмотрела в зеркало и увидела то же самое. Вот и другой генерал взошел на плот, он повернулся...

– Государь! – вскричала хозяйская дочь и сама вскочила, пораженная удивлением.

Это событие было 13 июня в день Тильзитского свидания двух императоров: Александра I и Наполеона I, о котором уже, конечно, никто не думал, не гадал, а тем более эти молодые девушки.

Приглашение ужинать. Накрыв стол для суженого, ставят два прибора, хлеб, соль, ложки, только не кладут

вилок и ножей. Около полуночи девушка, испытывающая свое будущее, садится за стол одна, очерчивается и говорит: *«Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать»*. Лишь только пробьет полночь, является жених в том самом наряде, в котором он должен быть при бракосочетании, и садится за стол.

На всякий случай берут с собой петуха для того, что если не поможет зачурание и гость засидится, то надобно хорошенько давнуть петуха, тогда он запоет и видение исчезнет. Говорят, если призрак что-либо вынет из кармана и положит на стол, то стоит только зачурать, и видение пропадет, а оставленный предмет останется во владении девушки.

Появление призрака или суженого имеет предварительные признаки: вой и свист ветра, серный запах, иногда смрадный.

Много рассказов и суеверных преданий существует в народе. Но суть дела – не более как вымысел. Скорее всего, в этом гадании видится свидание молодых людей под покровом ночи, где мыслимы не призрак, а скорее всего настоящая мыслящая существо, облеченное в плоть.

Гадание на полотенце. Вывешивают белое полотенце из окошка на ночь со словами: *«Суженый, ряженный, приди и утрися»*. Если вскоре затем полотенце будет вымочено, то значит в этот год быть девушке, которая вывела его, замужем; а если к утру снимет его сухим, то не выйти в том году.

Гадание у церковных дверей. Это гадание принадлежит к подслушиванию и по своему характеру должно быть преследуемо духовенством, так как суеверием не должно осквернять храма Господа.

Девушки ходят к церковным дверям и окнам и слушают во время ночи, что им будет слышно. Если услышат погребальное пение – то смерть той в наступающем году, если свадебное пение, то – быть замужем.

Гадание у бани. Нелепое, невежественное гадание было в старину в большом ходу; оно состояло в том, что, отворив немного дверь бани, девушки обнажали некоторые части, подходили к двери поочередно и говорили под прикрытием сумрака ночи довольно несвойственную для девушек, и тем более девственниц, фразу с предложением домовому прикоснуться рукой к обнаженной части тела. Если девушка чувствовала руку мохнатую – то предполагался богатый жених в этом году, а холодная голая рука – бедного, шершавая – характерного и пр.

Прочитав о таком безобразном гадании, можно и посмеяться; но, в сущности, можно задаться вопросом, кто был первым изобретатель такого гадания? Почему такие скабрзные обычаи живут и до сих пор на Руси? Неужели родители и родственники не прочь от позволения гадать таким образом своим родным дочкам, да притом у бань, которые всегда бывают на краю деревни, где-нибудь у реки, на краю жилья? Нельзя ли в этом гадании подозревать предлога к тайному разврату?

Гадание у сарая. Ходят в сарай, где стоят свиные туши, и слушают, что свинья хрюкнет или пошепчет.

Гадание на курице и петухе. Связывают хвостами вместе петуха и курицу и сажают под решето и наблюдают, которая из птиц потянет за собой другую. Если петух, то для загадывающей особы муж будет ее держать в руках строго, если же курица потащит петуха, то значит жена будет начальствовать над мужем.

Гадание на снах. К святочным гаданиям принадлежат также сновидения на Новый год или на Святках, из которых выводит предсказания каждая загадывающая особа.

Мостик. Собрав от веника прутиков, кладут их сложенными вроде мостика под подушку. Та, которая кладет такой мостик, ложась спать, приговаривает: *«Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот переведет меня через*

мост». Суженый если явится во сне и переведет через мост, значит быть замужем в этом году.

Пересол. Едят перед сном что-либо соленое или пересаливая пищу. Ложась спать, говорят: *«Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот пить мне подаст»*. Иногда просто берут наперсток воды и наперсток соли, смешивают и пьют. Понятно, что может и присниться что-нибудь подобное во сне, потому что жажда будет преследовать солено наевшегося спящего.

Гребень. Кладут под голову гребень и говорят: *«Суженый, ряженный, причеши мне голову»*.

Снег. Ложатся навзничь в снег и поутру ходят смотреть: если след остался по-прежнему гладким, то муж будущий будет смирен и спокоен, если же это место иссечено, то вздорный и драчливый.

Карта. На ночь кладут бубнового или другого короля под изголовье и загадывают на суженого-ряженого или на то лицо, которым девушка увлечена, с целью узнать будущее или расположение друга.

Крещенское гадание (Легенда)

Гадание, о котором сейчас упомянем, весьма неприличное и противно духу Христианской религии. Откуда оно возникло – неизвестно, но, скорее всего, удержалось со времен язычества, когда существовало поклонение и злым, и добрым богам¹.

В то время, когда все уйдут или уедут на водосвятие в день Богоявления Господня, девушка берет веник или лопату и начинает мести комнату; каждый раз, взмахнув направо, она произносит молитву, а взмахнув налево, при каждом разе поминает ругательство с именем нечистой силы. После того делает черту углем посередине пола и становится на-

¹ См. «Таинственные чары» гр. Калиостро (М., 1876).

право, то есть на место, отмеченное с молитвою. Это метение происходит во время погружения креста на Иордане. Не правда ли, какой греховный предрассудок?

Став на место, девушка говорит следующее: *Суженый-ряженный! Явись передо мной, как лист перед травой.*

Предание говорит, что будто некоторым черт являлся в виде будущего жениха, лицом к лицу, в 12 часов дня и останавливался на той стороне, которая была замечена с призыванием его имени.

Мы слышали одно предание и по поводу описания этого гадания опишем его, хотя за верность его ручаться нельзя.

Одна девушка пожелала видеть своего жениха, и женское любопытство не могло остановиться даже пред опасностью, с которою сопряжено призывание нечистого духа. Когда все домашние отправились на реку на водосвятие, она вышесказанным образом начала мести комнату веником направо и налево, то призывая имя черта, то творя молитву, замата вправо. После чего, став на правую сторону, она стала ждать прихода или появления суженого.

Что же?! дверь открывается, хотя она была ранее того заперта, входит молодой человек в шинели, держа в одной руке красный платок, а в другой – шапку, и остановился.

Молодая девушка, полюбовавшись на этого красавца с полминуты и вдруг почувствовав какой-то внутренний страх, вскричала: «Чур меня!» – и упала без памяти.

Когда девушка очнулась, то в комнате никого уже не было, и она оставалась все по-прежнему одна; комната, как и до посещения ее незнакомцем, была заперта, только красный платок, который был в руке незнакомца, очутился как-то в ее руках. Девушка, осмотрев все окна и уголки в комнате и убедившись в том, что действительно не было никакой возможности живому существу проникнуть в комнату, тотчас позаботилась, тайно от родных и домашних, спрятать платок до поры до времени, а также

затаила от всех в глубине души чудесное происшествие. Не прошло еще году, как к ней стал свататься и просить у ее родителей руки красивый молодой человек, точь-в-точь с теми чертами лица, какого она видела в день Богоявления. Девушка тотчас смекнула, что это ее суженый и что ей судьба определила быть его невестой.

Вот она и замужем. Прошло два года. Молодая женщина о платке и не заикнется; живут счастливо...

Однажды как-то о святках к молодой чете собралось много гостей. В беседе гости, между прочим, начали разные разговоры святочного характера, разговор этот коснулся до вещих снов, привидений, домовых и разных гаданий. Поднялся спор. Кто говорил, что ничего нет в природе и что все находится только в одном нашем воображении, другие, особенно женщины, стояли в пользу существования чертовщины и гадания, к числу последних принадлежала и молодая жена хозяина. Мужчины уступили женщинам, и тут молодая хозяйка, встав из-за стола, сказала всем присутствующим:

– Если вы, господа, так упорно стоите, что все гаданья – пустяки, что в мире нет ничего сверхъестественного, то я докажу противное.

– Хорошо, докажите, – было общее желание мужчин.

Хозяйка скрылась в свою спальню, вынула из комода или укладки заветный платок и вынесла его с торжествующим видом.

– Вот платок, – сказала она, – он заключает в себе много таинственного.

Потом подала его мужу и спросила, узнает ли он этот платок?

Муж взял этот платок в руки и, увидев на одном из углов его метку своей фамилии, побледнел и задрожал. Это был его любимый платок, и сопряженное с пропажей его событие живо осталось до сих пор в памяти, хотя он еще никому об нем не рассказывал.

— Вот, господа, я расскажу вам историю этого платка, который я считал потерянным, — начал он. — Два года тому назад, когда я был холостой и даже не рассчитывал жениться, отправился в Крещение на водосвятие; народа было много, и я, боясь тесноты, стоял на месте, более других просторном. Вынув вот этот самый красивый шелковый платок, я стал им отирать заиндевевшие усы; лишь только я отвел от лица платок, как откуда ни возьмись черная собака огромного роста, подбежав ко мне, вырвала его и пропала, так что преследовать ее было бы немислимо.

— Но как же к вам попал этот платок? — спросил кто-то из гостей хозяйку.

— Вот в том-то, господа, и дело. Впредь верьте и тому, что есть на свете много чудесного, — отвечала молодая женщина и рассказала историю получения платка из рук призрака, разумеется без утайки.

Все подивились рассказу и уже не оспаривали более.

Наконец наступила глухая полночь, гости разошлись и разъехались по домам, пожелав хозяевам провести приятно остаток ночи.

Хозяева остались одни.

В странном волнении ходил взад и вперед по комнате хозяин. Лоб его был наморщен, брови сдвинуты, глаза сверкали... Он был страшен даже для молодой супруги, которая таким видела его только первый раз от рода.

С час он ходил по комнате, наконец, вышел куда-то на минуту и, возвратясь, обратился к своей жене с такими словами:

— Вот что, милая! Я полюбил тебя, но не знал, что ты меня достала нечистой силой; мне тебя не нужно: возьми свой платок, надень его на себя и молись Богу.

Жена глядела на мужа робким взором, губы шевелились, словно хотели что вымолвить, но слова не слетали с уст.

– Довольно, будет! Кайся пред иконою Спасителя и умри.

При этом муж показал ей заряженный пистолет.

Нечего говорить о том, что все ее вопли, моления были напрасны, муж застрелил ее.

Правдив ли этот рассказ или выдумка – решить трудно, потому что нечем проверить факта. Во всяком случае, он представляет собою прекрасное нравоучение для легкомысленных молодых людей, как вредно предаваться суеверию вообще, а христианину в особенности искать ложным, явно противным религии путем – и чего же, знания будущего, то есть того, что от нас и для пользы нашей сокрыто Богом, который только один нарицается Всеведующим.

Святочные вертепы и звезды

Мы уже упоминали о бумажной звезде, с которой маленькие мальчики ходят на Рождестве славить Христа. В Сибири также ходили с *вертепом*, о котором в наше время мало кто говорит. Это был ящик с двух ярусах; в нем представляли разными деревянными фигурами сцены, относящиеся к Рождеству Христову: явление ангелов, поклонение волхвов, бегство в Египет. В верхнем ярусе вертепа представлялась смерть Ирода, а в нижнем – пляски. При этом дьячок зажигал свечи, которыми освещалась внутренность вертепа, а трапезник гасил их. У одного за плечами был кузов, у другого в руках тарелка, в которую клали деньги. С вертепом хаживали мальчики, иногда в сопровождении гудочника или скрипача¹.

Славление наших царей

Хотя в России не было западного праздника «*путешествие трех царей*», но со времен царя Алексея Михай-

¹ Записки и замечания о Сибири. М., 1837. В. 8.

ловича было введено ходить государям о Святках *славить* даже к своим подданным.

Славление это начиналось с полудня праздника следующим образом¹: процессии предшествуют двое чиновников с барабанами в руках и ударяют в них палочками, обернутыми сукном. За ними следует царь со всем клиром и с толпою князей и бояр. Они едут на санях и посещают знатнейших придворных вельмож.

По вступлении в дом к кому-либо поют: «Тебе Бога хвалим» и поздравляют с Новым годом. Потом хозяин подносит царю подарок деньгами и угощает его со свитой. После угощения они отправляются к другому вельможе.

То же говорит Броун в своем путешествии по России в 1649 году².

«Московские Государи посещают знатнейших своих подданных и чужестранцев пред праздником Богоявления. В таком случае их угощают, и это называется *славлением*. Царь ходит, сопровождаемый князьями, боярами и другими царедворцами. Эта церемония началась с 1702 г. января 3. Первого Бранса царь Петр I посетил в 9 часов утра; с ним проехало около 300 человек на санях и верхом. Столы покрыты были различными лакомствами, сперва подавали холодные, а потом горячие кушанья. Веселость была непринужденная, и напитки лились щедрою рукой. Около 3 часов Его Величество со всем своим двором отправился к Лупсу, где было такое же угощение, потом в другие, наконец, вся его свита поехала отдыхать в дома, нарочно для этого построенные».

Из современных записок видно, что наказываемы были те кнутом и батогами, которые уклонялись от славления. У Желябужского в летопись внесено, что Григорий Камынин бит плетью за то, что, быв записан в славле-

¹ Русские простонародные праздники. М., 1837. С. 56.

² Bryn Corn. Travels into Moscow, Persia and Eastin diens. London, 1737.

ные, да не ездил¹. При императрице Елизавете Петровне на Руси о Рождестве Христове давалось придворным певчим дача (жалование) под названием *славленного*.

Петр I с 1 января 1700 г. установил праздновать новолетие по европейскому обычаю, велел украшать дома зелеными ветками, освещать улицы и т. п. Но это был уже гражданский праздник.

Несколько слов о Васильевом вечере

Васильев вечер, канун Нового года, слившийся вместе со Святками или каледою в наше время, в прежнее время именовался то *богатым вечером*, то *авсенем*, то *овсенем*, то *таусеном*, то *усеном*, то иногда *говсенем* или *бауценем* в губерниях Рязанской, Симбирской, Владимирской, Нижегородской и отчасти в Пензенской, а в некоторых губерниях *каледой* и *таусенем*, так как эти два праздника ныне безразлично сливаются в одни Святки.

Под влиянием христианства если народ забывал своих главных богов, то припоминал своих второстепенных и особенно те мифы физические, которые имели предметом олицетворенные явления и силы естества или символы житейских потребностей, сюда относят Авсенья или Таусенья как божество. Если у нас год начинался с марта, то понятно, что Авсень было божество, покровительствовавшее первым весенним посевам, сравнивая с нем. словом *awsten* – посев или со словом *avena* (лат.) – овес, со слов. *owsen* – овес. Но как Петр I изменил наше древнее счисление и предписал считать начало года с 1 января, то празднование Авсенья перешло на Васильев вечер. Однако же темные предания об Авсене бессознательно сохранились в народе, что можно заключить уже из того, что деревенские славильщики, ходя по избам своих односельчан с песня-

¹ Деян. Петра I, том I. Издан. 2. М., 1837.

ми, при входе в каждый дом бросают на пол по несколько хлебных зерен; и эти зерна собираются старухами и хозяйками дома и сберегаются до весеннего посева. Может быть, овсень происходит от выражения «О весне».

МАСЛЕНИЦА

(Сырная неделя)

По сказаниям церковных историков, в эти дни безумствовали, то есть надевали на себя личины (маски), костюмы, причем переряжались мужчины в женские костюмы, а женщины в мужской наряд, иногда мужчины наряжались в довольно странные костюмы (пугалами), чтобы казаться страшнее, и такая костюмировка (народный маскарад) служила на Масленице поводом к самому веселому разгулу, неистовству и разврату, в котором, к стыду того времени, принимали участие женщины. Таково начало карнавала, существующего и поныне ото дня *трех* королей до Пепельной среды. Древние языческие обряды сатурналий облекались в новые формы; из Италии они перешли в другие страны христианские, где были образцами для подражания и где смешивались с ними отечественные обычаи.

В церковных книгах Масленица называется *сырною неделю*, подобно всей предшествующей седмице, на которой в среду и пяток едят сыр и яйца, в отвращение предания Яковитскою и Гетрадитской ереси.

В России Масленица начинается после вселенской субботы, в которую бывает память усопших родственников, между тем как в сырную неделю Церковь наша воспоминает изгнание Адама из рая, приготавливая христиан к Великому посту. Тогда народ предается масленичным удовольствиям, катаньям с гор на снях, попойкам и пиршествам, а встарь предавались даже кулачным потехам.

Во всю Масленицу пекут блины, пряженцы, оладьи¹. В народном быту Масленица слывет честною, а по разгульности и раздолью широкою, так как русский человек в эти дни предается широкому разгулу.

От этого-то происходят поговорки: «Не житье, а масленица» или *душа моя, масленица, перепиленные косточки, бумажное житье, сахарные твои уста, сладкая твоя речь, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех матерей дочка, киночка, ясочка, ты же моя перепелочка*.

Иностранный писатель, как очевидец этого праздника за 200 лет назад, так изображает наше русское празднование Масленицы.

«Масленица потому так названа, что русским в течение этой недели позволяется вкушать коровье масло; ибо они во время поста вместо коровьего употребляют конопляное в кушанье. Масленица начинается за 8 дней до Великого поста. В то самое время, когда бы всякий с сердечным раскаянием должен был приготовляться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблудшие люди предают свою душу дьяволу. Во всю Масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство (вероятно, кулачные бои), так что ужасно слышать о том всякому христианину. В то время пекут пирожки, калачи и тому подобное в масле и на яйцах; зазывают к себе гостей и упиваются медом, вином и водкою до упаду и бесчувственности. Во все время ничего более не слышно, как: того-то убили, того-то бросили в воду. В бытность мою у русских на этой неделе убитых нашлось более ста человек. Нынешний патриарх (описание Масленицы принадлежало к 1698 г.) давно уже хотел уничтожить этот бесовский праздник, но не успел; однако ж он сократил время его на 8 дней, тогда как пре-

¹ Оладьи, по замечанию пр. Снегирева, не соответствуют ли прилетанию первых птиц – жаворонков (*alaudae*) или оладьи не происходят ли от слова Лада? См. Рус. прост. празд. М., 1837. С. 118.

жде оный продолжался до 14 дней. Масленица напоминает мне итальянский карнавал, который в то же время и таким же образом отправляется. Славный папа Иннокентий XI хотел было его уничтожить, но, подобно патриарху русскому, успел только сократить его на 8 дней».

Таким образом изобразил иностранный писатель наш народный праздник с одной только стороны, не упомянув о любимых русских забавах: о катанье с гор на салазках, лубках, санях и на бересте, на лыжах и проч.

Масленичное пиршество можно разделить на три части: 1) Встреча Масленицы, это *понедельник*. 2) Разгул, или широкая Масленица, то есть *четверг*, и 3) Прощанье – *воскресенье*.

В старину, как праздник народный, Масленица начиналась с понедельника, а как праздник гражданский – с четверга. Ныне начало гражданской, свободной от дел Масленицы начинается с утра субботы.

Главную роль в русской Масленице играют *блины*, которые добрыми хозяйками пекутся всю неделю; на блины зовут гостей и повсюду угощают блинами. Как все народы пекли пресные лепешки на углях прежде, чем достигли знания приготавливать заквасное тесто, то по смыслу былины должны быть, по словам проф. Снегирева, древнее хлеба.

По общепринятому обычаю, блинами поминали и поминают усопших. В Тамбовской и других губерниях первый блин, испеченный на сырной неделе, кладут на слуховое окошко, посвящая его для душ родительских.

Блины у русского народа служат каким-то символом поминовения усопших исстари. В книгах Св. Писания мы встречаем, что царь Давид раздавал по случаю празднества при перенесении Кивота Завета по млину сковрадному¹.

В Германии также пекутся обварные оладьи, крендели и тому подобные хлебные печенья.

¹ Вероятно, млин означал блин, который был печен на сковороде или сковороде. II кн. Царств. VI. 19.

Катанье

Катанье на санях везде и повсюду после мясного заговенья начинается в понедельник, хотя площадные удовольствия открываются после 12 часов пополудни в Москве, в Петербурге и в других многолюдных городах России. Но преимущественно предаются таким экипажным прогулкам с четверга сырной недели.

Ныне прогулки производятся очень чинно и без шума, где позволяет местность и где сосредоточена народная веселость; но прежде эта конная и экипажная езда была сопряжена с песнями и музыкой. В Петербурге в прежнее время масленичное гулянье было устраиваемо на Исаакиевской площади. Тут были устраиваемы и балаганы, и ледяные горы, и карусели, а по окраинам или вне пределов этой местности, назначенной для удовольствия публики, так называемой *горной*, была установлена езда в экипажах, прогулка аристократии и вообще богатого народа. В Москве до конца XVIII века катание о Масленице производилось на Москве-реке и на Неглинной от Воскресенских до Троицких ворот, где ныне разбит Александровский сад.

Конторини в «1473 году видел на Москве-реке конные ристания и всякие увеселения»¹.

При Петре Великом масленичные потехи помещались близ Красных ворот, где Петр I сам в понедельник на Масленице открывал масленичное торжество, покачавшись со своими офицерами² на качелях.

Торжественный маскарад в 1722 году

По заключению Петром Великим Нейштатского мира в 1722 году император дал в Москве знаменитый, еще не-

¹ Библиотека иностр. писателей о России. 1886 г. Отд. I.

² См. Старина Русская. Спб., 1825.

виданный до того времени маскарад и санное катание на 4-й день сырной недели.

В этот день началось движение большого поезда из села Всесвятского, где еще с вечера собрано было множество морских судов разной величины и вида, около сотни саней, запряженных разными зверями. По сделанному ракетною сигналу сухопутный флот, напоминающий собою флот Олега, на полозья и санях потянулся длинною вереницею от Всесвятского к Тверским Триумфальным воротам¹.

Шествие открывал арлекин, ехавший на больших санях, в которые были впряжены пять лошадей гусем, украшенных бубенчиками и побрякушками. На других санях ехал князь-папа Зотов, облеченный в длинную мантию из красного бархата, подбитую горностаем, а в ногах его восседал Вакх на бочке; за ним свита, замыкаемая шутом, который сидел в санках, запряженных четырьмя свиньями.

Потом началось шествие самого флота, коим предводительствовал Нептун, сидевший на колеснице с трезубцем в руках, везомый двумя сиренами. В процессии находился и князь-цезарь Ромодановский в царской мантии и княжеской короне: он занимал место в большой лодке, везенной двумя живыми медведями. Наконец, появилась громада, 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущенного в воду в марте 1721 г. в С.-Петербурге: он имел три мачты и полное корабельное вооружение даже до последнего блока. На этом корабле, везенном шестнадцатью лошадьми, сидел сам государь Петр I в одежде флотского капитана с морскими генералами и офицерами и маневрировал на нем, как на море, во время шествия. За этим кораблем следовала раззолоченная гондола императрицы, которая была в костюме остфризской крестьянки, а свита ее состояла из придворных дам и кавалеров, одетых по-арабски². За гон-

¹ Северная Пчела. 1833. № 123.

² Там же. № 125.

долою появились настоящие члены маскарада под именем *неугомонной обители*: они сидели в широких длинных санных, сделанных наподобие драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, драконами, представляя в лицах Эзоповы басни и т. п.

Такое пестрое и чудное маскарадное шествие чрез Тверские ворота потянулось в Кремль при пушечных выстрелах, куда и достигло к вечеру. На следующий день, и на третий день, и 2 февраля сбор назначен был у ворот, построенных тогда купечеством. Этот маскарад окончился великолепным фейерверком и пиршеством. В продолжение четырех дней московского карнавала участвовавшие в нем особы переменили по несколько раз свои костюмы.

Некоторые исторические карнавалы

По свидетельству Штелина, императрица Анна Иоанновна собирала у себя на Масленице гвардейских унтер-офицеров с их женами, где они тешились плясками, тут же бывали и другие народные забавы.

При императрице Елизавете Петровне открылось катанье в любимом ее селе Покровском, прежнем Рубцове: там сама государыня со своими придворными каталась на лыжах и на санях.

Екатерина II после коронации своей в Москве о Масленице дала народу блистательный маскарад в аллегорической процессии на городских улицах, который сочинен был актером Волковым, под названием Торжествующей Минервы.

Вероятно, в подражание римскому карнавалу, <во время> Масленицы рядились в маски и в разные странные и смешные костюмы, которые составляли подвижной уличный маскарад, и катались по улицам. В некоторых местностях России и посейчас сохранился обычай о Масленице рядиться и разъезжать по улицам.

Свадьба шута¹

На площади между Адмиралтейством и Зимним дворцом в С.-Петербурге в 1739 г. был построен Ледяной дом, в котором даже дрова были изо льда. В назначенный день к крыльцу между Ледяным домом и дворцом подъехала золотая десятистекольная карета, запряженная восемью неаполитанскими лошадьми, украшенными золотой сбруей и страусовыми перьями на головах. В ней сидела Государыня Императрица Анна Иоанновна с придворной дамой. Когда поезд тронулся, 12 пеших гайдуков сопровождали лошадей по шести со стороны. Кучера, сидевшие на козлах, одеты были в ливрейные шубы, украшенные золотыми галунами, в башмаках и шелковых чулках. Блестящие пажи во французских кафтанах и блондах окружали карету государыни. Два араба в золотых шубах и в белых чалмах. 12 сержантов в гренадерских мундирах и в шляпах с плюмажем охраняли карету верхами. Позади этой кареты следовали несколько других с великими княжнами. В одной из них сидела дочь Петра Великого Елизавета Петровна, будущая Императрица. Тут Анна Леопольдова. Далее – карета Герцога Курляндского (ужасного Бирона), окруженная его собственными гусарами, скороходами, егерями и пажами. Рядом с ним его жена, с головы до ног залитая в бриллианты, что оценивали в два миллиона. Там Миних... и пр., а затем уже в хвосте придворного кортежа ехали не придворные, а все те, которые почему-либо могли участвовать в поезде. В голове шествия рота гвардейцев: треугольные шляпы солдат украшены еловыми и дубовыми ветвями, у офицеров – лаврами. Так ходили они, возвратившись из славного турецкого похода.

Вот выступает громадный слон в теплых котах. Возжак с молотком сидит на хребте. На спине была помеще-

¹ Заимст. из романа Лажечникова «Ледяной дом».

на железная клетка, в которой сидели шут Кульковский с супругой, барской барыней Подачкиной, оба, сидя один против другого, блистали через железную решетку клетки золотом и бархатом. Они ехали из церкви на обед, сопровождаемые оригинальною свитою.

За экипажем новобрачных ехали на оленях остяки; за ними новгородцы на паре козлов, малороссы на волах, чухонцы на ослах, татарин с своей татаркою на откормленных свиньях, финны на своих шведских лошадях, камчадалы на собаках, белорусы под войлоком колтуна, зыряне, ярославцы и проч. Всех до 150 самых разнообразных костюмов свидетельствовали о разнообразии племен.

Картина была чудная и привлекала весь Петербург; она оживлялась звоном бубенчиков, колокольчиков и криками животных самого разнообразного характера.

По воле государыни поезд сделал два оборота по луговой линии и потянулся к манежу Бирона, где был приготовлен обед для новобрачных и гостей на 303 куверта.Guestы встретили музыкой и посадили всех за стол, причем каждому представителю нации было подано его национальное кушанье.

Государыня с блестящей свитою придворных расположилась на возвышении. Лишь только все расположились обедать, как Третьяковский Василий Кириллович прочел во всеуслышание следующие стихи:

Торжествуйте вси Российсти народы.

У нас идут златы годы.

Восприимем с радости полные стаканы,

Восплещем громко и руками,

Заскачем весело ногами

Мы, верные гражданы.

Имеем мы днесь радость учрежденну,

Повсюду славно вознесенну:

Анна над Россиею воскрылилась всею!

То-то есть прямая царица,
То-то добра Императрица!
Признаем всей душою.

После обеда начались пляски: каждая пара свою национальную. Пир кончен, и новобрачные в том же порядке отправлены в Ледяной дом, где их и заперли до утра. Поезд распущен, и часовые стали караулить дверь ледяного дома, дабы влюбленная чета не могла освободиться ранее.

Лубочные комедии и игрища

Народные комедии, или «Камеди», появились в России, а именно в Москве с XVIII века. Иностранные фигляры стали угощать русский народ разными фокус-покусами и разными немецкими масленичными играми. Таким образом, время от времени образовались масленичные игрища. Здесь наряжались козой с рогами, к которым привешивались бубенчики, и это называлось *«Козу в мешке играть»*, *Ману в глаза пущать* или морочить.

Еще лет семь назад такое игрище, или гулянье, существовало в Москве под Новинском, где урочище Куковинка, напоминавшее немецких фокусников, которые, по словам проф. Снегирева, издавна показывая свои райки и штуки, приглашали смотреть словом *«Куске»*, и где о Святой неделе кокались красными яйцами.

Борьба и кулачный бой

Борьба и кулачный бой составляли издавна любимую народную потеху, преимущественно на сырной недели, чему, между прочим, может быть, способствовали морозы и случай погреться: эти гимнастические упражнения назывались *играми* или *игрищами*. Часто в старину кулачными боями любовались Цари и Князья наши.

Олицетворение Масленицы

В Переяславле Залесском, в Юрьеве-Польском, Владимире и в Вятке Масленицу возят по улицам; это шуточное изображение Масленицы следующее: берут огромные сани, в которые впрягаются 12 лошадей, и в этих санях возят наряженного мужика, который сидит на колесе, держа в одной руке полуштоф с вином и калачи. Его сопровождают сидящие с ним музыканты, а затем поезд Масленицы сопровождают с песнями поезжане из обывателей.

В Симбирской губернии Ардатовского, Алатырского, Курмышского и Карсунского уездов, частью в Пензенской губернии о Масленице оснащают 8 или 10 дровней (подсанки), в середине дровней утверждается довольно толстое дерево, притом высокое, в виде мачты; наверх его вдевается колесо, на которое садится какой-нибудь деревенский весельчак, и представляет различные штуки, свойственные деревенскому мужику. Этот обряд называется *проводами Масленицы*. Обыкновенно эту сплоченную массу возят по всем закоулкам, причем вместо лошадей запрягают несколько человек, разряженных уродливо и без вкуса, которые также иногда изображают лошадей. В это время пред ними прыгают и поют деревенские весельчаки.

В Архангельске, подобно как и в Париже, мясники возят по городу о сырной неделе быка на огромных санях, которые запряжены несколькими десятками лошадей и связанных с другими санями¹.

В Нерехте масленичные увеселения начинаются с среды. В этот день из окрестностей приезжают туда девки в праздничных платьях и набеленные, особенно новобрачные, и катаются отдельно от мужчин до самого вечера. В четверг и в пятницу здешние жители не катаются. В субботу сюда съезжается великое множество народа из окрест-

¹ Записки русского путешественника. А. А. Глаголева. 4 ч. Спб., 1837.

ностей. Здесь, продав напряженную в ту неделю пряжу, покупают лакомства и гуляют по рынку до вечера.

В округе масленичные потехи начинаются в экономических селениях со вторника, а в помещичьих — с четверга и катаются ежедневно от одной деревни до другой, причем новобрачные ездят в гости к сродникам, которые одаривают их мылом.

Сожигание Масленицы

В больших вотчинах в сыропустное воскресенье собирается съезд из нескольких сот лошадей под названием «обоз», который известен в Ярославле под именем *околок*, (может быть, сокращение слова «околоток»). При этом некоторые ездят верхами, наряженные в соломенных колпаках и кафтанах. К вечеру того дня молодые люди обоего пола в своем селении на улицах поют песни; после того каждый, взяв со своего двора по снопу соломы, вместе сожигают ее в селении, а чаще за селением. Этот обряд, встречающийся и в других местах России, называется сожигание *соломенного мужика*, или *Масленицы*. С вероятностью можно заключить, что это обыкновение, существующее с незапамятных времен, есть остаток от языческих треб и обрядов. Такой обряд существует у немецких славян, которые 1 марта выносят из селения соломенное чучело в образе смерти и сожигают его в память усопших или бросают в воду, как римляне в мае бросали в р. Тибр тростниковые болваны.

В Саксонии, Лаузице, Богемии, Силезии и в Польше в этот день хаживали с факелами на кладбища¹, догадка эта, по словам М. Я. Диева, утверждается тем, что в воскресенье сырной недели, которое по большей части приходится около 1 марта, доньше ходят нерехотские жители на кладбища прощаться, и в некоторых других местах России.

¹ Карамзин. И. Г. Р. Ч. I.

В Силезии и Польше в воспоминание истребления идолов 965 года, марта 7-го, в воскресенье сырной недели бросают в реки и пруды чучела из соломы.

Ныне это применилось к смерти, к земле, к Масленице.

В Восточной Пруссии крестьянские ребята делают небольшую деревянную лошадь, которую наряжают разноцветными лентами, и носят ее по домам с песнями и с плясками, играя на скрипке. В каждом доме дают им по два, по три гарнца овца, который они после меняют на водку, и пьют.

На другой день женщины ходят собирать лен или рожь, которые назначаются для такого же употребления.

В Сибири о Масленице сплавивалось несколько саней огромного размера и устраивался на них корабль с парусами и снастями. Тут садились и люди, и медведь, и госпожа Масленица, и разные паяцы. Все это слыло Масленицею; в сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицам. За этим поездом следовали толпы ребят с песнями и разными прибаутками. Там блины заменяются *хворостами* (род пирожного). В Пензенской и Симбирской губерниях в субботу на Масленице крестьянские ребята строят на реке из снега род города с башнями и двумя воротами, между которыми сделана прорубь. Игра начинается так: ребята разделяются на две партии – на конницу и пехоту. Конница осаждает город, а пехота защищает его.

Устроясь в боевой порядок, конные по данному знаку пускаются во всю прыть на взятие городка, а пешие, вооруженные помелами и метлами, стараются маханием испугать лошадей, чтобы не допустить к городку. Но некоторые из конных, невзирая на сопротивление, прорываются сквозь пехоту и на всем скаку въезжают в ледяные ворота, что и значит: *взять городок*. Победителя купают в проруби; после чего угощают вином всех ратоборцев, отличившихся в пехоте и коннице. Потом, сломав крепость, возвращаются в деревню с песнями. Этой игрой оканчива-

ется Масленица. Происхождение этого обычая приписывают какому-нибудь местному историческому событию¹.

В городе Ярославле есть особое обыкновение на сырной неделе петь Коледу, которую обыкновенно распевают на Святках. С четверга этой недели фабричные с бубнами, балалайками, рожками и другими народными музыкальными инструментами ходят по домам и, пришедши во двор, поздравляют хозяина с праздником и просят позволения коледу пропеть; получив позволение, поют:

Уж как шли ребята коледовщики.
Виноград, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабричники,
Виноград зеленая моя!

Этот припев поется после каждого стиха.

Мы искали двора господина своего;
Господинов двор на семи верстах,
На семи верстах, на восьми столбах.
Посреди двора, посреди широка,
Стоит три терема.
Три терема златоверхие;
В первом терему – красно солнышко,
Во втором терему – часты звездочки;
Сам хозяин в дому, господин в терему,
Хозяюшка в дому, госпожа в высоком,
Молодые девушки в дому, что орешки во меду,
Виноград, красно-зеленая моя.

После этого хозяин подносит им вина и обделяет деньгами; коледовщики в знак благодарности поют:

Благодарствуй, хозяин на хлебе, на соли и на жалованье!
Виноград, виноград, красно-зеленая моя!

¹ Из записок девицы Кашкадамовой.

Напоил, накормил, со двора спустил.
Виноград, красно-зеленая моя!

В Сольвычегодске на Масленице сваренное в складчину пиво вместе распивается, и этот обычай варить пиво в складчину называется *братчиною*.

В Костромской губернии тоже варят пиво целою деревней и принимают общее участие как в варении его, так и в употреблении.

У пермяков на Масленицу каждый хозяин варит брагу, пиво, а зажиточные покупают и вино. Потом, начиная с сырного понедельника, ежедневно пекут блины, оладьи сырные (творожные), а некоторые и рыбные пироги, яичницы, солянки и варят уху.

Мужчины и бабы ходят из дома в дом, ездят из деревни в деревню к родным и знакомым на угощенье.

Девки и парни по вечерам собираются в один дом и пляшут целые ночи; а днем, начиная со среды, вместе с малолетними с раннего утра до позднего вечера катаются с ледяных гор¹.

Прощеное воскресенье

Сцены русской Масленицы заключаются провожанием ее и прощанием. «На Масленице, – пишет очевидец Маржерет в начале XVII столетия, – русские посещают друг друга, целуются, прощаются, мирятся, если оскорбили друг друга в чем-либо в продолжение года словом или делом, встретясь даже на улице, и хотя бы никогда прежде не видались, приветствуют друг друга взаимным поцелуем. “Прости меня, пожалуй”, – говорит один. “Бог тебе простит!” – отвечает другой. При этом нужно заметить, что не только мужчины, но и женщины считают поцелуй знаком приветствия, когда готовятся в путь или

¹ Пермский сборник. 1860. Кн. II.

встретятся после долговременной разлуки. По окончании Масленицы все идут в баню».

Обыкновение это существует и поныне, с лишком два века спустя после Маржерета, и соблюдается между родными и знакомыми. У некоторых старинных людей существует обычай посещать в прощенное воскресенье, или воскресенье на Масленице, могилы родственников и прощаться с ними. А в Нерехте также – к священникам и своим духовникам, в этот день новобрачные к родственникам возят пряники, а молодые новобрачным большие косяки мыла. И в прежнее время запрещалось вечером этого последнего дня разводить огни и зажигать свечи.

Мысль прощаться перед началом Великого поста как дней общего покаяния, как дней очищения грехов и раскаяния – похвальная. Очистив свою совесть, примирясь с братом, и тело свое, мы готовы тогда с раскаянием в сердце приступить к Богу и с молитвою на устах просить отпущения во грехах наших, чего без примирения с людьми невозможно получить от Бога, так как Бог есть вечная святая любовь.

Пермяцкие женщины и девицы в *соборное* или *сборное воскресенье* служат по церквам молебны.

Заключение о Масленице

В этом последнем зимнем празднике, оканчивающем зиму, видим смесь стихии языческой и христианской, обычаев старого с новым, иностранных с русским. Так, например, олицетворение Масленицы в виде мужика, соломенного чучела или деревянного истукана, скоморошеские игры, коледа, сожжение чучел, бросание их в воду принадлежит к обрядам языческим. Между тем как прощание с людьми накануне Великого поста, хождение прощаться на кладбище с покойниками принадлежит новым обычаям миролюбивого христианства. Впрочем, сожже-

ние чучел и бросание их в воду также приписывают началу христианства как воспоминание вечного торжества христианства над язычеством.

В некоторых приволжских губерниях хлебные яства, оставшиеся с Масленицы на чистый понедельник, считаются *погаными*. Точно так же это мнение существует и поныне между староверами и простым народом, живущим под влиянием старинных обычаев. Самый бедный брезгает куском хлеба, оставшимся от Масленицы, и бросает его или отдает домашним животным, а также меняет посуду, лудит или тщательно промывает и даже освящает покой посредством священника. В юго-восточной России, в Приволжском крае обыкновенно все остатки масленичной снеди отдают бедным кочевым калмыкам.

В некоторых местностях России на первой неделе у мужчин есть обычай *полоскать рот*, то есть опохмеляться, а в субботу первой недели Великого поста печь блины, конечно постные, что называется у них *«тужилкой о Масленице»*. Этот обычай существует и по сие время не только в отдаленных провинциях, но даже в обеих столицах России между купцов и мещан, а особенно хорошо этот обычай оживляется в Ростовской ярмарке.

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ

Вербная неделя, или неделя Ваий, у нас оживляется чисто праздником начала весны; верба или ветла, не давшая еще листьев, цветет и тем как бы заявляет, что наша северная природа скоро наградит нас и все живущее на земле новыми благами. Самый праздник Воскрешение Лазаря служит символом возобновления, оживления могущественной природы. На вербной неделе в столицах учреждены детские базары, где торгуют преимущественно детскими игрушками, вербами, цветами и сладстями,

как бы в ознаменование того, что маленькие дети встретили весну своей жизни и должны радоваться в этой жизни, а смотря на игрушку, изучать на ней суть своего будущего, так как каждая игрушка есть наглядная грамота, наглядное учение, развивающая дальнейшее понимание в ребенке, сближающее его с жизнью и развивающее его мыслительность через наглядность, сравнение действия и образов. В Лазареву субботу все допускают употребление в пищу икры, постных блинов и разного кухонного печения¹.

В Вербное Воскресенье, возвратясь из церкви с освященными прутьями вербы, деревенские бабы хлещут ими своих ребят, приговаривая: *«Верба хлест, бей до слез!»* В Нерехте крестьянки пекут барашки в Вербное Воскресенье, и когда придут из церкви, то этими барашками кормят скотину, а вербу втыкают в сельнике у св. икон и берегут ее круглый год до Георгиева дня. Это обыкновение сохраняется во многих губерниях. Известно, что у нас первый весенний выгон скота начинается с Георгиева дня. Крестьяне в этот день берут годовалую вербу, мочат в святой воде, окропляют ею скот на дворе и потом этою вербою хлещут скотину, приговаривая: «Господь, благоволити и здоровьем награди!» А иногда просто: «Благослови тебя, Господи, и будь здорова»... и с вербою в руках доводят до места пастбища.

Освященная верба у нас в России то же, что пальмовая ветвь Палестины, уважается высоко и обыкновенно сохраняется у русского благочестивого народа за образами в течение целого года. В некоторых губерниях вербу, освященную в Вербное Воскресенье, употребляют как симпатическое средство и кладут в пойло больным коровам или телятам.

¹ Здесь икра не есть ли символ будущего оживления природы, которая теперь в зародыше, но плодами которого пользоваться суждено всему живущему на земле?

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Не говоря про святость дня и великость события в христианском мире, воспоминание о котором свято и торжественно соблюдается у нас в России, некоторые обычаи существуют и поныне, начало которых потеряно. Так, например, в Буге, уездном городе Костромской губернии, по словам проф. Снегирева, и до сих пор девушки в Великий четверток кликают весну и, ежели открылась вода, входят в реку и одна за другую, схватясь за руки, припевают: «Весна, весна красна, приди, весна, с милостью, великою благодатью».

У пермяков¹ Великий четверток считается великим днем обновления на предстоящий год всего крестьянского хозяйства. Накануне этого дня, повечеру, приносят в избу в решете зерновой хлеб и, положив на него челпан печеного хлеба и в солонке соль, ставят решето в передний угол – под иконы на лавку. Помолившись Богу, домохозяева все это оставляют в углу до первого дня Пасхи, иногда даже до прихода священно- и церковнослужителей с образом Богоматери. Все эти предметы: зерновой хлеб, челпан и соль – имеют свой многозначительный тайный смысл. Зерновой хлеб употребляется как символическое средство, коим предотвращается недостаток в хлебе; для этого хозяин высыпает его в закром. Печеный хлеб дают скоту, выпуская его весной в первый раз на пастбище, в отвращение пропажи скота. Соль дают скоту в болезнях как действительное лекарство; для этого же и для избежания разных несчастий мужики берут ее с собой, отправляясь в дальнюю дорогу на заработки. Эта соль у них называется «*четверезною*» (четверговою).

Поутру в Великий четверток все в доме встают за-долго до восхода солнца, как говорится, «до петухов». Хо-

¹ Пермский сборник. 1860. Кн. II.

зайка в дымное окно «кличет скота» во двор свойственной каждой породе кличкой¹ до тех пор, пока какое-нибудь животное случайно не подаст своего голоса, пока, например, корова не смычит, лошадь не соржет и пр., что принимается за верный признак, что в наступающем году не падет ни одно животное той породы; потом идет она на двор и, обогнав кругом столба коров в предотвращение спанья их на пастве, кормит и поит, далее – вешает на передний угол дома голик и худой лапоть для защиты цыплят от коршуна и других хищных птиц в продолжение лета; наконец, окончив эти дела на дворе и в избе, топит печь и печет хлеб, чтобы не выводился он из закромов (сусеков) в течение года. Хозяин в то же время считает деньги, осматривает, передвигает, переставляет с места на место все хозяйственные орудия; делает на реке новую прорубь, чистит скребницей рабочих лошадей, кормит и поит их; если он охотник, то стреляет из ружья три раза в воздух. Исполнив все это, хозяин успокаивается уверенностью, что у него в течение года и деньги будут водиться, и орудия сохранятся от поломки и потери, и лошади будут крепки, не падут, и охота будет удачна. Между тем малолетние парни и девки, а если их нет, то сами хозяева, ходят в лес за вересом (можжевельником), за татарником, который подмечается для того с осени, и за пихтой. Вереск жгут в печи и привязывают к столбу близ печи; кроме того, вместе с татарником подтыкают под матицу надызбные и сенные двери; из пихты делают помело. Вереск и татарник имеют силу защищать дом от влияния колдунов; новое пихтовое помело обновляет печь и защищает ее от разрушения. Девки-невесты в то же время подстригают себе волосы и с небольшим пучком соломы либо худого неотрепанного льна ходят в отхожую избу или баню, где побыв немно-

¹ Клички эти очень замечательны: корове – тпрука, тцрука. Теленку – тпрутя, тцрутя. Лошади – тпро-тпро! Жеребенку – чибу-чибу. Овце – баль, баль! Ягненку – мась, мась. Козе – дедения! Свинье – рюх, рюх! Поросятку – вих, вих!

го, выходят на улицу, жгут соломой или лен и скачут через пламя; первое девки делают в убеждении, что оттого у них будут длиннее волосы, а второе – чтобы приобрести любовь будущих мужей своих. Прочие взрослые семьяне посвящают поутру несколько минут сподручным работам: мужчины плетут лапти, веревки, заготовки, тешут топоры и проч., женщины прядут, шьют – а все это с тою целью, чтобы быть в течение года и заслужить у таинственных сил природы возможность и охоту заниматься этими работами. Наконец, старшие семьяне, несмотря на раннее утро, ходят из дома в дом бражничать, чтобы, как говорят они, иметь брагу в течение года и жить в довольстве и весело. В Ярославской, Московской губ. в Великий четверг замешивают соль на квасной гуще и бросают в печь после затопки. Эту соль потом употребляют в пищу и также дают скоту в поиле для здоровья.

ПАСХА

(Святая неделя)

Святая Пасха празднуется самым торжественным образом во всех христианских странах. В обеих столицах России на все дни недели, начиная с понедельника, для простого народа устраиваются качели, карусели, балаганы, где представляют комедианты, и также другие зрелища. Прочее население столиц делает поздравительные визиты родным и знакомым и катается в экипажах. Каждый город или село оглашается колокольным звоном до вечере, где позволено упражняться всем желающим.

Яйцо от первого христосования считается «наисвященнейшим», и его сохраняют целый год до нового христосования. Простой народ убежден, что с этим яйцом в первый день праздника во время заутрени можно узнать колдуна, который покажется спиной к алтарю.

Солнце играет

Крестьяне верят, что в Светлое Воскресенье *солнце играет* на небе. Такое же точно убеждение существует у простого народа Ирландии, и многие стараются подкараулить тот момент, когда оно играет.

В деревнях во время Пасхи занимаются всевозможными играми, преимущественно мужчины бьются красными яйцами, катают их с каточков; девушки и молодые парни качаются на качелях, водят хороводы и пр. Финны, подобно русским, тоже устраивают качели и водят хороводы, в которых в старину принимали участие даже старухи.

В Финляндии о Святой, подобно нашим куличу и пасхе, пекут пресные лепешки, называемые мемми (mammi).

Сатана в аду

Во всей России простой народ убежден, что до самого Вознесения Христова сатана в аду лежит ничмя, не шелохнется, а Христос ходит по земле.

Великоденные песни

В Малороссии и Белоруссии¹ о Святой неделе поют так называемые *великоденные песни*, сопровождаемые музыкою, ходя по домам ночью ватагою, которая называется *волочесник*; тот, кто управляет их хором и руководит, называется *починальником*. Обыкновенно первая песня обращается к хозяину и хозяйке; в ней прославляется благоразумное домостроительство, то есть домашнее благоустройство, зажиточность, порядок в доме и благочестие, причем упоминают, что *св. Юрий* (Георгий) запасает им коров, *св. Николас* – коней, *св. Илья* зажинает жниво, *Пречистая Мать*

¹ История Малороссии Д. Н. Бантыш-Каменского. Ч. 2. М., 1830.

(Успение) – засекает, а *Покров* – собирает и т. д., и после всякой строфы припевают «*Христос Воскресе*».

Смысл вышеозначенного содержания песни имеет глубокое значение в отношении сельского хозяйства. Здесь подразумевается в хорошо веденном хозяйстве своевременное решение хозяйственных задач, которые наш русский народ совершает, согласуясь с праздниками,веряя свои полевые работы и вообще хозяйство покровительству святых, хотя на самом деле здесь дело хозяйства сопряжено со временем года.

Кости теленка

В Белоруссии, как и в Болгарии, зарывают в землю кости теленка, освященного на Пасху, в том убеждении, что они предохраняют засеянный хлеб от града.

Как встречают Пасху в Перми

Там Пасха отличается от прочих воскресных дней только тем, что в первый день поутру часов в 8 или 9 утра разговляются *пельменями*. Со второго дня начинают работать. В церковь ходят немногие¹.

Красная Горка

Слово «Красная Горка» известно по всей России и знаменует в общем своем значении весну с ее красным солнышком, с ее Пасхой красною, с весною красною, то есть красивою, веселою, оживленною благоприятным воздухом, водами, получившими свободу и сбросившими ледяные оковы. Можно также производить значение *Красной Горки* от мест сельских гуляний во время Св. Пасхи, когда обыкновенно разливаются реки от снегов и заливают низ-

¹ Пермский сборник. М., 1860. Кн. II. С. 28.

менности, причем остаются только одни возвышенные места, гористые или горки, где о Пасхе обыкновенно устраивают гулянья. В Смоленской губ. Красная Горка называется *Толпищем* и напоминает славянское *Стадо*. В одних краях *Красною Горкою* называется гулянье на Св. неделе, в других – Юрьев день; но везде *Красною Горкою* называется весеннее время, удобное для свадеб; от Фомина понедельника до Георгиева или Юрьева дня как время половодья, время свободы, время, в которое земледельческий труд не начинался, а только к нему приступают. Обыкновенно в это время молодежь вся в сборе, никто не уходил на заработки, на сторону из числа тех, кто занимается промыслами или работами фабричными, плотницкими или речными; между тем каждый крестьянин-семьянин желает иметь работницу в доме – и если имеет неженатого сына, то старается в это свободное время окружить молодца.

Закливание весны

Закливание весны начинается на Красной Горке как в первый весенний праздник, с которого по большей части начинают играть в *горелки*. А когда станут распускаться листья, то начинают *водить хороводы*.

РАДОНИЦА

Во многих славянских и германских землях до сих пор сохранились следы праздников в честь мертвых: в Саксонии, Лаузице, Богемии, Силезии и Польше во время язычества народ хаживал на кладбища 1 марта, в час рассвета и там приносил жертвы усопшим. На кладбищах, которые в Псковской и Тверской губерниях называются *буйами* и *буи-вицами*, доньше в Святки делают гадания.

Празднование *Семика* приходилось в тот же день, когда по прежнему обычаю погребали умерших и поминали убогих на скудельницах или убогих домах.

«В Троицкую субботу», как видно из Стоглава, «сходились мужи и жены на жальники¹, то есть на кладбища, и плакали на могилах с великим кричанием, и когда станут играть скоморохи гудочники, то они перестанут плакать и начнут скакать, плясать и в ладони бить на тех жальниках».

С исключением последнего, подобный обряд соблюдается и доныне в Смоленской губернии. Олай Великий и другие описывают старинные обряды перед наступлением Великого Поста в Мертвое воскресение – *изгнание зимы* или *смерти*, кои встречаются у славянских и германских народов, а в Польше известны под именем *Моржаны*.

В это же время франки совершали подобное же торжество в память усопших, соединенное с мимическими представлениями и песнопениями.

Радоницу справляют в России во вторник Фоминой недели, как у белорусов, так и у великорусов. В Рязанской губернии она называется *наской* и *навий день*, что сходно с литовским словом «*navie*» – мертвец, так как в этот день собираются на кладбище помянуть умерших.

Местом заупокойного пира у литовцев было или самое кладбище, или дом близ него.

В России в Радоницу приносят на кладбище лепешек, пирогов, крашенных яиц, вина и поминают покойников. Простые женщины *причитают* и плачут. Потом, оставив на могиле в половину очищенных два-три красных яйца и пирога кусок или другого чего-нибудь на долю покойника, уходят. Класть яйца на могилу было в обычае римлян, у которых было глубокое уважение к памяти усопших.

Сербская *Zadusnice* (Задушница) вполне соответствует нашей Радонице.

В Малороссии Радоница (гробки) сопровождается причитанием на могилках, потом пиршеством и катанием яиц;

¹ От глагола «жалеть», жаль.

в заключение на могилку льют водку или вино из рюмок. Там Радоница называется «*гробками*», и это могильное торжество происходит с утра понедельника до вечера среды. Катанье яиц там происходит до самого Юрьева дня.

В Галицких местностях и Тверской губернии в Фоминову неделю, называемую Радоницами, гуляет народ после полуночи и до света, распевая под окнами: «Юница, молодца, подай яйцо в перепечу!»

Тогда подают парням вино, пиво, ладышки, а девкам пряники и красные яйца. Этот Юнец, или Вьюнец, упоминается в 25 вопросе Стоглава: «...и на Радонице Вьюнец, и всяко в них бесование».

Присутствовавшие в Радоницы на могилах скоморохи при поминовении происходят от скоморохов или скомахов, народа хищнического и бродяжнического, жившего на нижнем Дунае в V и VI веке, по мнению Шаффарика. Вероятно, скоморохи были более ничего, как бездомовые бродяги, вроде наших цыган, бродили из села в село, из деревни в деревню, где поплясать, где попеть, где украсть, от чего и получили такое незавидное название.

Радоница, Радуница в посаде Парфенове, в волостях Ширской, Петрусовской, Салтановской называется *Усоншая Радованица*.

Поутру, подобно русским, пермячки хозяйки красят яйца в Радоницу, называемую у них Радольницей. Тут же пекут пироги с рыбой, блины, солянки, оладьи, разные мяса и проч. От обедов по-праздничному часть всего приготовленного они приносят в церковь, где служат панихиды и обедни по умершим родителям и близким родственникам, потом возвращаются домой. В этот день в церковь ходят далеко не из всех домов, и только особенно набожные и зажиточные. Принесенные в церковь яства поступают: лучшие – церковнослужителям, а прочие – нищим. Кроме поминок, у пермяков Радольница ничем не отличается от обыкновенного рабочего дня¹.

¹ Пермский вестник. Кн. II. 1860. С. 29. Отд. II.

В Чухломском и Кологривском уездах, Костромской губернии, Радованицами называется Фомино Воскресенье. В этот день окликают молодых новобрачных следующей песней:

О Лелю молодая, о Лелю,
Ты выюная, о Лелю,
Ты по горнице пройди, о Лелю,
Покажи свое лицо, о Лелю,
Да в окошечко, о Лелю,
Своево-то выюнца, о Лелю,
Да пожалуй-ка яичко, о Лелю,
Еще красненькое, о Лелю,
Что на красном блюде, о Лелю,
И при добрых людях, о Лелю.

Или молодому.

Ты вставай-ка, молодец,
Ты вставай, наш выюнец!
Ты расчесывай кудри
Костяным гребешком,
Уж ты выгляни в окошко
Косящее!
Тебе песню споем,
Тебе честь создаем,
Награди-ко нас подарком
Сладким пряничком,
Белым сахарным.

СЕМИК

(Русальная неделя, русалки)

Языческие народы древности, благоговей к воде как необходимому из предметов существования и один из

лучших и удобнейших путей, как зимой, так и летом, наконец, как стихия, питающая почву и растительность, создали верование, что реки, начиная от Индийского Гангеса, или Ганга, и египетского Нила до славянского Дуная, Немана и других священных в язычестве языческих рек, озер и студенцов, населены разными существами; что водою заведует особое божество, да и самые реки у некоторых народов обоготворялись.

Таким образом, у греков были nereиды и гамадриады, у римлян наяды и кверктетуланы, то речные нимфы, или богини, известные у славян под названием «русалок». У литовцев и жмуди Dugny, Gudelki, Upine и Wundyny.

Часто от рек русалки получали свое название. Так от реки Свитези именуются *свитезянками*, от Немана – *немнянками*, в Литве от Вилии – Wilije, в Германии от Дуная – Danauweibchen и прочее.

В простонародном русском языке, как и в немецком, сохранилось общее по созвучию название *русалка*, *Ruchelchen*, то есть красавица и род духа.

В Европе даже в XVIII веке верили в существование нимф¹. В Черниговской губернии русалки называются *криницами* от уважаемого в Новгороде-Северском родника *Заручейной Криницы* или *Сухомлинской*, иначе *Родника Ярославова*. Поверье говорит, что будто на срубе его в зеленую неделю на самом рассвете прекрасные русоволосые девицы являются и расчесывают себе волосы².

С русскими русалками отчасти сходны у сербов *вилы*, которые живут в горах и в прибрежных скалах; их народное поверье тоже изображает молодыми и красавицам в белом одеянии, с длинными волосами на голове, спускающимися по спине и груди.

По мнению проф. Снегирева, поверья о русалках возникли из одного общего источника. Если и произошли не-

¹ См. Простонародные праздники и обряды. Вып. IV. 1837. С. 2.

² Отечественные записки. 1826, за апрель.

которые оттенки в их характеристике, то, бесспорно, в этом случае повлиял дух народности, климат, почва, условия жизни, образованность и пр.

Лев Калойской упоминает о жертвоприношении святославовых дружин Дунаю, летописец – о требах рекам и колодезям. В славянском переводе рукописи XI века св. Григория Богослова, хранящейся в Им. Санктпетербургской Публичной библиотеке¹, где приписано след<ующее> недостающее в греческом подлиннике: «Реки богиню нарицает и зверь живущ в ней яко бога нарицаая, требу (жертву, поклонение, дары) творит». Того же века русский митрополит Иоанн в послании своем свидетельствует, что его современники «жрут (приносят жертву) бесом, болотам и колодезям». В Потребнике московском, изд<анном> в 1639 г., верование в русалок называется *волхованием* и *чарованием*.

Все это доказывает, что предания о русалках уже давно существовали, и давность эту должно приписать глубокой древности, да и самое начало этого мифа, подобно прочим, приписывают с момента падения сатаны, при котором одни из его единомышленников и противников Творца попали в воду, другие – на поля или в леса и в прочие места и, овладев занятыми местностями, стали творить козни над человечеством. В языческом мире русалка имела значение речной богини, владельницы сокроищ и чаровницы; при переходе же Руси из язычества к христианству она представляется тоскующей и злобствующей на человека.

Воронежская губерния как смежная с Малороссиею имеет много сходного в демонологии. Поэтический элемент Украины заметно проявляется в ней в олицетворении мифов, в поверьях и суеверных рассказах.

Из числа поверий о происхождении нечистой силы разного рода, и между прочим русалок, любопытно следу-

¹ См. Библиограф. листы П. Кеппена. 1825. № 16.

ющее, получившее начало уже во дни христианства¹. Вот как про это говорится: «Бог при столпотворении Вавилонском наказал народ, дерзнувший проникнуть тайну величия Его, смешением языков; главных из них, лишив образа и подобия своего, определил на вечные времена сторожить воды, горы, леса и прочее. Кто в момент наказания находился в доме – сделался домовым, в горах – горным, в лесу – лешим и пр.». Поверье прибавляет, что, несмотря на силу греха, раскаяние может обратить их в первобытное состояние. Поэтому народ в домовых, в леших видит существа, некогда подобные людям. Тогда как выше сего приведенная статья приписывает происхождение сказанных мифов от сатаны.

Самое слово «русалка» имеет свое происхождение от русла реки, где они, по народному поверью, имеют свое пребывание. Это подтверждается словом *Dugnās*, что на жмуйдском языке значит – русло. Хотя, однако же есть противники этого убеждения, и уверяют, <что> наименование «русалка» происходит от русских волос, которые у них длинные, густы и будто бы, ниспадая с головы, прикрывают все тело своими роскошными волнами, а по другим поверьям, у них волосы при тех качествах – зеленые. Пр. Снегирев приводит между тем иные доказательства происхождения слова «русалка». Он говорит, на основании Нарбутта², что многие священные реки у литовцев и славянорусов назывались руссами и россами (*Ross, Russ*). Так, например, рукав Немана доньше называется Русою, в земле галиндов река, впадающая в Нарву, называется *Росс*. Также соименная с ней, впадающая с правого берега в Днепр, в Киевской губернии. Река *Русо* в Старорусском и другие. Если, как мы заметили, речные нимфы в Германии, Польше и Литве получили свое название от рек, то из сего должно заключить, что и русалки полу-

¹ См. Очер. поверья и пр. в Вор. губ., сост. магистр Ф. Никонов.

² *Dzieje Starożytne narodu Litewskiego*, p. I Narbutta. Wilno, 1835.

чали название от рек, им соименных, и что русалки как русские нимфы более известны на юге и западе России, чем на севере и востоке ее.

Так-то мы видим, что днепровская русалка и киевская ведьма в Малороссии вошли в поговорку. Именем русалок запечатлены даже некоторые местности, возьмем в пример: Русиловка над р. Сулою в Полтавской губернии, повыше Ромена. Русиловка в Уманском поветке над Угорским Тикичем; Русловы пустоши в Вышневолоцком и Новоторжском уездах. Над р. Днепром есть роща русалок, или гай русалок, и много других местностей свидетельствуют о том, что некогда существовало много мест, приписываемых местопребыванию этих бесплотных существ, обитательниц рек и вод.

Русалки, по народному поверью, существа, живущие на земле и в воде. Но в течение дней, считая от Семика до Петрова дня, то есть в лучшую часть года, когда все цветет, они будто бы странствуют на берегах своих рек вблизи лежащих лесов и рощах и приютом себе избирают старые деревья, преимущественно дубы, где качаются на ветвях или разматывают пряжу, похищенную у тех поселянок, которые ложатся спать без молитвы.

Русская южная демонология, придавая русалкам отчасти враждебные против человечества свойства, говорит, между прочим, о их происхождении согласно с греческою, и вообще сравнительно с греческими телониями они сходны.

В создании мифа о русалках русский народ высказал более поэзии, чем в создании других мифов. О происхождении русалок народное поверье говорит, что все младенцы женского пола, родившиеся мертвыми или умершими без крещения, а также взрослые утопленницы, наконец, купающиеся без креста – делаются русалками. Русалки обладают вечной юностью и красотою; по внешности своей они сходны с нашими красивыми девушками. Суеверные

крестьяне и поселяне утверждают, что огни, видимые на курганах, особенно древних, ночью по северным берегам Черного моря, разводятся днепровскими русалками для того, чтобы приветливым блеском заманить странников к себе на крутизну и сбросить их в днепровские пучины¹. Согласно поверью, русалки живут в кристальных дворцах, построенных на дне рек; старшая над ними называется царицей и назначается водяным начальником русалок из их же среды. В Воронежской губернии народ верит, что без позволения царицы русалки не могут не только погубить, но даже испугать человека.

В клещальную субботу, накануне Троицына дня², русалки, по мнению малороссов, начинают бегать по ржи и хлопать в ладоши, приговаривая: *«Бух! бух! соломенный дух! мене мати породила, некрещену положила!»* С зеленой недели они витают в лесах, где аукают и зовут к себе прохожих с хохотом: *«Ходите к нам на рели (качели) качаться»*.

Они заводят красивых парней и девок в лес и там защекочивают их до смерти.

В Воронежской, да, впрочем, в Малороссии и в других губерниях, обильных водами, есть поверье, что русалки до того обаятельно поют, что слушатель готов внимать их пению несколько лет, не сходя с места.

В народе русалок считают чародейками и гадательницами, что видно из одной старинной песни, которую пела обитательница реки, загадывая ее молодой девушке, попавшейся ей в руки:

Ты послухай мене, красна панночка!
Загадаю тебе три загадки:
Коли ты вгадаешь – я до батько пушу;
А як не вгадаешь – я до сибє возьму.
Ой що росте до без кореня?

¹ Одесский альманах на 1831 г. Одесса, 1831.

² В день поминовения усопших накануне Троицы, называемой Троицкая Суббота.

Ой що бежит до без повода?
Ой що росте без всякого цвету?
Камень росте без кореня;
Вода бежит без повода;
Папорот росте без всякого цвету!
Девчинка загадки не вгадала,
Русалочка ее залоскатала.

Понятно, что в такое опасное время, каким представляется начало весны, богатое разливами, заводями, омутами, бочагами, не то что девушкам, но и мужчинам требуется большая осторожность как при плавании, так и при ходьбе по берегам рек, еще не окрепшим и представляющим разного рода препятствия и опасности. В песне русалки, предлагающей девушке загадку, высказывается то, что в эту пору каждый, рискующий путешествовать по рекам или по обматеревшим берегам рек, должен иметь большое соображение и рассудок, чтобы предупредить все предстоящие неприятности вроде загадки русалки и, так сказать, заранее разгадать их.

В Русальную неделю (8-ю по Пасхе), а также в ночь под Ивана Купала (24 июня) русалки (малки) делаются опасными для человека¹. В это время они стараются очаровать его и, защекодав, унести в свое водяное жилище. Во многих местах Воронежской губернии народ не купается в продолжение Русальной недели, боясь сделаться жертвою русалок.

Если взять во внимание только то, что русские поселяне купаются не в купальнях, а в реках, что они не разбирают того, когда лучше купаться: с тощим или полным желудком, напившись ли холодного квасу, и часто купаются в поту, — то весьма понятно, что многие утопали просто вследствие удара или страшных судорог, так как вода в это время года еще довольно холодна, и спасибо скажешь

¹ В некоторых селениях Воронежской губернии в это время для смягчения злобы русалок развешивают им по лесам холсты на рубашки.

старикам-предкам, что они поселили в реках таких опасных красавиц, как русалки, потому что во многих местах Малороссии и Воронежской губернии народ боится во все дни Русальной недели купаться в реках под опасением быть жертвою русалок. Опасение так велико, что в Малороссии никто не осмеливается даже хлопать в ладоши на берегу реки или на реке.

В Четверг на зеленой, или Троицкой, неделе девушки и даже женщины, боясь прогневать русалок, чтобы они не испортили скотины, не работают, называя *этот четверг велик день для русалок*. Взрослые девушки в этот день плетут венки и бросают их в лесу русалкам, чтобы они добыли им суженых и ряженных, после чего тотчас убегают. По их мнению, в этих венках русалки рыскают по ржи.

В Белоруссии верят, что русалки бегают нагие, причем беспрестанно кривляются так, что видевший хоть одну из них сам будет всю жизнь кривляться.

Народное поверье допускает любовь между русалками и людьми, о чем существует много поэтических рассказов; замечательна одна, повторяющаяся почти в каждом из них, следующая мысль: русалка, защекодав мужчину, уносит его в свое жилище, где он оживает и делается ее мужем; окруженный невообразимую роскошью, он начинает там новую жизнь, непонятную для людей, живущих на земле. Пользуясь всевозможным довольством, этот человек ограничен только желанием – хоть на мгновение оставить водяное царство.

Когда же у русских наяд бывают свадьбы на воробьиные ночи, тогда на воде раздается смех и плеск.

Прежде украинцы, а потом слышим и от многих русских такие отзывы, что русалки – дочери родителей, которые похоронили их без крещения, или родив мертвыми, или не успели рожденных окрестить, и те умерли. В таком случае злые духи, имея полную свободу над ду-

шой некрещеного младенца, похищали их, давая им свободу только в Духов день и в Троицын. Таких младенцев, по словам проф. Снегирева, хоронили в Киевской губ. в Махновском повете, под фигурую (крестом) на раздорожии (перекрестке)¹.

Крещение русалок. По народному поверью, души некрещеных младенцев через семь лет уносятся на воздух и просят себе крещения три раза. Если кто услышит этот зов и подаст им крещение, говоря: «Я тебя крещая Иван и Марья, во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа», тогда сии души возьмутся ангелами, а в противном случае дьяволами. По сказаниям суеверных поселян, в глубокую полночь малки, или русалки, о Троицыне дне бегают по берегам рек и озер, поют, хохочут, хлопают в ладоши и мяукают по-кошачьи, отчего в Малороссии и получили название «малок».

Симпатия

Накануне Клечальной субботы мужчины запасаются зорею и полынью как предохранительными средствами от обаяния русалок². В Малороссии в Троицын день приносят в церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадила (chomaeritys), которая связывается веревкою, а в середине ставится тройная свеча, называемая Троицею и горящая в продолжение обедни; травы сии хранятся дома для лечения от разных болезней, а Троицкая свеча дается в руки умирающему, при последнем издыхании. В Малороссии Духов и Троицын дни точно праздники духов, по замечанию проф. Снегирева³. Впрочем, там также завивают и развивают венки на Троицкую неделю, на которой поют

¹ См. Русские престонародные праздники и суевер. обряды. М., 1837. Ч. VI.

² «История Малой России» Бантыш-Каменского. Ч. 2. М., 1830.

³ Рус. прост. праздн. М., 1837. С. 134.

песни в разных местах России, более или менее характерного и мифического содержания.

Свистопляска

Из местных праздников в России один известен в народе под именем *Свистопляски*; это в Вятской губернии; это совершалось ежегодно в субботу, по счету четвертую после Пасхи, и на том месте, где совершилось в 1480 г. следующее происшествие: вятчане под предводительством Михаила Рожухина, сражаясь ночью с союзниками своими, устюжанами, по неведению побили их девять тысяч¹.

После панихиды в часовне в день Свистопляски продаются разные закуски и свистки из глины, нарочно заранее изготовленные, наконец, куклы из глины. Этими глупыми игрушками партии бросаются друг в друга, становясь по обе стороны рва, причем свистят, не умолкая.

Могила Аники-воина

Верстах в 7-ми от Вологды по старому Архангельскому тракту существует могила Аники-воина, на которую каждый прохожий, по обычаю, кидает ветку или прут, отчего накаплиется в течение времени большой ворох, который в один летний день и сжигается. На этом сходбище едят блины и гуляют.

Маргостье

В Калужской губ. Лихвинского уезда пред Троицыным днем бывал обычай следующий, довольно смешной:

¹ Проф. Снегирев на с. 182 кн. «Русские простонародные праздники» ссылается на записки Преосвященного Кирилла, бывшего епископа Вятского.

кума к куме ездила в гости на метле, изображая, конечно, этим ведьму, так как мара значит ведьма, русалка.

Крещение кукушек

Суеверный обычай крестить кукушек существует в Орловской, Тульской и в других местах. Он состоит в том, что в роще избранные кум и кума, надев крестик на живую кукушку или на травку того же имени, кладут их на разостланный ковер, садятся вокруг него, меняются крестами своими, целуются и с прочими подругами, едят яичницу и поют песни. Некоторые предполагают, что суеверный обычай крещения кукушек есть не что иное, как крещение русалок. Но более точное понятие об этом обряде и начало его – потеряны.

Поминовение самоубийц

В Тульской губернии во вторник на Русальной неделе крестьяне поминают утопленников и удушенных; родственники последних за упокой душ разбивают на их могилах красные яйца, призывая при этом обряде русалок, которым оставляют в жертву часть блинов, принесенных для поминовения¹.

Русальный праздник

Праздновать русалии, русальные дни или неделю (неделя Св. Отец) возбранено учителями церковными по языческому их происхождению, но как начало весны и до сих пор существует не в одной России, но в многих странах Европы. Канун Троицына дня назывался «Пасхою усопших».

¹ «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга» Н. Броневского. 2 ч. М., 1828.

В Сибири существует поверье, что русалки декуются, то есть играют с парнями и девками.

Погребение Костромы

В Муроме в первое воскресенье после Троицына дня существует гульбище, где истари велось обыкновение хоронить *Кострому*. Во Владимире хоронили *Ладу*, а в Твери хоронили *Ярила* близ Трехсвятского сада, 24 июня.

Изгнание, прощание, провождение русалок

В Черниговской губернии провождение русалок происходило на гревницкой или светлой неделе, в Рязанской губернии, в Спаске следующее за Троицыным днем воскресенье слывет *русальным заговеньем*, а понедельник — *провожаеньем русалок*. В этот день вечером хороводы девиц и женщин с веселыми песнями сходятся с разных сторон города в назначенном месте и стоят около часа на углах улиц; в каждом хороводе находится чучело в виде женщины, которая собою изображает русалку. В это время составляют хороводные кружки; в среде каждого из них бойкая женщина с чучелом в руках пляшет под веселую хороводную песню, делая при этом разные кривляния. Потом хороводы разделяются на оборонительную и наступательную стороны. Причем держащие в руках чучела русалок защищаются несколькими женщинами от нападения других, которые стараются вырвать у них чучела, при этом обе стороны кидают друг в друга песком, землю, обливают друг друга водою. Выйдя за город, они говорят, что *проводили русалок*, причем разрывают чучела, разбрасывают их по полю, и провожающие их девицы с унынием возвращаются. С этого времени прекращают игры под названием *Горелки, Уточка и Борис*.

ИВАН КУПАЛО И АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА

День Рождества Св. Иоанна Предтечи, соверш. 24 июня, составляет один из особенно торжественных праздников не только в славянском мире, но почти во всей Европе. Он приходится около летнего солнцестояния. Праздник этот в народе известен под названием *Ивана Купалы*.

Прежде всего скажем, что во время славянского язычества Купало был бог плодов земных, и по одним считался третьим¹ и Перун, а по другим² – пятым богом. Праздновали его 24 и 29 июня, в день жатвы, и приносили жертвы из некоторых трав, костер из которых зажигали и плясали вокруг него все без различия пола и возраста, причем припевали песни.

Чествовать предметы своего благоговения праздниками сродно человеку, для которого верование заключает в себе протекшее и будущее, божество и мир духовный, природу и его самого. В его праздниках выражаются его обеты, надежды и воспоминания собственного прошедшего, которое для него становится кумиром.

С истреблением внешнего идолослужения при введении веры христианской в России понятия тогда преобладавшего язычества, внедряясь в дух и быт народа, проявлялись в древних праздниках его и поверьях, даже христианские торжества Церкви получили названия языческих, как например: Русальная неделя, Купало, Радоница (радуница, радовальница) и проч.

Из явлений природы, столь важных и ошутительных для человека, как повороты солнца, разделяющие год на две равные части, были сильным поводом к тому, чтобы учредить Коледу и Купалу как праздники, столь важные в

¹ См. Абевега русск. суеверий. 1786.

² См. Краткое обозрение мифологии русс. слов. Строева. М., 1815.

отношении к нуждам человека. Эти празднества, как мы и видели, отчасти существовали не у одних только славян, но и у многих народов Европы и Азии, только под разными наименованиями.

Замечательно, что богу Купалу приносили жертву купаньем, о чем довольно пространно описано в Киевском летописце, что было и в Риме в праздник Мая (*Maïuma*), когда тоже обливали друг друга водою. В Дании в летнее равноденствие и везде на севере зажигались огни, некогда посвящаемые Балдеру, которые назывались в России *купальским огнем*; там в этот день купаются для здоровья и собираемые травы **Sank-Hans Urt** – **считаются целительными** от порчи и других болезней.

Наш *Иванов день*, или день Ивана Купалы, в существе своем сходен с немецким *Iohannistag* или *der-Tittelsommer*, когда зажигается Иванов огонь. У пруссов было божество весны и веселья – Лаго, близкое к нашему *Ладо*, в честь его зажигался под липою огонь на Иванов день, и там плясали во всю ночь с песнями, которые оканчивались припевом: «Лиго! Лиго!»

Еще и посейчас, сказать к слову, в Риге существует песня, которую нужно отнести к этому празднику.

Лиг Ульяна, баба пьяна,
В Риге жила,
Вино пила,
Лиго! и пр.

Праздник росы

Накануне дня Св. Иоанна Предтечи (или Ивана Купала) в Литве отправлялся праздник *росы* (*Rossa*), по-старорусски *кекерис*, в честь Ладо. Начиная от праздника пастухов до праздника росы продолжались между работами сельские песни, игры, забавы, что в обычае у тамошних поселян и

по сие время. Но в самом деле начинался накануне 24 июня. Эта ночь называлась *роса*, которую праздновали почти все северные народы, так как почитание богини Ладо было у всех общее. Праздник росы на Руси был известен под именем *Купала*, в Литве – *Купайлы*, а в Польше – *Соботки* от глагола *собить*, *собана* – приспособить, как бы день, приготавливающий к полевым работам; так как в более теплых странах праздник этот почти сходится с сенокосом. Поздно вечером собираются литовцы на известном месте, избранном и освященном исконными обычаями, там на оболоньи (поляне) становятся палатки и шалаши; песни, музыка, танцы и разведенные огни продолжаются во всю эту ночь. Донедавна на Вильне 24 июня вечером народ сходится в лесу пить, есть и веселиться, что называется у них – *идти на росу*.

В Ивановскую ночь, по мнению народному, цветет для счастливых *папорот*, *папоротник* (рапгое), который известен во всей Белостокской области на Волыни. Здесь сходбище на одном месте называется *стадом*, а пляска – *каркодоном*. В литовском язычестве этот праздник имел свои религиозные обряды, не дошедшие до нас, кроме перескакивания через огонь и ношения факелов и фонарей. Следующий день назывался «святым», тогда собирались травы для врачевания скота, также для чарования и волшебства, что делалось и на Руси. Мифологи замечают, что праздник у славян, называемый *Купалою*, соединяет быт с молением рекам и источникам. Вероятно, и литовцы, которые святили свои воды текучие и стоячие, в этот день приносили им жертвы, бросая их в воду. Даже, может быть, самый *праздник росы* потому назван, что древние верили, что реки – дети моря, родящиеся от испарений морских, что и есть *роса*.

Ивановская ночь

Как в Литве, России и Малороссии, так и в Польше празднуется *Ивановская ночь* почти с одинаковыми обряда-

ми, а у валахов и итальянцев под именем *Sabatina* (польск. *Sobotki*). Зажигаемые на горах сего имени огни в этот день могли им сообщить сие название. Как у нас накануне Иванова дня женщины разжигали огни, также плясали вокруг них, пели, воздавая поклонение дьяволу (говорит Мартин, писатель XVI века), так и доньше в Польше не оставляют сего обычая, принося жертвы из чернобыльника (*bielicy, artemisia*), который вешают по домам и опоясываются им, отправляют Сobotки, зажигая огни, которые добываются трением дерева об дерево.

Сobotки

В день св. Ивана у поляков сельские жители имеют обыкновение опоясываться чернобыльником и целую ночь прыгать у огня, говорит *Голембовский*. Краковские Сobotки праздновались на Кремионках и зверинце, варшавские на берегу Вислы и на острове, ныне называемом *Саксонским*. В целом краю зажигали Сobotки на площадях и близ лесов; везде можно было видеть по домам цветы и травы, как говорит об этом Огиер в своем путешествии в 1835 г., найденном в III томе памятников Немцевича. Ивановский огонь назывался у поляков *Kresz*.

Ян Кохановский в изданных им в 1639 г. песнях свято-сobotских говорит: «Когда солнце согревает рака, а соловей более не поет, суботка, как было встарь, запалена в черном лесе. Так нам передавали матери, сами также заняв от других, чтобы на день св. Иоанна завсегда горела суботка. Эта суботка или горела при лесе, или на лугу».

Сербы говорят, что *Иван дан* столь великий праздник, что в оный солнце трикраты – останавливается на небе¹.

Купальные огни, сжигаемые в Иванову ночь на Карпатах, Судетах и Корконосных, между Силезиею и чехами,

¹ Слупскн piernuk *Бука Стефановича*. Вена, 1818 г. *Bernolák Lexicon Slavicum* VI t. Budaе., 1827.

представляют великолепное и торжественное зрелище на пространстве нескольких сот верст.

Говорят даже, что для разведения огня в этот день добывали его трением дерева об дерево, и огонь этот назывался божественным.

В Украине на Подоле и в Волини известна игра под названием *Купало*, она состоит в том, что по захождении солнца все девушки собираются на известное место с вербою, убранною цветами, которую втыкают в землю. Дерево это они называют *Купайло*. Воткнув его, они, схватясь рука с рукою, ходят около него и поют жалобные песни в честь *Купайла*. Спустя некоторое время молодые люди, стоящие в стороне, бросаются, уносят и разрывают вербу, защищаемую девицами, и тем оканчивается весь обряд.

Гизель так говорит в своем Синописе, печ. в Киеве в 1679 г. о Купале: «Купало объясняется купелью, по-польски *Kapiel*». *Гизель* так описывает это игрище: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных бытии мняху и ему прелестью бесовского омрачения, благодарения и жертвы в начале жнов приношаху. Того же Купала бога, или истиннее беса, и доселе по неким странам российским еще память держится; наипаче же в навечерия рождества св. Иоанна Крестителя собравшиеся в вечеру юноши, мужеска, девическа и женска полу соплетают себе венцы от зелия некоего и возлагают на главу и опоясуются ими. Еще же на том бесовском игралищи кладут и огонь, и окрест его емшеся за руце, нечестиво ходят и скачут и песни поют, скверного Купала часто повторяюще и чрез огонь прескачуще, самих себе тому же бесу Купале в жертву приносят».

Подобным же образом сказано о Купале в Четьи-Минеи св. Дмитрия Ростовского.

В Махновском повете сходно с чернорусцами и белорусцами девушки вечером закапывают в землю дерево, украшенное венками, под именем Купалы и зажигают

огни с пением. Близ города Белицы на Днепре, в Гомле, после того поют:

У пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербе горели свечи,
С той вербы капля упала,
Озеро стало;
В озере сам бог купался
С детками, судетками.

В Малороссии накануне сего праздника молодые люди обоего пола купаются в реках до захождения солнца, потом в сумерки раскладывают огонь на выгонах, на полянах, в садах и попарно, держась рука об руку, перепрыгивают чрез огонь. Если во время перепрыгивания руки не разойдутся, это означает, что пара эта, то есть парень и девушка, совокупятся браком; подобно тому, как в Карпатах и Судетах молодежь, препоясавшись цветными перевязями и надев на головы венки из цветов благовонных, составляют вокруг огня хороводы с песнями в честь Купалы¹.

Иван Купало между простым народом в Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях называется *Ярилою*.

Почитание стихии

Из всего описанного мы можем извлечь понятие, которое оказывали наши пращуры к огню и к воде как к стихиям, без которых не могли жить и которых олицетворяли если не для них самих, то для духов, в них обитающих. Что касается до перепрыгивания через огонь во время Купалы, то скорее всего здесь видна идея очищения, какую мы находим у греков и римлян в разном виде; а также, по

¹ См. Опыт краткого повествования о древностях российских. Собр. протоиереем Иоанном Кутеповым. М., 1814.

словам Плано-Карпина, очищение водою и огнем употреблялось у татар при Батые. Не имелась ли здесь в виду задняя мысль с гигиеническою или санитарною целью под прикрытием религиозного обряда?

Отсюда видно, что не только в одной России существовало уважение к 24 июня и сопровождалось обрядностями, нет! Патриарх Вальсамон в XII веке так описывает греческие обряды, совершенно сходные с русскими купальскими и святочными: «Язычники в 23 день Июня, ввечеру собирались на берегах рек; и в некоторых домах мужи и жены украшали перворожденную деву наподобие невесты. Притом пировали и плясали, кружились, совершая препразднество в честь богини Весты. Между тем бросали разные вещи в сосуд, наполненный водою. Наряженная девица по вынутии каждой вещи предсказывала будущее тому, кто клал оную. На другой день с музыкою и пляской все выходили за водой и кропили оною все дома, а потом во всю ночь прыгали чрез зажженные костры. Церковные учителя, постепенно отклоняя новых христиан от языческих обычаев, почли за нужное при водоосвящении сочинить для сна песни в честь Пресвятой Девы Марии»¹.

Что значит Купало

Словопроисхождение слова «Купало» имеет, по сказанию некоторых, различное значение: некоторые, как мы сказали, производят от глагола *купать*, от слова *купанье*, так как с этого только времени начинается весеннее купание в открытых водах, или от купы (*copula*, *Kuppelei*?), какую представляет Купало с Купальницей, от кучи (кира, *польск.* куча) зажигаемого хвороста, от копания корней и плодов; наконец, в славянском Купале заметно сходство

¹ Новая Скрижаль, или Пополнительное учение о Церкви, о литургии и пр. Соч. Архиепископа Вениамина. М., 1803 и 1806 гг.

с индийским Купалом-покаянником. Во всяком случае, по недостатку сведений можно допустить, что Купало происходит от слова «купанье», что имеет отношение к слову Креститель.

Не у всех славянских народов известен Купало, например, у литовцев в Иванов день празднуют Ладо и поют в честь его ладовые песни, даже в некоторых местах России торжествуют Яриле. Старопрусссы и литовцы, по словам Реза, в честь Лиго, бога весны, накануне Иванова дня зажигали под липами огонь и всю ночь до рассвета плясали песни с припевом: Лиго, Лиго!

Начало обычаев, основанных на самой природе и коренных идеях человечества, открывается в глубокой древности, где вода и огонь почитались за начало мира, главнейшими стихиями и символами очистительными. От этого верования, как надо думать, получили свое начало купальские огни и омовения, все поверья, обряды и обычаи, которые наблюдаются в это празднество стихий.

Возжигание огней и переходение или перескакивание чрез них известно было еще в глубокой древности у восточных народов, из которых многие были огнепоклонниками и, по выражению книги Премудрости¹, огонь и круг звездный почитали строителями мира. Еще Манасия, как говорится в кн. Паралипоменон², сооривший кумиры Ваалиму и насадивший дубравы, *«проведе чада сквозь огонь по мерзостям языков»*. У индийцев встречается обычай ночного освещения огнями в честь древнего их царя Бали и Ямы и сестры его Ямуны, в месяце Картике, и жертвоприношения огня – Ядиня или Ягна. В июне (*в день огня*) персы имели водное и огненное очищение; они, как свидетельствуют Четьи-Минеи, «почитают солнце, луну и звезды и пресветлейшую огненную силу». При таинствах элевзинских в Греции на праздниках Це-

¹ Гл. VIII, ст. 2.

² См. XXXIII, 6, кн. II.

перы, Палесы или Весты в Риме перескакивали через зажженные огни для очищения. Овидий в *fastis V*, 727 и 805 говорит, что через огонь переходит скот и «поселяне (*per flammās saluisse pecus, saluisse colonos*) и что он сам перескакивал три огня и был окроплен лавровою ветвью, омоченною в воде».

Варрон упоминает о некотором торжестве и игрище у поселян, которые, натаскав ворохи сена и соломы, зажигают их и перескакивают чрез пламя для очищения себя. Преосв. Вениамин так изображает купальский праздник в древности: «Язычники в 23 день Июня, ввечеру собирались на берегах рек и в некоторых домах мужи и жены украшали перворожденную деву» и проч., как было о том сказано выше.

Русская история упоминает, что у татар тоже было в обычае переходить со стадами своими через огонь для очищения. Князь Михаил Черниговский с боярином Феодором приняли мученическую смерть за то, что не перешли сквозь огонь и не поклонились кусту и солнцу¹.

По объяснению Дюканжа, этот огонь, облеченный священной обрядностью, на самом деле имел часто практическую санитарную цель охранить себя от заразы или болезни.

«У Поляков, — свидетельствует один их писатель Мартин в XVI веке, — накануне Иванова дня женщины зажигали огни, плясали вокруг них, пели, воздавая честь и мольбы демону»², далее Мартин продолжает: «...этого языческого обычая доныне, то есть до XVI века, не оставляют в Польше, принося жертвы из травы чернобыльника (*Artemisia*), зажигая костры огнем, добываемым через трение дерева об дерево; чтобы празднество было точно дьявольским, распевают песни и пляшут».

¹ Карамзин. И. Г. Р. Т. IV, прим. 41, 43.

² Демону ли? Может быть, языческим божествам, которых фанатики более для страха простолюдинов, чем в сущности именовали демонами, как то видим во многих случаях.

Праздник в черном лесе¹

Этот праздник совершался в Сендомирском воеводстве. На него смотрели как на особого рода торжество и пели:

Gdy słońce raka zagrzewa,
A słowik wiecey nie spiewa,
Sobótke, iako czas niesie,
Zapolono w Czarnym lesie,
Tak to matki nam podaty,
Same także z drugich miały,
Zen a dzień Świętego Zana
Zawzdy Sobótka palana.

В переводе с польского следующее:

«Где солнце рака согревает, а соловей веки не поет, соботка была запалена в черном лесе. Так то матки нам подали (передали), сами также от других переняли, чтобы на день святого Яна (Иоанна) всегда соботка пылала (горела)».

Празднование на юге России

На Украине, Подоле и в Волыни в день Купало (Купайло) девушки после захождения солнца собираются в избранное место и приносят большую ветку вербы или ивы, которую предварительно украшают цветами и лентами; тут, утвердив ее в земле, ходят вокруг нее, припевая жалобные песни.

Такая пляска продолжается более часа, после чего молодые парни, стоящие в стороне, бросаются на вербу и, не смотря на защиту охраняющих ее девушек, выдергивают из земли и обрывают, чем и оканчивается весь обряд.

Скачка чрез огонь. Еще в начале нынешнего столетия в Малороссии существовал обычай прыгать чрез купальские огни или чрез кучи жгучей крапивы; обряд этот, как

¹ Из описания Ивана Кохановского.

говорит проф. Снегирев, происходил так: предварительно делали болвана или куклу и украшали его голову венком, и с таким чучелом в руках перепрыгивал каждый чрез огонь или траву, припевая:

Купала на Ивана,
Та купався Иван,
Та в воду упав;
Купала на Ивана
и проч.

Пассек говорит так в своем описании о празднике в Малороссии следующее:

Девушки за неделю до Иванова дня начинают запевать песни, относящиеся до праздника Купалы; а накануне Иванова дня пред закатом солнца девки и молодки в праздничном платье с венками на голове из травы и цветов (секира), перевитых кануфером (калуфером) и другими душистыми травами, собираются вокруг срубленного дерева, преимущественно черноклена, и, схватясь за руки, поют:

Ой Маланичка, Петривачка:
Не выпалась наша дивочка!
Не выпалась, не наигралась
И с казаченьком не настоялась.
К череди¹ шла, задремала,
На пеньки ноги посбивала,
На шпичьки очи повыймала!
А вже корови у диброви²,
А вже телята пасут хлопьята³,
А вже вивци⁴ на крути горцы⁵.

¹ Черета – стадо.

² Диброва – дубрава.

³ Хлопьята – ребята.

⁴ Вивцы, вивца – овцы, овца.

⁵ Горцы – горки.

После того ставят под деревом куклу, сделанную из соломы, довольно большой величины, причем она должна быть непременно одета в женскую рубашку; голову этой куклы убирают лентами, шею – монистами (ожерельем), и кукла эта называется «*Купала*», а дерево, под которым ее помещают, – *Марена*.

В других местностях обычай делать куклы как языческое предание уничтожен временем или влиянием духовенства, то там куклу заменяет дерево, на которое вешают венки и монисты. Устроив таким образом своего *Купалу*, зажигают близ его солому и начинают петь нежно и протяжно:

Ходыли дивочки коло мареночки
Коло мою Вудыло¹ Купала;
Гратыми² сонечко на Йвана
Накупався Йван, та в воду впав.
Купала под Йвана.

При пении этой песни все участвовавшие в торжестве увенчаны венками; после того прыгают чрез огонь, разложенный на возвышении.

Нужным находим заметить, что обычай делать куклу из соломы принадлежит, понятно, к обычаю древнему и языческому; но есть предание, что будто бы обычай с куклой возник от события с дочерью одного пана, Анной, которая будто бы утонула в Дунае³. Когда вечером под Иванов день украинцы приносили дерево и куклу к воде и пропоют песню, тогда начинают бросать с себя венки в воду или закидывать их в воду или на дерево; вслед затем кидают и дерево, и куклу, а сами начинают прыгать

¹ Вудыло – водный, мокрый, влажный.

² Гратыми – играть.

³ Эта Анна созвучна с римской Церерой (Anna perenna).

чрез огонь; только немногие уносят с собою венки домой, чтобы повесить их в сенях для сохранения себя от непредвиденной напасти¹.

Лысая гора. Беседка Петра Великого. Белый петух

В Малороссии и донине кладут на окнах, хоть и даже на порогах дверей жгучую крапиву с целью защитить себя от нападения ведьм, которые делаются более опасными в эту ночь. Поверье говорит, что в эту ночь Бабы-яги, ведьмы и колдуньи собираются на Лысую Гору или *чертово беремие* под Киевом, где у них бывает совещание ежегодно, также таинственные обряды и превращения, как в Польше под Сендомиром на *Lysa Gora*, а в Северной Германии на Брокене в Вальпургиеву ночь. В старой Ладоге при реке, впадающей в Волхов, купальское ликование ежегодно совершается при огне на горе Городище. Огонь этот в Новгородской окрестности был в старину известен под именем *живого огня*, *лесного* или *царя огня*, наконец, *лекарственного*.

Издатель *Абевеги* упоминает, что в 12 верстах от С.-Петербурга по Рижской дороге существовала до 40 года (может быть, и сейчас) старая липа, которой ветки, переплетясь с ветвями других деревьев, составили природную беседку, в которой останавливался отдыхать Петр I. На этом месте накануне Иванова дня собирались ижорки и проводили здесь всю ночь с воплями и пением при раскладенном огне, а напоследок сжигали белого петуха, который, как известно, у древних скандинавов считался пламенем по его красному гребню. Люнебургские венды совершали подобный же обряд.

¹ Московский наблюдатель. 1838. № 3.

Иванов цвет

В Малороссии, как и повсюду, существует поверье, мало-помалу переходящее в сказку, что будто бы накануне Иванова дня, в ночь, цветет папоротник или папарыш (иначе качедыжник). Что он в эту ночь сияет огненным пламенем и освещает местность; что если только его сорвать и бежать домой, не оглядываясь, чтобы не кричала сзади адская сволочь (бесы), то этот цвет даст возможность его обладателю открывать клады и получить богатство.

Откуда возникло это сказание, трудно вообразить; по всему можно думать, что невозможность цвести папоротнику въявь как растению тайнобрачному (возьмем хоть грибы, которые тоже не цветут видимо) не есть ли насмешка ради того, что никому, мол, не нужно рассчитывать на слепое счастье, а пользоваться только трудом и от него получать средства к жизни.

Впрочем, есть предположение, что на папоротник садится самец светящегося червячка или светляка, который ночью, как известно, дает от себя фосфорический свет; не это ли и породило басню? Червячок этот тоже носит название «Иванова».

Целебные травы

На Иванов день знахари отыскивают «Разрыв-траву», которая известна и немцам под именем *Spring-wurzel*, против которой, говорят, будто бы не устоит ни один замок. В эту же ночь собирают на муравьиных кучах масло в сосуд, которое признается целительным средством против разных недугов. Из цветов в это время собирают *Купаленку* (*Trollim europaeus*), *медвежье ушко* (*Verbascum*), *богатенку* (*Erigeron acae*), которую в Новгородской губернии поселяне собирают в стену на имя каждого из семьи, заме-

чая, что, если чей цветок скорее завянет, тому или умереть в этот год, или захворать. Тогда же под корнем чернобыльника открывают земляной уголь, который употребляют между простолюдинами как врачество от падучей болезни и черной немочи, исцеляемой и корнем сего растения. В рукописном травнике в начале XVIII века упоминается о какой-то траве архилине, про которую сказано, что кто ее рвет на Рождество св. Иоанна Предтечи сквозь золотую или серебряную монету (гривну) и кто ее носит на себе, тот не боится ни дьявола, ни еретика, ни злого человека, «а растет она при большой реке».

Купанье на Ивана Купалу

Вообще на Купалу собираются и все лекарственные травы и корни, приходящие в зрелость к этому времени. В некоторых местах Новгородской губернии около старой и новой Ладоги и Тихвина на Иванов день топят бани и, воткнув в веники собранную ими траву иван-дамарья, парятся на этот праздник с целью получить здоровье. В Антониево-Дымском монастыре исстари и поныне простой народ собирается купаться в тамошнем озере и с тою же целью купает больных лошадей.

В Переяславле-Залесском, по народному преданию, там, где ныне храм Пресвятыя Богородицы Владимирской, простолюдинами называемой Купальницей, будто бы прежде стоял истукан Купало, почему даже самая ярмарка называется *Купальницей*. В это время купаются на озере Клещине и водят по берегам круги с песнями, которые сочинены исключительно только на это время.

Толокчи в ступе

В Нерехте и в окружности был такой обычай: накануне Купала, вечером, девушки, собравшись к одной из

своих подруг, толкли в ступке ячмень, разумеется сообща, причем пели песни; а на другой день поутру из этого ячменя варили кашу, называемую *кутьюю*, которую вечером того дня, заправивши маслом, съедали. После того, взяв от телеги передние колеса, возили на оси некоторых из подруг по селению и по полям с песнями, схватясь руками за оглобли. Такие поездки совершались до утренней росы. Причем девушки умывались этою росой, чтобы быть красивее и здоровее.

В Москве также существовал обычай париться вениками с цветком иван-да-марьей и есть кутью, что свидетельствует проф. Снегирев.

Москва и Кокуева слобода

В Москве исстари славится вода на трех горах, и эта местность была не менее славна своим гуляньем в Иванов день. Лет 100 тому назад съезжались многие татарские семейства и, расположившись по берегам гагаринских прудов, разводили огни и пировали.

Кокуева слобода, ныне Немецкая, и ручей *Кокуй*, текущий из Красного пруда чрез Немецкую слободу в Язуз, напоминает финский Кокуй.

Крапивный куст

В Харьковской губернии вечером, под день Ивана Купала, собираются и ставят в каком-нибудь месте крапивный куст (прежде зажигали солому) и перескакивают чрез него туда и сюда; во время этих скачков поют:

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чим мини, моя мати, торговати?
Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чим мини, моя мати, торговати? —

Позыву я свекорка продавати –
Роднова батинка куповати.
Здишевила свекорка, здишевила –
Роднова батинку не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чим мини, мати, торговати?
Повизу я свекруху продавати,
Родную мати куповати.
Здишевила свекруха, здишевила,
Родной матинки не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чим мини, моя мати, торговати?
Повизу я диверька продавати,
Риднова братика куповати;
Здишевила диверька, здишевила,
Риднова братика не купила. –
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чим мини, моя мати, торговати?
Повизу я зовыцу (золовку) продавати –
Ридную систицу куповати.
Здишевила зовыця, здишевила,
Ридной сестрицы не купила!

ЯРИЛО

Слово это понятно в сейчас существующем: *ярость*, *яростный*, а также *ёра*, *ерник*. *Ярило*, или *Ерило*, созвучен с греческим *Арес*, с санскритским *ари* – враждебный, вражеский, враг, с латинским *ира* (*ira*) – гнев, с греческим *Ерос* – любовь и вожделение и сходен с обоими по своим свойствам: мужества, или буйства, и сладострастия. *Ярило*, по мнению проф. Снегирева, однозначителен с Туром и Тельцом, вошедшим в весеннее созвездие. Как зверь тур (буйвол) был всегда представителем ярости, силы и мужества. Певец Игорьев (см. «Слово о Полку Игореве»), как выше за-

мечено, совокупляет оба эти понятия с намерением усилить одно другим: *Яр–Тур*, *Буй–Тур*, и Гомер Аресу также придает эпитет, <означающий>... ярый, буйный. Река Днестр у турок и молдаван до сих пор называется *Тур*. У древних греков и римлян иногда реки сравнивались с туром по ярости волн и реву, который они производят, подобно мычанию.

Между виндийскими и иларийскими божествами встречается *Яр* и *Яровид*, сравниваемый с *Аресом*. У далматов и до сих пор воспевают *Яра*; можно думать, что *Эрот* близок к *Ярилу* по созвучию. Мало того: Яр вошел в собственные имена, что замечаем в именах славяно-русов, например: Ярославов, Яромиров, Ярополков и пр. Кроме того, во многих местах северо-восточной России встречается празднование Яриле, которое встречается также и в названии некоторых урочищ; таковые встречаем в Тихвинском и в Валдайском уездах под названием *Яриловичи*. В Черниговской и Костромской губерниях, в последней близ Чухломы есть Ярилово поле, под Кинешмою – Ярилова роща, где даже бывает гульбище под Ярилову (должно быть, неделю). В Оренбургской губернии в Дорогобужском уезде есть *Ярилово*. Наконец, наш *яровой* посев, *яровое* не подлежит ли общему значению в смысле названия?

Ярый, яровитый, яркий на русском наречии вообще выражает характер с требованиями, не знающими препятствий, стремления, не знающие пределов. Во всяком случае, в физическом мифе – *Ярило*, мы можем соединить то, что принадлежит весне и ее благотворному влиянию на природу – мужество, силу и вождение. Весною все это оказывается и всего лучше. Не мудрено, что начало года в древности начиналось с весны, потому, может быть, что с весны оживляется природа и как бы оживает. Не потому ли у нас несколько раскаленных углей в печи называются жаром (словакс. и чешс. *Gar*), иногда говорят «яркий огонь». Этим словом выражают высшую степень света, его силу и прочее.

Костромское Ярило

В Костроме долгое время существовало обыкновение во всесвятское заговение хоронить Ярилу. Похороны эти были до глупости безобразны, так, например, какой-нибудь бедняк, нищий брал на себя поручение хоронить куклу мужчины с чрезвычайно развитыми принадлежностями производительности, положенную в гробике, а пьяные, а подчас, может быть, и трезвые, но суеверные женщины провозжали этот гробик и нелицемерно плакали.

Ярилин праздник

Близ Галича есть поклонная гора; она находится близ села Туровского; там, как говорят, поклонялись мерянскому идолу Яриле, да и доныне в неделю всех Святых галичане собираются праздновать и гулять.

В начале нынешнего столетия там поступали так: подпавляли мужичка и шутили с ним, как хотели, требуя от него изображать собою Ярила.

Нужно, однако ж, заметить, что не везде Ярилин праздник обозначен одним числом или одним временем. В селениях Рязанской и Тамбовской губерниях бывает этот праздник то в день всех Святых, то на другой день Петрова дня. Во Владимире на Клязьме в Троицын день за Лыбедью, у Паталина моста. В Нижегородской губернии празднование Ярилы 4 июня соединяется с ярмаркою, и к этому дню поселянки вырабатывают деньги пряжею на лакомства и наряды. В Твери празднество Яриле или Яруле, уничтоженное ревностью архипастырей: Мефодия и Амвросия в XIX веке, начиналось с первого воскресения после Петрова дня в Трехсвятском саду, на речке Лазуре, куда вечером собиралась молодежь из горожан и других жителей слобод и посада, и плясали *бланжу* (танец из 8 пар) под балалайку или другой инструмент. Пользуясь этой возможностью,

туда отпускали по-нынешнему мещанки, а по-прежнему репуницы (вероятно, от слов репу жрут или от репы живут), своих дочерей поневеститься.

Погребение Ярилы

Такое смешное в наше время событие торжествовалось лет за 100 в Калязинском уезде, по дороге к Троице, в местности Мерли или Нерли, под старою сосною.

В Чистопольском уезде в г. Савине целую ночь пели и плясали в честь Ярилы. В Воронеже до 1763 года ежегодно отправлялся перед заговеньем Петрова поста до вторника второго поста народный праздник или игрище *Ярило* – остаток какого-нибудь древнего языческого торжества. В эти дни на бывшую площадь в городе за старыми Московскими воротами стекались горожане и местные жители и составляли род ярмарки: к этим дням в домах по городу делались приготовления, как бы к великому празднеству; на месте, избранном для удовольствия, появлялся человек, избранный обществом; его украшали цветами, лентами, обвешивали колокольчиками, на голову ему надевали колпак, тоже раскрашенный и украшенный лентами. При этом такого человека румянили, белили, а в руки давали позвонки (погремушки). На голову надевали высокий колпак, иногда из бумаги, украшали его лентами. В этом наряде под именем Ярилы ходил он по городу, сопровождаемый молодежью обоего пола.

Это празднество сопровождалось играми и плясками, лакомством и пьянством, особенно кулачным боем; препод. Тихон уничтожил этот праздник.

ПЕТРОВКИ

Петровки в некоторых местностях называются... на старинном языке: *Петрово говейно*. Вообще Петров пост

издревле имел большое значение, как в отношении хозяйственном, так и в других случаях.

В Петровки в деревнях начинается кипучая деятельность; она состоит в *помочах*, *толоках*, то есть унавоживании полей и сенокошении.

В народной пословице о времени Петрова поста говорится: «с *Петрова дни* – *красное лето*, *зелен покос*, *зарница хлеб зарит*». С Петрова дня наступают «*Петровские жары*». С этой поры начинают колоть баранов или, как говорят крестьяне: «с *Петрова дня барашкам лоб*». Сознавая значение этого времени, в народе говорят: «до *Петрова дни* – *женское лето*», с которого деятельность женщины требует и поле, и изба.

В коммерческом смысле Петров день тоже имеет большое значение, так как в этот день или около этого времени бывали всегда *Петровские торги*, то есть ярмарки, которые существуют и поныне во многих местах России.

В юридическом отношении Петров день бывал сроком суда, днем взимания пошлин, а также сроком платежа оброков и податей. Говоря о платеже податей, нельзя не сказать, что есть и посейчас: Петров день служит днем уплаты у крестьян.

Гулянье на Наливках

В Стоглаве упоминается, что в Москве в понедельник *Петрова поста* ходили на Наливки, на бесовские потехи. В одной летописи¹ сказано, что «о празднике Св. Верховных Апостол Петра и Павла своею сетию дьявол запинаят чрез колыски и качели; на них же бо колышущесе и приключается внезапно упустити на землю, убиватися и зле без покаяния душу свою испущати».

¹ Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Ч. I. Спб., 1798.

Иностранцы, как, например, Олеарий, Христофор Ангело, Нейгебауэр, удивляются, что русские в течение года держат жен и дочерей взаперти, редко отпуская даже к родным в гости или в церковь, в Петров день позволяют им гулять, качаться на качелях, водить хороводы и пользоваться другими забавами.

Народная жертва

На границе Вельского и Тотемского округов близ верховья реки Ваги в приходе Кочеварской волости существует преданье, что будто в этот праздник каждый год выбегал олень из лесу; народ, принимая оленя за дар Божий, закалывал его и, разняв на части, приготавливал себе обед.

Это продолжалось, как говорит предание, несколько лет, но когда появление оленя прекратилось, то поселяне стали вместо оленя готовить себе обед, убивая для этой цели быка.

Это обыкновение бывает в первое воскресенье после Петрова дня. Перед обедней, убив быка, купленного на счет всей волости, разнимают его на части и варят в больших котлах; после обедни и молебна священник со всеми богомольцами вкушает этих яств.

Проводы весны

В Саратовской губернии накануне Петрова дня *провожают весну*. Мужчины и женщины рянутся разного рода шутами и привязывают несколько телег одну к другой гусем, катаются на них из конца в конец селения и заключают праздник хороводами. В Симбирской и Пензенской губерниях это бывает в заговенье Петровского поста.

Кроме того, носят по селению весну, то есть наряженную куклу из соломы, причем поют песни и затем бросают ее в реку.

Ночные гулянки

В Тверской губернии с первого воскресенья после дня Св. Петра и Павла начинаются ночные гульбища, называемые *Петровками*, которые продолжаются до Первого Спаса. В Кашине в Петров день бывает гуляние у Клобукова монастыря, близ Петропавловской церкви, при роднике, из которого умываются для здоровья. Про этот родник есть предание, что будто бы в глубокую старину тут стоял истукан Купала. Там же бывает в Петровки род ночного маскарада, во время которого молодые парни завязывают свои лица платками, чтобы их не узнали девушки, которые тоже гуляют с полуоткрытым лицом. Нередко во время этих маскарадов происходят рукопашные бои и драки вследствие разных интимных историй, оскорблений и проч.

Карауление солнца, Облупа

В Туле в Петров день гуляние называется *Облупою*¹. Тульские поселяне еще с вечера отправляются в поле *караулить солнце*, убежденные тем, что солнце в это время играет так же, как и в Светлое Воскресение. Это убеждение разделяют и в Ярославской губернии.

До восхода солнца поселянки собираются на возвышенное место и проводят всю ночь в песнях и играх. С первым появлением солнца приступают к наблюдению. Когда почудится, что солнце играет, поселянки выражают радость громким криком и потом возвращаются домой с полною уверенностью, что видели играющее солнышко. Если покажутся первые лучи небесного света, запевало начинает, а прочие подхватывают следующую песню:

Ой Ладо! Ой Лад! На кургане
Соловей гнездо завивает,

¹ См. Песни русского народа. Ч. 2. 1838.

А иволга развивает.
Хоть ты вей, не вей, соловей!
Не быть твоему гнезду совитому,
Не быть твоим детям вывозатым,
Не летать им по дубраве,
Не клевать им яровой пшеницы!
Ой Ладо! Ой Ладо!

Камнепочтение

В Одоевском уезде Тульской губернии находятся два камня *Баш* и *Башиха* или *Баши*, которых чествуют жители около Петрова дня. Баш и Башиха находятся в селе Башеве и верстах в 25 от Одоева, а саженьях в 50 от церкви, близ дороги на пахотном поле. Место, где находятся эти камни, имеет довольно значительную возвышенность. Фигура этих камней обыкновенная, неправильно квадратная и небольших размеров. Между собою они лежат параллельно, на расстоянии одни от другого не более 1½ аршин. Тамошние жители утверждают, что Баш и Башиха были люди, мужчина и женщина; по мнению одних – муж и жена, а по другим – кум и кума, или *Бог* и *Божиха*. Также почитают Баша за татарского сановника, который с женою крестился, благочестиво умер и погребен на этом месте. Два камня с востока приплыли Окою и Упою и сами пришли лечь на могиле Башей¹.

О начале превращения их известно только то, что они, как герои своего века, во время войны повздорили между собою, и Башиха за непокорность своему Баше получила удар сапогом. От этого удара, говорят, видна была долгое время ступня, а прежде и гвозди каблук.

Есть также на Башихе рубцы, о происхождении которых думают различно. То говорят, что Баш рубил Башиху шашкою, а по другим сказаниям, что будто бы какой-то

¹ Баш и Башка – слово монгольское, означает «голову», «начало». Это титул начальника.

помещик из любопытства узнать породу камней рубил их топором. Следствием такой попытки было, рассказывают, бесплодие того поля, на котором стоят эти памятники, ослепление помещика и смерть его после продолжительной болезни. Рассказывают, что от ударов этого помещика на камне появились красные пятна.

Народ убежден, что в Башах, кроме мстительности за обиды, замечают и чудодейственную и благотворительную силу на тех, которые к ним прибегают за помощью, и потому в летнее время около Петрова дня народ стекается в село толпами, сперва служат молебны Божьей Матери Умилению, а потом ходят кланяться камням, как бы на могилы усопших родственников.

После сего обряда у камней Башей оставляют вещи, деньги, волну (шерсть), холст и прочее, что потом собирает ктутор (церковный староста), и это жертвование поступает в церковь.

Некто из жителей Одоева пожелал на этом месте построить церковь и камни эти положить в основание храма. Но таковые покушения строителя сопровождалось будто бы чудом, то есть когда эти камни подвезены были на место храма, по мнению других, когда хотели определить величину их и открыть сторону, находящуюся в земле, то они по мере усилия подрывать их, осаживались вниз и старались остаться сокрытыми. Впрочем, сих чудесных рассказов никто утверждать не берется. Всякий, напротив, рассказывая что-нибудь известное ему, готов поверить всему, что говорят другие об них, лишь бы было в рассказе что-нибудь новое, дивное.

Рассказывали, что будто бы Баши многим в сновидениях открывают повеление искать их помощи. Так, например, когда в одном доме вымерли все овцы, то хозяйке дома было открыто повеление поклониться означенным камням, взять из-под них земли; то овцы перестанут умирать, что по исполнении предписанного оправдалось на деле.

Где берут землю, там образовалась большая яма. Земля эта еще полезна для размножения скота и от порчи, по народному убеждению. Осколки от Башей почитаются врачеством от зубной боли.

Рассказывают про одного крестьянина, который, будучи пьяным, надругался над Башами, за что был наказан отнятием рук и ног, и не прежде получил исцеление, как раскланявшись с Башами.

Всего вернее предположить, что камни эти – остаток татарского времени и скорее всего напоминают памятники, смысл которых утрачен.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ И ПРОСТЫЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

Земледельческие праздники составляют отрадную пору отдыха после обременительного труда. Все эти праздники вообще были общи у всех народов и основаны на их верованиях и нравах. У евреев эти праздники считались священными, как, например, праздник *жит первородных и седмиц*. В этот день приносились в числе жертв два хлебца из новых жит и сноп соломы как знак начала жатвы. У египтян, греков и римлян с земледельческими работами соединены были некоторые священные обряды и пирушки, так как эти народы искусство земледелия считали делом божественным, высоким по его благому значению для жизни человеческой. И посейчас китайский богдыхан поощряет земледелие личным трудом, давая тем знать своим подданным, труд земледельческий заслуживает внимание великих и сильных мира по его великим благотворным целям.

У римского народа было до 12 земледельческих богов. Между славянскими племенами в древности еще появи-

лось искусство земледелия, и у балтийских славян главным праздником был *Святовидов*, который совершался у них после жатвы. Этому божеству приносился в жертву *пряник*, и по количеству меда в роге у кумира заключали о сборе жатвы, урожае или о неурожае.

Подобно римской Церере, греческой Деметре, так у славяно-русов представительницей земледелия была *Мать земля* и снедаже принадлежит *Даждь-бог*, милостивец, который мы находим в числе богов князя Владимира, а также *Волоса*, которому и до сих пор в Южной России старухи завивают *бородку*; затем погода и т. п.

Но с того времени, как христианство водворилось в русской земле, покровителями земледельческих занятий очутились уже не народные божества язычества, но святыя Православные Церкви.

Вот перечень замечательных дней:

Аксинья (Ксения) Полузимница, 24 января, день, с которого считают начало второй половины зимы. *Василий* Капельник, 28 февраля, начало первых оттепелей. *Авдотья* (Евдокия) Плющиха, 1 марта, потому так названа, что с этого времени плющится или оседает снег. *Дарья* (Дария) – г... прорубница, или з... проруби, 19 марта. На реках, прудах, около прорубей вытаивает в это время скопившийся в продолжение целой зимы помет животных. *Иродион* Ледолом – 8 апреля. На значительных реках трескается и начинает проходить лед. *Егор* (Георгий) – Скотопас, Водопас, Егорий с гвоздем – 23 апреля, тогда выгоняют скот на паству, бывает вскрытие и полноводье рек. *Степан* (Стефан) Ранопашец, 26 апреля, начало самой ранней вспашки полей под посев яровых хлебов. *Еремей* (Иеремия) Запрягальник, 1 мая, день, с которого чаще всего начинается вспашка и засев полей яровым хлебом. *Орина* (Ирина) Рассадница, 5 мая, время посева капусты в рассадники; хозяйки начинают поливать рассаду. *Никола* (Николай) травной, вешной, весенний, 9 мая. Около этого времени чаще всего

появляется первая зелень на лугах и посев яровых, весна в полном разгаре. *Лукерья* (Гликерия) Комарница, 13 мая, обозначает время появления комаров. *Сидор* (Исидор) Сивирян, северный, 14 мая. Около половины мая начинают дуть холодные северные ветры, продолжающиеся недели две. *Олена* (Елена) Леносевка, Ленница, 21 мая, начинают сеять лен. *Федосия* (Феодосия) Колосеница, 29 мая. Около этого дня начинает идти в колос озимый хлеб. *Еремей* (Ермий) Распрягальник, 31 мая – конец посева яровых хлебов. Выпряжка волов и лошадей из рабочих хомутов и ярма. Если некоторые и продолжают у беспечных хозяев, то у самых нерадивых. *Акулина* (Акилина) задери хвосты, сдери хвостка, 13 июня. Около этого дня появляется много мошек, комаров, оводов, пауков и других насекомых, беспокоящих лошадей и скот, отчего он бежит по пастбищу и часто даже прибегает домой, отхлестываясь хвостом. *Аграфена* (Агриппина) Купальница, 23 июня. Начало купанья в реках, так как вода в это время начинает нагреваться в реках и озерах. *Афимья* (Евфимия) Стожарница, 11 июля. В эту пору на покосах во множестве появляются стоги или зароды сена. Собственно же сенокос начинается ранее, с первых чисел июля и преимущественно с Прокофьева дня (8 июля). *Цуд* и *Трифон* Бессонники, 23 июля; к этому времени созревают ранние посевы озимого и даже ярового хлеба и наступает жатва хлебов; между тем сенокосная страда еще продолжается, надобно поспевать во всех работах, и потому много спать не приходится. *Авдотья* (Евдокия) Малинуха – 4 августа, начало сбора малины. *Никита* Репорез, 15 сентября, начало сбора репы. *Спиридон* Солнцеворот, поворот 12 декабря. Так как считается с 10 декабря солнечное солнцестояние, когда солнце вступает в знак Козерога. С этого времени, говорят, начинают прибывать дни; с этого времени солнце на лето, зима на морозы.

Как в первые века мира пастухи и земледельцы оканчивали свои работы, смотря по распусканию дерев или по

падению листьев, так и у наших простолюдинов есть в природе свой календарь, по которому они приурочивают свои труды, игры и пиршества, иногда приходящиеся и в дни праздников церковных.

У всех народов август, славный серпень, или зарев, был посвящен богине жатвы. Еще и поныне в Сицилии в праздник этого месяца увенчивают колосьями образ Богоматери. В Англии первый день августа (первый Спас) называется словом *lammis* – составленный из двух древнесаксонских слов, значащих *жатва пирогов*, так как было в обычае в этот день приносить в храм пироги из нового хлеба.

В южной Исландии и Норвегии 24 августа по окончании сенокосов поселяне, заколов теленка или барашка, дают работникам пирушку, которая продолжается всю ночь, сопровождаемая песнями и плясками.

В Германии, Испании и Франции конец жатвы также сопровождается пиршеством, играми и другими потехами.

Подобное же обыкновение существует и у нас в России, где в августе празднуются Госпожинки¹, *Оспожинки* или *Спожинки* (от слова спожать, спожинать). В Торжке этот день называется *Спожиница*, в летописях – *Госпожин день*.

По свидетельству Валсамона, писателя XII столетия в Греции, приносили к Патриарху на благословение плоды 6 августа, а в странах более северных 15 августа².

В Белоруссии в праздник Успения Божьей Матери, известный день названием «*Большая Пречистая*», и во многих великороссийских губерниях приносят, как говорит проф. Снегирев, хлеб из нового жита или колосья, а где и соты, а в Малороссии и мясо. Ныне же повсюду медовое разговение считается 1-го числа августа, плодвое – 6 августа.

В Костромской губернии в Нерехотском уезде при посеве и начале жатвы крестьяне, входя на полосу, молятся

¹ От поста в честь Успения Господня Богородицы 15 августа.

² Новая скрижаль. Изд. 2-е. М., 1806.

на три стороны, исключая северную, откуда нет солнца, а только дуют холодные ветры.

Когда же будут сжаты яровой хлеб и рожь, то оставляют небольшой клочок несжатого хлеба, по их словам: «*волотка на бородку*». Тут, может быть, имеется в виду волотка, волоть волокно, но кому на бородку – другой вопрос... Может, поговорка эта происходит со времен незапамятных и принадлежит язычеству, когда почитали Волоса и поклонялись ему как богу, имеющему попечение над скотом.

При окончании жнитва на своей полосе последнюю горстью сжатой соломой старший в семействе, обрав все серпы у своей семьи, обвертывает их и, принеся домой, кладет в передний угол, и все при этом молятся.

Некоторые имеют обыкновение, после того как их полоса совершенно сжата, кататься на ней, приговаривая: «*Жнивка! Жнивка! Отдай мою силку, на пест, на мелион, на колотило, да на молотило и на криво веретьино*».

Во многих местах Успенский пост считается *бабым летом*, а в некоторых местностях от Успеньева дня до Ивана Постного.

Дежень

В Шенкурском и Вельском округах в августе и сентябре оканчивается жатва хлеба. После ржи, пшеницы и ячменя жатва заключается овсом, по большей части около Натальи Овсяницы (св. Адриана и Наталии, 26 августа). Тогда жнецы несут на себе с поля сноп овса, сопровождая шествие песнями. Этот сноп ставят в сутки, то есть под образа в передний угол, потом садятся, как хозяин с хозяйкой, так равно и сотрудники, за стол, на котором главное кушанье – дежень, то есть толокно, замешанное на кислом молоке или на воде. Потом исчисляют всю жатву *суслонами*¹.

¹ Суслон числится для ржаной жатвы в 13 снопов, а для яровой – в 6 снопов.

Затем гости-сотрудники, поблагодарив хозяйку за *сладкий дежень*, расходятся по домам. В Пермской губернии едят дежень более за паужином, то есть за полдником.

Опашка

В Макарьев на Унже опашка составляет земледельческое торжество и составляет чередовую в августе и в сентябре. В одной отчине опашку празднуют одноотчинки, в другой – другая и т. д. Причем всей деревней варят общее пиво, потом разделяют его по домам. В праздник или в воскресенье крестьяне сходятся в церковь; каждый хозяин приносит в нее плечо баранины или петуха, а священникам дают хлеб; потом поют общий молебен, наконец, по домам угощают сродников и всех из того околотка, которые при расставании приглашают к себе на *опашку*.

Именинник

В северных губерниях, как только измолотят хлеб, что обыкновенно приходится около дня Феклы Заревницы, тогда овин называют *именинником* и варят для него домолотную кашу молотильщикам, по их поговорке: *хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок*.

Чучело, представитель окончания жатвы

В Саратове при уборке хлеба крестьяне, сделав из соломки куклу, наряжают ее в кумачный сарафан, на голову надевают головной убор (чутлюк), на шею – ожерелье или бусы и, украсив, смотря по средствам, несут это чучело вдоль по селению, где вокруг его составляется хоровод с плясовыми песнями¹.

¹ Заимствовано из письма г. Струкова.

В Пензенской и Симбирской губерниях в Пожинки по окончании жатвы весь народ собирался в поле дожинать последние загоны, и когда уже бывало свяжут последний сноп, который назывался у них *именинником*, тогда наряжали его в сарафан и кокошник и с песнями несли на господский двор. (Описывается время крепостной зависимости.) Здесь господа потчевали жнецов вином и поздравляли их с окончанием жатвы.

В Смоленской губернии в Юхновском уезде с последним снопом проделывали такие штуки: привязав к снопу нечто вроде рук, надевали на него белую насовку, сверху кичку; а в Дорогобужском уезде – накидку, и две бабы несли с песнями и плясками это чучело на помещичий двор, где одна из них с особыми припевами секла сноп веником.

В северо-восточных губерниях вместо этого маскарадного обычая крестьяне подносили помещикам каравай, за что получали приличное угощение.

Дожинки

В Белоруссии и в Малороссии, во всей Литве и в земле Жмудской, кроме *госпожинок*, или, как там называют, *Госпожки*, известны досевки по окончании сеяния и дожинки, отправляемые обыкновенно в исходе лета; там по окончании полевых работ, на которые приглашаются окрестные жители работать безвозмездно, они отправляются в дом к хозяину и подносят ему и жене его венки, сплетенные из колосьев, и там после угощения поют и пляшут до глухой ночи.

В Гродненской губернии, вообще на Украине, Подоле и в Волыни при праздновании дожинок в деревнях по сжатию последнего снопа с песнями сплетают венок и кладут его на голову красивой девице, которая должна вручить этот венок хозяину жатвы и поздравить его с окончанием жнитва и пожелать ему долголетия.

Иноверческие праздники жатвы

У черемис из сельскохозяйственных праздников особенно известен *Ага-Найрам*, то же, что у татар *Сабанной* праздник, от сабана – род сохи. *Ага* происходит от черемисского слова *аага* – полоса или часть земли, данная для посева, и от *найрам* – праздник, собственно в честь божества Юмассе, управляющего хлебородием; он слыл божеством напольным оттого, что сборище бывает на поле тогда, как начинают орать землю под яровой хлеб. Ага-Найрам бывает не в одно время в разных местах, но окончательно большой праздник отправляется в субботу пред Пятидесятницею. Тогда Карт или Уставщик обязывает каждого к назначенному дню приготовить кушанье и питье, которое они ставят на ветви пихты (нулга); Карт, зажегши костер дров, читает молитву о плодородии, потом, взяв горящую головню, очищает осенением ею принесенное кушанье и питье. После сего обряда садятся пировать, и по окончании пиршества все, начиная с Карта, ходят к огню бросать в него куски от общей трапезы, приговаривая: «будь споро».

Этот обряд оканчивается иногда присягою или испытанием (тобыла), при коем ставят восковую свечу на землю и кладут липовую палку; тогда всякий должен целовать землю и переходить через палку. Кто сего не исполнит, того считают за отступника. После сего все расходятся по домам.

В другой праздник *Упура-Найрам* (Упура – новое пиво), соответствующий спожинкам или госпожинкам и отправляемый или в конце июля, или в начале августа, варят пиво из нового хлеба и ходят друг к другу желать счастливого окончания и успеха жатвы.

Помочь

Иначе помощь в своевременной¹ уборке хлеба с полей – истинно христианская цель. Бывает, что малосемей-

¹ См. Русские простонародные праздники. Вып. VI. М., 1837.

ные, но зажиточные люди приглашают к себе народ, а часто и просто богатые люди приглашают, чтобы ускорить сбор хлеба с полей. На помощь редко кто отказывается, потому, во-первых, что весело, многолюдно и легко убрать хлеб, ну а потом следует обильное угощение, смотря по возможности и средствам приглашающего на эту помощь.

Но если помощь собирает вдова, то, по словам И. Лепехина (см. дневные записки 1868 и 69 г.), в прежнее время не взыскивали никакого угощения. Так как вдов и сирот мир снабжал всем, что нужно было для такого пиршества, и даже давал сено, дров и лучины. Шли охотно на помощь после обедни в воскресенье, придерживаясь пословицы: *«На вдовый дом хоть щепу кинь, все душе спасенье»* или *«С миру по нитке – голому рубашка»*.

Помочи в разных губерниях имеют особое значение; но во всяком случае, вся эта весьма благотворительная круговая помощь оканчивается угощением. Откуда это переняли русские, неизвестно, но если судя по слову *толока*, равнозначущему с словом *помочь*, то первое производится от древнепрусского слова *Talck*, то есть – плата за труд угощением.

Капустница

В русских деревнях и селах есть обычай: осенние и мужские женские труды обрабатывать сообща или помочами, что имеет ту хорошую сторону, что дела идут успешнее, особенно в тех семействах, где малоллюдно или рабочих сильных и здоровых рук очень мало. В Сибири, особенно в Пермской губернии, по сказаниям, существуют *полотушки* или полотье на грядках, *потрепушка* или трепание льна. *Супрядки* пряжи и льна. *Назьмы* или унавоживание и тому подобное.

Замечателен в России обычай рубить капусту общими силами. Это составляет род семейного хозяйственного

празднества. Особливо в Сибири поводом к простонародным *вечеркам* служат *капустка*, то есть рубка капусты, на которую приглашают соседок. Те, являсь в дом, поздравляют хозяек с капусткой, как с праздником. К этому времени варят пиво и приготавливают обед, но особливо ужин, оканчивающийся плясками и песнями. Главным блюдом ужина и обеда был *пирог хлебальный*.

В приволжских и северо-восточных губерниях на Капустницы собираются также девушки в лучших нарядах и, переходя с песнями из дома в дом, получают угощение, чем Бог послал. Подобные обычаи существуют в Германии и Франции при сборе винограда и также при его выжимании.

Ильин день

День св. Пророка Ильи празднуется 20 июля. Народ этого святого считает грозным, как потому что около этого дня бывают грозы, а потому еще, что он строг в отношении к дню своей памяти и не велит будто бы в этот день работать, грозя молниею. *Святой Илья зажинает жниво*, говорит пословица. Это значит, что около этого времени начинается жатва. Кроме того, Ильин день считается началом перемены погоды, так как с этого времени появляются дожди; а потому есть поговорка: *На Илью до обеда лето, а после обеда – осень*.

Св. Илья-пророк, по мнению народа, слишком строг в отношении народной распущенности, и потому народ в этот день вообще религиозен и боится его мщения огнем. Так по суеверию считают, что Илья-пророк управляет громом и молниею, и в то время, когда слышны раскаты грома в воздухе, народ набожно крестится и верит, что это едет Илья-пророк на своей огненной колеснице.

В день святого пророка Ильи пермяки собираются в сей день из двух или трех деревень в одну, приводят с

собой быка или теленка и колнот, потом варят и съедают всем обществом. Цель этого обычая – умиловить эту жертвою пророка. В этот день нигде не выгоняют скот, веря и других уверяя, что в это время по лесу свободно ходят ядовитые гады и хищные звери¹.

По всему видно, что Илья-пророк заступил место древнего Перуна, славянского бога грома и молнии, или Юпитера римлян. Потому что у литовцев и посейчас, когда гром гремит, говорится: «Перкун едет на своей колеснице».

В Пермской губернии в часовни, которые посвящены св. Илье, пермяки приносят жареные или печеные козьи и бараньи головы с горохом, служат святому угоднику молебны, прося у него защиты козам, баранам, гороху и под видом его всему растущему на полях и огородах. Горох употребляется при этом случае потому, что он есть единственный плод, который там созревает к Ильину дню. Головы и горох в виде подарков поступают священно-церковнослужителям².

Первый Спас

Первый Спас 1 августа – Происхождение древ Креста Господня, первый осенний праздник, тоже уважается в народе как день, с которого начинается первый торжественный посев; этот день считается медовым разговением³, так как к этому дню вырезают соты. В этот день бывают крестные ходы, святят воду на реках и служат там молебны. В деревнях пчеловоды приносят мед в церковь и святят.

В Пермской губернии пермяки моют и купают после водосвятия приводимых и приносимых детей, причем

¹ См. Абевега. М., 1786. С. 206; Русские простонар. празд. Вып. 1. М., 1837; Свид. Лепехина, с. 189.

² Пермский сборник. Кн. II. М., 1860.

³ Впрочем, в некоторых местах разговляются медом в день Преображения (второй Спас) вместе с плодами.

снятые с детей рубашки бросают в воду, а надевают новые. Точно так же купают лошадей, чтобы они были крепче и здоровее.

Юрьев или Егорьев день (Весенний и осенний)

День Святого Георгия Победоносца празднуется по весне 23 апреля, а по осени 26 ноября и весьма чтим в простом народе.

В этот праздник по весне в некоторых местностях *закликали весну*, так как этот день был сроком хозяйственных условий и временем выгона скота, почему народ и называет Егорья скотопасом, покровителем домашнего скота и пастухов. Св. Георгий почитается даже и турками, по словам проф. Снегирева, так в этот день открывается пастушеский год и празднуется семейным пиршеством, на котором съедают первенца из стада¹.

Скандинавы св. Георгию придавали почти те же самые качества, которыми обладал их бог *Один* или *Тор*, а славянский — *Перун*.

У скандинавов даже было предание, что Тор или Тур одержал победу над драконом; когда по низвержении в Скандинавии язычества был поставлен образ арх. Михаила, то народ стал смешивать действия и лица того и другого. Изображения эти остались на древних храмах Скандинавии.

Наконец день весеннего Георгия и осеннего Михаила Архангела служили в Германии, а потом и у нас в России сроками наймов полевых работ; эти дни сопровождались в Дании, Германии и Швеции различными языческими обрядами, и посейчас в Литве и Польше существует этот порядок в рабочих сроках.

¹ Voyage dans la Grèce, par. T. C. Ponqueville, à Paris, 1820.

У сербов в день св. Георгия рано поутру, еще до солнечного восхода, начинают купаться. Этот день статутом Марии Терезии (Urbarium, 1791) назначен был крестьянину сроком для перехода от одного господина к другому, как то бывало и у нас в России до введения крепостного права (XVII в.), а в день св. Михаила – срок для предварительного с обеих сторон объявления.

Сербы, иллирийцы, далматы и черногорцы в день св. Георгия поют молебен на колодцах и родниках и, окропив св. водою скот, гонят его вербою в поле, как то бывает и в России.

У Карпатской Руси, в Берегском, Угочском и Унгварском жупанствах в Венгрии выгоняется скот в ночь Юрьева дня на самой заре, и в это время, по их мнению, будто бы снимается власть ведьм над рогатым скотом. Понятно, что скот, выбравшись на паству и на свежий корм, по натуре своей будет здоровее, чем зимою, закупоренный в хлевах и в сырости, в несвойственной и чужой атмосфере, зараженной гнилью и газами. Если не ведьмы, то сами хозяева часто виною болезни и слабости скота в зимнее время.

От Юрьева до Дмитриева дня полгода был срок у болгар, турок и сербов. В Болгарии в дни св. Георгия, св. Параскевы и св. архангела Михаила приносят этим святым в жертву агнца, которому к рогам прилепив по свечке и окулив его ладаном, режут его над сосудом так, чтобы ни капли крови не попало на землю; этой кровью накладывают на маленьких детей кресты на лбу, щеках и на подбородке.

Потом, зажав агнца, съедают с молитвою, а кости зарывают в землю. То же делается с некоторыми переменами в Сербии, Боснии и Герцеговине.

В Минской губернии в Юрьев день святят хлеб.

В Малороссии празднуется как весенний, так и осенний Георгий, ибо праздник церковный в честь освящения

храма Георгия на золотых воротах установлен был в Киеве в подражание греческому. Там употребителен был законный обычай перехода крестьян от помещика к другому, и там даже родилась поговорка: «От тоби бабо и Юрьев день», то есть: *«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»*.

В Костромской губернии в Чухломском и Кологривском уездах об Егорьеве дне ведется поговорка: *«В поле стадо гонять и Егорья окликать»*.

Там Егорьевское окликанье состоит в следующем:

Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка от хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого!

Некоторые историки приводят на рассмотрение свои догадки, что Игорь не есть ли Егор, происшедшее от Георгия?

Прасковья Пятница

Память святой великомученицы Параскевы совершается 28 октября, и во всей России она именуется «Пятницею», хотя не всегда день этот приходится в пятницу. Почти во всей России в большом уважении пятницы, отчасти потому что по пятницам во многих местах России бывает базар или ярмарки, которые существуют и по сие время, которую и посвящают Пятнице Прасковии.

Как весною на Красную горку, так и особенно осенью родительские поминки усопших встречаются вместе со свадьбами в России. И в ту и в другую пору невесты-сироты выходят на могилы родителей прощаться и просить себе благословения на свою судьбу.

Так как свадьбы осенью начинаются по большей части с Покрова Пресвятыя Богородицы, то Покров и почитается покровителем брачных союзов, так ровно и Пятница—Прасковья у простого народа не только в великой, но и в красной Руси. Сельские невесты приговаривают: *«Батюшка Покров, мою голову покрой!»*¹

Олицетворяя *Пятницу*, народ особенно празднует ее; в обетные пятницы не работает, во временные, после Пасхи, по разным местам собирается на ярмарки или торги, на которые, по преданию, вывозили изображение св. Параскевии, обвешанное платками и лентами.

В духовном регламенте (уставе) замечено, что в Малороссии в Стародубском полку в пяток (пятницу) водят женку простоволосу под именем Пятницы и водят в хоре церковном и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некие пользы. Самые часовни с образами Парасковии Пятницы, стоящие обыкновенно на перекрестках, слывут обыкновенно *пятницами*.

¹ Swiata Pokrowóuko!
Pokryj Holovon 'kqe.

В Минской губернии:

Swiaty Pokrow, Pokrow!
Pokrow ziamli l wadu,
Pokryj mienie molodu.

то есть:

Свята Покровонко
Покрой головонку.

или:

Святый Покров, Покров!
Покров землю и воду,
Покрый мене молоду.

Нужно заметить, что как Прасковья, так и Пятница как-то слились в народном понятии и стали неразлучно, между тем женщины особенно возлюбили эту святую угодницу и прибегали к ней, как и сейчас прибегают со всевозможными мольбами и, надеясь на них, делают разные обеты, особенно по случаю разных неблагоприятных случаев в жизни. Составителю приходилось не раз в жизни видеть, как по обету женщины ходили на голых коленках вокруг часовни по жгучему песку. Обет чрезвычайно тяжелый, но вместе с тем, должно думать, неприятный и для Бога, который предписал беречь тело или плоть и не посягать на нее, так как уничтожить ее есть самоубийство.

Семенов день (Бабье лето)

Сентябрь-месяц с XV века, или лучше со времени Собора для уложения церковной Пасхалии на XIII тысячелетие, считался первым месяцем в году до XVII века.

В начале этого месяца праздновалось у египтян нолетие. У персов — рождение Митры. В древности — сентябрь, седьмой месяц от марта и девятый от января, назывался *Руенем*, *Руинном* или *Ревдном*. По мнению Добровского, название это возникло от рева ветров, которые начинают с этого времени дуть¹. Впрочем, сербы, называя этот месяц *Руем* или *Рюем*, производили это слово от желтого деревца *Rhus Cotinua*, которое употребляется в красильном деле, так как и самый желтый цвет они называют руевно, руино. Сентябрь, как известно, отличается от прочих месяцев желтизною древесных листьев.

В наших народных и в других актах и доньше в простом народе 1 сентября известно под именем Семена Летопроводца от празднуемого в этот день нашу Церковью П. О. Си-

¹ См. Руководство к Пасхалии. Соч. преп. А. П. Тяжелова. 1830.

меона первого Столпника. По уверению преп. Нестора, в память этого угодника был в Киеве построен храм.

Начиная с 1 сентября по день Рождества Пресвятые Богородицы, 8 сентября, называется *Семеонскою*. С 1 сентября начинается *бабье лето* или *лето на проводе до Аспасова дня* или до *Рождества Богородицы*¹.

Летопроводец, как русский Янус, провожал старое и встречал новое лето. У славян, например чехов и сербов, известно **Babi leto (баби лето)**, на польском **Babie lato** значит ясная, ведренная продолжительная погода, а у малороссов бабыно лето.

У немцев это время называется *Старушечьим летом* или *Марина пряжа*, *Марьины пятинки* – так как в это время на лугах, пожнях и на деревьях в хорошую погоду носят тонкие нити паутин.

В Костромской губернии по поводу этих паутин существует замечание, что если в бабье лето луга опутываются паутиником, а гуси гуляют стадами и скворцы долго не отлетают, то осень будет протяжною и ведренною.

В подмосковных селениях под Семенов день тушат огонь в избах, а с восхождением солнца вздувают снова.

С этого же дня начинают засиживать вечера в деревнях, а в городах мастеровые работать с огнем, то есть по вечерам². Может быть, потому это время называется бабьим летом, что с этого дня в некоторых местностях России бабы затыкают кросны (узкий холст), с этого времени начинают мять и трепать пеньку, мыть ее и стлать лен и берутся за веретено, то есть с этого времени начинаются женские работы и рукоделья, *когда Семеин день, семена долой*, то есть прекращается полевой труд и самые семена высыпаются из оставшихся на поле колосьев на землю.

¹ Аспасов день, вероятно, происходит от Спаса, так как с 1 до 8 сентября продолжается служба Спасу.

² В Киеве засидки, то есть начало работы при свечах, называется «Женить Семена».

С этого же дня делаются в деревнях, кроме обыкновенных посиделок, сопровождаемых песнями и сказками, делаются *опашки, братчины, ссыпчины*, где всем миром варится пиво и стряпается кушанье для пиршества; а в Аспасов день оканчивается во многих местностях заламыванием ульев.

Летопроводец считается днем, с которого оканчивается существование мух, тараканов, клопов и других насекомых. По этому случаю в некоторых местах, так, например, в Серпухове и Туле, существовало обыкновение в этот день хоронить мух. Для сего девушки и молодые женщины делали из свеклы и редьки коробочки или гробики и хоронили мух, а в Туле в щелях хоронили тараканов и притворно плачут, разодетые как можно лучше, это служит хорошим случаем молодым людям высматривать невест и засылать сватов.

Этот день был до XVIII столетия в России днем торжественным, днем начала новолетия, днем, когда государи наши являлись пред народом и где народ являлся, внося оброки и дани; так, в книге, называемой «Потребник мужской» (издание 1639 г.), помещен уже *чин провождения лету*, или *начало индикта, еже есть новое лето*. Этот торжественный обряд был совершаем в Москве Патриархом Филаретом в присутствии Царя пред народом¹, который с жадностью сходилса со всех концов Москвы видеть Царские светлые очи. На Ивановской площади между Архангельским и Благовещенским соборами поставлялись два аналоя с поволоками, выносили аналой с образом св. Симеона Столпника. Там с правой стороны от благовещения устраивали Царское шатерничье место с поволоками, а патриаршее – с коврами.

По окончании утренней службы в Успенском Соболе патриарх выходил с клиром и св. образами в западные двери и становился на дворе, пред церковными вратами

¹ Библиотека для чтения. 1836 г. Январь. «Новый год» в Москве.

на восток, где совершалось молитвословие, «но еже благословити венец лета благостию Своею». После того Царь подходил к Св. Евангелию, коим знаменовался, принимал благословение от Патриарха, который, сперва осенив его животворящим крестом, а потом благословив рукою, спрашивал о Царском его здорovie.

Потом Святитель и Царь занимали приготовленные им места на Красной площади между Успенским и Архангельским соборами, где совершаемо было молебствие с водосвятием; в заключение сего Патриарх, сошедши со своего места, приветствовал Царя речью, в которой красноречивыми словами выражал пожелание Царю и всем его верноподданным Благословения Божия, здравия и благоденствия¹. После сего Патриарх, осенив Царя крестом и святою водою, а затем весь народ, возвращался с духовенством в Успенский собор. Между тем Царь приветствовал народ милостивым словом, на что народ отвечал: «Здравствуй, здоров буди на многие лета, надежа-Государь».

Бедным и нищим раздавалась царская милостыня, чтобы они молились о его многолетнем здравии. При колокольном звоне Царь шел к обедни в Благовещенский собор.

Семенов день был также днем судных сроков, как мы сказали ранее. В этот день как жители Москвы, так и других городов становились на личный суд пред государем. Местом для этого суда чаще всего был Приказ Большого Дворца. Здесь разбирались такие дела, которых не могли решить наместники, приказчики, городовые и волостители. Такой суд назывался *Судом Божиим*, так как, по народному убеждению, то ведал Бог да Государь.

На суд должны были являться к сроку. Неявившийся считался виноватым; правому или оправданному давалась *правая грамота*.

Оброки также собирались к этому времени, так как к этому времени оканчивались полевые работы.

¹ См. Рус. прост. праздники. Вып. II. М., 1839.

Покровская суббота

Так считается ближайшая суббота к первому числу октября. Она празднуется в то время, когда кончается *«страда»*, то есть полевая работа, и каждый крестьянин-земледелец получает средство жить и лучше, и шире, чем в другое время года. Эта же суббота празднуется как день поминовения усопших родственников, об обряде таких дней мы скажем ниже. У пермяков эта суббота равняется с обрядами Троицкой субботы. Но как эта суббота и как первый осенний праздник после тяжелых полевых работ празднуется три дня и довольно шумно.

К этому дню, как и к Семику и к Масленице, у бедного и у богатого бывает много приготовлений относительно пищи и питья и в домашнем быту. Моют полы и стены в избах, чистят лопатой полы в сенях, крыльцах и вообще приготавливаются так же, как к большому празднику.

ОБРЯДЫ ВО ВРЕМЯ ПОМИНОВАНИЯ УСОПШИХ (Дни поминовения)

Поминовение усопших родственников введено в нашу христианскую религию, по нашему мнению, на основании воспоминаний, быть может, на памяти о лицах, заслуживших себе доброе имя по части своей деятельности, знаменитости, которые успели поддержать честь и имя своему потомству. Действительно, весьма важно для поддержания не только родовой гордости, но даже просто для своей родословной, знать, кто был дед, прадед, от кого я произошел и прочее, это даже интересует простолюдина. Каждый человек из-за этой родословной ветви имеет часто большую

родню; то же самое воззрение имеет закон церковный для каждого вступающего в брак, здесь, конечно и бесспорно, имеется в виду святое уважение к родной семье, а также к памяти родичей, которую чтить предписывает нам христианский закон. Итак, память об отживших свое время жизни у нас укореняется непременно вследствие какой-либо особенности деяний или же вследствие подвигов, полезной деятельности и т. д. Так мы помним историческую жизнь Ивана Грозного, Петра I, **Екатерину как замечательных** царствовавших особ, известных по их деятельности; не менее того помним: Суворова, Кутузова и других по своим воинским подвигам. Но ведь помним, благоговеем и только. За своим же родичей мы воссылаем к Богу теплые молитвы и даже в известные дни служим панихиды, даже за тех, которые вообще жили в бедности и вовсе не были историческими лицами в государстве.

В этом случае нам необходимо с вопросом о поминовении усопших лиц обратиться к истории, не почерпнем ли мы там каких сведений; а ведь это весьма важно, потому что иначе никак не можем понять хорошенько, почему мы поминаем лиц усопших, совершенно исчезнувших с лица земли, известных только по имени.

В объяснение всего вышесказанного мы последуем разным писателям.

Мишле говорит, что погребение человека выражает его сочетание с матерью землею, его кормилицею, что памятники суть стражи его и земли. Это, конечно, не ново, напротив, старо даже: мысль о памятнике ясно говорит о том, что он воздвигается для того, чтобы было всегда возможно найти место, где похоронен труп, а по надписи узнать, кто он и когда умер. Затем: хоронить труп значит прямо сохранить себя или другого от заразы, так как на поверхности земли разлагающиеся трупы — вред и порча воздуха, а следовательно, и дыхания. Мишле увлекается в идеализм, избегая истины.

Но в основах самой древней из религий было то, что по смерти смертного остается навсегда нечто такое, что связует мир внешний с миром духовным. Чествование при погребении умершего было вменяемо в священную обязанность, какая налагалась природою, божеством и волею самих умерших, так, по верованию римлян, согласном с этрусским учением, тени (должно быть, так же, как по-нашему души) являлись три раза в году на землю: в конце августа и в начале октября и ноября. Дни этого таинственного сообщения мертвых с живыми почитались *черными* или *священными*. В это время не предпринимали никаких важных дел (*atri*).

Точно так же и в России, по старому народному поверью, в промежуток времени между Казанскою и Дмитриевым днем, или осеннею Родительскою, не начинается свадеб по случаю неблагоприятного исхода.

Праздник *всех душ* у римлян (*festum omnium animarum*), хотя языческий, стал в начале X века отправляться римско-католическою Церковью.

4 ноября ежегодно и совершенно совпадает с нашей осенней родительскою, особенно исполняемой народом. Этот праздник сопровождался молитвами и приношениями об усопших и, как говорит один немецкий ученый, был основан на веровании в чистилище.

Праздник Всех Святых, который считается 1 ноября, еще и доньше сопровождается языческими обрядами у шотландцев и у северных поселян Германии и починается как позднейшее начало зимы; в это время зажигают огни (засидки) и считают их огнями мира и спокойствия покойников и в память сих последних. Также и в Дании – как мы находим – 2 ноября празднуют память душ *Sialudag*, и замечательно то, что в это же время египтяне и персы, как о том свидетельствует Гомер, тоже ублажали тени усопших.

У римлян существовали заупокойные пиры, известные под именем *silicernia*, *inferniae*, *coenae ferabs*, точно

так же у греков *περιδεῖννα, ἐναγίδηα*. Как жертвам усопшим или, по тогдашнему понятию, «теням», которым они приносили ежегодно в дни поминок или родительских (*parentaba*) на гробницы вино, мед, масло, яйца, плоды и цветы. Точно так же и древние евреи *изживали хлебы свои при гробе праведных*¹, преломали в стенании хлебы на гробе родителей и вкушали чашу утешения².

Так вспоминает история о древних поминовениях. Что же касается до христианских поминок, то они, по словам проф. Снегирева, были остатками блаженного поминовения христианских мучеников, трапезами любви, искаженными впоследствии злоупотреблением³.

Св. Августин в беседе своей *de sanctis* удивляется неверию и суеверию тех, которые ставят на гробы покойников кушанье и питье в том убеждении, что души усопших вкушают сии приношения.

В оправдание такого народного убеждения скажем, что все языческие народы были полны веры в то, что и за гробом кушают.

Византийские писатели упоминают об одном пиршестве VI века в честь мертвых (тризна), в которое греки напали на славянское войско, в то время занятое сими обрядами, и разбили его⁴.

Нужно заметить о славянских тризнах кое-что. У нас в истории часто повторяется слово «тризна». Это слово сходно с богемским ... *умерщвление, терзание*, объясняется в словаре Памвы Берынды – *поединком, а ширмиством*, по словам пр. Нестора. Из этого видно, что тризна сопровождалась борьбою и нередко такими терзаниями, которые сопровождались даже убийствами или увечьем, понятно,

¹ См. Товии IV, с. 17.

² Иеремия. XVI, 7–8. XXII, 9–18.

³ См. Дни Богослужбные Правос. Грек. Росс. церкви. Соч. М. Дебольского. Спб., 1838.

⁴ Stittiere. Memoriae Populoram. Т. II. P. 61.

что эти утехы были между прочим – кулачки. По древним обычаям у немцев, наследник умершего должен был тридцать дней поминать покойника по церковному обряду и в то же время выставлять у себя в окошке те кушанья, которые любил или вообще питался усопший.

Пир козла

Литовцы долго спустя после язычества собирались в известное время на кладбища и там приносили подземным богам мед (сыченый), молоко, пиво и оканчивали тризны такими же обычаями, какие бывали во время похорон.

В старину эти поминки в Литве и Белоруссии назывались *пиром козла*, которого некоторые славянские народы чтили. Здесь в качестве жреца и певца присутствовал гусяр, а у чехов Koslar (козляр), то значит колдун, вещун, чародей.

Отрада душ

В Литве и в некоторых местах Белоруссии пред наступлением *поминального* или задушного дня простой народ заказывает обедню целым семейством и в церкви раздают милостыню бедным, а потом по окончании обедни идут на кладбище, где около получаса громко рыдают над могилами своих родственников и вечером возвращаются домой, где и поминают усопших; тайком готовится пирушка в часовне или в пустом доме близ кладбища, там делают стол с разными блюдами и напитками и вызывают души покойников, зажигая вино и лен, и по цвету пламени судят о явлении душ; призывают следующим образом: «Что потребуешь, душечка, чтобы попасть на небо? Не хочешь яства и питья, оставь нас в покое; а если не послушаешь просьбы, то во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Видишь господний крест! аквишь!»

В понятии простого народа, что песни, яства и причитания будто бы доставляют отраду душам, находящимся в чистилище, и что будто души покойников за это живым внушают полезную мысль или совет.

В таких местностях, где нет поблизости кладбища, там пир устраивается в доме. Когда стол оканчивается, хозяин дома берет утиральник, то есть полотенце, и один конец его вывешивает за окно, а на другом конце его ставит рюмку водки или стакан воды и кладет по кусочку всех кушаний, приготовленных в честь воспоминания умерших родственников и знакомых. Поверье говорит, что к утру все пропадает, а что остается, то отдают нищим¹.

То же самое исполняли евреи в свои семидневные *Босины*. У них для очищения грехов приносился в жертву по жребию козел, а другой в пустыне сталкивался или сверху горы².

Поэтому, замечает проф. Снегирев, пир и чествование козла у литовцев и славян должны быть заимствованы от евреев.

Вместе с дедами или *большими Осенинами* в Минской и смежных с нею губерниями обыкновенно отправляют 6 ноября прикладыны, то есть обкладывание могил дерном. Малые и средние Осенины празднуются в Госпожку.

Что касается до слова «Осенины», то в старом русском языке так называлось осеннее время, что упоминается в рукописях. Эта часть года считалась удобной, как в Малой, так и в Белой Руси, для совершения всяких торжественных и важнейших в семейном быту обязанностей, сюда принадлежали, между прочим: поминки, свадьбы и т. п.

В Православной Церкви считается семь Вселенских панихид:

1) В пятницу вечера пред постом Филипповым.

¹ Lud Polski. pr. L. Golebiowskiego. Warchawa, 1830. Не поддерживали ли это суеверное поверье мыши, кошки или просто голодные прохожие?

² См. Иудейские письма к Вольтеру. Ч. V и VI. Пер. Снегирева. М., 1836.

- 2) В субботу пред Рождеством Христовым.
- 3) В Мясопустную неделю.
- 4) Марта 15.
- 5) В субботу пред сошествием Св. Духа.
- 6) В субботу пред Петровым днем.
- 7) В субботу пред Успеньем Пресвятыя Богородицы.

Поминальные дни

Но главные, общие народные поминки совершаются только в день Радуницы или Пасхи усопших, в Троицкую субботу, в Дмитровскую субботу (по осени) и в Покровскую субботу.

В церковном уставе, изданном в 1668 году, предписывается 1 октября посылать на убогие дома архимандритов и прочее духовенство для совершения общих панихид.

Совершение поминовений в Дмитровскую субботу установлено после Куликовской битвы, по совету преподобного Сергия, Великим князем Дмитрием Иоанновичем Донским, и ежегодно отправляется между 18 и 26 числами октября для празднования памяти воинов, положивших живот в этой битве. А по указу Императрицы Екатерины II 1769 г. августа 17, чин этого поминовения перенесен на 29 августа, в день усекновения главы св. Иоанна Крестителя Господня.

Дмитровская суббота свое название получает, кроме имени Донского как установителя, также от имени св. Дмитрия Солунского, празднуемого Церковью 26 октября.

В Костромской губернии и в смежных Дмитровская суббота называется *Дедовой*. Там существует поверье, что если в эту родительскую будет оттепель на раннем зазимье, то на «дедовой неделе родители отдохнут».

Дмитровская родительская более чем другие уважается народом как по удобству времени, так и по обилию в эту пору всякого продовольствия, наконец, по старинному

обычаю. В это время поселяне пекут пироги, блины, а в Смоленской губернии лепешки из теста разных клиновидных форм, также кутью (иначе канун), кисель с сытою и молоком, брагу или пиво.

По окончании панихид одевают священников и причт пирогами и блинами, и это обыкновение обратилось в народную поговорку: *«Не всегда поповым ребятам Дмитриева суббота»*.

В дни поминовений обыкновенно приходят на кладбище и после заупокойных панихид, кто чем может, поминают покойников. В Кормчей книге запрещены были всякие пирования, попойки и возлияния вина и напитков, но, однако же, обычай пировать на могилах усопших родственников остается существующим и до сих пор.

Причитания по усопшим, вытье, голошение

Так вообще называется плач по покойнику, но не безмолвный, не простой истерический безмолвный припадок, допускающий потерю слез часто без звука или сопровождаемый всхлипыванием и по временам столами. Нет, это печальная песнь потери, лишения, которой автор сам потерпевший или понесший лишение. Авторы таких причитаний преимущественно женщины деревенские. Женщина или девушка, обливаясь горячими слезами об умерших родственнике или родственнице и будучи не в состоянии затаить в себе душевной тревоги, упадает на гроб или на могилу, где скрыты дорогие ее сердцу останки, и, то ударяя себя в грудь, то обнимая гроб, то ударяясь об могилу, плачет, выражая на распеве в форме старинных народных песен, слово, сказанное ею от души, от сердца и часто глубоко прочувствованное, иногда даже носящее в себе глубокий отпечаток народной легендарности.

Вот, например, как плачет дочь по отце¹.

Со восточной со сторонушки
Подымалися да ветры буйные
Со громами да со гремучими,
С молоньями да со палючими;
Пала, пала с небеси звезда
Все на батюшкину на могилушку...
Расшиби-ка ты, громова стрела,
Еще матушку да мать сыру землю!
Развались-кося ты, мать-земля,
Что на все четыре стороны!
Скройся-ко² да гробова доска,
Распахнитеся да белы саваны!
Отвалитесь да ручки белые
От ретива от сердечушка.
Разожмитесь да уста сахарные!
Обернись-кося да мой родимый батюшка
Перелетным ты да ясным соколом,
Ты слетай-кося да на сине море,
На сине море, да Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со белова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой ет да на высок терем,
Все под кутисе да под окошечко,
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе горьких наших песенок.

Старуха по старику:

На кого ты, милый мой, обнадеялся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горе горькую,
Без теплова свово гнездышка!..

¹ Заимств. из *Пермского сборника*. Кн. II. 1860. С. 128.

² Откройся, развернись.

Не от кого то горе горькой.
Нету мне слов ласкова,
Нет-то мне слова приветлива.
Нет-то у меня, горе горькие,
Ни роду-то, ни племени,
Ни поильца мне, ни кормильца...
Остаюсь-то я, горе горькая,
Старым-то я, старшенька,
Одна, да одинешенька.
Работать мне – изможенья нет.
Нет-то у меня роду-племени;
Не с кем мне думу думати,
Не с кем мне слово молвити;
Нет у меня милова ладушки¹.

Нет сомнения, чему, конечно, найдутся у нас указания, что причитания и вой шедших за гробом принадлежат к обрядам языческим. Петр I по случаю кончины царицы Марии Матвеевны, супруги царя Феодора Алексеевича, в 1715 году запретил при погребении выть, приговаривать и рваться над умершим².

Еще у древнего Гомера упоминаются причитания над трупом Гектора. Литовцы также при погребении усопших употребляли *причитания*, сходные с русскими простонародными, в которых выражали сожаления и предлагали вопросы покойнику с тем, что выражали нечто вроде укоризны за потерю жизни или за преждевременный переход в другую жизнь, говоря в причитаниях укор покойнику за смерть.

У них также в третины, девятины, сорочины делались поминки и сопровождалась *пирушками*³.

Но все это не столь важно, как важно то замечание г. Снегирева, что обыкновение делать пированья в честь

¹ Ладушка – муж.

² См. Рус. прост. праздники. Вып. IV. 1837. С. 190.

³ Северный архив. 1824. Литовская мифология.

усопших было общим у всех языческих народов и у народа Божия, как то видно из пророка Иеремии (16:6–7) и других.

Похороны и поминки сопровождаются *прошением* или причитаниями, в которых плачевным речитативом были достоинства умершего и жалобы осиротевших; таким образом, балтийские латыши и финны в XIII веке, тайно совершая свои языческие обряды во глубине заповедных лесов, плакали над умершими, которым клали в могилу пищу, питье, топор и несколько денег с подобными причитаниями: «Поди бедняк в лучший мир, где не немцы тобою, а ты немцами будешь повелевать! Вот и деньги тебе на дорогу, во запас и оружие».

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

Кажется, нет в мире ни одного более торжественного пиршества, которое можно сравнить со свадебным обрядом, началом и совершением брака, началом и венцом любви, о котором молодые головы поэтизируют за несколько лет прежде, избирая в своей фантазии подходящий идеал, пока не находят его.

Каждый народ имеет свои взгляды и обычаи на обряд брака. Но как молодые мужчины, так и женщины у нас на Руси (из простонародья), несмотря на всю простоту их незатейливого быта жизни, понимают, что значит вечная связь, даруемая венцом; связь с лицом неузнанным, часто с порочным, законченная венцом, – неразрывно до конца жизни того или другого. Все девушки это понимают ранее супружества, но рассчитывают на брак, как на лотерею, известно, не всегда надежную.

Девушки, как известно, прибегают к гаданиям, часто весьма неблагоприятным; сироты в Радоницы ходят на могилки своих родителей прощаться и просить себе благословения на судьбу свою. *Покров* и *Пятница Прасковья*

считаются покровительницами невест в простом народе. Невесты, заботясь о своей будущности и об хорошем житье-бытье (худого никто не желает), во время праздника Покрова молятся: *«Батюшка Покров, мою голову покрой!»* В Красной Руси поют:

Swita Pokrowónko!
Pokryj holowonku!

То есть:

Святая Покровонка
Покрой головонку!

В Минской губернии поют:

Swiaty Pokrow, Pokrow!
Pokryw ziarnu I wadu,
Pokryj mienie molodu.

Здесь мы высказываем начертание склада желания молодых лиц, ищущих средств достигнуть брака или просто соединиться браком без всяких преднамеренных желаний, но только потому, чтобы не отстать от сверстниц. Молодые девушки и до сих пор конфузятся при счете лет, и та, которая выходит пораньше, торжествует, как будто она победу одержала, но это еще не значит благополучие жизни.

В разных странах северной России свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны до того, что представляют вообще картины чрезвычайно живые вообще, и к тому же весьма разнообразные по своей характеристике. Здесь представляется самая полная этнографическая картина с ее поверьями и обрядами, и что главное, здесь-то и отсвечивается символ и та аллегория обрядов, которые

уже потеряны в смысле народном и существуют только по исполнению как обычай.

Эта народная пьеса, ежедневно повторяемая, вообще интересна, так как нигде она не характеризуется лучше всего, как в свадьбах; здесь вы слышите и видите жизнь и веселье, умильные и трогательные черты из народного быта и те религиозные обычаи, с которыми слиты все эти обряды. Здесь сливается старое с новым, религиозное с народным, а печальное с веселым.

Обычай похищать девиц

Этот обычай, по словам Нестора, существовал у русских славян, так, например, у радомичей, вятичей, северян были *игры межи селы*, то есть между полей, а не между сел: здесь во время игр, песен и плясок мужчины выбирали себе невест и уводили к себе в дома.

В воспоминание этого дохристианского обычая Древней Руси у нас осталась древняя песня прососеяния, начинающаяся так: «А мы просо сеяли, сеяли»... Древляне уводили к себе девиц, как в древности римляне сабинянок. Самое выражение играть свадьбу напоминает древние игры, чем начиналось приобретение невест.

Преследование обычаев духовенством

Во время свадеб в старину всегда присутствовали глумотворцы (шутники), органики, гусельники (гусяры). Обычай этот существует и поныне; не раз Церковь восставала против таких порядков, которые суть прямо следы язычества, и хотела отделить все обычаи пред венчанием и по венчании, но этого было нельзя искоренить, так как самый акт, основанный в своем будущем на любви и согласии, на семейном счастье, вызывал на веселье.

Кроме языческой стихии, оставшейся в свадебных обрядах, сюда же вошли обычаи и от других народов во времена позднейшие.

Покупка девиц

Геродот упоминает о древнем обычае енотов, пришедших из Иллирии. Здесь, говорит этот историк, в известное время девушки, достигшие совершеннолетия, сходились в сопровождении своих родителей в одной место, туда же стекались молодые люди и вообще мужчины и покупали девиц. Не отсюда ли и мы заимствовали до сих пор существующий обряд покупать невест или выкупать, причем жених дарит девушек?

Греческие и римские обряды

В греческих и римских обрядах бракосочетания¹ мы находим венки, обручальные кольца, покрывала (вроде наших вуали или фаты), соединение рук, свечи, свадебные дары и пр. В самом деле, как это сходно с христианскими обрядами при самом совершении брака. Венера как покровительница браков и союзов любви называлась *Suada* и *Babia* (свада и бабия), представляем читателям разделить с нами мнение, не находят ли они сходства в слове *свада* с *свадьбой*, а в слове *бабия* – *баба*. Этого мало: русские обычаи говорят, что и посейчас молодых осыпают хмелем, зерном и даже деньгами; смысл понятен: чтобы молодые жили счастливо, сыто и богато; но откуда возник этот обычай? Опять от греков и римлян, а также от древних пруссов.

Говоря о заимствовании обычаев русскими, мы уже не можем не сказать о том, что русский каравай как символ бракосочетания тоже заимствован у римлян. У римлян, как

¹ J. Sauberli de Sacrificias veterum Lugd. Bat. 1699.

известно, новобрачные при торжественном бракосочетании должны есть пирог, приготовленный из муки, размешанной на воде посоленной, и меда.

Снятие сапога

В русском коренном обычае водилось и посейчас местами водится, что новобрачная должна разувать своего супруга. Этот обычай в древности, вообще говоря, изображал покорность, рабское отношение, даже унижение, потому что кто же снимает другому сапоги, если не человек, вполне подчинившийся. Из истории мы знаем, что этот обычай был даже во времена Владимира и то, что дочь полоцкого князя не захотела его разуть¹.

В Германии во времена Лютера был тот же обычай, чтобы в первую ночь брака снимала молодая супруга сапог и клала его на небо постели (в изголовье) как знак господства супруга над женою², мужчины над женщиной (порабощенной).

Омарий и Гербенштейн³ говорят о том, что в их пребывание в Москве даже на княжеских и боярских браках совершался обычай разувания и троекратное ударение плеткою, которую вместе с гостинцем клали в ларчик. Обряд этот продолжался в Литве до Ягеллона и доныне сохраняется в крестьянском быту.

Куничное на свадьбе

В старых свадебных обычаях упоминается, должно быть, тоже какое-нибудь языческое предание. Куница в свадебных обычаях есть памятник норманнских налогов. Если сказать «куна, кона» (*kona, kuno*), что значит – жен-

¹ Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. IV. 1837.

² Gravius J. G. Thesaurus Antiquitatum Romanorum.

³ Lud Polski p. L. Golebicwskiego. 1830.

щина, это высказывается по истории, сбор новобрачных крестьян и вообще – простолюдинов. Куница, как мы увидим, осталась существенной единицей в наших просто-народных песнях свадебного характера. В южнорусских песнях невеста уподобляется иногда *черной кунице*, а жених – *черну соболю*.

Мы должны припомнить из истории, что в России до введения монеты металлической, предметом денег были преимущественно меха; отсюда возникают слова: куна, полкуны, пол ушка (полушка, медная мелкая монета). Если впоследствии явился металлический чекан, то, разумеется, была воспроизведена и сравнительная оценка и, как должно думать, порицание счета удержалось такое, которое существовало при кожаных деньгах.

Отсюда возникает сравнение молодых людей то с куницей, то с сободем как оценка достоинств, и сейчас у нас существует: *«Взглянет – рублем подарит»*.

Было известно не в одной России, но во всей Европе *девичье куничное, свадебная куница* – выражение, согласовавшееся со значением окупа за невесту, выражение, равняющееся смыслу крепостного права и порабощения женщины¹. Что существует и посейчас в некоторых губерниях России.

Свадебные птицы

Еще в язычестве у литовцев в первый день бракосочетания муж раздирал принесенную ему на постель жареную куропатку, часть которой давал есть своей супруге. У немцев в средние века давали новобрачным жареную курицу, которая называлась *брачною* или *любовною*. Жареную курицу (куря вечерняя) в первый день подносили

¹ Впоследствии кунами или куницами назывались в Литве цепи, в которые заковывались при входе девицы, при церковном входе за нарушение целомудрия.

новобрачным и в России, как то видно из описания старинный свадеб XV столетия. В Москве и по сие время дарят молодых парой живых гусей в ленточках, а даже иногда и лебедей, а в старину на столах княжеских молодым подавали жареных лебедей. Есть поверье в народе, что только и можно есть лебедей новобрачным.

Головной убор новобрачной

Известно, что в России новобрачной надевают на голову кокошник, кокуй или кикку, расплетают косу на двое с известными при этом песнями. Обычай этот, по видимому, перенят у татар, как думают Плено Карпин и Брунна; но Грим говорит, что и у немцев было обыкновение у новобрачной не распускать волос, а связывать их на голове и прикрывать чепцом. Тертуллиан говорит, что у язычников было обыкновение женщинам являться покрытыми, у евреев – тот же обычай, у русских фата изображает и до днесь символ стыдливости и скромности. По этому можно заключить, что все наши старинные обряды, отчасти исчезнувшие, отчасти существующие и поныне, не имеют полного характера новости или своеобразности, но скорее заимствование путем влияния от других народов.

Баня, меха и солома брачной ночи

К числу народных обычаев, существовавших даже в царских и боярских домах, принадлежали: мытье в бане накануне свадьбы и после ее, также постилка ржаных снопов вместо постели и усаживание молодых на мехе. Мытье в бане выражало чистоту брачного ложа и вообще чистоплотность, спанье на снопах – прибыток в доме, а на мехах сидение – богатство. Таковые обычаи существуют и поныне.

Вскрывание молодых

Со введением некоторых европейских обычаев Петром Первым многие старинные обычаи были воспрещены, и, между прочим, *вскрывание молодых* запрещено указом. Петр Первый старинную свадьбу с ее причудами обратил в шутку, что видно из свадьбы папы и шута Шанского¹.

Предосторожности и приметы свадебные

Свадьбы как обыкновенно чаще всего бывают или о Святках, или близ Семика. Так, по крайней мере, объясняется Красная горка по весне и рождественские праздники (купальские гадания). Нужно заметить, что все свадебные обряды сопровождались, да и посейчас сопровождаются, различного рода предосторожностями от лихого глаза или от лихого человека. Мы найдем место поговорить об этом впоследствии, а сейчас скажем, что описания могли быть и справедливыми при том складе дела и при том воззрении на предмет, в каком он находится. Потрудитесь посмотреть часть вторую и третью.

Свадебные песни в отношении их значения

Кто не знает, кто не слышал свадебных песен? Кто не понимает их значения? Все это очень просто до наивности. У римлян девицы пели песни до полуночи у спальни новобрачных. А у русских весь свадебный обряд сопровождается песнопением, как то видно из величаний и песен во время сговора, девичника и т. п.

В характере этих песен вообще высказывается приготовление к обязанностям жены и хозяйки, изображение замужней жизни, иногда выражение тоски девичьей при воспоминании о том, как волей-неволей она должна оставить

¹ См. с. 127 Рус. прост. празд. и обряды. М., 1839.

дом родителей. Вообще так называемые свадебные песни содержат в себе отметки старинных обычаев, а в некоторых припевах упоминаются Ладо, Тур и Лель как славянские боги любви и радостей. В них встречаются синее море, горюч камень, терема и светлицы, скатерти браные, караваи перепечи, сахарные яства, гривны и проч. и тем указывают на свое старинное происхождение.

Суженый

Происхождение этого слова надобно производить от судьбы, которая посылает невесте жениха. Самое слово «невеста» означает неизвестная, неведомая, указывает уже на тот русский обычай, когда девушку жених мог видеть только после венца в качестве новобрачной, точно так же и невеста своего суженого, так как оба молодые сочетались браком по воле не своей, а родительской. Отсюда понятно, что, называя в старину венчание *«Судом Божиим»*, видели в этом обряде заневедомо сочетание молодых людей навеки, до могилы, возлагая свои надежды на Бога, который Сам в этом случае *присуждает* им брачный венец.

Свадебные причитания, голосование

Есть суеверие, что будто бы невесте необходимо в девичник и перед свадьбой плакать, основываясь на старинной поговорке: *«Не плачешь за столом, будешь плакать за столбом»*.

В некоторых местностях и по сие время существуют причитания или голосования, так, например, по словам профессора Снегирева, в Верховожском посаде, Сватаньем, невеста, покрытая фатою, среди подруг-девиц садится на возвышенное место с искусною причитальщицей и начинает *причитать*, то есть говорить напевным голосом приличное слово или привет отцу и матери, братьям, сестрам и

всем родственникам, прощается со своим домом и, если ее выдают на чужбину, то и с подругами.

Свадьба с трубами

На свадьбах русских царей и важных бояр, кроме песен, играли в трубы зурны, как то известно из описания свадеб в XVII веке¹. Подобные свадьбы так и назывались *свадьбы с трубами*. Царь Алексей Михайлович во время бракосочетания своего с Натальей Кирилловною велел вместо труб и органов петь своим государевым певчим, дьякам, всем станицам попеременно строчные и демественные большие стихи из праздников и триодей хорошие стихи, со всяким благочинием. Совершением церковного обряда окончились песни и главные обряды свадьбы.

Деревенские обычаи²

Из всех лиц, участвовавших в свадьбе, самым деятельным лицом по возложенной на него обязанности это — дружок. Он распоряжается всем, что только принадлежит свадьбе и свойственным свадьбе обычаям. Каждая местность имеет свои особенности и оттенки, и дружке (шаферу) эти обычаи должны быть известны, как свои пять пальцев; он должен быть и знаток в обычаях, и песенник, и весельчак, и плясун, вообще ловок, смышлен, а также и недурен собою и в обращении.

Вот как описывают свадебный обряд, записанный в селе Бурщеве на Волге в Нерехотском уезде Костромской губернии.

Когда все готово, дружок едет ко всем родным и знакомым с той и другой стороны бракосочетающихся и от

¹ См. «Опыт повествования о древностях русских» Г. Успенского. Ч. I. 1818.

² Извлечено из кн. «Русские простонародные праздники». Вып. IV. 1839.

имени жениха и невесты зовет всех в гости, приветствуя при этом обычным рифмованы наговором:

Бью челом бачко... (имя отчество).
Бью челом мачка... (имя отчество).
К новобрачному князю,
К молодой княгине,
Хлеба кушати.

Когда дружка объедет всех и приготовит весь поезд, со стороны жениха к невесте собранный, то первоначально обращается к отцу и матери, говоря:

Еста! Сватушка коренной и сваханька коренная,
Вы сродников созывали,
Харобрый поезд собирали,
Новобрачного князя снаряжали,
В цветно платье одевали,
За столы дубовые сажали:
За столами за дубовыми
Сидят гости собранные,
Пьют, прохлаждаются,
Храбрым поступком похваляются:
У тебя де, сватушка, на дворах на широких
Стоят кони запряженные,
Во дороженьку припасенные,
Стоят кони поминаются,
С широка двора порываются,
Новобрачного князя дожидаются.
Новобрачный князь собирается,
Во цветно платье наряжается,
Стоит на резвых ногах,
Просит родительского благословения:
Благословите, сватушко, свое дитя,
Из места стать,
Святым помолиться!
Благословляйте!

Из-за столов идти из-за дубовых,
Из-за скатертей из-за браных,
Из-за ествицев из-за сахарных,
Из-за питьецов из-за медвяных,
По горенке идти, по новой,
Через порог переступить,
По мосту по колоновому,
По лестнице по брусчатой,
Широким двором идти,
Ко добру коню придти,
На добра коня садиться,
С широка двора съезжать,
Гладкой улицей проезжать,
В чисто поле выезжать;
По лугам ехать по зеленым,
По цветам по лазоревым
Цветки расцветали,
Поднебесные пташки распевали,
Новобрачного князя увеселяли;
Едет де наш новобрачный князь
По свою новобрачну княгиню,
Сужену взять, ряжену взять,
По Божьему велению –
По царскому уложению
По господскому приказанью
По мирскому приговору.
Благословляйте!

Дружка, покончив эту стихотворную речь, обращается к гостям:

Еста добрые люди!
Гости полюбовные!
Званные и незванные!
Усатые и бородатые!
Холостые неженатые!
У ворот приворотнички!
У дверей притворнички!

По полу ходючи,
По середине стоячи,
Из кута по лавке,
По кривой, по скамейке!
Благословляйте!

Потом, увидя молодых женщин, говорит им:

Молоды молодки!
Хорошие походки,
Куньи шубы,
Соболиные пухи,
С поволоками глаза,
С помали голова.
Золоты кокошки,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки!
Благословляйте!

После сего дружка, встав, приветствует девиц:

Красные девицы!
Пирожные мастерицы,
Чесанные головы,
Обутые голени,
Криночные блудницы
Сметанку снимали,
Кокурки месили,
Под застрег хоронили,
Пастушков дарили.
Благословляйте!

Наконец дружка обращается к малым ребятам, говорит:

Еста! Малые ребята
Свиные...!
Кривые желудки,

Жимолостные ноги,
Броховичные рожи,
.....
.....
Благословляйте!

Потом дружка едет с женихом к невесте. Не доехав до селения, в котором живет она, оставляет поезд в поле, а сам с подружием приезжает на двор к свату. Сват встречает их с пивом в руках, дружка, приняв пиво, говорит такого рода прибаутку:

Еста! Сватушка коренной,
Я иду сам – третий с ковшом.
Резвы ноги с подходом,
Белы руки с подносом,
Ковшик с питьем,
Голова с челобитьем;
Ковшик тебе принять да пить,
После того здоровью быть.
В ручки, в ножки,
В буйну голову,
В ретиво сердечко.
Ковшик прими и вкушай,
А меня там в горнице
Выслушай!

Затем, входя в горницу, дружка говорит:

Еста! Сватушка и свахонька коренные,
Нам сват и сваха приказали про вас расспросить,
Про свое рассказать:
Наш сват и сваха добры и здоровы
По сяков день и по сяков час.
Как вас Бог несет?

Потом дружка присядет на несколько минут за стол. Вставши, берет пиво и потчует свата, повторяя сказанный

пред сим приговор и прибавя к нему просьбу, чтобы поскорее собрать невесту. После сего, по соизволению отца, сажает невесту за стол и, поднося свату пива, просит, чтобы он дал невесте стража. Этот страж сидит близ невесты до самого приезда жениха. Коль скоро такое распоряжение исполнилось, дружка говорит:

Еста! Сватушка, я дружка с подружьем
Приехал к тебе на широкий двор,
Широки двory осматривал,
Новы стойницы опрастывал,
Добро коня в путь поворачивал,
За точеные столбы привязывал.
Ваша милость встречали,
В нову горницу звали.
Я ходил в нову горницу,
Богу помолился, с вашей милостью поклонился,
Ваша милость встречали,
За дубовые столы сажали,
Посидел, погостил,
Что надо себе получил.
Новобрачну княгиню за стол посадил,
Не так просто уезжал,
А сторожа оставлял,
Богу помолился,
С вашей милостью простился,
Из новы горницы выходил,
На новой двор выступал,
К добру коню приходил,
На добра коня садился,
С широко двора съезжал,
Широки улицы проезжал,
В чисто поле заезжал,
Храбрый поезд свой искал,
Мой храбрый поезд
Стоит в чистом поле за далече,
За темными лесами,
За зелеными лугами,

За черными грязями,
За быстрыми реками,
Под ходячими облаками,
Под чистыми звездами,
Под красным солнышком,
Под светлым месяцем,
Под лебединым крылышком,
Под полотняным шатерком:
Пьют, едят из чаши медвяной,
И, хваля, про свата выспрашивают:
Если-ста дворы широкие?
На дворах столбы точеные?
Кольца золоченые?
Ясли крашеные?
Ковры шелковые?
Ну, сватушка! У меня едет велик поезд.
Сто вершников
Пятьдесят толешников...

А рюмочку поднесешь, так и убавлю; а другую поднесешь, так и в половину убавлю; а третью поднесешь, так и сам по себе приеду.

Сват приветствует, говоря, что он всех рад принять. После сего, отправясь дружка за женихом, привозит его к невесте. Сват встречает, сажает за стол. После дружка, вставши, говорит тоже какой-нибудь соответствующий приговор, расположенный стихами, как, например:

Еста, сватушка, коренной!
И сватушка коренная!
Благословляйте новобрачного князя –
С новобрачной княгиней,
Из места встать,
Богу помолиться,
Добрым людям поклониться,
У отца и матери благословиться,
Из-за столов идти из-за дубовых,

Из-за скатертей из-за браных,
Из-за естевцев медвяных,
По горенке идти по новой,
Чрез порог переступить,
По мосту по калиновому,
По лесенке по брусчатой,
Широким двором идти,
К добрым коням придти,
На добрых коней садиться,
С широка двора съезжать,
Гладкой улицей приезжать,
Ехать по чистым полям,
По зеленым по лугам,
По лазоревым цветам;
Цветки расцветали,
Поднебесные пташки распевали,
Новобрачных увеселяли,
Едет новобрачный князь
С новобрачной княгиней
Ко венчанию:
Под венцом стоять,
Закон Божий принять,
Суженую взять,
Ряженую взять,
По Божью повелению,
По Царскому уложению,
По господскому приказанию,
По мирскому приговору
Благословляйте!

Те же наговоры или песни повторяет дружка пред каждым лицом прежде, чем должно ехать к невесте. Когда же возвратятся от венчанья в дом, посидя за столом и кончив его, дружка встает и говорит:

Еста, сватушка коренной
И свахонька коренная!
Благословляйте своих детей

На подклеть идти,
Под шубой спать,
Под куньей спать,
Кунью шубу в ногах топтать

.....

Здоровенько спать,
Веселенько встать.

Потом, приветствовав всех гостей и бывших, дружка оканчивает всю церемонию свадебного обряда.

Пермские свадьбы

Пермяки женят сыновей очень рано. «Едва минет зонке», то есть когда парню будет восемнадцать лет, то уже отец и мать помышляют о том, чтобы дать ему помощницу. Поэтому редко пермяк достигает 25 лет в холостом состоянии, и разве оттого, что живет в крайней бедности, в сиротстве или уже слишком некрасив собою. Ранняя женитьба – неперменный произвол родителей и желание иметь в доме работницу, а иногда удержать шалуна сына от противозаконных шалостей.

Сватовство пермяков. Пермякам свадьба представляет сложность в разного рода предварительных операциях; нужно испросить дозволение у своего начальства и у приходского священника, когда отец приискивает своему сыну невесту. Подобного рода свадьба всегда решается без участия жениха, стало быть по старинному обычаю, и ограничивается только советом родственников и близких знакомых, с которыми и повершается совет и судьба будущего благосостояния ближайшего их родственника.

Случается, что жених узнает свою суженую только на рукобитье, а иногда и в день свадьбы; редко случается, чтобы молодой пермяк сам подговаривал себе невесту. Отец жениха сам подговаривает себе девушку с богатым

приданым, причем ищет характера и благонравия в подмеченной им девице.

После окончательного решения – какую девушку сватать – начинается самое сватовство (корасем). Это дело всегда принадлежит старшему в семействе или, за неимением, крестному отцу, а то одному из старших родственников и вообще человеку опытному в подобных делах.

Принявший на себя обязанность свата наряжается в праздничное платье и едет в дом невесты, летом – верхом, а зимой в санях, и непременно покрытых рогожей.

Сват, или по-пермяцки сватовщик, при входе в дом отворяет двери избы в три приема. Сначала, отворив немного, снова затворяет дверь наглухо, потом отворяет вторично и опять тотчас затворяет, наконец, в третий раз уже отворяет дверь совсем.

Во время входа в избу, перенеся чрез порог правую ногу, сват пристукивает о порог пятой и потом уже ступает на пол комнаты. Это пристукивание, по суеверному понятию пермяков, нужно для успеха дела. Выйдя из-под полатей, которые, как обыкновенно, высятся близ входа, сват молится Богу, став под матицу, молча кланяется хозяевам и садится на лавку и до тех пор молчит, пока хозяин не спросит его о причине прихода, и тут уже в ответ на вопрос его начинает по-русски¹ либо по-пермяцки говорить о деле, предлагая жениха, которого, как и водится, расхваливает донельзя. Отец или мать на эти слова отговариваются сколько могут тем, что и девка молода, и выдать рано, пусть поробит дома и пр.

– Коли-нибудь отдавать жо; девка родилась – век держать не будешь... Жених нашелся стоящей, лучше не найдется; у него всякой скот, пакота (пашня) добра, клéb из сусека не выводитца.

¹ См. Пермск. сборник. 1860. Кн. II. Нужно заметить, что у пермяков существует свой язык, на котором они говорят. По уверению автора, женщины почти не умеют говорить по-русски.

– Да она не приготовила ишшо ни подарков, ни лопоти (верхней одежды), нет у нее ни каптана, ни сарапана.

– Для че нам каптан, для че сарапан?.. Нам нужна ко-роша работнича.

– Как же, без каптана нельзя; год, другой понаровим, все же зделаем; сево годы (в этот год) нам не год отдавать.

Так начинается первое сватовство, почин делу. Но если отец невесты окончательно почему-либо не захочет отдавать невесты, то говорит свату: «У меня нет невесты; ишши ее в другом доме, а ко мне с этим делом (сватаньем) не при-коди. А если кошь, прикоди запросто за бражкой».

Вообще отец невесты на первых порах бывает в ответах уклончив, и свату нужно не один раз приехать, как говорится, с добрым словом, чтобы получить окончательное согласие и согласиться с отцом насчет рукобיתья и сговора.

Если же невеста не желает выйти за предложенного жениха, то отец отказывает во второй или третий раз.

Замечательно, что сватов не угощают у невесты, несмотря на то, что сваты сидят тогда от 3 до 5 часов.

Пермячки редко сохраняют девство, но женихи на это не обращают особенного внимания и не обегают, а напротив, берут с охотой и даже беременных, рассчитывая, что мирен¹ скоро работник будет. Рассказывают и такие вещи, что отцы основали такое убеждение: в семье, считая дочерей своих невинными, оскорбляются сватовством, бранят и даже выгоняют сватов, иногда даже колотят, говоря: «Что, раз дочь моя пенна?», то есть виновна (от слова пеня, вина).

В день, назначенный для рукобיתья, сватовщик берет у жениха вина, пива, рыбный пирог и с этими дарами является в дом невесты в сопровождении одного из родственников или родственниц. Но сам жених редко бывает на рукобיתье и входит в дом только по желанию невесты.

И тут уже после полного изъявления согласия, в день, назначенный для рукобיתья, отец притворно отнекива-

¹ Незаконнорожденный, мирской мальчик. См. Ж. М. В. Д. Статья Рогова.

ется. И только родственники невесты напоминают ему о данном слове, заставляя тем как будто удержаться от отказа и дать согласие.

Тут сват ставит с вином посуду, кроме одной, которую оставляют на нужды невесты! Отец ее приказывает зажечь свечу пред иконою и принести хлеб и соль на стол. Затем все в избе молятся с минуту времени. Затем отец заходит за стол, к столу подходит сватовщик, и берутся правыми руками и, проговорив: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас», сватовщик говорит отцу: «Смотри, сват, ней-мей другого слова! Попятишься – отдашь бесчестие, я отступлюсь – я плачу».

С одной стороны товарищ сватовщика, а с другой – мать невесты разнимают руки; это служит как бы поручительство в том, что между сватами дело начато и утверждено при свидетелях.

После того сват угощает всех присутствующих водкою, а отец, выйдя из-за стола, просит садиться. Потом появляется нарядная невеста и обносит всех водкою, принесенную *на нужды* сватом, и дарит всех подарками, преимущественно своего рукоделья и недорогими. А гости отдаривают за то деньгами. Если тут присутствует жених, то он тоже получает подарок.

После даров сватовщика и сопровождающего или сопровождающую его угощают нарочно приготовленным для них праздничным обедом, состоящим преимущественно из рыбного пирога, студени, щей, двух-трех жарких, иногда меда. Во время обеда угощают всех безразлично, званых и незваных, пивом и вином, привезенным сватом, причем напитков не жалеют, а богатый отец невесты иногда расходится до того, что и своим вином угощает. Разъезжаются уже поздно ночью.

Когда на рукобитье бывает жених, то во время даров и столования соблюдаются обрядности, поются песни, так же, как и в день свадьбы.

Это рукобיתье у пермяков заменяет просватанье. С начала его по день пирожного стола включительно в домах жениха и невесты никому не дают денег взаймы, и даже вещей и предметов, и невеста считается просватанною. Начиная с этого дня в дом приглашается вытница (плакальщица, причитальщица) и подруги.

Вытница — это лицо очень важное в свадебном деле. Обыкновенно в эту должность идут: или старые девушки, или замужние женщины, хорошо знающие пять свадебные песни и руководить хором девушек, разумеется, она должна обладать приятным голосом и манерою петь.

Вытницей она называется не потому, что сама плачет, а потому, что во время ее пения невеста «воет», то есть плачет.

Хорошие вытницы очень редки, и потому у пермяков они в большом уважении.

В течение времени, начиная с рукобיתья до венца, как вытница, так и девушки, если не постоянно, то все-таки и нередко, посещают невесту и помогают ей готовить подарки как невесте, так и самой родне жениха.

В первые дни после рукобיתья все родственники, начиная со сторонних и ближних, приглашают поочередно невесту с вытницею и с подругами к себе в гости, для чего присылается так называемый «зватый». Невеста угощает этого *зватого* вином и дарит его тельником (крестом) и двумя поясками. Для выхода в гости она одевается по праздничному и вплетает в косу разноцветные ленточки. Став среди избы с подругами и запевалой (вытницей), они поют песню отцу, в которой испрашивают его благословения в дорогу, куда они приглашаются, причем невеста кланяется отцу в ноги. Отец дает благословение, и затем, тоже с приличными изменениями, песня обращается к матери и к другим старшим в доме.

Получив от всех благословение, невеста отправляется в гости в сопровождении всех своих подруг, если

близко – то пешком, а если далеко и зимою – в санях, а летом – верхом. При этом подруги берут с собой сиденье невесты – войлок и подушку и дорогой распевают разные проголосные песни.

Если невеста едет к тетке, то, подойдя к переднему крыльцу, девушки, ее сопровождающие, стелют войлок перед избные двери и, ставши на него, вместе с невестой поют:

Не хотела ты, матушка,
На мосту меня заморозить.
Прищипало мои ноженьки резвые
К мосту, да к калиновому;
Прищипало мои ручки белые
Ко скобе да ко железною.

Тетка между тем, постлавши в избе к порогу войлок, выходит в сени с туесом теплой браги для невесты и сопровождающих ее подруг. Невеста при этом падает тетке в ноги, а девушки поют краткую песню о кручине невесты, что она в последний, хоть и не в первый раз к ней приходит. Мысль песни, понятно, выражает тоску о девической жизни.

Поднесенную брагу, разумеется, пьют все; войлок и подушку вносят в избу. Молятся, кланяются, с женским полом целуются и садятся. Хозяйка со своей стороны дорогих гостей угощает брагой, пивом, вином, пельменями и другими кушаньями. В холодное время, чтобы скорее разогреть невесту, подносят ей теплое пиво с перцем. Коль скоро девицы будут угощены всем досыта, то они поют песню, в которой от лица невесты славят тетку, благодарят за угощение и выхваляют ее кушанья донельзя, и не только одной тетке, но каждому порознь члену в доме. За это чествование каждый в доме дарит невесту деньгами от 1 копейки даже до 20 копеек, кроме тетки, которая дарит невесту шамшурую.

Затем поются песни разного рода, и тетка получает от невесты холст на рукава, тельник и два пояска, а хозяйину порты или опояску с тельником и двумя поясками и другие предметы. Все дело в том, что вся пьеса посещения тетки или даже других родственников состояла в прославлении песнями.

В один из последних дней перед свадьбою отец жениха или, за смертью отца, старший и ближний его родственник – сватовщик – приезжает в дом невесты условиться о дне свадьбы, что значит по-пермяцки – *держать совет*.

Он опять привозит с собою вина, пива, рыбный пирог и челпан, завернутые в платок и обвитые тельником и двумя поясками. Вино поступает к отцу, а пирог с платком, тельником и поясками – матери невесты. За эти подарки мать посылает такие же гостинцы от лица невесты к жениху. Невеста угощает дорогого гостя вином, которое получила при рукобтые, а также пивом, брагой и обедом.

За день или за два до свадьбы отец жениха совещается с семьей, кого поставить в поезжане и особенно в вежливыц¹.

Поезд составляется таким образом: крестный отец, старший брат или дядя жениха – тысяцкие или бояре. Крестная мать или старуха тетка, замужняя сестра – в свахи. Младшие братья и знакомые жениха – в дружки и подружки; а какой-нибудь колдун, знахарь – в вежливыцы. «Присутствие колдуна или вежливыца, по мнению пермяков, отвращает от поезда великий злой умысел или злого врага» и т. п.

В это время суеверные пермяки особенно опасаются, не оборотил бы кто свадебжан – в зверей или птиц. Поэтому вежливец должен быть силен в колдовстве; оттого людей, годных для этой должности, весьма мало, и вежливец становится чрезвычайно важным лицом на свадьбе – его почитают больше всех поезжан.

¹ Вежливец – знахарь, которому поручается оберегать молодых от порчи, дурного глаза и от прочего.

Избранные в поезд приглашаются накануне свадьбы в доме жениха. Приглашение это делается со стороны отца, брата или дяди жениха, получающие по этому случаю название «зватых».

Каждому приглашаемому «зватый» привозит в подарок челпан хлеба и кусок говядины, но чаще сырую баранью лопатку. В то же время своего рода приготовления происходят в доме невесты.

В последний день перед свадьбой (в девичник) невесте расплетают косу и водят ее в нарочно истопленную баню, а перед тем как ее вести, поют песни, испрашивая родительского благословения и тоже благословения братьев, сестер и всех других членов семейства.

При всем этом невеста кланяется всем в ноги, безразлично, начиная со старших.

В баню отправляются с песнями, точно так же, как и возвращаясь из бани. При встрече мать возвращающихся из бани невесту и подруг подчуёт брагою и благословляет словом, а затем следует ужин, после которого девушки опять поют благодарственную песню от имени невесты, и, выйдя из-за стола и став среди избы, все поют с невестою опять песню, содержание которой заключает в себе просьбу к отцу о даровании благословения на житье в дальней сторонушке. Отец благословляет дочь; она при этом дарит ему что-нибудь из белья с новым приговором, а затем всем родным в доме. Эту песню повторяют матери, дядьям, теткам, братьям, сестрам и другим взрослым домочадцам, а затем невеста делает всем подарки. Когда же песня кончается, невеста кланяется в ноги вытнице и дарит ее холстом или рукавами.

Вслед за этим девушки сядят невесту на лавку и в последний раз заплетают ей косу с ленточками, сопровождая это припевами, сообразными времени.

Потом с одной или с двумя подругами невеста ложится за стол на лавку, противоположную дверям, к которой

на этот раз приставляется скамейка; прочие девушки, если они одной деревни с невестой, уходят домой; если же дальние, то ложатся на пол и на полати.

Между тем у жениха накануне свадьбы в избе моют пол и застилают его соломой с тем понятием, чтобы молодой не бедно жил с женой и не «голо», а богато, или, по народному выражению, «толсто». По вечеру жених ходит в баню, впрочем, без всяких обрядностей.

В день свадьбы, лишь только проснется невеста, как девушки опять начинают от лица невесты петь песню, в которой говорится, что «будто бы постель невесты уплыла по синю морю, что она не могла ее поймать, а что поймал ее один удалый добрый молодец и положил на свою кровать-тушку». А потом поют девицы каждому из членов семейства невесты, тоже от ее имени, где высказывается сожаление, что не она им стлала постель в горе и кручинушке, и сомневаются, хорошо ли спали-ночевали тот или другой член семейства. Затем невеста встает и опять просит благословения умываться, снаряжаться, под золотым венцом стояти, закон Божий прияти с чуже-чуженином и опять падает в ноги отцу и матери, которые, по обыкновению, опять благословляют невесту словами: «Бог благословит!» После того невеста вместе с девушками спускается в подполицу – в голбец – одеваться. Сначала она умывается с мылом, потом она надевает чистую рубашку, новую и лучшую, с белыми рукавами, китайник, на плечи шаль или ситцевый платок, на голову – ленту и сверху фату, на ноги чулки и коты. Но прежде всего этого, по народному суевию, опоясывается по голому телу лыком, под пазуху правой руки кладет понемногу льна, шерсти, мыла и на грудь три кренделя или три пряничка. По мнению пермяков, лыко – защита от колдунов и уроков (припадков), лен, шерсть и мыло выражают желание молодой носить всегда льняную и шерстяную одежду и ходить чисто и богато; кренделями выражается та мысль, чтобы у мужа никогда

не переводился хлеб и сытая жизнь. Таким образом одевши невесту, девушки вместе с нею поют, выходя из подполицы, песню, где от лица невесты выражают сребра и здоровья Царю и Царице и его малым детушкам, а потом родимым отцу и матери, потом за себя молодешеньку с желанием счастьяца великого; при этом на самом деле кладут по земному поклону пред образами.

Окончив это моление, девушки с невестою садятся на лавки и поют:

Наглядись-ка родимый батюшка
На меня, на молодешеньку.
Хорошо ли я снарядилась
По-Божьи в церковь ехать,
Под златой венец ставати,
Закон Божий принять
Со чужим-то со чуженином?

Эту песню повторяют матери, родным братьям и сестрам, а также и присутствующим родственникам. Затем продолжают:

Я тебе, батюшка,
Бью челом, низко кланяюсь.
Я была у тебя, батюшка,
Малым-то малешенька,
Возле лавочки ходила,
Со по стульчикам бегала,
Брал ты меня, батюшка,
На свои ручки белые;
Поднимал ты меня, батюшка,
Выше буйной головушки;
Говорил ты мне, батюшка:
«Не отдам я тебя, мила дочь,
Ни за князя, ни за боярина;
Посажу я тебя, мила дочь,
Во сады, во зеленые;

Обтыню я тебя, мила дочь,
Тынинами железными;
Покрою тебя, мила дочь,
Камкою трубчатую;
Осыплю тебя, мила дочь,
Мелким частым жемчугом».
Вот сиж у тебя, батюшка,
Во кути, за занавесой:
Обтынил ты меня, батюшка,
Кумушками да подружками;
Покрыл ты меня, батюшка,
Тоскою да кручинушкой;
Обсыпал ты меня, батюшка,
Слезами, да горючими.

В продолжение этой песни невеста плачет, не шутя. По окончании этой песни девушки расплетают невесте косу и вновь поют песню такого содержания, где говорится, между прочим, о том, что невесту берет раздумье: *«Кому оставить свою русу косу и девью красоту?»*. Оставить ли родимому батюшке – тот пропьет все это во царевом кабаке за едину чарочку, оставить ли родимой матушке – та охоча ходити и гуляти, а потому обронит в черную грязь, и наконец – решается оставить русу косу в церкви Божией, за престолом Богородицы, где ей будет *«место и местечко, и житье и красованьице»*.

После такой песни начинается ожидание жениха с поездом.

Поезжане приезжают к жениху, смотря по времени года, верхом, в санях или на телегах и всегда с большим звоном. К приезду поезжан жених бывает уже одет. Белье его бывает белое, зипун черный и сапоги. В первый сапог жених кладет копейки три медных, и всегда полушками. Ко времени отпуски жениха мать или старшая в доме родственница приносят на стол, накрытый скатертью, челпан хлеба, назначенный для благословения жениха, соль, пиво

и брагу и зажигает перед иконами свечи. Жених молится, кланяется отцу и матери в ноги, испрашивая благословения, и, прочитав Иисусову молитву, становится за стол, к которому с той же молитвой подходят все поезжане и отдают, один за другим, жениху чрез стол обеими руками принесенные подарки или гостинцы. Они состоят из печеной лопатки или куска сырой свинины, и всегда на хлебе, причем каждый говорит: «Прими-ка, князь молодой, дорогие подарки» – и сопровождает молитвой: «Господи Иисусе Христе» и прочее. На это жених отвечает каждому: «Аминь – твоей молитве», затем принимает, тоже обеими руками, гостинцы, кладет их сначала на голову, потом на стол и подчует каждого поезжанина пивом и брагой, редко вином, творя Иисусову молитву и приговаривая: «Пей-ка на здоровье (такой-то)». На это, конечно, отзывается каждый поезжанин, к которому обращается жених, словом: «Аминь – твоей молитве» и, приняв стакан, кланяется жениху, приговаривая: «Дай тебе Господи долги века, счастье великое, жить да быть, да счастья нажить, скота, живота, хлеба-соли, княгиню – молодцу получить, с княгиней в церковь ехати, под златыми венцами стояти, закон Божий принять!», и затем каждый угощаемый пьет. Мать или старшая родственница жениха уносит со стола гостинцы в кут.

По приглашению хозяина все поезжане, долженствующие его сопровождать, садятся за стол и по обе стороны жениха. Тысяцкий справа, а слева сваха, впрочем, это зависит от расположения избы; но вообще свахе дают одно из мест с краю стола, поближе к кути. Жених во все время сидит или на войлоке, или на подушке. Прежде чем отправить жениха с поезжанами к невесте, поезжан угощают рыбным пирогом, затем ухой, в скоромные дни – бараньей лопаткою, а после всего как знак окончания закуски приносят каравай. Что касается до жениха, то он по обычаю в это время ничего не ест, хотя поезжане услаждают во время закуски то пи-

вом, то брагой. После закуски поезжане приготавливаются к невесте, причем дружка, опять-таки благословясь, говорит: «Садитесь, отец на отцово, мать на материно». По его предложению родители жениха заходят за стол тоже с молитвой, и дружка начинает, благословясь, говорить:

«Отец родимый! Мать родная! У вас в доме во светлой светлице, во новой горнице, за новым столом, за скатертью шитой-браною, князь молодой сидел с полком – с поездом, с тысяцким, с боярами, с дружкой и с подружкою; не просит у вас князь молодой ни злата, ни серебра, а просит вашего благословения – к княгине-молодице ехать, княгиню-молодицу получить, с княгиней-молодицей до Божьей церкви доехать, под златым венцом стоять, закон Божий принять. Чем его благословите? Ласковым словом, или низким поклоном, или Божьим образом, или хлебом с солью?»

Отец и мать в это время выходят из-за стола; отец берет икону из переднего угла, а последняя – челпан хлеба со стола – и становятся пред столом спинами к переднему углу; жених кладет пред образами три поясных поклона, а два земных, потом падает в ноги отцу и матери. Родители благословляют жениха-сына – то образом, то хлебом попеременно, говоря: «Дай Господи тебе княгиню-молодицу получить – закон Божий принять!»

Такой же обряд и тот же порядок исполняют над женихом старшие в доме после отца с матерью, братья и сестры жениха, иногда старшие в семействе и тысяцкий как почетный член жениха и чаще всего родственник.

Но вот далее: образ кладут за пазуху жениха, а челпан берет дружка. Затем все поезжане и жених в сопровождении своих родителей, родственников и гостей выходят задним крыльцом во двор, где опять с молитвой садятся, каждый на свое место, кто на чем приехал, кроме дружек, которые всегда бывают верхами. Колдун или вежливек между тем ворчит про себя заговор, обходит всех лошадей,

передвигает экипажи, потрясывает колокольцы и бубенчики (шаркунцы). Хотя и глупо, с одной стороны, верить в вежливцам, но, с другой стороны, нельзя и не приглашать простым людям таких знатоков дела в предохранении могущего произойти несчастья от простых причин.

Отец жениха угощает поезжан вином, в случае состоятельности обходя «подачей» всех три раза. Вслед за отцом мать и брат жениха подносит пиво и брагу. Дружко творит молитву и говорит: «Тысяцкий воевода! Приготовился ехать или не приготовился?». Тысяцкий отвечает: «да или нет», в последнем случае значит, что он ждет подачи, которая и повторяется. В продолжение этого дружки, обращаясь к жениху, поют песни, вопрошая жениха: «Куда ты, молодец, снаряжаешься со полком, со поездом» и пр. По окончании песни дружка опять спрашивает тысяцкого: «Приготовился или не приготовился?». Тысяцкий отвечает на это: приготовился. Тогда дружка, как и прежде, сотворив молитву: «Господи Иисусе», – говорит: «Отец родимый, милые братья, милые сестры, гости званные и незванные! Благословите нашего князя молодого, ясна сокола, со всем полком, с поездом и пр. к княгине-молодицы ехать» и пр. Приглашаемые все отвечают: «Бог благословит!». После благословения дружки поют: «Соколы вы, соколы, соколы перелетные!» и пр., а потом: «Бояре, вы бояре, бояре приезжие и пр.», и поезд отправляется к невесте, причем дружка везет к невесте подарки. Некоторые подарки весьма оригинальны по назначению: вино – для отпирателя ворот у невесты и для угощения отца и прочих. Пиво – в лагуне, рыбный пирог, обвязанный поясками, для матери невесты и для сестер; яичные пироги или тоже рыбные для вытницы с девушками и, наконец, челпан хлеба, свой или чужой, китайник, фаты, коты, чулки и мыло со сдавленной в него монетою – для невесты.

Свадебный поезд обыкновенно составляется из нечетного числа поезжан, большею частью из 7 или 9 чело-

век: жениха, тысяцкого, двух-трех бояр, одного или двух дружек, поддрузья, свахи и вежливец. Тронувшись с места, поют: «Как по морю, морю синему, по синему, по Хвалынскому, плыл селезень и пр.». Подъезжая к дому невесты, поют: «У нашего добра молодца черны кудри уви-ваются, увиваются, завиваются на три сторонушки и пр.» В доме же невесты в это время поют: «Погляжу я молоде-шенька, вдаль да во чистое поле и пр.»

В этой песне высказывается и похвала поезжан в отношении их богатства, и в то же время близкая тоска о разлуке с родным домом и жизни с чуж-чуженином, и просьба невесты охранить дом от нашествия супостатов – разлучников.

В это время обыкновенно поезд уже у ворот дома. Девушки прячутся в кути. Невеста садится против печи на лавку, покрытую войлоком или подушкой. Это служит при-метой или желанием жить небедно.

Дружки жениха, подойдя к окну, читают три раза «Гос-поди Иисусе», невеста отвечает: «Аминь».

– Отец родимый! Мать родимая! Звали ли гостей? Ждали ли гостей? – спрашивает дружка.

– Звали, звали! – отвечает хозяин.

– Бьем челом, – снова говорит дружка.

– Было ли сватовство? Было ли любовство? Было ли обручение?

– Было, – отвечает хозяин.

– Отец родимый! Мать родимая! У нас князь молодой, ясный сокол со всем полком, со всем поездом, тысяцкий с боярами, дружка с поддрузьем, сваха с проводничком стоят под окном, под небесным облаком, – дозволили нам, друж-кам, спроситься: вовремя ли или не вовремя мы приехали?

– Вовремя, – отвечает хозяин.

– Будет ли приказано нам – к золотому вашему столбу, к серебряному кольцу – коней привязать или во двор заехать?

- Во двор заезжать.
- Будет ли довольно у ворот воротников, у дверей придверников?
- Будет.
- Будет ли коням сена до ушей, овса до копыт?
- Будет.
- Нет ли на дворе свиньи горласты, собаки кусасты? Гуся зубаста? Свиней во хлев загоните, собак на цепь привяжите, гусей в стало заприте. Нам прикажите али сами исполните?
- Сами.
- Нет ли в доме курицы летучей? Заприте в шесток, чтобы она по избе не летала, сажи не спускала, цветно платье не марала.
- Нет.
- Кто будет ворота отворять? Отец или мать, братья али сестры, али гости званные, али незванные, али люди прихожие, али нам, дружкам, прикажете?
- Брат отворит, – отвечает хозяин.

Это поручение падает на дядю или на других мужчин-родственников.

Когда посланный отправится отворять ворота, то в избе пред образами зажигают одну или две свечи, и девицы в это время поют небольшой куплет, выражающий упрек отцу за то, что он, не послушавшись ее, молодой девушки, отворил ворота и впустил ее разлучников и супостатчиков.

Некоторые из веселых и богатых отцов нарочно в начале или в конце разговора с дружкой стреляют по поезду холостым зарядом, причем иногда лошади пугаются и сбрасывают седоков, к общему удовольствию и смеху.

Потом поезд заезжает во двор, к заднему крыльцу. Отпиравшему ворота дружка дает в особой посуде вино с косушку и с Иисусовой молитвой кладет нагайкой крест на воротах и на ближнем к нему углу дома. Поезжане и же-

них выходят из повозок или спешиваются, снимают верхнюю одежду и складывают ее в повозки или на седла.

Дружка кладет за пазуху восковую свечку, а на особое блюдо для отца невесты ставят вино. Для матери кладет пирог с рыбой, для невесты – челпан, и один, а иногда вместе с поддружием, идет в избу. Здесь он молится Богу, произносит Иисусову молитву и говорит: «Становитесь – отец на отцово место, мать на материно», – и когда отец и мать станут рядом за стол, продолжает: «Руки с подносом, ноги с подходом, головы с поклоном, язык с приговором. Идут от нашего князя молодого, ясного сокола, дорогие гостиночки, честны – не малы примете аль не примете?»

– Примем, – отвечают отец и мать.

Дружка снимает с блюда следующий им подарок, кладет его на стол, потом продолжает: «Идут к княгине-молодице от нашего князя молодого, ясного сокола, дорогие гостиночки, честны – не малы: как прикажете – на стол положить али нам поднести?»

– Ты, дружка, сам поднеси, – говорит отец.

– Со светом или без свету?

– Со светом, обыкновенно, – отвечает отец.

– Свечи воску ярого от нас, а свет летучий от отца и материной душ, – говорит дружка и вынимает из-за пазухи свечку, зажигает ее от свечей пред иконами и идет в кут к невесте, говоря: «Девицы-певицы, пирожные мастерицы, старые старушки, молодые молодки! Подвиньтесь, отсторонитесь от княгине-молодицы, чтобы мне на праву ножку не наступить, чулок не замарать, башмак не разорвать, в белу грудь не толкнуть, бесчестия не хватить».

Невеста с девушками встает на ноги; дружка, сотворив Иисусову молитву, продолжает: «Княгиня-молодица! Становись-ка ты на резвы ножки, на куньи лапки; прими-ка ты от нашего князя молодого, ясного сокола, дорогие подарочки, добрые гостиночки».

В ответ на это девушки поют от лица невесты: «Не приму я без родного батюшки от чуж-чуженина дорогие подарочки, которые разлучат меня из дома родительского».

Дружка опять творит молитву и просит отца благословить невесту на принятие даров от жениха. Отец из-за стола дает благословение. Затем точно так же песня повторяется матери невесты и прочим ее родственникам, каждому особенно и по старшинству. Все родственники благословляют невесту на принятие подарков, и тогда уже невеста принимает подарок, ей следуемый, — челпан. Она поднимает челпан на голову, потом, отломив от него кусочек, дает матери, а затем помещает в близ стоящую коробку; на блюдо дружке для передачи кладет свой челпан для жениха.

Загасив свечу и положив ее на грядку с отдарками невесты, дружка возвращается во двор. Невестин челпан бывает черствый и мягкий. От черствого жених также отламывает небольшой кусок и съедает его. Взаимное отдаривание челпанами имеет свой тайный смысл. Жених дает понятие невесте, что у него будет достаточно хлеба для прокормления жены и семейства. А невеста своим подарком оказывает, целомудренна ли она? Целомудренная посылает жениху самый черствый хлеб, а нарушившая девство — мягкий. С какою целью обнаруживается такой порядок — объяснить можно только тем разве, что у пермяков нарушенное девство не означает особенного проступка или падения чести девушки, как и у японцев.

Отдав жениху невестин челпан, дружка кладет на блюдо другие подарки невесте: китайник, фату, коты, чулки, мыло — и вместе с женихом и другими поезжанами входит в сени, отворяет двери в три приема и, прочитав молитву, говорит через порог невестиной свахе: «Свашенька, ты матушка! Приступись поближе, поклонись пониже, не будь ты драчлива, не будь ломлива, будь жалостлива, будь приступлива!» Невестина сваха тихонько подходит к дверям со стаканом вина или пива; из сеней низко кланяется

ей женихова сваха, тоже со стаканом пива. Когда невестина сваха подойдет к порогу и перенесет через него одну ногу, дружки выводят ее в сени и запирают двери. Здесь свахи меняются стаканами и, поцеловавшись, выпивают пиво. Тогда жених с поездом входят в избу. Дружка, прочитав обычную молитву, говорит: «У вас князь молодой, ясный сокол, стоит среди пола, среди дубового, – просит места. Благословите-ка, отец и мать, – ему место». – «Вот место здесь», – говорит отец, указывая на лавку в переднем углу, а сам выходит из-за стола.

Тысяцкий окупает место, оплачивая его деньгами от 3 до 20 копеек серебром. Жених садится. Дружка берет с грядок свою свечку, зажигает ее и, прочитав молитву, говорит: «Идет от нашего князя молодого, ясного сокола, к княгине-молодице бело мыло, злато серебро, цветно платье, сини чулочки, красные башмачки. Бело мыло – на умыванье, злато-серебро – на уживанье, цветно-платье – на одеванье, сини чулочки, красные башмачки – на обуванье, кому прикажете поднести?»

– Невесте поднесите, – отвечает отец.

Дружка читает молитву, входит в кут вместе с вежливецом и обращается с такими словами к невесте: «Княгиня ты, молодица! Ты прими от нашего князя молодого, ясного сокола, бело мыло, злато-серебро, цветно платье, сини чулочки, красные башмачки».

Во время этих слов вежливец, или знахарь, берет с полу солому и подкидывает ее под ноги невесте с ограждением от уроков и призоров.

Невеста принимает дары так же, как прежде, испрашивая благословение всех домашних, как выше было сказано.

После поднесения даров дружка говорит: «У меня от свечки руки горят»; на это ему отвечают подарком от невесты, то есть шириной, платком или поясками, с которыми он выходит от невесты и присоединяется к поезду. Невеста, как и прежде, садится в кути против печи на лав-

ку. Вежливец, почерпнув ковшом воду из кадки, дает ей умыться в устранение уроков и призоров, а иногда даже и сам ее умывает. Женихова сваха покупает невесту у девушек за гривенник, потом одевает ее в платье и обувь, привезенные от жениха, и, сотворив молитву, берет обеими руками фату, обносит ее по солнцу вокруг головы, относит на сторону и встряхивает; повторяет это три раза и наконец надевает фату на голову. Это делается для защищения головы от всего худого, напущенного. Нужно заметить, что невеста с утра в платье, но было в обязанности ее надеть подарок жениха сверх своего собственного, даже если женихово будет короче, и даже, кроме платья, необходимо надеть все подарки жениха. При таком обыкновении на невесте, кроме двух платьев, в день свадьбы надето две фаты, две рубашки и двое чулок, а башмаки всегда – подарок жениха. Теперь двойное одевание выводится.

Если жених издалека, то невеста венчается в своем платье.

После одевания мать невесты дает невесте подаренный ей пирог с рыбой, и невеста кладет его за пазуху.

Лишь оденется невеста, как дружка после обычной молитвы спрашивает отца:

- Будет ли поезд стоять или за стол сядет?
- За стол сядет, – говорит отец.
- Есть ли у вас столы дубовы, столешники кедровы, скатерти шиты-браны?
- Есть.
- Есть ли нашему князю молодому, ясному соколу, с полком, с поездом, тысяцкому с боярами, свахе с проводничком чего-нибудь закусить?
- Будет.
- Есть ли у вас на дубовых лавках войлоки валены, подушки пуховы, на столе пироги рыбны?
- Есть.
- Где обручаться: в кути за занавеской али за столом?

- За столом.
- Сколько денег за обручение?
- Сколько положите.

При этом тысяцкий кладет, смотря по состоянию жениха, от двадцати копеек до рубля. Эти деньги поступают в пользу невесты. Где сидеть жениху и невесте, на то место кладут войлок и на него подушку. Исключая дружек, поезжане заходят за стол, но не садятся; садится только вежливец в углу стола и молчит.

Дружка продолжает спрашивать:

— Наш князь молодой, ясный сокол, стоит за столом на резвых ножках, на куньих лапках, бьет челом, низко кланяется; ему ни пьется, ни естся, он тоскует, горюет о своей княгине-молодице. Батюшка родимый! Из кути из-за занавесы вывести княгиню-молодицу время или не время?

- Время, — отвечает отец.
- Кому прикажете?

Порученье выводить невесту возлагается на брата, если у ней есть, а нет, то на дядю, то отец сообразно с тем и отвечает дружке.

Выводящий невесту, помолясь Богу и вслух прочитав молитву, просит благословения выводить невесту у каждого из родственников невесты, начиная по старшинству. Получив благословение, берет от икон свечку и идет в кут, где девушки от лица невесты поют каждому члену семейства песню, где та отказывается выйти без родимого батюшки или матушки, без родительского благословения, и тот, кто был назван в песне, обязан подходить к невесте, принять земной поклон от невесты и дать благословение. Тогда только избранный выводит невесту за конец платка, называемого «выкупом», который держит невеста в руках; подводит ее к столу, вместе с ней молится Богу, обводит вокруг стола, нарочно отодвинутого от лавок, ставит возле жениха со стороны кути и, передавая ему конец платка, говорит: «У меня невеста была послуш-

на и почетна, держи ее так, чтобы она и тебя слушала, и у тебя была честна».

В это время женихова сваха иногда заходит в кут и, ударив поднятыми вверх руками, говорит три раза: «Обманули – провели!»

Девушки просят у дружки рыбный пирог, называемый юр-кучик¹, который он и отдает с головы, ставши на стул так, что девушки принуждены бывали подпрыгивать; затем поют песню:

Ох, ты утка, ты уточка
Сера мала перепелица!
Ты зачем рано выходила
Из тепла гнезда утичьа,
На луга на зеленые
и проч.

и затем:

Ох, ты девка, ты девица,
Ты к чему рано во замуж пошла?

И затем в этой песне излагается весь вышеописанный обряд и что отдал ее братец маленький на веки, на долгие, на годы несчетные.

Когда жених получит невесту, тысяцкий угощает всех вином и первую рюмку подносит выводящему невесту, потом подносит по рюмке отцу и матери и затем всем остальным, конечно, взрослым членам семейства и родственникам невесты, причем дружка называет по имени и отчеству каждого, кому подносится вино, и говорит молитву «Господи Иисусе».

После этого угощения весь поезд садится, и тут начинается закуска, состоящая из трех блюд, рыбного пирога, какой-нибудь похлебки, в скоромные дни – шей и в

¹ По-пермяcki: юр – голова, кучик – кожа.

постные – уши, и из челпана; иногда же – у зажиточных – в скоромные дни подают: пирог, студень, щи, три жарких и в заключение челпан. Всякое кушанье подают под прикрытием деревянным блюдом, по требованию дружки, который при этом подсказывает разные прибаутки. Снимает крышку с каждого блюда тысяцкий, а потом хозяйка, уже без требования дружки, приносит челпан в знак того, что пора окончить закуску. При этом едят только поезжане, но прежде ели и жених с невестой.

Пока продолжается закуска, дружки угощают всех родных невесты, девушек и вытницу пивом, которое они привезли с собою от жениха.

Пред окончанием закуски девушки поют песню для жениха, бояр, свахи и для каждого поезжанина особенно, кроме тысяцкого, конечно, с переменою в словах. Эта песня содержит так называемое величание, где выхваляют гостей. Тысяцкому же особенно как воеводе, причем говорят, что «ныне он воюет с головою со невестиною, со буйною».

Когда окончится закуска, девушки целуют поезжан; за песни и поцелуи поезжане дарят девушке от гроша до 3 копеек. Конечно, тот поезжанин, который поцелует девушек и не подарит, как и везде, вознаграждается насмешкою.

Пермячки в этом случае поют:

Создай тебе Господи
Дочерей, сорок-вещиц,
Сыновей, черных воронов!

Поезжане, покончив закуску, выходят из-за стола и становятся среди избы; а вместо жениха и невесты на те же места садятся отец и мать невесты. Посидев немного, они выходят из-за стола. Дружка читает Иисусову молитву, потом говорит: «Отец родимый! Мать родимая! Присту-

пите, благословите своих чад – во Божью церковь ехать, закон Божий принять, под золотыми венцами стоять, чуден крест целовать».

После этого предложения немедленно начинается благословение иконой, которую отец снимает с божницы, и – хлебом, который мать берет со стола. Икона и хлеб передается невестиной свахе. Дружки берут из переднего угла войлок или подушку, на которой жених с невестой сидели за столом. К этому времени женихово пиво обыкновенно выпивается. Родители невесты в пустую посуду наливают свое пиво, чтобы им угостить поезжан после венца у церкви.

Здесь, как в прочих губерниях России, делают подруги так: садятся, которая из них успеет на подушку или войлок, и не трогаются с места, требуя выкупа.

От имени жениха тысяцкий выкупает захваченную вещь, для чего обладательнице ее дают один или два медных гривенника. Затем жених, невеста и поезжане выходят из избы на двор в сопровождении родителей, гостей и девушек, последние поют:

Жарко камню в горе лежучи,
Тошно сердцу батюшкину:
Милу дочь со двора повели,
За ней коробья понесли;
Конь говорит: не сvezу,
Земля говорит: не здыну (не подниму),
Вода говорит: утоплю.

А выйдя на двор:

Кругом, кругом солнышко обошло,
Рядом, рядом бояре ехали,
Со березы вершины вершиночку сломили;
Стой-ка, стой, береза без вершины,
Живи, живи, батюшка, без дочери.

Ту же песню поют матери, сестрам, братьям и другим родственникам.

На дворе жених берет в охапку невесту и сам усаживает ее в сани вместе со свахой, вдвоем, а сам верхом едет вместе с невестой или вместе с тысяцким в санях, тут под жениха укладывают войлок и перину для сиденья, а под невесту – подушку. Если летом, то привязывают войлок и подушки к седлам, для чего эти вещи укладывают в мешки и привязывают к седлам в торока.

Но не сейчас еще трогается поезд в дорогу. Поезжане входят на двор и усаживаются, как то было и на дворе жениха. Их нужно угостить; в это время девушки поют трогательные песни, окружив жениха и невесту.

Между тем вежливек обходит кругом все сани, телеги, верховых лошадей, экипажи и все до мелочей отчетливо в том предположении, нет ли где колдовства, и в то же время нашептывает тот или другой заговор. Наконец брат или дядя невесты отворяет ворота и поезд отправляется в церковь в том же порядке, как от жениха. При выезде из двора дружки крестообразно хлещут нагайкой ворота невесты и ближайший угол дома; хозяин вслед поезду иногда стреляет.

После того девушки в сопровождении вытницы возвращаются в опустелую избу невесты и, усевшись на то место, где только что сидела невеста, закусывают пирогом, полученным от дружек, и расходятся по домам, если церковь далеко, а если близко, то бегают смотреть на венчанье.

Но вот уж и поезд тронулся; однако не проходит трех минут, как дружки возвращаются к дому и под окном невесты спрашивают:

– Нет ли у вас от нас обиды, все ли чашки-ложки целы?

– Обиды нет, все цело, – отвечает отец.

Тогда один из дружек, сотворив молитву, говорит: «Нас желаешь или не желаешь?» Если отец на этот вопрос ответит «не желаю», то дружки возвращаются к поезду; а

если скажет «желаю», то входят в дом, где их угощают пивом или брагой. После двух-трех стаканов дружки уезжают, сказав на прощанье «спасибо! прощай!»

Если дом жениха далеко, то отец с матерью отправляют с братом или дядей ее вещи для подарков новой родне в большой стол.

Пермяки очень суеверны, и потому в обычае осталось во время свадебного поезда каждому встречному кланяться всем поездом, разумеется, с тою мыслью, чтобы того не оскорбить, а умиловить и расположить в свою пользу.

Когда поезд приблизился к церкви, свахи ставят жениха и невесту рядом и дают им держаться руками за концы ширинки и в этом положении ведут их в церковь.

Тысяцкий на данные женихом деньги покупает как для бракосочетающихся, так и для поезжан свечи, кроме вежливца, который стоит у дверей и без свечи.

Когда надлежит священнику подвести бракосочетающихся к аналою, невестина сваха кладет ей под ноги пару поясков, а поезжане окружают молодых, причем каждый держит свечку, обернувши нижний конец ее кто в кусок холстины, кто в платок, чтобы не капать на пол воска.

По окончании венчания свахи покрывают голову молодой или молодушки фатами, поэтому она, как нужно полагать, венчается без фаты, и уводят ее с женихом в сторону или в угол церкви, где надевают на нее шемшуру (женский головной убор), не заплетая кос, а молодая, вынув из-за пазухи спрятанный рыбный пирог, ест его с мужем, если только не помешает им священник с крестом для сопровождения их из церкви. В последнем случае молодые едят пирог за оградой, где тоже распивают пиво и поезжане.

После свадьбы поезд отправляется в дом жениха; вежливец точно так же следит за порядком и спокойствием, стараясь исследовать, нет ли где препятствия для вверенного его попечению поезда. Но если по дороге встретится кабак,

то поезд непременно остановится и тысяцкий, купив водки, угощает всех поезжан, не исключая молодых.

Поезд, въехав во двор жениха, принимается родителями и родственниками жениха; последний встречает молодых с образом, мать с хлебом-солью, братья и сестры с пивом и брагою, причем родню молодого встречают на заднем крыльце очень много посторонних лиц. Все чинно и хорошо, только является при этом иногда один выходящий из ряда обычай: мать жениха часто встречает молодых в вывороченной мехом наизнанку шубе, повязав голову грязными тряпицами и лохмотьями с единственной целью показаться молодухе страшною и тем внушить к себе боязнь, в видах возбудить послушание или же беспрекословное рабство. По приказанию отца молодым и поезжанам подают по стакану пива и браги, а иногда вина. Все заходят в избу. Отец с матерью становятся близ стола лицом к дверям, когда нужно всем входить в избу. Молодые, не доходя до отца с матерью двух шагов, молятся на образ, который держит отец, и после трех земных поклонов подходят под благословение отца и матери образом и хлебом. Отец ставит образ в божницу, а мать – хлеб на покрытый скатертью стол. Образа, которые были и с молодыми, тоже уставляются в божницу, а челпаны ставят на стол. Вскоре затем свахи уводят молодых зимою на печь, летом в кут, где и окручивают молодых, то есть расплетают ей косу на две и надевают на голову шамшуру, повязывая ее, как должно, платком. Потом уже вводят молодых в избу и ставят перед столом. Потом отец распоряжается всем, начиная с молодых до последнего гостя, садится за стол, и молодые садятся так, чтобы были лицом к дверям, на войлок и подушку. Подле жениха сажают тысяцкого, рядом с невестой ее сваха. Дружка произносит обычную молитву и требует подачи кушаньев, и начинается ужин. Молодые в знак единоклассия едят одной вилкой и одной ложкой попеременно, пьют вино и брагу из одного стака-

на, вино из одной рюмки пополам. У богатых за каждым кушаньем бывает круговая подача вина всем застольникам, у людей среднего состояния через кушанье, а у бедных только три раза, в начале, в середине и в конце стола. Но пиво и брага непременно подаются дружкам всем за каждым кушаньем. Вином всегда угощают сами молодые; для этого они за каждой круговой встают на ноги: молодой наливает рюмку вина из штофа, а молодая подносит ее на тарелке. За каждой новой круговой гости не пьют до тех пор, пока молодые не изопьют сами вина. При каждой подаче гости поздравляют с законным браком, желая счастливой согласной жизни, целуя и даря их деньгами каждый раз от 3 до 20 коп. сер. каждый. Ужин состоит в скоромные дни из рыбного пирога, студени, щей, трех жарких (бараньей лопатки, утки и индейки) и челпана. В постные дни – из пирога, судачины с уксусом, ухи из свежей рыбы, сивов, киселя, меду и челпана.

Замечательно требование дружки следующего кушанья по окончании прежде поданного: «Отец родимый! Мать родимая! У нас князь молодой, сокол ясный, с княгиней-молодицей сидят за столом дубовым и скатертью шитой-браною, и тысяцкий воевода просят перемену. Поднашивай! Нет перемены – челпан на стол, поклон воздай! Мы от хлеба-соли сыты, от пива и браги пьяны и веселы. Что в руках вожено, во двор пущено, во хлеве рощено, что есть в пече, все носи на плече. Вы не сможете, мы дружки подскочим и поможем».

К концу ужина все поезжане напиваются и наедаются до последней крайности. Молодые пьют и едят весьма умеренно, сохраняют непоколебимое спокойствие, молчат, скромничают, сидят степенно и важно. По окончании ужина гости пляшут и поют.

Спустя какой-нибудь час молодых ведут спать в подклеть в сопровождении отца, матери, свахи и всех поезжан, включительно с вежливым и дружок; последние приносят

в подклеть рыбный пирог, пиво, брагу, иногда вино. Отец и мать называют молодую «хозяйкою», предоставляя ей право угощать всех свадебжан питьем и пирогами, а вежливек подает свой собственный пирог с рыбой, который они едят вместе в знак того, что они муж и жена с этого времени, есть общий хлеб и жить в единодушии. Поезжане пьют и закусывают от дружек и целуют молодых по три раза, даря каждый раз медным пятакom или гривенником. Молодая, по просьбе поезжан, произнеся Иисусову молитву, разувает мужа, сначала с правой ноги, и вынутый из сапога пятак или другую какую монету берет себе. Этим выражается начало повиновения и покорности мужу, а со стороны мужа будущее расположение к подруге жизни, которую надеется не оставить безбедною и содержать достаточно. Верхнее платье молодой снимает сам. Затем гости из подклета уходят. Остаются только вежливек и свахи. Раздетую до рубашки невесту сваха и вежливек просят обнять и поцеловать мужа и уложить его в постель, потом, по их же предложению, молодая ложится рядом. Когда это исполнится, свахи от радости пляшут. Вежливек поправляет и укладывает молодых в постель, обходит вокруг постели с нашептыванием. И в заключение говорит молодым: «Слово мое крепко! Дай Бог совет и любовь да великого счастья!» Затем все молодых оставляют до утра. Между тем пирование гостей идет далеко за полночь. Здесь все пляшут, поют, кричат, целуются, даже сам важный вежливек предается общему веселью. Потом ближние отъезжают, а дальние остаются у жениха ночевать.

Утром к молодым отправляется вежливек будить их; а потом свахи, чтобы удостовериться, справедливо ли то в действительности, если молодой получил черствый хлеб от невесты; но когда невеста накануне дарила мягким хлебом, то свахи не ходят. Молодая одевается и одевает молодого в чистое белье, привезенное ею в подарок молодому; затем умываются.

В этот день бывает большой стол. Часов в девять – время крестьянского обеда – молодые, все семьяне, поезжане, здесь оставшиеся, и дружки обедают запросто и без вина. Кушаньев немного, вина нет; здесь опять молодые едят одною ложкою, вилкою, и кушанья по-прежнему подают закрытыми. Этим кончается малый стол; в это время дружка, приняв приданое невесты, если его не принимал накануне, берет кстати подарки от родителей жениха на подарки в большой стол¹ и затем едет приглашать всех ближних накануне бывших поезжан. Тестя и тещу весьма редко приглашают; к столованью бывает человек до тридцати, так как тут приглашаются и не бывшие на свадьбе гости; но это у богатых.

Коль скоро соберутся к большому столу, молодая ставит среди комнаты лохань или другую нечистую посуду, берет в ковш воды, полотенце и мыло и приглашает через дружка всех умыть руки², начиная со свекра и свекрови и кончая последним гостем. В этом простом обряде таится тот смысл, где новобрачная выражает готовность на покорность, услуги и смирение не только перед мужем, но и перед всеми его родственниками. После того как все после умывания рук стоят, молодая, прибрав ковш, ведро, полотенце и мыло, становится рядом с молодым среди избы и дарит свекра, свекровь и всех присутствующих. В то время, когда молодая изъявляет намерение подарить тестя, дружка от ее имени говорит после обычной молитвы: «Отец родимый! Мать родимая! Приступись поближе, поклонись пониже! Будь ты не криклив, будь ты не ломлив, а будь жалостлив, будь милостив, будь приступчив. Прими-ка от нашего князя молодого, новобрачного ясного сокола, и княгини-молодицы дорогие подарки. Княгиня-молодица по чистому полю бы гуляла, куниц бы имала, лисиц бы ловила, тебя бы шелком подарила. Она по чи-

¹ Это бывает, если родители невесты живут в одном селении или близко.

² У них говорится «побелить руки».

стому полю не гуляла, куниц не имала, лисиц не ловила, — что напряла, что выткала, тем тебя и дарит. Не осуди за малые подарочки!»

Молодые подходят к отцу и матери и кланяются по череду в ноги. В это время сваха подает молодой, а дружка — молодому на блюдах, первая — дары, последний — вино в рюмке, пиво и брагу в стаканах домашнего дела (приготовления), сыр в кусочках, каравай (привезенные вместе с приданым) и медную монету. Дружка при этом говорит: «Князь молодой новобрачный, ясный сокол, и княгиня-молодица просят тебя сыр крохальный покушать, стакан пива, стакан браги, рюмку пива испить, усы утереть златом-серебром да рубль платить». Отец принимает дары, пьет вино, пиво, брагу, закусывает сыром и караваем, трет усы и бороду медною монетою и, поцеловав молодых, отдаривает деньгами, которые кладет на блюдо. Затем получает дары мать, а потом и домочадцы, родственницы, поезжане и все званные гости. Отдарочные деньги молодая берет себе. Окончив раздачу подарков, молодые отправляются в кут. Награды эти раздаются более или менее ценные, но ограничиваются рубашками, штанами, платками, опоясками, холстом на рукава, тельниками, полотенцами, не более, даже у богатых невест, притом награды эти соответствуют важности значения родства награждаемого лица.

Затем накрывают обеденный стол, который по продолжительности обряда раздачи подарков начинается около трех часов. Часу в четвертом отец молодого приглашает молодых и гостей садиться за стол.

Большой стол бывает такой же, как и накануне, и вся обрядность та же, с тою только разницей, что гости не целуют и не дарят молодых. Столование продолжается от 4 до 6 часов. Этот обед зависит от частого повторения подачи пива, вина и браги и также от многих перемен кушаний разного рода, но в заключение всего, как и накануне, — челпан.

В конце обеда дружка замечает отцу и матери молодого: «Не пора ли молодых спать уложить?» Отец говорит: «Не пора». Только после третьего вопроса дружки в этом же роде отец изъявляет свое согласие, и тогда столowanie оканчивается. Молодые, поклонясь трижды в пояс, трижды в землю и потом опять трижды в пояс, падают отцу и матери в ноги и просят благословения. Вежливек ведет молодых спать в подклеть, куда вносит рюмку вина или стакан пива, и, нашептав в напиток и отпльнув в сторону, дает им пить; потом, как и вчера, уложив молодых спать, уходит. Гости между тем продолжают по-прежнему пирушку и разъезжаются по своим домам, кроме вежливица и дружки, которые остаются. Через полчаса или через час дружка, по поручению отца и матери, отправляется в подклеть и зовет молодую в избу, где, по приказанию свекрови, заводит хлеб или брагу к завтрашнему дню и опять отправляет спать.

На третий день свадьбы бывает *пирожный стол*, где молодая подчует гостей пирогами своего изделия в знак того, что она желает с новой родней водить хлеб-соль и в то же время свое искусство. Но пироги только – слава, на самом же деле, она участвует также в приготовлении прочих блюд. Для этой цели молодые встают рано, оба ходят за водою, за дровами, и если время зимою, то молодой прорубает новую прорубь на реке. Молодая кладет дрова в печь, затапливает и затем занимается важным блюдом обеда, приготовлением пирога или хлеба на яичных сочных, и метет избу, выбрасывая из избы солому, а прочие домашние опять забрасывают избу соломою с целью испытать терпение молодой.

Утром в 9 часов домашние обедают запросто, а через несколько времени в дом молодого собираются родные, знакомые и соседи. Всех приглашают за стол, в это время молодые не садятся, так как обязаны подавать гостям кушанья, а молодой – угощать разного рода напитками.

Блюды приготавливаются почти столько же, что и накануне: студень, щи, одно или два жарких, сыр с караваем и пироги. Питья: брага, пиво, иногда вино. При первой чарке вина гости поздравляют молодого с молодой доброй хозяйкой, *пирожной мастерицей*, а отца и мать с невесткой, с верной заменой. Пьют много, и все бывают очень веселы.

В продолжение обеда прибывают и новые гости. Отпотчевав первых, молодые собирают стол для вновь прибывших, потом третьих и так далее, и нередко продолжают обед до вечера.

С окончанием пирожного жизнь молодых вступает в свои права обыденной жизни до так называемых *хлебин*.

Так называемые хлебины бывают в разные сроки, но преимущественно исполняют в день Масленицы или Рождества. До этого времени зять не бывает у тестя. Хлебины справляют в обоих породнившихся домах. Прежде они исполняются у родителей невесты, которые зовут к себе молодых, а потом отправляются к ним и сами. Как и в день свадьбы, тесть и теща встречают на дворе молодых с хлебом-солью, пивом и брагой.

В обоих домах угощаются обедом или ужином по праздничному с пивом, брагой и вином. Но у тещи существует еще обычай угощать зятя блинами, *блины для зятя*, отчего у нас до сих пор осталась шуточная песня: «*Теща для зятя блины пекла*» и пр. Дело происходит так: теща подает на стол блины, покрытые блюдом и платком. Молодой снимает платок и берет себе, а вместо него кладет деньги, копеек 30, потом снимает и блюдо. Поцеловав тестя и тещу, молодые едят блины. В доказательство любви к теще, по ее просьбе, после первых двух блинов молодой должен съесть нижний блин, не трогая верхних и не пролив масла, для этого молодой накрывает блины блюдом и быстро поворачивает кверху нижнее блюдо. В этом искусстве теща усматривает степень ловкости молодого.

Что касается до значения угощения блинами, то пермяки объясняют так: платок — ее девство, блины — дочь. Взятие платка и раскрытие блинов — удостоверение в сохранении девства до замужества. Деньги — откуп за девство, целование — благодарность за соблюдение дочери. Если молодой недоволен своей женой, то он не снимает платка и блюда, не ест блинов и не целует родителей жены. Но это у пермяков бывает, как говорят, редко.

Беглые свадьбы. Тайные свадьбы. Самокрутка

Подобные свадьбы вообще совершаются без согласия родителей, так сказать, по тайной любви и соглашению молодых людей, тогда как на это нет и даже не ожидают родительского благословения. Есть несколько предлогов к такому венчанию: любовь между неравными по состоянию или богатству; хитрость жениха воспользоваться приданым невесты, а часто и ее капиталом, долгое безбрачие девушки — скучная жизнь между золовок, преследование мачехи, а часто — прикрыть беременность. Впрочем, бывает и так, что часто родители сами потворствуют беглым свадьбам во избежание расходов.

Во всяком случае, девушка сама принимает участие в побеге и даже, если может, то даже предварительно przeprowadит через верного человека к жениху свое приданое, а потом уж сама убежит. В доме жениха свадьба эта считается формальною.

После такого венчания молодые отправляются к родителям невесты, кланяются в ноги и просят прощения. В некоторых приволжских губерниях отец ударяет молодых по спине плетью и приказывает встать, затем прощает и благословляет образом и хлебом-солью. Даже если молодая беглянка не взяла ничего из своего приданого, то родители невесты отдают при этом его. Впрочем, есть и ха-

рактерные отцы, но и те со временем отдают назначенную долю дочери, венчавшейся самокруткой.

Свадьбы великорусские¹

Старинные свадьбы в коренной Руси совершались при следующих условиях: перед поездом в церковь жениха и невесту сажали рядом на соболий или вообще на мех какой-либо, и затем свахи чесали им обоим волосы, обмакивая гребень в вине или в меду (крепком для питья), для чего то или другое питье держал в ковше нарочный. Потом их осыпали хмелем или зернистым хлебом вместе с деньгами², затем зажигали брачные свечи, которые бывали с лишком по пуду у богатых и полегче у менее зажиточных. Свечи эти зажигали богоявленскою свечою. В церкви во время венчанья жениху и невесте под ноги <клали> камку или другую материю, или другую мягкую рухлядь. В церковь возили с собою посудину с хлебным вином, из которой священник давал пить жениху и невесте три раза. При третьем разе жених бросал склянку с вином на пол и топтал ее ногами. Затем, слепивши обе брачные свечи, ставили в кадку со пшеницей в сеннике, в головах постели новобрачных на целый год.

Сенник, где молодые спали, убирался таким образом: по всем четырем стенам этого помещения ставили иконы, во всех четырех углах втыкали по стреле, а на каждой из них по соболю или по кунице с калачом. На лавках по углам ставили по сосуду (оловянному) с медом. Самый брачный одр (постель) делали на двадцать одном снопе. (Как и у пермяков, нечет уважался.)

Как только подадут на стол последнее кушанье, то есть жаркое, то дружка, обернув блюдо с жарким, а также калач и солонку скатертью, относил в сенник к постели,

¹ Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетании. Г. Г. Спб., 1797.

² Хмель, хлеб зерновой и деньги, вместе смешанные, назывались *осыпалом*.

куда вслед за ним отводили и молодых. В дверях сенника посаженный отец, сдав с рук на руки новобрачную мужу ее, делал ей пристойное нравоучение и давал советы, как жить в супружестве. По прибытии молодых к постели жена тысяцкого, одетая в то время в две шубы, одна как следует, другая навыворот, осыпала их осыпалом (зерном, деньгами и хмелем), кормила молодых на постели.

На другой день поутру члены свадьбы являлись в сенник, стрелою поднимали одеяло новобрачных и осматривали по известным признакам непорочность новобрачной.

Совершив глупое наблюдение, разумеется из простого любопытства и ради сплетней, которые есть всегда в народной семье и скоро угасают, хотя живо возгораются, предмет которых никого притом не интересует, кроме новобрачного, свахи водили молодых в баню, куда теща зятю присылала платье, нужное для того, чтобы достигнуть до покоев, а потом кормила их кашею. Со стороны молодой следовало всех собравшихся гостей кормить овощами и разными предметами. В порядке церемоний брачного торжества было, чтобы жених держал за руку невесту, где бы только ни приходилось ему представляться вместе с нею во время брачного торжества, иначе все предрекали неприятный брак и несогласие в супружестве.

Старые обряды, как и ранее видели, существуют, но уже изменены во многом¹. Накануне дня брака призывают в дом жениха шести или семи лет мальчика, который укладывает в ларчик для подарка невесты все галантерейные предметы, как то: румяна, белила, духи, опахало, перчатки и проч. Этот ларчик, заперев, отвозит в тот же вечер жених вместе с ключом к невесте, и оба они сидят потом в шубах в знак благополучия.

Но вот наступает другой день, день поезда в церковь; избранный со стороны невесты мальчик обувает невесту

¹ Это говорится в книге, изданной в 1797 г. под названием «Позорище странных и смешных обрядов». Г. Г. Спб. Цензор Семен Котельников.

в новую обувь и продает ее косу за гривну, за полтину или за рубль, словом, торгуется, сколько может выторговать и побольше дать цены.

Новобрачных укладывают спать в пустой хоромене, притом в удаленной и в нетопленной, несмотря на холод. Говорят даже, что для новобрачных строили такие покои, на потолки которых и земли не клали.

Под постель клали ржаные снопы или солому, примета или обычай, сказанный нами выше. Молодая должна разувать молодого в первую ночь свадьбы, и у него под пятой правой ноги всегда бывало несколько медных денег, а в левом сапоге плетка. От молодой зависело взяться за правую или за левую ногу, так как мужа необходимо требовалось разувать. И вот ежели она по своей оплошности, застенчивости или робости хваталась за левую ногу, то молодой, вынув из-за сапога плетку, хлестал ее. Но если она бралась за правую ногу, то деньги, которые были в сапоге, она брала себе.

На другой день бракосочетания, ежели молодая не была целомудренна, то дружка, взяв стакан с дырою на дне, зажимал его пальцем и, налив его каким-либо напитком, подносил ее матери; коль скоро мать брала стакан, он отнимал палец, и напиток вытекал.

Такая укоризна матерям и сейчас идет к лицу. Старина наша была не глупа. Если женихи брезгают недостойными девушками, а особенно, если по неосторожности один такой вступил с упавшей девушкой в брак, то, конечно, вся вина падает на мать, и стакан с дырой – укоризна слабым родителям. Из этого можно заключить хоть немного, но верно то, что для воспитания дочери – прежде всего внушение веры и что нет лучшего качества в замужестве, как ее непорочность, которой не брезгают ни князья, ни бояре, ни ученые люди. Отсутствие девства для жениха внушает на всю жизнь ревность, и это рождает много неприятностей в жизни, которая тянется до

пятидесятых годов, то есть до времени привычки, когда угасает любовь; но согласие супружеское необходимо для поддержания семейных выгод, интересов и для воспитания детей. Вот тут и нужна школа жизни, но мудрая. Воспитывать детей – дело важное. Нужно их воспитать, нужно их учить. Воспитать – направить, учить науке, развить разум, дать светское понятие или цель в жизни. Про мальчика говорить нечего.

Вот цель родителей и преимущественно матери, так как муж чаще занят пропитанием, а не воспитанием семьи.

В наше время, если дали девушкам свободу, позволили им являться в свет, романами великих поэтов внушили им великое значение любви, нам нечего удивляться, что они, читая какого-нибудь заграничного нового философа, начинающего страдать ипохондрией, сумасшествием или какою-нибудь овладевающею его идеею, врет с три короба и смущает прочих, а девушки читают и на ус мотают, а из этого извлекают свои теории и путают все системы.

Свадьбы в Малороссии

У малороссов свадьбы происходят так: сын, пришедший в возраст, объявляет своему отцу под веселую руку, что такая-то девушка недурна, ему нравится и охотно бы женился, если она пойдет за него.

Тогда отец приглашает двоих своих родственников, уже пожилых, а иногда соседей, и предлагает им намерение сына. Сын им низко кланяется и вместе с отцом просит их, чтобы они приняли на себя труд сходить к отцу избранной девушки посватать дочь за него. А получив от них согласие, вручает каждому из них по посоху в знак полномочия их и посольства и нарочно приготовленный хлеб и провожает их за ворота. Такие сваты называются *старостами*.

Старосты, явясь в дом невесты, кладут этот хлеб на стол и потом приветствуют хозяина. Хозяин приглаша-

ет их сесть, заводит о чем-либо разговор; они, отвечая на все, крепко постукивают посохами, напоминая тем как бы нетерпеливое желание спрашивать о причине их прихода, причем стараются объяснить с ним кратко и прямо, если хозяин нарочно медлит таким вопросом. Хозяин, выслушав предложение, и если оно ему нравится, отправляется в хижку (клеть) к жене своей, объясняется с ней об этом предмете, и, призвав дочь свою, родители спрашивают ее, нравится ли ей жених?

Узнав от дочери, что жених нравится, водят ее к сватам; тут она каждому из сватов подносит по ручнику или полотенцу на деревянной тарелке в знак того, что она принимает их предложение. Старосты, приняв дары, перевязывают их через плечи и, оставив хозяину в залог своего посольства хлеб и получив в замен его другой, отправляются в дом жениха с радостною вестью.

Жених, видя своих возвращающихся посланников с знаком согласия через плечо, встречает их у ворот и вводит к отцу, где, по общему с невестинными родителями согласия, назначается день бракосочетания. С этого дня жених ежедневно посещает невесту, к которой во все эти дни ходят ее подруги; но во все время до свадьбы песен не поют, да и даров до этого времени жених невесте не возит. Жених имеет позволение, если желает, с невестой быть наедине и даже ночевать, причем строго воспрещено предпринимать что-либо противное целомудрию невесты.

В Малороссии также существует прекрасный обычай не помогать приданого. Жених в этом случае предоставляет все это на волю будущего тестя.

Бракосочетание у них бывает обыкновенно в воскресенье, посему накануне, в субботу, бывает у невесты девичник, приглашаются подруги или дружки, из которых одна называется на всю свадьбу *светилкою*. Ее обязанность во время стола сидеть в большом углу и держать на сабле, увитой калинными ветвями с ягодами, восковую свечу *тройчатку*.

Вечером к ужину приезжает жених с *боярами* (молодыми товарищами) к невесте, где против их сажают за стол подруг невесты. В это время жених раздает дары родителям и сродникам невесты, а дружки поют свадебные песни. После ужина начинается пляска под скрипку и пляшут до полуночи.

Бояре и подружки отправляются в воскресенье с женихом и невестой к утрени, а после обедни венчаются. После венца жених с боярами и с поезжанами (с беседой) едет к себе в дом, тогда как молодая со своими подругами отправляется к своему отцу в дом.

У жениха обедают все бояре с светилкою, свахою, старостами и маршалками¹, причем сваха и светилка в знак особенного почета пришивают боярам, старостам и скрипачу к шапкам из красных лент цветки (цветки), за что получают от них по копейке или по две. После обеда родители жениха садятся на шубу кверху шерстью и держат в руках каравай хлеба; сын кланяется в ноги сперва отцу, а потом матери и просит позволения ехать к невесте; благословив хлебом и солью, родители его отпускают, и молодой со всеми своими гостями отправляется к невесте.

По приближении к дому дружка и поддружий, дав знать о сем отцу и матери невесты, кладут на стол хлеб и склянку водки. Мать, подарив им по ручнику, велит въезжать во двор, среди которого всегда ставится стол, накрытый скатертью, а на нем квашню, хлеб и посуду с водкой. Выходит теща встречать жениха в вороченной шубе, сидя на вилах или кочерге и держа в руках горшок с водой и овсом, который после обыкновенных приветствий подает она зятю, а сей, не сходя с лошади, выливает все на гриву лошади и потом отдает пустой горшок старшему боярину, который по принятии бросает его в сторону, причем ежели горшок разобьется, то родится сын, а если уцелеет – то дочь.

¹ Дружками со стороны жениха.

Как только жених сойдет с лошади, то брат невесты или какой-либо близкий и молодой родственник, сев на лошадь жениха, рыщет по улице во всю конскую прыть; за ним гонятся на лошадях бояре, а, настигши, ведут лошадь на тот двор, где подчуют его на коне вином, причем подносящий говорит ему: «*Прошу выкушать!*», а тот, не принимая чарки с вином, только кланяется. Дружка выпивает эту чарку сам и, налив другую, снова подносит, но он опять не берет; дружка потом спрашивает: что ему надобно? «Денег», – отвечает он, тогда дружка подает ему на тарелке несколько копеек; невестин брат, приняв деньги, выпивает вино и сходит с лошади. Тут его слегка стегают прутиком, но брат невесты успевает убежать к сенным дверям и, взяв обнаженную саблю или палку, садится рядом с невестою.

Между тем жених со свахою и светилкою стоят в сенях за порогом. Невестина мать, выйдя с зажженною восковою свечою, зажигает ею свечу в руках у светилки, потом целуются через порог с нею. Тогда дружка с позволения старосты вводит жениха в избу, где сидит с своими подругами невеста и ее брат с обнаженной саблей.

Дружка спрашивает брата жениха: «Ты зачем здесь?»

– Сестру берегу, – отвечает тот.

– Она не твоя, а наша, – говорит дружка.

– А если она ваша, – говорит брат, – то заплати за нее то, что я на нее употребил.

– А что ты на нее употребил?

– Весьма много, – отвечает брат, – а именно: в пятнадцать лет пребывания ее в нашем доме она съела и выпила: пять бочек бураков (свеклы), три бочки капусты, четыре вола (быка), шесть кабанов (откормленных баранов), десять овец, сто гусей, двести кур, семьдесят пять уток, двадцать кулей хлеба, пять бочек пива, две бочки меду, пять бочек горелки и пр.

Дружка, выслушав все это, вынимает из кармана две или три копейки и, положив их на деревянную тарелку, на

которой уже стоит налитая чарка вина, подносит ее продавцу, а этот, видя мало денег, не уступает и продолжает торговаться до пяти, а иногда до десяти копеек. Получив то, чего желал, выходит из-за стола, за который на его место садится жених, до того времени безмолвно стоявший посреди комнаты и смотревший на сцену торговли.

Невеста бывает в это время одета в шитую узорами белую холстинную сорочку, поверх которой пестрая шерстяная плахта (юбка), красная запаска (передник, фартук), сверх всего суконный смурый или белый кафтан. Козловые красные с железными подковками или высокими ободками сапоги, подбитые гвоздями. На голове две завитые из природных волос косы, около которых повязаны шелковые разных цветов ленты с висящими по спине длинными концами. На шею обыкновенно надевают красное монисто (несколько корольковых ниток) и медный или серебряный крест; на руках кольца. Костюм жениха – суконный смурый кафтан, того же цвета шаровары, шерстяной пестрый пояс, суконная с околышком черной овчины шапка и на ногах сапоги, сильно смазанные смальцем (салом) или дегтем. В одном сапоге лежит медная или серебряная монета, на руке перстень или кольцо. По кафтану красный кушак, за которым заткнут красивый шитый платок.

После описанной купли невесты как новобрачные, так и его поезжане сидят за столом. Вскоре отец и мать невесты, также и родственники невесты, войдя к ним с налитыми вином стаканами, потчуют их и всю беседу. Потом дружка испрашивает позволения у старосты на раздачу подарков отцу, матери и всем родственникам невесты. И таким образом отцу дается хлеб, матери сапоги, родственникам хлебы и платки, а дружкам (подругам) по горсти орехов и по два бублика (кренделя).

Равным образом жених и невеста дарят всех родственников хлебами и платками, а бояр – каждого по шитому или

тканному бумагою платку. Потом дружка просит позволения у старосты или посаженного отца на то, чтобы поплясать новобрачным и прочим на дворе, и, получив разрешение после троекратной просьбы, пляшут под звуки скрипки до времени обеда, к которому также являются с позволения старосты или посаженного отца.

Стол покрывается сверх кылима (ковра) скатертью. На нем ставятся деревянные белые или красные тарелки и ложки с несколькими ножами, но без вилок. Перед женихом и невестою ставится одна тарелка, положены крестообразно две ложки и целый ржаной, осыпанный солью хлеб. Посреди стола лежит кулич (каравай), который накрыт крестообразно же двумя утиральниками с вышитыми по концам красною бумагою и который осеняется еловою веткою, в него воткнутою. Позади новобрачных в углу, где иконы, стоит сабля с зажженными восковыми свечами – принадлежность светильки.

Как только принесут первое кушанье, состоящее из лапши со свининой и курицей, отец и мать невесты подчуют гостей и сами пьют за здоровье молодых, которые во весь обед не пьют и не едят. Таким же образом при борще, жарком и при других кушаньях повторяют пить. В продолжение обеда невестина сестра или родственница, сняв с жениха шапку, пришивает к ней сделанный из розовой ленты цветок, а между тем поет приличную по сему предмету песню, за что получает в награду несколько копеек. Перед концом обеда дружка по благословению старосты, прочитав «Отче наш» и сняв с кулича ручки, берет один себе, а другой отдает подружжю. Потом, перевязавшись своим через плечо, разрезает кулич по частям и рассылает куски всем присутствующим за столом. Каждый, получив кусок, должен за него дать какую-нибудь мелкую монету на разживу новобрачной. После обеда начинается пляска и продолжается до вечера.

В сумерки входят в избу и начинают ужин, который идет тем же порядком, как и обед. После ужина подруги невесты, простясь с нею и откланявшись всей веселой беседе, расходятся по своим домам, получив притом в подарок по горсти орехов и несколько бубликов каждая. Старшую же подругу провожают молодые люди (бояре) при пении, пляске и музыке до самого двора. Когда подруги удалятся, собирают ужин для молодых в особенном уединенном месте, иногда и в чулане. В это время дружки и свахи собирают невестино приданое и укладывают, смотря по времени года, в телегу или сани и, посадив потом туда невесту с светилкою и свахою, везут в дом жениха; сам жених едет по правую сторону верхом, сопровождаемый боярами. Жених вскоре по отъезде из дома тестя ударяет новобрачную несколько раз плетью по спине, говоря: «Покидай нравы отца и матери, а привыкай к моим».

При самом отъезде в дом жениха среди ворот зажигается куль соломы, чрез огонь которого провозят повозку невесты и все следующие верхами за нею. Потом новобрачные входят в избу, кланяются отцу и матери и опять садятся за ужинный стол со всеми гостями и тем же порядком, как в доме невесты. После ужина дружка со свахой и родственниками ведет их в подклеть, где оставляют их одних. Здесь невеста разувает жениха и берет деньги из сапога себе, а муж в это время бьет ее голенищем по спине. Потом ложатся они на постланной на полу соломе, покрытой килимом или войлоком, который служит им вместо одеяла. После некоторого времени молодой призывает дружку и объявляет ему, что жена его сохранила девство до сегодня, а этот последний объявляет это всей беседе с доказательствами налицо. Затем ей тотчас подадут другую сорочку. Тут происходит новое веселье, пляска и песни; потом гости жениха отправляются в дом родителей невесты, бьют посуду, окна, ломают столы, лавки,

причем родители жениха вместо того, чтобы обижаться, награждают полотенцами и платками гостей за радостную весть о благополучии дочери. Получивши дары, гости отправляются опять в дом жениха и там шумно проводят день до рассвета.

На другой день снова собираются к жениху гости. Поутру рано приходит старший боярин к новобрачной и, взяв у нее красную запаску, то есть передник, выставляет его высоко на шесте как флаг над домом молодого, в знак целомудрия новобрачной.

Потом дружки, свахи, бояре, родственники, соседи и проч. под предводительством одного дружки отправляются в дом старшей подруги новобрачной и ставят на стол хлеб и посуду с водкой, та, со своей стороны, ставит на стол кушанье и потчует посетителей им и водкою; поевши и выпив, гости выходят на двор, пляшут и поют, и так повторяется то же у всех подруг невесты. Отпраздновав всех по порядку, гости возвращаются в дом жениха и просят у отца позволения вести молодых в церковь. Отец надевает на молодую кибалку (наметка). Коль скоро достигнут они церкви, то дружка, поддружий и другие, оставя их на *цвентаре* (монастыре), все без исключения поют песни и идут в дом священника, где, поставя на стол хлеб и водку, просят его, чтобы он ввел молодых в церковь. Священник, получив надлежащую за то плату, склоняется на их просьбу, вводит с молитвою в церковь, читает молитву, благословляет молодых и надевает после того на голову молодой серпанку (фату), потом, окропля того и другого св. водою, отпускает с миром.

Гости возвращаются в дом отца жениха. Там сажают молодых за стол, туда является и свекор и, тыча палкою в глаза, спрашивает: «Не слепа ли она», но потом, сняв с нее серпанок, подчует ее вином. Затем дружка угощает молодых хлебом, намазанным сотовым медом, а потом всех гостей¹.

¹ Не от этого ли первый месяц молодых называется «медовым»?

После обеда с позволения старосты выходят все во двор для пения и пляски, которую начинает дружка. Потом старший боярин, положив на тарелку несколько денег и поставив чарку вина, подносит молодой, которая, приняв деньги и выпив вино, начинает с ним плясать; таким образом она переплывает со всеми. Потом гости, войдя в избу, садятся за стол, где отец и мать их потчуют; потом дружка, испрося благословение у старосты и прочитав «Отче наш», разрезывает кулич и подносит куски отцу и матери, родственникам и вообще всем гостям, которые со своей стороны для обзаведения молодых хозяйством дарят их разного рода скотом, птицей и другими предметами домашнего хозяйства.

По окончании этого угощения дружка, взяв *стульни* (пироги без начинки, лепешки), также вареную, а иногда и не вареную курицу и обложив ее ветвистою калиною и красными бумажными нитями, идет с молодым и со всею свадебною беседою с пением и музыкой к тестю, а по прибытии туда ставит курицу и пироги на стол.

Тесть и теща угощают зятя и всех его сопровождавших, чем Бог послал. В это время дружка, разрезав курицу, подает: тестю пару пирогов и куриную головку, теще столько же пирогов и гузку, то есть заднюю часть, а прочим гостям по ломтю пирога и по куску курицы. После сего теща отправляется со всеми гостями к отцу ее зятя, и там все, поужинав, веселятся всю ночь.

Во вторник собираются все гости, исключая бояр (бывших товарищей молодого) и подруг невесты, к обоим сватам; и ходя компаниями из дома в дом, подчуют друг друга кушаньями и вообще шумно веселятся.

Такое свадебное пирование продолжается целую неделю. Несмотря, по-видимому, на большие расходы, вся свадебная пирушка в течение недели в старину обходилась с обеих сторон в 34 рубля 20 коп. ассигнациями¹.

¹ По смете, составленной в 1777 г., то есть 9 руб. 57 коп. на наши деньги.

Свадьбы на Урале

У уральских казаков в обыкновении у сговоренной невесты с начала сговора до самой свадьбы гостить всем ее подругам, где сходятся молодые люди, поют и пляшут с девушками. В девичник жених приносит своей невесте в подарок платье и весь женский убор, а невеста отдаривает эти подарки шапкою, сапогами, рубашкою и шароварами.

После венчания невесту везут в телеге, сзади ее сидит мать и сваха, пальцы которой унизаны бывают кольцами. Обе они прикрывают невесту полотенцем, чтобы никто не видал ее. Пред телегою идет жених с отцом и дружкой, а позади ее едут верхом на лошадях приятели и родные жениха. Один из них на шесте, подобно знамени, несет полосатую плахту (юбку).

Свадьба у донских казаков

У донских казаков за невестою не бывает никакого приданого, напротив, жених обязан одеть невесту с головы до ног.

Свадьбы у камчадалов

Камчадалы – древние обитатели обширного полуострова Камчатки. Образ женитьбы у камчадалов слишком странен и дик. Когда камчадал захочет жениться, то ищет себе невесты в чужом острожке и, высмотрев по своему характеру девушку, приходит к ее родителям, изъясняется пред ними в своем сердечном расположении к их дочери и просит их пожить у них несколько времени, на что те легко соглашаются. Иногда даже не объясняется с родителями, а просто так поступает и, прослужив несколько времени, просит за услугу дочь.

Во время службы, чтобы понравиться родителям девушки, он показывает необыкновенное усердие, ловкость и проворство, даже удайство. По истечении условленного срока молодой камчадал добивается позволения *хватать невесту*. Если поведение его будет хорошо и он понравится родителям, сродникам и невесте, то ему позволено хватать, если же нет, то труды его вознаграждаются какою-либо вещью и он должен оставить их острожек (селение). Случается, что он остается и без всякого вознаграждения.

Камчадал, получивший позволение хватать невесту, всеми силами старается улучшить время, подстеречь невесту одну или с немногими женщинами; между тем как со стороны женщин и девушек селения принимаются все меры к тому, чтобы сохранить невесту от нападения, так что редко ее оставляют.

К тому же ее в это время одевают в две, три хоньбы (одежда из собачьей шкуры), потом опутывают от колен до мышек рыболовными сетями, по которым увивают ремнями так крепко, что она решительно лишена всякого свободного движения. Опутывание и укручивание невесты служит к тому, чтобы защитить девушку от молодого человека, которому необходимо для получения ее в жены прикоснуться к голому ее телу, а для того разрушить своею ловкостью все преграды к тому. Если только представится к тому возможность, он стремительно кидается к девушке, старается разорвать ремни и сетку, но тут невеста и девки поднимают крик, визг, схватывают его за волосы, царапают его лицо, бьют и всеми силами стараются отбить невесту, хотя сама невеста окончательно не делает при этом никакого сопротивления. Если жених, преодолев все препятствия, успел коснуться рукою до голого тела, с него этого довольно, он победитель и сам отходит от нее, а затем все бабы и девушки разбегаются, между тем невеста умильным голосом говорит своему жениху: «*Ну, ну!*», чем и заключается весь брак у камчадалов.

Редко случается, чтобы камчадал сразу достиг своей цели. Бывали случаи, что ему приходилось пробовать свою ловкость несколько раз и каждый раз получать ушибы и царапины, для излечения которых требовалось время. Бывали случаи, что бедняк семь лет добивался своей невесты и во все это время служил безвозмездно, а бывали такие примеры, что после неудачных попыток бедный жених был поруган своей невестой и бабы, овладев им, сбрасывали с балаганов.

Кто схватывает свою невесту, тот получает все права мужа и на другой или на третий день увозит ее в свое селение. Для празднования же брака он возвращается спустя несколько времени к родным жены.

Что касается до женитьбы на вдовах, то здесь не встречается никаких препятствий, кроме одного согласия с той или другой стороны.

Мордовские и чувашские языческие свадьбы

Когда отец хочет женить своего сына, то посылает к отцу невесты посторонних людей, чтобы спросить: желает ли он выдать дочь свою за *такого-то*? И если последует благоприятный ответ, то родители жениха и невесты договаривались о *калыме* (выкупе), также – кому держать первую попойку и сколько чего употребить при ней. Калым полагался, смотря по состоянию, 8, 9 или 10 рублей ассигнациями. Потом отец и мать жениха просят невестину родню в гости в доме ее, а из своей родни никого не принимают.

В назначенный для того день званые гости собираются, причем их угощают.

Только в самый день бракосочетания объявляют жениху и невесте о том.

Родители жениха приезжают в дом невесты, которая в то время уже совсем одета по-праздничному и пригото-

лена к браку. Вся церемония и важность ее заключается единственно в том, что отец, взяв за руку дочь свою, а мать в руки хлеб и соль, вручают дочь свою с хлебом-солью свекру и свекрови.

Невеста, поблагодарив родителей своих за понесенные ими труды и хлопоты о воспитании ее и притом заплавав о родительском доме и родственниках, покрывается белым холстом до пояса и в этом виде выводится своим братом из отеческого дома до саней или телеги. Прочая родня ее, проводив ее до половины дороги и встретив родню женихову, возвращается, так как на брачном пиру с невестиней стороны родни не бывает.

Как только приедут в дом жениха, то его брат или ближайший сродник, взяв невесту за руку, вводит в избу и сажает за стол. Потом зовут жениха, который, нахлобучив шапку, садится подле нее. Отец его при собрании всех сродников и других гостей, взяв поставленный на столе пирог аршина в полтора, поднимает его и концом его поднимает покрывало у невесты, говоря между тем: «Вот тебе свет! Будь счастлива к хлебу, животу и размножению семьи». Потом переменяет он ей имя: Мезява, большая, Сернява, средняя, Вежава, меньшая, и так далее по старшинству сочetaющихся сыновей своих. Тогда жених и сродники увидят невесту, так как и она их всех. После сего начинается пирушка, которая продолжается, смотря по средствам. В этом состоит весь обряд их таинства брака.

Ныне их браки как христианские сопровождаются новыми обычаями, близкими к нашим. Обыкновенно в день свадьбы надевают на невесту красное платье или кумашник, красную рубашку и красные сапоги. На все пальцы обеих рук надевают разноцветные перстни с привешенными к ним небольшими цепочками, к которым привешены серебряные или медные копейки. Голову ее прикрывают красною фатою так, чтобы видеть лица ее нельзя было. Пред нею ставят скамейку, на которую ставят хлеб, соль

и ведро пива; подле нее садится пожилой мужчина с иконою, пред которою мальчик держит свечу. Между тем все сродники ее, подходя к ней один по одному, подклоняют головы свои под фату ее, которых она порознь оплакивает. В продолжение сей церемонии один играет на гудке; а прочие по своему обыкновению, приплясывая, поют: *вой! вой!* При этом потчуют пивом или медом всех без изъятия предстоящих, и всяк в честь себе вменяет быть при этом пьяным. Со стороны здесь не бывает гостей, кроме отца и брата, свахи и двух дружек. Должность свахи и одного дружки состоит в том, чтобы подносить напитки.

Другой дружка, стоя пред невестою в безмолвии, держит в правой руке обнаженную саблю, которою, время от времени махая, ударяет в полоток или матицу.

Между тем у печки на столе кладут постель и все прочее приданое, на котором садится невестина сестра или иная ее подруга, у которой дружка должен выкупать приданое.

Коль скоро невеста оплатит всех своих сродников, то немедленно начинается церемониальное шествие к венцу. Во первых – идет дружка с саблею, потом невестина мать или бабушка со свечою, а за нею отец или ближайший сродник с иконою.

Тут берут невесту кто за пояс, кто за ноги и выносят из избы на двор. Между тем она, как бы неохотно оставляя дом своих родителей, старается всеми силами противиться этому выходу из дома. То схватится за матицу, то за косяк дверей, то за скобу, и с такою силою, что окружающие ее должны бывают употребить все силы для того, чтобы раздвинуть руки. Коль скоро вынесут ее во двор, то дружка, вооруженный саблею, кричит, чтобы все зрители стояли рядом и чтобы никто не выходил ей навстречу, что принимается за дурной знак.

Между тем у избы запирают двери и никого оттуда не выпускают, пока не посадят невесту в сани или в по-

возку и покрывают белою скатертью с бахромою. Поезд следует так: сперва отец или брат женихов, потом невеста со свахою и дружкой в одной повозке, затем подруги ее и вся свита едет только до половины дороги, а отсюда сопровождает ее поезд жениха до самой церкви, где дожидается жених.

Когда окончится венчание, впереди всех едет жених, а за ним невеста, после того и весь поезд. По прибытии домой жених тотчас, приняв невесту, ведет в избу; но прежде, нежели входят в нее, становятся оба одною ногою на порог избы, где ставят горячую с хмелем сковороду на ногу сперва жениху, а потом невесте. Жених сбрасывает ее ногой, потом то же делает и невеста. За отбрасыванием ногою сковороды с хмелем тщательно наблюдают все домашние и выводят свои заключения о будущем новобрачных. Чем далее отлетит сковорода от ноги невесты, тем она будет сердитее и сварливее; а чем ближе, тем смиреннее и добрее. Если сковорода упадет верх дном, то думают, что новобрачные будут несчастливы, и обратно – дном книзу – полное благополучие.

Затем жених, невеста и все гости входят в избу, садятся за стол и пируют; но при этом пиршестве никого из родни новобрачной не бывает. Сама же невеста тотчас убирает голову по-девичьи, как до сего ходила, и потом ходит так до того времени, пока не увидится с отцом или матерью или вообще с тем, кто ее выдавал замуж, а затем уж лишается всех девичьих украшений.

У некоторых мордовцев есть обычай раздавать крутую кашу всем сбежавшимся с деревни смотреть молодых, по чумичке на человека, кому в шапку, кому в полу, а иному и за пазуху.

У чувашей, живущих по Волге, если кто вздумает жениться, должен послать свата в дом невесты и торговаться с отцом насчет выкупа. Не знаем, как теперь, но лет 90 тому назад цена тамошним невестам простиралась от двадцати

до пятидесяти рублей ассигнациями. Бедняки покупали в то время жен, платя десять, пять рублей, а богатые платили до восьмидесяти рублей на ассигнации. Приданое невесты обыкновенно состоит из разного скота, домашней утвари и одежды, соразмерно или почти соразмерно с выкупом. Впрочем, это в других местах называется калымом (выкупом, а у чувашей называется *хота*, сватовство).

По заключении торго бывает поезд с дарами. Жених, приезжая с родителями к невесте, представляет договорную сумму денег, причем дарит новых родственников рубашками, платками или холстом; а для благополучия в сочетании хозяевам – пшеничный хлеб и небольшое количество меду-сырца, которое, поднося, держит против солнца и творит молитву. В этот же день после веселой пирушки условятся насчет дня брака.

В этот день невеста сидит в гостеприимной избе за отгородкою с закрытым лицом. Но в известное время выходит оттуда и ходит вокруг избы с печальным выражением лица, между тем как ее подруги носят перед нею пиво, хлеб и мед-сырец. Когда таким образом она обойдет три раза вокруг избы, то жених, сорвав с нее покрывало, целует ее и меняется с нею перстнями. И с того времени она называется обрученною. После того невеста, угостивши гостей хлебом, пивом и медом, уходит опять за перегородку, где женщины, сняв с нее худую девичью шапку, надевают бабью, поновее, называемую «хущиу».

При раздевании, как и у других русских племен, невеста должна разувать жениха. На следующий день происходит следствие, сохранила ли молодая свое девство, если не сохранила, то стыдят молодую стаканом с продырявленным дном, как уже ранее было описано, и все кончается смехом, без неприятных для молодой последствий.

В этот день молодая принимает гостей как хозяйка, и день проводится в песнях и плясках под музыку, веселее первого.

Свадьбу играют по большей части у жениховых родителей. Гости со своей стороны никогда не ходят без съестного и напитков, а кроме того, кладут на поставленный на столе хлеб с воткнутой в него стрелой, кто что может из денег на развод молодых.

В прежнее время чуваша-христиане венчались спустя долгое время после этих обрядов.

Черемисские языческие свадьбы

Когда черемисы были идолопоклонники, то в той избе, где предположено было свадебное торжество, на столе <ставили> домашнего своего идола, перед которым *карт*¹ совершал моление. Потом делали обед, а за окончанием его предавались веселью, состоящему в пляске, песнях и музыке на гуслях или на волынке. В то время как карт читал свою молитву, в другой избе невесту наряжали в замужнее женское одеяние, сняв покрывало, надевали на нее нарядную женскую шапку или повязку. Затем жених, взяв ее за руку, отводит ее в гостеприимную избу, где она во все время моления карта стояла на коленях, а затем, вставши, раздавала дары и подносила всем гостям пиво или мед. По окончании всего этого она отправлялась опять в ту избу, где была.

В вечеру невеста раздевалась сама, но ложилась как-то недобровольно и по принуждению. Уложив молодых, бабы запирали подклеть.

На другой день поутру в сопровождении женщин входил в подклеть один из пожилых мужчин, избранный вместо отца молодой, держа в руке предобрую плеть. И если он усматривал в молодой что-либо противное доброй чести до ее замужества, то поднимал плеть и обещал ею вознаградить на другой день, и конечно это наказание исполнялось. Так же поступали и молодые, только позднее, по окончании всех свадебных обрядностей.

¹ Жрец.

Третий день препровождали они также в пирушках и веселье. Перед удалением всех каждый, выпив стакан пива или водки, бросал в него какую-либо монету в подарок молодым.

Мало бывает и ныне между черемисами браков, где бы не примешивались эти языческие обряды.

Татарские свадьбы

У татар русских существует в основе одно и то же, согласно религии, но встречаются некоторые различия, в частности их обрядности. У татар по реке Черемхану, которая впадает в Волгу при Сингелееве, существует такой обычай при свадьбах: когда жених или его родители выберут невесту, то сватают ее тоже, как и прочие, через посторонних лиц, и после согласия с той и другой стороны начинают толковать о калыме. У них даже бедняки должны платить довольно тяжелый калым. И женскому полу нет принуждения выходить замуж, а потому невестин отец при начале сватовства спрашивает дочь: «Охотно ли она идет, нравится ли ей жених?» Только ее согласие решает дело. Затем приглашают муллу, который, прочитав молитву, разрешает ей сидеть с женихом за занавесой, потом гости пьют и веселятся. Но только тогда жених волен взять свою невесту, когда заплатит ее отцу калым сполна. Между тем жених волен тайно, время от времени, посещать невесту, повольничать немного, но в права мужа вступать ни под каким предлогом не допускается¹.

По уплате полного калыма невестин отец приглашает гостей на пир, и, погуляв допьяна, они разъезжаются по домам; а жених с невестой и другими сродниками, взяв все приданое невесты, уезжает в свой дом. Потом призы-

¹ Уплата по частям и тайное посещение женихом невесты у них называется *хождением за лазуху*. Молодой человек в это время может удобнее узнать невесту и, если заметит что-либо предосудительное, засвидетельствованное другими, прекращает сватовство и получает деньги назад.

вается мулла, и начинается брак. Брак их очень краток и прост. Молодые сидят или в другой избе, или тут же за занавесом. А мулла, не видя новобрачных, спрашивает трижды у присутствующих: «Женился ли такой-то?» Ему отвечает дружка: «Женился!», – тоже троекратно называя по имени жениха.

Потом мулла спрашивает о невесте троекратно: «Вышла ли такая-то замуж за такого-то?» Дружка тоже на каждый его вопрос – что вышла такая-то. Наконец мулла читает молитву, и тем кончается процесс брака.

По прошествии двух или трех дней зять приглашает к себе в дом тестя и всю родню молодой жены для пиროвания; гости собираются, и каждый из них приносит что-либо в подарок новобрачным.

Свадьбы у **казанских и оренбургских татар** совершаются так же почти, как выше сказано. Так же поступает и мулла при совершении брака. Замечательно то, что у них существует девичник, куда собираются подруги и родные, поют песни и оплакивают перемену состояния невесты, которая в это время сидит с закрытым лицом. Между тем двое мужчин от лица невесты поют песню, содержанием которой то, что *«она перемены этой желает»*. Накануне брачного дня к вечеру, посадя невесту на ковер, относят невесту в тот дом, где должна быть свадьба, и тут она видится с новыми своими родственниками.

У этих татар потеря девства до замужества считается величайшим бесчестьем. Гневного характера жених имеет право во время самой свадьбы сорвать со своего тестя и тещи свои подарки.

Свадьба **сибирская (чулымских) татар**. Эти татары также посылают свата. Сват, отправляясь по делу сватовства, берет с собою новую трубку (китайскую), набивает ее китайским табаком, а придя туда, объявляет причину прихода и тотчас оставляет там свою трубку и табак, сам удаляется куда-то на короткое время. По возвращении если он

заметит, что трубка не была в употреблении, то считает это за отказ, а если усмотрено, что курено, то принимается торговать невесту на платье, мягкую рухлядь, скот и на проч.

Свадьбы совершаются в новой юрте, брачное ложе молодых – войлок. Если новобрачная виновата пред своим мужем, то она никакой обиды от мужа не терпит, но молодой украдкой уходит и не ранее возвращается, как разделившись добрым порядком с похитителем ее чести. Потом все предается забвению.

В день свадьбы у них тоже происходят пирушки и веселье с песнями, пляскою и музыкой. Кроме того, жених занимается борьбой с родственниками невесты, и если успеет всех их побороть без посторонней помощи, то заслуживает огромное общее одобрение.

Калмыцкие свадьбы

У этого народа, исповедующего ламайскую веру, женитьба детей совершается по воле родителей. Но прежде чем принимаются за сватовство, обращаются к *гелюну* (своему жрецу), объявляют ему имена жениха и невесты, год, месяц и число рождения каждого из них, и гелюн справляется в книге судеб (судар), а потом им объявляет соизволение *Бурханов*, их богов, или неуспех брака. В последнем случае брак никогда не состоится. Разве только задарят гелюна, тогда он постарается умилиستивить своих богов.

Таким образом, получив соизволение своего жреца, договариваются при свидетелях обеих сторон о калыме, который состоит из выкупа со стороны невесты. Она должна привести за собою: новую кибитку, по несколько всякого скота и ясыр (прислугу).

Брак гелюн совершает во время нового месяца с обыкновенными своими обрядами: сперва приводит жениха и невесту к бурханской присяге во взаимной верности; потом, выведя их из кибитки, приказывает им глядеть

на солнце, а сам читает молитву, причем жених и невеста кладут земные поклоны.

Наконец, гелюн по совершении надлежащих молитв возлагает на жениха и невесту руки, тем и кончается вся церемония. Потом сажают невесту в кибитку за занавес, а жених садится впереди.

Родственники обеих сторон, взявшись за сырую овчину с двух сторон, начинают что есть силы тянуться между собою, и чья сторона перетянет, значит та должна угощаться на счет противоположной побежденной стороны. Обыкновенно с одной стороны тянутся одни жениховы родственники, а с другой – невестины.

При начале пирушки вводят невесту в ее кибитку, где она с прочими женщинами и девушками при игре на чебыдзе, волынке и гудках веселится. В это время воспрещается видеться со свекром и старшею жениховой родней, а отца своего не прежде посетить, как по прошествии года, и тогда уже получает она от него надлежащий свой *най* (удел или участок), состоящий в верблюдах, разном скоте и прочем.

У калмыков уральских часто сговаривают детей не только младенцами, но даже тогда, когда жены их беременны, если только родятся у одного сын, а другого – дочь.

Сочетаются браком еще по четырнадцатому году. За два года до свадьбы допускается жениху ходить играть с невестою. Но ежели она до свадьбы забеременеет, то жених или его отец должен удабривать родителей невесты подарками, несмотря даже, что последовало обручение.

Договоры с невестиним отцом и матерью насчет выкупа за нее производится до свадьбы. Со своей стороны, ее родители готовят в приданое платье, разные домашние вещи, постель, войлоки, одеяла и кибитку из белого войлока.

Пред браком справляются у гелюна насчет благополучного для брака дня, когда и совершают потом брак.

Пред началом брака, когда невеста в сопровождении родителей и родственников приезжает к жениху и ставят новую кибитку, то прибывший в дом гелюн при всем поезде читает некоторые молитвы; невесте, по его приказанию, расплетают косы и волосы заплетают только на две. Затем гелюн берет шапки у жениха и у невесты, отходит в поле и окуривает их ладаном при чтении ему известных молитв, возвратясь, отдает дружке женихову, а свахе – невестину шапку и приказывает надеть молодым.

После этого брака начинается пирушка, на которую мясо для пира жертвует отец невесты. Затем невесту оставляют в кибитке у жениха, в которую некоторое время не допускается вход никому с ее стороны, кроме матери и сродниц.

Многоженство и развод калмыкам возбранен, хотя бывали примеры и нарушения этих правил. В последнем случае развод по неудовольствию того или другого супруга между знатными калмыками. Говорят, что если желание развода следовало со стороны жены, то муж раздевал жену донага и гнал со двора плетью¹. Но более благоразумные калмыки отпускали жену не только с честью, но даже делали для ее родственников пирушку и награждали скотом и лошадьми.

ПРИБАВЛЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Приметы. *Храм трещит* (дом трещит, стены) – выживает из дома. *Ухозвон, кости под колтиками свербят* – путь будет. *Длани свербят* (ладони чешутся) – деньги иметь; *очи свербят* – плакать. *Воронограй, куроклик* (пение курицы) – худо будет. *Утица крикнет, гусь гогочет* – окомиг (дрожь в ресницах). *Огнь бучит* (треск дров), *пес*

¹ См. Позорище странных суеверий. 1797.

вост, мышеписк (писк мышей), *мышь* порты грызет (вообще платье); *кошка в окне мышца устранил* – сон страшен. *Слепца встретит* – изгорит нечто; *огонь пищит, искры из огня, кошка мяукнет* – падет человек; *свеща угаснет, конь ржет, вол ревет, трава шумит, древо скрипит, со-рока поцекоцет, дятел желка* (долбит дерево); *стенощелк* (черви в стенах); *жаба воркует*¹.

Эти последние приметы служили или предвозвестниками перемены погоды или удачи охоты.

Дым в избе высоко ходит (*в курной*) – к погоде.

Мышь в жилье высоко гнездо совет – снег велик будет и погода будет.

Берег подымается, и море дичится, и *ветры* сухие и мокрые тянут, и *облака* дождевые, снежные и ветреные, и *гром* гремит, и *буря* веет, и *лес* шумит, и *древо о древо* скрипает, и *волки* воют, и *белки* скачут – мор будет, и война восстанет, и вода прибудет, и плодов в лете в коем не будет, или умалится².

Суеверие беременных женщин. Смелая и суеверная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родит, давала из рук своих медведю, конечно, медведю ручному, – таких встарь водили скоморохи на потеху, – хлеб, мед, водку и ожидала, какой голос или звук издаст медведь: если он рыкнет – женщина родит девуцу, а если замычит – то мальчика³.

Об образовании младенца тоже образовались полужыческие, полухристианские убеждения. Одно описание говорит, что человек состоит из восьми частей: сердце от камня, тело от персти, кости от облак, жилы от мглы, кровь от черного моря, теплота от огня, очи от солнца, дух от Святого Духа⁴.

¹ См. Русс. Вестник. 1842. 2.259.

² Румянц. сборник рукоп. № 374.

³ Там же.

⁴ Румянц. музей. № 358.

*Зарождение в младенце духа*¹. Говорится, будто бы во время беременности женщины ее Ангел Хранитель берет части: у земли, или у воды, или у железа, или у камня, или у древа, или у огня, или у всякие вещи смертные, и возьмет от того камень материн и кинет на отроча, то и от того зарождается в нем дух.

*О человеческих свойствах (темпераменте)*². Человеческие свойства зависят (былое уверение) от преобладавший какой-нибудь из восьми частей состава его тела: от земли тело – тот человек темен и неговорлив; от моря – кровь в человеке, и тот человек прохладен; от огня – жар: тот человек сердит; от камня – кость: тот человек скуп, немилостив; от солнца очи: тот человек богатыреват и бесстрашен; от ветра дыхание: тот человек легкоумен; от облака мысль: тот человек похотлив; от света – свет: тот человек свят, не мыслит земного, но мыслит небесное.

Хозяйственные приметы против червя. Возьми ве́ник, которым от оводов отмахивались, покрапливай капусту и – червь выйдет.

Для удачи в пчеловодстве. Возьми осетровую кость и воткни в улей к пчелам, и больше пчелы водятся, и пасут (несут) мед из чужих улей и бортей³.

Хозяйств. примета против падежа скота. А коли скот умрет, и ты с умершего скота сыми кожу, продай, да на те пенязи купи сковороду железную, да ешь сам с нее всякую яству – скот твой не станет мереть.

Хозяйств. примета насчет купли коня. А коли купишь коня и ты или выменяешь, и дай ему из решета ясти в ступу – будет добра.

Камень против отравления. Есть камень синь, в жабе – черепахе, а носит она у себя в голове, и кто тот ка-

¹ Погод. сборник. Публич. библиотека. № 1315.

² Там же.

³ Прилож. к 2-й книжке Пермского сборника.

мень выймет из жабы и держит у себя во устех, и не боится человек никакого окорму, а коли окормят, и тот камень удержи во устех.

Для успеха в работе. Время перед восходом солнца считалось особенно знаменательным: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертели масло и делали другие домашние работы, думая, что сделанное до солнечного восхода имеет что-то особенно важное¹.

Орлов камень, змеиные рожки, рога единорога. К симпатическим средствам принадлежали в XVII веке орлов камень, рога единорога и змеиные рожки. Орлову камню, по современному суевию, Бог дал дивные угодья таковы, что несведущим людям нельзя про него и веры взять. «Воображали», что это камень находят в орловом гнезде. А держит орел тот камень в своем гнезде будто бы для оберегания детей своих, потому что тот камень оберегает от всяких притчей, от поветрия и от всяких зол². Рог единорога считался редким и драгоценным средством не только для исцеления от тяжелых болезней, но и для поддержания цветущего здоровья вообще на всю жизнь. Это верование о роге единорога распространили иностранцы в XVII веке, и сам Царь Алексей Михайлович в 1655 г. соглашался за три такие рога заплатить десять тысяч рублей соболями и мягкою рухлядью³. Рассказывали, что он длиною до шести пядей и светел⁴. Небогатые не могли иметь таких дорогих средств и употребляли так называемые змеиные рожки. Их толкли в порошок и давали пить в случае какой-нибудь внутренней болезни. Эти змеиные рожки очень часто (и вероятно, всегда) были не что иное, как простые кости⁵.

¹ Рум. музей. Рук. № 374.

² Буслаева. О народн. поэзии. С. 28.

³ А.И. IV. 242.

⁴ Там же.

⁵ Там же. II. 46.

Приметы для воду скота. Если хочет скота много держать, то медвежью голову пронеси сквозь скот на Иванов день до солнца и вкопай среди двора, и скот будет вестись.

То же. Аще кто животину купит приводную, мерина или корову, и, приведши ко двору, велит растянуть пояс женский от верей до верей, да замок положить к верее, а колоду замочную к другой верее, и, проведши животину сквозь замок, замкнуть и пояс взять, опоясаться и через мужской пояс животину водить же от верей до верей, растянувши¹.

Отчего в деревне не едят телятину. Во многих городах и деревнях суеверы почитают грехом есть телятину. Смысл этого понятия происходит, с одной стороны, оттого, что новотельные коровы, лишась своих ососков, теряют молоко, из чего и явствует, что воздержание от ядения телятины в сельских жителях происходит не от суеверия, но от доброй экономии². Но можно считать еще и ту причину, отчего не едят телят, потому что теленок – бычок или телка – предмет будущих выгод; между тем как крестьянин может довольствоваться в скоромные дни мясом свиней и баранов, и то по праздникам, которых в году неособенно много благодаря постам.

Мишение за неопрятность. Кто, не соблюдая чистоты в доме или во дворе, кладет свой помет где попало и особа та неизвестна, то берут из печи раскаленное уголье и сыплют на тот помет, веря точно, что все седалище опаршивеет³.

Приметы и обряды при родах. Когда женщине наступит время родить, то час рождения стараются утаить, веря, что оттого женщина родит легко, а в противном случае – тяжело. Родильную молитву в тех местностях, где деревни от церквей отдалены, давали в шапку; посланный, возвратясь в избу к родильнице, встряхает из шапки и тем очистит. Кормят за столом отца новорожденного кашею

¹ Буслаева. О народной поэзии. С. 35.

² Абевега русских суеверий.

³ Там же.

кума и другие женщины таким образом: отец высылается на сие время вон; потом, взяв столовую ложку, кладут в нее по пропорции: горчицы, перцу, хрену, соли, уксусу, сорочинского пшена, то есть каши бабкиной, и обсыпают сахаром, принудят это съесть хозяина, знаменуя тем, чтобы и оный что-нибудь при сих родинах претерпел болезненного так, как и роженица. По многим городам родня посылает к роженице так называемую *порушку*; она делается из сухой разваренной малины, подслащенной сахаром или медом; сей порушки посылается всегда по кружке от всякого родственника и по большому круглому пирогу.

В Мордве существует обычай беременным женщинам рожать в бане под предлогом, что в натопленной бане рожать легче. В баню эту, кроме бабушки, никто не входит. После благополучного исхода бабушка оповещает отца и родственников о рождении младенца, но не допускает до свидания с новорожденным до тех пор, пока бабушка не напечет блинов, не сварит крутой каши. Таким образом приготовив стол, приглашает отца и родственников младенца, и тут назначается имя ребенку бабушкою, часто по имени первого встречного или встречной.

У калмыков когда приходится женщине быть на сносях, тогда избирают здорового мощного калмыка, которого чествуют каждый день хорошою по их обыкновению пищею, о которой выше сказано: и как скоро начнутся у роженицы потуги, тогда дюжий угощенный калмык садится на пол среди кибитки и, роженицу посадив на колени, жмет ее обхватом своих рук, начиная от груди и опуская их до самого лона. Это давление продолжает до тех пор, пока младенец начнет показываться, которого калмыцкая бабушка, сидя перед роженицею на цыпочках, караулит, и как скоро покажется младенец, то дает знать около стоящим, которые палят из пистолетов, дабы нечаянным выстрелом испугать роженицу и тем споспешествовать к рождению. Дюжего калмыка за труды гостят дня два или три и, подарив овцою

или жеребенком, отпускают; бедные, которые не в силах нанять дюжего калмыка, двоякое имеют средство: первое состоит в том: у роженицы в то время, когда начинаются потуги, утробу перетягивают широким ремнем и давят сверху вниз, через что бывает им облегчение; последнее средство кажется им значительным облегчением, третье средство состоит в том, что роженица берет палку, к которой приделана широкая развилина; роженица ложится животом и давит оной, сколько достанет сил до тех пор, пока не разрешится от бремени; при всех сих способах к облегчению родов случается, что роженицы после родов долгое время бывают без чувств, а иные и долго страждут разными от того болезнями, но крепкая их природа все преодолевает; и редко между ними слышать можно, чтобы женщина замучилась родами. Впрочем, никаких увеселений, пиршеств при родах не бывает, например, при родах русских женщин и других народов Европы¹.

¹ Абевега русских суеверий. 1796. С. 278.

Часть II

НАРОДНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

СУЕВЕРИЯ И ЛОЖНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

К чему бы отнести, что не только у нас на Руси, но и во всей Европе существует так много суеверных искаженных понятий и убеждений? Кажется, их можно бы уничтожить, но, к несчастью, их одно поколение передает другому из века в век, со всеми их мелочами, обрядностями, приписывая часто совершенно ничтожным вещам непонятные чудеса. Как судить о тех людях, которые убеждены, что, если попадется поп навстречу – жди неудачи, или о тех, кто распространяет такое глупое убеждение? А между тем есть люди, которые принадлежат к лицам развитым, даже к кругу образованных?

Понятно, что простолюдины или люди, не получившие никакого образования, наследовали такие понятия от отцов и дедов, их единственных наставников и учителей, а также, может быть, эти внушения укрепились общими убеждениями той среды, в которой они постоянно вращались и вращаются, так как эта среда тоже со своей стороны развивалась, училась и зрела под кровом суеверных и неразвитых родичей, детей природы. Конечно, никто и не думал из числа их, чтобы обсудить, усомниться, а тем паче проверить, справедлив ли тот или другой пример из числа суеверных сведений и предрассудков, слепо верить тому, что говорил ему отец или дед, тоже убежденный в своих

верованиях своим отцом и дедом, нельзя. Тут, без сомнения, нельзя было ожидать проверки. Простолюдин боится сомневаться в том, в чем убеждена, чему верит его семья, его среда; если он верит, что черт всегда бывает с рогами, с копытами, с крыльями, то он даже во время болезни ему грезится не иначе, как в этом костюме, хотя, как не убеждай, что черт или дьявол есть изображение зла.

Но отчего же люди более развитые, даже люди образованные не чужды разных предрассудков? Вот задача, которую решить нелегко.

Прежде всего, должно помнить, что дитя в первые годы сознания своего собственного «я» в смысле существования, конечно, бывает чрезвычайно любопытно. Его все увлекает, на всем он останавливает свой взор, и он теревит свою няню, расспрашивая: что? как? да почему? Маленький мозг работает, память его так же впечатлительна, как деятельен, свеж мозг при самых чувствительных нервах. Ребенок надоедает няне, всегда или почти всегда необразованной и часто со слабыми понятиями о самых простых предметах, а иногда даже с такими, которые совершенно ложно, искаженно передаются впечатлительной памяти дитяти. Но вот тот же ребенок резвится, играет, прыгает, подвергая ежеминутно свою няню заботе о сохранении ребенка от ушиба, увечья и неминуемой ответственности. Няня устает, гоняясь за шалуном или шалуньей, и наконец принимается за хитрости, не понимая сама, конечно, что резвость, прыганье, беготня этого дитяти есть требование природы, неизбежное при росте и развитии организма; это та же гимнастика, которой не чуждо даже ни одно из молодых животных. Чтобы успокоить дитя, чтобы скорее уложить его в постельку, та же бестолковая няня пугает его букой, буканом, игошей, кикиморой, и на вопрос ребенка, что это за бука, няня рассказывает страшный рассказ о буке или о другом каком-нибудь страшном враге из мира фантазии, напри-

мер о людоеде. Ребенок в страхе закрывается, воображение работает; вот он спит, но фантастические страшные сны преследуют его в часы ночи. Дитя часто кричит во сне, просыпается, и нередко случается, что и наяву память возобновляет ему нянькину сказку с ее ужасами.

Наступает утро, сказка оживает в юной памяти как что-то резкое, выдающееся, новое, и все герои ее представляются явственно, как наяву и надолго. Видя, как успокоительно действует на малютку сказка, нянька, для того чтобы и самой каждый раз предаться пораньше покою, говорит ему новую, затем опять новую сказку и таким образом укрепляет в памяти дитяти идею о неведомых злых духах разного рода, которые вредили людям, животным, губили людей, ели их. Такие нелепые рассказы всеконечно доводили ребенка до того, что он начинал бояться ночью и даже вечером, пугаться то того, то другого, и трудно было наконец выжить из ребенка эту робость, этот страх родителям, которыми начинила ему голову усердная няня! Трудно было искоренить предрассудки и убеждения, которым она убедила его верить в юном возрасте. Они так проникали в плоть и кровь ребенка, что искоренить их не было возможности, особенно, если притом как-нибудь одно из ее убеждений случайно оправдывалось над ним.

Говоря о нянях, мы знаем и даже скажем в своем месте, что сами родители иногда развивают такие убеждения в детях.

Много значат хорошие книги для чтения детей и добрые наставники, которые стараются разоблачить все предрассудки, которые не довольствуются одним упражнением памяти, но и разума. Что же хорошего выходило из того, что вырабатывался на свет человек, в памяти которого укрепились целые тома, который мог, как попугай, говорить обо всем том, что когда-то вычитал, а между тем не может проверить того разумом, справедливо ли оно, сообразно ли с современными понятиями науки? Так, например, в одной

старой естественной истории говорится о том, что когда-то водились рогатые зайцы, оказывается, что таких не было на свете, а только были из них уроды, которых челюсть нижняя, будучи выдвинута вперед, допускала возможность длинным резцам зайца свободно расти далеко выше лба и изображать таким образом подобие рогов.

Всему на слово верить нельзя, могут и ученые люди увлекаться и заблуждаться, нужно все исследовать, а чего нельзя, то уяснить себе, добиваться истины, чтобы не ошибиться. Предположите, что учитель заставляет переводить ученика что-нибудь из Плиния о естественной истории рыб: там в одном месте рассказывается, что есть род морской миноги, называемый *четоча*, которая одарена такою необычайною силою в зубах и мускулах, что может остановить корабль. Там же найдут, что корабль, на котором ехал Антоний на Аукциумскую битву, был внезапно остановлен одною из подобных миног; то же происшествие случилось с Периандром и Калигулою, так что мореплаватели, желающие скорого хода на море, должны были остерегаться встречи с миногами.

Умный наставник должен и сам не убеждаться, согласно современному изучению животного царства, в излишнем легковерии ученого Плиния. Мы уже знакомы со всеми родами миног (*Petromyzida*), которые даже не в силах остановить руку повара, а не только корабля. Да притом, что же за корабль, который при своем течении не мог бы увлечь миног.

Например, у нас существует убеждение, что лев боится петушиного голоса. Сообразно ли это с действительностью? Если он боится, то его боязнь должны разделить и кошки, принадлежащие к одной с ним породе; между тем как кошки петухов не боятся. Мало того: были опыты в зверинцах, где львы выражали самое искренне желание скушать певца, а вовсе не боялись его, и если случалось, что петуха пускали в клетку, то петух был всегда побежден. А

между тем о таких храбрых симпатических свойствах петуха уверяли римские и греческие писатели.

Также Геродот, Ксенофонт, Плутарх, Тит Ливий, Елиан, Светоний, Плиний, Антоний, Мела и др. говорили о существовании стран, где есть люди: одни – с собачьими и оленьими головами, другие – без глаз, третьи – с одною ногою, на которой скачут, а когда захотят бежать, то становятся двое вместе и держатся за руки; наконец, четвертые – совсем безголовые¹. Из тех же писателей вы узнаете, что рысь может смотреть сквозь стену; что лебедь поет перед своею смертью, что крокодил подражает детскому крику и тем привлекает легковверных и сострадательных людей. Говорят, что Аннибал рассек Альпы с помощью укуса, а что Ахиллес расшатал Ахиллесовы столбы и образовал Гибралтарский пролив.

Все это должно быть, уважая древних писателей, рассмотрено наставником предварительно, прежде чем объяснено своим ученикам. Если в древности наука почему-либо была слаба, то теперь уже разработана. Римляне и греки, разумеется, были слабее нас в географии, потому что не могли без компаса, пароходов и паровозов проезжать такие громадные пространства, да притом только силою своих копий и мечей завоевали много, а с этим вместе уж и пути к открытиям и исследованиям. Зато в других отношениях они были хороши и остались нашими учителями. Но это не касается нашего труда, и опять воротясь после сказанных нами слов, заметим, что римские ученые, излагая все как историки-наблюдатели, указали нам многое и этим многим дали направление более или менее своим последователям, собратам по науке, по торному пути, рассмотреть яснее то, что казалось неясно. Непосвященный в науку, веровал старине, изложенной на страницах желтого пергамента, никогда не исследовав правду и верил до смерти. В наш век, век чудес, который открыл нам силу пара, могущественную

¹ Геродот говорит, также на севере есть люди, которые спят полгода, а полгода живут деятельною жизнью.

силу магнетизма, электричества, наградил фотографию, фонографом, телефоном, микрофоном с объяснением даже действия силы, каждый из нас должен быть далек от предрассудков, суеверий и всякого рода заблуждений, покоряясь науке, которая идет более прочным и прямым путем.

У нас в России верят в колдунов как в людей, водящихся с чертями всякого рода. Любопытно бы было, если бы хоть одного из них подвергнуть действию тока какого-нибудь электрического прибора, чтобы он сказал. Уж наверное, отказался бы от всех чертей и дьяволов и сознался бы, что он лгун ради наживы.

Итак, чтобы молодую душу образовать, нужно действовать на нее влиятельно и благоразумно каждому наставнику. Сеять чистое зерно, а не плевелы, говорить только то, что как посеянное доброе зерно даст хорошую полезную жатву, а не внушать недоброе, не страшать тем, что делает впечатление на всю жизнь. Наука дала много примеров, совершенно уничтожающих предрассудки. Например, порча не действует на образованных людей, а существует только в простом народе между неразвитыми поселянами. Это почему? Да потому, что наставники... не имеют об этом понятия, на лекции никто им не говорил об этом, и они чужды того, что не вошло в их программу, разумеется, по этому случаю не распространяются с своими учениками; конечно, молчать лучше, чем распространяться о миногах Плиния.

Ныне разные суеверные убеждения «на слово» считаются неприличными, так что даже об образованном человеке думают как о неуче.

ОТКУДА ВОЗНИКЛО ЧАРОДЕЙСТВО И СУЕВЕРИЕ?

Во все времена и у всех народов ум человеческий имел стремление ко всему чудесному, таинственному и старался

открыть и исследовать то, что для него было загадочным и необъяснимым. Видя свои силы слабыми и сознавая чувства ограниченными против могущественных сил природы, он невольно боялся их влияния и дивился; а все то, что ему было непонятно, относил к тайной высшей силе.

Чем менее развит человеческий ум, тем ему кажется шире область чудесного и сверхъестественного. Он удивляется всему сверхъестественному и в то же время находит необходимым верить, что есть невидимая сверхъестественная сила, которая управляет всеми видимыми, но непонятными явлениями, которая одарена высшим разумом и могуществом. Люди относились к невидимой, могущественной, отвлеченной силе с благоговением, с робостью и с полнейшим уважением, и не только к ней одной, но и ко всем тем явлениям, которые их удивляли и становились для них необъяснимыми. Со временем силу эту признав за божество, управлявшее ими самими, воздвигали ей алтари, избирали из среды себя достойных, которые управляли делами богослужения, и таким образом жрец являлся между народом и божеством, между землей и небом, посредником. Как удостоенный посредничества, его признавали ближе всего к всемогущему, все устроившему и всем обладающему и часто давали ему первые права и всевозможные преимущества. Таким образом, мы видим у индийцев: там каста жрецов или браминов, по их убеждению, произошла из мозга Браммы, а потому эта каста была первенствующая перед прочими, заслуживала народное почтение и почиталась мудрейшею. У персов маги (их жрецы) также считались потомками их законодателя Зороастра или Зердуста, а их божество Митра – источником света и всего существующего в мире.

Почти у всех народов всегда существовало убеждение, что верховное божество существовало не одно в своем невещественном отвлеченном мире, но было окружено ему подвластными божествами, такими же, как и оно,

бесплотными и невидимыми духами, происшедшими от его света и власти. Некоторые из этих второстепенностей по существу своему были менее совершенные, чистые, находились между верховным светом и людьми. Далее, некоторые из духов уже утратили свою чистоту, хотя все-таки не утратили своего могущества и бессмертия. Вот из этого-то созданного людьми понятия возникает существование духов чистых и нечистых, духов света и тьмы, добрых и злых, влияющих на дела мира и людей.

Из этого же учения о мире духов со временем произошли все суеверия, таинства и чародейские сумасбродства, которые встречаем у египтян, халдеев, пифагорейцев, индусов, у Симона-волхва, почерпнувшего свое учение в Александрийской школе, и других.

Все волшебные знания вообще почерпнуты были из одного и того же источника, существовавшего на востоке, где была школа *тайных наук*. Эта магия потом распространилась повсюду в различных ее отраслях и видоизменениях и во всяком случае поражала своею сверхъестественностью.

Так, например, греческий философ и геометр Пифагор, кроме своих математических вычислений, занимался тайными науками.

Все мнимые чудеса делались при помощи знаний, недоступных для народа, и хранились в тайне в руках жрецов или мудрецов и, конечно, составляли некоторым образом обман или случайность, которым умели воспользоваться жрецы, как, например, Пифией, и все из собственных выгод.

Когда христианская религия вступила в свои права, тогда изменился прежний строй и быт народов, и борьба завязалась между одряхлевшим язычеством и христианством по поводу нового вероучения. Здесь все пришло в колебание, и открылась самая благоприятная почва для развития всего чудесного и сверхъестественного. В это

время умолкли совсем оракулы, прекратились чудные явления в языческих капищах. Зато в это время явились чудодеи¹, которые в больших городах предсказывали будущее и под открытым небом производили различные проделки; особенно эти зрелища производились в Риме в первый век христианской эры. Там являлись в это время Симон, волхв из Самарии, ученик Александрийской школы, который до того удивлял народ римский и сенаторов, что его признали за одного из богов и даже воздвигли ему на берегу Тибра статую с надписью: *Simoni deo sancto* (Симону, богу святому). О нем упоминает даже св. мученик Иустин. Там же удивляет римлян и Апполоний Тианский.

Весьма понятно, что народ мог поверить этим чудесам и уважать этих людей, ставя их выше обыкновенных. При падении язычества жрецы, бывшие главными хранителями мистических тайн, изгнанные из своих убежищ, разнесли свои знания и проделки по всему миру. Вот та причина, по которой первые века христианства так изобиловали чародеями и волшебниками. Но, покинув священные притворы и подземелья храмов, волшебство потеряло большую часть своего величия и блеска и опустилось со своего пьедестала, где оно было доступно многим избранным. Мало-помалу весь жреческий порядок изменился от забвения так же, как и скрытое их научное значение, и наука превращалась в простой фокус или обман.

Но в этом положении чародейство все еще сохраняло сильное влияние на невежественные массы в мрачный период умственного потемнения в средние века. Церковь преследовала волшебников или, по крайней мере, обманщиков как проповедников древнего язычества, так как еще в первые века христианства было много язычников, которые фанатически защищали свое вероучение и старались всеми мерами восстановить падшее идолослужение

¹ Тауматурии.

и фетишизм, идя вразрез целям христианства, употребляя при том волхования и производя мнимые чудеса пред народом, чтобы возбудить в народе страх и уважение. Таким образом, в средние века, несмотря на всеобщую победу христианского вероучения, в лесах Галлии и Германии, Скандинавии и землях финских так же, как в Греции и Риме в темные средние века, оставались не просвещенные истинной верой язычники с своим таинственным знанием. Таких язычников было еще до половины населения Европы. Весьма легко понять из этого, что некоторые обычаи языческие еще влияли на новых христиан, или, как укоренившееся в них суеверие, не могли быть побеждены сразу, то есть новые христиане совершенно оставили поклонение идолам, но не могли совершенно покинуть некоторых убеждений и следов язычества, так что и по сей час в памяти легенды, сказания германцев, скандинавов, британцев, саксов, финнов и славян в своей канве имеют языческие обычаи, хотя измененные в своей форме. Так, например, если язычники имели множество богов и полубогов, которые покровительствовали и управляли морями, сушей, реками, полями, лесами, ручьями, хозяйством, то у первых христиан в Германии были: кобольты, троялы, эльбы и гномы, во Франции – феи, в Англии – дизи и др., в Шотландии и Ирландии – эльфы, броуны и др., в Греции – наяды, дриады, nereиды. У славян – лешие, домовые, русалки, яги-бабы, кикиморы, игоши, водяные и пр. Все эти духи, по понятию суеверов, вмешивались в дела людей и, по большей части, причиняли, по мнению людей, зло. Кажется, откуда бы христианам вынести такие суеверия, не христианское же учение тому причиною, чтобы распространять идею о существовании духов – обитателей темного царства. Таким образом, у христиан укоренилась вера в существование злых духов, чаще вредных.

Как в язычестве жрец был посредником между богами и человеком, так в христианстве волшебник, колдун – ли-

цом, посредствующим между людьми и духами, которых христиане называли нечистыми или злыми, сопричисляя их к обитателям ада, подвластным дьяволу, за их злые направления против людей. Как жрец был, по народному мнению, в силах умиловать богов и входил в тесные сношения с ними, так и колдун, по народному убеждению, входит в подобные же сношения с враждебными человеку духами. Если прежде жрец, по мнению народа, умиловлял богов для народного благополучия, то колдун, напротив, по мнению христиан, мог обращаться к злым духам с тем, чтобы причинить то или другое зло человеку, так как духи тьмы или дьявол неспособен на добро, потому что сам злой враг творений Божьих, всегда готовый к разрушению Его создания.

Отсюда можно вывести, что в первые века христианства ученые язычники угрожали христианам именем богов мщением и сами совершали мщение своими средствами, как могли, христианам. Страшая и обманывая разными фокусами, всегда вредными, эти жрецы или их последователи – язычники – пугали народ, наживались и даже увлекали обратно из христианства в язычество с целью заслужить милость оставленных богов. Понятно, что изменившие христианству сокрушали, уничтожали и топтали ногами святыне символы христианской веры, как, например, думают наши русские люди о колдунах, продавших душу дьяволу. Вот простая и верная история происхождения волшебства, корень его можно всегда найти в язычестве, враждебном христианству в эпоху борьбы этих вер.

Прошло много времени с тех пор, как водворилось христианство в Европе; понятие о жрецах и о язычестве забылось, но волшебники и колдуны существовали в народе. Если их преследовали, то простой народ их, как уже мы сказали, боялся, притворно уважал этих злодеев, и такое понятие существовало в сильно развитом виде от VI до XIII века. Дьявол как дух зла, как само зло первоначально

не имел никакой воображаемой формы, но мало-помалу по милости шарлатанов, по милости людей, распространивших яд, противный духу христианства, демон принял уже более определенные формы и вид, а с тем вместе и его клеветы — духи, существовавшие повсюду и наводнявшие все углы, приняли определенные ясные формы, и в наше время все уже доведено до утонченности так, что художники изображают их почти безошибочно, основываясь на сказаниях и писателях прошедших веков, и чем живее и ярче рисуются эти образы, тем они впечатлительнее действовали на умы народа.

КОЛДУНЫ И ЧЕРНОКНИЖНИКИ

По всеобщему убеждению, демон — падший дух, не имеющий формы видимой, между тем как влияние духа ощутительно для человека. Дух добра влияет на человека благотворительно, между тем как дух зла действует на нрав противоположно, растлевая нравы и раздувая порочные страсти.

Если действуют оба духа разом, то, по мнению гностиков, развивают в человеке сомнение, недоумение, вопрос, борьбу чувств. Влияние духа ощутительно, и если материалисты отрицали существование этих сил, враждебных между собою, то, во всяком случае, зло и добро существуют на свете так же, как два противоположных полюса магнита, катод и анод в электричестве, как полезные и вредные работы в механике и пр.

Человек, будучи еще в начале своего развития, уже чувствуя влияние на ум со стороны возмущающей или успокаивающей силы, по-своему выражал эти влияния в форме басни, а художественное настроение олицетворяло эти психические влияния посредством статуй и других изображений; так видим у греков — олицетворение жиз-

ни и страстей в формах людей более или менее изящных форм, выражая тем мир существенный и человеческие страсти. В египетской и индийской мифологии мы видим изображение людей, зверей, птиц и других фигур. Хотя эти изображения для многих темны, во многом не разобраны, но и здесь та же мысль борьбы между злом и добром, владычество Творца над вселенной и господство страстей над человеком.

Совсем другое мы замечаем в славянской мифологии, хотя результат был впоследствии один и тот же, как и у западных народов Европы. Древние невежественные славяне, вопреки грекам, римлянам и другим народам, приносили в жертву не только скот, но и людей. Изображали своих богов страшными, безобразными, с рогами, длинными ушами и боялись своих богов как сильных, грозных и страшных и жертвами своими думали их умиловить, дабы избежать их гнева. Жрецы, стоявшие во главе народа, из своих выгод требовали различного рода жертв и распространением лжебожия сами поддерживали этот страх к богам в своем народе. По этой причине, когда во времена св. Ольги и св. Владимира христианская вера проникла в Россию, то она не повсюду и не сейчас подавила славянское язычество, что видим из борьбы Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, который, по сказаниям, был никто иной, как беглый жрец, скрывшийся в лесах, что и могло случаться со многими жрецами и многими идолопоклонниками, державшимися упорно своего язычества и бежавшими от преследования, так как при этом начала возникать вражда между новыми христианами и язычниками и образовались две партии, поддерживаемые духом убеждения. У христиан укрепились мысль, что язычество ложно, что язычники верят и поклоняются духу злобы. Со своей стороны, язычники, ослабленные притеснениями правительства, искали случая всячески вредить христианам, и вот почему в наших старинных

сказках и легендах язычники признаются за поклонников злого духа, потому что поклоняются духу злобы¹, и будто бы имели сношение с злыми духами или сатаной; так как жрецы у славян назывались волхвами², то самое идолослужение называлось «волхование», которое впоследствии получило значение волшебства.

Нельзя не отдавать справедливости и тому мнению, что во времена св. Владимира и после него еще были тайные капища, где совершались языческие мессы и куда, может быть, ходили не одни язычники, а ложно-христиане, не подавившие в себе бесследно прежних убеждений и потому являлись для испрашивания себе у богов милости, помилования или за советом к волхву, который, со своей стороны, употреблял все хитрости или обманы, чтобы удовлетворить колеблющегося христианина и убедить его в силе ложных богов. Даже самые верные христиане для узнавания своей судьбы или из других корыстных целей, чего, разумеется, не могли добиться от христианских пастырей Церкви, обращались к волхвам, и те, не отказываясь, открывали тайну будущего и вообще старались удовлетворить их, чтобы только поддержать уважение в языческой вере. Таким образом, на Руси укрепилось убеждение в силу чар, в волхование и в возможность при помощи злого духа производить чудеса. А затем возникла боязнь к колдунам, людям, отвергнувшим истинного Бога и поклонявшимся сатане. Понятно, что язычники того времени, вооруженные злостью против новой религии и ее последователей, не щадя средств, где только была возможность, губили христиан, если не открыто, то тайно подстрекаемые своими волхвами.

Точно такое же брожение умов, по причине водворения христианства, между язычниками и та же самая вражда

¹ Славяне поклонялись Чернобогу или Лютобору, богу злобы.

² Название древнее, происшедшее от древнего бога, именуемого *Волохом*, которому тоже приносили в жертву людей.

возникла в Западной Европе; чем более возрастало число угодников, тем более появлялось колдунов и чародеев как отступников истинной христианской веры.

Истинная Христова вера, проповедуя веру, надежду и любовь в истинного Бога и любовь к ближнему, незлобию и вообще добродетель, не удовлетворяла даже обращенных христиан; они помнили, что жрецы-язычники, населяя священные дубравы или совершая свою мессу богам, в то же время умели предсказывать будущее, врачевали болезни, насылали и снимали порчу с людей и скота, возбуждали стихии и даже умели превращать людей в животных своими заговорами и заклятиями. Они знали множество метеорологических примет, силу и действие многих полезных и вредных трав, которыми умели пользоваться, и, весьма вероятно, что они иногда применяли в своих действиях животный магнетизм, хотя, может быть, совершенно бессознательно. Вызывание теней усопших и духов тоже было их обычным делом, о чем до нас дошли самые положительные свидетельства, чем удостоверяет нас Св. Писание, когда волшебница вызвала по просьбе Саула тень Самуила. А между тем кроткая христианская религия не допускала в своих догматах ничего противоземного, никакой злобы, а требовала отречения от зла и внушала кроткую любовь, человеколюбие и прощение обид. Кроткие христианские пастыри действительно, кроме своей миссии и служения Богу, подавали советы, даже некоторые врачевали болезни; но было ли в духе христианства производить все то, что видел народ в тонких обманах своих прежних волхвов?

Может быть, и сетовал, что нет прежних жрецов, обладавших таким могуществом, которым не обладают новые учителя веры... И вот стали появляться люди к услугам новых христиан и начали исследовать и изучать науку волхвов, к сожалению, будучи даже от рождения христианами; это началось с первых веков христианства, но развилось по-

сле VIII и IX столетий. В конце XIII века существовало уже много книг о чародействе на языках: арабском, латинском, итальянском, французском, голландском, английском и др. Но говорят, что таких книг более всего было в Германии и Голландии. Эти книги назывались черными книгами, а кто ими занимался и изучал магию – чернокнижником, что значило – «колдун, чародей». Чтение этих книг так распространилось, что превратилось в своего рода манию (страсть) и в довольно больших размерах на западе Европы. В книгах этих преимущественно излагались правила, как вызывать духов и как повелевать ими.

Страсть к чернокнижию развилась до такой степени, что сделалась любимым занятием папы Сильвестра II, Льва III и Гонория III. **Некоторые германские императоры, короли, князья, знаменитые ученые, как то Альберт Великий, занимались чернокнижием и заставляли злых духов (будто бы) повиноваться их приказаниям.** Чародеи и колдуны, по мнению того времени, до того размножились, что из десяти человек непременно предполагался один колдун.

Существовало в Западной Европе такое мнение, что каждый колдун обязуется демону делать всем людям зло за то только, чтобы пользоваться для себя всеми земными благами, то есть могуществом и богатством, и в знак такого союза он писал под диктовку сатаны договор на пергаменте из кожи мертвеца-удавленника собственной кровью. Дьявол, кроме этого договора (будто бы), накладывал печать на тело своего союзника и в замен того награждал его требуемым на все время заключенного договора. Печати дьявола не причиняли боли, как говорит История инквизиции.

Наконец, в XV столетии чародейство достигло высшей степени своей славы. Начиная от владетельных особ до последнего поселянина, все читали с жадностью черные книги: куда принадлежали, между прочим: *Красный Дракон*, *Эйхиридион* папы Льва III и *Гримуар* папы Гонория VI,

Черный ворон или *чародейные творения* Альберта Великого. Даже прелаты были не лишены этого любопытства.

Договор с демоном

Трудно было придумать более глупую сказку, как сойтись человеку с демоном, человеку, облеченному плотью, — с духом бесплотным, лишенным языка, ощущения, внешних, осязаемых, определенных форм. А между тем есть предание, что как в Западной Европе (см. выше), так равно и у нас на Руси верили, что колдуны и их сношения с дьяволом существовали. Человек честолюбивый, бедный или злой продавал душу дьяволу и пользовался полученными взамен того земными благами.

Но каким же образом можно было увидеть дьявола и говорить с ним? Скорее и всего правдивее в первые века обращались к языческим жрецам или их последователям и там, отрекаясь от всего святого, начиная с христианской религии и кончая презрением ко всем святым принадлежностям¹ пред врагом христианства, научались волхованию, и то, как говорят, предварительно подвергаясь от волхва испытаниям, как то делали египетские жрецы с новопосвященными. Может быть, жрецы или волхвы, в это время замаскировываясь, действительно брали подписки кровью и составляли с новопосвященными договор, в котором, между прочим, он должен был душою и телом принадлежать им и стремиться всеми силами идти наперекор христианским стремлениям, сеять зло, вредить и причинять всевозможный вред своим противникам. За что получает знание и начинает волховать, будучи посвящен в таинство. Это понятие или предположение идет как нельзя лучше к понятиям той эпохи, когда языческие жрецы на закате дней

¹ Есть повсеместное поверье, что тот, кто хочет быть колдуном, должен носить трое суток нательный крест под пятой, не молиться, не креститься. Отсюда видно, что это предание существует со времен язычества, со времени его борьбы с христианством.

своего существования стремились удержать за собою свое могущество, первенство и славу.

Но были такие случаи, что человек впадал в болезнь от неудач в жизни или просто, будучи вздорного характера от природы, решался идти наперекор судьбе и, как сумасшедший, забывши Бога, искал крайностей. Часто такие эксцентрики и без помощи договора с демоном творили зло обществу, вместо того чтобы быть его полезным членом, и, увлекаясь этим злом, находили, как эгоисты, в этом своего рода удовольствие.

Таких вредных людей народ клеймил колдунами, сообщниками дьявола, тогда как они вовсе не видывали чертей, но если делали зло, то вследствие ненависти к людям и зависти к благосостоянию и славе других.

Но были мечтатели-безумцы, которых хотя и живое воображение постоянно рисовало мрачные картины жизни из мира отвлеченности¹. Эти люди скорее и чаще могут вдаваться в припадки более или менее болезненные (ипохондрия). Их постоянная задумчивость придает самым интересным проявлениям в жизни мрачный колорит; этим человеком овладевает неудовольствие, переходящее в досаду; его ничего не радует, не утешает, и, таким образом, несчастный больной, ни в чем не находя успокоения, кончает с жизнью, и кончает не по своему собственному произволу, а по болезни. Мрачному мечтателю, никогда ни в чем не видевшему радости, в тяжелые давящие его груди дни иногда даже являются призраки, с которыми он в болезненном забытии входит в разговор, как то часто бывает, из чего суеверные люди часто заключают, что он колдун, тогда как этот несчастный требует лекарства и доктора. Этот человек готов сознаться, что он заключил договор с демоном, если его спросят об этом.

Про колдунов и чародеев есть тысячи легенд и разнородных басен в самом разнообразном виде. В средние

¹ Как, например, Мельмот-Скиталец.

века различали их, разделяя их на благодетельных и злых волшебников и волшебниц.

Волшебники и волшебницы на западе Европы имели свои замки, экипажи запрягались голубями, лебедями, драконами, змеями, извергающими дым, пламя, искры, и другими фантастическими тварями, и каждый из них повелевал сонмом духов. В арабских легендах и сказках также встречаем благодетельных волшебников и пустынных, могущественных гениев и также злых. Рыцарские романы: «Рихардет», «Неистовый Роланд», «Ричард Львиное сердце» и проч. – описывают эпоху средневековых заблуждений, придающих большую важность талисманам, амулетам и волшебникам. Там говорится, что благодетельные волшебницы обладали, как и благодетельные волшебники, красотой лица, умом и могуществом; они поощряли и награждали храбрость и добродетель; карали зло и вели ожесточенную борьбу с злыми волшебниками и гениями, продолжавшуюся иногда несколько веков, причем добродетель всегда делается победительницей.

В этих фантастических бреднях, созданных предрассудками века, есть отчасти своя доля правды, доказываемая тем, что между добром и злом в здешнем мире всегда ведется непримиримая война или вражда с начала миротворения, но что рано или поздно, а все же добродетель, как истина, восторжествует.

Вот любопытное исследование господином Глаголевым, напечатанное из *Гродненских ведомостей* в *Воскресный досуг*¹, которое мы помещаем от слова до слова; это касается русских колдунов XIX столетия.

Он разделяет колдунов на следующие градации:

- 1) колдуны случайные,
- 2) колдуны поневоле,
- 3) колдуны по убеждению и
- 4) колдуны злоумышленные.

¹ Воскресный досуг. Т. VI, № 137.

1) **Случайным, простым колдуном** прослыть требуется очень и очень немного, например, иметь какой-нибудь бросающийся в глаза недостаток телесный или излишество, даже отдельный клочок волос, случайно выросший на голове или на бороде; если притом мужик сметлив, то очень легко воспользоваться этим обстоятельством; стоит лишь повести ему жизнь против принятого обыкновения, то есть лечь спать тогда, когда другие бодрствуют, и наоборот – вставать, когда люди ложатся спать, не чесать бороды и не расчесывать волос на голове, говорить вздор, вообще делать разные несообразные штуки, затем нашептать какую-нибудь небылицу. Подобного рода колдуны-обманщики безвредны.

2) **Колдуны поневоле.** Это люди, которые производятся поневоле другими.

Пример пояснит дело: в полуверсте от одной деревни находилась небольшая мельница, содержащая крестьянином Антоном Петровым. О нем ходила молва, что это такой дока, каких редко сыскать, впрочем, хотя и колдун, но колдун добродетельный, зла никому не делает, а все добро. Это был старик лет 65, добрый, умный, сметливый, веселый и набожный до того, что слово «черт» никогда им не употреблялось, и если уж необходимо было сказать это слово, то он заменял это названием «черный».

Петров сам рассказывал, как его дураки произвели в колдуны: лет пять тому назад был в нашей деревне парень здоровый и бойкий; вот приезжает он раз на мельницу молотить рожь; летом на мельнице вообще бывает работы мало, вот я и хаживал обедать и ужинать домой в деревню. Это было уже к вечеру, и я и говорю: послушай, Ванюха, я пойду ужинать в деревню, побудь здесь пока. «Хорошо», – говорит. Я ему шутя и говорю: «Ты, мол, не боишься остаться один на мельнице?» – «А кого я буду бояться, ко мне хоть сам черный (черт) приходи, я и тому ребра переломлю», – отвечал он. Это мне не понравилось; ну, думаю

я, постой же, испробую тебя, каков ты таков? «Хорошо, – говорю, – запри же двери-то на крючок». Потом я вместо деревни обошел кругом, да под колесами и пробрался под мельницу, лицо вымарал грязью, а на голову надел вершу, что из прутьев плетутся, и полез в творило, где колеса мажут; лезу помаленьку. Иван же, заслышав шорох, отступил шага на два и стал креститься, а я вдруг высунулся до половины да и рожу еще такую скорчил; тут Иван не выдержал и со всех ног бросился в дверь, сшиб ее с крючка и без оглядки подрал прямо в деревню.

Сбросив вершу, я кричу: «Иван! Иван! Куда ты?» Только пятки мелькают. Вот тебе, думаю, и пошутил, теперь и оставайся без ужина. Нечего делать, поел я хлеба, прихлебнул водицей и лег спать. На другой день поутру слышу, кто-то ходит и покрикивает. Э, думаю, смельчак мой пришел. Отворил я дверь, гляжу: Иван. «Что же, – говорю, – так-то караулят?» – «Да что, дядя Антон, озяб до смерти, пошел погреться», – отвечает Иван, а между тем спешит скорее лошадь запрячь, да на меня как-то странно посматривает; я ни гугу, знай, подметаю мельницу. Запряг он лошадь и сейчас уехал. Я так и думал, что дело тем и кончится, ан вышло не так. Дня через три является ко мне одна старуха и бух мне в ноги: «Батюшка, помоги», – говорит. Что, мол, такое? «Ваську моего испортили». – «Как испортили?» – «Да вот как, кормилец: вчера после уж полуден вез он сено. Жара страшная. Вот подле дороги идет Матрена с водою, он и попроси напиться; напившись же, и говорит: “Спасибо, бабка”. – “Не на чем, – говорит, – а при случае припомни”. – “Припомню”, – говорит. Отъехав сажень десяток, вдруг ему под сердце и подступило, едва мог лошадь отпрячь и прямо на печь. Мы собрались ужинать, кличем его, нейдет, а сам все мечется; поутру я было ему яичко поднесла, не берет; так сделай милость, помоги!» – «Да что ж я-то тут могу сделать?» – «Батюшка, такой-сякой, помоги!», а сама все в ноги. «Постой, – ду-

маю, – дам я ей земляничного листа», я, знаешь, сам его употребляю, когда занеможется; возьмешь, поставишь самоварчик, да обольешь (лист) кипятком, да чашек десять и выпьешь, а допрежь ты стаканчик винцахватишь, наденешь тулуп да на печь; вот пот тебя и прошибет; а к утру и встанешь, как встрепанный. «Постой, – говорю, – я тебе травки вынесу», – и вынес пучка два, да и рассказал ей, что с ней делать. Гляжу, на другой день она опять ко мне и опять в ноги. Что, мол, али опять худо с Васькой-то? Какое, говорит худо, он уже поехал на покос. – Ну и слава Богу. Она меж тем холста мне эдак аршин пять сует.

«Что ты, мол, Бог с тобой! Куда мне?» Возьми да возьми! Злость меня взяла, говорю: Отдай, мол, в церковь! Послушалась и ушла. Что же, батюшка мой! И стал я замечать, что, как завидят только меня, все кланяются еще издали. Что это, думаю, за чудеса такие? Сперва я все ту же травку давал, всю почти передавал; ничего, выздоравливают, а там уже ворожить стали ходить; я сначала сердился на них и гонял, не тут-то было; ломают, да и только. Уж больно стали надоедать; я и пошел к священнику, да и порассказал, в чем дело; священник посмеялся, да и сказал: «Ну, ты невольный колдун, терпи, нечего делать! Народ не скоро переломишь, предоставь все времени».

3) **Колдун по убеждению.** Колдуны по убеждению, по словам г. Глаголева, сами убеждены в действии заговоров. Заговоры передаются младшим в семействе или друзьям, и притом с заветом, что тайны никому не открывать. Но мы об заговорах будем говорить в своем месте.

Г-н Глаголев сообщает один из тех случаев, какой он заметил или сам, или слышал из достоверного источника. Вот что делают сметливые колдуны или просто деревенские шалуны. Известно, что деревенские лошади счастливее чутьем городских, так как пасутся в поле, на воле и пользуются более дарами щедрой природы, чем наши выездные лошади, как барышни, годные только порисовать-

ся на бегу, как на бале, а затем в теплой конюшне жевать овес и пить тепловатую водицу.

Одаренная богатым чутьем деревенская лошадь, хоть не в холье воспитанная, лучше слышит следы и серого волка, и мохнатого медведя издалека, и чуткая по природе, всегда принимает свои меры, если только она свободна от воли человека; но если ею управляет человек, то, конечно, она бьется при виде животного, ей вредного и враждебного, даже часто погибает вследствие повиновения рукам, управляющим браздами.

На основании богатого обоняния лошадей колдуны делают такие проделки, например: чтобы остановить поезд свадебный или вообще на бегу лошадей, употребляют следующие средства: берут свежего жира или крови от какого-либо хищного зверя (ближе всего от медведя или волка) и намазывают ими камни, которые разбрасывают по дороге. Лошади, почуяв запах зверя, начинают упрямиться и беситься, а особенно молодые.

Это средство особенно употребляется при свадебных поездках и до того сделалось обыкновенным в простонародье, что стоит только кому-либо перейти дорогу во время свадебного поезда, как дружка станет упрашивать его перейти дорогу обратно, даже водкой и брагой попотчует его при этом¹.

Вот один случай колдовства: зажиточный крестьянин купил у другого крестьянина дворовую собаку, очень злую, и привязал ее на цепь. Но собака вовсе не хотела лаять у нового хозяина, свернется калачиком и лежит в таком положении. Мужик обратился к колдуну с просьбой помочь этому горю. Колдун сначала поломался, как водится, поставили ему шкалик, и тогда он объявил, что не пришло еще время, и когда оно наступит, он сам придет.

Недели через две колдун является. «Подержите собаку», — говорит. Собаку подержали; колдун взял собаку за

¹ См. свад. обряды пермяков. Ч. 1.

хвост и чем-то помазал его. Собаку пустили; сперва она по-своему свернулась калачиком, но в ту же минуту вскочила, дико залаяла и стала метаться на цепи; потом опять хотела свернуться и опять вскочила, словно ошпаренная. С тех пор собака стала лаять и сделалась опять отличною собакою.

А ларчик просто открывался: колдун помазал корень хвоста у собаки свежим волчьим жиром; собака чуть коснется носом хвоста, послышит запах и с яростью начнет лаять. Мало-помалу собака, привыкнув к новому хозяину, перестала скучать и дичиться.

4) **Злоумышленные колдуны.** Эти колдуны самые опасные, и на них должно быть обращено внимание полиции. Это просто мошенники. Они очень часто разъезжают по деревням (говорит г. Глаголев) и под видом выкурки чертей и домовых окуривают и опаивают народ одуряющими зельями, преимущественно беленой и дурманом, и, пользуясь опьянением своих жертв, обирают их.

Несколько лет тому назад к священнику села К. приезжают двое неизвестных людей, по-видимому, купцов довольно подозрительной наружности; один из них при огромном росте и атлетическом сложении казался необыкновенно сильным.

Они обратились к священнику с просьбой покормить у него лошадь и напиться чаю. Священник пригласил их на двор и попросил самих в комнату. Великан стал хлопотать около лошади, а товарищ его, по-видимому хозяин лошади, войдя в горницу, просил поставить самовар и вместе со священником стал пить чай, во время которого сыпал в самовар какой-то порошок, и на вопрос священника, что он делает, отвечал, что в комнате чувствуется тяжелый запах, а потому не мешает подсыпать курительного порошка.

Так как выходящий из самовара дым противным не оказался, то слова гостя казались вероятными. Между тем купец по временам что-то выпивал из находившейся при нем бутылки; священник полагал, что у него ром или

водка, тем более что лицо купца делалось все краснее и краснее; за собой же священник не замечал, что он малопомалу теряет сознание. Мать его (священника), старуха лет сто, уже потеряла сознание; а жена, будучи занята по хозяйству, то входя, то выходя, сохранила более самосознания, чувствовала только биение сердца, наконец, взглянув из спальни в комнату, увидела, что муж ее дает деньги купцу, а тот просит еще и самовар, обещаясь отдать все на обратном пути, на что священник изъявляет согласие. Она хотела выйти из комнаты, чтобы позвать соседей, но, увидев великана в дверях, до такой степени испугалась, что лишилась чувств.

Великан не постоянно находился в комнате, но выходил на улицу и на двор, вероятно, для того чтобы не вошел кто-либо из посторонних.

Вскоре оба незнакомца сели в телегу, взявши с собою 10 рублей, самовар и еще кое-какие другие вещи. Священник машинально вышел их провожать, и когда вдохнул в себя несколько раз свежего воздуха, который, как он после сказывал, казался ему усадительным, самосознание и память стали ему возвращаться, тогда он бросился в комнату, нашел жену и мать почти в бесчувственном положении, отворил двери, вспрыскивал больных водою и с трудом привел их в чувство. Головная боль продолжалась около недели.

Всегда нужно осматриваться относительно наркотических веществ, скажем мы в заключение, потому что из истории индийцев и римлян мы видим, что там такие курения были в большом ходу, то же самое курение производилось и в средние века при вызывании теней и духов, особенно в то время, когда употребляли волшебный фонарь.

Злонамеренные колдуны нашего времени особенно практикуют в наших русских деревнях удачным угадыванием украденных лошадей, определением местности и их нахождением, и все это устраивается посредством стачки колдунов с конокрадами. Хитрые обманщики помогают

злым и негодяям ядовитыми зельями с намерением мщения за обиду и находят себе в нашем отечестве обильную профессию, и хотя не всегда достигают своей цели, то чаще всего губят несчастных, награждая их такими болезнями, о которых даже врачи не имеют никакого понятия.

Грубые поселяне со слишком поверхностными понятиями о христианской любви и высокой христианской добродетели считают себя уже добрыми христианами, если каждое воскресенье ходят в церковь, мало понимая, а иногда и вовсе не понимая суть молитв на славянском языке, произносимых во время божественной литургии.

Проповедей в селах и деревнях не говорится, может, на это нет ли еще и запрещения, не знаем и умываем руки; но, во всяком случае, не мешало бы крестьянам по праздникам хоть катехизис читать. Впрочем, это дело не наше, на то есть иерархия; но, во всяком случае, каждый крестьянин, по обязанности совершая св. Таинство покаяния и св. Причастия, думает, что, тем сдав ежегодно известные грехи, он совершенно прав и освобождается от ответственности пред Всемогущим, и потом, на основании своего мнимого очищения грехов, вновь предаются новым размолвкам в семействе, между знакомыми, враждовать с соседями, пьянствовать и даже воровству всякого рода, как, например, конокрадству, самому вредному для земледельческого хозяйства. Конечно, при такой грубой обстановке нашего народа и в настоящее время происходят разного рода преступления, существуют вредные колдуны для вреда и наводнения ужаса в среде народа, которые посредством разного рода ему известных составов и зелий отравляют или, как говорят, портят народ то по собственному желанию, то по просьбе других из личного их мщения. Все это противно духу религии и сильно отзывается грубыми остатками древнего язычества, закоснелого в народе. Будь простой народ начитаннее, знай он основательнее религию, кроме одних обрядностей, нравы их были бы

мягче и не было бы таких злодеев. Отчего в столицах мы не слышим о существовании колдунов и не боимся никакой порчи? Оттого, конечно, что в столицах народ развитее, гуманнее, да и полиция, не боясь мщения, преследует законом распространение обманщиков и злодеев.

Легенды о колдунах в России

Простой народ, мало знакомый с таинствами окружающей их природы, скорее верит в чудесное и невозможное, тогда как все можно объяснить при помощи науки, а особенно знает тот же мужик, которого зовут знахарем или колдуном. Конечно, если бы он был призван к допросу и сказал бы откровенно, чем он прославился в народе, то он чистосердечно бы открылся, что ничем в особенности, а что знания его заключаются в том-то и том, которым он и орудует бессознательно, благо дело пошло. Часто к колдуну являются скорее за медицинской помощью, чем к священнику. Колдун ни в чем не отказывает за щедрый подарок, хотя немножко и *поломается*, а даст хоть какое зелье и от чего угодно, сопровождая для пущей важности каким-либо нашептыванием или наговором, иногда упоминая в наговоре сатану. Получатель или получательница этого зелья дрожит от близости такого человека по тому мнению, что колдун окружен сатанинской силой, и имеет несомненную веру в чудеса своего покровителя. Дело кончается тем, что получивший из рук покровителя зелье дает в питье или пищу своему недругу, и свойство яда долго ли, скоро ли, но произведет свое действие.

Яды, данные колдунами, не убивают, но употребляли сильные наркотические яды или такие из них, которые губительно влияют на нервную систему или на другие системы человеческого организма. Таким образом, больной (испорченный) получает или вредные сыпи, судороги, твердые опухоли (килы, грыжи). Яды эти колдуны при-

готовляют преимущественно из известных им трав. Понятно, что человек, занимающийся такими вредными операциями, проникнут до мозга костей злом и ненавистью к человечеству; говорят в народе, что самое выражение лица изобличает колдуна; и даже рассказывают следующие приметы: колдун имеет мутный взгляд, свинцово-серое лицо, сросшиеся и напущенные брови, злую улыбку, медленный с расстановкою голос, небрежную прическу, морщинистый лоб, взгляд свирепый исподлобья, сутуловатость, походку неторопливую и задумчивость; говорит вообще мало и хрипло, зато, как говорят, любит постоянно что-то ворчать или шептать, всегда любит выпить.

Так описывают наружность колдуна. Теперь выведем свое умозаключение так: представим себе деревенского мужика, которому пришлось хоть однажды помочь больному и поставить на ноги. В деревне какие болезни? Чаще всего простудные лихорадки, горячки, положим, что есть множество других, как то: оспа, сифилис, тиф. Но вообразим, что мужик излечил простуду, узнав от кого-либо случайно о средствах лечения, как мы выше сказали, смородиным листом, стаканом водки и печкою¹. Его это обрадовало, потому что в часы досуга мужичок рассчитывает и впредь при удаче иметь побочный доход; но суеверный народ после нескольких удач мужика клеймит его названием знахаря или колдуна, потому что никак не может верить, чтобы простой мужик мог познакомиться с каким-либо знанием, кроме земледелия. Даже мельники у них почти все колдуны, потому что знакомы с ее устройством, скотники или скотницы, умеющие врачевать скот, – тоже. Понятно из этого, что случайный врач, раз ослабленный связями с чертом, он сам сознает, что если и может быть терпим, но никогда не может быть любим, и поэтому он, расстроенный своим положением и общим о нем невыгодным мнением, часто вовсе не заботится о себе, о доме как хороший хозяин,

¹ См. статья г. Глаголева.

а предается пьянству или с горя, или по склонности. При таком хозяине, конечно, хозяйство утрачивает и свои выгоды, и пользу для его семейства, и нередко бедность делается уделом этого пария, часто по глупости своих односельчан. Нередко этот человек озлобляется и тогда в своем глупом невежестве ищет средства мстить и находит нередко. Вот тут-то из него вырабатывается настоящий колдун, то есть человек, вредный для общества. Во всяком случае, трудно нам думать, что он входит в сношения с дьяволом. Если, как говорят, он проводит ночи без сна, то скорее можно подозревать, что он опасается, что его темные дела откроет кто-либо пред лицом правосудия и что он долго ли, коротко ли, но получит должное возмездие. Впрочем, он остерегается и своих односельчан, даже боится их, что за свои деяния легко могут его побить смельчаки. С этой целью ими же, этими колдунами, выдумана сказка, что будто бы колдуны неуязвимы, а чтобы нанести ему побои, то нужно бить по его тени, в том предположении, что под видом тени ходят за ним нечистые духи. На самом же деле колдуны, поддерживая такое мнение в народе, тем оберегают свою спину и тело от ударов злобствующих врагов, и если случится, что какой-либо озорник попытается ударить колдуна, то последний всегда, как говорят, выдержит удар терпеливо и засмеется при этом, не желая, разумеется, изменить мнению народа, напротив же, кто станет бить его тень, то он будет всячески кривляться и кричать; конечно, эта комедия спасает его личность от неприятности побоев и увечья.

Понятно, что злой человек не наследует царства небесного, а поэтому то же нужно и о колдуне, которого вредное влияние на людей известно его ближним и соседям, то они окончательно уверены в том, что он уже на земле осужден на вечное мученье и теперь даже достояние сатаны, стоит только умереть ему.

Люди эти стали редки. С развитием образования повсюду и грамотности в деревнях и селах, с устройством

железных дорог и проведением их по всем направлениям наши русские захолустья и глушь стали оживляться; вместе с эмансипацией началось тесное сближение всех классов общества; удешевление сообщений с главными городами или, так сказать, с торговыми пунктами сделало крестьян развязнее, бодрее, гуманнее и дало многим из них: средства к правильному развитию понятий, новую жизнь, новые права. Увидев паровозы, пароходы, телеграфы, фотографии, народ стал понимать тверже, что эти предметы стоят большего внимания, чем какой-нибудь барноволовий безграмотный колдун и его действия. К тому повсюду стали назначаться учителя, образоваться школы для распространения грамотности, и самые священнослужители по характеру своего воспитания стали иначе смотреть на свою паству; а все это много повлияло на крестьян до сих пор, в будущем, разумеется, будет еще лучше, иначе водворившаяся повсюду грамотность и общая воинская повинность благотельно повлияет на простой народ и, конечно, искоренятся суеверные обряды, а с тем вместе улучшат жизнь, поставив народ на добрую почву при новых началах.

Смерть колдуна

Вот как рассказывают в русском народе о том, как умирает колдун или колдунья, портившие народ. Колдун, как бы долго ни жил, — не вечен, когда же приступит к его одру безжалостная с косою в руке, ему, понятно, как всякому злодею, страшно за себя, так как он только и находил удовольствие в том, что жил и губил тех, кто нечаянно попадался ему под руку. Какова же ему придется жизнь за гробом? Остается одно: горькое раскаяние во грехах, это правда! Но где же какие-либо добрые дела его, которые могли бы облегчить угрызающую совесть, облегчить, успокоить душу, которая сейчас оставит тело, которая должна скорбеть. Здесь, конечно, предсмертные страдания не

пройдут без галлюцинации и разного рода иллюзий для умирающего. Как и всегда, в предсмертной агонии многих умирающих, совесть колдуна, как и всякого другого злодея, требует примирения со всеми, кого он знал, кого он обидел; ему этого хочется ради того, чтобы облегчить свою душу, совесть... ему хочется, чтобы кто-нибудь при его физических страданиях присутствовал из посторонних или домашних. Но, увы! в эту для него безнадежную минуту, еще скорее, чем в какую другую, овладевает ужас умами суеверных, не исключая и ближних его. Все узнают об этом в селении и в один голос говорят: «колдун околевает», причем крестятся и чураются. Бывало немало примеров, что мнимые колдуны или, вернее, злодеи эти умирали посредством петли. Впрочем, меланхолики и ипохондрики также часто кончают жизнь самоубийством. Нельзя же всех, кто зол, нелюдим, скучен, считать каким-то чародеем; часто на человека говорят только одну напраслину.

Есть поверье в народе, что земля не принимает тела колдуна. Говорят так: если колдун ежегодно ходил в церковь говеть, принимал Св. Дары, то колдуна можно, по усмотрению духовника, хоронить по-христиански, а особенно богатого. Но говорят так: что, несмотря на похороны, исполненные по-христиански, обряд похорон для его души тяжел и приносит ей страдание¹.

Когда окончится обряд похорон колдуна, то после столования гости разъезжаются и семья остается в полном неудовольствии и горюет, полна панического страха.

Хождение тени колдуна

Если колдун не передал никому своей тайны колдовства, то в народе говорят, будто бы опасение домашних

¹ Здесь опять отзывается преданием старины глубокой, когда последователи язычества хотя и приняли Христову веру, но в душе были преданы своей прежней; на это и намекает легенда. (Прим. автора).

оправдывается, то есть что они и после смерти его еще не совсем с ним расстались; далее говорят, будто бы в течение дня у них раздается стук, треск, ходьба по комнате кого-то невидимого, потом – говор, которого нельзя хорошенько разобрать, а потом, с наступлением глухого времени от начала одиннадцатого часа до двух, слышится отворение запертых дверей и иногда является привидение, всем ясно видимое в виде мертвеца, сегодня или вчера похороненного, что страшно поражает домашних и наводит ужас тем более ужасный, что они уже ранее были парализованы ожиданием или предвестьем нового ужаса.

Как обыкновенно, по рассказам, это посещение повторяется недели две, и домашние до того истомляются такими беспорядками, в доме производимыми, то разного рода стуком, шумом и говором, а то посещением похороненного мертвеца, что прибегают к соседям, но последние иногда сами страдают тем же недугом, то есть им самим приходится видеть соседа, который ест, пьет, а иногда и пляшет, между тем на могиле его иногда видят огонек, горящий вроде свечки. Как бы то ни было, будь это светляк, будь это фосфорический огонь, выходящий от трупа сквозь поры, насыпи свежей земли, будь это глаза волка или росوماхи, любительницы разрывать трупы, для народа представлялось одно – что похоронили колдуна, и все признаки еще более подкрепляли их убеждение. Может быть, шум, треск происходил оттого, что или дом садился, или, может быть, от мороза трескали бревна дома; иногда случалось, что сильный ветер выл в ближнем лесу; исследовать естественную причину никому не хотелось, а между тем воображение работало до болезни мозга, до галлюцинации.

Подозрительного мертвеца (колдуна) всем миром откапывали из земли и даже иногда находили лежащего ничьмя или вниз лицом, это подавало новую мысль к тому, чтобы думать о нем как о колдуне, между тем как на

самом деле, может быть, он был просто мнимо умерший от летаргического сна (замер, по русскому выражению) и потом проснулся в могиле.

В деревнях и сейчас не редкость, что хоронят покойников в течение суток, а особенно во время летней страды, когда с мертвецом некогда хороводиться: то сенокос велик, убратся надо, то бояться, что от жары из колоса зерно, перезревши, осыплется во время жнитва.

Обыкновенно, чтобы колдун лежал спокойно в могиле и не тревожил живых, вонзают труп между лопаток осиновый кол, и тем, по мнению народа, посещение колдуна прекращается.

Если же, как говорят в простом народе, покойный колдун был одинок, то есть жил вполне бобылем, то не смеет явиться к соседям и блуждает по кладбищу, разумеется пугая суеверных земляков.

Впрочем, народное предание говорит, что тот из колдунов, кто успеет передать младшему себя свое ремесло перед смертью, тот умирает хорошо и спокойно, и труп не требует клина, как и обыкновенный человек, как добрый христианин. Передача знаний происходит по большей части перед самой смертью, и народное поверье говорит так: колдун, продавая душу дьяволу, получает от последнего столько нечистых духов на службу, сколько тому нужно по условию, чтобы отступнику достичь до условного значения своего величия.

По смерти подвластные демоны должны осиротеть без работы, так как им при жизни колдуна давалась постоянная работа, на которую они буквально обречены Люцифером (князем тьмы). Говорят, что демоны во время смертной агонии умирающего тормозят тело покойника, и видя, что тело пусто и без души, то временно даже будто бы вступают в его пустое тело и ходят, олицетворяя человека со всеми его признаками, иногда даже весельчака, а то строгого, сообразно с характером покойника,

с тем только исключением, что такой псевдо-покойник лишается в характере религиозности и остается неуловимым, как дух.

Передача колдовства. Каждый из колдунов, зная, как ему трудно расстаться с жизнью, а душу <отдать> дьяволу, по общему поверью, старается отдать свое право колдовства и вреда кому-нибудь, если не по знакомству или по родству, то хотя *обманом* и не *за-знать*.

Передача колдовства внуку (*Легенда*)

Однажды умирающий колдун передал свое колдовство внуку.

Дело было вот каким образом, как говорит предание:

Старик-дед, замешанный в каких-то плутнях и заслуживший имя «*колдуна*», умирает, оставляя по себе потомство. Все его удаляют, брезгуют. Он сам видит это, лежа на смертном одре, и ухищряется, обращаясь к мальчику лет 8 или 10, его внуку, мальчику бойкому, который во все время был к нему привязан:

– Внучек! Поди сюда! – кличет старик внука в припадке своей предсмертной агонии.

– Што, дедушка?

– На-ка, возьми, внучек! Возьми!..

Внучек взял от деда-колдуна веник и вышел от него: в это самое время внучек ощутил что-то особенное. Внуку пришлось спать, ему грезятся небывалые до сего дня сны, и он просыпается, словно от лихорадки. Затем после просонья ему представляются вдруг безобразные, пугающие детское воображение, личности, требующие у него работы.

Бедняк промаялся до утра со своими дрянными снами, не давшими покоя, и встал, как отуманенный. Ночные грезы он передал своим родителям или воспитателям и

указал на веник. Это еще более встревожило семью, разумеется напуганную событием и суеверную по простоте и грубости образования.

Это был не сон, а явь, во время которого страдал ребенок, которого мучили духи, переданные не в венике, а с веником, и принявшим этот веник без молитвы, конечно, потому что веник – предмет, ничего не заслуживающий и не стоящий никакого внимания.

В семье подумали и решили поехать к колдуну, чтобы разрешить дело, и рассказали случившееся, предварительно подарив его милость.

Колдун, хорошо удовлетворенный благодарностью и подарками, сказал:

– Вот что: пусть, когда шишиги будут просить работы, сын ваш прикажет к утру разобрать по зернышку куль овса, куль пшеницы, куль гречихи; а зерна эти нужно перемешать перед вечером и рассыпать по амбару.

Родители так и сделали. Но черти к утру все собрали, а зерна очутились разобранными и высыпанными в кули. По окончании этого опять потребовали чертенята у мальчика работы. Родители мальчика опять обратились к колдуну и рассказывают: так и так... Кормилец! Опять с докукой!.. Колдуну опять влетел гостинец.

– Ну, ладно! Приготовьте бездонную кадку да ушата два песку, и вот пусть они в бездонную кадку воды нальют, а из песку веревки выют.

Родители подготовили и песку, и бездонную кадку, но черти и это поручение исполнили. Опять к колдуну.

Колдун, слишком благодарный за все награды, посоветовал так сделать:

– Если и это не берет, – сказал он, – то пусть он раскидает мешок овсяной муки, бросая горстью на все стороны, и потом закрестит на все четыре стороны. Когда нечистые явятся к нему, то пусть он велит муку в мешок собрать до пылинки.

Родители мальчика возвратились и приказали при себе исполнить приказание колдуна.

Мальчик исполнил, что приказано, и вечером распорядился ватагою адской сволочи. Нечистая сила пошла собирать муку, но, видно, эта работа была им не под силу, более не возвращались.

Говорят, что демоны, прислуживающие человеку и подпавшие ему под власть, не имеют вида сатиров, каких их малюют на лубочных картинах, или черных муринов, страшных эфиопов, но что они представляются колдуну в виде маленьких человечков.

По народному поверью, передача колдовства может быть производима и другими средствами. Рассказывают, что некоторые берут у колдунов колдовство из любви к профессии; при этом говорят, что человек, получивший от колдуна искусство колдовать, теряет добродетель и все добрые качества и делается злым, ненавистником с момента получения. Разумеется, не нужно смешивать колдуна с знахарем; разница между ними та, что колдун – отщепенец веры, не носит креста, не ходит в церковь, а если и ходит для виду, то не молится, если причащается, то не глотает Святые Дары, всем вредит, но не пользует; напротив, знахарь – человек совершенно другого закала, он истинный христианин, он врач и благодетель для всей окрестности, но не враг, он не портит, а выгоняет порчу, на что у него есть свои приемы. Вообще нужно сказать, что там, где нет близко врачей, знахари с успехом делают свое дело и нередко помогают даже лицам довольно значительным. Так из биографии графа Граббе¹ видим, что его вылечил простой знахарь.

Народное понятие о порче

По народному поверью, колдун, стараясь удалить от себя подвластных себе духов, беспокоивших его требова-

¹ См. «Война России с Турцией» П. Гарковенко.

ниями работы, портит народ тем, что будто бы разгоняет их, посылая к людям их мучить в разных видах, разумеется, к тем, которые чем-нибудь досадили колдуну; таким образом народ объясняет кликуш или порченных. Это люди, которых будто бы мучают духи, преследующие повсюду; тот человек, на которого указал колдун, страдает или душою, или чувствами и нравственно. В этих болезнях души, малодоступных врачам, прибегают к колдуну, но, по мнению многих, тот колдун, который берется вылечить порчу, будто бы не вылечивает ее, а приставляет к больному более сильного духа, чтобы ослаблять вредное влияние первого.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И КАЗНЬ КОЛДУНОВ

Преследование колдунов инквизицией

Мы уже сказали, что на западе Европы в XV столетии мания на колдовство достигла своего полного апогея. За то инквизиция (духовный суд) деятельно преследовала колдунов, считая чародейство совершенно равным еретичеству, отступничеству от Бога и величайшим из преступлений на свете. Если заблуждались те, кто занимался чародейством, не менее того заблуждались и инквизиторы, усердно веря в существование чертей и разных бесплотных духов и в сношения людей с этими духами. Даже нельзя было допустить мысли, по нашему мнению, чтобы почтенные патеры, кардиналы и прелаты могли бы быть до такой степени невежественны, чтобы могли верить тому, что в наше время считается пустяками и бессмыслием.

Во всяком случае, кроме видимого стремления уничтожить охоту к чернокнижию в народе, почтенными иезу-

итами овладело желание приобретать имущество, оставшееся после казненных, в свою пользу. Таким образом, к числу жертв, погибших на костре, принадлежали министр французского короля Филиппа Красного, Ангерран де Мариньи, знаменитая Орлеанская девственница и множество других невинных жертв, от руки палача или на костре, вместе со знаменитым Синим бороδοю, Жиль де Лавалем, маршалом Франции¹.

Как ни сильно было развито чародейство и как ни жестоко оно преследовалось, но никто так жестоко не нападал на еретиков, как папа Иннокентий VIII... своею жестокою буллой (папский указ) от 4 декабря 1484 года против волшебства и всякого сношения с нечистыми духами. После этой буллы усердные служители папского престола до того усердно работали, что на аутодафе приводили толпы колдунов (мнимых, разумеется), и полились реки невинной крови, едва иссякшие в течение двух с половиной веков.

Этот папа поручил преследование чародейства особой комиссии инквизиционного суда, председателем которой был назначен Яков Шпренгер, профессор богословия в Кельне. Усердный профессор немедленно занялся сочинением руководства для следствия и суда по делам волшебства; плодом усилия этого ученого фанатика, полубезумца, полузлодея был знаменитый «*Malleus maleficarum*», или «Молот злодеев». Со времени изготовления этого сочинения оно было утверждено кодексом для разыскания и наказания мнимых волшебников. Дети были должны доносить на отцов, братья на братьев; супруги должны были обличать один другого. Кроме того, одного доноса, даже без свидетелей, было достаточно, чтобы арестовать и под-

¹ Жиль де Лаваль, владетель Резан Машкуле, если и был сожжен как чародей, то это была со стороны инквизиторов тоже ошибка; это был скорее человек, помешанный на алхимии и философском камне. Но как злодей он был достоин сожжения, потому что погубил до 150 мальчиков и до столько же беременных женщин, вырезывая из их чрева нерожденных детей.

вергнуть его суду и пытке, почему почти каждый обвиненный, хотя и совершенно невинный, был в действительности человеком, безвозвратно погибшим. Обвиненного подвергали пытке. Если он для избежания нестерпимых мук сознавался в мнимом преступлении, его возводили на костер как колдуна или одержимого бесом (бесноватого, порченого), если он не признавался, то погибал от мучения пытки, потому что всем не сознавшимся были пытки, одна после другой жесточе и невыносимее.

Деятельность агентов папы Иннокентия коснулась не только одного Рима и его областей, но проникла во Францию, Германию, Швейцарию, в какой-то пандемониум, где на каждой горе совершались шабаши ведьм и где редкий не был причастен чародейству как злодей или как жертва. Костры пылали, и кровь лилась реками. Дель-Рио рассказывает, что в 1515 году в одной Женеве казнено было до 500 уличенных в чародействе лиц. По словам Бартоломео де Спины, в том же году в приходе Комо сожжено их до тысячи, и в последовавшие затем два года по несколько десятков в каждый месяц. Ремигий с самодовольствием объявляет, что в течение 15 лет (1580 по 1595) сжег до 900 колдунов обоего пола. В царствование короля Карла IX колдун Труазешель в одном Пуату оговорил более 1200 человек, виновных в чародействе, и уверял, что их более трехсот тысяч в одной Франции. По словам Бодена или Бодинуса, при Карле IX казнено более тридцати тысяч человек.

Несмотря на эти ужасные бойни, Франция все же была позади перед Германией, где папские буллы производили ужасные опустошения.

Вслед за Иннокентием VIII против чародейства восстали: Александр VI, Лев X и Адриан II. С наибольшим усердием работали инквизиторы в Барберге, Падеборне, Вюрцбурге и по всему протяжению владений нынешнего Баварского королевства; впрочем, и другие части Германии

также принесли свою дань ужасному заблуждению людей умных и ученых, какими считались папы и иезуиты и вообще ученые монахи Рима.

Хаубер в своей *Волшебной библиотеке* приводит список 157 лиц обоего пола, уличенных в чародействе и казненных в Вюрцбурге с 1627 по 1629 г. в 29 приемов. Но замечательно, что в числе этих лиц были: дети от 7-ми до 9-ти и 12-ти лет да старики и старухи от 70 до 107 лет; тут же были четырнадцать кафедральных викариев, два знатных молодых дворянина, сенатор Штольценбург, Эмма Гобель, первая вюрцбургская красавица, и 20 других девушек, из которых две слепых и четыре глухонемых. В Линденском округе из 600 жителей казнено в 4 года (1660–1664 гг.) за волшебство 30 человек; в других местах Германии погибло в это время более ста тысяч человек за то же мнимое преступление.

Упорство и ужас этих гонений были виною, что уверенность в возможности противоестественных сношений с злыми духами распространилась на все классы общества и на все возрасты. Она породила извращение умственных способностей, известное под именем галлюцинаций и действующее иногда эпидемически на целые массы. Этим болезненным состоянием мозга объясняются вынужденные (а иногда и добровольные) признания несчастных о их посещениях шабашей и пиршеств злых духов; и не только судьи и свидетели, но и самые подсудимые, разделяя общее настроение и помрачение рассудка, считали фантастические видения, порожденные расстройством воображения, за действительные факты. Мудрено ли после этого, что судьи с полным убеждением в своей справедливости посылали на костер несчастных, хотя, по сущности, невиновных, но убежденных в своей мнимой виновности.

Не всегда, однако ж, признание в действительности чародейских занятий было вследствие умственного расстрой-

ства: весьма часто пытка вырывала признание у обвиненного. Вот один из примеров¹:

«Один Вестфальский дворянин чем-то досадил своему соседу, который из мщения сделал на него донос в чародействе. Обвинитель утверждал, что упомянутый дворянин выходит по ночам из дому, оборачивается волком (оборотнем) и, рыская по окрестностям, давит и загрызает прохожих. Несчастного обвиненного схватили и, продержав три недели в тюрьме, привели к допросу. Несмотря на все желание судей найти мнимого чародея виновным, невозможно было отыскать никаких улик. Но случай помог инквизиторам: свидетельствуя состояние обвиняемого, открыли, что у него на левом плече есть родимое пятно, которое оказалось нечувствительным к уколу иглою. Этого вполне было достаточно, чтобы заподозрить обвиняемого в действительности сношений его с дьяволом, так как родимое пятно было признано печатью дьявола. Несчастного подвергли пытке, но он был человек сильного характера, твердый и, не соглашаясь сознаться в небывалом преступлении, с мужеством перенес страшные мученья.

Наконец, один из судей придумал дать измученной жертве отвара травы – красавицы (*atropa belladonna*), и тогда под влиянием ложных видений, развитых этим наркотическим ядом, подсудимый во временном умопомешательстве взвел на себя всевозможные преступления и сознался во всем, чего только хотели. Показания его записали при свидетелях. Придя в себя, он вновь с твердостью стал отстаивать свою невинность; но его не хотели слушать и, приняв во внимание совершенное пред судом признание, сочли его за нераскаянного злодея, и живого сожгли на костре».

Неудивительно, что при таком порядке вещей люди богатые жертвовали своим имуществом, чтобы подкупить судей, но судьи сперва разоряли подозреваемых, а все-таки после осуждали и казнили.

¹ Рассказ Дель-Рио, известного демонолога.

Ранее было указано, что нередко обвиняемые сами признавались в своих преступлениях, сами доверяя своим собственным рассказам и убежденные в действительности своих мнимых преступлений. Разумеется, этого нельзя было объяснить иначе, как болезненным состоянием мозга и организма. Но как было объяснить страшное сходство в показаниях лиц различного возраста, образования и звания? Каким образом люди, совершенно друг с другом не знакомые, описывали свои небывалые оргии на шабашах с чертями и рисовали пред судьями почти тождественные картины, без предварительного соглашения и во вред себе.

Впрочем, некоторые находят, что тут мало удивительного. В средние века господствовало довольно однообразное мнение о колдовстве, привидениях, шабашах злых духов и тому подобных предметах таинственного и бесплотного темного мира. Немудрено, что на допросах люди, изнуренные заключением и страданиями, часто полупомешанные заключением и страданиями, объясняли предметы тождественным образом. Этому способствовал и самый обряд допросов, совершавшихся однообразно, по сочиненному Шпренгером с товарищами руководству. Сам судья облакал вопросы в форму, обуславливающую большую часть вопросов так, что подсудимому, по большей части, оставалось говорить или «да», или «нет». При страшном обряде допросов, сопровождавшихся пыткой, несчастный в вынужденных своих сознаниях невольно, хотя и весьма естественно, принимал настроение духа и ход идей, какие желал найти допрашивающий.

Преследование колдунов в России

Россия также заплатила тяжелую дань суеверию. Языческие жрецы, игравшие у древних славян, как и повсюду, роль волхвов, неохотно, как уже мы и сказали, уступали

вводимому в России христианству. В народе старинные поверья и обычаи не только утратились вдруг, но и по сие время, как мы уже упомянули в первой части нашей книги, заметны в своих остатках обычаев, песен и обрядов.

Высшие представители духовенства употребляли все зависящие от них средства, чтобы уничтожить в народе суеверную доверенность к колдунам, ведьмам и волхованию, о чем свидетельствуют многие памятники. Кирик XII века, митрополит Фотий, в своем послании к новгородцам в 1410 году, Царская окружная грамота 1648 года и Домострой строго воспрещают всякое сношение с волхвами.

В извинение русскому народу насчет убеждения в знахарей и других лиц, занимавшихся мнимо противным занятием, скажем одно: когда христианство в России укрепилось вполне, то народ еще далеко не достиг не только образования, но и грамотных было очень мало. Во врачах чувствовался крайний недостаток, даже некоторые из царей умирали от чирьев, которые превращались в злокачественные язвы по недостатку в опытных врачах. К кому же было обратиться народу простому, необразованному, даже грубому, в своих болезнях, в своих неудачах? Разумеется, и обращались к человеку, более или менее знакомому с недугами; часто иногда кто-нибудь давал остатки лекарства, которым сам излечился, или подавал тот же совет другому больному, которым сам пользовался. Успех кого-нибудь в деле врачевания разносился далеко. Со временем человек в глазах простого народа делался известным и, видя в этом свою пользу, старался замаскировать средства, сопровождая свои эксперименты наговорами, таинственными действиями, и тем, разумеется, себя ставил дурно пред правительством и в глазах простого народа, облекая свои естественные действия во что-то таинственное. Простой селянин, опиравшийся всецело по наущению своего духовного пастыря во всех своих деяниях, видел промысл

Божий, а даже если и случалось получить помощь от знахаря или колдуна, то он отмаливался, задавал себе известное число поклонов, а все-таки в душе благословлял своего целителя, хотя подозревал, по невежеству человека того века, что его целитель – колдун. Страшно думать в наше время и сопричислять врача к колдуну, но, однако ж, по духу времени, по таинственности колдунов, по их закрытым таинственным операциям и по невежеству века всех русских знахарей считали какими-то изуверами.

Дела о волшебстве издревле принадлежали в России заведыванию духовной власти, и чародеев сжигали в костре точно так же, как и в Западной Европе, в чем уверяет Карамзин. В 1227 году, по сказанию летописца, в Новгороде четыре волхва были приведены на архиерейский двор и там сожжены, несмотря на заступничество бояр. В начале XV столетия было сожжено во Пскове десять *веших женок* (колдуний, ведьм). В повести о волховании, написанной для Иоанна Грозного, утверждается необходимость сжигать чародеев. Котошихин говорит, что в его время мужчин за волшебство и чернокнижничество сожигали, а женщин за волшебство живых по грудь закапывали в землю, отчего они умирали на другой или на третий день. Эта форма наказания за чародейство согласовалась с общим народным убеждением в XVI и XVII столетиях. Так, в старину, во время повальных болезней, зарывали в землю женщину, подозреваемую миром в наведении болезней своими волхованиями.

Похитительницы росы

В Малороссии и до нашего времени сохранилась легенда о том, как одна чародейка была сожжена за то, что похищала росу; преданье это сохранилось в песне, где говорится, что девица-чародейка пекла змей и варила зелье, чтобы этим волшебным снадобьем отравить своего родного

брата; брат узнал об этом и, сняв с сестры голову, сжег ее труп и пепел развеял по чистому полю¹.

В XVII столетии за ворожбу и чародейство менее виновных ссылали в дальние монастыри на покаяние или в ссылку.

Как убеждение в нечистую силу, так равно и уверенность в возможность сношения человека с дьяволом долго жили по всей Европе, равно как и в России. Много погибло несчастных мученическим путем, к числу которых принадлежали оговоренные по злости, по мщению, из корысти воспользоваться их наследством, богатством; много погибло по собственному своему невежеству, много погибло безумцев, идиотов, может быть, иногда и злодеев-отравителей в действительности, но, во всяком случае, не колдунов, и вся эта громадная масса людей погибла от невежества властей; кто знает, не пробуждалось ли в народе желание изучения природы, познания к наукам, которое встретило противодействие, как и всякое открытие в наше время. Известно, что мнимые колдуны позже превратились *алхимиками*, а потом в наше время химиками и физиками. Теперь не удивляет нас электричество, магнетизм, фотография и различные их полезные применения, но будь это встарь — тогда бы сожгли знаменитого изобретателя как колдуна. Быть может, в числе множества жертв погибло много умных, великих людей. Но обратимся к делу:

«В Крестоцеловальных записях на верность царям Василью Шуйскому и Михаилу Феодоровичу клялись не посылать ведунов и ведуний на государство лихо и их государей на след не испортити, ни ведовством по ветру, никакого лиха не посылати и следу не вынимати»². Отсюда видно, что и цари наши не были чужды верования в колдовство и чародейство.

¹ См. «Сказания русского народа» Сахарова. Т. 1. С. 13. То же: Даль, в Иллюстрации, год I, с. 415.

² Москвитянин. 1844. № 1. С. 246.

Наговорщица на хмель

При Михаиле Феодоровиче была отправлена в Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж (границу) объявили о бабе-колдунье или ведунье, находящейся в Литве и наговаривающей на хмель с намерением навести на Русь моровое поветрие¹.

В 1625 г. велено было выслать из Верхотурья в Москву переселенца Якова вместе с *воровским зельем*. Дело было такое, что Яков сознался, когда его, вероятно по подозрению, обыскали и нашли коробку багровой травы, три корня да комок чего-то, то он сознался, что все это он получил от колдуна *Степанки Козьи ноги*.

Такой же процесс был в 1680 году по наговору иноземца Зинки (Зиновия) Ларионова². Один подсудимый объявил, что ему положили связку трав в то время, когда он был пьян до бесчувствия и сидел в кабаке. Его пытали и потом били батогами, чтобы ему впредь было неповадно³.

Московские ворожейки. Косный развод

Старые архивы богаты актами по части *ведовских дел*. Порывшись в них, мы находим, что в Москве в XVII веке жили бабы-ворожейки, к которым приезжали даже боярские жены просить помощи против ревности или холодности мужей, а также советоваться о любовных интригах или о способах известить супругов. Не правда ли, что в наше время не нужно прибегать к чертям, чтобы дать тот или другой совет при одних сведениях химии? Невеста Михаила Феодоровича Мария Хлопова и невеста Алексея

¹ Акт. Археол. комм. Т. III. № 197.

² См. Акт. юрид. № 30.

³ Неповадно – чтобы он не повадился к тому, не привык, чтобы не пристрастился, не получил бы охоту.

Михайловича Евфимия Всеволожская, по свидетельству современных актов, были *испорчены* злыми людьми (вероятно, по зависти). По делу последней послан был в Кирилов монастырь под крепкое начало крестьянин Мишка Иванов за *чародейство*, за *косный развод* и за *наговор*, от которого пострадала невеста.

Корень против ненависти мужа. В 1635 году случилось такое дело: одна из придворных женщин, мастерица по вышиванию золотом по имени Антонида Чашникова, по нечаянности выронила из кармана, сидя во дворцовой палате, *корень неведомо какой*. Это уже возбудило подозрение на мастерицу, достигло до царя; до какой степени и в России понятие о колдовстве развилось в те мрачные века – немыслимо! Сам царь издал приказ, которым было предписано: *сыскивать накрепко* означенную мастерицу, и окольничий Стрешнев, и дьяк Тараканов *сыскали*, то есть пытали бедную женщину, зараженную тем же суеверием, как и все, не исключая владык земли.

На пытке несчастная Чашникова показала, что дала этот корень жинка Танька (женщина по имени Татьяна) для того, чтобы муж Чашниковой был добрее и перестал ее бить. Позвали на суд вышесказанную Таньку, которая сказала, что корень этот называется *обратим* и располагает мужа к жене любовью. Лиха же они супротив государя и его семейства не умышляли. Чашникову с мужем сослали в Казань, а Таньку с мужем на Чаронду.

Порча на след

Спустя три года, тоже при дворе, одна из мастериц, именно Марья Сновидова, показала на свою подругу, тоже мастерицу Дарью Ломанову, будто бы последняя сыпала песок на след царицы. И тут явились женки-колдуньи Настасьица да Манка-Козлиха и другие, которые мужей к женкам привораживают. Всех пытали в том, что не име-

ли ли они чего-либо против государя и его семейства? Пытка была производима огнем, но, несмотря на такие ужасные мучения, ничего не оказалось, кроме вздорных нашептываний. Однако же после такой пытки, когда уже не было никаких средств продолжать их больше и средства пыток истощились, сослали Ломанову с мужем в Пелым (в Сибири), Манку-Козлиху в Соликамск, слепую Феклицу с мужем в Вятку, а слепую Дуньку в Соль-Вычегодск, всех же, соприкосновенных к делу мастериц, выгнали из дворца¹.

Обвинение боярина Матвеева в чародействе

Все вышесказанное темнеет против выдающегося дела, каким можно счесть обвинение знаменитого русского боярина Артамона Сергеевича Матвеева в чародействе. На него показали злобствующие, что будто бы он с доктором Стефаном, запершись в палату, читали *черную книгу* и будто, по показанию обличителей, в это время являлись к ним нечистые духи. По этому доносу Матвеев был сослан в заточение с отнятием у него всех имений и боярского сана. Будучи в заточении, боярин Матвеев много писал царю, патриарху и ближним своим боярам, но долго не мог добиться успеха. В одной из подобных челобитен (прошений) Матвеева он говорит, между прочим, следующее:

«При государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче такожде ненависти ради, подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославского, будто он имеет у себя перстень волшебный думного дьяка Грамотина, и по тому воровскому (обманному, мошенническому, вообще подложному) письму немного не пришел в конечное разорение... А при царе... Алексее Михайловиче... извет был... о волшебстве на боярина С. Л. Стрешнева и за тот

¹ См. «Комета», ст. Забелина. 1851.

ответ страдал безвинно, честь была отнята, и сослал на Вологду... да и многих... таких воровских писем было, а иные и в смертном страхе были...»

Нужно заметить, что в воинском уставе, изданном в 1716 году, сказано, что если кто из воинов будет черно-книжник, заговорщик ружья и богохульный чародей, то наказывать его шпицрутенами и заключением в железах или сожжением. В толковании же указали, что сожжение есть обычная казнь чернокнижников, входящих в обязательство с дьяволом¹.

Страсти и ужасы, возникшие по вере в колдовство и чародейство, начали ослабевать после реформы Петра Великого, и притом в высшем классе общества, состоящем из разных наций. В наше время во всех просвещенных государствах, да также и в России, принято считать волшебство за выдумку, за эпидемию веков, требующую жертв невежеству, и с этого времени эта безумная попытка мести и ненависти потеряла в народе свой ужасающий характер, а в законе характер преступления. Колдуны уже более не сообщники дьявола, а обманщики, и если попадают, то их судят, как за обманы.

Прекращение преследования колдунов путем инквизиции

Вот, наконец, и люди образумились, стали понимать суть чародейства. Нужно сказать, что вместе с чародеями жгли и бесноватых. В Вюрцбурге, пока жгли нищих старух и жарили бедных детей, все обходилось хорошо, и судьи были окончательно правы в своих поступках, но когда дело дошло до лиц знатного общества, то взгляды на волшебников и чародеев несколько изменились.

Инквизиционная система между тем все-таки держалась; народ палили, умерщвляли пытками самыми

¹ См. Полное собрание законов. Т. V. № 3006. Гл. I, арт. 1 и 2.

жестокими, пока наконец не нанесло первый удар, и удар жестокий, сочинение Фридриха Спее, написанное дворянином, и иезуитом вдобавок, в 1631 году. Впрочем, были и ранее: Виерус, Антони, Редживальд, Скотт, которые наложили значительный удар инквизиции. Книга даровитого иезуита произвела такое сильное впечатление на Филиппа Шенбруннского, бывшего тогда епископом Вюрцбургским, что когда этот епископ впоследствии сделался майнским архиепископом-курфюрстом, то уничтожил в своих владениях всякое преследование чародейства. Этому весьма разумному примеру владетельной духовной особы последовал герцог Брауншвейгский и многие другие из государей германских. А последние, по крайней мере, смягчили строгость наказаний и ограничили употребление пытки при допросах.

В 1701 году дело дошло до того, что Томариус решился публично защищать перед Галдским университетом свою диссертацию о невозможности чародейства «как преступления». Тезис этот был принят с большим одобрением и снискал благосклонное внимание общественного мнения, хотя менее чем за столетие перед тем подобная диссертация могла привести автора в тюрьму инквизиции.

Сочинение Томариуса чрезвычайно успешно содействовало к уменьшению преследования мнимых колдунов, хотя не совершенно прекратило его. Впоследствии замечаем, что в 1739 г. в Сегедине в Венгрии были пытаны 13 человек и затем сожжены на костре, за исключением одного умершего ранее казни. Те же сцены повторились и в Бамберге, пока наконец процесс Марии Ренаты, обвиненной в составлении волшебных зелий, не возбудил ропота и неудовольствия народа до такой степени, что сами инквизиторы были принуждены бежать, опасаясь за свою личную безопасность.

В Швейцарии судебное преследование волшебства прекратилось еще в конце XVII столетия, и последний

колдун в Женеве погиб на костре в 1652 году, тем не менее в 1786 году в Глорисском кантоне одна старуха была присуждена к смерти за сношения с злым духом. Сомнительно, впрочем, чтобы эта несчастная действительно была казнена.

В 1682 году Людовик Четырнадцатый признал тоже, что колдовство – обман, и эдиктом своим предписал судить колдунов как распространителей суеверий и обманщиков, распространителей сверхъестественных чудес и суеверий. Этот эдикт был издан вследствие протеста нормандского парламента, сделанного по поводу отмены казни одного лица, приговоренного за волшебство. В этом протесте парламент умолял короля о позволении продолжать судебное преследование и казни колдунов.

В Англии преследование волшебства было не менее энергично и продолжительно. Грей, издатель *Худибраса*, писал, что он своими глазами видел список пяти тысяч казненных за волшебство во время *долгого парламента*. *Халдуд* и *Шуазель* почтили драматическим воспоминанием несчастные жертвы, казненные за волшебство в Ландкашире безумным злодеем Робинсоном. Ученый Халь (Hale) осудил на смерть Эмми Донеи (Али Дону) и Розу Каллендус в 1664 году, при главном судье Хонте судьи оправдали старуху Маннинг, против которой были гораздо полнейшие показания, но умный Хонт доказал публично всю нелепость чародейства. Этот пример до такой степени благотельно подействовал, что все десять процессов о колдовстве, случившиеся от 1614 по 1701 год, окончились оправданием обвиненных. Потом какого-то колдуна присяжные осудили на основании самых сумасбродных указаний, невзирая на ученые доводы известного судьи Пауеля (Powell). Неразрешенная глупость присяжными свидетелями, скорее мало разобранная, непрочувствованная, решилась сама собою при помощи Пауеля, и приговоренный к казни был освобожден.

С того времени, когда стали преследовать волшебство и чародейство в Европе, все государства торопились одно за другим посчитаться между собою числом жертв, принесенных на алтарь безумия и сумасбродства; но прошло время, и Англия в лице какого-нибудь доктора Хускинсона похваливается тем, что она ранее других государств на свете перестала преследовать волшебство. Пусть бы говорила, да так и делала; а то извольте видеть: еще в 1716 году мистрис Хэнкс (Hicks) была повешена вместе со своею девятилетней дочерью; чем же несовершеннолетняя дочь виновата? Случай этот был в Хоннингтоне. Мать и дочь обвинили в связях с дьяволом, говорили, что, намыливая по утрам чулки, притягивали к себе грозу. Также нашли, что у ребенка были из черной кожи башмачки с красною подошвой, и это признали за подарок дьявола, как по сочетанию двух адских цветов, красного и черного, так и по запаху от кожи.

Англия тоже отдала свой долг невежеству; юрист Баррингтон считает, что в Англии казнено и различным образом уничтожено (повешено, сожжено и другой каре предано) до 30 000 лиц обоего пола, в числе которого предано до 140 детей менее десятилетнего возраста. Потом смертная казнь за колдовство была уничтожена в Англии в 1766 году и заменена позорным столбом и тюрьмою за *«вызывание злых духов и за старание войти с ними в сношение»*. Даже в 1809 и 1827 годах в Англии существовали процессы, где возродились обвинения в колдовстве.

Суеверная Шотландия особенно отличилась колдунами, и, сколько запомним, в XIII веке славились чародеи: Михаил Скотт, Фома Херсильдоун, Лорд Саулис, но судебное следствие против волшебства началось не ранее царствования Марии Стюарт. Графиня Леммис (Glammis), фаворитка Иакова I, была казнена за чародейство и составление зелий. Чрезвычайно мудрено понять, к чему стреми-

лись люди; может быть, выражалось желание света, просилась наука, но это ужасно, если они рвались в ту минуту, когда угрожали смертью.

Вальтер Скотт говорит в своей демонологии, что сэр Люис Балгаптон, председатель шотландского уголовного суда, спросил у колдуна Ричарда Грэхэма (Graham), может ли он ему показать черта?

Колдун отвечал утвердительно и вызвал нечистого духа, до того натурального, что бедный судья испугался и вскоре умер. Нельзя думать, что это верно, тут было что-нибудь особенное, история умалчивает, и мы в подобных случаях можем не верить.

Вот представляется еще другой пример: в 1568 году судили Элизу Пирсон; архиепископ Патрик Андамсон, будучи тяжело болен, посылал в тюрьму просить колдунью вылечить его посредством волшебства и в награду за это обещал ей свое покровительство.

Из этого может каждый понять, какой взгляд на колдунью имели даже важные лица, да наконец, до какой степени эти важные лица проникли науку, если просили помощи у простых баб? Одно только извинительно и даже годилось бы принять кому следует к сведению: изучение народной ботаники и ее полезных медицинских сведений, известных в народе и чем-то не нравившейся в среде медиков. Недурно, очень недурно нашим медикам, как и литераторам (последние, спасибо им, много способствовали нашей литературе, как исторической, так и поэзии), изучить эту статью и раскрыть свойство тех, еще не открытых трав, которыми богаты наши леса.

Впрочем, мы еще не кончили наше описание: Кромвель в 1659 году в одном Глоро (Glasdom) сжег за раз сто десять человек, будто бы имевших какие-то сношения с нечистою силою. Право уголовного суда предоставлено было не только обыкновенным судилищам, но и помещи-

кам, их управителям и даже пасторам. Они без апелляции могли присуждать волшебников к смерти и потом их вешать и жечь.

Замечательно, что Карл II, уничтожив большую часть кромвелевских постановлений, не только оставил во всей силе законы против колдунов, но еще усилил против них.

Преследование против колдунов ослабело с 1662 года, и даже некто Джеймс Уельт был публично наказан за донос о чародействе. Но в 1678 году опять казнили десять женщин, признавшихся в связи с адскими духами. Последний судебный приговор с адскими духами был произнесен в 1708 году 3 мая. Колдуна Эльстета Руля выгнали из отечества, а сообщницу его, колдунью, сожгли на костре.

ВЕДЬМЫ И ШАБАШИ ИХ

Из всего того, что было сказано ранее, как нашими писателями, так равно и иностранными, выводим: иностранные писатели говорят до того согласно с нашими русскими, не писателями, а сказаньями и поверьями, что мы решаемся дать общее понятие как о ведьмах, так равно и шабашах, и ручаемся за согласность в общем, хотя, так сказать, местом празднования ведьм были: то вершины горы Броккен, то Лысой горы близ Киева, а то и Блокула в Швеции.

Западные ведьмы

Вообще ведьмами назывались колдуньи или ведуньи, которым приписывали способность портить людей и входить в плотские сношения с дьяволом. Колдуны, и преимущественно колдуньи, ложась в постель, натирались мазью, состав которой стал теперь довольно известен; она состоя-

ла из следующих предметов, специально наркотических. Тут были: аконит или борец (*aconitum napellus*), красавица (*atropa belladonna*), белена (*hyosciamus niger*)¹, черемица (*helleborus niger*), дурман (*datura stramonium*), ведьмина трава (*cicaca lutcliana*) и, может быть, много других, производящих на тело и мозг наркотическое опьянение. Намазавшийся такою мазью погружался в глубокий сон, исполненный разных грез, и воображал, что он верхом на помеле или ухвате отправляется на шабаш. Там ему представлялся дьявол в виде черного козла, сидящий на камне или гнилом пне; случалось, впрочем, что злой дух являлся в виде мужчины весьма высокого роста в одежде черной с красным, с козлиными ногами. Но лицо злого духа в человеческом образе никто не мог видеть. Пред козлом совершалось поклонение самым мерзостным образом, которого мы не решаемся высказать. Довольно того, что здесь совершался полный разгул разврата. Потом начинались танцы людей с чертями, принявшими формы лягушек, козлов и мгновенно превращавшихся в красивых молодых людей. Танцевали обыкновенно спина со спиною. За танцами следовал роскошный ужин, во время которого совершались разные пародии на обряды Христианской Церкви, например: крестили жаб, венчали жида с лягушкою и совершали множество гадостей, не только противных духу христианского вероучения, но даже законам природы. После ужина совершались различные мерзости. Наконец, каждый из посетителей, утомленный излишествами всякого рода, пресыщенный вполне, вдруг неведомо каким путем возвращался и просыпался в своей постели.

Шабашы происходили каждую ночь, но преимущественно с субботы на воскресенье, и разнообразились только видами грехов и совершаемых гадостей. Главный годовой шабаш праздновался в ночь на Иванов день. В эту знаменитую волшебством ночь черти, по уверению колду-

¹ Белена возбуждает в сонном человеке ощущение летания по воздуху.

нов, приобретали самую высшую силу и бродили с вечерних до утренних сумерек. Суеверный люди не выходили в эту ночь со двора, а благочестивые проводили эту ночь в молитве и чтении духовных книг. В это же время колдуны приносили дьяволу жертву, желая что-нибудь получить от него как милость. Жертвами этих сумасшедших изуверов нередко были: кровь новорожденных младенцев, нередко вырезанных из утробы матери, волосы, ногти, черные кошки или черные козлы, даже облаты католической евхаристии, тайно удержанной во рту.

Двойное зрение

Так, например, в Шотландии долгое время верили, что для получения двойного зрения, то есть получить особый дар видеть то, чего не видят прочие, нужно сжечь сорок кошек, это делали так: с пятницы на субботу избирали пустынное место и припасали нужное количество дров; ровно в полночь колдуны читали заклинание над 40 кошками, которых посвящали высшему злему духу; когда заклинания были окончены, тогда колдун брал заостренный железный прут или деревянную палку и медленно жарил над огнем живую. Понятно, что кошка в мучениях умирала, мяуча страшным образом. После последних стонов колдун бросал кошку в костер и начинал поочередно ту же операцию над прочими.

Боль и страдания кошек вследствие заклятий будто бы симпатически переходили на того духа, которому преданы были животные. Мучимый демон высылал из ада подчиненных ему бесенят, которые являлись в виде призраков – кошек, но он, не обращая внимания на все ухищрения демона, продолжал уничтожать животных и после сороковой будто бы приобретал двойное зрение. Но если он желал получить от демона что-либо более важ-

ное, то продолжал свою адскую операцию целых трое суток, без перерыва. Тогда к нему являлся сам демон в виде огромного черного кота и исполнял все, что требовалось колдуном¹.

Шведский процесс над ведьмами

Вот один замечательный процесс, о котором пишет Хотинский. В Мора, в Швеции, в 1669 году нашли множество детей с нервными припадками безумной фантазии, что будто бы все они летают на гору Блокулу на шабаш ведьм. Нужно сказать, что для шведских ведьм эта *Черная* скала была то же, что *Лысая* для русских ведьм. Гора эта находится посреди моря, между Смаландом и Оландом. Название свое она получила от колдунов, которые умели вызывать бурю, ветер, грозу; их называли блокула, блакула. В этом обвиняли колдуний, сильно расплодившихся в тех местах. Вести дошли до короля, который назначил особую комиссию для исследования. Колдуньи показали, что они уносили детей на Блокулу для служения дьяволу, который являлся туда одетым в серое платье, красные панталоны и чулки и имел при этом рыжую бороду. Они ездили туда верхом на разных животных, даже на людях. Каждая колдунья записывала собственной кровью свое имя в книгу сатаны. Потом лишенный звания пастор переводил их в дьявольскую веру. За ужином на шабаше они ели щи, свиное сало, овсянку, масло и сыр. Потом начиналась пляска, сопровождаемая ссорами и драками. Ведьмы плясали вокруг дьявола и дрались помелами, ухватами, кольями и так далее. Если же которая из них не нравилась черту, то он, выхватив из-под нее импровизированную лошадь, сильно колотил ведьму, те же, которые нравились, проводжали с ним ночь. Когда злой дух бывает болен (вот как!), то ведьмы служили ему сиделками.

¹ В Шотландии этого рода жертвоприношение называлось Тейхерм (Taigharm).

Русские ведьмы и мары

Женщины, занимающиеся колдовством, в некоторых местах России называются *марами*¹. Их различают на наследственных, которым наука колдовства идет по наследству, и ученых, выучившихся от других ведьм, или мар. Последние, по поверью народа, опаснее первых: их полетам на Лысую гору народное поверье приписывает единственно цель совещаний с собирающейся там нечистой силою делать зло человеку. Доение или выдаивание коров народ также относит преимущественно к ведьмам ученым. Страстные охотницы до молока, они наносят вред каждому домохозяину, истощая его коров. Говорят, ведьма может доить коров, несмотря ни на какое расстояние, стоит ей только очертить круг на земле с заговором и в центре его воткнуть нож. Молоко (будто бы) задуманной ею коровы потечет из нее само собою.

Ночь на Ивана Купалу считается самую опасною от нападения ведьм: домохозяева принимают все меры, чтобы оградить от них свой скот; они кладут в окна изб крапиву как противодействующий предмет чародейству ведьм, вешают на дверях хлебов убитую сороку или прилепливают сретенские восковые свечи.

Ведьмы производят колдовство чрез заговоры и наговаривание разных трав, которые они собирают преимущественно в ночь на Ивана Купала. Травы эти (папоротник, белоголовник, шалфей, плакун, дурман, адамова голова, иван-да-марья, чертополох, подорожник, полынь и пр.) в руках обыкновенных людей не имеют такой силы, как в руках ведьм; те, приготовляя из них мази и натирая им свое тело, могут принимать по желанию виды различных животных, например свиньи. Если поймать такую ведьму-оборотня и бить ее наотмашь осиновым колом, то она не-

¹ Напр., в Воронежской губ. священник магистр Федор Никонов. У киргизов – Дджа-Абугар.

пременно примет свой настоящий вид. Толкуют, будто в это время ведьма откажется от своего ремесла. Легенды о ведьмах говорят, что они одарены возможностью превращать и людей в животных или в птиц.

Смерть как колдуну, так равно и ведьме приходится плоха. Одно средство для облегчения умирающего в этом случае – поднять над его постелью доску в потолке, или слегу, отчего думают, душа скорее освободится от тела колдуньи или колдуна (говорится безразлично).

Со смертью ведьмы не прекращаются еще ее сношения с землею; ненавистница при жизни она, по мнению суеверов, остается долгое время ненавистницею рода людского и после смерти. Как и колдуны, они встают из гробов и ходят по земле; избавиться от них можно только одним – вколотить в могилу и в самый труп осиновый кол.

Мало того, что сейчас сказано о ведьмах, про них говорили, что они отнимают плодородие земли, приносили бесплодие и голод, вредили произрастанию овощей и плодородию животных. Портили не только свадьбы, но даже скот.

Защита против ведьм и колдунов

Против колдунов и ведьм нашлись люди, которые составили заклинания и заговоры. В этих заклинаниях они просили защиты против бабьих зазор и чернокнижия, от заговорного кудесника, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи, от ведьмы Киевской и от сестры ее Муромской. Нужно заметить при этом, что прежде верили, будто бы слепые находят лучше всех зрячих траву *«не чуй ветер»*, которая очень пригодна для колдунов.

Против колдунов и ведьм употребляли траву чернобыльник, крапиву и плакун-траву, которая и сейчас в Москве вместе с адамовой головою и Петровым крестом у Москворецких ворот и на Глаголе продается за хорошую цену.

18 января у ведьм бывает праздник; а потому люди суеверные принимают знахаря ровно в полночь, чтобы заговорить трубы, забить под княжек кол, насыпать на загнетке золу из семи печей; все это, разумеется, делается с целью отвратить дурные наклонности колдуний и ведьм, стремящихся ко злу против всего человечества.

Чем же действовали ведьмы? А вот чем – травами. Ведьмы по ночам собирали различные зелья и варили их в горшке, а потом с паром вместе уносились в трубу, когда готовое зелье закипит. Для такого аэростатического зелья они варили шалфей, руту и терличь; последняя трава, как говорят, способна была для превращений.

По народному поверью, ведьмы, как и другие колдуны, могут не только превращать себя, но и превращать людей в животных и даже в неодушевленные предметы.

Ведьма получила свое название от того, что она «ведунья», знающая, сведущая; название происходит от глагола «ведать» – знать. Поэтому она не что более, как знахарка. Но пылкое воображение жителей юга России, где родина ведьм¹, придало много особенности этим колдуньям. Про ведьм говорят, что они имеют хвост², могут летать по воздуху, превращаться в сорок, оборачиваться в свиней и других животных, перекинувшись через двенадцать ножей. Немало о них говорили и говорят. Толкуют, что будто бы ведьмы любят после своей смерти сосать кровь из младенцев и молодых людей обоего пола.

Про них говорят также и много хорошего: например, говорят, что ведьмы гостеприимны, ласковы и хороши; это, разумеется, до русских колдуний касается, что и говорили русские солдаты. Но если медаль обратить наизнанку, то она скажет другое: они подчас, как женщины, бывают очень пугливы. Говорят, чтобы напугать ведьму

¹ Понятие о ведьмах, о их сборищах и шабашах непременно возникло с запада Европы. Нам негде было иначе получить такое понятие.

² Несколько лишних позвонков на протяжении позвоночного столба.

и обезоружить ее действия, нужно в той избе, где она находится, в крест оконной рамы, в косяк дверей, служащий перекладиной, или же в грядку, под столом воткнуть нож, и колдунья будет покорна. Можно всего вернее думать, что ведьма как женщина побоится за себя и свою жизнь при виде того, кто так бесцеремонно упражняется со смертоносным орудием.

Скорее всего, ведьмами в старину называли деревенских бабок-повитух, знакомых с различными приемами и в других болезнях, сведения о которых особенно нужны при их специальности. Если такие женщины в старину получили название знахарок или ведьм, то есть ведуний, сведуших, то, конечно, не в бранном или презируемом смысле, а если это слово со временем получило дурное значение, то, вероятно, вследствие дурных событий, и уже впоследствии слово «ведьма» стало бранным.

Хотя нет данных, но можно предполагать, что понятие о ведьмах возникает со времени язычества, и также можно думать, что Лысая гора в старину имела капище, куда сходились жрецы и ведьмы. Так думает и Снегирев¹ при описании 1 мая.

Оборачивание ведьм в животных

Говорят в народе, что ведьма или колдунья, желая обратиться в какое-либо животное, перекувыркивается чрез двенадцать ножей. Про них говорят также, что они иногда превращаются в копны сена.

Отчего нет сорок в Москве²

В Москве существует поверье, что сороки оттого в Москву не залетают, что св. Алексей, митрополит Москов-

¹ См. Русские прост. празд. Ч. III. С. 87.

² Абевега.

ский, заклиал их, заметив под видом сороки ведьму. Говорят также, что часто в старину, снимая шкуру с медведицы, находили там бабу в сарафане.

Ведьмино селение¹

В деревнях верят какому-то особенному предчувствию, по которому поселяне будто узнают о пребывании среди них ведьм, люди, сведущие в приметах, люди, умеющие их растолковать, придумали признаки, указывающие прямо не на людей, а на землю. По этим признакам владетель земли или сам имеет сообщение с духами, или его жена – ведьма (колдунья). Такие признаки, по увереннию знахарей, есть следующие:

В летнее время поселяне, выходя на работу, часто замечают на лугах или зеленые, или желтые круги. Увидевши это, они прежде всего узнают, чье это поле. Много ли поломалось кос. Потом распускают молву, что круги появились недавно, а прежде их не было; сам хозяин, если он старик, поверстался в колдуны на этих кругах; что старая женщина в семействе покумилась с ведьмами; что ведьмы собираются плясать сюда каждую ночь. Но как мужчины всегда скоро избавляются от нареканий, то вся вина падает на женщин. Следствием такого подозрения бывают вообще отчуждение, ненависть, мщение, худые толки, пересуды. Такая новость для знахарей есть золотой клад. Людей, прибегающих за советом, они предостерегают от бед, их ожидающих, уверяя, что они сами видели, как новая ведьма хочет извести всю деревню. Распуская такие слухи, знахари каждый вечер принимают посетителей с поклонами, с подарками и просьбою защитить их от ведьмы. Знахарь, собравши со всей деревни припасы, идет в поле, скапывает круги с земли, и тем дело оканчивается.

¹ «Сказ. русск. народа» Сахарова. Т. I. Издание третье. 1841.

Песни ведьм

В сказаниях Сахарова помещены следующие песни ведьм, которые они поют при полете на шабаш к Лысой горе. Эта абракадабра. В демонологии она имеет следующую форму:

А.
А. Б.
А. Б. Р.
А. Б. Р. А.
А. Б. Р. А. К.
А. Б. Р. А. К. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д.
А. Б. Р. А. К. А.
А. Б. Р. А. К.
А. Б. Р. А.
А. Б. Р.
А. Б.
А.

В народе существует такое понятие, что будто бы при каждом звуке вылетает по одному духу из ада. Говорят также, что абракадаброю лечат от лихорадки. Слово «абракадабра» давно известно в Европе и Азии. Еврейские магики вместо слова *абракадабра* принимали слово *абракадан*. Одни производили это слово от сирийского идола, другие – от персидского *авраксакс*, означающего бога солнца – Митру, некоторые составляли из располо-

жения слов числа 1, 2, 100, 1, 60, 1,200, что составляет 365, число дней солнечного года.

В заповедных преданиях поселян есть поверье, что какой-то казак, забравшись на Лысую гору, подслушал песню ведьм; но шабашное сборище, узнавши об открытии, утопило казака в реке. С тех пор эта песня гуляет по белому свету и передается чародеями только ведьмам. Нет никакой возможности постигнуть смысл этих слов: вот они:

Кумара

Них, них, запалам, бада,
Эшехомо, лаваса, шиббода.

Кумага

А. а. а. – о. о. о. – і. і. і. – э. э. э.
у. у. у. – е. е. е.
Ла, ла, соб, ли, ли соб, лу лу соб!

Жунжан

Вихада, ксара, гуятун, гуятун
Лифа пррадда, гуятун, гуятун.
Наппалим, ваишба, бухтара.
Мазитан, руахан, гуятун.

Жунжан

Яндра, кулайнеми, яндра.

*Яндра*¹

ДОМОВЫЕ

Происхождение домовых². Бог при столпотворении Вавилонском наказал народ, дерзнувший проникнуть тай-

¹ Песни ведьм на неизвестном языке, может быть даже на небывалом, можно читать в «Сказ. русск. нар.» Сахарова. Можно ли верить тому, что они заимствованы от какого-нибудь народа?

² В Воронеж. губ.

ну его величия, смешением языков; а главных из них, лишив образа и подобия своего, определил на вечные времена сторожить воды, леса, горы и пр. Кто в момент наказания находился в доме, сделался домовым, в горах – горным духом, в лесу – лесовиком. Поверье прибавляет, что, несмотря на силу греха, раскаяние может обратить их в первобытное состояние, поэтому народ видит в этих бестелесных существах падших людей и придает им человеческие формы и свойства. У вотяков домовый называется *албаст*.

По общим понятиям, домовый представляет дух бескрылый, бестелесный и безрогий, который живет в каждом доме, в каждом семействе. От сатаны он отличается тем, что не делает зла, а только шутит иногда, даже оказывает услуги, если любит хозяина или хозяйку. Он перед кончиною кого-нибудь в семействе воет, иногда даже показывается кому-нибудь из семейства, производит стук, хлопанье дверями и пр. По общему поверью, живет он по зимам близ печки или на печи, а если у хозяина есть лошади и конюшня, то помещается близ лошадей. Если лошадь ему нравится, то домовый холит ее, заплетает гриву и хвост, дает ей корма, отчего лошадь добреет, и, напротив, когда ему животное не по нраву, то он ее мучает и часто заколачивает до смерти, подбивает под ясли и пр. От этого мнения многие хозяева покупают лошадей той масти, которая *ко двору*, то есть любима домовым.

Если домовый полюбил домашних, то он предупреждает в несчастии, караулит дом и двор; в противном же случае он бьет и колотит посуду, кричит, топает и пр.

Тому, кого любит, завивает волосы и бороды в косы, а кого не любит, то ночью щиплет до синяков. По этим синякам судят о какой-нибудь неприятности, особенно если синяк больно. Также наваливается во время ночи на спящего и давит его так, что в это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать слова. Обыкновенно эта *стенъ* наваливается на того, кто спит на спине, в это время спра-

шивает, к худу или к добру, а домовый отвечает мрачным голосом «да» или «нет».

Говорят, что он не любит зеркал, также козлов, а равно тех, кто спит близ порога или под порогом. Иногда слышат, как он, сидя на хозяйском месте, занимается хозяйской работой, между тем как, по-видимому, ничего этого не видно. Особенно любит домовый жить в банях и париться, а также в ригах и в других теплых местах, тоже его слышно и в театрах.

В простом народе к домовому питают уважение, так что мужичок боится его чем-либо оскорбить и даже остерегается произнести его имя без цели. В разговорах не называют его домовым, а *«дедушкой, хозяином, набольшим или самим»*. При переходе или переезде из дома в другой непременно обязанностью считают в последнюю ночь перед выходом из старого дома с хлебом-солью просить домового на новое место. Хозяйство каждого, по их мнению, находится под влиянием домового. Говорят, что домовый не любит ленивых, особенно ветреные мельницы.

Если домовый не будет любить хозяина, то он начинает проказить; в этом случае пред порогом дома зарывают в землю череп или голову козла. Вотяки называют домового *албаст* или *коболт* и верят, что домовый живет в старых домах, которые они сжигают.

ВОДЯНЫЕ

Водяной, водяник живет в воде, откуда он выходит редко; его любимое место – речные омуты, да притом близ водяных мельниц. Водяному приписывают то же значение, что и домовому, чему служит доказательством пословица: *«дедушка водяной, начальник над водой»*. Ему также приписывают власть над русалками, которые поэтому не составляют самобытного божества. Народ олицетворяет водяного

стариком, постоянно покрытым болотной травой. Водяной тоже требует себе уважения. Месть его заключается в порче мельниц, в разгоне рыбы, а иногда, говорят, он посягает и на жизнь человека. Ему приписывают сома как любимую рыбу, на которой он разъезжает и которая ему доставляет утопленников. За это сома называет народ чертова лошадь.

ЛЕШИЙ

Лесовик, леший олицетворяет сходство с домовым. Власть лешего ограничивают одними лесами, а жилищем его предполагают густые камыши и лесные трущобы. Леший, как и домовый, может явиться к человеку в разных видах, но он всего чаще показывается дряхлым стариком. Ему приписывают то, что он любит кричать в лесу, пугая тем народ, заводить, и когда шутка удастся, то хохотать и хлопать в ладоши. Если кого он заведет в лесу, то народ думает, что стоит только вывернуть всю одежду наизнанку, чтобы выйти из лесу. Леший – это русский Фавн или Сатир. У вотяк леший называется *«алид»*. Вотяки думают, что он имеет одну ногу, и ту навыворот, пяткою вперед, один большой глаз и также одну пребоольшую титьку, которою, всунув человеку в рот, его задушевает. У черемис – *Ведашь* – покровитель звериных промыслов.

КИКИМВРЫ, КИКИМОРЫ, ШИШИМОРЫ, ШИШИГИ

Так называются, по народному суевию, духи низшего разряда, тоже принадлежащие к домашним духам.

У древних славян кикимвра была ночное божество сонных мечтаний. Ныне кикимврами или кикиморами на-

зывают некрещеных или проклятых во младенчестве матерями дочерей, которых уносят черти, а колдуны сажают их к кому-нибудь в дом; кикиморы хотя бывают невидимы, но с хозяевами говорят и обыкновенно по ночам прядут. Они если не делают живущим в доме вреда, то производят такой шум, что пугают и беспокоят. Говорят, что некоторые плотники и печники, осердясь на того хозяина, который долго не отдает заработанных денег, сажают ему кикимор в доме, отчего происходит такой шум и разного рода дурачество невидимой силы, что хоть беги из дома. Но лишь только домохозяин рассчитается, все прекратится само собою.

Шишиморы, шишиги – это беспокойные духи, которые стараются созорничать над человеком в то время, когда тот торопится и что-либо делает без молитвы. Сюда также относят *игош*, то есть безрукого, безногого, невидимого духа, который тоже признается большим озорником, которому некоторые суеверы клали за столом лишнюю ложку и кусок хлеба.

ПРОКЛЯТЫЕ ДЕТИ

В народе упорно развито убеждение, что есть особенные существа, живущие невидимо на земле, иногда, впрочем, показываются или могут превращаться в какое-либо животное, а также причинять людям вред. Это дети – проклятые родителями.

В самом деле, уже не говоря о том, что суеверный страх может развивать всякого рода уродливую фантазию, так как у страха глаза велики, но оно расходится с понятием, что суд и проклятие принадлежат Богу.

Между тем в действительности у родителей грубых, не имеющих никакого понятия о воспитании, часто срываются с языка слова: «Чтоб тебя черт побрал! Будь ты проклят!» или подобную этому брань, и кому же это произно-

сится? Дитяти, который, резвясь, поупрямился или просто мешает родителям в их занятии. Если и простой брани не должно произносить ребенку, а делать внушение с ласкою, то проклятие уже, конечно, совсем непозволительно уже по одному христианскому чувству.

В народе существует поверье, что проклятые дети пропадают, а особенно те из них, которые были рождены и не крещены или и ходящие без креста. Дети, как говорит поверье, уносятся стариками, и куда – непонятно. Говорят, что этот старик их поит и кормит, отпускает гулять, словом, заботится как нежный отец. Но кто этот таинственный старик, где воспитывает детей – неизвестно. Говорят, что он кормит всеми теми яствами, которые хранятся у христиан без молитвы, и берет, будучи невидимым; точно так же поступает с бельем и платьем, в которое одевает детей.

Легендам подобного рода можно придать давность от времен язычества. Весьма немудрено думать, что древние жрецы, скрываясь от христиан в лесах, брали заблудившихся в лесу детей под свое покровительство и воспитывали в духе язычества, чтобы поддержать молодыми свежими силами угасающее языческое верование.

Вот рассказ одной женщины¹, который передаем, хотя за достоверность его ручаться и не можем, а только можем судить из этого, насколько у нас в России жива вера в чудесное, и вера в оборотней и кикимор, и как эти убеждения крепко укрепились в народе:

«Я была маленькою, – рассказывала она, – лет пяти или шести, когда к моей тетке в нашем же доме поздно вечером, когда дяди дома не было, постучался какой-то прохожий; тетка уже завернула ноги на полати и хотела ложиться спать; я, услыша в волоковое окно стук и считая, что это приехал дядя, поспешила к окну и отворила.

¹ Бывшей крестьянки князя Х. из одного подмосковного села, старушки около 70 лет, Аграфены Купцовой, и поднесь еще здравствующей (*Прим. составителя источника*).

– Дай испить, кормилица.

– Поди дале, там подадут, – сказала тетка моя в ответ на просьбу и приказала затворить окно.

– Ну, попомни же это, голубушка, – пригрозил прохожий и пошел далее.

Тетке моей было не жалко дать испить, – продолжала рассказчица, оправдывая поступок родственницы, – да она боялась, потому что дорога-то наша была столбовая, так и частенько-таки на ней пошаливали в старину-то. А оставалась-то она одна с детьми, даже о ту пору и работники-то в поле заночевали. Дело-то было страдное. Мало думая об угрозе прохожего, тетка, уработавшись до-сыта, скоро заснула.

На утро другого дня воротился и дядя. Тетка отворила ворота, и он въехал в них, не слезая с телеги. Но вот что было вдомяк при этом: с ним вместе въехала во двор змея, пестрая, красивая, которая в это время висела на ступице, и тут же пропала, как скоро телега переехала через отваленную подворотню.

Тетка ахнула, дядя испугался и, схватив кнут, стал бросаться из угла в угол, чтобы ее захлестнуть; тетка же смотрела во все стороны, но змея словно сквозь землю провалилась. Так и не нашли змею.

С этой-то поры стали замечать в доме что-то странное, – говорила старуха, – как будто что-то невидимое, но живое между нами жило и делало во всем помеху. То горшки, которым нужно стоять в печи, найдут под печкою, то какая-нибудь посуда вывалится из рук, то вещь какая очутится где-нибудь в таком месте, где ей быть не следует, например, лапоть в горшке со щами. Словом, было каждый день по стольку проказ, что и не выговоришь; между тем подозревать было некого. Стали с соседями об этом деле думать да гадать, да и дома матушка с батюшкой советоваться, – говорит Купцова. – Подумали и решили позвать колдуна из одной деревни верст за пятнадцать, чтобы он

дело разрешил, да из головы долой. Ведь и то: на всех думно, а кто виноват – не знаем. Колдун приехал; а уж пред этим накрыли на стол, поставили на стол самовар, приготовили чай, графин настойки; дом у тетки был зажиточный.

Колдун был старик высокий, дородный, одет в синем халате, в поярковой шляпе; огляделся и сел в передний угол. Дядя и тетка принялись угощать гостя и просить помочь горю, о котором ему ранее обо всем было рассказано.

– Ничево, ничево!.. это дело плевое, нам и не такие дела приходилось обламывать, – говорит колдун, а сам так и погоняет рюмка за рюмкой в свою утробу.

Посидел с полчаса, а может быть, и более, все ничего... только вдруг смотрят, а на потолке висит пара лаптей и мотаются.

– А! пошучивает... Погоди, погоди!.. Вот я тебя!.. – и пропустил еще рюмку для храбрости. Потом взглянул на свою шляпу, а она вся изрезана, так что на голову надеть нельзя. Колдун вспылil и начал шептать какие-то наговоры.

Не тут-то было. Правда, лапти с потолка упали на пол, зато у колдуна оказались сапоги и шаровары на ремешки изрезанными.

Колдун схватил упавшие с потолка лапти, выбежал в сени; там надел их и опрометью припустился скорым шагом по улице.

– Что же, кормилец? Помоги!

– Нет, тут посильнее меня, я не в силах... хвастать нечего... – и с этими словами ушел.

Погоревали дядя с теткой и решились завтра отправиться к священнику просить его, чтобы он отслужил в доме молебен. Как сказано, так и сделано.

С утра прибрали избу, накрыли стол скатертью, приготовили, что нужно, и отправились к священнику, которому и рассказали все дело. Священник давно уже слышал об этом и тем с большою охотою пожелал исполнить желаемое, что был хорош с семейством моего дяди.

Лишь только пришли в избу священник и причт в сопровождении дяди и тетки, как увидели, что на печи стоят образа, вынутые из божницы переднего угла, и пред ними расставлены горящие восковые свечи.

– Вот тебе и раз! – вскричала тетка, всплестнув руками.

– Ну что же, – заметил священник, – на всяком месте Владычество Его, – и начал молебен.

Прошло несколько времени после этого, и все стало как будто тише.

Однажды летом мы, ребятенки, бегали по лугу за деревней, как вдруг увидели между нами девочку, которая с месяц, не более, умерла. Мы, маленькие, что понимали, она с нами гуляла, играла, и мы ее кликали по-прежнему Сашей.

Только я и некоторые из нас, воротясь домой, рассказали домашним, что видели покойную Сашу; а дома большаки и говорят:

– Сашутка месяц, как в могилке, как же она к вам играть придет?

А мы – свое. Вот кто-то из баб и научил нас спросить у девчонки, откуда та взялась, когда ее схоронили.

Так и было: на другой день опять увидали эту загадочную Сашу. Она опять стала играть с нами. Мы в огарыши, и она в огарыши, мы венки плесть, и она...

– Саша! да ведь ты умерла!.. Неужто ты опять из земли вышла? – спрашиваем мы.

– Нет! Я не умирала... Я Саша, да не та.

– Какая же ты?

– Я та Саша, что живу у Груниной тетки.

Я, как ни была глупа, – говорила рассказчица, – но взяла в голову: какая такая Саша? У меня такой сестры нет, да и у них – тоже. Теткины дети тоже сказали:

– Ну, что ты врешь, у нас тебя нет, где ты у нас живешь?

– А я под лавкой, а то на печи.

– Ну, нет, мы не знаем.

Расспросы с новой игрой прекратились; только игра кончилась, Саша невесть куда пропала... Теткины дети по приходе в избу даже стали искать девчонку и, разумеется, не нашли.

– Саша! Да где же ты? – крикнул кто-то из ребятишек.

– Я здесь! – раздался тоненький голосок где-то в избе, и затем все кончилось.

Все было пересказано ребятишками дяде и тетке, и они начали серьезно подумывать об этом странном событии; а между тем тихонько ребятишкам наказали хорошенько порасспросить странную девчонку, как только случится ее видеть.

Из расспросов детей родные мои получили такие сведения:

– Я та самая Саша, – сказала девчонка, – которая постоянно озорничает, я проклятая матерью, меня унес дедушка и вот сюда к вам послал за то, что прохожему хозяйка не дала воды испить; а как попала я к вам, вы меня видели, о ту пору я змеей обернулась. А озорничаю я потому, что вы мне ни есть, ни пить не даете; давайте мне помягче спать, ставьте мне под лавку поесть, а то вот я и обносилась... – Девочка своим сверстницам показала кой-где прорехи на белье, и тетка, узнав об этом, стала ставить под лавку пищу и детское чистое белье класть. Но замечательно, что никто из больших ее не мог видеть; как только кто хотел ее подкараулить, вороватый оборотень тотчас превращался в клуб пыли, в клочок сена, уносился в сторону и пропадал.

Несколько раз подучали детей обманом выстричь на темени крестом волосы¹, но <не удалось> ни креста надеть, ни на голове подстричь.

¹ В народе есть поверье, что если такого рода оборотню или кикиморе выстричь крестообразно волосы на темени, то он делается настоящим человеком, лишившись силы превращения, и тогда его можно окрестить.

Однажды на вопрос детей «Когда она уйдет?» – та отвечала:

– Я уйду спустя три года после пожара.

– А разве будет пожар?

– Да.

– Ты зажжешь?

– Нет, такое полено попадетсЯ, – отвечал оборотень.

Пожар действительно был, как рассказывала Купцова. Много сгорело всякого добра у тетки; только благодаря родственникам наши успели скоро построиться. Однажды, кажется о летнем Николе, тетка после обедни на пути к дому зашла в кабак, купила полштофа водки да кой-какой закуски и пришла к моей матери, к своей родной сестре, значит.

– Пойдем-ка, сестрица, ко мне, – сказала тетка, – я и самоварчик поставлю, встретим по-радушному праздник.

– Э, полно, Горюша! Уж и так на тебя Божье попущение, чай, лет семь... Измаялась ты, – говорит моя матушка.

– Бог попустил за грехи, да ведь Он и милостив, сестрица.

Мать собралась, и пошли обе в новый теткин дом. Что же там: ребята ейные на крыльце возятся да балуются, дома никого ничуть, а на столе, как в избу вошли, на чистой скатерти готов самовар, полштофа вишневки, закуска теплая, по-деревенски, а кто все это уладил – никто не знает. Дядя в это время был в Москве.

Старухи только ахнули и после не узнали, кто такое чудо сделал для новоселья. С этой поры кончились проказы оборотня – видно, что она, оставляя навсегда приют наш, от своего усердия сделала угощение.

Лет десять маялись, говорила рассказчица, кажись бы, и дела все те же, и все шло своим чередом, а вот пока эта кикимора в доме жила, так и деньги-то были как-то не споры. Наконец, все пошло после этого как следует».

ОБОРОТНИ, ВАРКУЛАКИ, ВОВКУЛАКИ

Оборотни, у болгар *варколаки*, или *полтеники*, у малороссов *вовкулаки*, в России в некоторых местностях *бука*, у греков *υχνάρηται*, вообще возникли со времен язычества, а со времени введения христианства вступили в область демонологии и сейчас существуют у всех европейских народов самые многочисленные разнообразные сказки об этих баснословных существах. Оборотней вообще некоторые изображают какими-то чудищами, так, например, у греков оборотнем воображают тощего колдуна, с головою осла и хвостом обезьяны¹. У них верят, что в мрачные зимние ночи оборотни, особливо со дня Рождества Христова до Богоявления, шляются повсюду и пугают людей. *Онокентавры*, похожие на черных альфов, по мнению датчан, норвежцев и шведов. Нечистые твари эти, по мнению простого народа, не что иное, как жиды-ослопоклонники, ищущие Мессии с тем, чтобы убить его еще в колыбели. После водоосвящения воздух очищается от этих чудищ, причем они мгновенно исчезают.

У нас, как мы ранее сказали, это проклятые или некрещенные дети, наконец, ведьмы, принимают разные вещественные виды по желанию; но рассказываются, что колдуны могут обращать и других в волков.

По народным сказаниям, таких превращений бывает нередко. Верят и таким сказкам, что будто бы целые свадебные поезда превращаются в волков. Давно говорят, что Мария Мнишек будто бы превратилась в сороку; но если верить в такие превращения, то все же лучше иносказательно. Так, например, если верить, что человек превращается в волка, то значит, что он изменяется своим нравом, приобретает жадность, злобу и превращается в дерзкого хищника.

¹ Cp. Taciti. Hist. V. 3, 4.

В народе говорят так: каждый оборотень, превращенный обаянием колдуна в волка, имеет полное сознание, что он человек, и не пользуется инстинктами животного, кроме одной внешности. Притом говорят, что оборотню очень легко вернуть настоящий человеческий вид, если только надеть на него снятый с себя пояс, на котором должны быть сделаны узлы, при навязывании которых нужно сказать каждый раз: «Господи помилуй». Говорят, будто бы при этом шкура спадает и перед избавителем является человек.

Но вот в чем задача: кому пожелается сделать такой опыт! Это так же мудрено, как злодея вернуть на путь добродетели.

БАБА-ЯГА

Под этим именем почитали славяне адскую богиню, изображаемую страшилищем, сидящим в железной ступе, имеющей железный пест. Ей приносили кровавую жертву, думая, что она питает ею двух своих внучек, которых ей приписывали, и услаждается при этом пролитием крови.

Под влиянием христианства народ забывал своих главных богов, припоминая только второстепенных, и особенно те мифы, которые имеют олицетворенные явления и силы естества или символы житейских потребностей. Таким образом, баба-яга из злой адской богини превратилась в злую старуху-колдунью, подчас людоедку, которая живет всегда где-нибудь в лесу, уединенно, в избушке на курьих ножках. Подобно ведьмам, она посещает шабаш ведьм, летает на Лысую гору, но только не на помеле, а в ступе, и пестом след замечает, говорит грубо; когда дома, то проводит большую часть времени, сидя на печи. Злая старуха как человек хозяйственный, кроме ступы и песта, что заменяло в старину мельницу, имеет тоже кота. Вооб-

ще о бабе-яге остались только следы в народных сказках, и ее миф сливается с мифом ведьм.

ШАМАНИЗМ¹

Шаманы большей частью бывают у якутов, коряков, тунгусов, бурят и у всех сибирских инородцев, кроме камчадалов, у последних каждая старуха и баба и каждый коехчуч считается волхвом и толкователем. При шаманстве камчадалы не одеваются ни в особенное для того платье, не бьют в бубны, но нашептывают на рыбу шаглу, на сладкую траву, на тоншичь и тем лечат болезни, отвращают несчастье и предвещают будущее. Но что они говорят, то есть в чем состоят эти наговоры, – это содержат в глубокой тайне.

Вызывание бесов и гадание. Главным образом, шаманство состоит в том, что две бабы садятся в угол и беспрестанно шепчут, причем у одной из них привязана на ноге крапивная нитка, украшенная красною шерстью, и она качает этою ногою. Если эту ногу покажется легко поднимать, то она считает это благополучным знаком, а если тяжело, то успеха не предвидится. Между тем призывает к себе бесов словами: «гушь! гушь!» – и скрежещет зубами, а как явится привидение, то, захохотавши, кричит: «хай! хай!». Если привидение через полчаса пропадает, то она говорит: «шики!», то есть – «нет». Тогда другая ее помощница поощряет первую и уговаривает не бояться, а прилежно подмечать и помнить явления. Некоторые уверяют, что во время грома и молнии Билюкай (бог грома) сходит к шаманкам, вселяется в них и помогает предсказывать.

¹ Сер. Абевега русс. суеверий. Шаманизм от санск. слова «сострадание» – видоизменение одной из индийских вер, которой придерживаются самоеды, камчадалы, тунгусы, буряты и др. Они верят в высшего Бога и во второстепенных богов, а также и в беса как духа злобы.

Если кому-нибудь случится неприятность, неудача в промысле или тому подобное, то камчадал приходит к старухе или даже к своей жене, и та начинает шаманить, то есть разгадывать причину неуспеха. Важной причиной ставится какое-нибудь отступление от исполнения суеверия.

Тогда согрешивший, чтобы очистить свой грех, вырезает из дерева идольчика и относит в лес, где и ставит его на дерево.

Шаманки производят свои гадания также и в праздники, когда грехи очищаются причем шепчут, курят, махают, отирают тоншичем, отговаривают (отчитывают) пришедших в исступление.

Примирение ребенка с бесами

Если у которой-нибудь из камчадалок родится дитя во время бури или ненастья, то в то время, когда дитя будет в состоянии говорить, над ним ворожат или шаманят с целью примирить его на будущее время с бесами, таким образом:

В жестокую бурю раздевают ребенка донага, дают в руки морскую раковину, которую ему, подняв вверх, велят с нею обежать вокруг юрты, балагана и собачьей конуры, говоря следующие слова, обращаясь к Белюкаю и к другим врагам: «Раковина привыкла не к пресной, а к соленой воде, а вы меня очень мочите и хотите влагою меня погубить; видите, что на мне нет платья и что я весь дрожу».

По окончании этого примиряется с бесами, а в противном случае бывает причиною погод и ненастья, по мнению камчадалов.

Разгадывание камчадалами снов

Камчадалы чрезвычайно любят разгадывать сны, так что поутру у них первым по видению – заключать об успехе или неудаче предстоящего труда. О некоторых снах они

имеют полное убеждение в их неизменяемости; так, например: если видят на теле паразитов (известных насекомых), то нужно ожидать к себе казаков. Очищать желудок от естественных нечистот – прибытие гостя из камчадалов. Спать с женою – счастье в промысле.

Кроме того, камчадалы упражняются в хиромантии (гадании по ладони), но свой секрет никому не говорят.

Шаманы у тунгусов

У шаманов (жрецов) этого народа более церемоний при совершении гаданий и разных обрядов. Когда кто приходит спрашивать у чародея о каком-либо деле, то прежде всего нужно, чтобы шаману вперед была заплачена за его труд условленная плата. Потом шаман надевает на себя особенный костюм, увешанный посредством колец разными железными и медными кусками, изображениями птичьих, звериных и рыбьих фигур из железа и жести; на руки надевает железные медвежьи рукавицы, на голову нечто вроде железного шлема с железными рогами. Потом левою рукою берет небольшой барабан, и палкою, обтянутой в шкуру полевой мыши, шаман барабанит и прыгает накрест ногами, причем все его побрякушки производят нестройные и неприятные звуки. В это же время он посматривает кверху в дымовое отверстие своей кибитки, беспрестанно кричит, барабанит, звонит, стараясь всеми силами, чтобы все его привески гремели как можно больше, и до тех пор продолжает свое искусство, пока не увидит в вышесказанное отверстие черной птицы, про которую рассказывают, что она прилетает и садится на кибитку шамана во время его пляски. Как скоро он увидит его птицу, то тотчас приходит в бессилие, вне себя падает на землю и лежит в неподвижном положении до $\frac{1}{2}$ часа. Придя в чувство, он говорит вопрошителю ответ на вопрос, и тунгусы верят шаманам, несмотря на то что птицу видит только один жрец.

Шаманы у самоедов точно так же, разве с некоторыми изменениями в обрядности, предсказывают пророческие ответы.

ПРИМЕТЫ И СИМПАТИИ

Приметы, поверья и симпатии на Руси возникли не все в России. Эти суеверные убеждения остались издревле как наследство влиявших чем-либо на наших предков народов, с которыми они волей или неволей должны были сблизаться и заимствоваться разными обычаями, предрассудками, приметами и тому подобным, что, конечно, и в наше время существует в простом народе, которому хотя и простительны некоторые заблуждения, но непростительно тем, кто имеет право и возможность влиять на них и силой святой истины внушать, что эти приметы и симпатии остались следами языческого невежества. Еще встарь преследовали такие заблуждения; кто не догадается, что старинные черные наши книги, к которым относятся: *Волховник*, *Чаровница*, *Мысленик*, *Колядница*, *Громник*, *Астролог*, *Астрономия*, или *Звездочетие*, *Путник* (кн. О значении встреч), *Воронограй* (значение полета птиц), *Шестокрыл*, *Аристотелевы врата*, *Рафли* и т. п. — все нерусского происхождения, так, например: *Астрономия*, *Астролог* — произведения Запада, *Воронограй*, или *Птицеволхование*, — этрусско-римская авгурия, и прочее. Наконец, сколько у нас до сих пор сохранилось примет, сходных с римскими, например, *здоровствование при чихании* (*sternutatio*), *звон в ушах* (*timutus aurium*), *чесотка зубов* (*pruritus dentium*), просыпка соли на столе и т. п. Все это существует в наших приметах и тождественно с прежними римскими обычаями. О чем упоминал и Овидий, Плиний и в свое время в харатейных списках пр. Нестор; он говорит следующее: «Нарицающие хрестьяне, а

погански живуще – друзии же и зачиханью веруют, еже бывает на здравие главе»¹.

Дурной глаз, сглаз, призор очес или изурочивание.

Римляне тоже верили *сглазу*, так что было у них особенное божество *Fascinus*, предохранявшее от этого даже младенцев (*custos infantium*). У тех из них было в обычае оговариваться и отплеываться, если кто хвалил их дородность, красоту, силу или другие телесные качества. У римлян, как и у нас, были тоже *черные* или злые дни. Между поверьями немцев существует также, между прочим, слово *сглазить* или *изурочить*, *beschreien*.

Весьма немудрено, что русские приобрели это понятие о *сглазе* и, усвоив, присоединили их к своим убеждениям. Теперь в русском простонародье крепко укоренилась вера в *дурной глаз*. Все родильницы (к стыду, часто из высшего купеческого сословия) в течение шести недель укрывают ребенка от посетителей и не пускают к нему никого, кроме ближайших родных. А если кому-нибудь придется нечаянно увидеть новорожденного и похвалить его красоту, полноту или здоровье, то нежные суеверные матери крепко боятся за ребенка, боясь дурного глаза, видевшего младенца. Но если же ребенок заболит совершенно от других причин, то его спрыскивают с уголька. В Испании и в Италии тоже поверье существует: там особенно боятся цыганского глаза, так что когда цыганка взглянет на новорожденного младенца, то матери или кормилицы подсовывают ей под нос кукиш. Черные глаза вообще считают опаснее серых или голубых. В некоторых случаях можно, пожалуй, допустить и *сглаз*, так, например, если молодой человек страстно посмотрел на молодую девушку, которой он понравился, а та, со своей стороны, ответила томным взором, и если притом вспыхнула, то понятно, что она не могла затаить в себе того чувства, которое проникло вместе с искрой взгляда, заронившегося в ее сердце. Были, есть и будут эти примеры;

¹ Карамзин. Ис. гос. Росс. Т. II. Прим. 113.

но тут сглаз переработался в желание любить и принимает уже не волшебный, не враждебный или ненавистный характер, а характер вспыхнувшей страсти.

Пожалуй, можно *сглаз* считать магнетизмом взора, но сколько нам доподлинно известно, влияние действия может быть скоротечно и не иметь дурных последствий, притом на магнетизм врачевание бесполезно.

У древних тоже было убеждение, что глаза имеют большую силу влиять на людей, и преимущественно глазам василиска приписывали обаятельную силу, и до того вредную, что люди от его взгляда умирали. Это убийственное животное, по описанию, имело тело дракона и петушиную голову, а затем крылья. Можно предполагать, что преданье это принадлежит к баснословной древности, проверить которую очень трудно. Мы знаем одно, что и доказано наукою: были в допотопном периоде драконы и крокодилы, равно как и мамонты громадных размеров, были чудовищные галеопитеки, — отсюда понятно, что человеку, увидевшему опасность, некогда было примечать подробности чудовища, оставалось только спастись или умирать. Крокодил очень быстро бежит, и у нас принято говорить: «конь летит, как стрела». Может быть, это слово — сравнение. Египтяне, боготворившие Нил, боготворившие крокодила, оставили на память нам сказку о крокодиле в виде василиска, быстро бегавшего как по воде, так и по суше. василиск упоминается даже в одном из псалмов Давида.

В наше время путешествующие по Индии говорят, что у гремучей змеи свиреп и обаятелен взор. По ее смертоносности ужаления, конечно, каждый и неробкий может подвергнуться испугу и может в этом случае оцепенеть, причем, устремив свой взор на животного, обнаружить испуг пред хитрой ядовитой змеей, чем она и воспользуется, чтобы ужалить человека.

Открытие вора у камчадалов. Когда будет нужно отыскать вора между камчадалами, тогда убивают так на-

зываемого каменного барана и жгут его становые жилы в присутствии многочисленного собрания и своих шаманов. Они уверены, что вору так же сведет жилы, как сводит на огне жилы баранов.

День Благовещения. Суеверы уверены, что в этот день птица гнезда не вьет, а если завьет, то у ней отнимутся крылья и она будет в силах только ходить; а между тем если в этот день вор что-либо украдет, то ему будет на весь год – удача.

Свербение бровей. Свербят брови – к приезжему, смотреть на потных лошадей, кланяться дорожному, иногда благодарить его за одолжение.

Булавку давать – не должно, чтобы не раздружиться; а уж если нельзя обойтись, то сперва уколоть того в руку, кому давать приходится.

Волосы и ногти хранить было в обычае у некоторых суеверов, которые думали, что на том свете придется за каждый волосок отдавать отчет. При расчесывании оставить прядь волос незаплетенною значило – дорога из дома.

Водяной воробей. Так называется птичка, водящаяся в Сибири; она питается водяными червями и довольно ловко достает их из воды, причем остается совершенно сухою. Есть суеверное убеждение, что, намазавшись жиром этого воробья, или кровью его намазать члены, то они на век защищены от мороза. Суеверы считают водяного воробья, и вообще воробьев, проклятою птицею по той причине, что они в то время, когда Христа распинали, приносили опять ко кресту те гвозди, которые ласточки у римлян уносили; вследствие будто бы этого события воробьи имеют на ногах невидимые оковы и не могут шагать, а прыгают.

Ворон-предсказатель. Если ворон сядет на купол или колокольню храма, в той церкви будет отпеваться покойник, то же и в том доме кто-либо умрет, на кровле которого сядет и прокаркает ворон.

Воск из дому выносить самому не должно, так как это убыль пчеловодству.

Против заговоренного от пули. Заговоренного от пули, по народному поверью, можно убить серебряной или золотою пулею; но также можно облеплять пулю воском и стрелять; тогда даже чародей против ее силы своей противопоставить не может.

Оспа и борьба с нею. В старину сибирские инородцы считали оспу не за болезненную эпидемию, а за враждебного духа, который наслаждается мученьем и потом, питается их телами. Рассчитывая этого духа умиловать, приносили ему в жертву скотину взамен человека. Остяки, тунгусы и якуты надеются обмануть демона оспы, они зажигали покладенный на щеки и на нос трут, чтобы сделались оттого на лице ямы, как рябины, в том мнении, чтобы дух оспы думал, что уже на этом человеке оспа была. Кроме того, инородцы во время эпидемии оспенной удаляются в густые леса, желая спрятаться, и оставляют свои дома пустыми. Мало того, они не выезжают ни на опушку леса, ни на дорогу. Затем укрепляются засекою, а зимою – снежными валами и устраивают самострелы, какие бывают на лосей или оленей. Русские староверы и по сие время прививание оспы считали антихристовою печатью и, чтобы избежать оспопрививания, прятали детей от оспопрививателей под печь и в подполье.

Встреча. У нас на Руси существует и по сие время у суеверов поверье, что если встретятся: поп, монахиня, монах, женщина, девица, свинья или лысая лошадь, то в предпринятом пути успеха не будет. А когда же кто встретится с полными ведрами или с ушатом воды, то – успех в намерении.

Браниться в Егорьев день – не советуют по тому поверью, что того убьет громом.

Глаза свербят или зуд под глазами значит в тот день – плакать.

Голубь в окно влетит – быть пожару или кому-нибудь умереть; иногда быть вестям.

Беззвездные ночи. Если на Рождество Христово и Богоявление не будут видимы на небе звезды, то, по понятию простого народа, на этот год сеять гороха не нужно по предвестию плохого урожая; напротив того, если ночи звездные, то нужно.

Громовая стрела. В первой части было нами упомянуто, что простой народ еще и до сих пор уверен, что, когда слышат раскаты грома, значит то едет Илья-пророк на огненной колеснице и убивает дьявола, который в то время укрывается, обращаясь при этом в разные виды, а особливо во младенцев, просит у людей укрыться; но ежели бы демон и за икону Божию спрятался, то образ пощажен не будет. Громовая стрела, убив дьявола, уходит в землю и, там пролежав три года скрытно, потом объявляется в виде продолговатого пальцеобразного кремня. Его употребляют в случае колотья, окачивают его водою и этою водою обливают больного. Пожилые простолюдины верят, что кто всегда ест гнилой хлеб, тот не будет бояться грому. Услышав же первый раз по зиме гром, девушки умываются с серебра, надеясь получить красоту, белизну тела и здоровье.

Дождь. Кто в дождь выедет – предвестье благополучной дороги, как и во всяком предприятии.

Дока. Мастер своего дела. Знахарь, целящий болезни и выгоняющий порчу.

Дорога. В старину не советовали выезжать в понедельник: неудача в поездке; и когда заяц дорогу перебежит. Ежели кто желает скорее видиться с отъезжающим в дорогу, тот, возвратясь к порогу, должен оглянуться вслед отъезжающему лицу.

Железница или Бешенка. Рыба, водящаяся в Волге в огромном количестве, считается опасною, будто бы поест ее, то сойдешь с ума, а потому ее бросают обратно

в воду или отдают мордве и чуваше, которые едят и с ума не сходят. Почему это?

Примета о посеве по жукам. Некоторые весной ловят жуков и примечают: если у него на передних ногах более зародышей, то должно в лето сеять ранее и тот сев будет лучше; ежели на средних, то должно сеять в среднюю пору, а ежели на задних, то поздний сев будет выгоднее.

Почему <не>должно работать на заговенье. Так как старухи будто бы уверяли, что можно получить заусеницы или ногтееду.

Примета над замками. Суеверные старухи кладут под порог перед приходом от венца молодых незапертые замки, а потом, когда те перешагнут, защелкивают их, ключ же бросают в воду, или в колодец, с тем убеждением, чтобы мужу с женою жить согласно. То же делают при первом приезде жениха в дом невесты, чтобы свадьба была успешнее и выгодный жених не отказался.

Задушение младенца на постели. Часто и теперь случается, что беспечные, хмельные, а иногда уработавшиеся до устанка и дремоты женщины, лежа на постели, *засыпали* грудных младенцев до смерти, придавив их всем телом. В народе поэтому давно распространилось, откуда неизвестно, поверье, что, кроме непростительного греха для матери, ребенок не наследует небесного царствия. Разумеется, это приводило неутешную мать в страшную печаль. Для искупления младенца будто бы нужно было провести матери три ночи в храме и молиться, стоя в начерченном кругу рукою священника, разумеется испытывая все ужасы от нашествия злых духов.

Зеркало держать в комнате – грех, по уверению староверов, потому что оно дано дьяволом, и доказывают следующей легендой:

Какой-то старец, спасаясь в пустыне, прочел следующие слова: «Просите и дастся вам». Пустынник усомнился и, желая удостовериться, что все ли получить может,

чего захочет, пошел к какому-то царю просить руки его дочери. Царь, почудясь такому требованию, сказал о том своей дочери, которая тоже подивилась немало и потом сказала: «Так как это дело необыкновенное и чрезвычайное, то должно, чтобы старец, если хочет жениться на мне, оказал бы мне чрезвычайную услугу и принес бы в подарок такую вещь, в которой бы я всю себя видеть могла». Это желание было высказано царевною еще в то время, когда зеркала не были выдуманы. Монах, узнав от царя такое требование, пошел искать такой вещи. Долго ходил он по лесам, наконец вступил в пустыню, никем необитаемую. Посидев в ней несколько времени, он начинает слышать стон. Старец окликнул и получил в ответ: «Почтенный старче! Сжался на мое страдание, ибо я уже несколько лет заключен в этом рукомойнике, выпусти меня из этой темницы, в которую заключил меня тоже один старец, и я тебе за это услугу, чем пожелаешь». Старец прежде, чем освободить из рукомойника заключенного, стал требовать от него вознаграждения тою вещью, которой требовала от него царевна через царя. Заключенный обещал, и старец, сняв с рукомойника крест, выпустил черта. Дьявол в скором времени принес к нему зеркало, которому старец, взяв в руки, чрезвычайно подивился, но когда увидел в нем себя с морщинами, сединами, дряхлого и слабого, отложил навсегда намерение жениться. Однако зеркало снес к царю и, тут же отказавшись от своего слова, стал молиться о своем прегрешении в том, что возымел сомнение противу Священного Писания. И так как зеркало доставлено впервые старцу дьяволом, то самые крепкие старoverы долгое время не имели в своих домах зеркал.

Огненные змеи. Воздушный метеор, который часто видим несущимся по воздуху в виде длинной и широкой ленты из красноватых искр, летящей или наклонно, или горизонтально. Русские люди считают его злым духом или огненным змеем, посещающим в вечернее или ночное

время вдову или девицу, скучающих одинокой жизнью после недавней потери мужа или друга жизни и нередконосящим к ним золото. Он является к ним всегда, принимая вид любимого человека, которого они потеряли, и обаяние, говорят, было так сильно, что они свыкались с той мыслью, что он действительно жив, а не умер. Потом лица, которых посещал этот змей, худели и, сойдя с ума, нередко будто бы кончали с жизнью самоубийством. От того добрые и набожные, видя этот метеор, всегда кричали: «Аминь, аминь, рассыпся!»

В народе существует такое убеждение, что посетителя как духа не видят и не слышат, между тем как обольщенная злым змеем девушка или женщина слышно, как разговаривает с ним. По ее разговору с невидимкою заключают, что она говорит с змеем или с дьяволом, не иначе. Стараются уговаривать ее, призывают почтенных людей, священников, молебствуют и прочее, пока на нее не подействует сила убеждения и молитвы; потом дают ей крест тельный на тесьме, советуя его тихонько надеть на опасного посетителя. Если она послушается, то хотя и не успеет надеть, но в три, в четыре, в пять раз повторения этой попытки демон ее оставит и страдающая этой галлюцинацией поправится.

Икать тяжело – быть обругану, **легко** – помянул кто-нибудь.

Имя дать новорожденному. В старину бегали за ворота и спрашивали первого встречного или встречную, смотря по полу ребенка, и как встречному лицу было имя, такое давали и новорожденному, веря, что дитя будет оттого иметь счастливую будущность. Тоже до некоторого времени скрывали данное имя младенцу, заменяя его ложным чьим-либо именем, чтобы колдун не испортил или не превратил в оборотня.

Именины праздновать. В старину, когда именинник садился за стол, давали ему пирог с кашею и разламывали

его над головою именинника, чем на него более сыпалось каши, тем считалась жизнь его счастливее в течение года. В этот день необходимо нужно что-либо разбить, и если посуды никто не разбивал, то нужно было нарочно разбить хоть рюмку. В старину в Москве был обычай со стороны именинника посылать утром своим знакомым по сгибню.

Каша. Когда варившаяся в печи каша поднимется выше краев горшка и будет иметь наклонность на зад печи, то это был суеверным признаком счастья и изобилия, а когда в устье печи – потерю, урон, разорение дому.

Комета и ее значение в народе. Явившаяся и проходящая комета, а особливо с хвостом, в простом народе имеет общественное несчастье, то есть мор, голод или войну и т. п. В иностранных же государствах приписывали движение таких небесных тел несчастью одного из государств. В 837 году от Рождества Христова явившаяся комета навела несказанный ужас на Людовика Кроткого. Этот суеверный государь прибегнул к астрономам, закладывал монастыри и умер два года спустя после того от страха при виде полного солнечного затмения. В 1264 году историки того времени явившуюся комету приняли за предзнаменование смерти Папы Урбана IV. В 1456 году явившуюся комету Папа Каллист велел проклинать особо сочиненною молитвою, а также и турок, которых завоевания так устрашали его. В 1686 году бывшую комету почитали за предзнаменование подобных печальных происшествий. Вот каким суеверием и старинные европейские летописцы были преисполнены.

Чудо от коровы в Казани¹. Это было перед взятием ее и повествуется так: «Родился от коровы детище человеческим образом, его же видевши татарове и снidoшася мнози видети его, и внезапно детище переменися в совершенна мужа возрастом и яко вооружен видяшеся и глаголаше зрящим на него, падение Казани; и совещаща татарове убить его, и абие невидим бысть».

¹ См. Абевега русских суеверий. 1786. С. 226.

Кошка. Есть одна домашняя примета. Когда кошка моется к себе лапкой – быть гостям, а когда спит рыльцем под брюхо – к непогоде или к холоду.

Кузнечик кует. Когда он заберется в жилые покои, будет трещать, то значит, по народному поверью, выживает хозяев из дома. В столичных банях они, хотя и полные хозяева, а не выживают хозяев, а про деревенские и говорить нечего, там их зимою десятки, не только в банях, а и по избам.

Курица петухом поет – не к добру; тогда суеверные хозяева свертывают ей голову и бросают чрез порог, приговаривая: «На свою голову, не пой курица петухом». Отсюда даже возникла пословица: *«Не пой курица петухом, не бранись баба с мужиком»*.

Отламывать лишний кусок хлеба, когда есть недоеденный кусок, означает, по приметам старожилков, что кто-нибудь из родных того человека голоден.

Ладанка. В предохранение от колдовства и сглаза подвязывают на том же шнурке, вместе со крестом сумочку с ладаном. А те, кто родился в сорочке, носят ее до смерти.

Ладонь чешется, по мнению суеверов, – в тот день деньги считать. Если правая – получать, а левая – отдавать.

Ласточка. Есть примета, что если кто убьет ласточку (которая признается хозяйкою, домахою, домовиткою) или также голубя, синичку, пигалицу, то тот не будет счастья иметь в скотоводстве. Тоже толкуют, что если ласточка нечаянно подлетит под корову, то у той коровы будет кровавое молоко¹.

Лихоманка, лихорадка. Простой народ лихорадке, преимущественно происходящей от сильной простуды, которая по своей прикосновенности с нервами производит озноб, бред, а также по ее разновидности, разделяет ее на

¹ Как известно, ласточка, бойко летая, ловит маленьких насекомых. Может быть, когда-нибудь поймала на вымени коровы муху и острым носиком повредила вымя, вот и пошла примета.

двенадцать дочерей Иродовых и дает им следующие названия: *Трясовица, Огневица, Знобоя, Пералея, Горькуша, Крикуша, Чернетя, Пухля, Желтя, Дряхля, Дремля...* (двенадцатая не разобрана). В другом заговоре читаем следующие их имена: *Гнетица, Плетя, Месора, Шатая, Черная, Тенная, Дида, Лада, Омуга, Утеха, Персанда*. В третьем заговоре против лихорадки читаем названия этих 12 сестер-лихорадок, часто по свойствам простуды разделенных: *Зеленая, Желтая, Внутренняя, Дутая, Водяная, Студеная, Огненная, Знобительная, Животная, Костоломная, Гнетуха спящая, Калимуха или Камуха*. Как бы им названия не были даны, но крепко в народе поверье, что лихорадка существует в различных видах и формах, одолевает человека при самых разнообразных случаях, упорно преследует и держится в нем, противодействуя лекарствам. И могучая фантазия русского человека, вдохновенного самою природою, создала новый миф – это двенадцать сестриц-лихорадок, страшных, как мегер, бичующих грешных в аду, которые мучают русских бедных людей; против их есть и лекарства, есть и заговоры. Народ так воображает¹. Лихорадки крылаты, их земля держит в своих челюстях на цепях, как ненавистниц человеческого рода; но когда их спускают, то эти девы без милости нападают на людей. Они столь вредны, что когда им много дела, то они одним мечтательным поцелуем причиняют трясовицы и обитают в одержимых лихорадками; и счастлив тот, к кому прикоснется лихорадка в то время, когда и без того много больных, так как они, будучи заняты делом и перелетая от одного к другому, не поспевают трясти безостановочно, а дают время отдохнуть болящим; вот этими недосугами и объясняет народная фантазия лихорадки перемежающиеся. Далее говорится, что сестрицы эти по деликатности сложения и нежности восточного происхождения слишком брезгливы: они боятся собачьих удавок, свиных гнезд, блох, если кто съест не за знать в хлебе,

¹ См. Абевега русс. суеверий. 1786. С. 230.

абракадабры (песни ведъм) и т. п. заговоров (см. ниже). Сибиряки, страдающие лихорадкою, пред приходом ее (когда она перемежающаяся), зачернивают у себя лицо, а иногда и все тело и надевают на себя чужую гуню, дабы сей злой дух его не узнал или бы, испугавшись его, отстал.

Локоть чешется – на новом месте спать.

Лошадь (*разные приметы*). Если дорогой распряжется лошадь – в доме нездорово или жена неверна. У черемисов по годовым праздникам приносятся в жертву белые кони, после жертвы они мясо едят, предварительно очистившись и помывшись. У пожарных команд есть поверье, что если лошади сверх ожидания повернут не в ту улицу, куда их направляют, то значит быть в этой местности пожару; тоже скоро быть близ погоревшего дома пожару, когда кони не стоят на месте и бьют копытами; тоже говорят, что быть в городе пожару, когда они в конюшне не стоят смирно. Лошадь любит домового дедушка, когда она под цвет волос на голове и бороде хозяина. Лошадь боится ласки, которая сосет кровь из гривы и головы лошади. Лошадь любит козла, который своею вонью и в то же время пользуясь свободой, изгоняет всех вредных животных.

Луна. По народному поверью, луна имеет влияние на лунатиков (ночеходов), на менструацию женщин (в известное время), на рост растений и развитие цветов, на приливы воды в морях, наконец, на перемену погоды. Мордва почитает луну некоторым божеством и, увидя ее в первый раз новой, кланяются и просят, чтобы она ниспослала им во время своего правительства счастье, только жертвы ей не приносят. Кто увидит новую луну с правой стороны, тот, по старым русским поверьям, будет в течение месяца получать доход, прямо – ни то ни се, а слева – расход. Также советуют при виде новой луны держаться за деньги, чтобы целый месяц была прибыль.

Лучина. Есть у некоторых из простого народа примета, что, кто бьет домашних или детей лучиною, тому

будет грех, потому что от этого может высушить всех семейных в доме.

Мышь. Мышь укусит кого в доме, тому неприятность или несчастье. Если попортит какой-нибудь товар – к скорой продаже или прибыли. *Летучая мышь.* Суеверные люди носили их в сушеном виде за пазухой ради здоровья или счастья. Или заваривали кипятком и такую воду давали для исцеления больных, лежащим в гнетице, или в горячке детям.

Лягушка. Уральские казаки долго были того убеждения, что, если во время багрения рыбы на Урале попадется кому лягушка на багор, которые там встречаются очень велики, тому не удастся поймать ни одной рыбы, хотя бы он несколько раз менял и места, и багры. Суеверы думают, что если иметь крючок и вилочку от пары лягушек, то можно заставить каждого по желанию чувствовать к себе любовь или ненависть.

Беременная женщина. В старину уверяли, что беременной женщине непременно нужно было отстранять от себя все неприятности и предметы неприятного вида, зверей, безобразных людей; в противном случае она могла родить ребенка, лицо или образ которого могло иметь большое сходство с животным или тем уродом, которого она часто видела или которого испугалась.

Такое убеждение было всеобщим даже во время ученых Плиния и Галена, которые, увлекшись существующими в народе рассказами, занесли в своих ученых заметках случаи, из которых мы помещаем два¹.

«Я знаю, – говорит Гален, – одного некрасивого мужчину, горбатого и довольно похожего на Эзопа. Боясь быть родоначальником такого же уродливого потомства, он приказал написать красивого, хорошо сложенного мальчика и такую картину повесил в углублении кровати так, чтобы жена в известных случаях могла иметь его перед глазами.

¹ О заблуждениях и предрассуд. Сальга. СПб., 1856.

Ожидание супруга увенчалось полным успехом: жена родила красивого мальчика, совершенно похожего на портрет, на который она смотрела в известных случаях».

По словам Плиния, одна знакомая ему дама родила слона, потому что во время беременности с большим вниманием смотрела на это животное. Другая дама по той же причине разрешилась от бремени маленьким львенком. В геллветических хрониках Семпта рассказывается, что одна знаменитая римлянка, находившаяся в тесных связях с папою Мартином IV, будто бы родила сына мохнатого, как волчонок, и с когтями, как у хищного зверя. Объясняется будто бы тем, что у папы было много картин, изображавших различных животных; эти картины и послужили к рождению мохнатого сына. После этого случая папа приказал снять их, боясь, чтобы прекрасная римлянка не произвела затем целое поколение мохнатых. Сальве, опровергая эти басни, между прочим, всем верующим в подобные сказки советует беременным женщинам посещать *Французский институт* и пристально смотреть на всех членов ученого заведения. Захочет ли она, чтобы сын ее был историком, она может глядеть на бюст Вертота или Сен-Реаля. А чтобы он был геометром – на бюст Паскаля и так далее.

Медведь. По народному преданью, медведь был прежде человеком, и доказывается тем, что он может ходить на задних лапах и сходные с человеческими глаза, что любит мед и водку и пр. А остяки и другие инородцы особенно медведя уважают и шкуре его отдают большую учтивость; так что если убьют медведя, то поют пред трупом извинительные песни ради того убеждения, что медведь на том свете будет вместе с ними, то чтобы там не отомстил своему убийце.

Против уроков младенцев. Если кто заметит матери, что младенец ее красив или здоров – словом, похвалит, то суеверная мать, чтобы не взяли младенца уроки,

облизывает ему три раза лицо и каждый раз сплевывает на землю. То же делают с ребенком в банях.

Суеверное разрезывание следа. В то время как только ребенок встанет впервые на ножки, мать или другая женщина схватывает нож и торопится поскорее провести по полу этим ножом между ступней ребенка ради того, чтобы разрешить нехождение и разрезать невидимые путы. Но эта опасная поспешность часто сопровождалась порезом пальцев ребенку.

Молчание. Когда в компании вдруг все замолчат, то говорят, что в это время пролетел ангел. Также говорят, что если кто, сидя в компании, вдруг положит ногу на ногу, то последует молчание.

Кому из святых когда нужно молиться в разных случаях. В особенных случаях и в нуждах простой народ обращается специально к разным угодникам: например, о избавлении от чумы и эпидемии – иконе Боголюбской Б. М.; от зубной боли – св. Антипию как зубному исцелителю; от вора и обидчика – Иоанну-войственнику; для спорости в науке или при начатии грамоты – Косме и Дамиану; от головной болезни – Иоанну Предтече. От лихорадки есть много молитв (см. заговоры). О лошадях молятся Фролу и Лавру. Об овцах – св. Анастасии, о сновидениях и о сне – девяти мученикам, о разрешении от трудных родов – св. Анастасии Узоразрешительнице; о совете и любви между мужем и женой – св. Евангелистам; о исцелении больного – образу Всех Скорбящих; на море от бури – св. Николаю Чудотворцу; о благополучной ловле рыбы – св. Ап. Петру; о коровах – св. Власию; о скоте – св. Георгию Победоносцу; о бездождии – св. Илье-пророку; о свиньях – св. Василию Великому; о пчелах – свв. Зосиме и Савватию; о курах – св. Сергию; о гусях – св. Никите Мученику; об укрощении гнева в человеке – св. пророку и царю Давиду.

Мухомор и его действие. Мухомор, как известно, ядовитый гриб, годный только для уничтожения мух, ког-

да его истолочь или изрезать, полить патокою и поставить в комнате, притом с открытыми окнами, иначе вредный газ может принести сильную одуряющую головную боль. Но у камчадалов мухомор считается богом пьянства и начальником ядовитых зелий, и употребляют его в водке для питья настоянным. На камчадалов этот напиток, как и на их шаманов, производит одуряющее действие, на кого веселящее, на кого пасмурное; вообще представляются при этом привидения и призраки. В момент наркотического влияния мухомора камчадалам, как и от белены, скважины представляются большими проходами, соломина – бревном, лужа воды – озером. Мысли тоже бывают самые разнообразные в это время, смотря по дозе употребления этого напитка; в малых приемах он действует как прием хашиша или опиума, располагает к веселости, смеху, делает человека отважным; но без умеренности – напиток этот располагает камчадалов на самоубийство, так что было множество примеров, что они давились или топились. За ними на их оргиях всегда большой надзор.

Наседку сажать – нужно класть под нее яйца из шапки или из шубы, вообще из меховой вещи, чтобы было приплода больше¹.

Несчастливого в доме не держать. В народе есть поверье, что несчастному ни в чем как самому не спорится, так равно он и в постороннем семействе водворяет несчастье. Несмотря на сострадание к бедственному положению суеверные удаляют его от себя, а между тем причиняют сами ославленному несчастье.

Обливание водою. В старину во времена язычества славяне как рекам, морям и источникам, так даже и колодцам приносили жертвы для умиловивления богов с целью умножения разных плодов, а нередко и людей бросали в воду. В память этого древнего идолослужения и ныне еще

¹ Понятно, чтобы яйца не были слишком остужены, эта примета хозяйственная.

изуверы и суеверы в первый день Святой Пасхи и в другие праздники, когда кто проспит заутреню, обливают водою или сталкивают в реку, или озеро.

Святые колодцы, святые озера. У нас на Руси и по сие время существуют св. озера, св. родники, которых воду предпочитают целительною, купаются в ней и бросают на дно таких бассейнов деньги, дорогие серьги, кольца, браслеты и прочее. Языческий отпечаток жертвоприношения хотя немыслим в наше время, но бессознательный обычай упорно удерживается. Если боги изгнаны, то в чью же пользу поступают такие, часто дорогие подарки?

Обмирание, летаргия. Обмирание существует довольно часто, это похоже на продолжительный обморок; он продолжается не только два, три дня, но месяц, год и, как удостоверяет история, даже не один век. Примеры летаргического сна мы видим даже в житии святых; а о временной смерти мы после скажем особо. Наши русские простолюдины, которым приходилось видеть и слышать воспрянувших от такого чудесного сна, рассказывают, что уснувшего в летаргии водили по мытарствам, спрашивали о земных делах отчета, что самому человеку приходилось видеть адские муки и прочее. Все говорил он (летаргик), только не мог сказать трех слов, о которых ему было строго запрещено, но кем? Тоже не мог открыть. По народному сказанию, летаргики оживают ненадолго. Утомленный организм без восприятия столь долгое время пищи не выдерживает.

Обморочение — значит представление вещи не так, какою она кажется, а в каком-нибудь другом виде, так, например, деньги представляются лягушками или мышами.

Обнова. Тот, кто, бывало, плюнет на платье нечаянно, тот надеялся непременно получить или сшить обнову. Белые пятна на ногтях пальцев тоже обозначают обновы, по величине их судят о ценности этих обнов.

Осина. Осиною народ признает проклятое дерево за то, что на нем, по преданию, удавился Иуда Предатель, и

потому на этом дереве, хотя бы даже если ветру нет, происходит шелест листьев, оно же имеет, по суеверному понятию, чрезвычайную силу против колдунов, и когда такому умершему и встающему из могилы осиновый кол вколотят между плеч, то колдун прекращает свое загробное странствование.

Пауки. По народному русскому поверью, все пауки вредны от мала до велика. Что будто бы кто нечаянно съест паука, тот будет страдать водяною или опухолью в животе.

Кому садиться в переднем углу. Передний угол вообще назначается в церемонные дни свадьбы жениху с невестой и почетным особам; вообще попам и дуракам. Попам принадлежит по преимуществу их сана, а дуракам – по их гордости.

Переносье чешется – о покойнике слышать.

Прищемить в дверях свою одежду – значит быть еще раз в этом доме.

Забыть гробовую крышку в том доме, откуда вынесли покойника, значит – быть в том доме другому покойнику в скором времени.

Плунуть на себя нечаянно – иметь напраслину или к скорой обнове.

Падение полена. Если кто, неся к печке, выронит полено – быть гостям; тоже верят, если горящая головешка вывалится из печки.

Понедельник. В этот день не любят денег давать, работы заказывать, из дома ехать, и, наконец, многие боятся мясное есть во избежание неприятностей или неуспеха в делах, считая этот день несчастным. Конечно, после шумных оргий и кутежа, когда руки трясутся, голова болит, деньги промотаны, то придется не только отказаться от всяких предприятий и намерений, но даже от пищи, кроме хлеба с водою.

Поперхнуться при употреблении пищи или питья значит, что кто-нибудь к поперхнувшемуся спешит обедать.

Узнать цены хлеба по колосу. По уверению суеверных людей, достаточно только посмотреть на колос. Если колос начинает цвести от вершины, то цена на хлеб будет высокая, если с середины, то – средняя, если снизу, то – низкая.

Собака воет. По народному поверью, собака воет – или к пожару, или к покойнику, или к своей смерти. К пожару – воет вверх мордой, к покойнику – вниз, а к своей смерти – сидя или лежа. Если на кого собака потянется – то к обнове.

Саван шить надобно на живую нитку и от себя, иначе весь дом перемрет, по уверению суеверов.

Свинья. Когда свинья опоросится, то не должно на эту семью смотреть дурным глазом, иначе свинья пережрет всех поросят. Ныне признано гораздо лучшим отнимать от нее поросят на некоторое время или надевать на нее намордник.

Свист. Суеверы утверждают, что свистеть – отвращать от себя лик Богородицы, а свистеть в доме – опустение. Вообще свист не принят в обществе и в семействах в наше время как неприятное, неуважаемое беспокойство нашего слуха.

Скопа. Так у простого народа называлась смертоносная птица, которой яд заключался в когтях, который она впускала своей жертве. Нужно думать, что под видом этой птицы подразумевалась какая-нибудь эпидемическая смерть.

Скором. В старину в посты, твердо соблюдаемые нашими предками, боялись упоминать слово мясо или говядина, а называли *скором*, и притом приговаривали: «Помяни Господи на Светло Христово Воскресенье» или «на Рождество Христово».

Соль просыпать – быть ссоре, во избежание ее нужно рассеяться или дать себя ударить по лбу.

Сорочка, в сорочке уродился, кто считается счастливым, особенно тогда, когда был рожден, заключенным

в пузыре с головы до ног, как в яйце. Эту тонкую перепонку зашивают в тряпочку или засмаливают в медальон, носят вместе с крестом на шнуре, веря, что это даст на всю жизнь счастье рожденному.

Дом, здание строить, кто намерен, то держит в голове первое, чтобы обновить его свадьбой, иначе есть убеждение, что хозяин дома умрет. Потом – чтобы не устраивать ворота, а следовательно, окна на ночь, то есть на север, потому что тогда черти хозяина выживут. Хотя это не точно, но, однако же, с севера постоянно дуют холодные ветры и никогда не восходит солнце, следовательно, так устроенное помещение может быть холодно и сыро от ветров, особенно осенних, будет слышнее свист и вой ветра, особенно близ леса, а лесные осенние мотивы ветра тяжелы для всякого, даже и для того, который смеется суеверию.

Стены трещат – домовый выживает. См. *Домовой*.

Предчувствие тараканов. Говорят, что они уходят из того дома, которому скоро гореть; но, скорее всего, что они всегда оставляют те покои, где холодно, и кушанье от них хорошо накрывается, а также и провизия, которую они любят. Это замечено и над мышами, которые не любят, чтобы все пряталось от их ненасытной прожорливости.

Телятину есть – грех. На этом убеждении телят крестьяне не едят; но есть много таких существующих в народе грехов, которых здесь и не перечислить и которые основаны не на духе религии, а на экономических или гигиенических началах, точно так же, как у татар и жидов есть свинью. Как татары, так и жида получили свою религию на юго-востоке, там, где существовал южный палестинский жар, где свиньи от недостатка воды и луж заболели проказою и развивали благодаря неряшливости обитателей заразу на людях.

На этом-то основании жидам и магометанам под видом греха (разумеется, грех умышленно развивать болезнь как на людях, так и на себе. Себе будет самоубийцей и другим убийцей) есть свиней. Но у нас есть телятину

запрещено, должно быть, бабами-экономками при других началах: стельные коровы, лишаясь своих сосунов, теряют молоко. Из чего и значит, что воздержание от телятины сельских жителей происходит не от суеверия, а из экономии чисто хозяйственной со стороны старух; но, кроме того, со стороны мужчин тоже имеется в виду выгода вырастить теленка-бычка на семена, а телушечку на племя да на добычу молочка; вырастут и копеечку нам дадут. Вот отчего телятина у нас, у крестьян, грехом считается, а баранина ничего... Ведь баран, хоть шерстку и дает, да крестьянин с него и шкурку дерет, а себе тулуп шьет, а без шкурки баран человеку на съедение дан. Вот мужичок по праздникам только баранинкой и занимается, а не телятиной, не говядиной, ни-ни! Разве свининкой аль поросятинкой, ну это другое: свинья, кроме щетины да поросят, ничего не дает: ни молока, ни сливок, ни творога, ни масла... Скотина безрогая, бесталанная!

Угорь – поганая рыба, змея. Простой народ не уважает угря, признавая в нем речную змею как по наружным ее признакам, так и по тому, что, будучи разрезан на куски, угорь обнаруживает движение в каждой отрезанной части точно так же, как змея, да и потому, наконец, что он живет в нечистой воде, кормится дрянью. Тогда, говорят, его есть можно, когда в семи городах рыбы нет, а на дворе *Масленица*. Точно так же не любят в Костромской губернии рыбу, похожую на налима, но немного красноватее в оттенках, которая зовется *пискун*, а народ в Ветлужском уезде называет ее позорным словом.

Уроды. В России людей-уродов в старину эксплуатировали в свою пользу все те, кто любил даром собирать с народа деньги, ничего не делая и собирая на урода добровольное пожертвование, питался до смерти урода или сам до смерти своей благодушествовал в жизни, пользуясь своей жертвой. Такими уродами, а также и калекami, равно изуродованными калекami искусственно, занимались

в старину ростовцы (Ярослав. губ.). Между тем якуты, по своим понятиям, почитают всех уродов не только из среды животных, но даже людей, исчадьями дьявола и стараются их уничтожить. Но у якутов вера составляет видоизменение ламайской веры. Между тем мы видим, что и китайцы, сохранившие веру ламайскую в ее чистоте, тоже уничтожают своих младенцев-уродов, что им даже не запрещено было бы, тогда как указом богдыхана запрещено истреблять зародышей во чреве матери.

Утопленник – жертва водяного или русалок. Простой народ говорит, что эти все утопленники не имели креста, купались или в полдень, или в полночь – самое опасное время, потому что русалки или водяной пуще всего в это время дебоширят. Говорят, утопленник сидит на дне реки, или вообще на дне другого какого резервуара, или бассейна на корточках, и как обмерший (по понятиям новейшего исследования науки) хватает неловких водолазов в охапку и тем затопляет их. Искусство нырков или водолазов в этом случае состоит в том, чтобы утопленников брать сзади и за волосы и с ними вместе подняться, то есть вынырнуть к берегу. По рассказам многих ловких водолазов, мастеров своего дела по части исследования русла рек, если они видели утопленника, то непременно в сидячем положении и на корточках, будь то женщина или мужчина. Но когда в утопленнике пузырь лопался, то женщина всплывала по течению реки на спине, а мужчина сверху спиною.

Уж, домашняя змея. Ужа считают неопасным змеем. Деревенские жители говорят, что он живет в южной России под полами жилых домов и выходит из-под полу в ту пору, когда маленькие ребятишки, сложа ножки, едят с молоком кашу. Случалось слышать рассказы такого рода: «Ребятенки молоко на полу хлебуют, а ужи в чашку к ним молоко пить залезают. Ребята как привычный к ужам народ, ужей то один, то другой ложкой – хлоп! Ну вот ужи опять и скрылись под пол, не ужалив детей». Мы не можем

сказать, где ужи вредны. По исследованиям Семашко, они безвредны... Народный говор следующий:¹ уж в сенокос и другую страдную пору, когда люди имеют отдых посреди поля или в лесах, ищет будто бы таких мест, где водятся ужи. Тут они рассчитывают места совершенно безопасными от вредных змей; есть поверье, что змея влезает в горло и сонному человеку представляется, будто он глотает что-то холодное. Как бы то ни было, но по суеверию, а может быть, и по убеждению народа, уж таких змей отгоняет. Народ спит безопасно от змей вредных, доверяясь гнезду ужей, что, по народному сказанию, и оправдывается. Уж отгоняет таких змей прочь и не отходит от человека; а иногда, вползши на грудь, лежит до тех пока, пока человек проснется. Когда кто на ужа наступит да если успеет сказать: ах! ненароком!, то уж не ужалит, вообще уж неядовитый змей; но некоторые, вероятно смешивая ужа с другими змеями, их считают ядовитыми; но, напротив, это полезные животные как истребители мышей, лягушек, птичек и проч. Говорят, что от ужаления ядовитой змеи стоит только окунуться в воду ранее ее.

Утопленник нечаянный – другое дело; но тот, кто нарочно утопился, по-старинному поминать на молитве за упокой считалось за грех для поминающего. Говорят, что вынутого из воды утопленника нужно непременно откачивать, но не класть на землю: если положить на землю замершего, то он непременно умрет, несмотря на разного рода растирания щетками, щекотания и прочее. Но медицина отрицает откачивание на бочках, на руках, на коврах.

У камчадалов почитается за грех извлечь утопающего: у них есть убеждение, что кто вытащит утопающего из воды, тот сам утонет; тоже освободить занесенного в дороге – считается за грех.

Уши горят. У кого горят уши, того где-нибудь в то время переговаривают, то есть подсмеивают; когда же

¹ Абевега русских суеверий.

в ушах звонит, то, загадав что-нибудь, спрашивают, в каком ухе звонит?

Филин. Эта птица в народе считается пагубною, потому что предвещает несчастье (будто бы), когда птица эта, прилетев на угол какого-нибудь дома, начнет кричать. Суеверные люди носят при себе ее когти, чтобы охранить себя от чародейства.

Фортуна. Фортуна, богиня счастья: ее повсюду изображают на шаре, с повязкою на глазах, держа в руках рог изобилия, из которого сыпались разные предметы.

Франкмасоны. Известное братство, существовавшее до начала нашего столетия в большой силе. Наши простолюдины про масон говорят вот какие странные вещи: тот, кто вступит в члены Франкмасонского ордена, тот неотступно должен исполнять все условия ордена, состоящие в том, чтобы не изменять его тайнам и не оставлять его для этой цели; будто бы вступающий должен дать рукописание своею кровью, а с него его же кровью пишут портрет и вешают на стене совета франкмасонской ложи. Если портрет почернеет, то, значит, вступивший изменил секте. Тогда стоит только одному из членов выстрелить в портрет, и оригинал его немедленно умрет в ту минуту, несмотря ни на какое расстояние. Тоже говорят, что, кто подслушает что-либо у франкмасонов тайно, тот оглохнет. В народе называли их фармазоны.

Чуранье, чураться, говорить «чур меня» — значит ограждать себя от предстоящей опасности, например, от дьявола, а иногда в играх. Чур у древних славян был богом, хранителем межей, полей, пашен и властителем над чертями. Поэтому-то его всегда как оберегателя призывали в крайней опасности и старались заручаться.

Юбка (примета). Если у замужней женщины при надевании юбка завернется, то это, по суеверию баб, считается, что в тот год та женщина родит.

Яйца (примета). Под наседку назначенные яйца не должно переносить чрез реку или канал, потому что оттого не будет цыплят, а нужно непременно в шапке переносить с места на место, чтобы куры были с мохнатыми ногами и с хохлами.

Ячмень на глазе – чирышек, если сядет на глазу, то чтобы он уничтожился, стоит только не в примету тому, кто его имеет, слегка плюнуть в больной глаз или поднести к больному глазу кукиш, говоря: *«Ячмень, ячмень! Вот тебе кукиш, что хочешь, то и купишь, купи себе топорок, секи себя поперек»* – и уверяют, что от этого болезнь скоро проходит.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРИМЕТЫ

Истари существуют приметы, освященные веками, которые передаются из века в век как заповедь. Эти приметы, основанные на климатических условиях, отчасти атмосферических и астрономических, приблизительно верны для средней полосы России. Мы будем руководствоваться в этом случае приметами, располагая их помесечно¹.

Январь. 5. Яркие звезды под Крещение породят белых ярок. **6.** На Крещение день теплый – будет хлеб темный. Если на воду идут (на Иордан) в туман – хлеба будет много. На Крещение метель – на Святой метель. Метет снег (в этот день) хлопьями – к урожаю. Звездная ночь – урожай на горох и ягоды. **8.** Коли на Омеляна (Емельяна) подует от Киева – лето грозно. **10.** На Григория Нисского иней на стогах – к мокрому году. **18.** На Афанасия Ломоноса – береги нос (морозы). Помело метлой на маслину – придет государыня метельная. В полдень солнце – весна ранняя. **22.** Тимофеевские морозы – ползимы. **24.** На Аксиныю Полузимницу

¹ Приметы эти взяты из календаря Алексея Алексеевича Гатцука.

дорогу переметет – корм подметет. Ведро – весна красная. Какова Аксинья, такова и весна.

Февраль. Февраль-бокогрей, воду подпустил, а март подберет. **2.** На Трифона звездно – весна поздняя. Сре-тенские морозы и оттепели. Какова погода на Сретенье, такова и весна. На Сретенье снежок – весной дожжок. Капель – урожай на пшеницу. От 3 до 11 – семь крутых утренников: три до Власия, четыре после Власия. **11.** Св. Власия – сшиби рог с зимы. Власьевские морозы. **15.** Ани-сима Овчарника, окликают звезды для плодородия овец. **28.** Василия Капельника.

Март. И март на нас садится (мороз). Ни в марте воды, ни в апреле – травы. Коли в марте снежок за доли-нами – урожай на огородину и ярицу. **1.** Пролетье, Авдо-тья Плющиха, подмочи порог. Пришли Евдокеи – мужику затеи. Евдокия весну сряжает. Красный день Евдокии – урожай на огурцы и грузди. Новичок на Евдокию с до-ждем – быть лету мокрому. На Евдокею снег – урожай; теплый ветер – лето мокрое; северно – холодное лето. С Евдокеи погоже – все лето пригоже. С Евдокеи ветры и вихри. Отколь ветер в Евдокеи, оттоль и во все лето. **2.** На Федота нанос – все сено снесешь (долго травы не будет). **4.** Герасима Грачевника. Коли грачи прямо на гнездо ле-тят – дружная весна. **9.** Сорок мучеников – сорок утрен-ников (впереди будет). **17.** Алексея – с гор вода. Каковы на Алексея Теплого ручьи – такова и пойма. **25.** Весна на Благовещение – много морозов впереди. На Благовещение дождь – родится рожь, мороз – урожай на грузди, гроза – к теплому лету и орехам, мокро – к грибам. Зимний путь кончается или за неделю – до Благовещения, или спустя неделю – после Благовещения.

Апрель. В апреле земля преет. Апрель с водою – май с травой. Апрель сипит да дует – тепло бабам сулит, а мужик глядит, что-то будет. **1.** Марья зажги снега, заиграй овраж-ки. Коли разлив – травы много. **5.** Пришел Федул – тепляк

раздул. **12.** Василья Парийского – весна землю парит. **15.** На св. Пуда – доставай пчел из-под спуда. **16.** Ирины – сей капусту на рассадниках. **18.** На Козьму – сей морковь и свеклу. **23.** Егорий с росой, Никола с травой, Егорий с теплом, Никола с кормом. Егорий с ношей, Никола с возом. Юрий запасает коров, Никола – коней. Коли на Юрия березовый лист в полушку, к Успенью клади хлеб в кадушку. Юрий (Георгий) весну начинает, а Илья лето кончает. На Юрия дождь – скоту легкий год, а гречи нерод. На Юрья роса – не надо овса; снег (крупа) – урожай на гречу. Мороз – будет просо, овес и гречи хороши. Ясно утро – ранний сев, ясный вечер – поздний сев. **30.** Теплый вечер и звездная ночь – к урожаю и ведрому (сухому) лету.

Май. Месяц май – коню сена дай; а сам на печь полежай. Коли в мае дождь – будет и рожь. Май холодный – год хлебородный. **1.** Коли на Еремея погоже – уборка хлеба пригоже. **2.** Борис – соловьиный день. На Бориса – сам боронися. Борис и Глеб – сеют хлеб. **5.** Ирины Рассадницы. **6.** Иова Горошника, росенника, большая роса – к урожаю огурцов. **8.** Ивана Пшенишника. **9.** Николая вешний – праздник конюхов. Лягушка квачет – овес скачет. Сади картофель. **11.** На Мокия мокро или туманно – все лето мокро. Восток солнца багряный – все лето грозное. **13.** Лукерьи Комарницы. **14.** Прошли Сидоры – прошли сиверы. **15.** На Пахомия Бокотрея поздний овес и пшеницы. Пришел Пахом – понесло теплом. **18.** Семь дев сеют лен. Пришел Федот – берется земля за свой род. Коли на Федота на дубу макушка с опушкой – будешь мерить овес кадушкой. **19.** На Ивана Долгого – сажай огурцы. **21.** На Олену – сей лен, ярицу, гречу, ячмень, сей огурцы. **23.** Леонтия Огуречника. **26.** С Иванова дня пошли медвяные косы. **29.** Феодосии Колосяницы.

Июнь. Конец полетья – начало лета. **1.** Красно утро на Устина – красный налив ржи. Дождливый и пасмурный день – урожай на лен и коноплю. **3.** На Луку полуденный ве-

тер – к урожаю яровых; северо-западный – к сырому лету; восточный – к поветриям. На Троицкой недели дождь – много грибов. **8.** Гроза на Федора летнего – плохая уборка сена. **12.** Петра Солнцеворота, Капустника. Солнце на зиму – лето на жары. **13.** Акулины Гречишницы (гречиху сеют на неделю до Акулины либо за неделю после). **23.** Акулины Купальницы. **24.** Ивана Купала – 1-й покос. До Иванова дня просите детки дождя у Бога, а после Ивана я сам упрошу. Сильная роса на Ивана – к огурцам. **27.** На Самсона Сеногноя дождь – 7 недель дождь. **29.** С Петрова дня красное лето – зеленый покос. Зарница хлеб зорит, коли дождь на Петров день – сенокос мокрый. На Св. Петра день дождь – урожай недурной, два дождя – хороший, три – богатый.

Июль. Сенозарник, страдник. **1.** Начало покоса. Кузьма и Демьяны пришли – на покос пошли. **8.** Коли на Казанскую черница (черника ягода) поспела – поспела и рожь. Зажин ржи. **12.** Св. Прокла – от росы после промокло (великие росы). **19.** Коли на Макрину мокро – страда (полевая работа) ненастная. **20.** Илья жниво zaczynaet, лето кончаet. Начинаются утренники. На Ильин день до обеда – лето, после обеда – осень. До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина дня пуд навозу (значит хорошо сено скосить до Ильина дня, поспешить надо, а то гнить будет). **22.** На Марью – сильные росы – льны будут серы и косы. **25.** Коли утренник холодный, и зима холодна. **29.** Пронеси Господи Калинника морозом (туманом), а не морозом.

Август. Овсы да льны в августе смотри. **1.** Во что Макавеи, в то и разговенье. С первого Спаса хорошая роса. **3.** На Исакия вихри – к крутой зиме. **6.** Со второго Спаса начало засева озими. Пришел второй Спас, бери рукавицы про запас. (Значит, могут и руки озябнуть.) Осенины. **10.** Коли на Лаврентия вода тиха, осень будет тиха, а зима без вьюги. **15.** Оспожинки, обжинки. На Успенье огурцы солить; на Сергия капусту солить. **16.** Третий Спас хлебный. **15–29.** Молодое бабье лето. Сей озими до Фрола. **18.** Фрола

и Лавра – лошадиный праздник. Начало утренников. **23.** На Св. Луппа овес морозом лупит. Первые заморозки (лупенские). Коли брусника поспела – и овес дошел.

Сентябрь. Сентябрь заревник (Зарень). Много желудей – к теплой зиме и плодородному лету. **1.** В Семен день – севалка с плеч. Осенины, первая встреча осени. Бабье лето по Спасов день (8 числа). Бабий праздник и бабьи работы. Не постно оно, осень сухая. Много тенетника – осень ясная, зима холодная. **8.** Малая пречастая Пассиков и Луков день. Осенины. Вторая встреча осени. **11.** Всякому лету аминь. **14.** Воздвиженье – кафтан с плеч сдвигает, тулуп надевает. Начало капустных вечеров, или капустников. **15.** Никиты Гусепролета, Репореза. Стрижка овец. **18.** Коли журавли полетят, то будет на Покров мороз, а нет, то позже. **24.** Феклы Заревницы – замолотки. **27.** Савватия Пчельника.

Октябрь. Октябрь-грязник ни колеса, ни полоза не любит. Поздний листопад – на тяжелый год. Коли лист с дуба и березы упал чисто – легкий год, нечисто – к строгой зиме. Лист ложится наземь вверх изнанкой (мохнатой стороной) – к урожаю. Добрая отава – к озими. Первый снег за сорок дней до зимы. Ива рано инеем покрылась – к долгой весне. **1.** Покров – первое позимье. Ветер с востока – зима холодная. Не покрыт Покров снегом – не покроет и Рождество. **7.** С Сергия зима начинается. С Матрены (1 ноября), через четыре седмицы, становится. **9.** Иаков Брат Господень, крупицу пошлет. **14.** На Грязниху порошиху – грязь. 4 Селины до зимы. **28.** Прасковьи Льянницы. **29.** Авраамия Печерника, Настасьи Стригольницы.

Ноябрь. Снегу надует – хлеб придует, вода разольется – сена наберется. Мокрый снег на озимь – тот же наземь. Без воды зима не станет. Первый прочный снег в ночи и на мокрую землю. Коли лед на реке становится горами – будут хлеба груды. **1.** Козьма, Демьян с мостом – Никола с гвоздем. Козьма, Демьян закует, Михайла раскует. **8.** Михайла с полумостом. Коли на Михаила закует – на Николу

раскует. **9.** С Матрены зима встает на ноги. **11.** Феодор Студит, землю студит. **12.** Коли дождь – то оттепели до Введения. **15.** Гурий на пегой кобыле (грязь и снег). **16.** На Матвея земля преет. **21.** Введение ломает леденье. Введенские оттепели. Введенские морозы зиму не ставят. **26.** Юрий с мостом, а Никола с гвоздем.

Декабрь. Большой иней, бугры снега, глубоко промерзлая земля – к урожаю. Коли снег привалит вплоть к заборам – плохое лето; коли есть промежуток – урожайное. **4.** Трещит Варюха – береги нос да ухо! (Мороз). Варвара мостит, Савва вострит (или салит), а Никола гвоздит. Коли в Николин день след замечает – дороге не стоять. **9.** Опока на деревьях – к урожаю. **12.** Спиридона Солнцеворота. Солнце на лето – зима на мороз. **16–17.** Иней – теплые Святки. Коли на Агея сильный мороз, то он простоит до Крещения. **24.** Какова опока на деревьях, таков будет цвет на хлебе. **25.** Ясный день – к урожаю. Небо звездисто – к большому приплоду скота, к ягодам и гороху. Тропинки черны – к урожаю гречи.

Народные приметы

По солнцу и облакам. Солнце с красною зарею заходит, а со светлою восходит – к ведру и ясному дню. Красная вечерняя заря – к ветру. В тучу, темное облако садится – к дождю. В тумане – тоже. Сильно при закате сияет – к большому ветру. Тупые и редки лучи солнца при закате или восходе – к дождю.

Светлое облако пред восходом солнца – хороший день. Темноватое – пасмурный или дождливый. Меняющее цвета облако – к дождю. Красные облака – к дождю. При полудневном ветре – к порывистому ветру и непогоде. Если же при этом лучи солнца темнеют, то ожидай грозы. Кучею облака при восходящем солнце – к переменной погоде. Из темного облака солнце появляется с большим жаром – к

грозе. Солнце парит и тишина в воздухе – к большой грозе и дождю. Красного цвета солнце на восходе – к большому ветру. Солнце в тумане – к дождю. Различного цвета лучи восходящего солнца – к пасмурной или к дождливой погоде. То же предвещает желтый, белый или зеленый восход солнца. Круг около солнца, не разделяющийся при исчезновении, – к доброй и сухой погоде. Если круг разорвется, то со стороны разрыва кольца будет ветер. Если круг темноватый зимою – предвещает стужу, летом – дождь и ветер. Круг зеленоватый или красноватый пред восходом или заходом солнца – дождь или ветер на несколько дней.

По луне. Если ветер в три дня обглядится, то весь месяц будет ветренный. Когда месяц родится вниз рогами (к югу), то зимою будет теплый, а летом жаркий месяц; когда рогами вверх, то зимою холодный, а летом ветренный. Рога к ветру, но нижний крутой, верхний отлогий, то первая половина месяца зимой холодная, летом ветренная; если же верхний рог круче, а нижний отложе, то та же примета на вторую половину месяца.

Рога луны остры и ярки – к ведру. Круты – к морозу. Отлоги рога – к ненастью. Тусклый месяц – к мокроти. Ясный – к суху. В синеве – к дождю; в красне – к ветру, с ушами – к морозу. Ясная, кругловатая луна зимой – к стуже, летом – к ведру. Кольцо вокруг луны – к ветру.

По звездам. Когда Млечный Путь светит, то будет хорошая погода. Когда же кажется, что звезды в нем словно бегут, то будет ветер. Черные круги около звезд – к дождю. Белые и красные – к ведру. Темные, зеленые и бледные круги – к дождю. Сильно блестят звезды летом – к жаре. Зимой – к морозу. Темнеют – к переменной погоде, ветру и грозе. Мало звезд видно – к пасмурной погоде и дождю; а откуда лучи звезд будут длиннее, оттуда будет ветер.

По воздушным явлениям. Гром зимой – к сильным ветрам. Пушистые инеи – к ведру. Вечерняя роса – к ведру. Туман падает (не поднимается) – к ведру, поднимается –

к ненастью. Высокая и круглая радуга – к ведру, полая и низкая – к ненастью. Большие дождевые пузыри – к ненастью и пушному дождю. Ранняя роса летом, а осенью иней – к ведру. Дым столбом – к морозу или к ведру. Когда дым без ветру бьет к земле, летом – к дождю, зимой – к снегу.

По животным. Скот ложится под кровлю – к ненастью, а на дворе – к ведру.

Свинья чешется – к теплу. Визжит – к ненастью; солону таскает – к буре.

Лошадь храпит – к ненастью, фырчит – к дождю, трясет головой и закидывает кверху – к ненастью.

Собака валяется – к ненастью. Траву ест – к дождю.

Кошка лижется – к ненастью. Кошка моется, лижет лапу – к ведру; морду хоронит – к морозу либо к ненастью; в печурку садится – к морозу, непогоде; скребет пол – к ветру и метели; стену дерет – к непогоде. Крепко спит – к теплу; лежит брюхом или рыльцем кверху – к теплу.

Дворовая птица ощипывается – к ненастью.

Курица на одной ноге стоит – к стуже. Наседка сажает под себя цыплят – к ненастью.

Ворона в кучу собираются – к ненастью, купаются – тоже; каркают стаями летом – к ненастью; зимой – к морозу.

Воробьи в пыли купаются или щебечут – к дождю. *Ласточки* низко летают – к дождю, а высоко – к ведру.

ЗАКЛИНАНИЯ, ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, МОЛИТВЫ, ПОДХОДЫ, ПРИГОВОРЫ И ПРОЧ.

Знахари, пользующиеся большой доверенностью в простом народе, употребляют заговоры и другие обряды только для того, чтобы прикрыть таинственностью свои действия; в сущности, врачебное искусство, которое по пре-

имуществу состоит в знании свойств некоторых трав. Народ же, по склонности своей к суеверию, допускает и даже с охотою верит этому шарлатанству, которое по времени сделалось преобладающим, так что в настоящее время ни один знахарь не приступит к лечению без заговора или какой-либо маскирующей действие обрядности. Обряды эти тут не имеют никакого значения в сущности, но много влияют на народ, пробуждая в нем веру в несомненность акта.

Допустив при лечении обряды, народ легко допустил знание знахарями таинственных слов, которые имеют силу осуществлять желаемое. Сила этого слова, по мнению народа, заключаются в самом слове и времени, когда оно произносится. Основываясь на этом, народ излечение болезней относит не к травам, а к словам и обрядам, сопровождающим лечение.

Принадлежности знахарства, употребляемые при лечении, ворожке, отдувании, нашептываниях и пр., следующие: печная глина, уголь, соль, зерна хлебные и проч. Принадлежности эти, как видно, сходны с принадлежностями колдунов, но они, по понятию народа, имеют особое значение: у первых соль, уголь и прочее, по влиянию злых духов, принимает в себя вредное начало для человека; у знахарей же, напротив, освященные силою слова, они служат на пользу; например, уголь употребляется для излечения от сглаза, соль от желудочных болезней и т. д.

Заговоры от истечения крови

1. Знахарь крепко сжимает указательным и большим пальцем рану и произносит до трех раз, отплеываясь после каждого раза, в правую сторону: «Дерн дерись, земля крепись, а ты, кровь, у раба (имярек) уймись», или же говорит так:

2. «На море Океане, на острове на Буяне, девица красным шелком шила; шить не стала, руда (кровь) перестала».

Эти слова тоже говорятся три раза, не переводя духа, а иначе кровотечение может усилиться¹.

3. **Чтобы не шла кровь из раны.** При порубе или при других случаях, когда кровотечение считается опасным, три раза наговаривают шепотом следующие слова и после каждого раза на рану сплевывают: «Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду из дверей в двери, из ворот в ворота; погляжу в чистое поле – едет из чистого поля богатырь, везет острую саблю на плече, сечет и рубит он по мертвому телу, не тече ни кровь, ни руда из энтова мертвого тела» (*Записал А. Шешенин в Кемском уезде*).

4. **Заговор от крови.** Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Доселева было при Агаряне царе, небо медно и земля железна, и не дала плоду от себя. Как утихнулись и ужаснулись реки и ручьи и малые источники, так бы утихнулась у раба Б. Н. кровь горячая, и щепота, и ломота, и много пособляешь всем моим словом, как ключ небо, а замок земля, аминь, аминь, аминь (*Записал помощ. миссионера Батракова в с. Ухтоострове, Холмогор. уез., Арх. губ.*).

5. **Заговор от пореза.** На море, на Океане, на острове на Буяне лежит бел, горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица, швея мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, руда желтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю, я раба (такого-то) от порезу. Булат прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань².

6. **От истечения крови.** В Мещовском уезде над обрезанным или порубленным местом знахари говорят три раза: «Летит ворон чрез Черное море, несет нитку шелковинку; ты, нитка, оборвись, а ты, кровь, уймись». После того каждый раз дуют на порезанное место (*Сообщено П. Евстигнеевым*³).

¹ См. Очерки поверий, преданий, примет и гаданий. Вор. губ., свящ. магистр Никонов.

² «Сказания рус. нар.» Сахарова. Спб., 1841. Т. I.

³ См. Таинств. чары. Изд. Леухина.

7. **Заговорить кровь.** Фу ты, Боже мой! Ни крови, ни раны – чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножом не секлось, ни топором, никаким инструментом и нет у раба Божия (имярек) ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли (*Доставил г. Никольский из гор. Мезени*)¹.

8. **Чтобы не шла кровь из раны.** Конь млад, человек стар. Ты, руда, стань, более не капь у раба Божия (имярек) (*Записано г. Шешениным в Кемском уезде*).

9. **Чтобы не шла кровь из раны.** Баба шла по дороге, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань (*Записал Шешенин в Камском уезде*).

10. **Если какой-либо человек посетит что-нибудь у себя, то заговаривать кровь, или щипоту.** Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле за воротами. В чистом поле стоит свят окиен-камень, на святом окиане-камне сидит красная девица с шелковой ниткой, рану зашивает, щип унимает и кровь заговаривает у раба Божия (имярек), и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, тем моим добрым словом ключ и замок отныне до веку, аминь. (*Наряд Устьпод. удельн. прав. о доставл. в арх. Удельн. конт. Этнограф. свед. 1847 г. по описи № 60.*)

1. **Заговор от недугов красной девицы, в болезни любовного молодца.** Ложилась спать я, раба Божия (такая-то), в темную вечернюю зорю, темным-темно; вставала я (такая-то) в красную утреннюю зорю, светлым-светло; умывалась свежю водою; утиралась белым платом. Пошла я из дверей до двери, из ворот в ворота, и шла путем дорогою, сухим сухопутьем, ко Окиан-морю, на свят остров; от Окиан-моря узрела и усмотрела, гляючи на восток красного солнышка в чисто поле, а во чистом поле узрела и усмотрела: стоит семибашенный дом, а в том семибашенном доме сидит красная девица, а сидит она на золотом стуле,

¹ См. Труды Этногр. отдела. 1878. Кн. V, вып. II.

сидит, уговаривает недуги, на коленях держит серебряное блюдечко, а на блюдечке лежат булатные ножички. Взошла я, раба (такая-то), в семибашенный дом, смирным смиреншенько, головой поклонилась, сердцем покорила и заговорила: К тебе я пришла, красна девица, с покорищем об рабе (таком-то), возьми ты, красна девица, с серебряного блюдечка булатные ножички в правую руку, обрежь ты у раба (такого-то) белую мякоть, ощибли его и оббери; скорби, недуги, уроки, пригороки, затяни кровавые раны, чистую и вечную своею пеленою. Защити его от всякого человека: от бабы ведуньи, от девки простоволосой, от мужика одноженца, от двоеженца, от троеженца, от черноволосого, от рыжеволосого; возьми ты, красная девица, в правую руку двенадцать ключей и замкни двенадцать замков, и опусти эти замки во Окиан-море, под Алатырь камень. А в воде белая рыбица ходит, и она бы те ключи подхватила и проглотила; а рыбаку белые рыбицы не поимывать, а ключей из рыбицы не вынимать, а замков не отпирывать. Недужился бы недуг у раба (такого-то), по сей день, по сей час, как вечерняя и утренняя заря станет потухать, так бы у моего друга милого всем бы недугам потухать, и чтобы недуг недужился по сей час, по мое крепкое слово, по его век («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I, изд. III. 1841).

2. *Заговор красной девицы, о сбережении в дороге поллюбовного молодца.* Ложилась спать я (такая-то) в темную вечернюю, поздним поздно; вставала я в красную утреннюю зарю раным рано; умывалась ключевою водою из горного студенца; утиралась белым платом родительским. Пошла я из дверей в двери, из ворот в ворота и вышла в чистое поле. В чистом поле охорошилась, на все четыре стороны поклонилась, на горюч камень Алатырь становилась, крепким словом заговорила, частыми звездами обтыкалась, темным облаком прикрывалась. Заговариваю я, раба (такая-то), своего поллюбовного молодца (такого-то) о сбережении в дороге; крепко-накрепко, на век, на всю жизнь. Кто из лугу

всю траву выщиплет и выест, из моря всю воду выпьет, и не взалкает, и тот бы мое слово не превозмог, мой заговор не расторг. Кто из злых людей его обзорочит и обпризорочит, и околдует, и испортит, у них бы тогда изо лба глаза выворотило в затылок; а моему полюбовному молодцу (такому-то) – путь и дороженька, доброе здоровье на разлуке моей. («Сказ. рус. нар.» Сахарова, там же.)

3. **Заговор на путь-дороженьку.** Еду я из поля в поле, в зеленые луга, в дальние места, по утренним и вечерним зарям; умываюсь дялянью росую, утираюсь, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами. Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет *одолень-трава*. Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя девки простоволосые, бабы самокрутки¹. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили, отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды. Иду я с тобою, *одолень-трава*, к Океан-морю, к реке Иордану, а в Океане-море, в реке Иордане лежит бел горяч камень Алатырь. Как он крепко лежит предо мною, так бы у злых людей язык не повернулся, руки не поднимались, а лежать бы им крепко, как лежит бел горяч камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень-трава, у ретивого сердца, во всем пути, во всей дороженьке. («Сказ. рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841.)

Заговоры о тоске

1. **Заговор от тоски.** На море на Кияне, на острове на Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким сидит раб Божий (имя), тоскуя, кручинится в тоске неведомой и в грусти недознаемой, в кручине недосказанной. Идут

¹ Самокрутками называют девушек, вышедших замуж без согласия и благословения родителей.

8 старцев со старцем незваных, непрошенных; гой ты, еси раб Божий (имя), со утра до вечера кручинный ты, что, почто сидишь такой на полой поляне, на острове Буяне, на море Кияне! И рече раб Божий (имя) 8 старцам со старцем: нашла беда среди околицы, залегла в ретиво сердце; щемит, болит головушка, не мил свет ясный, постыла вся родушка. Воззовиши всем старцем со старцем грозным грозно, начали ломать тоску, бросать тоску за околицу, кидма кидалась тоска, от востока до запада, от реки до моря, от дороги до перепутья, от села до погоста; нигде тоску не приняли, нигде тоску не укрыли; кинулась на остров на Буян, на море на Океан, под дуб мокрецкий. Заговариваю я раба (имя) от наносной тоски, по сей день, по сей час, по сию минуту, слово мое никто не превозможет ни аером¹, ни духом. (*Из рукописи Г. Д. Книголюбова.*)

2. Заговор матери от тоски по родном сыне. Разрыдалась я родная, раба (такая-то), в высоком тереме родительском с красной утренней зари, во чисто поля глядячи, на закат ненаглядного дитятки, своего ясного солнышка (такого-то). Досидела я до поздней вечерней ночи, до сырой росы, в тоске, в беде. Не взмилосось мне крушить себя, а придумалось мне заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала плат венчальный, почерпнула воды из загорного студенца; стала я среди леса дремучего, очертилась чертою прозорочною и возговорила зычным голосом: Заговаривая я своего ненаглядного дитятку (такого-то) над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечою обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные, освещаю свечою обручальною его становой кафтан, его осанку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его по-

¹ Аером – воздухом.

ступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее ярого воска, крепче камня горячего, Алатыря. Отвожу я от тебя: черта страшного, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы Киевской, от злой сестры ее Муромской, от моргуньи русалки, от треклятой бабы-яги, от летучего змея огненного, отмахиваю от ворона вещего, от вороны каркуньи, защищаю от кашея ядуна, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи, а будь ты, мое дитятко, моим словом крепким в ночи и в полунощи, в часу и в получасьи, в пути и дороженьке, во сне и наяву укрыт от силы вражьей, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасной, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от сгорания. А придет час твой смертный и ты вспомани, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный; обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распрощись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным. А будь мое слово сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепче горячего камня Алатыря, могучее богатыря. А кто вздумает моего дитятко обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратские, в бездны преисподние, в смолу кипучую, в жар палючий. А будут его чары, морочанье его – не в морочанье, узорочание его – не в узорочание. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. Рус. чернокнижие. С. 19.*)

3. Заговор матери в наносной тоске своей дитятки. На море на Океане, на острове на Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким, сидит девица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится, во тоске неведомой, во грусти недознаемой, во кручине недосказанной; идут семь старцев с старцем, незваных, непростенных. Гой, ты еси девица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, по-

что сидишь на полой поляне, на острове на Буяне, на море на Океане? И рече девица семи старцам со старцем: нашла беда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемит, болит головушка, не мил и свет ясный, постыла вся родушка. Возопиша семь старцев со старцем грозным-грозно, учили ломать тоску за околицу; кидма кидалась тоска от востока до запада, от реки до моря, от реки до перепутья, от села до погоста, и нигде тоску не укрыли; кинулась тоска на остров на Буян, на море на Океан, под дуб мокрецкий. Заговаривая я, родная матушка (такая-то), свою ненаглядную дитятку (такую-то) от наносной тоски по сей день, по сей час, по сию минуту. Слово мое никто не превозможет ни аером, ни духом. (*«Сказания рус. народ.» Сахарова. Том I. 1841.*)

4. *Заговор красной девицы от тоски.* От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, от пути до перепутья, пролегала путь-дороженька, всем дорогам старшая и большая, по той дорожке шли дщери Иродовы, несли во руках пруты ивовы, а шли они в мир кости сушить, тело знобить, недугами мучить. От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, на путях и перепутьях вырастала травушка с муравушкой, на той травушке со муравушкой сидела тоска со кручиной, а сидели они да подумывали: как бы людей крушить, сердца щемить, света не возлюбить.

От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, среди белокаменной Москвы стоит терем боярский, в том тереме боярском сидит во тоске красная девица по незнаемой беде.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути по дороженьке на мир кости знобить, тело сушить, людей мучить, а идите вы во чисто поле на травушку со муравушкой, что на ту травушку, где сидит тоска со кручиной, и велите вы тоске со кручиной, чтобы они изгнали из ретива сердца красной девицы, у рабе (такой-то), наносную тоску, а не покорится вам тоска, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю сим моим заговором крепко-накрепко; а кто мой заго-

вор возодолеет, и ему провалиться сквозь тартарары. («Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.)

5. **Заговор от стени, задумчивости и от тоски и печали.** Крест, крестом крест, человек родися, крест водрузися и сатана связася, Бог прославися, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь (напиши крест † и в нем сии слова и повесь на крест).

ЗАГОВОРЫ ВОИНСКИЕ

1. **Заговор от пищалей и стрел.** За дальними горами есть Океан-море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит столб от земли до неба, от востока до запада, завещает и заповедывает тот пастух своим детям: железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоке, свинцу, олову, серебру, золоту, камням, пищалям и стрелам, борцам и кулачным бойцам большой завет: Подите вы, железо, камни и свинец, в свою мать землю от раба (такого-то), а дерево к берегу, а перья в птицу, а птицу в небо, а клей в рыбу, а рыба в море, сокройтесь от раба (такого-то), а велит он ножу, топору, рогатине, кинжалу, пищалям, стрелам, борцам быть тихим и смирным. А велит он не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу из пищали, а велит схватить у луков тетивы и бросить стрелы в землю. А будет мое тело крепче камня, тверже булату, платье и колпак крепче панциря и кольчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь. А как у замков смычи крепки, так мои словеса крепки. («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. См. Нар. пред. о чернокнижиш.)

2. **Заговор от ратных орудий.** Летел орел из-за Хвалынского моря, разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул громовую стрелу во сыру землю. И как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой

стрелы – полымя, и как выходила грозная туча, и как проливал сильный дождь, что им покорились и поклонились селитра, порох, смирным смирнехонько. Как дождь воды не пробил, так бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тело мое было бы крепче белого камня. И как от воды камни отпрядывают и пузыри отскакивают, так бы от ратных орудий прыдали от меня стрелы и порох-селитра. Слово мое крепко! (*«Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.*)

3. Заговор от пуль свинцовых, медных, каменных. В высоком терему в понизовском, за рекою Волгою, стоит красная девица, стоит, покрашается, добрым людям похваляется, ратным делом красуется. В правой руке держит пули свинцовые, в левой медные, а в ногах каменные. Ты, красная девица, отбери ружья: турецкие, татарские, немецкие, черкесские, мордовские, всяких языков и супостатов¹, заколоти ты своею, невидимою рукою ружья врагии. Будет ли стрелять из ружья, и их пули были бы не в пули; а пошли ты эти пули во сыру землю, во чисто поле. А был бы я на войне невредим, и мой конь был бы цел и невредим; а была бы моя одежда крепче панциря. Замыкаю мои приговорные словеса замком; и ключ кидаю в Океан-море под горяч камень Алатырь. Как морю не усыхать, камня не видать, ключей не доставать, так меня пулям не убивать до моего живота, по конец века. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.*)

4. Заговор на железо, уклад, сталь, медь. Мать сыра земля, ты мать всякому железу, а ты, железо, поди в свою мать землю, а ты, древо, поди в свою мать древо, а вы, перья, подите в свою мать птицу, а птица полети в небо, а клей побегу в рыбу, а рыба поплыви в море; а мне бы, рабу (такому-то), было бы просторно по всей земле. Железо, уклад, сталь, медь, на меня не ходите бороться ушми и

¹ Супостат – от слова супоставленный, супротив поставленный, супротивный, то есть – враг, неприятель.

боками. Как метелица не может прямо лететь, так бы всем вам немочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня и приставать ко мне и моему коню. Как у мельницы жернова вертятся, так бы железо, уклад, сталь и медь вертелись бы кругом меня, а в меня не попадали. А тело бы мое было от вас не окровавлено, душа не осквернена. А будет мой приговор крепок и долог. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.*)

5. **Заговор ратного человека, идущего на войну.** Выкатило красное солнышко из-за моря Хвалынского, выходил месяц из-под синя неба, собирались облака издалека, собирались сизы птицы во град каменный, а в том граде каменном породила меня мать родная (такая-то), а рожая, приговаривала: будь ты, мое дитяtko, цел и невредим, от пушек, пищалей, стрел, борцов, кулачных бойцов: бойцам тебя не требовать, ратным орудиям не побивать, рогатиною и копьем не колоть, топором и бердышом не сечь, обухом тебя бить – не убить, ножом не уязвить, старожилым людям в обман не вводить, молодым парням ничем не вредить, а быть тебе перед ним соколом, а им дроздами. А будь твое тело крепче камня, рубаха крепче железа, грудь крепче камня Алатыря; а будь ты: в доме добрым отцом, во поле молодцом, в рати удалцом, в миру на любованье, в брачном пиру без малого ухищренья, с отцом с матерью во миру, с женою во ладу, с детьми во согласии. Заговариваю я свой заговор матерним заповеданьем; а быть ему во всем, как указано, во веки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговор всему – превозмог. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.*)

6. **Заговор ратного человека, идущего на войну.** Выхожу я во чистое поле, сажусь на зеленый луг, во зеленом лугу есть зелья могучие, а в них сила видима-невидимая. Срываю три былинки: белые, черные, красные. Красную былинку метать буду за Океан-море, на остров на Буян, под меч-кладенец; черную былинку покачу под черного

ворона, того ворона, что свил гнездо на семи дубах, а во гнезде лежит уздечка браная с коня богатырского; белую былинку заткну за пояс узорчатый, а в поясе узорчатом зашит, завит колчан с каленой стрелой, с дедовской, татарской. Красная былинка притащит мне меч-кладенец, черная былинка достанет уздечку браную, белая былинка откроет колчан с каменной стрелой. С тем мечом отобью силу чужеземную, с той уздечкой обратю коня ярого, с тем колчаном, со каленой стрелой разобью врага супостата. Заговариваю я ратного человека (такого-то) на войну с сим заговором. Мой заговор крепок, как камень Алатырь. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.*)

7. Заговор ратного человек, идущего на войну. Под морем под Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем огненным лежит семипудовый ключ от княжева терема Володиминова, а во княжем тереме Володиминовом сокрыта сбруя богатырская, богатырей Новгородских, соратников молодеческих. По Волге широкой, по крутым берегам, плывет лебедь княжая со двора княжего. Поймаю я ту лебедь, поймаю я ту лебедь, схватаю. Ты, лебедь, полети к морю Хвалынскому, заключи змея огненного, достань ключ семипудовый, что ключ от княжего терема, терема Володиминова. Не моим крыльям долетать до моря Хвалынского, не моей мочи расклевать змея огненного, не моим ногам дотащить семипудовый ключ. Есть на море на Океане, на острове на Буяне ворон, всем воронам старший брат; он долетит до моря до Хвалынского, заключит змея огненного, притащит ключ семипудовый; а ворон посажен злою ведьмою Киевскою. Во лесу стоячем, во сыром бору стоит избушка, не шитая, не крытая, а в избушке живет злая ведьма Киевская. Пойду ль я в лес стоячий, в бор дремучий, взойду ли я в избушку ко злой ведьме Киевской. Ты, злая ведьма Киевская: вели своему ворону слетать под море Хвалынское, в медный дом, заклевать

змея огненного, достать семипудовый ключ. Заупрямилась, закорачилась злая ведьма Киевская о своем вороне. Не моей старости бродить до моря до Океана, до острова до Буяна, до черного ворона. Прикажи ты моим словом заповедным достать ворону тот семипудовый ключ. Разбил ворон медный дом, заклевал змея огненного, достал семипудовый ключ. Отпираю я тем ключом княжий терем Володимиров, достаю сбрую богатырскую, богатырей Новгородских, соратников молодеческих. В той сбруе не убьют меня ни пищали, ни стрелы, ни бойцы, ни борцы, ни казанская, ни татарская рать. Заговариваю я раба (такого-то) ратного человека, идущего на войну сим моим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец! (*«Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.*)

8. *Заговор ратного человека, идущего на войну.* На море на Океане, на острове на Буяне, сидит добрый молодец, по неволе заточен. К тебе я прихожу, добрый молодец, с покорищем. Выдают меня родные братья во княжью рать, одинокого, неженатого, а во княжьей рати мне по добру не жити. Заговори меня своим молодеческим словом. Рад бы стоять в поле за тебя, горького сиротину, да крепка моя неволя, да горька моя истомы. Заговариваю я раба (такого-то) идти на войну во всем потому, как заповедал мне родной отец. А будешь ты ратным человеком, ино будь сбережен: от топора, от бердыша, от пищали, от татарские пики, от красного булата, от борца, единоборца, от бойца врагасупостата, от всей поганой, татарской силы, от казанской рати, от литовских богатырей, от черных Божиих людей, от бабьих зазор, от хитрой немочи, от всех недугов. И будет тебе топор, не в топор, бердыш не в бердыш, пищаль не в пищаль, татарская пика не в пику, поганая татарская сила не в силу, казанская рать не в рать, черные Божии люди не в люди, бабки зазоры не в зазоры, богатыри не в богатыри, недуги не в недуги. Кручусь, верчусь от топов, бердышей, пищалей, пик, бойцов, борцов, татарской

силы, казанской рати, черных Божиих людей. Отмахнусь по сей век, по сей час, по сей день. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова, там же.*)

9. Заговор ратного человека, идущего на войну.

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной водой, утрюсь сырой землей, завалюсь за каменной стеной, Кремлевской. Ты, стена Кремлевская! Бей врагов супостатов, дюжих татар, злых татарчонков, а был бы я из нее цел, невредим. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой земле, во стану ратном; а в стану ратном есть могучи богатыри княжей породы, из дальних стран, со ратной русской земли. Вы богатыри могучи, перебейте татар, полоните всю татарскую землю; а я был бы из-за вас цел и невредим. Иду я во кровавую рать татарскую, бью врагов и супостатов; а был бы я цел и невредим. Вы, раны тяжелые, не боите; вы, раны бойцов, меня не губите, вы, пищали, меня не делятерите, а был бы я цел и невредим. Заговариваю я (раба такого-то) ратного человека, идущего на войну, сим моим крепким наговором. Чур слову конец, моему делу венец! (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I.*)

10. Заговоры ратного человека, идущего на войну.

Завяжу я, раб (такой-то), по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замените все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия. И стрельцы бы из пищалей не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча, сила могуча змеиная сокрыта, от змея двенадцятиглавого, того змия страшного, что прилетел со Океан-моря, со острова Буяна, со медного дома, того змия, что убит двенадцатью богатырями под двенадцатью дубами; в моих узлах защиты моей мачехою змеинные головы. Заговариваю я раба (такого-то), ратного человека, идущего на войну, моим крепким заговором, крепко-накрепко. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I.*)

ЗАГОВОРЫ ЛЮБОВНЫЕ

1. *Заговор молодца на любовь красной девицы.* На море на Океане, на острове Буяне лежит тоска; бьется тоска, убивается тоска, с доски в воду, из воды в полымя, из полымя выбегал сатанина, кричит: «Павушка Романея, беги поскорее, дуй рабе (такой-то) в губы, в зубы в ее кости и пакости, в ее тело белое, в ее сердце ретивое, в ее печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякий час, всякую минуту, по полудням, по полуночам; ела бы не заела, пила бы не запила, спала бы, на заспала, а все бы тосковала, чтоб я ей был лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цепями, бросаю ключи в Океан море, под бел горюч камень Алатырь. Кто мудреней меня взыщется, кто перетаскает песок из всего моря, тот отгонит тоску». («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. 1841.)

2. *Заговор для любви.* Исполнена еси земля дивности. Как на море, на Океане, на острове на Буяне есть горюч камень Алатырь, на том камне устроена огнепалимая баня; в той бане лежит разжигаемая доска, на той доске тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка, оттуда чрез все пути и дороги и перепутья, воздухом и аером. Мечитесь, тоски, киньтесь, тоски, в буйную ее голову, в тыл, в лик, в ясные очи, в сахарные уста, в ретиво сердце, в ее ум и разум, в волю и хотенье, во все ее тело белое, и во всю кровь горячую, и во все кости, и во все суставы, в 70 суставов, полусуставов и подсуставов; и во все ее жилы, в 70 жил, полужил и пожилков, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала во всяк день, во всяк час, во всякое время; нигде б пробыть не могла, как рыба без воды. Кидалась бы, бросалась бы из окошка в окошко,

из дверей в двери, из ворот в ворота, на все пути и дороги, и перепутья с трепетом, туженьем, с плачем и рыданием, зело спешно шла бы и рыдала и пробить без того ни минуты не могла. Думала б об нем не задумала, спала б не заспала, ела бы не заела, пила б не запила и не боялась бы ничего, чтоб он ей казался милее свету белого, милее солнца пресветлого, милее луны прекрасные, милее всех, и даже милее сна своего во всякое на молоду, под полн, на перекрое и на исходе месяца. Сие слово есть утверждение и укрепление, им же утверждается и укрепляется, и замыкается. Аще ли кто от человек, кроме меня, покусится отмыкать страх сей, то буди, яко червь в свинце ореховом. И ничем, ни аером, ни воздухом, ни бурюю, ни водою дело сие не отмыкается. («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. 1841.)

3. Заговор полюбовного молодца на любовь красной девицы. За морем, за Хвалынским, во медном городе, во железном тереме сидит добрый молодец, заточен во неволе, закован в семьдесят семь цепей, за семьдесят семь дверей, а двери заперты семьюдесятью замками, семьюдесятью крюками. Никто добра молодца из неволи не ослобонит, никто добра молодца досыта не накормит, допьяна не напоит. Приходила к нему родная матушка (такая-то) во слезах горючих, поила молодца сытой медовой, кормила молодца белоснеговой крупой, а, кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свываться бы молодцу с буйными ветрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрелу по поднебесью, не стрелять бы во белых лебедей, что лебедей княжих, не доставать бы молодцу меч-кладенец врагасупостата; а жить бы молодцу во терему родительском, со отцом, со матерью, с родом-племенем. Уж как возговорит добрый молодец: не чисто поле меня сгубило, не буйны ветры занесли на чужую добычу, не каленой стрелой доставал я белых лебедей, не мечом-кладенцом хотел я достать

врагов-супостатов, а сгубила молодца воля молодецкая, во князем терму над девицей красной (такой-то). Заговариваю я, родная матушка (такая-то), полюбовного молодца (такого-то) на любовь красной девицы (такой-то). Вы, ветры буйные, распорите ее белу грудь, откройте ее ретиво сердце, навейте тоску со кручиною; чтобы она тосковала и горевала; чтобы он ей был милее своего лица, светлее ясного дня, краше роду-племени, приветливее отца с матерью; чтобы он казался во сне и наяву, в день и полдень, в ночь и полночь; чтобы он ей был во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по нем, и без него бы радости не видала, утех не находила. Кто камень Алатырь изложет, тот мой заговор превозможет. Моему слову конец на любовь красной девицы (такой-то). (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. 1841.*)

4. **Заговор на любовь.** На море на Океане есть бел горюч (светящийся) камень Алатырь, никем неведомый, под тем камнем сокрыта сила могуча, и силы нет конца. Выпускаю я силу могучу (на такую-то) красную девицу; сажаю я силу могучу во все суставы, полусуставы, во все кости и полукости, во все жилы и полужилы, в ее очи ясны, в ее щеки румяны, в ее белу грудь, в ее ретиво сердце, в утробу, в ее руки и ноги. Будь ты, сила могуча, в (такой-то) красной девице неисходно; а жги ты, сила могуча, ее кровь горячую, ее сердце кипучее на любовь к (такому-то) полюбовному молодцу. А была бы красная девица (такая-то) во всем послушна полюбовному молодцу (такому-то) по всю его жизнь. Ничем бы красна девица не могла отговориться ни заговором, ни приговором, и не мог бы ни стар человек, ни млад отговорить ее своим словом. Слово мое крепко, как бел горюч камень Алатырь. Кто из моря всю воду выпьет, кто из поля всю траву выщиплет, и тому мой заговор не превозмочь, силу могучу не увлечь.

5. **Как приворотить девку.** Наговор на прянике. Истопи баню жарко и войди в нее; когда взопреешь, возьми чи-

стую тряпицу, сотри пот и выжми тряпицу на пряник. Когда станешь пот стирать, тогда глаголи трижды сей заговор.

На море на Океане, на острове на Буяне стояло древо; на том древе сидело семьдесят, как одна птица; эти птицы щипали вети (ветви), эти вети бросали на землю; эти вети подбирали бесы и приносили к Сатане Сатановичу. Уж ты худ бес! Кланяюсь я тебе и поклоняюсь, – сослужи мне службы и сделай дружбу: зажги сердце (имярек) по мне (имярек) и зажги все печенья и легкое, и все суставы по мне (имярек), буди мое слово крепко, крепче трех булатов во веки! (*Вели пряник съесть.*)¹

6. Наговор на любовь на пряник. Взойди в баню и глаголи трижды со вниманием: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь. На море на Океане, на острове на Буяне, на реке Ярдане, стояла гробница, во той гробнице лежала девица. Раба Божия (имярек)! Встань, пробудись, в цветно платье нарядись, бери кремь и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабе Божию (имярек), и так зажигай крепко, и дайся по рабе Божию (имярек) в тоску, в печаль, как удавленному (удавленнику) в петле, так бы рабе Божией (имярек) было бы тошно по рабе Божию (имярек). Как утопшему в море, так бы рабе Божией (имярек) было бы тошно по рабе Божию (имярек), как душа с телом расстается во веки, аминь. Утверждаю Иисусом Христом и Пресвятою Госпожою Богородицею, и всею небесною силою, вовеки, аминь. Всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Отца – аминь, Сына – аминь, Святаго Духа – аминь. (*Дай пряник съесть.*)²

7. Заговор на любовь девушки³. лягу я, раб Божий (имярек), помолясь, и встану, перекрестясь, и пойду я из

¹ Народные заговоры, собр. Афанасьевым. См. Летопись русской литературы. 1862.

² Там же.

³ Там же.

дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, под чистые звезды, под лунь (луну) Господень. И лежат три дороги: и не пойду не направо, не налево; пойду по средней дороге, и та дорога лежит через темный лес. В темном лесу стоит древо тоски; тоскует и горюет тоска, печалуется (печалится), и поселяю я ту тоску в рабу Божию (имярек); взойди в ее белое тело и в ретиво сердце, и в русые косы, в кровь горячую – в руду кипучую, чтобы она по рабе Божию (имярек) тосковала, и все бы она обо мне думала; в питье бы она не запивала, в естве бы она не заедала, во сне бы она не засыпала, и завсегда бы она меня, раба Божия, на уме держала. Как солнцу и месяцу помехи нет, так бы и моему заговору помехи не было. Аминь, аминь, аминь.

8. *Слова присушить девицу.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, выйду в чистое поле, в широкое раздолье; навстречу мне среди чистого поля и широкого раздолья семьдесят буйных ветров, семьдесят вихоров и семьдесят ветрович и семьдесят вихорович. Пошли они на святую Русь зеленого лесу ломать, и на поле из корени вон воротить, и пещеры каменные разжигать. И тут я, раб Божий (имярек), помолюсь им и поклонюсь: о вы, есте: 70 буйных ветров, 70 вихров, и 70 ветрович, и 70 вихорович. Не ходите вы на святую Русь зеленого лесу ломать, из корней вон воротить и пещеры каменные разжигать, подьте вы, разожгите у рабы Божией (имярек) белое тело, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы, и всю ее, чтобы она раба Божия (имярек) не могла бы ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, ни слова говорить, ни речи творить без меня раба, Божия (имярек). Как меня она, раба Божия (имярек), увидит или глас мой услышит, то бы радовалось ей (ее) белое тело, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы, и все у ней суставы веселились. И как ждет народ Божия владычного праздника Светлого Христова Воскресения и звону колокольного, так бы

она, раба Божия (имярек), дожидалась: на который день она меня ни увидит, или гласа моего ни услышит, так бы она сохла, как кошенная трава с поля; как не может быть рыба без воды, так бы не могла бы быть она без меня, раба Божия (имярек). Тем моим словам и речам ключевые слова: аминь, аминь, аминь. (*Из старинного рукоп. Сборника, полученного из с. Ваймуги Холмогор. уезда*¹.)

9. Присушить девицы на пряник. Молодой человек, желающий возбудить к себе любовь непреклонной девицы, идет к знахарю с просьбой присушить к нему ту, которая была к нему равнодушна.

Колдун вынимает пряник и, приняв таинственный вид, начинает, поводя глазами и расширяя по временам ноздри, заговаривать на этот пряник: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Стану я, раб Божий Н., благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, в чисто поле за дворами; взмолюся трем ветрам, трем братьям: Ветер Мовсей, ветер луна, ветер буйный вихорь! Дуйте и винтите по всему белому свету и по всему миру крещеному, распалите, разожгите и сведите рабыню Н. со мною, с рабом Божиим Н., душа с душою, тело с телом, плоть с плотью, хоть с хотью, не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лес, ни на землю, ни на скотину: в воду сроните – вода высохнет, на лес сроните – лес повянет; на землю сроните – земля сгорит; на скотину сроните – скотина посохнет. Снесите и донесите, вяжите и положите в рабицу Божию (имярек), в красную девицу, в белое тело, в ретивое сердце, в хоть и в плоть: чтобы красная девица не могла без меня, раба Божия (имярек), ни пить, ни быть, ни дневать, ни часа часовать; о мне, рабе Божиим (имярек), тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть в чистом поле сидит баба-сводница, у бабы-сводницы стоит печь кирпичная, в той печи кирпичной стоит кунган литр,

¹ Помещ. *Труды Этнограф. отдела*. См. книгу V. Вып. второй. 1878. При Москов. университете.

в том кунгане литре всякая вещь кипит, перекипает, горит, перегорает, сохнет и сосыхает. И так бы о мне, рабе Божиим Н., сердцем кипела, кровью горела, и не могла бы без меня, раба Божия Н., ни жить, ни быть, ни дня днєвать, ни часа часовать, ни питием отпитьсѧ, ни думьѧм отдуматьсѧ, и ни в парной бане отпаритьсѧ. Тем моим словом ключ и замок, аки ключ на церкви. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

Стану я, раб Божий Н., благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами в чистое поле на три ростани, помолюся я, раб Божий, трем братьям, трем ветрам: первый брат, ветер восточный, второй ветер – запад, третий ветер – север! Внесите тоску и сухоту в рабицу Божию Н., чтобы она о мне, рабе Божиим, сохла и тоскнула; не могла бы и дня днєвать, ни часа часовать, отныне и до века и вовеки, аминь, аминь, аминь!

Получив от колдуна пряник, молодой человек должен отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, то она – побеждена. (*Записано А. Харитоновым в Шенкурском уезде*¹.)

10. *На присушение*². Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь.

На Русской и на Немецкой земле есть огненный царь, высушил реки и озера, и мелкие источники, и как в нынешних ветрах (высушил), так бы сохла раба Божия Н. по рабу Божию Н. двадцати четырех часу денных и ночных на новце месяце и на перекрое месяце, и во вся меженны (промежуточные) дни; и не могла бы ни жить и ни быть, ни исть раба Божия Н. без меня раба Божия Н.: в семидесяти суставах и в семидесяти жилах, в подпятное жилие и в подколенном жилие, и в пространной жиле, в...³ и везде бы сохло и болело по мне, рабе Божиим Н. Еще есть в чистом поле стоит Фео-

¹ Там же.

² Там же. С. 140.

³ Известный Membrum.

клист, да все высохло; днем на солнце, а ночью при месяце и при частых звездах, и при частых дождиках в семидесяти суставах, и в семидесяти жилах, и в подколенном жилье, и в пространной жиле, в... и везде бы сохло у рабы Божией Н. Двадцать четыре часу ночных и дневных, на утренней заре, на вечерней заре, на новце месяце и на ветхи месяце, и на перекрое месяце, во вся меженные дни, не могла бы она, раба Божия Н., без меня, р. Б. Н., ни жить, ни быть. Есть в чистом поле печь медная, накладено дров дубовых, как от тех дров дубовых сколь жарко разгорается, и так бы разгорелось у рабы Б. Н. по мне, рабу Б. Н., 24 часу денных и ночных, на новце месяце и на ветху месяце, во вся меженные дни, не могла бы она, р. Б., без меня ни жить и ни быть. Всем моим словам ключ и замок, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль, или на пиво, или на пряник, или на вино. (*Списано со старинной рукописной тетрадки из Пинежского уезда г. Хромцовым.*)

11. **Присушить деву.** Выйду я на улицу, на Божий свет, посмотрю в чисто поле. В чистом поле есть 77 медных светлых каленых печей, на 77 на медных, на светлых каленых печах по 77 яги-баб, у тех 77 яги-баб есть по 77 дочерей, у тех у 77 дочерей есть по 77 клук и по 77 метел. Помолюся и покорюся я, р. Б. Н., этим яги-бабовым дочерям: ой еси! Вы яги-бабовы дочери, присушите и прилучите рабу Б. Н. к рабу Б. Н., метлами следы запашите, клуками заулучите, бейте, убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколенную жилу, бейте убивайте корекористый дуб, бейте убивайте медны калены печи. Коль горят пылко и жарко медные печи, так же бы раба Б. (имярек) пеклась и калилась во всякое время, во всяк час, утра рано, вечера поздно, о середке дня, о полуночи, о утренней заре и на вечерней, на нову и на ветху месяцу, и на перекрое месяце; не могла бы она, р. Б. Н., ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, во сне не засыпала, в питии не запивала, во еде не заедала, с добрыми людьми во беседы не засиживала, все меня, р. Б. Н., на

уме держала; и казался бы я, р. Б. Н., светлее светлого месяца, краснее красна солнышка, любе отца, матери, толще и матерей всего миру крещеного. Ветры ветерочки, буйны вихроцки, спущу я с вами свои слова, свою статью на свою сторону, где ее найдете, тут ее возьмите, – на широкой улице, во мшаной хоромине, во дверях, воротицках».

(Этот заговор, кажется незаконченный, списан со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовым из Пинежского уезда в Труды Этнографического отдела И. О. Л. Е. А. и Э. 1878.)

12. **На разжение сердца у девицы.** Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь, из избы не дворами, из двора не воротами, в чисто поле. В том поле есть Океан-море, в том море есть Алатырь-камень, на том камне стоит столб от земли до неба огненный, под тем столбом лежит змея жгуча, опалюча. Я той змее поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты змея! Не жги, не пали меня, полетай под восточную сторону, на высок терем, в новый покой (покой), пухову перину, шелкову подушку, к девице Н., разожги и распали у той девицы белое тело, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, все подпятные и занокотные жилы; чтобы она, девица Н., не могла ни жить, ни быть, часу часовать и минуты миновать; по утру вставала – обо мне бы вздыхала, пошла – ко мне бы Н., величала, ни с кем бы она думы не думала, мысел не мыслила, плоду не плодила, плодовых речей не говорила, ни с отцом бы, ни с матерью, ни с родом, ни с племенем, кроме меня, р. Б. Н., все бы она, девица Н., со мной, р. Б. Н., думу думала, мысли мыслила, плод плодила, плодовые мысли говорила, на ветху и на нову месяцу, и на перекрое месяцу. Будьте те мои слова недоговорены, переговорены, все сполна говорены, ключ сим словам в зубы, замок – в рот. *(Доставил в Труды Этнографического отдела 1878 г. П. А. Иванов из г. Пинеги.)*

13. **На разжение девичьего сердца.** Встану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы

дверями, из двора воротами, в чистое поле, погляжу и посмотрю по восточную сторону; под восточной стороной стоит есть три печи. Печка медна, печка железна, печка кирпична. Как они разожглись, распалились от неба до земли, разжигаются небо и земля и вся подвселенная, так бы разжигало у р. Б. (имярек) к рабу Божию (имярек) легкое и печень, и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, ни спать, ни лежать, все на уме меня держать. Недоговорены, переговорены, прострелите мои слова, пуше вострого ножа и рысего когтя. (*Записал помощник миссионера Батраков в с. Ухтострове*¹.)

14. **Слова, тоску напустить, присушить девок.** Четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида; подьте вы, сымайте тоску и великую печаль с гостей, с властей, со кручинных, но тюремных людей, солдат-новобранцев и с малых младенцев, которые титьку сосали и от матерей остались; наложите ту тоску и телесную сухоту, великую печаль на рабу Божию (имярек), чтобы она, раба Божия (имярек), без меня, раба Божия (имярек), не могла бы она ни жить, ни ходить, ни лежать, не спать, все по мне, рабе Божию (имярек), тосковать; тем словам и речам ключенные слова, аминь, аминь, аминь. (*Из старинного рукописного сборника, полученного из с. Ваймуги, Холмогорского уезда*².)

15. **Слова, тоску напускать.** Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, выйду в чистое поле; в чистом поле стоит изба, в избе из угла в угол лежит доска, на доске лежит тоска. Я той тоске, раб Божий (имярек), помолюся и поклонюся: о, сия тоска, не ходи ко мне, рабу Божию (имярек), поди, тоска, навались на красную девицу, в ясные очи, в черные

¹ См. Труды Этнограф. отд. Императорского Общ. люб. естествознания., этногр. и антропол. 1878. Кн. V. Том II.

² Пом. тут же.

брови, в ретивое сердце, разожги у ней, рабы Божией (имярек), ретивое сердце, кровь горячую по мне, рабе Божию (имярек), не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крепость, аминь, аминь. (*Из старого рукописного сборника с. Вайму-ги, Холмогорс. уезда.*)

16. **Навести тоску.** Встану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, стану на запад хребтом, на восток лицом, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба летит огненна стрела; той стреле помолюсь, покорюсь и спрошу ее: «Куда полетела огненная стрела?» – «Во темные леса, в зыбучие болота, во сырое коренье!» – «О, ты огненна стрела! Воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на Святой Руси красна девица (имярек), полетай ей в ретиво сердце, в черную печень, в горячую кровь, в становую жилу, в сахарные уста, в ясные очи, в черные брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнце, на утреней заре, при младом месяце, при вихре-холоде. На прибылых днях и на убылых днях, отныне и до века». (*Шенкурс. уезд.*)

17. **Присушать девок** (наговор на пищу и питье). Держится, сохнет, прочь не отходит. Как малый младенец от матери прочь не отходит, держится, сохнет по всякий час и на всякое время, как косяк косяка держится, прочь не отходит, так бы держалась раба Божия (имярек) крепко и плотно, прочь от меня, раба Божия (имярек), не отходила, держалась и сохла крепко; как двери от ободверины не отходят, держатся крепко, как печная доска от печи прочь не отходит, так бы не отходила раба Божия (имярек) от меня, раба Божия (имярек), сохла, горела, прочь не отходила во всякий час, во всякое время. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду в чистое поле, в чистом поле красное солнце греет и огревает сыроматерую землю; от красного солнца сохнет и обсыхает

роса медвяная, так бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы Божией (имярек) по мне, рабе Божию (имярек). Как красное солнце огревает сыроматерую землю, щиплется и колется, и сохнет, как хмель вьется и тянется по сыроматерой земли, так бы вилось и тянулось ретивое сердце по мне, рабе Божию (имярек), на всякий час, на всякое время. Пойду я, раб Божий, по зарю Марью, по зарю Маремьянию, ко Господню престолу, на Господнем престоле мати Мария и Маремьяния; приду я к тебе, раб Божий (имярек), низко помолюся и поклонюся, как на тебе нетленные ризы держатся, так бы держалась, раба Божия (имярек). Пойду я, раб Божий (имярек), подлесинье: есть в море ковыль щука, без воды не может ни жить, ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой час. Поди, та тоска, в семьдесят жил, в семьдесят суставов, во становые в две жилы, и в едину в попятную, и спиновую жилу. Тем моим словам ключ и замок. Брошу замок в морскую пучину, тем моим словам ключа не бывать и того замка не отпирать. Аминь, аминь, аминь. *(Из старинного рукописного сборника, полученного из с. Ваймуги, Холмогорского уезда.)*

18. **Наговор на присушение.** Как раб Божий Н. любит рабу Божию Н., так чтобы и раба Божия Н. не могла без него ни жить, ни пить, ни исть, и любила, и почитала его лучше отца и матери, белого месяца и красного ясна солнышка, веки по веки, отныне до веку, аминь. *(Доставил г. П. А. Иванов из г. Пинеги.)*

19. **Для присухи** (мужчины). Из светлого веника берется прут, который кладут на пороге двери, в которую пройдет тот, для кого назначена присуха. Как только перешагнет через прут, то (прут) убирается (положившими его) в такое место, где его никто не мог бы видеть. Потом прут берут и кладут в жарко натопленной бане на пол, приговаривая:

«Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб Божий такой-то». *(Доставил г. Никольский из Мезени.)*

20. *Старинное заклинание на любовь.* Стану отрок (имярек), не благословясь, пойду, не перекрестясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, и пойду в чисто поле. В чистом поле стоит и три, и два и один; бес Савва, бес Колдун, бес Асаул, и я сойдусь поближе, отрок (имярек), и поклонюсь пониже а... (вырвано несколько слов). В тридевять бесов три, два и одни бес Савва, бес Колдун и бес Асаул, и как вы служили Ироду царю, и так послужите мне, отроку (имярек), пойдите по городам и по уездам, и по деревням, избирайте тоску и сухоту, со зверей и с птицы, и с рыбы, и со всякого звания людей, и снесите ту тоску и сухоту в отроковицу (имярек), в ясные очи, в черные брови, в румяное лицо, в сахарные уста, в горячую кровь, в черную печень, в тридевять жил и в одну жилу, во становую, в подпятную... (оторвано), чтобы отроковица (имярек) не могла бы ни жить, ни быть, ни день по солнцу, ночью по месяцу. Как младенец без матерного молока жить не может, так бы жила отроковица (имярек); без воды жить не может ни днем, ни ночью, ни в которую пору. Есть в чистом поле, стоит дуб сорочинский, и под тем дубом сорочинским есть тридевять отроковиц, из-под того дуба сорочинского выходит Яга-баба и пожигает тридевять сажень дубовых дров и коль жарко, и коль ярко разгоралось тридевять сажень дубовых дров и столь жарко... (вырвано) разгоралась отроковица (имярек), разгорались ясные очи и черные брови, и румяное лицо, сахарные уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семьдесят жил и семьдесят суставов и семьдесят один сустав, чтобы отроковица (имярек) без отрока (имярек) не могла бы с себя тоски и сухоты снять, в парной бане париться, не могла бы в чистом поле разгуляться, и пресным молоком нахлебаться, ни сном отоспаться, в беседе не отсидеться. И тем моим словам ключи и замок, и замок замкну, и снесу замок в Океан-море под Латырь камень. *(Списан со старинной рукописи, доставленной из Пинежского уезда г. Хромцовым.)*

21. **На разожжение сердца у девицы.** Встану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст; а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца, и от матери, от роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце об мне, рабе (имярек). *(Заговор этот выписан из старинного дела бывшей Архангелогородской губернской канцелярии. Дело значитя по секретной описи под № 251 1734 г. и названо: Присланный Его Императорского Величества из С.-Петербургской канцелярии Тайных и Розыскных дел, указ Кехотской волости о крестьянине Трофиме Попове.)*

22. **Заговор на тоску добру молодцу по красной девице.** Стану я, раба (такая-то), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в двери, из двора в ворота, пойду в чистое поле, в подвосточную сторону, в подвосточной стороне стоит изба, среди избы лежит доска, под доской тоска. Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается, белый свет красное солнышко дожидается, радуется и веселится! Так меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не мог бы без меня ни жить, ни быть, ни пить, ни есть; ни младенец без материна молока, без материна чрева не может жить, так бы раб такой-то без рабы такой-то не мог бы жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни на утренней заре, ни на вечерней, ни в обыден, не в полдень, ни при частых звездах, ни при буйных ветрах, ни в день при солнце, ни в ночь при месяце. Впивайся, тоска, въедайся, тоска, в грудь, в сердце, во весь живот рабу такому-то, разрастись и разродись по всем жилам, по всем костям ноетой и сухотой по рабе такой-то. *(«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841.)*

23. **Напустить тоску парню** (по девице). Пойти в баню, после паренья стать на тот веник, которым парились и говорить:

Выйду из парной байны, стану своим белым бумажным телом на шелков веник; дуну и плюну в четыре ветра буйных. Попрошу из чиста поля четырех братьев, – четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети из чистого поля белый кречет, вострый нож и остро копье; садись белый кречет рабу Божию (имярек) на белы груди, на ретиво сердце, режь же его белы груди тем же вострым ножом, коли же его ретиво сердце тем же вострым копьем; вынимай из его ретива сердца, из черной печени и из всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети, белый кречет, понеси, белый кречет, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стуже не позноби, на ветре не посуши, на солнце по повянь; донеси всю тоску-кручину, всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божия (имярек), где бы его завидеть, где бы его слышать, хошь бы в чистом поле, хошь бы при расстанье великом, хошь бы при путях-дорогах, хошь бы в парной байне, хошь бы в светлой светлице, хошь бы за столами дубовыми, хошь бы за скатертями перчатными, хошь бы за кушаньями сахарными, хошь бы при мягкой постели, при высоком сголовье, хошь при крепком сну. Садись, белый кречет, на рабу Божию (имярек), на белы груди, на ретиво сердце, режь его белы груди тем же вострым ножом, коли его ретиво сердце тем же вострым копьем, клади в его белы груди, в ретиво сердце, в кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю вяноту великую во всю силу его могучую, в хоть и плоть его в семьдесят семь жил, в семьдесят семь суставов, в становой его сустав, во всю буйную голову, в лицо его белое, в брови черные, в уста сахарные, во всю красоту молодецкую. Раб бы Божий (имярек) чах бы чахотой, сох сухотой, вял вянотой, в день по солнцу, в ночь по месяцу на полну и на ветху, в перекрой месяцу, во все межные дни, в утрени и вечерни зори, на всякий час и минуту. Как май месяц мается, так бы раб Божий (имярек) за работой Божией ходил да маялся. Не мог бы ее ходить и

переходить, никаким словом обходить, век по веки, и раб Божий (имярек) по рабе Божией (имярек) не мог бы ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой месяца, во все межны дни. Как май месяц мается, так же бы раб Божий (имярек) за рабой Божией (имярек) ходил и маялся и не мог бы он ее ни коим словом ходить и переходить и не мог бы без ее ни пить, ни есть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которые договорены, которые переговорены, которые назади остались, – берите мои слова вострее вострого ножа, вострее копья, вострей сабли, ярей ключевой воды. И этим моим наговорным словом заключенные слова ключ и замок, ключ щуке, замок в зубы – щука в море. Ныне и при-сно, и во веки веков, аминь. (*Доставил в Труды Этногр. отдела г. Никольский из г. Мезени.*)

24. **На прилучение парня.** Пойду я в чистое поле, есть в чистом поле белый кречет. Попрошу я белого кречета: слетал бы он в чистое поле, в синее море, в крутые горы, в темные леса, в зыбучие болота, и попросил бы он окаянную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему в высокий терем и застал его хошь бы середка темной ночи сонного. И сел бы белый кречет на белую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень и вложил бы рабу Божию (имярек) из своих окаянных уст, чтобы он не мог без рабы Божией (имярек) ни жить, ни быть, ни пить, ни есть. (*Доставил в Труды Этногр. отдела, V кн., том II, г. Никольский из г. Мезени.*)

25. **На людскую любовь** (чтобы приобрести общую любовь). Стану я, раб Божий, поутру, благословясь и перекрестясь; выйду я в чистое поле, погляжу на все четыре стороны: на восточной стороне стоит святая церковь. Как на эту церковь смотрят и зарятся, так бы на раба Божия смотрели и зарились старые старушки, старые старики, маленькие ребята, красные девицы, молодые молодичи, смотрели и зарились на раба Божия (имярек), будьте слова мои крепки и емки, как ключи подземельные, аминь.

Это заклинание употребляется для привлечения любви, как девушки, так и всех вообще людей. (*Записано в г. Онеге.*)

26. *На любовь девушек и всех людей.* Наговорить на кольцо или на крест и положить себе за пазуху или в платок.

Собирайтесь, народ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Как глядят на кресты, да на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образ, так бы на раба Божия Н. глядели и смотрели старые старики, молодые мужики, старые старухи, молодые молодухи, красные девицы, малые ребятки; так бы раба Божия Н. глядела и смотрела; так бы раб Божий Н. (имя заговаривающего) казался краше красного солнца, чище чистого серебра, будьте мои слова тверды и крепки, на веки нерушимы. Ключ в воду, а замок в руки. (*Записано в г. Онеге.*)

ОСТУДНЫЕ, ПРОТИВОЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ

1. *На остуду между молодым и девицей.* Как мать быстра река Волга течет, как пески со песками споласкиваются, как кусты со кустами свиваются, так бы раб (такой-то) не водился с рабой (такой-то) ни в плоть, ни в любовь, ни в юность, ни ярость; как в темной темнице и в клевнице есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; так бы раба (такая-то) казалась ему (такому-то) просто-волосой и долговолосой, и глаза выпучивши; как у кошки с собакой, у собаки с росوماхой, так бы и у раба (такого-то) с рабой (такой-то) не было согласия ни днем, ни ночью, ни утром, ни в полдень, ни в набедок. Слово мое крепко. («Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841.)

2. *Остудные слова.* Эти слова употребляются для того, чтобы сделать немилым кого-либо или разлучить с другим. Обыкновенно (в Мезени) они наговариваются

на землю, взятую между двух гор, или на воду взятую, тогда оба берега считаются горами. Эту землю дают в каком-либо кушанье. Для большей действительности прибавляют в нее мелко изрубленные медвежьи когти. Вот на это случай заговор:

«Стану, не благословясь, выйду, не перекрестясь, из избы не дверьми, из двора не воротами – мышшей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду на широку улицу, спущусь под круту гору, возьму от двух гор земельки; как гора с горой не сходится, гора с горой не сдвигается, так же бы раб (имярек) с р. Б. (имярек) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядит, ничего не говорит, так же бы р. Б. (имярек) с р. Б. (имярек) ничего бы не говорил. Чур от девки, от простоволоски, от женки, от белоголовки, чур от старого старика, чур от еретиков, чур от еретич, чур от ящер-ящерич». *(Доставил г. Никольский из г. Мезени.)*

3. *Заговор на остуду между мужем и женой.* Стану я, не благословясь, пойду я, не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымным окном, да подвальный бревном, положу шапку под пята, под пята, не на сыру землю, да в черный чобот; а в том чоботе побегу я в темный лес, на большое озериче; в том озериче плывет челнище, в том челнище сидит черт с чертищей; швырну я с под пята шапку в чертища. Что ты, чертище, сидишь в челнище с своей чертищей? Сидишь ты, чертище прочь лицом от своей чертищи; поди ты, чертище, к людям в пепелище, посели чертище, свою чертище к такому-то в избище, не как ты, чертище, с своей чертищей живут людища мирно любовно, друг друга любят, чужих ненавидят. – Ты, чертище, вели чертище, чтоб она, чертища, распустила волосища; как жила она с тобою в челнище, так жил бы (такой-то) со своей женой в избище. Чтоб он ее ненавидел. Не походя, не подступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по телу, на рожество, не могла бы ему ни в чем угодить и опротивела бы ему своей красотой, омерзела бы ему всем телом. Как легко мне бу-

дет (отступить) от тебя, как легко достать шапку из озерища тебе, чертищу, хранить шапку в озерище от рыбы, от рыбака, от злого колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съесть, ни рыбак достать, ни злой колдун отколдовать на мир и на лад. И вместо рукописи кровной отдаю тебе я слюну. («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. 1841. Русское чернокнижие.)

4. **На остуду.** Ручей с ручьем сбегается, гора с горой не сходится, лес с лесом срастается, цвет с цветом слипается, трава развивается. От той травы цвет сорву, с собой возьму, выйду на долину, на такую большу тропину, возьму себе землину, сяду под лесину, выйду на широкий луг, посмотрю на все четыре стороны, нейдет ли р. Б. (имярек), и кину, и брошу я в чисто поле; и как гора с горой не сходится, так бы и р. Б. (имярек) не сходился и не сдвигался. (Доставил г. Никольский из г. Мезени.)

5. **На разлучение.** Зайду я во широкий двор, во высокий дом, запишу я (имярек) остуду велику, остудился бы р. Б. (имярек) от р. Б. (имярек), чтоб он был ей ни на глаза, ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером; чтобы он в покой, она из покоя, он бы на улицу, она бы с улицы, так бы она ему казалась, как люта медведица. И в каком бы она ни была платье, хоть в цветном, хоть в держимом (будничном, рабочем), все бы он не мог ее терпеть, и кажиный бы раз не сносил бы с ее зубов своих кулаков. Хоть бы ладно она делала, а ему все бы казалось не ладно, и хошь бы по уму делала, а ему бы казалось не по мыслям. Пошел бы он по улице, разогнал бы грусть тоску кручину с чужими людьми, и пошел бы он домой и повалился бы на место (на постель), и есть у него подружка, ночная подушка, и разогнал бы он с ней грусть, тоску. (Доставил г. Никольский из г. Мезени.)

6. **Наговор на разлучении.** Черт идет водой, волк идет горой; они вместе не сходятся, думы не думают, мыслей не мыслят, плоды не плодят, плодовых речей не говорят. Так бы у раба Божия (такого-то) мысел не мыслили, плодов не плодили, плодовых речей не говорили, а все бы, как

кошка да собака, жили. (См. *Труды Этногр. отдела. Кн. V. Вып. II. 1878. Сообщено г. Ивановым из г. Пинеги.*)

7. **На устудну.** Стану я, раб Н., не благословясь, и пойду, не перекрестясь, из избы не дверьми, из ворот не воротами, выйду подвальным бревном и дымным окном (трубою) в чистое поле. В чистом поле бежит река черна, по той реке черной ездит черт с чертовкой и водяной с водяночкой, на одном челне не сидят и во одно весло не гребут, одной думы не думают и совет не советуют. Так бы раб Б. Н. с рабой Б. Н. на одной бы лавке не сидели, в одно бы окно не глядели, одной бы думы не думали, одного совета не советовали. Собака бела, кошка сера – один змеиный дух. Ключ и замок словам моим.

Заговор этот преимущественно употребляется в г. Онеге и наговаривается или на воду, или на съестное. (См. *Тр. Этн. общ. при Имп. Моск ун. 1878. Кн. V. Вып. II. Сообщ. С. Огородниковым.*)

ЗАГОВОРЫ ДЛЯ ПРИЗЫВАНИЯ ИЛИ ОТОГНАНИЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

1. **В защиту от нечистой силы.** Наговори на воск и прилепи на крест от врагов своих.

Знаменуйся раб Божий (имярек) крестом животворящим – одесную и ошуюю, спереди и сзади. Крест на мне, рабе Божиим (имярек), крест передо мною, крест за мною, крест – дьявола и все враги победиша. Да бежат бесове, вся сила вражия от меня, раба Божия (имярек), видевшу, яко молнию – крестную силу опаляющую. Близ меня Христос и вся сила небесная: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил, архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, Господни силы и нерушимо страшные серафимы, и святии Ангелы-хранители, преданные мне на соблюдения души и телу моему от свя-

того крещения. А далече от меня со своею темнообразною силою стоит, и со всем человеки прогнан бысть, третьюстами и шестьюдесятью ангелы стали Божиим. Молитв ради Пречистые Твоя Матери, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного раба Твоего (имярек) – всегда и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. (*Сообщено Афанасьевым. См. Летописи русс. нар. лит. 1862.*)

2. Заговор на отгнание черных муриев. За морем за синим, за морем Хвалынским, посредине Океан-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб, под тем дубом живут седмерицею семь старцев, ни скованных, ни связанных. Приходил к ним старец, приводил к ним тьму тем черных муриев. Возьмите вы, старцы, по три железных рожна, колите, рубите черных муриев на семьдесят семь частей.

За морем за синим, за морем за Хвалынским, посреди Океана-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дом, а в том доме стоят кади железные, а в тех кадах лежат тенета шелковые. Вы, старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черных муриев в кади железные, в тенета шелковые от раба (такого-то).

За морем за синим, за морем за Хвалынским, посреди Океана-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне сидит птица Гагана, с железным носом, с медными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадах лежат черные мурии, в шелковых тенетах; сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговариваю я сим заговором раба (такого-то) от черных муриев, по сей день, по сей час, по его век, а будь мой заговор долог и крепок. Кто его нарушит, того черные мурии съедят. Слово мое крепко! («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. 1841. Чернокижие.)

3. Заговоры от дьявола. Отыйде, дьяволе, от храму и от дому сего, от дверей и от всех четырех углов. Нет тебе, дьяволе, части и участия, места и покою, здесь крест Господень, Матерь Христова, пресвятая Богородица, святой

Петр, святые Евангелисты, Иоанн, Лука, Марк, Матфей, св. Архангел Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Угасиил, Егудиил, Варахаил. Силы небесные ликовствуют, здесь святые Херувимы и Серафимы, святой Михаил ныне по всей вселенной, по ним же полки держит святой Петр, палицу держа, здесь Рождество Предтечи, здесь тебе, дьяволе, нет части и участия, места и покою, не делай пакости, дьяволе, всему месту и дому, и человеку, и скоту, и всем рабам Божиим, беги отсюда во ад крошечный, где твой настоящий приют, и тамо да обретайся. Слово мое крепко, яко камень, аминь, аминь, аминь. *(Из рукописной тетради г. Григория Данилова Книголюбца.)*

4. **Молитва от злого чарования.** Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Нравом причастник и Апостолам наместник, Апостолом быв, деяние обрел еси боговдохновенне, в видениях восход, сего ради слово истины исправляя, веры ради пострадал еси даже до крови, священномученице Киприане и Иустине, молитесь Христа Бога, избавите р. Б. от всякого злого волхования и колдования, от врага и супостата и всяких вредов, козней и зол, лик ангельский от художества волшебного обратился боgomудре к познанию божественному, показався еси миру врач мудрейший и исцеления даруя чувствующим тя, Киприане со Иустиною, с нею же молились человеколюбцу Владыце очиститься и избавиться р. Б. (имярек) от всякого злого очарования, обаяния, колдования и волшебства, козни и всех злых действий, от сего часу и минуты по весь его век и на всю его жизнь, во веки и в век, аминь.

5. **Заговор от змия, к жене летающего в дом¹.** Во всем доме – гилло магал – сидела Солнцева дева. Не терем златой – шингафа, искала дева; не богатырь могуч из Новгорода подлетал; подлетал огненный змей Лиф, лиф, зауцапа калапуда. А броня не медяна, не злата; а ширинки

¹ Иначе – Чародейская песня солнцевых дев. (См. «Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841. Чародейство. С. 17.).

на нем не жемчужены; а шлем на нем не из красного уклада; а калена стрела не из дедовского ларца. Пицапо фукадалимо коройталима канафо. – Полкан, Полкан! Разбей ты огненного змея; ты соблюди девичью красу Солнцевой девы. – Вихадимо гилло могал-дираф. Из-за Хвалынского моря летел огненный змей по синему небу во дальнюю деревушку, во терем к деве: Могуч богатырь – Шнялда-Шибулла качилла бараичихо дойцофо караиха дина. – Во малиновом саду камка волжская, а на камке дева мертвая, со живою водою, со лютою свекровью, со злым свекром. Убит огненный змей, рассыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по медвяной росе, по утренней заре. Яниха-шойдега бираха вилдо. – А наехал злой татарин и узял во полон Солнцеву деву, во золотую орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому, ко проклятому барходею. – Уахама широфо.

6. Заговор от летающего змия в дом. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Встану я раба Божия, перекрестясь, пойду я, раба Божия, благословясь, из дому в дверь, из дверей в ворота; благослови меня, Господи Иисусе Христе, и избави меня, Господи, не хитростью, не мудростью, но Твоею великою силою, Господи помилуй (трижды). Да воскреснет Бог и расточатся врази Его... (до конца). Аллилуйа, аллилуйа, аллилуйа. На море на Киане, на острове на Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидит Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илья-пророк, Николай Чудотворец побеждают змия лютого, огненного, который летал в неверное царство пожирать людей, убили змия лютого, огненного, избавили девицу царскую и всех людей, и скот избави и отгоните; и Ты, Господи, от рабы Божией (имя) и от дому ее, летающего змия огненного и духа нечистого прикасливого денного, ночного, полуденного и ночного и полуденного, и утреннего, и вечернего, часового и минутного, и всю силу нечистую, отвори его от всех ее дум и помыслов, видений и мечтаний, действий и воли.

Устрой и утверди, Господи, ее ум и разум, чувство и память на Божеску путь и огради, Господи, рабу Божию (имя) своим крестом животворящим от всех зол и пакостей, вредов и действий, от нечистого духа и змия огненного, запрети ему, Господи, своею силою небесною и словом великим, чтобы никогда не летати, не ходити, не прикачаться, не пришататься и не бывать вреда, пакости, обиды и зла не творити; спаси и сохрани и помилуй, Господи, святыми молитвами, и сим словом на всякий день, на всякий час и на всякую минуту, враг, супостат, змий летучий и дух нечистый, отшатнись от рабы Божией (имя) от сего время, от сего часа, от сей минуты и по всю ее жизнь, и по весь ее век: полети ты от нас на свое старое время, во озеро Содом и Гомор и в бездну преисподнюю, тамо и буди заклят вечно и бесконечно во веки веков, аминь.

7. Молитва, аще в доме глумится. Господи, Боже спасения нашего, Сыне Боже живого, на херувимах носимый, превыше всякого начала, власти, силы и господства; Ты еси великий и страшный над всеми сущими окрест Тебе. Ты еси поставивый небо, яко камору, Ты еси, сотворивый землю в крепости Твоей, исправивый вселенную в премудрости Твоей, трясый поднебесную от оснований, столпы же ее неподвижны; глаголай солнцу, не воссияет, звезды же запечатлеай; запрещай моею и иссушай морю, иссушай его; его же ярости тает начала и власти, и камни сотрясошися от Тебе. Врата медные стерл еси, и верии железные сломил еси; крепкого связал еси, и сосуды его раздрал и мучителя крестом Твоим низложил еси, и змия удицею вочеловечения Твоего привлек еси и, узами мрака в тартаре посадив, связал еси. Сам убо, Господи, утверждение, на Тя, Господи, надежду возлагающих, крепкая стена на Тя уповающих; отступити сотвори, отжени и в бегство претвори всяко дьявольское действо и всякое сатанинское нахождение, вся навет супротивный и надлежащие силы от крова сего и от обдержимых от него, и от обходящих пред

ним, знамением страшные на демонов победы креста Твоего носящих и призывающих имя Твое благое; ей, Господи, легион бесов отгнавый и глухому и немому, демону и нечистому духу, удержавшемуся от человека изыти и исходу невозвратну быти, повелевый; все ополчение врагов невидимых наших потребивый, верные же и познавшие тебе умудривый, се даю вам власть, еже попати верху змиев и скорпиев и на всю силу вражью. Сам Владыко, высший всякого вреда и искушения, вся сущие в дому сем сохраня и избавляя их от страха ночного и стрелы летящие, во дни от вещи во тьме преходящие, от страха и демона полуденного, до твоей раби, твоя рабыни и младенцы (молодицы?) наслаждающиеся, помощи и ангельским силам воинством храними, яко един все во единомыслии верно поют: «Господь мне помощник, не убоюся, что мне сотворит человек и паки не убоюся зла, яко Ты со мною еси, яко Ты еси, Боже, утверждение мое, крепкий обладатель и князь мира, отец будущего века, и царство Твое и царство вечное, и Тебе единого есть царство и сила, и слава со Отцом и святым Духом, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь». *(Выписано из рукописной книжки Григория Боголюбова.)*

8. **Заговор от бесов.** Плакун! Плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не заносись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и полубесам, старым ведьмам Киевским; а не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да убегут от твоего позорища; замкни в ямы преисподнии. Будь мое слово при тебе крепко и твердо век веком, аминь. *(Выписано из рукописной книжки Григория Боголюбова.)*

9. **Против черта** (О Святках). В Святки отправляются на росстань, очерчиваются три раза, приговаривая за каждый разом: «За три черты, черт, не ходи!», потом слушают, что чудится. *(Записано в Холмогорах.)*

10. **Призывание домового на новоселье.** При переходе на житье в нововыстроенный дом семейные хозяева прихо-

дят в старый дом и, раскланиваясь во все четыре угла избы, говорят: «Хозяинушка господин! Пойдем в новый дом на богатый двор, на житье, на бытие, на богачество». (См. *Труды Этногр. отдела. 1878. Кн. V. Вып. второй. С. 157. Сообщ. П. А. Ивановым из г. Пинеги.*)

11. **К домовому.** При переходе в новый дом или на новую квартиру прежде всего вносят образ, квашню с растворенным тестом, а потом кошку, собственно для домового, приговаривая: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор». (*Карм. кн. для любит. земледед. Изд. Геогр. общ. в 1848 г. Заметк. Верещагина, с. 312–320.*)

12. **К домовому, при покупке скота.** Купивши скотинку, крестьянин молится вместе с продавцом Богу, творит молитву Иисусову, три раза обводит вокруг себя коня, не смея держать узды голыми руками, и говорит: «Вот тебе, хозяинушко, мохнатый зверь на богатый двор, пой, корми, рукавичкой гладь!» (*Записал священник Таратин в селе Курье Холмогорского уезда.*)

13. **К домовому, при вводе в стойло скотины.** Вводя вновь купленную скотинку в стойло, строго соблюдают следующий обряд: низко кланяются в каждый из четырех углов хлева или стойла и приговаривают: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь, моего (или «мого такого-то», кличка скотины) люби, пой и корми». (*Из Карман. книжки для любителей земледения. 1848. Из заметок Верещагина.*)

14. **То же.** Когда приводят купленную скотину в хлев, тогда употребляют следующее воззвание к домовому: «Дедушка, отаманушко, полюби моего чернеюшка или пестреюшка (смотря по шерсти), пой, корми сыто, гладь гладко, сам не шути, и женой не спущай, и детей укликай». (*Записано в г. Онеге.*)

15. **Заговор для того, чтобы видеть дворового.** «Дядя дворовый, приходи ко мне не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал, приходи таким, каков я, я тебе христовско яичко дам».

Кто хочет видеть дворового, должен первый получить от священника по окончании заутрени на Св. Пасху красное яичко и взять из церкви свечу, с которой стоял у заутрени. Затем должен ночью, до петухов, взяв в одну руку зажженную свечу, а в другую красное яйцо, стать перед отворенною дверью хлева и сказать приведенные выше слова; дворовый выйдет, по виду совершенно подобный произносившему заклятие. (*Записал А. Харитонов в Шенкурск. уезде.*)

16. **К банному.** При выходе из бани благодарят банного словами: «Спасибо те, байнушко, в парной байнечке». (*Сообщил г. П. А. Иванов из г. Пинеги.*)

17. **При знакомстве с лешим.** Крестьянин, желающий снискать милость лешего, должен в ночь перед Ивановым днем отправиться в лес и, найдя осину, срубить ее так, чтобы она вершиной упала на восточную сторону; на пне срубленной осины, став лицом на восток, он должен нагнуться и, глядя в отверстие, образовавшееся между ногами, говорить: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровою, покажись таким, каков я». (*Запис. А. Харитоновым в Шенкурск. уезде.*)

18. **От нечистого.** От Духа Святого, причастника Христова, Спасова рука, Богородицын замок, Ангел мой, хранитель мой! Сохрани мою душу, скрепи сердце мое; враг сатана! Поди прочь от меня. Есть у меня три листа, написано все Марк, да Лука, да Никита-великомученик; за грехи душу мучить, за меня Бога молить. (*Доставлено в Труды Этногр. отд. Св. Грандильевским, из села Емецка, Холмог. уезда, Арх. губ.*)

Эта молитва от нечистого духа, произносимая ежедневно на сон грядущий, составляет предохранительное и заклинательное средство от всякого недуга и скорби.

19. **Молитва от нечистого духа.** Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Облекохомся во единого Христа и слова Божия; убойся, дьяволю, отыди от меня, раба Бо-

жия (имярек). Христос воскресе Своею волею, имеяй силою изгоняти тя, страшный и нечистый дьяволу, имеяй силу Вышнего Бога, Отца невидимого, Христос погребен бысть; Христос воскресе, бежи дьяволу, победою Отца, и Сына, и Св. Духа, и во веки веков. Аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду из западу в восток. Поднимается царь-грозная туча и под грозною тучею мечется царь-гром, царица-молния. Как от царя грома и от царицы бежат враги и дьяволы лесные, водяные и дворовые и всякая нечистая тварь в свои поместья – под пень и под колоду, во озера и во омуты, и так бы бежали и от живущих во оных хоромах, от меня, раба Божия (имярек), бежали всякие враги и дьяволы лесные, водяные и дворовые под пень и под колоду, во озера и во омуты безотпятно, безотворотно, век по веку, отныне и до века, аминь.

Христос родися, и роспяся, и воскресе, и в третий день воскресения и живот дарова всему миру, и мне, рабу Божию (имярек), крест. Крестом человек родися, Бог прославися, сатана связан бысть с сильными своими бес; отныне и до века, и до второго пришествия Христова, аминь.

Свят, свят, свят Господь Саваоф, седай в вышних, ходяй по громе, осеняй силою небесною, призывай воду морскую, к проливанью на лицо всея земли, праведный сам судя врагу нашему, дьяволу, аминь.

Господи, Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, и пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле за дверьми, под утреннюю зарю и под восточную сторону, ко истинному Господу Саваофу, Спасу Иисусу Христу, Сыну Божию, Царю Небесному, и помолюся я, раб Божий (имярек), истинному Господу Богу Саваофу, Спасу Иисусу Христу, Сыну Божию, Царю Небесному и Св. Архангелам Михаилу и Гавриилу, шестокрылатым херувимам и серафимам и прочим бесплотным небесным

силам, и святому честному пророку Предтечи и крестителю Господню Иоанну, и святым четырем апостолам и евангелистам Матфею, Марку, Луке, Иоанну Богослову, и святому пророку Илье Фезвитянину: создай, Господи, Свое Божие великое милосердие, от престола Господня грозную тучу темную, каменную, огненную и пламенную, из той тучи грозной спусти, Господи, частого дождика.

На небесах от престола Господня зачинается и поднимается Божия милость и грозная туча, сильный гром и молния; и спустил истинный Господь, Саваоф Бог, Спас Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, Свое Божие великое милосердие, от престола Господня; Святой Дух, царя-грома, царицу-молнию; царь-гром грянул, царица-молния пламя спустила, молния осветила, рассказали, разбежались всякие нечистые духи. И как из тыя Божией милости, из грозной тучи, из сильного грому, от молнии вылетает грозная громовая стрела, и сколь она грозно, и пылко, и ярко, и принимчиво дьявола изгоняет, и нечистого духа демона К., С., С., Н.¹ и мамонта посыльного и находящего у меня, раба Б. (имярек), из двора выганивает, камень и древо разбивает, камень и древо разбивает, и как от тое грозные громовые стрелы не может камень в одно место сростать, древо отрастать, и так же бы проклятый дьявол и нечистый дух, демон К., С., С., Н., и мамонт посыльный и находящий избежали бы от меня, раба Божия (имярек), от сего места прочь за 39 земель, за 39 городов, и за тридцать девять морей, и не могли бы меня, раба Божия (имярек), видеть и не могли бы слышать; и как ты и грозные, огненные, громовые стрелы боится проклятый дьявол и нечистый дух, демон К., С., С., Н., и мамонт посыльный и находящий, и также бы раба Б. (имярек) уstraшилися и убоялися недруги и мои супостаты (имярек), и всякие нечистые духи, рассказали и разбежались от меня, раба Божия (имярек), восвояси: водяной в воду, а лесной в лес под

¹ Вероятно, бранные слова.

скрипучее дерево, под корень, и ветряный под куст и под холм, а дворовый, мамонт посыльный и нахожий, и проклятый дьявол, и нечистый дух, демон, на свои на старые на прежние жилища. И как Господь умудряет слепцы, не видят, а все знают, так же умудри, Господи, меня, раба Б. (имярек), на нечистых бесов; глас грома Твоего в колеси, осветища молния Твоя, вселенная подвижется, и трепетна бысть земля, так же бы трепетны были нечистые духи от меня, раба Божия (имярек); и как наши родители в земле лежат, не чувт звону колокольного, ни пения церковного, и так бы сей мой заговор и приговор был бы крепок и силен во всякое время, до будущего веку, векеки.

Крест на месте, крест на рабе Божиим (имярек), крест у меня, раба Божия, и крестом Христовым дьявола проклиная, отступи бес и дьявол, и нечистый дух от меня, раба Божия (имярек), от сих дверей, от четырех углов фатеры моей; здесь сидят архангелы, ангелы, херувимы, серафимы, – Михаил архангел и Гавриил архангел, здесь сидит Пресвятая Богородица, родшая Творца плотию, Христа Бога Нашего, царя Небесного; Силою Христовою дьявол буди проклят, и нечистый дух всеми седми соборами, всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь. Крест, хранитель всея вселенная, крест красота церкви, крест царям держава, крест и дьяволам прогнание от раба Божия (имярек). Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Крест креститель, Христов хранитель, крест – красота, крест – церковная высота, крест ангелом слова, крест царю держава, крест тверди утверждение, крест бесом бо язва, крест и врагом прогонитель, храни мя и милуй, раба Божия (имярек), вветху и в молоду и в перекрое месяце, и ото всякого врага и супостата, ото всякого злого человека, скорби и болезни, ненавидящего и обидящего человека.

Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле задворь-

ми, под восточную сторону, покорюсь и помолюсь Господу Иисусу Христу и Св. Архангелам и Ангелам Михаилу и Гавриилу шестокрылым херувимам и серафимам, и евангелистам Матфею, Марку, Луке, Иоанну Богослову: как вас боится демонская сила, и как смущает небесная стрела, молния и гром, а так же бы устрашилися и убоялися меня, раба Б. (имярек), во всякое время, и так бы приговор был столь силен и крепок, и как Господь умудрил слепцы, не видят, а все знают, а так же бы у меня, раба Б. (имярек), столь бы силен и крепок мой заговор, а сей приговор; и как наши родители не чувят звона колокольного, ни пения церковного, и столь бы был крепок сей заговор, во всякое время до будущего веку, веки, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. И ставит около меня, раба Божия (имярек), сам истинный Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Царь Небесный со Своею Пресвятою Матерью Богородицею, Девою Мариєю, и со всею небесною силою, со ангелами, со архангелами, с херувимы и серафимы, со апостолами и пророками, и со святителями, и с врачами с бессребрениками, с мучениками и мученицами, с страстотерпцами и со страстотерпицами, с преподобными, и с праведными, и со всеми святыми, тын железный, врата медные, верей булатные, замок пресветлого рая, ключ небесного царствия от земли до неба, от неба и до престола и по земли, от востока до запада, от запада и до севера, от севера и до лета (юга), со всех четырех сторон, и заграждает сам истинный Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, меня, раба Божия (имярек), от всякого от злого, от лихого человека и супостата: от угроватого, от възгривого, от сопливого, от шедливого (вероятно, шелудивого), от киловатого, от сутулатого, от старца и от старицы, от бельца и от белицы, от чернца и от черницы, от схимника и от схимницы, от женки долговолоски, и от девки частоволоски, от черноволосых, от беловолосых, от русоволосых,

от седоволосых, от пестрых, от рябых, от волосоватых, от слепых, от хромых, от волшебников, от волшебниц, от колдунов, от колдуниц, от ведунов, от ведуниц, от кудесников, от кудесниц, от порчельников, от порчениц, от лихоглазых, от лихозубых, от лихокровых, от лихошербых, от Богоотступников, от Богоотступниц, от Богоотметников, от еретиков, от еретиц, от вещунов, от вещуниц и ото всяких от злых, от лихих, от притчей, от скорбей и от болезней, от шипоты и от ломоты, от 12 проклятых Иродовых дочерей, от злые, от лихие, от лихорадки: от Листопухи, от Комухи, от Лопухи, от Каркуши, от Пухоты, от Хрипоты, от Ломихи, от Знобихи, от Гнятеницы, от Огневицы, от Трясовицы¹; от всякие вражие неприязненные силы и ото всякого мечтания, сатанина угоды, затворяет святые верховные апостолы, Петр и Павел, тын железный вратами медными и болотными верями, запирают и замком пресветлого рая, ключом небесного; и так, как не бывает в пресветлом раю, в небесном царствии проклятому дьяволу и волшебнику, и волшебние, колдуну и колдунице, ведуну и ведунице, кудеснику и кудеснице, порченику и порченице, лихоглазому, лихозубому, лихокровому, лихошерстному, Богоотступнику, Богоотметнику, еретику и еретице, вещуну и вещице, и злому человеку, лихому супостату, помышлителю нашему, во век по веку, отныне и до веку, и так бы не бывать на мне, рабе Божиим (имярек), тем злым, лихим притчам, скорбям и болезням, хрипотам, ломотам и 12 проклятым Иродовым дочерям, злой лихорадке: Листопухе, Лопухе, Комухе, Коршухе, Коркуше, Пухоте, Хрипоте, Ломихе, Знобихе, Гнятенице, Огневице, Трясовице и всякой вражьей неприязненной силе, и всякому мечтанию, сатанинину угоды, в век по веку, отныне и до веку. И поставляет Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, у того железного тына, у медных врат, святого великого святите-

¹ Ср. названия 12 лихорадок с названиями, упомянутыми ранее.

ля, и теплого заступника, и скорого помощника, Николая Мирликийского чудотворца; и святой великий святитель Христов, теплый заступник и скорый помощник, Николай Мирликийский чудотворец стоит у того железного тына и у медных врат, натягивает свой медный лук, накладывает булатные стрелы, и стреляет, и отстреливает от меня, раба Б. (имярек), всякие злые и лихие притчи, скорби и болезни: щипоту, ломоту и двенадцать Иродовых дочерей, злую, лихую лихорадку: Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрипоту, Ломиху, Знобиху, Гнятеницу, Огневицу, Трясовицу и всякую вражью неприязненную силу, и всякое мечтание, сатанинино угодье, стреляет и отстреливает от того от железного тына, от медных врат, и отсылает вспять, откуда пришли, от проклятого сатаны, из преисподней бездны, из ада; и назад вспять возвратитесь в преисподнюю, в бездну, во ад, к делу своему, к проклятому сатане.

Глаголи сие трижды.

Христос воскресе, ад пленися и проклятая сатанинская сила победися, и пред адовым замком не отмыкаться и вратам не отвариваться, и так же бы впредь на мне, рабе Б. (имярек), тем злым лихим притчам, скорбям и болезням, щипотам и ломотам и 12 проклятым Иродовым дочерям, злой, лихой лихорадке: Листопухе, Лопухе, Коршухе, Комухе, Коркуше, Пухоте, Хрипоте, Ломихе, Знобихе, Гнятенице, Огневице, Трясовице и всякой вражьей неприязненной силе, и всякому мечтанию, сатанинину угодью, в век по веку, отныне и до веку; уповающих на Господа Бога Саваофа, Спаса нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Царя Небесного, сотворившего небо и землю, белый свет, луну Божию и красное солнце, утреннюю зарю и вечернюю, млад светел месяц и частые звезды, и птицы небесные, и рыбы морские, и праотца Адама и бабуку Еву, и всю тварь небесную, Истинному Господу Богу Саваофу и Спасу нашему Иисусу Христу, Сыну Божию,

Царю Небесному, и Его непобедимой, непостижимой и божественной силе слава и держава, честь и поклонение; вси возрадуемся в век по веку, отныне и до веку, всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Во храmine, в доме своем восстану я, аз, р. Б. (имярек), благословясь, умоюсь ключевою водою и говорю: буди вода сия чиста и свята, аки Иордан река текущая, а в ней крестился сам Иисус Христов во своих светлых ризах Иисусовых, утирался убрусом своим, сам рек: буди убрус, аки пелена нетленная Иерусалимские Богородицы. Украшаюся аз, раб Б. (имярек), саваном светлообразным, фалетовы ризы, своей светлообразною зарею, и стану пред образом Божиим и святою иконою на место свое, аки на златой престол поднебесный, и реку глаголом, и творю молитву Иисусову; изыди глагол мой из уст моих, аки гром сильный с каменiem, опальным огнем, страшным судом, изыди дух из уст моих, скорые буйные ветры, драло, да пахало и сушило от златокованных труб Евангелистовых. Помолюся аз, раб Б. (имярек), о своей многогрешной душе милости о помощи, и упрашиваю и умаливаю по числу херувимов и пасущих мя, по числу серафимов, стерегущих мя, и замкните меня, раба Божия (имярек), в роде сем от злых человек и пущайте из убрусов своих на сырую землю, на злых человек, на мятежников и на помышленников, и на мя глаголющих, и спустите из убрусов своих вся погубительная и страшная по земли, по воздуху несчетных тьмы ангелов, возглаголите мне, аки сильный гром грянул: не бойся человеце, раб Божий (имярек), и утверждайся в роде сем ангельским утверждением, встав силы небесные и замкнув град в вышнем небесными замками; то вы замкните и ключи положите под врата, и стогны града того обтеките со огненными ударами, и около града того обтеките колесницы огненные. Объехали конные и воеводы, небесные силы, Михаил и Гавриил, херувимы и серафи-

мы, и Илья-пророк, и апостолы, и евангелисты с трубы златоковаными, обстав и спустив около меня раба Божия (имярек), гром и молнию огненную, скипетром стрелы булатные и реки огненные, от востока до запада, от юга и до севера, от земли и до воздуха; нача силы небесные меня, раба Б. (имярек), любить и хранить, из всех орудий пламенных, из убрисов и скипетров бить и палить, и гром мя ради слать, молнию пожигать, супостатов моих стрелять, и кто испортит, порчи их сжигать огнем, от моего порождения до исхода души моей. И донеси ю Господи в руце живу, и сохрани меня, раба Божия (имярек), от всякие неприязненности дьявольские, и мною хранимо, и во веки нерушимо. Аминь, аминь, аминь. *(Говорить дважды.)*
(Извлечено г. Ц. А. Ефименком из старинной рукописи.)

ОХОТНИЦКИЕ ЗАГОВОРЫ И МОЛИТВЫ

1. *Для удачи на охоте.* Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного (имярек), аминь. Ложусь я, раб Божий (имярек), ввечеру, поздно на поздно благословясь и перекрестясь; встаю, раб Божий, раным на рано, и умываюсь триденной водой, и утираюсь шитым, браным, тонким полотенцем; пойду, раб Божий (имярек), из избы дверями, из двора воротами; пойду во чисто поле, в широко раздолье, в зелену дубраву, и стану я эту сбрую ставить на белых и на ярых зайцев. Как же катятся ключи, притоки во единый ключ, так бы катились и бежали всякие мои драгоценные звери: серые, ушастые, долгохвостые волки и черные медведи и красные брунастые лисицы, и белые, и ярые зайцы и зайни (зайчихи); назад бы они не ворочались, а посторонних бы не бегали. Позади носят Михаил архангел и Гавриил архангел св. своею небесною силою. Во веки веков,

аминь. Создай, Господи, благополучие. Сей заговор глаголи трижды. (См. *Таинст. чары. М., 1876.*)

2. **Заговор охотника на постановных клетях для зайцев.** Встану я, раб (такой-то), засветло, умываюсь ни бело, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я из дверей в двери, из ворот в ворота, в чисто поле, к лесу дремучему; а из леса дремучего бегут ко мне навстречу двадцать сатанаилов, двадцать дьяволов, двадцать леших, двадцать полканов – все пешие, все конные, все черные, все белые, все высокие, все низкие, все страшные, все робкие. Стали предо мной те сатанаилы, те дьяволы, те лешие, те полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатанаилы, дьяволы, лешие и полканы, в (такой-то) остров, пригоните русаков и беяков на мои клетки поставные: сумеречные, вечерние, ночные, утренние, полуденные, пригоните, остановите и в моих клетях примкните. («Сказания рус. нар.» Сахарова. 1841. Том I. Чернокнижие. С. 19–20.)

3. **Для успеха на охоте.** Нужно взять с собою кусок хлеба или мяса, на который наговаривать:

В чистом поле, в темном лесу, в тумане превеликом, есть птица полетуша, есть серые гуси, сизые утки. У них бы крылья подломились, сами бы опустились, перье оборвалось и сели бы на бугор высокий, чтобы меня, раба Божия (имярек), не видели и стрельбы моей не слышали, и долетела бы до них дробь, как вольное перо. (Доставил г. Никольский из г. Мезени, в Труды Этнограф. отд. Изд. в 1878 г. См. кн. V, вып. 2.)

4. **На птичью охоту.** Пойду я, раб Божий (имярек), к церкви, погляжу, как православные собираются, и празднуют, и радуются; так радуйся, веселися и летай ко мне всякая живущая птица, которая Богом, Иисусом Христом, создана нам на жертву; так не убойся и не утрашись ни меня, раба Божия (имярек), ни лаюшек моих, кобелей; не моги ты ногой переступить, ни крылом встрепенуться до выстрела моего. Как из-под Ивановской росы человек на коне не выезжает,

пеший не уходит, так не улетай от меня никакая благословенная птица. Слово мое крепко. К тем словам небо и земля – ключ и замок. Аминь. (*Зап. А. Харитонов в Шенкурск. уезде. См. Тр. Этногр. отд. за 1878 г.*)

5. **Охотничьи слова.** Так бы у меня, раба Божия (имярек), собака не отбегала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога, Иисуса Христа, Царя Небесного, нам на жертву благословенная всяка птица: ряб и рябушка, копала и тетерка, и косачушка, серая, малая утица, – как птица не может летать от гнезда своего, от детей своих, так не бойся и не страшись лаюшек кобелей моих, и меня, раба Божия (имярек), не бойся и не страшись, ни юкку оружейного, ни дыму порохового, ни боя огненного. Радуйся, птица, и веселися по всяк день, по всяк час и по всякое время: утром рано, вечера поздно, в ветхе месяце, в новце месяце и в меженных днях перекройных. К тем моим словам небо и земля, ключ и камень, аминь. (*Записано А. Харитоновым.*)

6. **От ворона, мешающего охотнику.** Господи Боже, благослови! Стану я, раб Божий (имярек), благословясь; пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами; выйду на широкую улицу, с широкой улицы в чистое поле, с чистого поля в широкое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой завод. Стану я, раб Божий (имярек), становить пасточки и силышки на благословенную птицу, которая создана нам на жертву, на ряба и рябушку, копалу и тетеру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый черный ворон, полети с моей тропы, с моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; там Ирод царь бьется, дерется, кровь проливает. Тут тебе, черный ворон, столы расставлены, яства сподоблены. На моем лесе, на моей тропе, на моем заводе смоливая спица в глаз. К тем моим словам небо и земля, ключ и замок. Аминь. (*Зап. А. Харитонов.*)

7. **Чтобы ворон не ел попавших в ловушку птиц.** Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекре-

стясь, в темные леса по своему путику, по своему ухажью. Воззрю я, раб Божий (имярек), черного ворона и вороницу и слепых его родителей; как ты, черный ворон и вороница, не выдаешь в июле-месяце воды в реках, ручьях и озерах заклатьем Ноя праведного, так бы ты не видел у меня, раба Божия (имярек), на моем путике, на моем ухажье, уловных моих тетер, рябов и куроштей, в моих пастях, в моих слопцах, в моем силье, ни сверх, ни с испода. Полети ты, черный ворон и вороница, с моего путика, с моего ухажья за синее Океан-море, там царь Соломон сына женит и дочь замуж дает, убил на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 ялович, 300 утей; там тебе, черный ворон с воронихою, много будет питенья и яденья; а на моем путике, на моем угоде нет тебе ни спить, ни съисть, ни сверх, ни с испода, ни в день, ни в ночь, ни на утренней заре, ни на вечерней заре, млада и ветха месяца, ни в полдни, ни в перекрое и в меженные дни, ни в ночные часы, во всех месяцах и во все 24 часа всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь. *(Трижды читается.)* Есть у меня, у раба Божия (имярек), генеральный стрелец, Сам Иисус Христос; у Господа нашего Иисуса Христа солнце – лук, месяц – стрела стреляет, излучает тебя, черного ворона и вороницу, и слепых твоих родителей и в ночь, и по всяку пору. И где я, раб Божий (имярек), тебя, черного ворона и вороницу, на своем путнике и на своем угоде увижу, тут тебя и подстрелю и ухода своего лишу, всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь. *(Записал г. Шабунин в Пинежском уезде.)*

8. **Против злого человека на охоте.** Стану я, раб Божий, благословясь, и пойду, перекрестясь, пойду по матери по сырой земле, небом покроюсь, зарею подпояшусь, звездами обтычусь; злой, лихой человек не может неба покрыти и зари потушити, и звезд сосчитати, и на меня, раба Божия, ни зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой человек зло подумать, поворотись к нему на корень, положи между язык и щеки железна спица; которое слово

забыто назади, будь на переди в лучшем месте, которое слово прибавлено, то бы к ним пристало; и берите мои слова, вострее вострого ножа, вострее булатного копья, век по веки. Аминь, аминь, аминь. *(Из рукописной тетрадки г. Хромцова из с. Суры, Пинежского уезда.)*

9. **Слова утечи.** Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Как есть Океан-море, белый камень, на белом камени сам Иисус Христос, сам бел и рукавицы белые, и кнут белый, загоняет и залучает всякую птицу. Стань и не усыпай по утренней зари, по вечерней зари, святой Лука залучи, изгони святой Матфей замани и залучи, святой Еремей закрепи от всякого зла и лиха человека, от зуба и от когтя, и от всякого греха человека. Вся крепость Святого Духа, аминь, аминь, аминь. *(Из старинного рукописного сборника из с. Ваймуги, Холмогорского уезда.)*

10. **Молитва прикосная на зверя** (на лисиц). Стану я, раб Божий Н., благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в дверь, из дверей во двор, из двора в ворота, под восточную сторону. Тут сам Иисус Христос и Пречистая Мати Божия, Богородица. Научи же меня, Господи, ловить и промыслять разных зверей: кривоногих, черноухих, красных, черных лисиц и бурнастых, каждых ловецких зверей. Посылает меня сам Иисус Христос к Егорию Храброму чудотворцу: он тебя научит ловить и промыслять зверей кривоногих, черноуших, красных, и черных, и бурнастых лисиц. Я пришел к Егорию Храброму чудотворцу; он сидит выше тридевяти апостолов: научи же меня ловить и промыслять зверей кривоногих, черноуших, красных, черных и бурнастых лисиц, каждых ловецких зверей. По Христову велению не ослушайтесь меня, р. Б. Н., Егорий Храбрый чудотворец берет от меня, р. Б. Н., веревки, капканы, тугие луки и самострелы донского году, снимает и вновь ставит, и сам святым духом наказывает и наговаривает: Ой еси звери, лисицы, подьте, побежите от тридевяти ловцов, от тридевяти промышленников к р. Б. Н.,

по своим полевым тропам, продольным и поперечным из-под вычепу, не видеть ни пружинья, ни капканья, ни подхода моего, вперед без ускоку, назад без усмотру, ушком не кивните, глазом не мигните, на сторону не скачите, назад не воротитесь, души ваши сквозь ловушки, а туши ваши в ловушку; ой еси звери кривоногие, черноухи, черны, красны лисицы и бурнасты; ой еси ловетские звери, лисицы, если не избежите сквозь петли и капканы, сквозь тугие луки и самострелы. Господь нашлет с небес огненное пламя, и вас лисиц сожжет и спалит, не будет вам уходу, ни в гору, ни в воду, ни в каменны пещеры; век от веку, до скончания века. Будьте мои наговорные слова имки, ярки на новчу и на перекрой месяцу. Тем моим наговорным словам ключ и замок, ключ-щука, а щука в море от лихих людей, от завидящих, от своей думы, во веки веков, аминь. Бог моя надежда.

Как идут с ловли. Как на мой булатный нож никто не может думой подумать, мыслей помыслить, речи выговорить, так же на меня, р. Б. Н., на все мои капканы и ружья дробовки и винтовки. Иду я, р. Б. Н., с промыслом звериным и птичьим за огнем забытым; ежели завидит человек, черный, черемный, частозубый, редкозубый, женка белоголовка, девка простоволоска, поп, попадья, дьякон, дьяконица, дьяк, дьячиха, пономарь, пономарица, чернец, черница, от своей думы, от своей молвы и помолвы, от товарищевой думы, от своей семьи, черь моей думы, черь¹ моей речи, черь моей крови от колдуна, от колдуний, от говодуна², от говодуни, от всякого злого человека и всякую злую завидищею кровь, злому, лихому соли в глаз, смолы в глаз, дверсты³ в глаз. Всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь. Тем моим словам небо – ключ, земля – замок.

¹ Черь – чур.

² Говодун – волшебник.

³ Дресва.

Говорить три раза на нож, или на сук дерева, или на ком снега. Сей грамоты не показывать никому и не сказывать. (*Доставлена в редакцию Трудов Этногр. отд. холмогор. мец. Палеховым.*)

11. **Охотничьи заклинания на горностаев.** Господи Боже, благослови! Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротами, в чистое поле за воротами, из чистого поля во темный лес. В темном лесе стоит кипарис древо; под тем кипарисом сидит сама Мать Пресвятая Богородица. Держит она во своей десной руке три прута: прут железный, прут медный, прут серебряный. Ударю я первым прутом по сырым лесам, ударю я другим прутом по мхам, по болотам: сырые леса сшатаются, мхи-болота сколеблются; разбежались белые звери, горностаи на все четыре стороны; побегите вы, кривоноги, чернохвосты! Ударю я третьим прутом белого мужа, жубрила. Ай, ты, бел муж, жубрило, сам ты бел и конь под тобой бел; заезжай и залучай со всех черных сторон, со стока и запада, и с лета и с севера: идите со всех четырех сторон белые звери горностаи; как идет солнце и месяц и частые мелкие звезды и вся луна поднебесная, идет неотпятно, так идите на мой завод, на мои сгодья к моим плашкам, белые звери горностаи, а минуйте, проходите мои силья пасти; они не по вас излажены. Кушайте по плашкам мои яства; те мои яства слаще матерного молока. К этому моему слову ключ и замок, отношу я к Океану-морю. Есть на Океане-море остров велик, к берегу лежит бел горяч камень Алатырь; под камнем стоит живая щука, пожрет тот мой ключ и замок. Кто кругом Океан-море обойдет, кто около Океана-моря песок вызовет, кто из Океана-моря воду выпьет, кто ту живую щуку добудет, ключ и замок мой достанет – тот мой промысел попортит. (*Записал А. Харитонов, в Шенкурском уезде.*)

12. **На беличью ловлю.** Господи Боже, благослови, Отче. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Как родил-

ся сей раб младенец, не знает себе ни имени, ни вотчины, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; и ни страсти, ни боязни не имеет в себе, ни ума, ни разума, ни на ногах скорого и тихого хождения, ставания, скакания, и ни пути, и ни дороги, ни днины (дня), ни ночи, и тако же бы меня, раба Божия, ни огненного моего оружия, и свинцовой пули, ни пороху, ни моей промышленной собаки, белые звери, белки и всякие поголовные птицы не знали бы и не имели о себе ни ума, ни разума, в ногах скаканья, в крыльях маханья, и ни страсти, ни боязни в день, под красным солнцем, в ночь и под младым светлым месяцем, и находи на них на ум великий, на древах и будьте вы, мои слова, пушкой, белой зверю и белой голубой белке и всякой поголовной птице, будьте крепки, лепче клею, крепче синего булату Святым Духом, Божиим изволением. Господним благословением, всегда, и ныне и присно и во веки веков, аминь; и не пути, и не дороги, и не дни, не ночи, всегда бы были тихи, кротки и смиренны, так б передо мною, р. Б., белые звери и всякие поголовные птицы кротки и смиренны. *(Извлечено из старинной рукописи, доставленной из Пинеж. уезда Хромцовым.)*

ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТ ПЬЯНСТВА

1. *От пьянства.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Хмель и вино, отступись от раба Б. Н. в темные леса, где люди не ходят, и кони не бродят, и птица не летает.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа (дважды), хмель и вино, выходи на быструю воду, на которой воды люди не ездят; от раба Божия Н., хмель и вино, поди на буйные ветры, которой ветер по дальности ходит. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, привяжись к лихому человеку, который

на Н. лихо думает, к тому привяжись, который добра не сделает, от меня во веки отвяжись. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Выписано из старинной рукописи в с. Ворзогорах, Онежского уезда.)*

2. **От запоя.** Чтобы пьющий запоем уснул и после этого перестал пьянствовать, нужно взять у него воск, на который наговаривать:

Заря зарница, красная девица, сама мати и царица; светел месяц, ясные звезды, возьмите у меня бессонницу, бездремотницу, полуночницу, среди ночи приди ко мне хоть красной девицей, хоть матерью царицей и сложи с меня и отведи от меня окаянную силу, и дай мне Спасову руку, Богородицын замок. Ангел мой, архангел мой, сохрани душу мою, скрепи мое сердце, враг сатана, откажись от меня. Крестом крещусь, крестом ограждусь, крестом ангела призываю, крестом лукавого отгоняю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Знаю Святые знамения! *(Доставил г. Никольский, из г. Мезени.)*

3. **От похмелья.** Господине еси хмель, буйная голова! Не вейся вниз головою, вейся по солонь по... а яз тебя не знаю, где ты живешь, – вверх сыра древа влези ко своему господину в медные бочки и пивные; как не жить на огне, так на сем человеце лихие словеса (имярек), аще испьешь чашу сию, доколе мои словесе из меня сии изошли, из его, раба Божия (имярек), похмелье, господине хмель, как царь сидит во царствии своем; тако и ты сиди на месте своем, где родился! *(Пермский сборник. Кн. 2. 1860.)*

4. **Человеку похмелье умолвить.** Господи хмель, буйная голова, не вейся вниз головою, вейся в посонь (посонь, то есть по направлению движения солнца), под воргою, а я ж тебя не знаю, где живешь, в верх сыра древа, лезь к своему государю, в медвяные бочки и пивные, как не лежит на огне и так на сем человеке лихая словеса у (имярек): аще испиеш чашу сию, доколе из меня словеси сии изошли, а из сего раба Божия (имярек) похмелье.

Господи хмель, как царь сидит на царствии своем, так и ты сиди на месте своем, государь родись. *(Из старинного рукописного лечебника, доставленного г. Колчинским из с. Пингишей, Холмог. уезда.)*

5. Заговор от пьянства. Явился еси рабу своему непорочне, самоволне тебе превел еси от пьянства, раба Божия (имя), иже от девы тебе ради родится хотящему, святее венценосче, премудре мученице Вонифатие, избави, установи и укрепи раба Божия (имярек) от всякого хмельного питья и запойства, воздержи его от всех худых дел и обстояний и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. Пустынный житель, и в телеси ангел и чудотворец явился еси и богоносец, преподобне отце наш, Моисее Мурина, постом, бдением и молитвою небесные дарования прием, исцеляющее скорбные и печальные, избавляюще пьющие и запойные, и души верою приходях ти. Слава давшему тебе крепость и терпение, слава венчавшему тя, слава действующе тобою всем исцеление. Избави, устрани, установи и укрепи раба Божия (имя) от хмельного запойства и пьянства. Мурины заушив и лица демонов поплевав, мысленные приял еси, якоже солнце светло светом жилия своего и учением, наставляя душу раба Божия (имярек) избави, установи и укрепи от всякого хмельного пьянства и запойства, от сего часа по весь его век, до гробовой доски, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Из рукописной книжки Григория Даниловича Книголюбова.)*

6. Заговор от запоя. Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу делать над телом раба (такого-то). Тело Маерена печень тепе. Звезды вы ясные, сойдите в чашу бручную: а в моей чаше вода из-за горного студенца. Месяц ты красный, зайди в мою клеть; а в моей клети ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор; а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите раба Божия (такого-то) от вина, месяц, отврати раба такого-то от вина; солнышко, усмири раба такого-то от

вина. Слово мое крепко! («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. 1841. См. Чернокнижие.)

ЗАГОВОРЫ ОТ ПОРЧИ И ОТ КОЛДУНОВ

1. *От колдунов.* Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестсь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле под восточную сторону, под восточной стороной есть Океан синее море, на том на Океане на синем море лежит бело-латырь камень, на том бело-латырь камень стоит святая золотая церковь, в той золотой церкви стоит золот престол, на том злате престоле сидит сам Иисус Христос, Михаил архангел, Гавриил архангел, Иван Богослов, Иван Предтеча, Георгий храбрый, Николай Святитель Христов, угодник; я приду раб Божий с чистоте, поклонюсь и помолюсь; о, батюшка, истинный Христос, Михаил архангел, Гавриил архангел, Иван Богослов, Иван Предтеча, Георгий храбрый, Николай Святитель Христов, угодник, обставьте круг меня, раба Б., тын железный, верей булатны, на 120 верст, оком не окинуть, глазом не увидеть; пропускайте огненную реку! Отговариваюсь я, раб Божий, от колдуна, от ведуна, от колдуньи, от ведуньи, от черного, от черемного, от двоеженого, от троеженого, от двоезубого, от троезубого, от трубинова, от окошечнова, от сеннова, от девки простоволоски, от бабы от самокрутки, от всякого от злого находа человека. Может ли злой, лихой человек заговорить громче громову стрелу огненную, молнию, может ли испортить, изурочить мертвого? Может ли злой, лихой человек, колдун, колдуница, еретик, еретица, не может гром, громову стрелу, и огненную молнию, не может испортить, изурочить мертвого человека; брал бы злой, лихой человек, колдун, колдуница,

еретик, еретица своими белыми руками свой булатный нож, резал бы он свое белое тело своими белыми руками, грыз бы он свое белое тело своими белыми зубами; уста мои – зубы, замок – язык; во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. (*Заг. изв. из рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. Ст. Щапова.*)

2. **От портежа с ветра.** Берут с трех прорубей или колодцев воду, которою окачивают больного три раза; при черпании воду всегда размахивают на посолонь, а почерпнувши, приговаривают: «Царь речной! Дай воды наболтанной, на леготу, на здоровье рабу Божию (имярек)». Когда несут воду, не здороваются и не говорят. (*Записал священник Розанов, в с. Зимней Золотице, Арханг. губ.*)

3. **Заговор от порчи.** Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. От Богородицыной молитвы, от Иисусова креста, от Христовой печати, от святых помощи, от моего слова, отыди бес нечистый, дух проклятый, на сухие древа, на мхи и болота и там тебе место, житие, пребывание и воля. И там кричи, а не в рабе Божией (имярек) самовольничай. Сам Господь Иисус Христос, сама мать Пресвятая Богородица, вся небесная сила, Михаил архангел, Авоид? ангел, и все святые чудотворцы: Нифонт и Мароф, Киприян, Иустиния, Конон Исаврийский, Димитрий Ростовский, Илья-пророк, Николай Чудотворец, Георгий Победоносец и царь Давид, Иоанн Креститель и Власий, Истофер и Никита Великомученик, и мое слово страшно и заговор силен; запрещаю тебе, бес проклятый, дух нечистый, нигде не живи и не будь в рабе Божьем (имярек), выйди вон, сейчас и сию минуту, со всеми порчами и чарами и отыди от рабы сей прочь и поди в свое место, где был и куда тебя Господь Бог, Иисус Христос послал и где тебе велел жить, в бездну преисподнюю, в землю пустую неделанную, туда и поди, там и живи, а сию рабу остави навсегда, отныне и до века. Аминь, аминь, аминь. (*Из рукописной книжки Гр. Дан. Боголюбова.*)

4. *Заговор от порчи.* Выгоняю я, раб Божий, из рабицы Божией (имярек) всякого нечмстого духа именем Господним, Духом Святым, крестом животворящим, травую лютой, молитвами святых; посылаю ажского князя; выведи из сей рабицы (имярек) своего нечистого духа и дай опять старому хозяину, прибири опять на свои прежние руки, пошли его в морскую глубину, заключи его на веки в морской глубине тремя ключами железными, тремя замками булатными., запечатай его тремя печатями Соломоновыми, заключи его тремя заклätьями Господними; а ты, нечистый дух, не стани рабинами (рабыниными вероятно) телесами в правде... (Вырвана, к сожалению, страница из рукописной рукописи г. Гр. П. Боголюбова.)

5. *Заговор от порчи.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Сей заговор не на час, не на день, не на месяц, не на год, а на весь век и на всю жизнь, аминь, аминь, аминь, над аминями аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. От Бога святые чудотворцы, преподобные отцы и мученики в море и возмутися море от облак, сыдоша с моря на тридесять поприщ окаянных, нечистых духов, бесов проклятых, видения дьявола. О них же вопрошая их, святые чудотворцы, преподобные отцы и мученики Нифонт и Мароф, Киприан, Иустиния, Конон Исаврийский и Димитрий Ростовский, что вы за бесы проклятые пришли молитвою Христовою? Иже рекоша: мы проклятые и духи нечистые дети сатаны, князя адского, – и прочих вопросиша святые и великие чудотворцы и преподобные отцы и мученики и рече им: по что есть нечистые духи пришли? Они же рекоша: пришли есть мучить род человеческий христианский, кости ломити, разум и чувство расшибати, болезни и недуги предавати, пакости и вред творити, сердце щемити, в тоску и печаль вдавати, всего расслабляти, владение отнимати, разные козни действовати, губити и к смерти приводити, кто без молитвы ходит, пьет, ест, и что берет, и кто на пирах и свадьбах бывает, тот наш раб и дом, в того вселяемся,

гнездаяся живем, в того нас и колдуны сажают, и посылают; и возмолятся сии святые чудотворцы, преподобные отцы и мученики Нифонт и Мароф, Киприан, Иустиния, Конон Исаврийский и Димитрий Ростовский Богу о болящем рабе (имярек), Господи, Господи, Господи, избави род человеческий от сей мучительной болезни, порчи. Господь услыша молитву их, посла им святой крест на прогнание, Михаила Архангела, ангела Авоида, Илью-пророка и Николая Чудотворца и учнут вас разными муками мучити, мечами и жезлами железными бити, и стрелами поражати, и дающее вам ненавидящим по тьма тем ран и ударов на день, они же начаша вопити, великим гласом молиться святым чудотворцы Нифонт и Мароф, Киприан, Иустиния, Конон Исаврийский, Димитрий Ростовский, Михаил Архангел, ангел Авоид, Илья-пророк и Николай Чудотворец: не мучите нас, и отпусти нас в гульбище наше, и где мы ваше святое и великое имя услышим, от того раба (имярек) побегим, от роду его и от храмины его никакими кознями не прикоснемся за тридевять поприщ; и вопрошая их святые и великие чудотворцы, ангелы и архангелы имена назваши, у нечистых духов, как нареченный, первый рече: имя ми есть *Трясун*. Не может человек согреться в печи, и тоже падаю, роняю, припадки разные навожу; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Второй рече: имя ми есть *Огненный*. Как разжигаются дрова смолистые в печи, так разжигаю всякого человека сердце, главу; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Третий рече: имя ми есть *Сухотной*. И той ложится у человека у сердца под ребром и в боку, аки камень взымает, вздохнуть не дает, с души мечет сердце, сосет и щемит, всего крушит, мучит и сушит, на петит нет; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Четвертый рече: имя ми есть *Безумный*. Творю, забывает ум, счет не по порядку, не знает людей, с ума сбродит, не пьет, не ест,

так и одуренность творю; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Пятый рече: имя ми есть *Давотной*. К горлу приступает, храпит, кашлять не дает, у сердца стоит, душу занимает и зажимает, есть не дает; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и святыми отцами, аминь. Шестой рече: имя ми *Пухотной*. Надымаю у человека брюхо, аки пузырь говяжий, душу занимаю, проговорить не даю, тежкость делаю; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и святыми отцами, аминь. Седьмой рече: имя ми есть *Ломотный*. Ломлю и стреляю у человека кости, голову, руки, ноги, поясницу и спину, грудь и везде, аки дерево сырое, ломит; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Осьмой рече: имя ми есть *Сухой* и *Потаенный*. В человеке кости и всего сушу, сам таюсь и креплюсь, и тот человек, аки дерево засыхает и погибает; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и святыми отцами, аминь. Девятый рече: имя ми есть *Беснующий*, *Припадочный* и *Родимечно*. В человеке сижу, мучаю, с места на место перехожу, кличу, плачу, пугаюсь, Божьего всего не люблю, в обмороки и в припадки ударяю, разные действия и зло творю, бьюсь, расшибаю; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и святыми отцами, аминь. Десятый рече: имя ми есть *Расслабленный*. У человека ноги отнимаю, ходить не даю, члены расслабляю, корчу жилы ручные и ножные, голову ломит, сердце щемит; и той буде проклят самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Одиннадцатый рече: имя ми есть *Пьяный* и *Распутный*. Человека в запой и пьянство распутство и на блуд понуждаю, в тоску и грусть, задумчивость привожу, в ночи спать не даю, беси приступают, во очах визжат и на месте не уснет; и той буде всех проклятий самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Двенадцатый рече: имя ми есть *Смертный* и сильный начальник нечистых духов над чело-

веками, страшный мучитель и погубитель в человеках. Силуюся, мучаю, морю, гублю, разные пакости и зло творю, все ругаю, горжусь, ненавижу, во чреве детей гублю, похоть, плоть и уду владение отнимаю, ничего не боюсь, всякую святыню принимаю, крепкий до смерти, вот из рабы не выхожу; и той буде всех проклятий, изыди вон, аминь. И прочие многие рече имя нам: многие есть нас родов и пакостники разные нечистые духи, проклятый скраден, бесы, дьяволы, демоны окаянные и прочие разные неисчислимы, ведомые и неведомые пакости, зло и действия творим; и тии вси будете проклятии самим Господом нашим Иисусом Христом и св. отцами, аминь. Побегать все ненавидящие нечистые духи от роду Христа, от роду раба Божия (имярек), призову на вас архангелов, ангелов, херувимов, серафимов, престолов, господств, властей, силов, пророков, апостолов, мучеников, преподобных, праведников, угодников и всех святых, а сира сего ошире, аминь. Крест хранитель всей вселенной, крест красота церковная, крест царем держава, крест верным утверждение, крест ангелам слава, крестам бесам прогонитель и язва. Крест порченным и больным избавление и исцеление. Главе, груди, сердцу и животу, рукам, ногам, телу, суставам, костям, жилам, удам, частям, членам, крови, чувству и всему человеку на исцеление, самим Господом Иисусом Христом, Михаилом, Авоидом, Ильею, Николаем, Нифонтом, Марофом, Киприаном, Иустиниею, Канонем, Димитрием и всеми святыми Твоими Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй грешного раба Божия (имярек), аминь, аминь, аминь. *(Из рук. тетрадки Книголюбова.)*

НАГОВОРЫ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ

1. *Как ты, матушка Шорда-река*, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, коренья сди-

раешь, так смывай и сдирай с моей раба Божия (имярек) вшетовки, с резки и с мешени, с огненного боя, со всей оружейной приправы, ото всякого злого и лихого, и от промышленного, от колдовства и от всей нечистой думы. К тем моим словам небо и земля – ключ и замок; аминь. (*Записал А. Харитонов, в Шенк. уезде.*)

2. **Рыбий прикос.** Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Бог даст:

Буди моя рыбица неприкослива, неурослива, иди ко мне, рабу Божию, скоро, беспопятно и бесповоротно, против быстрые воды, осенние реки, назад не оглядывайся и в сторону не отворачивайся, иди ко мне, рабу Божию, ежедневно на утренней заре и на вечерней заре, в мои железные уды, рыбица налим большеголовый, и востроносица щука, красная рыбица семга, иди ко мне, рабу Божию Н.; по всяк день, и по всяк на утреней заре и на вечерней заре, в день под солнцем, а в ночь под месяцем и под частыми звездами, и под всею окружностью Божиею... Тем моим словам ключ и замок, именем Господним, Духом Святым, во веки веков аминь. А которое я, раб Божий, слово узабыл, узопамятовал, то слово мое буди в том же кругу и вострее вострого ножа, булатного топора, быстрее ключевой воды, именем Господним, Духом Святым, во веки веков, аминь, за аминем аминь. (*Крест. Леонтьев, Холмогор. уезда.*)

3. *То же.* Для рыбной ловли и для налимов, и для щук, и для семги, и для всякой, какую Бог дает на уду.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротами, пойду в чистое поле под восточную сторону, в зеленую дубраву, и стану я, раб Божий, на восточную сторону лицом и помолюсь и поклонюсь истинному Христу Царю небесному, и буди я, раб Божий, промышленник не урослив и не прикослив от своей крови, и от своей думы, и от буйного ветра, и от своего глаза, и от своего сердца, и от людской думы, и от молвы, от люд-

ского глаза. А кто злой, лютый человек подумает на мой добыток и на промысел и то бы ему себе да в пазуху, а что он радеет себе, то и мне на мой добыток и на промысел. По всяк день, по всяк час и по всяку ночь, и тем моим наговорным словесам ключ и замок именем Господним, Духом Святым, во веки веков, аминь.

4. *То же.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Небесной Троице, Отцу, и Сыну, и Св. Духу, и всем святым ангелам и архангелам. Отступись, дьявол, от всех дверей и от всех углов храмины сия, и от всех узлов ленных и посконных, и конопляных, и всяких разных ловушек. Здесь тебе нет ни места, ни части; здесь с нами, с рыболовами, рабами и рабынями (имярек), честный крест Господень, здесь Святая Троица: Отец, Сын и Дух Святой, здесь Мати Христа Бога нашего Пресвятая Богородица, держит в правой руке цвет и траву и дает нам, рабам и барыням (имярек), обкуривания для сохранения нашей рыбной ловли, льняных, посконных и конопляных ловушек, красной рыбы, семги, и белой рыбы, рака и щуки, и проч. Здесь начальники сил небесных: Михаил, Гавриил и Уриил и Рафаил, Херувимы и Серафимы и все небесные силы. Здесь святой Иоанн Предтеча и здесь святые апостолы Петр и Павел, и держат во правых руках Адамов крест, цвет и траву и золотые ключи и дают нам, рыболовам, рабам и рабыням, для ради сохранения нашей рыбной ловли для красной рыбы семги, и белой рыбы, рака, щуки, и прочих разных белых рыб. И здесь все святые апостолы, и три святителя и учителя: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст честный; здесь с нами, с рабами и рабынями (имярек), св. Николай великий хранитель, и здесь русские чудотворцы: Алексей и Иона; здесь мученик Агафон, здесь мученик Христов Никита. Здесь, с нами, с рыболовами, с рабами и рабынями (имярек), мученицы Христовы, Екатерина и Варвара, держат ладонь и кадило и дают (имярек) для обкуривания льняных сетей

и всяких разных наших ловушек. И все честные ангелы-хранители наши, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю на всяк день, на всяк час и на всяку ночь, в ветху и в новцу, и в меженных днях, перекройных, на зажив дней и на зажив ночей. Силою честного и животворящего креста Господня сохраняй нас, Господи, рыболовов, рабов и рабынь (имярек), на сем древе крестном распятый Иисус Христос. Аминь (трижды). По благословению Господню идите святые ангелы ко синю морю, с золотыми ключами, отмыкайте и колебайте сине море ветром и вихером и сильною погодою, и разбудите красную рыбу, семгу, и белую рыбу, и раки, и щуку, и прочих разных рыб, и гоните из-под мху и из-под виченого куста, и из крутых берегов и желтых кустов, и чтоб она шла бы к нам рыболовам, рабам и рабыням (имярек), в Местушку-реку, быструю Двину, и в разные реки и озера, и во всякие водяные притоки; и не застоялась бы на красном солнце, и не загулялась бы с охотной травы, и шла бы к нам, в наш рыболовный завод, и не боялась бы и не пятилась наших ленных и посконных, и конопляных сетей, и всяких разных наших ловушек. Не дайте, святые ангелы, очам ее виду, ушам ее слыху, и еще, святые ангелы, сохраните нашу рыбную ловлю от уроков и от прикосов, от еретика и от еретицы, от клеветника и клеветницы, от мужней жены и от вдовицы, и от девки простоволоски, и от всякого ветреного проходящего человека, отныне и до века, аминь. Христос воскрес! (*Запис. А. Харитонов, в Шенк. уезде.*)

5. Слова, рыбу лучить. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Как да народ Божий, православные христиане из церкви, с домов и изо всяких мест, и за Спасом, и за Пресвятой Богородицей идут на Иордан, и придут на Иордан и станут, с места на место не перехаживают и не погуливают, так же бы ко мне, рабу Божию (имярек), рыба в лучь всякая шла: лоси, семги, хариусы, сиги, щуки, налимы, язи, подъязки, окуни, сороги, и всякая рыба шла с

ям, с плес и с травы, из лапуги, из крежьев, из ручьев, из всяких мест дресвы и на росити, и придут в лучь и стали бы они, с места на место, не пережаживали, и не погуливали на утренней заре и среди ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни остожья, ни шеста, ни меня, раба Божия (имярек), ни товарища моего кормщика (имярек). Всегда ныне и присно и во веки веков, аминь.

Говорить сие трижды, когда станешь лучить зажигать. (Ночная ловля рыбы при помощи огня.)

Как престол Господень стоит среди алтаря, не шевелится, так бы не шевелиться, не похаживать, так же бы у меня, раба Божия (имярек), рыба с луча не шевелилась и не похаживала на утренней заре и на вечерней, и на среди ночи темной.

И говорить сие трижды, и к тому же: «Как поп стоит на ердане, не шевелится и не похаживает, так бы и у меня, раба Божия (имярек), и рыба с лучу не шевелилась и не похаживала на утренней заре, на вечерней и среди ночи темной». Говорить сие трижды.

Обереж: как первую рыбу добудешь и с остроги снимешь и говорить в рот ей трижды и плюнуть: «Чур моей рыбы и чур моего промыслу, чур моей думы, крови, чур меня р. Б. (имярек), промышленника, чур моего коршика». И положить рыбу в лодку и поезжай. Бог в помощь. (*В Труды Этн. отд. 1878. От г. Хромцова.*)

6. Для удачного лова рыбы. Пойду я на быстру реку, на ей есть рыбки потрепущи, и спустили бы мы невод, как шелков пожок, и в этот неводок, в каждый поводок наскakало бы рыбы, как чины¹. (*Доставил г. Никольский из г. Мезени.*)

7. При наживке червей на крючок. Когда наживляют на крючок червей, а иногда рыбу, то приговаривают: «Рыба свежа, наживка сильна, клюнь, да подерни, ко дну потяни». (*Записано г. Ефименко, в Холмогорах.*)

¹ Слово «чины» не объяснено доставителем.

8. **На ужение.** Для того чтобы на удочку попадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбку, секут с приговором: «Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д.» – и пускают обратно в воду, освободив от крючка. (*Записано г. Елизаровым в г. Архангельске.*)

9. **Для удачи на промысле.** По благословению Господню, идите св. ангелы ко синю морю, с золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море ветром и вихрем и сильною погодою, и возбудите красную рыбу и белую рыбу и прочих разных рыб и зверей морских; и гоните их из-под моху и кустов, от крутых берегов и желтых песков, и чтобы они шли к нам, рыболовам и звероловам (перечисляются имена всех промышленников), и не застаивались бы при красном солнце, и не залеживались бы на льдинах среди моря и шли бы в наши заводы, сети и ловушки, и не пятились бы наших ленных и конопляных сетей и всяких разных ловушек, и не пужались бы наших выстрелов и колотушек. Не дайте, св. ангелы, тем зверям и рыбам: очам их – виду, ушам их – слуху, и еще, святые ангелы, сохраните нашу рыбную и звериную ловлю от уроков и от прикосов, от еретика и еретицы, от клеветника и клеветницы, от мужней жены и вдовицы, и от девки простоволоски, и всякого ветреного, проходящего человека и порчельника, отныне и до века, аминь. Христос воскрес. (*Доставлено г. Никольским из Мезени.*)

ЗАГОВОРЫ ОТ ЛИХОРАДОК

1. **От трясцы.** Писать по ровну на бумаге три имени: Анфака, Иугалы, Фатулей.

(*Из старинного лечебника, доставленного свящ. А. Колчиным из с. Пингищей Холмог. уезда.*)

2. **От лихорадки или дрожжалки.** Больной, если хватит силы, идет в лес, находит осину, кланяется ей и го-

ворит: «Осина, осина, возьми мою тряси́ну, дай мне леготу!» После того перевязывает осину своим поясом. (*Записал Е. Ивановский в Шенкурском уезде.*)

3. *То же.* Мать ты моя вечерняя звезда, жалуюсь я тебе на двенадцать девиц Иродовых дочерей.

Заговаривают по вечерним зорям, заговор читают по три раза, отплеывая после каждого в левую сторону с словами: «Покуда я плюю, потуда б рабу (имярек) хворать». (*Из очерков «Поверий, обр. прим. и гад. в Вор. губ.», свящ. маг. Федора Никонова.*)

4. *От лихорадки.* Молитва от святого Силиния и Сихайла и четырех евангелистов: Иоанна Богослова, Марка, Луки, Матфея.

Стоит среди моря столп камень, у столпа сидит Силиний и Сихайло и зрит (с?) святым Силинием в море: возмутилася вода под небесем, изыдоша из моря 12 жен простовласых, и окаянных видением их дьявольским, и вопрошали их св. Силиний и Сихайло: что есте за жены? И они рекоша ему: а мы есмы трясовицы и дщери Ирода царя. И вопрошает их св. Силиний и Сихайло: «Окаянный дьяволи! Почто ести семо пришли?» И они рекоша ему: «Мы есми пришли мучите христианского роду: аще хто перепьет, того мы мучим; аще хто завтрону воскресенскую проспит, Богу ее не молит, в праздники честные блуд творит, не чист ходит, рано пьет и ест, то ваши (ниша) угодники». И помолился св. Силиний и Сихайло: «Господи, Господи! Избави род человекъ от окаянных дьяволей!» И услыша Господь Бог молитву и посла к ним (*то есть к трясовицам*) Силиния и Сихайла и четырех Евангелистов: «Матфея, Луку, Марка, Иоанна Богослова – и веле мучити их дубцы железными и дати им по три тысячи на день ран. И они (он) рекоша и начаша молитися: святии великие Силиний и Сихайло и четыре Евангелиста: «Марко, Лука, Матфей и Иоанн Богослов! Не мучьте нас! Где ваши имена святые да слышим и не противимся

ни в коем роде, в мужеском и в женском, – и мы того роду, мужеского и женского, бегаем за тридевять попрещ». И вопрошает их святой Силиний и Сихайло и Апостолы, четьре Евангелиста, что ваши имена? Едина рече: мне имя Огния: коего человека поймаю, тот человек разгорится, аки пламень на печи, также я разжигая всякого человека. Вторая рече: мне имя Ледиха: я коего человека поймаю, тот человек не может в печи согреться. Третья рече: мне имя Желтая – аки цвет дубравный. Четвертая рече: мне имя Глохня: которого я поймаю, тот человек может быть глух быть. Шестая рече: мне имя Юдея: коего я человека поймаю, тот человек не может насытиться многим брашном. Седьмая рече: мне имя Корчя: коего человека поймаю, тот человек корчится вместе руками и ногами, не пьет, не ест. Восьмая рече: мне имя Грудя: которого человека изловлю (поймаю), лежу на грудях и выхожу храпом внутрь. Девятая рече: мне имя Проклятая: коего человека поймаю, лежу у сердца, аки лютая змия, и тот человек лежит друдно (трудно). Десятая рече: мне имя Ломеня: аки сильная буря древо ломит, тако же и яз ломаю кости и спину. Одиннадцатая рече: мне имя Глядея: коего человека поймаю, тому человеку сна нет, и приступит к нему и мутится... Двенадцатая рече: мне имя Огнеястра: коего человека поймаю старого, тот не может жив бытии». Молитвами святых апостолов, ангел, Силиния и Сихайло и четьрех Евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна Богослова, царь славы Иисус Христов ника (?). Крест хранитель вся вселенные. Крест – красота церковная, крест – царев скипетр, крест – князем держава, крест – верным утверждение, крест – бесам язва, крест трясовицам прогнание; прогонитесь от раба Божия (имярек) всегда, и ныне, и присно и во веки веков, аминь. А говорити сия молитва трижды над главою больного, положи крест в воду на блюдо, и та вода пити, давати больному. (См. *Пермский сборник*. 1860. Кн. II. Из рукоп. сб. XVII в.)

5. *От лихорадки.* На горах афонских стоит дуб мокрецкий, под тем дубом стоят тринадцать старцев со старцем Пафнутием. Идут к ним двенадцать девиц простоволосых, простопоясых, и рече старец Пафнутий с тремя надесять старцами: кто сии к нам идоша? И рече ему двенадцать девицы: Есть мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: зломите по три прута, тем станем их бити по три зари утренних, по три зари вечерних. Возмолились двенадцать дев к тринадцать старцам с старцем Пафнутием. И не почто же бысть им мольба. И начаша их старцы, глаголя: ой, вы еси двенадцать девицы! Будьте вы трясуницы, водяницы, расслабленные, и живите на воде студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте. Побегоша двенадцать девиц к воде студенице, трясуницами, водяницами, расслабленными.

Заговаривая я раба (такого-то) от иссушения лихорадки. Будьте вы прокляты двенадцать девиц в тартарары! Отыдите от раба такого-то в леса темные, да древа сухие.

6. *Заговор от всякой лихорадки.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Сей заговор не на час, не на день, не на неделю, не на месяц, не на год, а на весь век и на всю жизнь, аминь, аминь, над амином аминь. В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово, аминь. От Бога, посланный Святой Апостол Иоанн Креститель во Ердане, и возмутися море от облак, изыдоша из моря на весь свет многое множество окаянных, простоволосых, безобразных и скаредных жен сих видения дьявола Белове, оных же вопрошая святой апостол Иоанн Креститель, что вы за жены, проклятой лихорадки Ирода царя и прочих, попросиша многих святой апостол, великий Иоанн Креститель, кто вы скаредные? Куда идете? И по что есть бесови пришли? Они же отвещаша ему: мы жены трясовицы, лихорадки, кумоху, ворчуши, дочери царя Ирода, жены бесовские, роду нечистого, нас главных двенадцать, злых, а прочих

нас разных несколько тысяч без числа есть, знаемые и незнаемые. Идем мы на всю землю, во весь мир мучити род человеческий, главы расшибати, кости ломати, сердце щемити, чувство и владения отнимати, разным недугам, немощным, хворобам, убожествам, скорбям и болезням предавати, к смерти приводити; человекoв изнуряти и губити; кто не бережется и без молитвы, не благословясь, ходит, делает, пьет, ест и грехи разные творит, и себя не хранит, тот наш и угодник, и мы в него сами вселяемся и живем, вред и пакость творим, что хотим, что бесы в человеке творят, то и мы, еще вяще их творим. Заклинаю я и запрещаю вас, окайнные, скарედные всех лихорадок именем Господа Бога нашего, Иисуса Христа, Святые и Живоначальные, и Неразделимые, Единосущные Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Силою честного и Животворящего Креста Господня, и живоносным Источником Пресвятые Владычицы Нашея Богородицы и присно Девы Марии, и всех небесных сил бесплотных, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, началами, престолами, господствами, властями, силами, и всеми пророками, и семидесятью апостолами, и евангелистами и всеми мучениками, преподобными и угодниками, праведниками, и святыми мужеска и женска пола соборами, и ликами, вскоре бежите от раба Божия (имярек), за то поприще в пустые леса, непроходимые места, иже же жилище человеком и скотом несть, аще же прослушайте мене и не побежите от раба Божия (имярек) и я призову и попрошу на вас имя Господне Саваофа, Иисуса Христа; и взмолися сей святой великий апостол Иоанн Креститель Предтеча Богу о болящем рабе (имярек): Господи, Господи, Господи! Избави род человеческий от сей великой мучительной болезни. Господь услыша его, молитву святого апостола, посла апостолу святой крест и жезл, ему на прогнание грозного воеводу Михаила, архангела Гавриила, Рафаила архангела, ангела Авоила, и Разоила, херувима и серафима, пророков Илью и царя Да-

вида и Соломона, и четырех Евангелистов: Луку, Марка, Матфея и Иоанна Богослова, и святых чудотворцев и целителей Кузьму и Дамиана, Кира, Иоанна, Пантелеймона и Ермолая, Самсона и Деомида, Фокия и Анетиты, Фалалея и Трифона и Св. мученик Феогнию, Руфа, Антипатра, Магна, Феодота, Фавмасия, Фелимона, Феостика, Артема, Факия, Феогова, Мага, Фому, Мемнона, Фокия, Марона, Влазия, Ермолая, Кирик, Иулита и Фокиния, Прасковия Пятница, Николай Святой, отцы: Антоний и Феодосий, Изосима и Саватия, Василия нового и Сахария и Сахаила, Дионисия нароля, Пимена и Сосинии, Сисона и Пафнутия и Крестиа? Апласисия? Артемия веркольского, Николая Чудотворца, Ивана велика, Иосифа Прекрасного и Александра Македонского, апостола Петра и Павла; и учнут вас разными муками мучити и тысячами прутьями железными бити и дающее вам, ненавидящим, по тысячи ударов в день и по тысяче ран неисцельных, тяжких, нестерпимых: они же начаша вопити, великим гласом молиться: святые архангелы и ангелы, евангелисты, пророки, апостолы, мученики и святые, преподобные отцы все, не мучите нас и отпустите нас в гульбище наше, и где мы ваше святое и великое имя сие услышим и заговор сей кто читает и читать станет, от того раба (имярек) побежим, от роду его изнутри его и от храмины его, и никакими кознями не прикоснемся за тысячу сажен. И вопрошая их святой и великий апостол Иоанн Предтеча креститель, архангелы, ангелы, пророки, апостолы, евангелисты, мученики, святые и преподобные отцы все сии имена назвать... (неразобрано) у девиц бесовиц, как нареченные. Первая рече: имя мне есть *Женнохолла и Трясовица*¹: трясую всякого человека, что не может согреться в печи яже жар и холл велик творю, озноб, подир и свербу творю. Та буде проклята Господом нашим Иисусом Христом и Св. отцами, аминь. Вторая рече: Имя мне *Переमेжающая и дневная*: мучаю ежеднев-

¹ Ср. с именами лихорадок прочих заговоров.

но, двухдневно, трехдневно, четырехдневно и недельно, monthly, да яже перемежаюсь разными новыми и незнанными болезнями, и немощами человека мучаю, и разные хвори, недуги и убожества всякие навожу и все на свете бывшие и не бывшие новые болезни творю и открываю. И та буде проклята Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Третья рече: имя мне *Безумная*: с ума сбродит, заговаривается, все мелет, говорит, что попало, не знает людей и спит много и мало, не пьет, не ест, в ночи и на месте спать не даю. Беси, девицы и бабы приступают все, во очах видится и представляется, я же в голове сижу, главу разбиваю, мозги вороचाю, ум мешаю, непорядок, дурь, припадок и как беснующую творю, шум и лом голове, и слепоту и сны разные, и многие пакости навожу. И тая буде проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Св. отцами, аминь. Четвертая рече: имя мне есть *Переходная*: перехожу у человека по различным местам с места на место, ломлю кости, спину, поясницу, главу, руки, ноги; ною, сверлю, мощу, ложусь у человека под ребром, у сердца, поясницей, в боку, в животе, аки камень или перок возымаю, вздохнуть и стоя кашлять и проговорить не даю, с души мечу, душу занимаю и зажимаю, кашель и одышку творю, сердце щемлю и ломлю, и сосу, сушу, крушу человека; тоску, скуку, печаль, заботу, невеселие творю, аки бес претворяю. И та проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Пятая рече: имя мне *Скорбная*: человеку разные немощи, недуги, хворости, убожества, вреды, скорби и болезни всяки творю внутри и наружи и яже подобна порчи всякой делаю. И тая буде проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Шестая рече: имя мне есть *Расслабляя*: расслабляю человека, аки мертва, немеют и дрожат все члены и суставы яже отнимаю, ход и владения бесчувствия ногам и рукам, корчу руки, ноги, жилы, и свожу, немоту и косноязычие творю, ум, память и чувство отнимаю, и мно-

гие пакости творю. И та буде проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Св. отцами, аминь. Седьмая рече: имя мне есть *Пухлая*: надымаю и разрастаю у человека брюхо, аки пузырь говяжий; ноги и все тело отекает и опухает, желчь напускаю, душу занимаю, кашель и чахотку творю, гноение и запор делаю. И та буде проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Св. отцами, аминь. Осьмая рече: имя мне *Тайная*: разные скорби и невиданные творю, яже хитрая, мудреная, неисповедимая, недознаемая, несказанная, неизвестная; никто не может меня познати, и доведатися, и болезни мною творимой никаких врачеств прибрати, исцелити, яже лекарств Божества и ничего не боюсь, сама желаю, прошу, все, что хочешь принимаю и сижу, яже самая сильная, крепкая, таюсь, кроюсь, креплюсь, перехожу и творю, что бесы творят, только от сего заговора изыду. И тая буде проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Девятая рече: имя мне *Белая*: жар и огонь велик в человеке навожу, безумие, беснование, припадки, обморок творю, все в очах, в голове разной видения и слухи преставляю, ум, память, брожу, плачу, смеюсь, кричу, говорю, падаю, силу, дерзость, боязнь, страх, пугание, бессоние, мечты, бред, пустование? и глаголы неверные навожу, и прочие козни творю. И тая будет проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Десятая рече: имя мне есть *Противна*: ничего ненавижу, не терплю, не люблю, человеку во всем надоедаю, против всех горжусь, грублю, ненавиствую, злюсь, бранюсь, все в постыл день, нехотение, нежалость и зависть, и в смех привожу, в позор, и брань и смех навожу. И та буде проклята Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Одиннадцатая рече: имя мне есть *Причудница*: в человеке сижу, прячусь, когда меня выгоняют, чрез долгое время опять отрываюсь, прихожу, причужаю всего, пить и есть хочу, а иногда не хочу, избавления всякого бегаю, ненавижу человека, от-

вращаю, отговариваю, в очах сама являюсь женским образом... (неразобрано слово), сны разные навожу, человека давлю, душу, и многие действия и козни творю. И та буде проклята самим Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Двенадцатая рече: имя мне *Смертная*: та буде всех проклятий на болящем человеком страшная, плясовица, и представница, и угодница Ирода царя, та усекнула главу Иоанна Предтечи, и принесла пред царем на блюде. Она же в человеке сидит, до смерти мучает разными муками, и болезнями, к смерти, пагуби и бедствию разному приводит, всякого божества боится, а иногда и желает творить подобно порчи, и беснуемому. Та буде всех проклятий самим Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. И прочие многие все рече: имена нам и числа неисповедимые, неисчислимые, многие тысячи есть, всяких разные пакости, вреды, козни, скорби, недуги, хвори, убожества, немощи и болезни творим человеку. И тии будете все прокляты самим Господом нашим Иисусом Христом и Святыми отцами, аминь. Побежать все ненавидящие дьяволы от роду Христа, от роду раба Божия (имярек), призову на вас архангелов, ангелов, херувимов и серафимов, пророков, евангелистов, апостолов, мучеников, святых отцов, и чудотворцев, и прогнании будете в преисподней адские места, и даже скрежет зубовный и огонь неугасимый. А Господень крест хранитель всей вселенной, крест красота церковная, крест царем держава, крест верным учреждение, крест ангелам слова, крест бесам язва, и вам, окаянным трясовицам, прогонитель, крест больным исцеление, главе, груди, души, сердцу, утробе, рукам, ногам, крови, телу, костям, жилам, составам, членам, удам, частям и всему человеку исцеление, самим Господом нашим Иисусом Христом, молитвами Пресвятые наша Богородицы и Приснодевы Марии, архангелами, ангелами, всеми небесными силами бесплотными, пророками, евангелистами и апостолами, и всеми преподобными

мучениками, угодниками, праведниками, и всеми святыми отцами и женами, чудотворцами. Господи Иисусе Христе Сыне Божий и помилуй грешного раба Божия (имярек). Сия вода с креста Господня, да исцелит раба Божия (имярек) не лживо, истинно, во веки веков, аминь. (Проточной воды наговорить и с креста найденного дать пить, и умываться, и на главу лить.)

7. Заговор от лихорадки. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Вначале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. (Написать эти слова на верхней корке с хлеба, и давать натошак есть три утренних зари.) *(Из рукописной книжки. Гр. Д. Книголюбова.)*

8. От лихорадки. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. При море Черном стоит столб каменный и все стоят четыре Евангелиста: Иоанн Богослов, Лука, Матфей, Марк и Ангелы Христовы, сами зрят на море. И вышед из моря 12 жен сестер простоволосых, и окаянных видением, и вопросиша их святые отцы и ангелы: Что вы за жены окаянные видением? Куда идете? Они же отвечаща, что идем искати и мучити рода человеческого. Они же начаша их самих мучити и давали им по 300 ран по хребтам их. И начаша окаянные видения молиться: Господи, ослабите нам, и где заслышим имена ваши Святые, то от того человека, раба Божия, бежим прочь за семь поприщ; и вопросиша их Святые отцы и ангелы Христовы, что суть имена ваши? Они же, окаянные, сказаща имена сии: мы дщери Ирода Царя, а зовут нас Трясовицами и имена наша: 1. Кашея, 2. Овена, 3. Каса, 4. Орыста, 5. Оледья, 6. Ломеня, 7. Кашлея, 8. Горлея, 9. Пухлея, 10. Вертея, 11. Желтица, 12. Горница. И рекоша им святые отцы и ангелы Христовы: С нами Бог, и где заслышите имена наши святые и молитвы Иисуса Христа, то от того человека, раба Божия, бежите прочь в крутые горы; на сем рабе Божиим (имярек) Христово знамение, крест хранитель всея вселенные, крест красота церкви, крест царям держава, крест верным

учреждение, крест ангелам слава, крест демонам язва, крест прогонитель бесов, огневиц, трясовиц и утренних костоломных, жильных, корчуньев, крест избавляет всякого человека, верующего в него. Аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Рече ангел Господень: заклиная вас, окаянных, грозными воеводами: Михаилом и Гавриилом архангелами и святыми Апостолами и Евангелистами, Иоанном Богословом, Лукою, Матфеем и Марком, и преподобным Сисизием, всех огневиц, трясовиц, утренних костоломных, жильных, корчуньев, да не прикоснется к нему, рабу Божию (имярек), аминь. «Да Воскреснет Бог... (говорить до конца). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. В начале бе Слово, и Слово бе Бог, и Бог бе Слово. Сей бе искони Богу, вся тем быша, и без него нечто же бысть, еже бысть. Аминь. Крест хранитель всея вселенные, крест красота церкви, крест царям держава, крест верным учреждение, крест ангелам слава, крест демонам язва, крест прогонитель бесов, огневиц, трясовиц и утренних костоломных, жильных, корчуньев. Аминь. О великий пророче, Предтечи и Креститель Господень Иоанн и Святые Апостолы, Христовы Евангелисты: Иоанн Богослов, Лука, Матфей и Марко, и святые Архистратиги Божии: Михаиле, Гаврииле и Святые Кузьма и Демьяне, и святые 9 мученик, и преподобный отец Сисинии и все святыя, избавите сего раба Божия (имярек) от всякой болезни, от лихорадки, огневиц, трясовиц и утренних костоломных, жильных корчуньев, и изгоните из сего раба Божия (имярек) изнутри живота и сердца его. Аминь».

Стих сей прочитать трижды перед иконою, над водой и потом этой водой вымыть больного и напоить, а потом будет он здрав. *(Выписано из старой рукописи П. Е. Ефименком.)*

9. **От лихорадки.** На море на Океане, на острове на Буяне, лежит камень Алатырь, на том камне сидят три старца с железными прутьями; идут к ним навстречу 12 сестер ли-

хорадок. – Вы куда идете, грешные, окаянные, проклятые? «Идем в мир, у людей кости ломать, да силу вынимать». – Воротитесь, грешные, проклятые, окаянные. – «Мы тогда воротимся, когда эти слова будут все знать да по три раза читать». (*Доставил г. Иванов, из города Пинеги.*)

10. **От трясовицы.** Напиши на служащей просфоре, дай ясти больному, сию молитву:

а) Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, якоже Святой Аркадий укроти льва в пустыне, тако и ты, Господи, укроти Трясовицу сию в рабе Божиим (имярек), всегда, ныне и при-сно, и во веки веков, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумаге, которую когда болящий выносит три дня, сжечь и тот пепел выпить, растворив святою водою. (Молитва следующая):

Шедшему святому Сисинию от горы Симойские обрете бесится, имуща очи разжены и руце железны, и власы верблужьи, и рече ей Святой Сисиний. – Где идешь, нечистая душа, и откуда еси? Она же отвеща ему и рече: Аз иду юность женску иссушити, млеко остановить, а младенцы погубити, очи возвратити, а другие родят глухи и немые, и погублю во чреве материном. Тогда помолися Святой Сисений Господу Богу, и предста ему святой архангел Михаил, ухвати ее вкова десной рукою своею, и рече ей: Аще ми не кленешися, не отыдешь от руки моя, – она же кляется ему и рече тако:

Мышца великого Бога и непоколебленная, яко не имать ти солгати, да аще кто может начинати, двенадцать имен моих, не имам приблизитесь к тому человеку, ни к дому его, а имена мои: 1-е Вящепца, 2-е Бясица, 3-е Преображница, 4-е Убийца, 5-е Елина, 6-е Полоблющая, 7-е Имарто, 8-е Урия, 9-е Изъедущая, 10-е Негризущая, 11-е Голяда, 12-е Налукия¹. И рече ей архангел Михаил: Заклинаю, проклятая сатана, Иисусом Христом, Сыном Марииным, той изгонит Трясовицы от раба Божия (имярек) и от дому его,

¹ Ср. с названиями, упомянутыми <в заговоре «От лихорадки»>.

молитвами и заступлением честных, небесных сил бесплотных, и святые причастия преблагословенные Владычицы нашей Богородицы, и Приснодевы Марии, и святого великомученика и Победоносца Георгия, и всех святых молитвами; оставися трясовица от раба Божия (имярек). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. *(Списано П. С. Ефименком со старинной рукописи в Холмогорах.)*

Общее заключение о лихорадках и заговорах на эту болезнь. Лихорадки действительно, как это известно и в медицине, очень близки к горячкам. Те и другие по большей части происходят от простуды или появляются в человеке во время расстройства здоровья. Часто раненный от потери крови получает лихорадку. Лихорадки вообще господствуют между жителями приморских стран, а также в странах, обилующих болотами, от того-то, может быть, народная поэзия создала миф лихорадки, непременно возникающие или из Черного моря, или из моря Океана. Кроме разнообразных названий, встречающихся в разных предложенных читателю заговорах, встречается множество других, как, например, встречаем в заговоре (его не помещено здесь), заимствованном г. Батраковым, помощником миссионера, из старинной рукописи в с. Ухтострое, Холмог. уезда, следующие имена лихорадок: Тресея, Огня, Недра, Ломея, Усма, Оглухица, Томея, Пухлея, Желтея, Окоркуша и Гладея.

Кроме упомянутых заговоров на лихорадку, есть еще множество других примет и заговоров. Но мы должны напомнить читателям одно, что, кажется, все внутренние болезни, какими в старину страдали наши предки, по их понятию и по смыслу заговоров считались лихорадками, и по смыслу некоторых заговоров можно заключить, что лихорадки, по мнению народному, были то же, что демоны, а болезненные действия сравнивались с порчею, и часто эти болезни перемешивались и отчитывались безразлично.

Г-н Сахаров говорит, что понятия русского народа о лихорадках заимствованы от павликиян. Православную Церковь были преданы проклятию: *Вопросы к Богородице о недуге естественном, еже именуется трясовица*. См. Иоанна, Экз. Болгарского, изданного Калайдовичем, с. 210.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ ЗУБНОЙ БОЛИ

1. *От зубной боли.* Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Господня Храмина тебе не гарывать, у раба Божия (имярек) зубам не болевать отныне и до веку, во веки, аминь. (Сей заговор от зубов проговори трижды. Которая изба на другое место переставлена, приди и отковырь щечочку, и положи на больной зуб, как раз проговоришь, избе поклонись¹.)

2. *То же.* Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня раб Божий (имярек), есть у него на зубах черви, а ты оных выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя в третий день отпущу. (Проговоривши, крапиву, растущую на свободе, привязать книзу, то есть, преклонив к земле, а на третий день отвязать.)

3. *То же.* В полночь, когда часы начнут бить 12, в то время сходи к церкви, и укуси трижды коренную паперть (у главного входа), и три раза скажи: Как камень сей крепок, так закаменей зубы мои крепче камня. (При сем три раза плюнь и поди прочь, и не оглядывайся, и прочти три раза «Верую».)

4. *То же.* На море на Океане, на острове на Буяне, стоит соборная апостольская церковь, стоит Мать Пресвятая Богородица, и преподобный Антипий, зубной исцелитель. Он просит и молит угодников Божиих о рабе Божиим (имярек), как бы у вас, угодники Божии, зубы не болели, так бы у р. Б. (имярек) зубы не болели. Во имя Отца, и

¹ См. Таинственные чары.

Сына, и Святого Духа, аминь, аминь, аминь. (Наговори на сучок, или редьку, или на сучок ели.)

5. *То же.* Каин! Каин! Каин! Вели спросить брата своего Авеля: не болят ли у него зубы? Нет. – Так бы у раба Божия (имярек), нет. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь. (Наговори на соль и клади на зубы.)

6. *То же.* Если пойдешь случайно улицей и найдешь кость бараньей челюсти, то перекрестись три раза и говори три раза: «Отче наш». Потом скажи еще три раза: «Кость ты моя, кость зубная! Избави меня от зубной ломовой болезни, а я тебя избавлю от мокроты». – И, взяв эту кость, подоткни ее в горнице, где в сухое место, и будешь здоров.

7. *То же.* Заря зарница, красная девица, полуночница! В поле заяц, в море камень, на дне Лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою от проклятого Лимаря; за твоим покровом уцелеют мои зубы. Враг Лимарь, откачнись от меня, а если будешь грызть мои белые зубы, сокрою тебя в бездны преисподние. Слово мое крепко! («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. Чернокнижие, с. 22.)

8. *То же.* Месяц ты, месяц, серебряны рожки, золотые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака, моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенести. Вот зубы, вот два, вот три; все твои; возьми мою скорбь. Месяц, ты месяц, сокрой от меня свою скорбь. («Сказания рус. нар.» Сахарова. Том I. 1847. Чернокнижие, с. 23.)

9. *То же.* Иду я не улицею, не дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам. Навстречу мне заяц. Заяц, ты заяц: где твои зубы? Отдай мне свои, возьми мои. Иду я не путем-дорогою, а сырым бором, темным лесом. Навстречу мне серый волк. Волк, ты серый волк, где твои зубы? Вот тебе мои зубы, отдай мне свои. Иду я не землею, не водою, а чистым полем, цветным лугом. Навстречу мне старая баба. Старая ты баба, где твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалые. Заговариваю я зубы крепко-

накрепко у раба (такого-то), по сей день, по сей час, на веки веков. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. Чернокнижие.*)

10. *То же.* Марфа, Мария и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите к своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не ломит ли у него кости? Нет, сестрицы! Не болят у меня зубы, не ломают у меня кости. Заговариваю я раба (такого-то), чтобы у него не болели кости, не ломили зубы по сей час, по сей день, по всю жизнь. Чудо водяной! Возьми зуб ломовой у раба (такого-то). Не болят у раба (такого-то) зубы. Болят зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, по все часы, по всю их жизнь, злым мученьем и сокрушеньем. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. Чернокнижие.*)

11. *То же.* Если у какого человека болят зубы, то берут щепотки в соль и кладут на зубы.

Стану я, раб Божий Н., благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле за дворами, на восточную сторону, по пути же мне святой Авраам, Исаак, Яков, насупротив их в синем Океане-море плавают утопый мертвого человека труп, а по под ясному небу летит ясный сокол. И спрашивают святой Авраам, Исаак и Яков: что ты, утопый мертвого человека труп, не болят ли у тебя зубы, не щиплет ли щеки, не грызет ли алаков? Ответ им держит мертвый труп с синего моря: Св. Авраам, Исаак и Яков, у мертвого человека не болят зубы, не щиплет щеки и не грызет алаков, а у ясного сокола не пришевают губы, так же у р. Б. Н. не болели бы зубы, не щипали бы щеки, не пришевели губы и не грызло бы алаков, век по веку, отныне и до веку. Будьте мои слова крепки, как камень на воде, и на земле, на хлебе и соли. Всем моим добрым словам небо ключ, земля замок и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. (*Наряд Устьянад. удел. приказа о до-став. в Арханг. конт. этногр. свед. 1847 г. за № 60.*)

12. *То же.* Говорить три раза на вино:

Яость есть остров, Яость полон людей, Вень при своей простоте, и хвалится Архан на Русь побывать и Русь (воевать?) и молюся я, раб Божий (имярек), Пречистой Богородице, чтобы Архану Царю на Руси не бывать, Русь не воевать; так бы у меня, раба Божия (имярек), зубному недугу не бывать, щекам не пухнуть, зубам не болеть, в полнее месяце и в ущерби месяце. Моим словам небо и земля – ключ и замок. Аминь, аминь, аминь. *(Из стан. рук. сборника, получ. из с. Ваймуги, Холмогор. уезда.)*

ЗАГОВОРЫ ОТ БОЛЕЗНИ ГЛАЗ

1. **От ячменя.** Господи, благослови! Солнце на запад, день на исход, сучок на глазу на извод, сам пропадет, как чело¹ почернеет. Ключ и замок словам моим. Смачивают указательный палец слюною и мажут им больной глаз, приговаривая на палец три раза слова заговора. *(Записал г. Огородников. См. Труд. Арх. ст. ком. за 1865 г., с. 44.)*

2. **От сучьего сучка.** (Воспаление глазного века.) Лечат искрами, высекаемыми из огнива прямо в больной глаз. Искры высекает на вечерней заре старший или младший в семействе. Больной спрашивает: «Что сечешь?» Ему отвечают: «Огонь огнем засекаю раба. Б. Н.» Больной опять говорит: «Секи горазне, чтобы в век не было». Это повторяется три раза. *(Карм. книжка для люб. землев. Изд. Рус. геогр. общ. г. Вережагина, с. 312–320.)*

3. **От боли глаз с озеву.** Когда кто укорит другого каким-либо недостатком глаз, с пожеланием еще худшего, и если укоренный подумает, чтобы в самом деле не случилось с ним этого, тогда непременно явится боль в глазах. От такой боли моют глаза водой, в которую наговаривают:

«Сама себя озевла, сама себя окаркала, сама себе и пособлю». *(Записал Е. Ивановский, в Шенкурс. уезде.)*

¹ Устье печи.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ

1. *Против бессилия.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Есть святое Океан-море, на том святом Океане-море есть стоит остров, на том острове стоит дуб булатный, у того дуба булатного корени булатные, сучье булатное, вершина булатная. Круг того буду булатного ветром не согнет, вихорем не сломит, так бы у меня, раба Божия (имярек), стояли семьдесят жил и единая жила... на женский лик красные девицы, на старые бабы, на молодые молодичицы, на сивые кобылицы. Еще же под тем булатным дубом кузов ярости и юности, и аз, раб Б. (имярек), возьму кузов ярости и юности, распушу ярость и юность на раба Божия (имярек) в ретивое сердце в 77 жил и в едину жилу сердечную и в едину жилу... Еще же наверху булатного дуба сидит веселая птица петух, ставает рано, голову ломает и поет весело, столь же бы стояли у раба Божия (имярек) 77 жил и единая жила... Ставали бы у раба Божия (имярек) 77 жил и одна жила... ставали бы рано на женский полк и на мужской, на молодые молодичицы, на красные девицы, на старые бабы; и злого человека порчельника, кто на меня зло думает и мыслит, удар его коленки о камень, убей его; у меня, раба Божия (имярек), стали 70 жил и одна жила... стали лучше старого, хоробрее прежнего, что турей рог, что еловый сук, толь бы тот раб Божий (имярек) пылок и яростен на женскую похоть, на покое место, во веки веков, аминь.

(Из старинной рукописи, доставленной крест. Дохтуровым из с. Ракузы, Холмог. уезда, в Труды Этн. отд. 1878. См. часть 2.)

2. *То же.* Господи Боже, благослови, Отче. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. И пойду в чистое поле, и помолюся истинному Христу Царю Небесному, и как стоит путь железный жерновный, не тряхнетсЯ, не ворохнется, не

шатается, так бы у раба Божия (имярек) стояли семьдесят жил и одна жила... 70 суставов против полого места, против женские, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался бы. Всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь. (Говорить трижды на воду чистую, испить немного и достальнойю обкатиться в бане на парное тело.) *(Из той же рукописи, что и № 1. Доставлено в Труды Этн. Отд. Дохтуровым.)*

3. *То же.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Есть Океан-море, на пуповине морской лежит Латырь камень, на том Латыре камени стоит булатный дуб, и ветвие и корень булатный, коль тот булатный дуб стоит крепко и плотно, столь бы крепко и плотно стоял белой... яркой... п... жила на женскую похоть, на полое место. Из-под того камени выходит бык пороз, булатны рога и копыта булатные и ходит около дуба булатного, и тот дуб бодет и толкает и не может того дуба сломить и повалить. Сколь тот крепко булатный дуб стоит, и сколько крепко рога у пороза, столь бы крепко стояла ярая п... жила на женскую похоть, на полое место. Из-под того Латыря камени вылетает петух, с ним вылетает тридевять куриц, и он петух на тридевять куриц топчет и скачет пылко и ярко, столь бы (имярек) был пылок и ярк на женскую похоть, на полое место, во веки веков, аминь. *(Тоже доставлено г. Дохтуровым из Холмогор. уезда в Труды Этногр. отд. Часть 2. 1878. Народ. слов.)*

4. *То же.* Восстании и възграйся оный у раба Божия (имя) и унеси на синее море, моему слову аминь, трижды. (Пропусти три раза мочу чрез венчальное кольцо.) *(Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.)*

ЗАГОВОРЫ ОТ ГРЫЖИ, И СГЛАЗУ, И БАЕННОЙ НЕЧИСТИ

1. *От грыжи, а также сглазу и баенной нечисти.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Сходит Егорий с небес

по золотой лестнице, сносит Егорий с небес триста луков златополосных, триста стрел златоперых и триста тетив златополосных, и стреляет и отстреливает у раба Б. Н. уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти, и отдавает черному зверю, медведю, на хребет: и понеси, черный зверь медведь, в темные леса, и затопчи, черный зверь медведь, в зыбучие болота, чтобы век не бывала, ни в день, ни в ночь... во веки веков, аминь. Три раза произносят и за каждым разом трижды сплевывают. (*Зап. П. С. Ефименком в г. Холмогорах.*)

2. **От грыжи.** (Говорить на теплую воду, обданную на дресве.) Господи Боже, благослови. Стану я, раб Божий Иоанн, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, пойду в чистое поле; есть в чистом поле океан-море и есть на океане-море белый камень, есть под белым каменеем щука золотая и перезолотая, и кости золотые, и приди щука к рабу Божию (имярек) и wygrызи у раба Божия (имярек) своими золотыми зубами грыжу ветрянную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосцовую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, от отца грыжу, от матери грыжу, всякую бывающую, и спустишься грыжа к поясу и выйди мочою и шулятами на дресвяна камени на пустое место, в темное место, где солнце неогревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят, и пойдя грыжа за быстрые реки, и пойдя грыжа за гремучие ручьи, и когда будет Христов второе пришествие, обратись грыжа вспять; тем словам во веки веков, аминь. (*Выписано из старинного сборника заклиний. В Труды Этногр. отд., за 1878.*)

3. **От детской грыжи.** Повивальная бабка приговаривает: «Бабушка Соломонушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или заедала) медными щеками, железными зубами, так и я заговариваю у раба Б. Н.». (*Доставил свящ. Федоров из с. Лисестрова Арх. у. в Труды Этногр. отд. См. часть 2. 1878.*)

4. **От грыжи.** Господи Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть море Океан; в том море Океане есть белый камень Латырь, высота его 60 сажень. На том на камени Латыре стоит хрустальный терем, в том хрустальном терему стоит золотой стул, на том стуле сидит красная девица, подпоясалась золотым поясом, подперлась золотым посохом. Государыня ты, красная девица, дай ты мне, р. Б., грыжных слов добрых. Грызет и меря р. Б. вотчину золотая грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, белая грыжа, красная грыжа, родимая грыжа, привязанная грыжа, кила грыжа, та затеченная грыжа, отрочная грыжа, сердечная грыжа, десная грыжа, поясовая грыжа, водяная грыжа, кровавая грыжа, пригноная грыжа, суставная грыжа, нутренная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа и ножная грыжа. Грызет та грыжа ветха месяца, и молода месяца, и в перекрой месяца, по утренним зорям и по вечерним зорям, и по всяк день и по всякий час, и по всякое время. И возговорит красна девица: «Ой еси грыжа, вошла еси ты в р. Б. Н. в вотчину щукою, и ты выйди из него окунем, и пойдй к белому камению, буди тамо до скончания века, да свей себе, грыжа, в камени гнездо круглое, а не грызи ты у меня, р. Б. Н., ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов, грызи себя, злая крыжа, у тридевять рек, головы, и не ешь ты, злая грыжа, у меня, раба Б. Н., ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов, грызи себе, злая грыжа, у тридевять гор головы, а не ешь ты у меня, р. Б. Н., ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов, грызи себе, злая грыжа, у тридевять древ головы, а не ешь у меня, р. Б. Н., ни крови, ни тела, ни кости, ни мозгов, грызи себе, злая грыжа, горькое древо осину, а не ешь у меня, р. Б. Н., ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов отныне и до веку, и до гробовой доски, в день и в ночь по всякий час, аминь».

Указ: говори трижды на сало варванное, или на кислые щи, или на матерно млеко, или на щучьи зубы, и ма-

зять безымянным перстом против того места, где грызет.
(Из рукописной ст. Ив. Костылева.)

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ НАСЕКОМЫХ

1. *Заговор от осы.* Оса, мать всем осам, ты мне не мать, осятки детки, всем детям детки, вы мне не дети. Беру я закручен траву, сушу на сыром бору, жгу на зеленом лугу. Осятки, летите на дым; оса, беги в сырой бор. Слово замок, ключ язык! («Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. Чернокнижие.)

2. *От червей.* Се умолвити червь в человеце, или в коне, или в ниве: как зайдет солнце, плюнь на камень или на руки и глаголи сие над маслом, или над солью, да помолви сие: седла гремят, узды бренчат, в порожные меха ехать по хмель, по легкой товар червям, полетите за море, там у червей свадьба, овча яловица печена, а здесь червям огонь, сера горячая, и смола кипучая, – побегите черви отселе за море! (Из рук. сбор. XVII стол. См. Перм. сбор. Кн. 2. Прил. XXXV.)

3. *От червей.* Татарин, татарин, злодейской породы, урод из всех уродов! Зачем татарин съешь червей у моей лошади из такого-то места? Если не выведешь, то вырву тебя с корнем, заброшу за синюю даль, ты засохнешь, как порошок. Вспомнишь свою ошибку, да будет поздно.

4. *Червь умолвити, в коне, или на ниве.* Священник Колчин прислал в редакцию Трудов Этнографического отдела (см. 1878 г. книгу 2, с. 177) вышесказанный заговор, во всем схожий с заговором № 2 с тем различием, что в нем не упомянуто «овча яловица печена», а также вместо слова: «Побегите черви за море» – сказано: Аминь, аминь, аминь, и потому: «Червь разгрыз и плюй, где черви».

СЛОВА НЕВЕСТ, ЖЕЛАЮЩИХ ЗАМУЖ

В праздник Покрова Пресвятыя Богородицы, то есть 1 октября, в деревнях в церковь собираются девушки и молятся: *«Пресвятая Мати Богородица! Покрой мою голову красным кокошником, золотым подзатыльником»*. Об этом же девушки молятся на сей день всю ночь напролет, или же просто: «Батюшка Покров, мою голову прикрой красным повойником, золотым подзатыльником». В день святой великомученицы Параскевии, нареченной Пятницею, 28 октября, как и в день Покрова, девушки молятся: «Пятница Парасковея, пошли женихов поскорее».

СВАДЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, ПОДХОДЫ

1. *Подход свата*. В деревнях посылают сватов для переговоров с родителями избранной девушки. Сват перед началом исполнения поручения встает пред иконою Божией Матери, обтирает ее чистым полотенцем и трижды шепчет:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, войду в чистое поле, встану на восток лицом, на запад хребтом, помолюсь Господу нашему Иисусу Христу и Матери Пресвятой Владычице Богородице, и всем святым; надену утроранний белый свет; и застегаясь утроранными мелкочастыми звездами, умоюсь мокрою росой Соломонию, утруса белым полотенцем, белым светом, положу царский колпак, пойду к рабу Божию, ко властелину (имярек) в светлые очи и в радостное сердце. Как раб Божий (имярек) зрит и глядит на Мать Пресвятую Богородицу и на истин-

ного Христа, Царя Небесного, так и на меня б, (имярек) раба Божия, зрел и глядел, и ярым не взбудил, и зубом не скрипнул, и головой не потряхнул, и ногой не топнул, и зла-лиха не подумал. Будьте слова эти сполна и крепки на рабе Божиим (имярек). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь». (*Рукоп. описание свадьбы в Турчасовском приходе, Онеж. у., свящ. Алексеевым. Помещено в Трудах Этн. Отд. Кн. 2. 1878.*)

2. **На наговоренное пиво.** В Холмогорском уезде Арханг. губ. есть такой обычай, что в девичник невеста умывается наговоренным пивом. Наговор этот следующий: «Как ты, чисто золото-серебро, чисто и прилично; как на тебя, золото-серебро, всяк зарится, заглядывается, стар и млад, женатый и холостой, старые старухи, и молодые молодницы, и красивые девицы, и молодые молодцы, так бы на тебя, рабу Н., зарились бы и заглядывали все, казалась бы ты им золотом-серебром, глядели бы и смотрели бы, очей с тебя не спускали». (*Доставил в Труды Этног. отд. священник А. Колчин.*)

3. **Когда случится отпустить свадьбу,** говорят: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Отчего те слова говорятся? От Евангелия Христова, Царя Небесного, Михаил Архистратиг, святой Петр и Павел верховные апостолы, ставьте тридесять тынов медных от земли, подошвы и до небесной, до морской глубины, от восточные до западные, от лета до севера, от земли и до небеси, и со всех четырех сторон стоит около меня, раба Божия (имярек); у тех же тридесяти тынов есть тридесять ворот, есть тридесять замков, у тех же у тридесяти замков – есть тридесять ключей. Приду я, раб Божий (имярек), и затворю те тридесять замков, и брошу те тридесять ключей во святое Хвалынское море, и придет щука золотая, челюстью ухватит те ключи и понесет во глубину морскую, в пуповину, под колоду белодубовую. И тем словам ключевые слова аминь, аминь,

аминь». (Из старинного рукописного сборника, полученного из с. Ваймуги, Холмогорского уезда.)

4. **Оберег невесты.** При входе после венца в дом мужа молодая говорит:

Первая, другая, я иду третья! Все вон, мне одной дом.

Этот приговор молодой употребляется ею, вероятно, для того, чтобы первенствовать над другими снохами. (Записал свящ. Алексеев в с. Турчасове, Онежск. уезда.)

5. **Оберег жениха.** Когда молодой идет в дом невесты на жительство (зять-приемыш), то, вступая в избу после венца, произносит слова, глядя на потолок:

– Я иду, зверь лапист и горд, горластый, волк зубастый; я есть волк, а вы есть овцы мои. (Записал свящ. Алексеев в с. Турчасове, Онеж. у.)

6. **Свадебный оберег.** Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть в западной стороне море Черное; в том море есть остров. На том же острове выросло древо, на том же древе корень и ветвие, на том же древе сидит железен муж, осматривает железен муж всякого ведуна, колдуна, кудесника, чтобы видити мне, сторожу, колдуна и ведуна, мужика и женку, и девку. Окажи мне на всех четырех сторонах, окажи мне, сторожу, в избе, или на улице, в пиру или на свадьбе, или у заплота, или за плахами, или за рекою, везде, кто где не стоит, как бы сторожа не тронуть. Тот же железен муж, кабы на колдуна и ведуна тянет он лук, отворачивает недобрые словеса, и речи колдунове и ведунове, аще он враг, или на меня вражит, он отворачивает тот же железен муж. Или баба еся с тыми же, тот же враг ее же, кабы она легонько в зубки подола зняла и подругу бы оказала, руку бы зняла, своего дьявола звеселила, да тот же железен муж, в избу привяжи ее к печному столбу, а на улице к огороду, а мужик тот же колдун, надо мною пытается; ты же железен муж; кабы нас не няла его ни молитва, а ему, колдуну, нечем бы ему от меня не онятся: сведи его, тот же железен муж, сведи его в баню и поставь его в каменицу головою,

иже его врага, кой вражит, и повесь его же вверх ногами, у стропил к одному углу, и броси его же о сыру землю, да тот же железен муж не опускай меня, раба Божия (имярек), его врага о землю порази, его стречника. Или у князя молодого лошадь подтыкается; от подтычки, или у свахи, у тысяцкого, у дружек, у сторожа, у всего княжего поезда прибору от вожения, которая враг похвалить захочет о крепосце, тот же железный муж обороняет меня, раба Божия (имярек), сторожа, князя и княгиню, тысяцкого, дружек, и весь княжий прибор, бросает его, того же врага, как бы на нас не думал, броси его о сыру землю; во веки веков, аминь. (Списан П. С. Ефименком из старинной рукописи, доставленной крестьянином Холм. уезда Дохтуровым.)

7. **Заговор вежливица**¹. Покорюсь – помолюсь, сей день – сей час, утром рано – вечером поздно! Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица, Егорий храбрый – с князем, со тысяцким, со большими боярами, со свахой, с дружкой и с поддружкой ко княгине ехать, княгиню получить, с княгиней в Божью церковь доехать, закон Божий принять! Стану – благословлюсь, пойду – перекрещусь на восточную сторону; благослови меня Михайло Архангел! Дай нам путь-дорогу. (Пермский сборник. Кн. 2. 1860. Мат. для опис. быта пермяков. Стат. Рогова.)

ЗАГОВОРЫ НА ПОДХОД

Подход происходит от глагола подходить. Заговоры на этот случай, как увидим, точно так же, как и молитвы, употреблялись и употребляются в том случае, когда приходилось подходить к важному лицу с просьбою, с покорностью или с повинною головою; вообще кого-нибудь умилистить или расположить в свою пользу.

¹ Вежливыми в Пермской губ. называются знахари, приглашаемые на свадьбы как оберегатели молодых от порчи и лихого глаза.

1. **Заговор на подход вообще.** Стану я, раб такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами; выйду я в чистое поле, стану на восток лицом, на запад хребтом. *Акиры* и *Оры*, и како идут цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, все православные роды, и не думают зла и лиха, такожде и на меня, раба (такого-то), не думали бы зла и лиха, как цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини и все вельможи, и все православные роды, возрадуются и возвеселятся, такожде меня, раба (такого-то), увидели бы цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и все православные роды христианские, возвеселились: и как не видит мати отлученного дитя многие лета, а увидит возвеселится, и возрадуется зело весело и радостно, такожде меня, раба такого-то, увидев, возрадовались бы и возвеселились цари, царицы, короли, королицы, князи и княгини, все вельможи, и все православные роды христианские. Как не можно небесные колесницы превратить, такожде вы меня и моих слов не могли бы превратить во веки веков. (*Сообщено г. Порихиным и помещено в I томе «Сказаний русс. нар.».* 1841.)

2. **Подход пред царские очи.** Господи, благослови! Как утренняя заря размыкается, Божий свет рассветается, звери из пещеры, из берлог выбираются, птицы из гнезд солетаются, так бы раб Божий Н. от сна пробуждался, утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался, красным солнцем одевался, светлым месяцем подпоясался, частыми звездами подтыкался. Покорюсь и помолюсь. Вы же, кормилицы царские очи, как служили царям, царевичам, королям, королевичам, так послужите рабу Б. Н. день послужите и ночь послужите, поутру рано, и в вечер поздно, в каждый час, в каждую минуту, век по веку и отныне до веку. Ключ и замок словам моим. (*Из старинного сборника. См. Материалы по Этногр. Арх. губ. 1878. Часть 2.*)

3. **Подход ко властям.** Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, помолюсь я и покло-

нюся Воскресению Христову. Как к тебе, Воскресение Христово, на праздник на Христово Воскресение ходят цари и царевичи, князи и бояре, цари и царевичи, бояре и священны ереи, а вся православна христиана, на тебя, на Воскресение Христово, не супаются, не сердятся, не ретуются, лиха не думают, зла не творят, тебе, Воскресению Христову, всегда радуются и веселятся и поклоняются тебе, Воскресению Христову. Тако же бы на меня, раба Божия (имярек), цари и царевичи, князи и бояре, и великие вельможи, и священны ереи, и вся православны христиане не супались, не сердились, не ретовались, лиха не думали, зла не творили, всегда б мне, рабу Божию (имярек), радовались, веселились и поклонялись бы мне, рабу Божию (имярек), по вся день и по всяк час и по всякое время. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, помолюся и поклонюся самому Иисусу Христу, Царю Небесному. Сам Господь Иисус Христос обвертит во облака меня, раба Божия (имярек), покроет красным солнцем, подпояшет зарею утреннюю, подтычет частыми звездами. Как тебе царю и царевичи, князи, и бояре и великие вельможи, и священны, и вся православны христиане радовались и веселились солнцу красному и свету белому, заре утренней, дитяти своему милому, Марии Божии, хлебу и соли, такоже бы мне, рабу Б. (имярек), цари и царевичи, князи и бояре и великие вельможи, и священны ереи, и вся православны христиане радовались и веселились и поклонялись бы мне, рабу Б. (имярек), по всяк день и по всяк час, на всякое время, всегда, ныне, и присно, и во веки веков, аминь. Слава тебе, Христе Боже, Упование наше, слава тебе. *(Из того же источника, что и предыд. № 2.)*

4. **Подход к начальству.** Спать и стать поутру рано не мывши, взять чистые воды и с той воды вымыть Спасителей образ и Богоматерин образ с предвечным Младенцем, и как вымоешь, в той воде наговаривай, а как наговоришь, вымой

лицо свое и той воды оставь ложки три, а как оставишь той воды, и побрызжи шапочный плат, а как побрызжешь, приди ко властям и платом тем потри лицо свое и говори:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стань я, раб Божий (имярек), благословясь, поутру рано и пойду далече в чистое поле, от отца благословен и от матери прощен, и от роду и от племени, ближнего и дальнего; войду далече в чистое поле и стану на восток лицом, а на запад хребтом. Земля мать, небо отец, заря Мария, заря Маремьяния, красное солнце в очи вставляю, млад светел месяц в тын положу, частыми звездами подтычусь, ризой Господнею, нетленную, прикроюсь. И как зрят цари, и князи, и бояре, и всякие пестрые власти, и все православные христиане, и как зрит сия власть на Господа Бога Саваофа, и на ангелов и на архангелов, и на херувим, и на серафим, и на апостолов, и на пророков, и на всяких святителей, и на красное солнце, и на млад светел месяц, и на частые звезды, и на луну небесную, и на вышнюю. И не думают они, цари, и князи, и бояре, и всякие пестрые власти, и все православные, и не думает ни на Господа Бога Саваофа, и на ангелов, и на архангелов, и на херувимов, и на серафимов, и на апостолов, и на всех святых святителей, и на красное солнце, и на млад светел месяц, и на луну небесную, и на вышнюю ни зла, ни лиха, и на меня, раба Божия (имярек), и казался бы я, раб Божий, властям ним в очах краснее красного солнца, светлее светлого месяца и частых звезд, всегда, ныне, и присно, и во веки веков, вся крепость святого Духа, аминь, аминь, аминь. *(Заговор из того же источника, как второй и третий.)*

5. Подход к начальству. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его. Сколь был царь Давид смирен, и кроток, и милостив, так бы были у меня, р. Б. Н., все начальные и чиновные люди и судьи праведные, смиренные и кротки, и милостивы. *(Записано помощн. миссионера, г. Батраковым.)*

6. Заговор для идущего в суд. Иду я, раб Божий (имярек), к рабу Божию (имярек) от Духа Свята, и от Христовой печати, от Спасовой руки, от пречистого замка, от престола Господня. Ангел мой, хранитель мой, сохрани мою душу, мой дом, сердце мое прими к себе, в приятие раба Божия (имярек), ключ небо, земля – замок, аминь.

Богородице Дево, радуйся (до конца прочитать). И с востока идет Господь наш Иисус Христос, и с полудня Михаил Архангел, с вечерней зари Николай Милостивый, городят каменную ограду около раб. Б. (имярек), замыкает тремя замками, тремя ключами; ключи относят в океан-море, под кит камень, в щуку рыбу; кто может океан море выпить, тот может и меня, раба Божия (имярек), осудить и оговорить; ключ – небо, земля – замок. Аминь, аминь, аминь. *(Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.)*

7. Чтобы власти и судьи были милостивы. Господи, благослови, Отче! Одеясь светом, яко ризою, покрываюсь облаком, препояшусь поясом Пресвятые Богородицы, Милостивые заступницы! Свяжи уста, и язык, и гортань у князей, и у боярей, у правителей, и у всяких властей, и у приказных служителей. *(См. Таинственные чары.)*

8. Оберег против суда и несправедливого обвинения. Иду я, раб Божий, из избы в дверь, из двора в ворота, в зеленые луга, в чистые поля, в темные леса, раб Божий (такой-то), не мой к кому иду: нашел тридесять волжанинов прутьев, лежат тридесять гробов, тридесять мертвецов; в тех тридесяти мертвецах сердца не разгораются, руки не приподнимаются, уста не отворяются, так бы у раба (имярек) на раба (имярек) сердца не разгорались, руки не поднимались, уста не отверзались, аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя. Христос с нами оставися, вчера и днесь и ныне. Ты еси Бог велик, пошли победить демонские силы и мне, рабу Божию (имярек), победить всех врагов, восстающих на мя несправедно, аминь, аминь, аминь. *(Из рукоп. книж. Г. Д. Книголюбова.)*

ЗАГОВОРЫ ПЧЕЛИНЫЕ

1. *Заговор на посаджение пчел в улей.* Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смиряются. Стану я на восток против дальней стороны и слышу шум и гул пчел. Беру я пчелу роя, окарая сажу в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белые звезды, рогоногий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают. Ты, пчела, ройся у (такого-то), на округ садись. Замыкаю я тебе, матка, все пути-дороги ключом, замком; а бросаю свою ключи в Океан-море, под зеленый куст; а в зеленом кусте сидит матка, всем маткам старшая, сидит и держит семьдесят семь жал, а жалит непокорных пчел. А буде вы, пчелы, моим словам не покоритесь, сошлю я вас в Океан-море, под зеленый куст, где сидит матка всем маткам старшая, и будет за ваше непокорие жалить вас матка, в семьдесят семь жал. Слово мое крепко! («Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. Чернокнижие)

2. *Пчелиные слова.* Изосим и Саватий Соловецкие, которые, по преданию, первые ввели пчеловодство, даже на Соловецком острове, признаны были распространителями и покровителями пчел и бортей во всей русской земле. В народе составилась особый молитвенник, вроде целого молебна, об изобилии и сохранении пчел в ульях пчеловода. Устав чтения этого молитвенника таков: «Сей молитвенник и свиток читать на праздник Благовещения Пресвятые Богородицы, на Вербное и Светлое Христово Воскресение, между заутренями и обрядами, в мшанике или на пчельнике. И высеки из громовой стрелы огня, и положи в чистый сосуд, и в тот сосуд положить росного ладану, и окружить на пчельнике или во мшанике и поставить свечу Изосиме и Саватию, Соловецким чудотворцам, и помолиться им с верою и держать сей свиток в самой чистоте, три раза, аминь».

В молитвеннике этом после прославления «благости Господа, к уповающим на него», состоящего из псалма: «Живый в помощи вышняго» и прочее. Читается дважды, молитва к пчелам: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного раба своего (имярек). Господи, благослови, аминь». Затем следуют самые молитвы. Их всех семь. Программа нашего издания не допускает поместить эти молитвы; но тем, кто желает поближе познакомиться, то просим читать № 1 журнала Мин. народно-го просвещения, статью г. Щапова, с. 52–54. (*Ист. очер. нар. мироз. и суеверий.*)

ЗАГОВОРЫ ОТ ВСЯКОЙ БОЛЕЗНИ

1. Господи Боже, благослови! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Как Господь Бог небо и землю, и воду, и звезды, и сыро-матерной земли, твердо утвердил и крепко укрепил, и как на той сыро-матерной земле нет некоторой болезни, ни кровные раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, так же сотворил Господь меня, раба Божия (имярек), как сотворил Господь, твердо утвердил и крепко укрепил жилы мои, и кости мои, и белое тело мое, так же у меня, раба Божия (имярек), не было бы на белом теле, на ретивом сердце, ни на костях моих, некоторой болезни, ни крови, и ни раны, и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Един архангельский ключ; во веки веков, аминь. (*Выписано из старинной рукописи, доставленной из Шенкурска.*)

2. **Молитва от всех скорбей.** О Пресвятая Госпоже Богородице, выше еси всех ангел, архангел, всех тварей, честнейше Помощница еси обидимых, исцеляющейся надеяние, убогих одеяние, больных исцеление, грешных

спасение, христиан всех поможение и заступление; спаси, Господи, и помилуй раба Божия (имя рек) ризою Твоею честною, защити, умоли, Госпоже, Тебе бессеменного воплотившегося Христа Бога нашего. Да препояшет нас силою свыше невидимые враги наша. О всемилостивейшая Госпожа Богородица, воздвигни нас из глубины греховные, избави нас от глада, губительства, от труса и потопа, от огня и меча, от нахождения иноплемennых и междоусобной брани, от напрасной смерти, от нападения вражея, от тлетворных ветров и смертоносные язвы, от злой порчи, от духов нечистых, от всякого зла; подаждь, Господи, мир и здравие рабу твоему (имярек), просвети ему ум и очи сердечные, еже ко спасению, сподоби его, грешного, царствия Сына Твоего Христа Бога нашего, яко держава Его непоколебимая, благословенная и препрославленная, со единоначальным Его Отцом, со Пресвятым, Благим и Животворящим Его Духом, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. *(Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.)*

3. **Заговор от недугов.** Заговариваю я у раба Божия (такого-то) двенадцать скорбных недугов: от трясовицы, от колючки, от свербежа, от стрельбы, от огневиц, от колотья, от дерганья, от морганья, от слепоты, от глухоты, от черной немочи. Ты, злая трясовица, уймись, а не то проклянута в тартарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя в преисподние земли; ты, свербеж, прекратись, а не то утоплю тебя в горячей воде; ты, стрельба, а не то засмолю тебя в смоле кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье, сожмись, а не то сокрошу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкие частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельнице; ты, морганье, окрутись, а не то в печи банной засушу; ты, слепота, скорчись, а не то утоплю тебя в дегте; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю

в бочку и по морю пушу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Все недуги откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь от раба (такого-то), по сей час, по сей день, по его жизнь, моим крепким словом. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова Т. I. 1841.*)

ЗАГОВОР НА ПОКРАДЕННУЮ ВЕЩЬ

На море на Океане, на острове на Буяне стоит железный сундук, а в железном сундуке лежат ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, к такому-то и сякому-то вору, рубите его тело, колите его сердце, чтобы он, вор, воротил покражу такого-то, чтобы он не утаил ни синя пороха, а выдал бы все сполна. Будь ты, вор, проклят моим сильным заговором, в землю преисподнюю, за горы Араратские, в смолу кипучую, в золу горючую, в тину болотную, в плотину мельничную, в дом бездонный, в кувшин банный; будь прибит в притолке осиновым колом, иссушен суше травы, заморожен пуще льда, окривей, охромей, ошалей, одервяней, обезручей, оголодей, отощай, валяйся в грязи, с людьми не свыкайся и не своей смертью умри. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841.*)

ЗАГОВОР ОБОРОТНЯ

На море на Океане, на острове на Буяне, на полой поляне светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый; а в лес волк не заходит, а в дом волк не забродит. Месяц, месяц – золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на

зверя, человека и гады, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли. Слово мое крепко крепче сна и силы богатырской. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841.*)

ЗАГОВОР ОСТРОВНИКА НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРАВУ

Хожу я, раб (такой-то), кругом острова (такого-то) по крутым оврагам, буеракам, смотрю я чрез все леса: дуб, березу, осину, липу, клен, ель, жимолость, орешину; по всем сучьям и ветвям, по всем листьям и цветам, а было в моей дуброве по живу, по добру и по здорову, а в мою бы зеленую дубраву не заходил ни зверь, ни гад, ни лих человек, ни ведьма, ни леший, ни домовый, ни водяной, ни вихрь. А был бы я большой набольшой; а было бы все у меня во послушании. А был бы я цел и невредим. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841.*)

ЗАГОВОРЫ ОТ ЗЛОБЫ ЛИХИХ ЛЮДЕЙ И О СПАСЕНИИ

1. *Заговор от лихого человека.* Иду я по чистому полю. Навстречу мне семь бесов с полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи с полудухами, к лихим людям. Держите их на привязи, чтобы я от них был цел и невредим по пути и дороге, во дому и лесу, в чужих и родных, во земле и на воде, во обеде и на пиру, в свадьбе и на беде. Мой заговор долог, слова мои крепки, кто слово испровержет, ино быть во всем наинowo, по худу, по добру, как во преди сказано. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. Т. I. 1841.*)

2. **Заговор о спасении.** Пойду, благословясь, из избы дверями в сени, из сеней во двор, из двора в ворота, под красное солнышко, под чистое поле, в чистом поле стоит святая Божия церковь, сами царские двери растворяются, сам раб Божий (имя) заговаривается от ☿ колдунов, от ☿ ведунов, от ☿ колудньев, от ☿ ведуньев, кто на меня лиху думает, тот, считай, в лесе лесок, в море песок, а на небе звезды, во веки веков, аминь (трижды) до солнышка прочись. *(Из рукописной книжки. Г. Д. Книголюбова.)*

3. **Заговор от злобы.** Не велик я день родился, тыном железным я оградился, пошел я к своей родимой матушке, к родному батюшке и ко всему роду и племени, загневалась моя родимая родушка, ломали мои кости, щипали мое тело, топтали меня в ногах, пили мою кровь. Солнце мое ясное, звезды светлые, небо чистое, море тихое, поля желтые, все вы желтые, все вы стойте тихо, и кротко, и смирно, так бы были тихи и смирны, и кротки моя родимая матушка, родимый батюшка, весь род и племень, во вся дни, во вся часы, в нощи и полунощи; как пчела поноску носит, так бы родимая матушка, родимый батюшка, весь род и племень плодили добрые словеса за меня, родного раба (имярек); как воск горит и тает от лица огня, так бы таяло и горело сердце у родных моих; как лебедь по лебедке тоскует, так бы мой род и племень весь тосковал по мне, своем родном рабе (имярек); как студенец льет воду по вся дни, так бы текло сердце роду и племени у всех по мне, по рабе (имярек), как дверь к косяку притворяется, так бы мои словеса к роду и племени притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и в ночи, в полдень и полночь. *(Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.)*

4. **Молитва от злобы.** Союз любви апостолу Твоя связавый Христе, и нас Твоих верных рабов к себе тем крепко связав творити заповеди Твоя: «Друг друга любите нелицемерно», сотвори молитвами Богородица едине Человеколюбче. Пламенем любви распали ко мне, рабу Б.

(имярек), сердца всех, Христе Боже, до того разжигаеши сердцем, мыслию же, душою и всею крепостью человеческою, возлюбят мя и искреннего своего, яко себе и повеления моя хранящее славят мя и Тя, всех благих Дателя. Избави, Господи, раба Б. (имярек) от ненависти, злобы, немирности и нелюбви. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. *(Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.)*

ЗАГОВОР НА КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Стану я, раб Б., благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, на восток, в восточную сторону, к Океану-морю, и на том святом Океане-море стоит стар мастер муж и у того святого Океана-моря сырой дуб крековастый, и рубит тот мастер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сырого дуба щепка летит, тако же бы и от меня, (имярек), валился на сыру землю борец, добрый молодец, по всякий день и по всякий час. Аминь. (Трижды.) И тем моим словам ключ в море, замок на небе, отныне и до века. *(Загов. извл. из рук. староб. Ж. М. Н. П. 1863 г. № 1. Ст. Щапова. С. 60.)*

ЗАГОВОР ОТ БОЛИ В УШАХ

Прикладывают дитя к угловому кресту у избы, обрзовавшемся из древесной серы от действия жара, и говорят: «Уголь рублен и крест дубов; у того креста не болело, не щипало, ухо не вертело; и так бы у раба Б. Н. не болело, не щипало и ухо не вертело ни в день, ни в ночь, ни в утреннюю зарю, ни в вечернюю, ни на нову, ни на ветру и ни на перекрою месяцу. Во веки веков, аминь». *(Зап. Ефименком в Холмогорах.)*

МОЛИТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ ОТ БЕЗУМИЯ, РОДИМЦА, БЕЛОЙ ГОРЯЧКИ

1. *Молитва от безумия, порчи, родимца, припадков белой горячки* и пр.

Словеса божественного Евангелия: да угаснут, исчезнут в тебе, р. Б. (имярек), вся сила лукавого дьявола, да вселится сила Божественного духа. Аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Бог Богов, Господь Господей, Христе, Сыне Божий, Пречистая Пресвятая Богородица, Дева Мария, вся небесная сила бесплотная, Ангели Хранители, Архангели, Херувимы, Серафимы, Начала, Престолы, Господства, Власти, Силы, и все праотцы, цари, пророки, Апостолы и Евангелисты, и все преподобные, праведные, мученики, угодники, святители, священныи и все святые соборы и лики, мужеск и женск пол, избавите, исцелите и помилуйте раба Божия (имярек), аминь, аминь, аминь.

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и возвеселятся Ангелы, и обступят, а грешники от лица Его возвеселятся. Сам Господь Бог Иисус Христос и все Святые, Святой Николай Чудотворец, Никита Великомученик, Разоил, Кузьма и Дамиан, Киприан, Иустиния, Нифонт и Мароф, Пресвятая Троица, Богородица будет почивать, и Св. Дух дунет на воду и на р. Б. (имя) Святым духом. Аминь, аминь, аминь.

Человек родися, крест водрузися, и сатана связася сильне, и Бог прославися, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, ныне и присно, и во веки веков, аминь. Святой отец Остафий и святой отец Наумий, поставь его, Господи, раба Божия (имя), на святое место, про Божие думать и Божие делать; Святой Дух найдет на него и вся небесная воссияет на него, и вся вышняя мимо идет его. Спасова рука, Христо-

ва печать, Божией Матери крест, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь. Как Господь Бог Иисус Христос установил источники, реки и потоки, тако установи и утиши болезнь и недуг в рабе Божиим (имярек) молитвами Пречистые Пресвятые Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых и небесных сил. Вовеки, аминь, аминь, аминь. *(Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.)*

2. **Заговор от безумия.** Святый отче Остафие, святыи отче Наумий, поставь меня, Господи, на святое место, про Божие думать и Божие делать, и Свят Дух найдет на нас, и вся небесная воссияет на нас, и вся вышняя мимо идет нас, Спасова рука, Христова печать, Божией Матери крест. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Из рукопис. книж. Г. Д. Книголюбова.)*

МОЛИТВЫ, ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ ДО СКОТОВОДСТВА

1. **Правила пастуху.** *(Заговор от нападения зверей.)*
Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий, помози мне, р. Б. Н., и постави, Господи, около моего скота, милого моего живота, Власьева рода кругом, со всех четырех сторон черного, и белого, и красного, и пестрого, и бурого, и седоватого, и рогатого, и комолого, железный тын от земли и до неба, от неба и до земли. И обыди, Господи, около того тына железного. Ты, еще реку огненную от востока и до запада, и от запада и до севера, от севера и до лета; и со всех четырех сторон, от земли и до небеси; от небеси и до земли. Кабы не приходил серый волк, и сера волчица, и рыскуша, и лютый зверь, и люта волчица, и люта черная медведица. Кабы не обходили всякие звери мимо моего живота, Власьева рода, всякого черного, и белого, и красного, и седоватого,

и черемного, рогатого, комолого, быков, коров, и телят, и подтелков, и повредили бы зубом и ногтем и ничем его не вреждал по всякий час, и по всякий день, и по всякую ночь, во веки веков, аминь. (*Материалы для Этногр. отд. Дост. П. А. Иванов, Пинежск. у.*)

2. **Заговор от болезней скота.** Владыко Господи Боже наш, власть имея всякой твари, Тебе молим, Тебе просим, якоже благоволил и умножил еси стада патриарха Иакова, благослови и стада скот сих (такого-то) и умножи, и укрепи, сотвори его в тысячу крат и избави его от насилия дьявола и от иноплеменнического нашествия, от пленения и зверя, и от всякого навета врагов, и от воздуха смертного, и губительного недуга, и поветренного падежа, и от зверя хищного, и от гадины ядовитой, огради его ангелы Твоими святыми, всякую немощь, всякую зависть и искушение, чаровства же и волшебства от действия находящийся дьявольского отгоняй от него, яко Твое есть царство, сила и слава, Отца и Сына, и Св. Духа, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. (*Из рукоп. книжки Г. Д. Книголюбова.*)

3. **От недугов скота.** Святые мученики и чудотворцы великие: Медосте¹, Флора и Лавр, Власий и Харлампий, Николай Чудотворец и Георгий Победоносец, вашими всеильными мольбами ко Господу, Спасу Всемиловитому, исцелите и избавите скота сего (такого-то) от поветрия, от падежа, от тлетворного воздуха, от смертоносного недуга, от смертоносной язвы, от всякой немощи, хвори, скорби и болезни и от всякого зла, спасите, сохраните и помилуйте с Матерью Божиею Пречистою Владычцею Богородицею и Приснодевой Марию, сотворите и явите милость, купно же воздвигните с собою святых бессребреников и чудотворцев Козьму и Дамиана, Кира, Иоанна, весь скот помилуйте и сохраните со Отцом, и Сыном, и Святым Духом, и ныне, присно, и во веки веков, аминь. (*Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.*)

¹ Должно быть, Модест.

4. **Для предохранения теленка от падежа или болезни.** Помяни, Господи, Царя Давида, матери Елены до церनावина житья. Как белая березонька стоит веки по веки, не тронется, не ворохнется, так бы и теляте жило веки по веки, не дрогнулось, не ворохнулось. (См. Труды Этног. отд., Народная словес. 1878. Дост. 2. Никольский из Мезени.)

5. **Молитва от падежа скота.** Христос с нами установися вчера и днесь, и ныне, Ты еси Бог велик, пошли, Господи, победителя, Архангела Михаила, победить демонские силы, защитить щитом своим от тлетворного воздуха и наносной болезни, и от падежа скотского, и благослови скот сей, избави его от всякого зла и обстояния, видимых и невидимых врагов и губительной смерти, поветрия и падежа и всех дьявольских злодеяний и умножи имени Твоим святом и о воспользовании сими целениями здравие тому даруй. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. (Из рукописной книжки Г. Д. Книголюбова.)

6. **Чтобы скотина стояла смирно во время доения.** Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его; укроти, Господи, корову сию крепостями своими. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Утренняя заря Мария, вечерняя Маремейя, утолите мою тоску-кручину, ныне, и присно, и во веки веков, аминь, аминь. (Из старинного рукоп. сборника, из с. Ваймуги, Холм. уезда.)

7. **От лягания коровы во время доения.** Господи Боже, благослови! Как основана земля на трех китах и на трех китицах, как с места на место земля не шевелится, так бы любимая скотинка (чернушка, пеструшка и пр.) с места не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножного лягания и хвостового махания, ни рогового бодания. Стой горой, дой рекой, озеро сметаны, река молока, ключ и замок словам моим.

Наговаривают на воду, которою потом обмывают вымя коровы. (Зап. 2. Огородников, в Соломбале.)

8. *При лечении лошади.* Стану поутру по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный ветер, на легкий воздух, возьму я осинову вичку (ветку), пойду я к доброму хозяину на честен пир. Из-под левой ноги, из-под правого копыта обложу и обвяжу – кругом обнесу, чтобы был по-старому, по-прежнему, чище и лучше, чтобы более не чула, куда бы ни поехали. (*Доставил г. Никольский из г. Мезени.*)

ЗАГОВОР ОТ БЕШЕНОЙ СОБАКИ

На море на Океане, на острове на Буяне стоит дом, а в том доме сидит старица, а держит она жало. Ты, старица, возьми свое жало и приди к рабу (такому-то), вынь из раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны колючие на руках, на ногах, на голове, во лбу, на затылке, на бровях и подбородке. Будьте во веки веков на собаке черной, серой, красной, седой, рыжей, белой; сидите, вовеки не сходите.

ЗАГОВОР НА ТОРГОВЛЮ

Дела, Господи, рек еси пречистыми усты Своими, яко без меня не можете творити ничто же. Господи мой, Господи, верою объем души нашей, помози, мне грешному, рабу Божию (имярек), сию нашу жизнь торговлею в купле, продаже и меняльстве и во всем. Ты Владыко, Господи, Сам ее соверши во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Св. Архангел Михаил, во твое святое имя торгуюм, спаси, сохрани и благослови своими святыми молитвами раба Божия (имярек) начати и совершити счастливую и благополучную торговлю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. (*Из рукоп. книжки Г. Д. Книголюбова.*)

ЗАГОВОР, ЧТОБЫ ДЕЛО СОШЛОСЬ

Как этот узел завязан, так и у нас, рабов Божиих (имярек) дело (такое-то) скоро сошлось (трижды). (Завязать узлом нитку, положить чрез порог, проговоря, идти.) (Книголюбова.)

ЗАГОВОРЫ ОТ РОДИМЦА

1. *Молитва от родимца.* Мученик Твой, Господи, Никита во страдании своем венец прият нетленный от Тебя Бога нашего, имей бо крепость Твою, мучителей низложи, сокруши демонов немощные дерзости, того молитвами избави раба Божия (имярек) от родимца и младенчества, от прилога и безумия, от порчи и притчи и от всех его скорбей и болезней, от нашедшего и налетающего, крест Христов, яко некое оружие, усердно восприим и к борению врагов притекл еси, и за Христа пострадал еси, последи огнем священную твою душу, Господу предал еси. Откуда же даров исцеления от него сподобился еси приятии, великомученице Никито, моли Христа Бога исцелитесь и избавитесь рабу Божию (имярек) в них, аще прелести посек, державу стоянием Твоим, и победу прием венец во страдальчествах Твоих, со ангелы славны радуешися, Никито, тезоименито с ними Христа Бога моли непрестанно о избавлении и исцелении раба Божия (имярек) от скорби и болезни его обдержажие, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. (Рукописный сборник Г. Д. Книголюбова.)

2. *Заговор от родимца.* На море на Океане, среди моря Белого стоит медный столб, от земли до неба, от востока до запада; а во том медном столбе закладена медная медяница от болестей и хворостей. Посылаю я раба (такого-то) в тот

медный столб, что на море на Океане, и завещаю ему своим словом заповеданным закласть родимец в тот медный столб. А был бы с того заповедания (такой-то) цел и невредим, и от родимца избавлен посейчас, по всю жизнь. (*«Сказания рус. нар.» Сахарова. 1841.*)

3. **Заговор от родимца.** У каждого ребенка непременно бывает родимец. Всех же родимцев двенадцать. Они носят название по той части тела, которая болит у ребенка: родимец пуповой, сердцевой, внутриной, суставной, жиленной, костяной, ручной, глазной, ревун, говорун.

Ребенка, подвергшегося родимцу, поят и моют водой, над которою говорят слова:

«Грызу я, загрызаю, уйму я, унимаю на рабе Божиим (имярек) двенадцать родимцев (следует перечисленье их). Как мертвый от могилы не ворочается, так бы и на раба Божия (имярек) эти двенадцать родимцев никогда бы не ворочались, веки по веки. Отныне и до века». (*Записал Е. Ивановский, в Шенкурском уезде.*)

МОЛЬБА ВЕТРУ

В поморье Кемского уезда, пред возвращением промысленников с Мурманского берега домой, бабы целым селением отправляются к морю *молить ветер*, чтобы не серчал и давал бы льготу дорогим летникам. Для этого они предварительно молятся крестам, поставленным во множестве на всем беломорском побережье. На следующую ночь после богомолья все выходят на берег своей деревенской реки и моют здесь котлы; затем бьют поленом флюгер, чтобы тянул поветерье, и притом стараются припомнить и сосчитать равно двадцать семь 3×9 плешивых из знакомых своих в одной волости и даже в деревне, если только есть возможность к тому. Вспоминая имя плешивого, делают рубежек на лучинке углем или ножом; произнеся имя послед-

него, 27-го, нарезавают уже крест. С этими лучинами все женское население деревни заходит за задворки и выкрикивает сколь возможно громко: «Восток да обедник, пора потянуть! Запад да шалоник, пора покидать! Тридевять плешей, все сосчитанные, пересчитанные; востокова плешь наперед пошла». С этими последними словами бросают лучинку через голову, обратясь лицом к востоку, и тотчас же припевают: «Востоку да обеднику каши наварю и блинов напеку; а западу шалонику спину оголю. У востока да обедника жена хороша, а у запада шалоника жена померла!» С окончанием этого припевка спешат посмотреть на кинутую лучину: в которую сторону легла крестом, с той стороны ждут ветра. Но если она опять провозвестит неблагоприятный ветер, то прибегают к последнему, известному от старины средству: сажают на щеку таракана и спускают его в воду, приговаривая: «Поди, таракан, на воду, подними, таракан, севера». (*«Год на севере» Максимова. I. 385.*)

Часть III

ЧАРЫ И ОБЫЧАИ

РУССКИЕ ОБЫЧАИ, НАРЯДЫ И ПРОЧЕЕ

1. *Заговор при искании клада.* Когда покажется счастливцу клад, он должен проговорить: «Чур! чур! свято место, чур, Божье да мое». Или: «Мой клад, с Богом напополам».

Затем желающий приобрести клад должен накинуть на место клада шапку с головы, что значит оставить в залог голову и никому не поведать тайны. Наконец, приговаривают: «Аминь, аминь, аминь, рассыпья». Последние слова говорятся по тому случаю, что клады обыкновенно являются вроде огоньков, горящих воску яровых свечей, золотых петушков и тому подобных предметов. (*Записал Иванов в г. Пинеге.*)

2. *Заговор при собирании папоротника.* В одном травнике о папоротнике сказано: есть трава черная папорот, растет в лесах, около болот, в мокрых местах: в лугах, ростом в аршин и выше стебель, а на стебле маленькие листочки, и с испода большие листы. А цветет она накануне *Иванова дня*, в полночь... Тот цвет очень надобен, если кто хочет богат и мудр бытии, а брать тот цвет не просто, с надобностями, и очертясь кругом, говорить: «Талан Божий, суд твой; Да воскреснет Бог!» (*Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 1. Ст. Щапова. С. 21.*)

3. **Навести красоту.** Чтобы навести красоту или казаться красивее, берется платок, с которым выходят на улицу, произносят вышеприведенные слова и потом, придя домой, утираются тем платком, говоря:

Стану, благословясь, выйду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду на широку улицу, стану на восток хребтом, на запад глазами, на западной стороне сидит там обрученный Иосиф, зрит и смотрит на Госпожу Пресвятую Богородицу, так и на меня бы раб Божий весь век смотрел бы и глядел. (*Доставил Никольский. См. Труды Этногр. отд. за 1878 г. Вып. II. Кн. V.*)

4. **Чары на ветер.** Чары на ветер известны были в русском чернокнижии еще в XVI столетии. Курбский, участник славы царя Иоанна Грозного, описывая Казанскую битву, говорит, что казанские татары, желая очаровать русскую рать, навевали ветры со своей стены. Люди, незнаемые с русской семейною жизнью, до сих пор обвиняют Курбского за это известие. Действительно ли существуют чары на ветер? Стоит только заговорить с первым крестьянином – и сотни примеров будут перед глазами. Чародеи производят эти чары следующим образом: узнав, в которой стороне живет супостат обиженного, при попутном ветре велит обиженному подать ему с земли или ком земли или снега, или горсть пыли; говорит следующее, бросив поданное обиженным в сторону супостата по ветру: «Кулла, Кулла! Ослепи (такого-то) человека, вороные, голубые, карие, белые, красные очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, высуши его тело тоньше луговой травы, умори его скорее змеи медяницы».

Проговоривши проклятие, чародей глубоко задумывается, потом рассказывает вид, приметы, место, куда долетели его чары; уверяет, как коробило очарованного человека; как он лишился зрения; как раздувался своею утробою; как начал чахнуть и, наконец, как томится смертным недугом.

Но так как это все, по большей части, оказывается ложью, то чародеи оправдывают себя тем, что их чары попали на постороннего человека. («Сказания рус. нар». Сахарова. Т. I. 1845.)

5. **На соби́рание Адам-травы.** На утро глаголи сице: «Боже милостивый, буди мне грешному; Боже, очисти грехи мои, без числа согреших, Господи, прости мя. Досто́йно есть... (до конца). Псалом 50, Помилуй мя, Боже! Верую во единого Бога; Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистые Твоей Матери и всех святых помилуй!»

«Благослови сию траву копати, Озимая Мати, благослови мне своего плоду взяти, и ты трава, Адам, на что я тебя копаю, и ты буди к тому пригодна. Аминь». («Народные заговоры» Афанасьева. См. Лет. русск. лит. 1862 г.)

В народ<ной> ботан<ике> будет сказ<ано> о знач<е- нии> этой травы в народе.

6. **Заговор от лая собаки.** Проговорить три раза: «Щенилась слепая, теперь будь немая»; причем плевать каждый раз налево.

7. **От преследования гусей.** Читать «Богородицу» и при этом идти к ним напротив.

8. **От укушения змеи.** На море на Океане, на острове на Буяне стоит дуб. Под тем дубом стоит ракитов куст, под тем кустом лежит бел камень Алатырь; на том камне лежит рунец, под тем рунцом лежит змея, скорпия; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помолимся, на все четыре стороны поклонимся; возьмите свою лихость от раба (или от рабы, имярек), или от его скотины (сказать цвет шерсти), по сей день, по сей час. Крестообразно дунуть.

9. **От жабы в горле.** В городе Иерусалиме, на реке Ердане, стоит древо Кипарис, на том древе птица орел сидит, щиплет и теребит когтями и ногтями, и под щеками, и под жабрами у раба Божия (имярек) жабу. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Святой Дух, аминь. Святой Дух, аминь. Святой Дух, аминь. Когда этот заговор будешь го-

ворить, то в это время нужно тыкать в горло указательным пальцем и говорить его три раза.

10. **Чтобы испортить или навязать килы.** Чтобы испортить кого-либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить где-либо в таком месте, в которой мог бы наступить на нее тот, кого нужно испортить. При завязке восьми двойных узлов говорят следующие слова: «1) Выйду я на улицу, 2) брошу в чисто поле, 3) в расстанье, 4) меж двory, 5) в луга, 6) в моря, 7) в леса, 8) в зыбучие болота». Когда завяжутся все восемь узлов, то говорится: «Хотя и здесь оставлю; куда пойдет, тут и очутится».

При завязывании каждого из 13 узлов говорится:

По позднему вечеру выйду я на улицу и откажусь я от Иисуса Христа, от царя земного, от Бога вышнего, от веры Православной, от батюшки, от матушки. Предаюсь я к нечистому духу, к окаянной силе, прошу я ей помощи, чтобы она помогла ей и пособила: поступаю я на вора-разбойника, на денного грабильщика, на ночного полуночника, на (имярек). Я хочу его свергнуть, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша в чистом поле, хоша в темных лесах, хоша в зыбучих болотах, хоша сонного, хоша дремучего, хоша в терему, хоша за столами дубовыми, хоша со яствами медовыми, хоша пошел бы он и запнулся бы, самого себя закланул бы. Окаянные духи, придайте мне силы, помогите и пособиите мне, чтобы не было (имярек) ни в день житья, ни в ночь спанья, ни в час моготы, ни в полчаса терпежу. Хошь бы схватило его грыжами или стрелами, взяло бы его в минуту или в две, и узнал бы он все скорби и печали.

Заклинение произносится обыкновенно вечером; причем заклинитель непременно должен быть без креста. Знатоки этого дела советуют пред началом убить совершенно черного кота или кошку. Коль скоро тот, для кого приготовлено заклинение, наступит на заговоренную нит-

ку, то он споткнется, и если при этом скажет какое-либо скверное слово, заговор начнет свое действие. (*Доставил г. Никольский из Мезени*¹.)

11. **Икоту напускать.** При самом начале, когда учиться напускать икоту, снять с шеи крест, положить в сапог под пятку, продержат полсутки, говорить слова:

«Отрекаюсь Бога и Животворящего Его креста, отдаю себя в руки дьяволам».

Шептать на соль, упоминая имя человека, коему зло намерен сделать, не иначе во-первых (прежде всего), как родственнице, упоминать слова:

«Пристаньте сему человеку скорби под названием икоты, трясите и мучьте (имярек) до окончания жизни». После, вынувши из сапога крест, повесить на спину, в то время будут дьяволы у тебя; помешкав сутки, переменить по-обыкновенному, наперед, тогда дьяволы от тебя отойдут, а будут мучить того, на кого сие учинишь. Соль же бросить на дорогу или в другое место, коим тот человек ходит, с приговором:

«Как будет сохнуть соль сия, так сохни и (имярек, то есть тот, кому таковое зло учинишь), отступитесь от меня, дьяволы, а приступите к нему».

И не вдолге сходить, соль ту разрыть и сказать: «Поди, дьявольщина, от меня прочь!» И тогда злой дух (икота) начнет мучить того человека. (*Это выписано г. Н. С. Ефименком из дела Пинежского уездного суда 1875 г. о признавшемся чародее в напуске болезней, под названием икот, крестьянине Нильегорской волости, Мих. Чупареве, апреля 13 дня, 1875 г. По генер. описи под № 985².*)

12. **Чары на след** (*след снять*). Производятся следующим образом: заметивши след того человека (отпечаток ноги на земле), которому намерены нанести порчу, тща-

¹ См. Труды Этногр. отд. Вып. 2. Кн. V. 1878. Под редакцией председателя Отдела Н. А. Попова.

² Там же.

тельно его прикрывают, обороняют чем-либо, чтобы кто-нибудь другой не заметил или не наступил на него. Чародеи и чаровницы считают тот след лучшим для своих враждебных целей, который был на песке, пыли, грязи, росе, снеге, то есть более верно отпечатлены, в особенности же те из них, на которых, кроме их верного отчетливого отпечатка, можно было найти волосы людей или животных.

Разумеется, снимать след приглашается колдун или опытный, бывалый человек. Этот-то бывалый человек снимает этот след, вырезывая из почвы ножом так ловко, что он, то есть след, служит чистым отпечатком подошвы сапога или ноги человека. Для вырезывания следа употребляют широкий нож, иногда даже окровавленный вихрем¹. Над снятым слепком читают тайные заговоры. Когда обиженный требует только нанесения тоски, тогда колдуны прячут след только под матицу или под князек. Когда же обиженный требует смертельного отмщения, тогда он в глухую полночь сжигает след в бане.

Простой народ ужасно боится этого снятия следа. По их убеждению, человек, у которого снят след, сохнет, лишается умственных способностей, постепенно и медленно погасая жизнью, умирает. Нужно заметить, что есть такая болезнь в природе под именем старческого увядания (*маразм, marasmus*), где человек в этой болезни чахнет, сохнет от потери деятельности нервов, теряет с каждой минутой способность жизненных отправления, умственных способностей и, наконец, умирает; а поселяне в простоте души такую болезнь считают за порчу вследствие снятия следа.

13. Противодействие волшебству на след. Как скоро родственники заметят в каком-либо человеке из своих тоску, то обращаются к знахарю или доке и просят его, чтобы он избавил больного от недуга. Знахарь прежде всего осматривает в избе матицу, потом князек пересчи-

¹ Будет далее.

тывает волосы. Поселяне слепо верят, что докам известно, сколько у каждого человека есть волос, и что вылезающие волосы всегда попадают под след. Если они найдут след и заметят в нем волосы, тогда обещают избавление. Когда же обещание не сбывается, тогда уверяют, что замеченные ими в следе волосы, вероятно, принадлежали другому. Это служит оправданием колдунам, не попавшим на искомую тему. В этом случае знахарь (дока) выносит снятый след на дорогу и бросает его по направлению ветра. Этим самым сгоняется тоска. Когда дока не отыщет следа, тогда предлагает больному сжечь белье под Благовещение, уверяя, что только это средство может его избавить от страшного недуга.

14. *Чары для калек.* В былое время наша Россия изобиловала калекми разного рода, особенно Москва и ее окрестности. Особенно пешеходный путь от Москвы к обители преп. Сергия изобиловал на каждом шагу слепцами и уродами ростовского изобретения¹. Изуродование существовало искусственное, несмотря на то, что было много и естественного безобразия по неуходу за детьми вследствие наследственных болезней, а также по искусству повивальных бабок (повитух) и отсутствию даже самого понятия о врачебном искусстве. Простосердечный русский народ, ожидая в каждом новорожденном будущего работника, надежду на подпору в старости, в рожденном уроде видел наказание Божие за свои грехи и уродство невинного младенца считал делом дьявола или прямо, или через посредство злых людских козней. Привычка крестьян ходить босиком или в лаптях, легко пропускающих сырость и воду, а также в онучах, которые долго удерживают сырость и холодят ноги, тоже причиняют ногам болезни, особенно в том случае, когда чело-

¹ Ростов Ярославской губернии в прежнее время славился уродами. Промышленники нищенством или за деньги, или воровством приобретали детей, подрезывали жилы, выкалывали глаза или делали другое нарушение здоровья тела и уродование и уродов возили по России, эксплуатируя их.

век долго ходит; ходит по лесам и болотам и по другим влажным местам, пропитанным иногда вредными от растений и земли веществами.

Есть в народе поверье, что земля из свежей могилы, зола из семи печей и соль из семи изб, зашитые в чьи-либо онучи, наносят тому, кому онучи принадлежат, калечество, род ревматизма, что понятно, если взять во внимание химический состав золы, земли и соли и также деятельность кожи, способной всасывать посторонние вещества, и отделять пот, чтобы заключить о действительности этого чарования, основанного на простом мщении и естественных законах природы.

15. *Чары на лошадь.* Чтобы совершить над лошадьми чары, злые люди вытаскивают из гробов гвозди и бросают их в конюшни, надеясь, что от этого лошади будут хромать или страдать ногами, по убеждению в то, что будто бы мертвецы из зависти к живым людям, пользующимся земными благами, всегда расположены причинять людям зло при посредстве тех, кто желает их содействия.

Понятно, однако, каждому из учителей, что гвоздь сам по себе может причинить лошадке укол, опухоль и заставить ее хромать.

Пастухи, табунщики часто употребляют такие меры на хозяйских лошадях и другой скот для того, чтобы навестить обиды, полученные ими от владельцев скота. И тут вовсе нет, судя по смыслу, никакого колдовства, кроме зла.

16. *Старую, ленивую лошадь сделать молодой и бодрой* (цыганский обман). Продайте цыгану больную, старую, ленивую лошадь, разумеется, за дешевую цену, чтобы только сбыть лишний рот, и поверьте, что через несколько времени ее не узнаете, до того ваша лошадь будет оживлена, поправлена. Он подчистит зубы, подчеркнет их каленым железом, чтобы наложить знаки молодости, и делает из двадцатилетней пятилетнюю; застегает ее ребра до

того, что бедная лошадка пополнеет в ночь не от избытка мяса и жира, а от опухоли, сплошь покрывшей все ее тело. Если у лошадки вашей хвост отвис и расположен, цыган его поднимет при помощи иглы или булавки, воткнутой под хвост, и этот товар, таким злодейским образом прихотленный и принаряженный, ловко сбывает с рук. Такая лошадь, запряженная в дрожки, телегу или сани, не просит кнута, куда! Она бежит, как угорелая, боясь не только его, а самого нежного прикосновения к частям, окружающим хвост. Но лишь купите эту лошадь, и через два дня узнаете вашу ошибку. Лошадь ваша перестанет окончательно есть, потому что прижатые зубы ее болят, опухоль тела причиняет тяжелый недуг и прочее, и вам приходится цыганское изделие продать за бесценок.

17. *Чтобы пленник не ушел* (киргиз. ворожба). У киргизов есть колдуны: Фалча, Яурунчи, Бакша, Рамча и Джа-Адугар, разделяющиеся по роду гаданий и способом. Колдуны, носящие названия Джа-Адугар, занимаются между прочим околдовыванием невольников и других пленников так, что они будто бы при своем побеге заблуждаются и опять попадают к своему господину. Или если хотя и уйдут, то опять попадут купцам в неволю. Киргизские колдуны поступают следующим образом: вырывают у пленника несколько волос из головы, а у бритого из бороды, спрашивают его имя и ставят посреди кибитки на расчищенном и солью посыпанном месте, на котором они обыкновенно раскладывают огонь; потом колдун или колдунья чинит заговор и в то же время приказывает пленнику трижды отступать назад, на свои ступени плевать и каждый раз выскакивать из кибитки. Напоследок сыплет пленнику на язык несколько золы, на которой он стоял, и тем колдовство кончается. Яицкие (уральские) казаки верят, что если пленник объявит настоящее свое имя, то это колдовство действительно¹.

¹ Смотри Абеевага рус. суеверий. М., 1876. С. 76.

18. **Бесова игра.** Так у башкиров называется болезнь роженицы, сопряженная с судорогами в животе. Башкиры приписывают эти шалости нечистому духу и призывают своих чародеев, называемых Шайтан-Курази (Чертовидец), который известным ему образом сражается с чертом и его будто бы прогоняет.

19. **Скитская клюква**¹. В былое время раскольники брянских лесов, ревностные распространители своих убеждений, если не могли словом убеждения склонить на свою сторону им почему-либо нужного человека и обратиться в свою веру, то употребляли такое хитрое средство: они давали этому человеку клюкву, напоенную некоторою отравой², которую если кто съедал, то получал желание идти в брянские скиты, а когда съевший оную видел огонь, то в исступлении бросался в него, так как здесь представлялся ему рай и сидящие в нем ангелы³.

20. **Вихрь ранит ведьму или колдуна.** Случается иногда, что на улице поднимается вихрь и кружит пыль столбом винтообразно, более и более поднимаясь вверх. В этом вихре все попавшееся: бумага, трава, вьясь, поднимаются вверх; по народному поверью, эта пляска чертей с ведьмами, и для того чтобы прекратить это, нужно будто бы в этот столб вьющейся пыли бросить нож с молитвою. Если брошенный нож попадет в центр, средину и воткнется в землю, то он будет окровавлен, что служит знаком того, что ведьма или колдун ранены. (*Записал М. Евстигнеев.*)

21. **Порча на голик.** По уверению пермяков, в свадебном поезде встретившийся на пути голик считается опасною вещью относительно благополучия молодых, особенно если голик на дороге поставлен вниз комлем, стоймя;

¹ Там же. С. 223.

² Вероятно, из числа наркотических ядов, куда принадлежат: дурман, белена, белладонна, мухомор и др.

³ См. Абевера. С. 223.

тут ясно, что он поставлен человеком досужим и с целью. Заметив голик, дружки непременно останавливаются, спешиваются и три раза крестообразно хлещут себя нагайкой; то же делает, выйдя из экипажей или спешившись, весь поезд. По верованию пермяков, в голике заключается нечистая сила, от вредного влияния которой на свадебные и супружеские дела можно только и избавиться посредством троекратного крестообразного хлестания.

22. **Каша.** В старину бабы, воспринимавшие младенцев, варили кашу на собрание роженицам; в честь их стригли первые волосы с детей; а в память умерших ставили роду и роженицам особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя в то же время готовили кутейную трапезу, принятую Церковью. Трапеза называлась трапезою роду и уроженцам. (*Ст. Срезневска, в Архивах Калачева. VI. I. 162. Из слова Христороубца, хранящегося в Румянцевском музее, № 181.*)

23. **Плотину разрушить, колодец подсушить.** Это искусство принадлежит в настоящее время всем домохозяевам и не составляет новости. Каждый в наше время знает свойство ртути или живого серебра, которое в старину называлось *змеиное молоко*. Чтобы разрушить земляную плотину, колдуны бросали ртуть в воду, которая своею тяжеловесностью просачиваясь в действительности через слабо утрамбованные места, увлекала за собою воду, а последняя делала промоины и разрушала плотины хоть медленно, но верно, если только не предупредят этого препятствия, заткнув отверстие промоины коровьим навозом, перемешанным с глиною.

24. **Чары над змеею и вообще – змея.** На мрачном, суровом, лесистом севере народная фантазия помещала змею аспиду – крылатых змей с птичьим носом и с двумя хоботами; эта змея, по народному мнению, жила в Печерских горах, но садилась на землю и на камень; эта пестрая змея куда полетит, может всю землю опустошить;

но есть заклинатели – знахари-обаянники, которые умеют ее заговаривать.

Аспид, змея крылата, нос имеет птичий и два хобота, и в коей земле вселится, ту землю пусту учинит; живет в горах каменных, не любит ни трубного гласа. Пришедше же обаянницы, обаяти ю, и копают ямы, и садятся в ямы с трубами, и покрывают дном железным и замазывается суглинком, и ставят у себя уголье горящее: да разжигают клещи и егда вострубят, тогда она засвишет, яко горы потрястися, и прилете к яме, ухо свое приложит на землю, а другое заткнет хоботом, и нашед диру малу, начнет биться, человецы же, ухвативши ю клещами горящими, держал крепче; от ярости же ее сокрушаются клещи не едины, не двои, не трои, но тако сожжена – умирает; а видом она пестра всякими цветами и на землю не садится, только на камень. (*Погод. сборн. Публ. библ. 344.*)

25. **Баранец.** Пустынные берега широкой Волги также представлялись в народном воображении в чудесном свете. Говорили, что выше Саратова есть гора Змиева, где обитает шестиглавый дракон, налетавший на Русь и причинявший опустошения; но богатырь убил его, а дракон обратился в камень (*Olear. 361*). Русские уверяли иностранцев, что на низовьях Волги растет животное-растение – баранец, оно приносит плод, похожий на ягненка; стебель его идет чрез пупок и возвышается на три пяди; ноги мотаются, рогов нет, передняя часть, как у рака, а задняя, как совершенное мясо. Она живет, не сходя с места до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу. Показывали меховые шапки и уверяли западных европейцев, что эти шапки из меха «баранца».

26. **Волховники и сборники примет.** Между разными видами волшебников были волхвы, чародеи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звездочеты, облакопрогонники, облакохранительники, ведуны, ведуньи, лихие бабы¹. Обаянниками назывались в старину

¹ Дон. к Суд. Д. И. I. 252.

фокусники, которых призывали или посещали хотяще некая увидети от них неизреченная¹. Они же заклинали змей и злых животных. *Кудесник* совершал различные заклипания и чародейственные обряды (кудесы бьют) и предвещал будущее. *Сновидцы* рассеивали в народе разные предзнаменования на основании виденных ими снов и уверяли, что они приняли извещение свыше. Иногда они толковали сны другим, приходивших к ним. Иногда рассказывали о собственных видениях. Во время народных бедствий они толковали народу причины несчастья, часто указывали на какие-либо лица, называя их виновниками, и обрекали их народному мщению.

27. *Облакопрогогонники*, как их называл *Домострой*, были волшебники, которые, по народному преданию, повелевали дождем и ведром и чрез то насылали урожай и неурожай. Верование это очень древнее, как видно из наших летописей, по рассказу об избииении в Ростове в VI веке и в Суздале в 1124 году женщин за то, что будто бы они спрятали в себя хлебное жито и съестные припасы. Столь же древнее было верование в волшебников, снедающих солнце и луну. «Погибе солнце и бысть яко месяц, его же глаголит неведгласи снедаемое солнце». (*Из лет.*) В Кормчей книге эти волшебники называются *волкодлаками* «влъклади луну изедоша или слънце». (Арх. П. С. 84.) *Ведунами* и *ведуньями* назывались вообще все лица обоего пола, ведавшие тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Все лица, занимавшиеся волшебством, составляли в иных местах как бы особые цехи, передавали одни другим свои искусство и промышляли, помогая тем, кто к ним прибегал в своих нуждах. Иногда этим занимались и мужчины², но чаще пожилые и старые женщины. Во всех местах России можно было отыскать их. Особенное уважение существовало к тем, которые жили на севере

¹ Домострой.

² Правос. испов. 1855 г. Кн. II. 64.

в карельской земле. Там искал их великий Князь Василий Иоаннович, когда, женившись в другой раз на молодой Глинской, хотел иметь детей и прибегал к чародеям, чтобы они помогли ему к плодотворению. В самой Москве жило множество колдунов, особенно в Замоскворечье.

28. *Привораживатели и умиловители.* Так, в первой половине XVII века там были известны женки: Улья, Наська-Черниговка, Дунька, Феклица, Машка Козмиха, как видно из дела, возникшего в 1638 году по поводу подозрения в порче царицы Евдокии. («О ворожбе» Забелина. Ком. 491–492.) Эти чаровницы предлагали свои услуги посредством наговоров над какою-нибудь вещью. Таким образом, к московской чародейке Наське-Черниговке прибегали женщины, страдавшие от побоев, которыми наделяли их мужья. Колдунья должна была *отымать сердца и ревность от мужьев*; а когда жены жаловались на холодность мужчин (мужьев), приворожить их и отнять *сердце и ум*.

Она наговаривала на *соль, мыло и белила*, приказывала женщине умываться мылом и белилами белиться, а соль давать в питье и яство мужьям; брала у женщин ворот рубашки и сжигала его, наговаривала на пепле и приказывала также сыпать его в питье мужу. Завораживая соль, чародейка говорила: «Как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил». Над мылом говорилось: «Сколь скоро мыло с лица смоеся, столько бы муж жену полюбил». Когда сжигался ворот рубашки, колдунья говорила: «Какова была рубашка на теле, таков бы муж к жене был». Сожженный ворот рубашки служил также случаем для умиловливания господ: надобно было посыпать этого пепла на след, когда господин или госпожа будут идти.

Одна из таких жертв наивно созналась, что после того, как она исполнила над своим мужем все, чему научила ее колдунья, муж ее вместо ожидаемой перемены поведения и ласки чуть не убил ее; тогда она, увидя, что нет помощи от чародейства, бросила с досады наговорные вещи.

Узнание неверности. Ревнивые мужья если хотели от ворожей узнавать о неверности своих жен, для чего приглашали их к себе в дом: те присматривались к сердцу женщины, которую муж подвергал испытанию; если ворожея замечала, что у жены сердце трепещет, то укоряла ее в неверности, и часто неповинную, но робкую, отдавала на произвольную расправу мужа.

29. **Отыскание воров.** Если в доме случалась пропажа и признаков никаких не было, кроме одного подозрения, то призывали ворожею или ведуна, и эти обличители присматривались к животу подозреваемого. Как это производилось, неизвестно, но, во всяком случае, нужно предполагать, что от этой ворожбы возникла пословица: «Плохо лежит – брюхо болит».

30. **Наговор на товар.** Когда залеживался товар, то колдунья наговаривала на мед, приговаривая: «Как пчелы ярося роятся, так бы (к такому-то человеку) купцы для его товару сходились». Потом приказывала торговому человеку умыться этим медом.

31. **Против княжеского или боярского гнева.** Если на кого царь, князь или другая важная особа гнев держит, нужно при себе носить под левой мышкой правое око орла, завязав в ширинку. Этого орла нужно поймать непременно в Иванов день о вечерне, понести на распутье и заколоть острою тростью.

32. **Ворожба на ловлю рыбы и птиц.** Если у выше-сказанного убитого орла выколоть левое око и смешать его с коровьей кровью, то око может, по народному поверью, служить охотникам и рыбакам. У Буслаева¹ сказано: «Левое око добро мешать с коровьей кровью и селезеневою, да все то иссуши, да завяжи в синий плат чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привязи к цепу и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многим ловушкам годна, ко звериным, птичьим и ко всякой ловле».

¹ Буслаев. О народной поэзии. 31.

33. **Ворожба против неверности (любовные зелья)**¹.
Аще жена бегает, и дай питии воробьево сердце (?) и начнет мужа любить. Аще небрегчи муж жены начнет, то помажь его (?) салом медвежьим, вегда не будет ему на другую жену похотенья.

34. **Узнать во сне о верности жены.** Совиное сердце положить на суконный плат, приложить женщине к левому боку, и она все во сне на себя выскажет, что была без мужа².

35. **Чары на благополучное разрешение младенцем.** Напиши на бумаге: «Помяни, Господи, сыны эдомские во дни Иерусалимовы глаголющие: истощайте до основания его!» – А то письмо положи к роженице за пазуху³.

36. **Средства против неприятностей от недоброжелателя или неудач.** Аще уловишь лося, и урежи правые ноги, копыто, и сделай перстень, и носи на руке, и на того человека не придет никакая злая пригода, ни зол человек⁴.

37. **Чары на успех в суде.** Бывало, начинавший судиться или призванный (в суд) чрез пристава или недельника к судебному ответу спешил к колдуну, который заговаривал язык и сердце противной стороне⁵. Идя на суд, надобно взять с березки *перепер*, который трясется, и говорить: «Так как сей перепер трясется, так бы мой супостат (имярек) и его язык трепетался»⁶.

38. **Чары о поединках старины; кулачных боях тоже.** В России, как и в других странах, существовали поединки, судебные по характеру. И здесь чародеи являлись на помощь; нередко случалось, что спорщики были готовы

¹ Домаш. обиход.

² Рук. сборн. XVII ст. То же.

³ См. Приложение ко 2 кн. Пермского сборника, 1860.

⁴ Там же..

⁵ Арх. Калач. II. 2. 50.

⁶ Буслаева о нар. поэзии. С. 30.

помириться, да чародеи начинали снова *бить кудесы* (смущать) и разжигали снова вражду¹.

В этом случае чародеи советовали таким образом запастись силою для поединка судебного: «Убей змею черную саблею или ножом, да вынь из нее язык, да вверти в тафту зеленую и в черную, да положи в сапог в левый; а обуи на том же месте. Идя прочь, назад не оглядывайся, а кто спросит, где ты был, и ты с ним ничего не говори. А когда надобно, и ты в тот сапог положи три зубчика чесноковые, да под правую пазуху привяжи себе утиральник и бери с собою, когда пойдешь на суд, или на поле битвы».

Когда холоп обкрадывал господ или бежал, призывали ворожею, и она производила заклятие всем бежавшим.

Трудно, очень трудно передавать все то, что случалось; летописи немного сказывали; но и из того, что сказывали, можно бы много извлечь из тех враждебных заклинаний и проклятий, которые произносили безграмотные женщины, преимущественно старухи. Русская старина говорит, между прочим, что колдовство и чародейство производилось не над одними только зельями (вредными травами), а также кореньями, водою, костями, огнем, громовыми стрелами, над мертвыми, над медвежьим ноготком, над снятою рубашкою мертвеца, над мертвою рукою, над выбранным из-под человеческой ноги следом (*чары на след*).

39. *Чары на след*. Эти чары совершаются таким образом, по народному преданию: когда человек идет, то измеряют его след лучиною, веревочною или тесьмою, вообще чем-нибудь, и жгли на огне дотла, или замуровывали в печи, может быть, с наговором, и говорят, будто бы от того *пропадают ноги*, то есть теряют ноги, слабеют, страдают ногами. Оно тоже сопровождалось наговорами.

40. *Чары над мертвой рукой*. По сие время существует обыкновение в простом народе и между мошенников, что для благоприятного успеха в краже нужно иметь мертвую

¹ См. Стогл. вопр. 17.

руку, которая, по их уверению, благоприятствует воровству, если ее удержать при себе во время производства кражи. Нам неизвестно только одно, есть ли по этому случаю какие-нибудь приличные наговоры.

41. **Чарование над мертвым телом**¹. В старину было большое верование в силу влияния мертвых тел на людей, то в целебном, то в зловредном отношении. Мы даже ранее писали, упоминая несколько об этом; скажем один случай². В одном семействе умер младенец; один из родителей страдал слезотечением из правого глаза. По существующему верованию, болящий потер пальцем мертвого младенца глаз, и скоро слезотечение пропало, а вместе с тем заросла слезная железа. Глаз все-таки повредился, как неовлаживаемый слезою, но все-таки чары сделали свое дело и по-своему.

42. **Приворотный корень Ибрагим**, то есть *обращающий*, имел, по мнению старины, свойство имеющих его привлекать к тому человеку всякого и любить. Колдунья давала этот корень женщине, и та, положив его за зеркало и смотрясь в него, приговаривала: «Как смотрюсь в зеркало, да не насмотрюсь, так бы (такой-то) на меня не насмотрелся». В одном из травников XVII века подобное приворотное свойство приписывается нескольким травам, например, траве *кукоос*; в ней корень надвое, один муженек, а другой женочка; муженек беленок, а женочка смугла. Когда муж жены не любит, дай ему женский испить в вине, и с той поры станет любить. То же приписывалось траве *одан*; кто тебя не любит, то дай пить, не может от тебя до смерти отстать. А когда пастух хочет стадо пасти, и чтоб у него скот не расходился, держать при себе, то не будет расходиться; похочешь зверей приучить – дай того корня есть, то скоро приучишь³. В числе верований о приворотных средствах принадлежит очень странное о траве «симтарине», которую называли в

¹ На татьбу мертвого, зубы волшование. Прав. собес. 1855. Кн. III. 64.

² Рассказ автора.

³ Арх. 1859. I. 78.

травях «Царь-трава» о шести листьях: первый – синь, второй – червень, а четвертый – багров, а братъ вечером об Иванов день, сквозь золотую гривну или серебряную, а под корнем той травы, человек, и та трава выросла у него из ребер. Возьми человека того, разрежь ему перси, вынь сердце; если кому дать сердце того, тот изгаснет по тебе. Если муж жены не любит, возьми голову его и поставь пред мужа, – только что увидит, будет любить пуще прежнего. Десная рука его – добро; если которая жена мужу неверна или муж жене, стерши (?) мизинным перстом, дай пить¹.

До нас не дошло, существовали ли такие травы в действительности, имели ли такие свойства, и какие они носят сейчас названия, нам неизвестно также.

43. *Насылка на ветер*. Насылка на ветер и выбор следа были чародейства злые; они производились с целью сделать зло человеку, и потому их боялись в особенности. Так, в подкрестных заговорах на верность царю верноподанный присягал, между прочим: *«ведовствам по ветру, никакого лиху не насылати, на следу не вынимати»*. Насылка на ветер состояла в том, что лихой колдун, знавший искусство возбуждать ветры и направлять их, куда угодно, своими заговорами (см. заговор) производил ветер, потом направлял его по назначению и бросал по ветру пыль с известным ему приговором, в котором колдун выражал требование, чтобы тому, на кого насылался ветер, причинились корчи, мяло, ломало, сушило и проч.

44. *Чары над просфорою*. Наговаривали над просфорою для успеха в чем-либо и также в воровстве. Для этого просфору приносили к ворожее, которая произносила над ней промовления, и этой просфоре сообщалась сила к действию в успехе.

45. *Наузы или узлы*. Одно из самых обычных способов волхования. Над узлами наговаривали и отдавали желающему: им придавали силу предохранять от разных

¹ Буслаев. О нар. поэзии. 31.

несчастий. Матери брали от волшебников чародейственные узлы и навязывали их на детей. Баба начнет на дети на узы класти, смеривати, плююще на землю, рекше беса проклинать. Этот древний обычай высказан в нашей старой летописи, в повествовании о Всеславе, которого мать даже родила при участии волшебства (от волхования); ему волхвы навязали науз на голову; он носил его всю жизнь, и влиянию этого чародейственного узла приписывались его воинственность и жестокость, «того ради немилостив на кровопролитие». Многие приходили к ворожеям и брали от них наузы для предохранения от всякого рода опасностей (*никакая бесовская обаяния наузы*).

В старину узлы навязывали на оружие и думали сообщить ему твердость и уничтожать силу противного оружия, как это видно из старинного заговора: «Завяжу я по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному, на пищалях, на луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищали, спутайте все луки, повяжите все ратные оружия; в моих вся сила могуча!» На этом основании верили, что некоторые из ратных людей умели так навязывать чужое оружие, что их самих не брали ни пули, ни сабли.

Такое мнение существовало и сохранилось в предании о Стеньке Разине. Наузы давались от влияния злых чародеев и от замыслия врагов вообще, как видно из заклятий: «Завяжи, Господи, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье, и упирцу, на раба Божия (такого-то) зла не мыслити, от чернца и черницы, от красной девицы, от беловолосого, от черноволосого, от русоволосого, от рыжеватого, от русобородого, от одноглазого, разноглазого и упорца»¹. Конечно, от этого старинного верования во всемогущество наузов осталось выражение: *завязать* – в мысль не допустить, преградить.

Это особенно видно в малороссийском языке, в выражениях, вроде следующих: «Завязанный світ! Мині як

¹ Арх. Калач. Кн. II. Полов. 2. 53.

завязано» (т. е. не удается). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобы сообщить какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобы предохранить от враждебного действия и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались против болезней, не как лекарство, а как предохранительное средство.

Народное воображение всегда старалось отыскивать фантастические причины болезней. Вообще болезни происходили от влияния злых духов, или даже сами были злыми духами, или от злого умысла и силы слова, которое может управлять природою человека как на добро, так и на зло. Лихорадка обыкновенная называлась бесом-тряскою. («Недуги лечат чарами и наузами, некоторого беса глаголемаго трящу прогоняюще»¹.)

Этому бесу тряске подвластны выходящие из огненного столба двенадцать (по другим, семь) простоволосых девиц дочерей Иродовых (*По Арх. Калач. 2. 51.*): Невея, Синя, Легкая, Трясуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Акиледь, Временная, Безыменная, Осенняя, Листопадная. Имена семи нерусские: Лилия, Херхурия, Загрея, Невея, Тухия, Нешия, Злыдня, еще старшая Трясовица; а низшие все повинны нас слушати (вероятно, каждая из них). Их прогоняли заговорами, завязывали наузами и отписывали письменах. В этих письменах писались эллинские имена лихорадок; записочки давали носить больным. Другие писали имена лихорадок на яблоке и яблоко клали в церкви во время литургии. Множество разных болезней приписывалось урокам, призорам и сглазам. Под уроками разумелись злодейственные речи; под последними – недобрые взоры². Лечение состояло в том, чтобы отогнать и уничтожить действия враждебной губительной силы. Ворожеи употребляли наузы, примовления, разные мани-

¹ Арх. II. Полов. 2.

² Арх. Калач. 2. 51.

пуляции и зелья¹. Наузы, как выше сказано, были более предохранительное средство; они не допускали враждебную силу действовать, как придет случай, «хотя мало поболит или жена, или дети, то оставише Бога, врача душам и телам, ищем проклятых баб, чародейниц наузов... Глаголющи нам наузы навязывати». Примолвки и заговоры употреблялись как для предотвращения болезней, так и еще более как прямое средство против недуга, уже поразившего болящего. Иногда заговоры говорились без особенных обрядов и без посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какие-либо предметы, особенно съедобные и испиваемые, и сообщали им силою своего желания целительное свойство. Вода играла в этих случаях главнейшую роль, особенно в тех случаях болезней, когда признавалось, что они постигли болящего от призора и сглаза; тогда надобно было смыть или обрызгнуть прочь призор, то есть влияние дурного взора. Бросив в ковш с водою три угля, ворожея в своем примолвлении наговаривала воду обмыть с хвораго хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болезни, щипоты и ломоты, злу худобу и понести за сосновый лес, за осиновый тын. Кроме целящего свойства, воде, употребляемой с знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-ведуньи советовали купаться в реках и озерах во время грозы и в новолуние, умываться с серебра, а потом встречать молодой месяц и этими средствами хотели предохранить от недугов на будущее время².

46. *Чары на порчу человека, на икоту.* Под именем порчи разумеются нервные болезни, которые внезапно и исключительным ужасом припадков потрясают воображение, настроенное к таинственным толкованиям. Не только верили, но даже избегали сомнения в том, что причины такого явления надобно искать исключительно во влиянии

¹ А. Э. I. 462.

² А. И. IV. 225.

злых духов, а не в обыкновенной природе. Очень часто в разных местностях появлялись беснующиеся и кликуши: в особенности они толпились там, где была какая-нибудь чудотворная икона или мощи святого, – вообще места, прославленные религиозною святостью. *Кликушами* они назывались оттого, что выкликали или кликали на кого-нибудь, то есть указывали, что такой-то их испортил. Припадки их усиливались также еще во время литургии: тут, по выражению века, *они метаются всякими кознодействиями*. Преимущественно этими болезнями страдали женщины. О таких беснующихся ходили изустные и письменные рассказы самые мрачные и вместе самые затейливые. В одном из сборников XVII века есть замечательная повесть в этом роде об одной священнической дочери, в первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бесов, потому что муж ее неосторожно вышел, оставив дверь отворенною и не осененною крестным знамением. Бесы таскали ее на болото, терзали ее и мучили. Она делалась беременною и рождала чудовищ наподобие змей, которые сосали ее до крови. После несказанных мучений эта страдалица исцелилась спасительным влиянием чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо от несчастных, которые действительно страдали нервными болезнями, несравненно более было таких, которые или усвоили себе эти припадки от впечатлительности воображения, или же притворялись. Выкидывая разные фарсы, показывали вид, будто бы они могут пророчествовать. Стоглавый собор просил царя, чтобы он повелел жителям гонять от себя лукавых пророков и пророчиц, которые являлись тогда во множестве. То были преимущественно старые девки: они бегали босые, с распущенными волосами, тряслись, падали, кувыркались, бились и таким образом предсказывали будущее и возвещали, как сивиллы, народу разные заповеди вроде следующих: «Бабы, не прядите и печей не топите по средам и по пятницам: Святые апостолы и святая Пятница нам явились

и не велели». Другие же порицали людей на разные пороки. Появление кликуш в городах было истинным наказанием для всего общества; их указания часто принимались и преследовались судом. По одному клику беснующейся женщины брали обвиняемого ею человека и подвергали пыткам; иногда притворные кликуши служили орудием корыстолюбивым воеводам и дьякам; последние нарочно подучали их обвинять богатых хозяев, чтобы потом придираться и обирать их. А если кто-нибудь, обезумленный страданием пытки, наскажет на себя, что он действительно колдун, то его сжигали в срубе (по образцу инквизиторского суда). Между тем правительство, получив известие о распространении порчи и появлении кликуш в каком-нибудь крае, посылало туда нарочных сыщиков отыскивать и выводить ведунов и ведуний: всеобщее зло удваивалось. Часто обыкновенная болезнь человека служила началом дела о колдовстве (*А. г. Шуи. 95. Описание Шуи, 337–340*). Большое воображение искало причин болезни и тотчас нападало на ту мысль, что болезнь происходит от супостата (*С. Г. Гр. III. 265*). Томит сухота сердечная, есть, пить не хочется, свет белый не мил, верно, напустили, может быть, из-под ветру, или со следа, а может быть, зелия чревоотравленного дали, что чаровница собирала на ночь Купала. Домашние придумывали, от кого бы могла случиться беда. Они имели право указывать на ведуна и просить мыску; а нужно, чтобы только заподозрили в ведовстве – до пытки недалеко, особенно, если у истцов есть средства расположить в свою пользу правосудие. В 1606 г. в Перми производилось следствие о том, что некоторые ведуны напускали на людей икоту. Обвиняемых жгли, давали на пытках по три встряски, потом сажали в тюрьму. Если после всех операций подсудимый не признавался, то наряжали обыск; священники, посадские, старосты, целовальники с выборными обывателями подавали для окончательного обвинения или оправдания. И обвинители, и обвиняемые равно

небесполезны были для воевод и дьяков. Самый ничтожный факт, если его не могли объяснить, был достаточен, чтобы обвинить человека в колдовстве. Таким образом, во время пожара в Москве, при Михаиле Феодоровиче, хотели сжечь как колдуна одного немца-живописца за то, что нашли у него череп, и никак не могли объяснить себе, для чего он его держит¹.

Порча сообщалась через разные предметы: выше было упомянуто о том, как наносили порчу здоровью человека посредством ветра и выемки следа. Равным образом колдуны пересылали свое зложелательство чрез *подмет* (подкидку) разных вещей, к которым случайно мог прикоснуться тот, на кого обращалось злое намерение. Вот, например, в Шуе в 1672 г. производилось уголовное дело о колдовском подмете: один посадский подал челобитную, что в углу на краю своего огорода он нашел куски печеного хлеба, калачи и несколько меда². Волшебство переходило чрез все, что принадлежит к конской упряжи и вообще к езде. От этого к царским лошадям не допускали никого, чтобы лихой человек не положил зелья и коренья лихого в их государевы седла, и в узды, и в войлок, и в рукавки, и в наузы, и в кутазы, и в возки, и в сани, и в полость санную, и в ковер, и в попонку. В 1598 году русские присягали Борису своему государю «в естве и питье, и в платье, или в ином в чем лиха-напасти не учиняти; людей своих с ведовством да со всяким лихим кореньем не посылати, и ведунов и ведуний не добывати, ни следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати, и пр.»³.

Во время войны боялись, чтобы чужие государи не подослали волшебниц испортить государеву семью⁴, успехи самозванца всеобщее мнение приписывало ничему иному,

¹ 134. Олеарий.

² Опис. Шуи. 341.

³ А. А. Э. Н. 58.

⁴ Забел. О ворожбе. 485.

как знанию волшебства (доп. 1. 225). Опасение, чтобы лихие люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имело границ. Чуть только случилось прихворнуть государыне или кому-нибудь из царских детей, сейчас подозревали, что их испортили. Это происходило скорее всего от того, что медицина или наука врачевства еще пока не существовала в полном ее развитии и допускала старые мифологические понятия простолюдинов в связи с христианскими догматами и перепутанные от недостатка и правильности разумения. Новорожденных младенцев и до сего времени по этому случаю оберегают от посторонних взоров до шестинедельного возраста¹.

47. Серебряный цвет. Интеринова мятная трава, дягиль. К сильным убеждениям в предания своих предков, вероятно, и сам царь Алексей Михайлович не чужд был некоторых убеждений суеверного свойства. Так мы видим из очерка домашней жизни и нравов великорусского народа Н. И. Костомарова, что Алексей Михайлович, отец Петра Великого, преследовавший ведовство как богопротивное дело, в 1650 году приказывал стольнику Матошкину высылать в купальскую ночь искать серебряного цвета, интериновой травы, мятной и дягилю, а пред концом своей жизни, в 1675 году, приказывал воеводам в Сибири собирать знахарей, узнавать от них травы, свойства их и присылать самые травы в Москву. Вообще видно из истории, что медицина в России если и была, то в руках иностранцев, которых считали еретиками и басурманами, а между тем простой народ довольствовался только одними симпатиями, приметами и ворожбою и своими преданиями.

Но благочестивые люди не только гнушались обращаться к чародеям, но вообще считали грехом искать в чем бы то ни было помощи от несчастья, кроме молитвы; а самые болезни или несчастье считали гневом Божиим и прибегали к молитве.

¹ Коших. 14.

48. *Чарование против беса в доме.* Иногда бесы поселялись в доме, во дворе, производили стук, пугали видениями и вообще делали разные шалости. Верившие знахарству употребляли против этого различные sympathetic средства, например, сжечь совиные когти и тем дымом храмину свою кадить и двор курить – и исчезнет бес; а потом ослиным салом назнаменуй двери, и всякое зло, которое найдешь на дворе, исчезнет. Для того же хорошо держать корольковое камение, от него нечистый дух бежит, потому что тот камень крестообразно растет. Набожные люди прогоняли из домов бесов внесением чудотворных икон, как о том гласит надпись на ограде церкви Гребенской Божией Матери в Москве. В старину ходило такое верование: Ангел Хранитель (человека) всегда стоит на страже вверенной ему души против действия нечистого духа, и потому к нему нужно постоянно обращаться. Каждый день в первый час дня Ангел Хранитель является на поклонение Богу и объявляет все дела и мысли человеческие. Поэтому надобно было всегда прилежно молиться и благодарить Бога в конец дня и в конец ночи именно, когда ангелы являются на поклонение Богу¹.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

От простуды. Кто, вспотев, изопьет, и оттого болезнь придет, – овечьего молока ложку да желчи медвежьей с гороховое зерно, да, стерши, испить на тще сердце, укусив дважды².

От кашля. Аще кто кашляет, давай ему пить воду ячную с сахаром, и поможет³.

¹ Рукоп. Рум. муз. № 358.

² Прилож. ко второй кн. Перм. сборн.

³ Там же.

От хрипоты. Аще человек охрипнет, горло ему затечет, то шелковую траву водяную, изгневши, литии на него. Аще не будет шелковые травы вода, тогда пшеничные отруби с укропом и зневши, пити, и хрипота исчезнет и минет¹.

От водяной. С разваренного или заваренного сверчка воды выпить. Смотри в конце книги.

От лихорадки. Аще кого трясца держит, и ты возьми чесноку, да хрену, да истолки обое вместе, да вяжи себе на шею, а как станет подроживать, ино по суставам чесноковым хреном мазать и кто станет говорить: чесноком да от тебя пахнет, – и не отпираться. И тот чеснок и хрен делается, чтобы люди не знали².

То же от трясовицы. Комонное коренье варити в пиве и пити на тще сердце, и она покинет³.

От зубной боли. Змею живую добыть, вынуть из нее желчь из живые; а (буде) змея живая без желчи с того места сползла, и тою желчью мазати, и в тот час жерви (т. е. черви) пропадут; а буде змея с того места без желчи не ползет, и в той желчи нет пособия.

От глухоты. 1) Аще человек оглохнет, возьми воронову желчь и пусти в уши. 2) Сала свиного, да сала курячья, да соку лукового укапливай в ухо и услышит. 3) Возьми молока сучья и укапливай трижды в ухо.

От потери голоса. Ясти чеснок печеной на тще сердце, и будет голос.

От шелудей. Аще человек шелудив, ящерицу сожги на пепел и мажь тело.

От нарывов. Аще варим и толчем и прикладываем (чеснок) к чирьям на теле или к иным болячкам, кои бывают без верху, тогда гной выводит.

¹ Там же.

² Там же. XXXII, из рукописной рукоп. XVII столетия.

³ Там же.

От ран. 1) Раненому кому – желчь медвежья с яичное зерно, да приложить к ране, привить платом – ино выйдет кровь. 2) Возьми дрожжей, да вина горелого, да ладану, да набити яиц курячих и мазать раны.

Излечить отмороженный член. Гусиным салом да утечьим и раствором ржаным мазать озноб (то есть отмороженный член), и живет оттого, да мозгу коневого, да истолчи все то вместе и приложи к озяблой ране.

То же от ран. Коли не можешь излечить, возьми молодые листы (?), сожги в пепел, да доспей щелок да мой болячку, да присыпай, – ино заживет.

От ушиба. 1) Аще у человека излом, еловый пепел смеси с желтком яичным, прикладывай к излому; у кого нога гниет, собачье ребро сожги, истолки, и приложи вверх раны лист попутниковый или капустный. 2) Прививать можжевельным пеплом с яичным белком семи (смесь?) вельми добро. 3) Против кровной струи помазывай дрожжами медовыми, осоли, и поможет. 4) Масло деревянное да соль жжена – присыпать к болячкам.

От болезней глаз. 1) Егда бельмо на оце, терние из лесу нажещи, пепелом посыпай, то и лекарство. 2) ...Ресница стряхнется и прыски из него (?) пойдут в очи человеку, и с того ресницы растут в очах и волосы кривляются, тому помогати: держать клей вишневый и размачивати в воде, обмывая водой, и вытирати, и в очи пущати тотчас. Стекло зеленое истолки мелко, да козью желчь обое смешай вместо (вместе) и мажь тем – откуда волосы растут. 3) Белого голубя кровь суши по холоду, а не на солнце и не на ветре; истерши та кровь, пущати в очи рано. 4) Мазати мозгом заячьим из головы сырым. 5) Лист смородинный, да варити в трех водах и тем мажь очи. (*К приведенным 2, 3, 4 и 5 статьям в рукописи относится отметка на поле: у кого в очах волосы растут.*) 6) Добыти сова, да совиною желчью мазать, и сгонит. (*Это лекарство от бельма.*) Яйцо куричье провертети, да белок выцедить, желток

оставить в скорлупе, да утерти соли самосадки, и положить в яйцо, да обмажь его глиною, и сожги на пепел, да просей ситом, и посыпи на бельмо. 7) Лебязью желчь мазать, масло яичное жежчи же, да тот пепел мешати с пресным медом и с маслом деревянным мазати. 8) Аще у человека глаза кровавы, иссуши семя (?), смеси с тремя белками ячными, да заткни хлопьем, да прикладывай к очам. 9) Аще у человека преет, изотри сабур-траву, да ртути, да масло древеное со сцем, помажь веки, а в очи не пушай. 10) Козьи го... девать пер... истолки, смешай с медом, с пресным, впушай в очи, и будет(шь) здрав. 11) Иссуши желчь коровью, изотри и сыпи в очи. 12) Сахар леденчатый да женское молоко, у которое с чужим не бывало, или черные коровы, пушай в очи.

От обморока. Аще у кого душа займется напрасно, язык отнимется – зажечь две свечи воцаны, да погасити одна и подкурити под нос, пременяя.

От грыжи. 1) Конский мозг добро от грыжи мазати. 2) Аще у кого грыжа, и ты помажь собачьею кровью, и поможет ему.

От зуда. Возьми крапивки, да соли, да яичный желток, да смешай вместе, да мажь по три дни, куда свербит.

От недержания мочи. Который человек часто с... пити кровь заячью да мясо ясти заячье.

От чахотки. Аще человек чахнет, ходячи, не оживает, ни умрет, в ... день зарезати корова, да лести на локтях в брюхо до горла и минет болезнь¹.

Пояс как средство от порчи. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Заговорю твое тело белое и закреплю крепче стали и булата, крепче меди и укладу, крепче железа немецкого, крепче тугого лука и каленой стрелы, и подпояшу своим заговорным поясом; и запру и замкну в тридевять замков и тридевять ключей, и пушу ключи в Океан-море, а взяла их щука; как щуку в море не поймать,

¹ Рук. XVII стол. См. Перм. сбор. 1860.

так и тебя, раба Божия Н., не отмыкать, а кто ключи достанет, тот и отмыкнет. Аминь.

От всех колдунов и от всех заговоров и всякой порчи носят на голом теле из тонкой сетки (вязаной шарф). И при этом талисмানে не может действовать никакое колдовство и никакая порча. (*Простон. медицин. рук., ст. Ив. Костылева.*) Можно видеть из этого, что здесь действуют тоже узлы, как о том было сказано выше.

Состав о голосу Филамента, философа Афинеяско-го. Взять от трех колодцев или от трех разных источников воды и на то устроить место и сосуд, и окрест его поставить четыре свечи воженных, и поверх сосуда положить два ножа накрест, и тогда лити воду в сосуд, да в ту же воду положить меди тертые зазванного колокола, и глаголати молитвы сия трижды:

«Глаз грома твоего осветища, молния твоя вселенную подвиже, и трепетна бысть земля, в мори путия твои и стези твои, в водах многих и стопы твоя подвижутся, наставил еси овцы, и люди твоя рукою Моисеевою и Ааронею».

И та вода пити чрез лебяжье горло да тою же водою и окатиться. По сотворении сего глаголати подобает:

И яко потрясением поколебаться всем удом человеческим.

Из старинного рукописного сборника, полученного из с. Пингишей, Холмогорс. уез., от свящ. Колчина.

Утин прискать. Утин или спинную боль лечат преимущественно старухи следующим образом: больной лежит ниц через порог, и когда он так ляжет, лекарка-старуха кладет на спину его веник (листоватик) и ударяет по нем острием топора. После каждого удара топором больной спрашивает: «Что сечешь?» – «Утин секу!» – отвечает лекарка. «Секи крепче», – говорит больной. Это повторяется до трех раз. Веник, лежащий на спине больного утином, выносится им на улицу и бросается наотмашку¹.

¹ Доставил свящ. Макаров из Шенкур. уезда в труды Этногр. отд. 1878.

При родах. (Арх. губ.) К женщине, начинающей мучиться родами, призывают повивальную бабку. Деревенская повивальная бабка, как только заходит в двери к больной, говорит:

«Отпирайте, отпирайте! Отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте! поезжайте, поезжайте! Поехали, поехали! Едут, едут!»

Это говорится для того, чтобы больная скорее разрешилась от бремени. После этого бабка осматривает больную и начинает помогать ей своими средствами.

Бабка берет квашню, замешивает в ней ржаное тесто и приговаривает: «Я тебя, квашночка, творю с вечера до утра; тако бы рабице Божией (имярек) мучиться один часок минутный». И дает больной принимать это тесто с ложки. Если приведенные слова не помогают, то бабка наливает в какой-либо сосуд воды и шепчет про себя в воду три слова:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа: из города Иерусалима идет Иисус Христос, Мати родила Сына, Иисуса Христа, не болевши, не стонавши, и люди не слыхавши; так бы рабице Божией (имярек) родить младенца, не стонавши, не болевши и люди не слыхавши.

И дает эту воду пить больной. Не помогают и эти слова, также в воду говорят другие:

«Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стану я, рабица Божия (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, в чисто поле за дверями, в восточную сторону. В восточной стороне Океан-море, на Океане-море лежит бел камень, на белому камню лежит гроб Господень, у того гроба Господнего стоит Богородица с четырьмя евангелистами: Иоанн и Лука, Матвей и Марк и вся силы небесные, и отстреляйте от р. Б. Н. уроки и прикосы, и оттуда пришли и туда подите и от царя и от царицы, и от попа и от попадьи, и от мужика до женки, и от парня, и от девки простоволоски, от черноволоски и русоволоски, и красноволоски, и от двоеглазого, и от

одноглазого, и от слепого, и от своей лихой думы и мысли, и от чужой думы и мысли, и раб Божий, которых слов не доумею, и те слова в число, которые слова не лишние и не нелишние, и те слова не уменьшают, и те слова ключ и замок от земли и до неба, отныне и до века, и век по веку, аминь, за аминем аминь».

Приговорить на зверя, в мырку, по правому боку провести хвойной три раза и проговорить: Слава Богу, добрым людям на похвальбу, а завистливым на завистость. (*Рук. достав. крест. Леонтьевым.*)

Средство к размножению пчел. Когда ударят к утрени на Велик день, быть на колокольне и после первого удара отломить кусок меди от колокола. Этот кусок меди приносят на пасеку и кладут в передовой улей¹.

То же. Чтобы пчелы не отлетали и чужие не воровали. Варят дурман с тысячелистником, обрызгивают плетень, деревья, строения с целью истребить соседних пчел и отсучить своих от полета на чужой двор².

Усыплять чужих пчел. Знахари собирают маковые головки и варят их в козьем молоке. Молоко, всосанное залетною пчелою, может приучать чужих пчел к переселению.

Соняшница – врачевание от брюшных болезней. Знахарь требует миску, в которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску с водой ставит больной на живот; пеньку зажигает. Как скоро загорится пенька, он обматывает ею больную. Часто случается, что больная оттого остается обожженной в нескольких местах; раны, полученные на теле, приписывают знахари тому, что чрез обожженное этим место выходит болезнь, которая тут находилась. Пеньку после того кладет знахарь в кружку, а кружку ставит в миску. В это время начинаются наговоры, между тем как больная вопит от болезни, а окружающие считают вопль страдальцы удалением нечистой

¹ Сахаров. Быт рус. нар. Том I.

² Там же.

силы из больной. Прочтя наговоры, знахарь дает пить эту воду и удаляется¹.

Лекарство от стени. (Изнурительная сухотка детей, детская дряхлость, *Atrophia infantim*.) Для этого больного дитя несут в лес, ищут раздвоенного дерева, кладут его в этот промежуток на двое или на трое суток, сорочку вешают на дерево, потом вынимают его и ходят трижды девять вокруг дерева. После того приносят домой, купают в воде, собранной из девяти рек или колодцев, обсыпают золою, собранною из семи печей, кладут на печь. Если дитя после этого засыпает, то это верный признак исцеления, а если оно кричит, то должно умереть. Часто случается, что дитя умирает в лесу, оставленное обнаженным, или испускает дыхание при обливании холодною водою.

С глазу. Берут воды не питой, не отведенной никем, вынимают из печи три уголька, достают четверговой соли, все это кладут в стакан, дуют над ним три раза, потом плюют три раза в сторону. После сего нечаянно сбрызгивают больного три раза, дают три раза хлебнуть, вытирают грудь против сердца, заставляют рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливают под притолоку. Некоторые к этому составу прибавляют клочок моху, вынутого из угла, другие читают над водою молитвы. Этим оканчивается лечение с глазу.

Хлебная завязка. Хлебная завязка почитается грозящим бедствием хозяину той поляны, где она будет замечена. Народ думает, что это сделано злыми людьми на сокрушение всего семейства и родни.

Для отвращения бедствия от хлебной завязки знахари велят хозяевам полей брать из хлева то место, где почивают свиньи, положить в телегу, запрячь неезженую лошадь и скакать к полю во весь скок.

Если поклажа упадет с телеги, то это недобрый признак. Приехавши в поле, надобно накрыть хлебную завязку

¹ Там же.

этою поклажею, не касаясь рукою. Прикосновение рукою предвещает худой сбыт будущего хлеба. Потом должно ехать, не оглядываясь назад, иначе нечистая сила свернет на сторону голову. После этого запрягают езжалую лошадь, кладут лошадиный навоз и едут к полю. Такою поклажею обсыпают кругом всю повязку.

Зубы лечить. К числу средств в народе существует обычай лечения пальцем. При этом палец обмачивают наркотическими ядами и трут больной зуб или ловят крота, умерщвляют его указательным пальцем, без всякого орудия, приговаривая при этом следующий наговор: «Кротик ты, кротик! И пальцем своим из тебя всю кровь испускаю, и им больные зубы излечаю», причем держат этот палец на больном зубе. После чего полощут утром и вечером кислым уксусом.

Куриная слепота. Болезнь, поражающая поселян, работающих перед огнем или на солнце. Названа эта ночная слепота «*куриною*» будто бы от того, что ее напускают злые люди, что она соскабливается ножом, которым зарезывают старых куриц и что эту слепоту злодеи пускают по ветру, кому хотят отомстить. Органическо-динамические влияния природы, не понятные простолюдинам, производят ночную слепоту – *Nemera lopiāt* – названной «*куриною*». Люди, страждущие куриною слепотою, по совету знахарей, выходят в лавку, нагибаются над дегтярную кадушкою и при этом говорят следующий наговор:

«Деготь! Деготь! Возьми от меня куриную слепоту, а мне дай светлые глазушки».

Народ думает, как говорит г. Сахаров, что деготь приходится сродни куриной слепоте и только из жалости берет к себе бродягу-слепоту под свое попечение. После сего больной должен идти на перекресток, сесть на дорожку и искать что-нибудь. Если его кто-нибудь из проходящих будет спрашивать, то он должен сказать: «Что найду, то тебе отдам», потом утирает рукою глаза и маха-

ет на проходящего. От исполнения этого обряда исчезает куриная слепота.

Мороз. В деревнях думают, что неурожаи льна, овса и конопли происходят от мороза; мороз же олицетворяют следующим поверьем:

Старина наша сохранила понятие о баснословном происхождении мороза от злых духов. Зимой, когда устанутся сильные морозы, злым духам становится тесное житье. В это время они налетают на белый свет, бегают по полям и дуют себе в кулак. От такой прогулки мороз сдавливают снегом жито, от пяток духов отдается треск, и от подутия в кулак бывает или ветер с метелью, или иней садится на дерево. Для отвращения сего зла знахари выдумали проклятие на мороз с совершением обряда.

Под Велик день поселяне, наученные знахарями, приступают к заклятию мороза. Старик семейства берет ложку овсяного киселя, влезает с ним на печь, просовывает голову в волоковое окно и там говорит: «Мороз! Мороз! Приходи кисель есть. Мороз! Мороз! Не бей наш овес, лен да канапи, в землю вколоти». Окончив эти слова, он оборачивается в избу, и старшая из женщин в доме окачивает его водою в то самое время, когда он слезает с печи. Старушки уверяют, что проклятие, высказанное стариком на лен и коноплю, замирает на его устах от воды. Мороз же, довольствованный киселем, не убивает ни льна, ни конопли, ни овса.

НАРОДНЫЙ ЦВЕТНИК

В народе и до сих пор существует убеждение в волшебном свойстве растений. Некоторые из них существуют в народе, а не в ботанике.

Волшебный горох¹. Возьмите и убейте весною змею, разрежьте ей брюхо и, положив в брюхо три горошины,

¹ Лет. русск. лит. Том IV. 1862 г.

заройте в землю. Когда вырастет цвет, то сорвите его в полночь или в полдень, закатайте его, будучи в чистоте сами, в воск и положите в рот; то вы можете узнавать, что у каждого человека на уме.

Калина считается полезною относительно своего сока, которым нужно примачивать раны на теле.

Папоротник, папорот, кочедыжник. Папоротник принадлежит к тайнобрачным растениям и потому к таким, которые не носят цвета. Между тем баснословное предание приписывает ему цветок серебристого вида, чрезвычайно блестящий, напоминающий собою огонек. Цветение продолжается в полночь не более часа.

Этот цвет, по народному верованию, очень полезен тем, кто желает быть умным и богатым; разумеется, как ни быть ему богатым и мудрым, кто может ухитриться до того, чтобы сорвать цветок с такого растения, на котором никогда его не бывает. Проще всего, что это светляк, то есть червяк, издающий в ночную пору фосфорический свет. Взявший, то есть сорвавший этот цветок, должен бежать домой, не оглядываясь, несмотря на преследование его чертями, которые непременно будут бежать и кричать ему, чтобы он воротился. И вообще страшат страшным образом. Обернувшийся погибает задущенным или станет безумным.

Поступают так: в Иванов день, достигнув куста папоротника (папороти) или Иванова цветка, собиратель должен вокруг куста на землю подостлать белой бумаги или холста, очертить вокруг себя лучиной обгорелой круг и наблюдать, предварительно сказав: «Талант Божий, суд Твой», и потом затем прочитать: «Да воскреснет Бог». Цветок этот употребляется также: для отыскания кладов, пред таким цветком открываются клады без препятствия, делаться невидимкою, иметь власть над чертями.

Плакун-трава. Трава плакун пользуется во всех деревнях и селах уважением и страхом. Чародеи создали об

ней особенный миф, противный религии, и обставили обрядами, достойными сожаления.

Чародеи собирают плакун-траву в Иванов день, утреннею зарею без всяких железных орудий, выкапывают ее корень. Простолюдины полагают, что это растение обладает удивительною силою: приводить в страх нечистых духов, смирять их и приводить в покорность. Этою силою обладают только корень и цветы. Знахари употребляют корень Плакуна для изгнания домовых, ведьм и нечистой силы, стерегущей клады¹. Этой траве приписывают, что она заставляла плакать нечистых духов, отчего и получила название. Когда будешь при себе иметь сию траву, то все неприязненные духи ей покоряются. Она одна в состоянии выгнать дедушек домовых, кикимор и прочих и открыть приступ к закланному кладу, который стерегут нечистые духи².

С горестью упоминаем о суеверии наших поселян над этою травою. Может быть, наши слова дойдут до тех лиц, которые имеют хоть некоторое влияние на массу народа, известного или подведомственного кружка или области. Наши суеверы до того простерли свою дерзость, что раскрытие их проказ невольно приводит в негодование. Выкопавши траву плакун с корнем, являются в церковь, стараются с сею травою стоять в алтаре, держа в руке корень, обращенный на восток. В это время производят заговор:

«Плакун! Плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало, не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покориться, утопи их в слезах; а уйдут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние; будь мои слова при тебе крепко и твердо. Век веков!»

¹ Сахаров. Сказ. рус. нар. Т. I. Чернокнижие.

² См. Абевега. русск. суеверий.

Для них бывает недовольно сих вздорных слов; они вздумали еще одним образом придать особенную силу этой траве, о котором невозможно и упоминать. По словам г. Сахарова, эти заклинания и самое понятие о траве плакуне польского происхождения и внесено в наши народные цветники во времена самозванцев.

Трава колюка. Трава колюка собирается чародеями в Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится в коровьих пузырях и раздается по особенному расположению птичьих охотникам. Поселяне думают, что ружье, окуренное этою травою, метко стреляет, и что ни одна птица не ускользнет от его выстрела, и что такое ружье нельзя заговорить кудеснику никаким заговором¹.

Адамова голова. Трава Адамова голова находится в большом уважении у поселян. Чародеи, как и папоротник, собирают ее в Иванов день и хранят скрытно до Великого четверга. По народному понятию, чародейская сила Адамовой головы простирается только на диких уток. Охотники, получившие эту траву из рук записного чародея, окуривают все снаряды, употребляемые ими при ловле уток, в Великий четверг², не иначе.

Впрочем, говорят также, что тот, кто имеет этот корень, везде бывает главою, душою общества и будет распоряжаться прочими³.

Крапивное коренье. Накопай крапивного коренья, иссуши, истолки, просей ситом, натирай лицо, руки и ноги – и не озябнет⁴.

Трава козлец. Возьми дрова и наклади жару в избе и на тот жар положи козлецу травы сноп и запечатай, ино с того духу помрут клопы⁵.

¹ См. 1) Сахаров. Быт рус. нар. 2) Абевега рус. суеверий.

² По Сахарову. Быт рус. нар. Чернокужие. См. Абевега русс. суеверий. С. 3.

³ См. Таинств. чары. С. 117.

⁴ См. прилож. ко 2 книж. Перм. сбор.

⁵ Там же.

Корень свеклы. Свари корня свеклы в воде и тою водою поливай стены. Аще хочешь изморити, истопи избу ясневыми дровами да вмести в печь конопляных головиц, как поспеют.

Трава галган. Трава галган тепла, суха и пригодна, имеет в себе много силы: хочешь кровь пускати, возьми галган в рот свой, своей силою выганивает. А кто его ввечеру порану ел и с вином земским держал, тот от женок испорчен не будет. Аще у кого язык болит, порохом тое же травы мажь. Аще которая рана вельми гниет, того же пороху смешай с медом, пресным, приложить на рану и уздравливает, и сушит¹.

О чесноке. От духа чеснокового бегают всяк гад, который ядовитый. Кто так грызет, вельми вредительно есть очам. А кто приемлет по рассуждению, того да глисты, и змеи, и жабы изнутри выганивает. Чеснок в масле изжен двевянным и тем пользует елеем по укушению ядовитого зверя, где на теле не будь².

Составы пластырей. 1) *Спуск малхану живучему.* Масло коровья два жеребья, ветчины сала жеребей, серы пихтовые жеребей, меду пресного жеребей – спусти вместе в горшке, на огне растопить да процедить сквозь плат. 2) *О малхане гноющем.* а) Сала ветчинного два жеребья, смолы жеребей, муки ржаные положить немного и согрети на огне в горшочке все вместе. б) Воску красного жеребей, сала ветчинного жеребей, смолы против всего того положить и стопить все вместе. 3) *Спуск зелью щепотному.* Масла коровья фунт, квашеного сала или коровья топленого осмой жеребей фунта, сала ворвань 10 золотников, да коневого калу свежего жечи к черепу на огне в белый пепел – положить четверть малой гривенки, да бити в стану на дню гораздо как сметана густа и в тепле не держать³.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Против плешивости. Аще у кого на голове волос нет, возьми коневью брюшину и сожги в пепел, да истолокши, просей мелко, столкши с деревянным маслом, и мажь голову гораздо, да увязи платом – ино у человека волосы нарastут¹.

То же. Коневий кал да козевий кал истолки с деревянным маслом, мажь голову гораздо, обвяжи платом, в три дня волосы вырастут (?).

От рябин на лице. Мазать салом волчьим, ино сгонит, у кого – видение (лицо) рябо и угриловато.

То же. Колос (а?) пшеничной (аго?) цвет утри мелко и смешай с белок яичной, доспей, как масть (то есть мазь) и мажь – видение рябье будет гладко.

То же. Возьми мозг оленей из голеней, мажь видение. Плат новый избери и тем платом росу снимай со пшеничного колоса и той росой мой видение рябое и угриловатое. Дрожжи медвяные мазати.

Чернение волос. Варити в масле орешки чернильные и приложити (?) и развести в теплой воде жиденько, вшед в баню, не подать пару, вымыти бороду начисто, высушить и вытирать да пытатъ то зелье в бороду и в плат, да поседеть (то есть посинеть), чтобы не выпустить, да пытатъ рукою, не чернит ли руки, в те волосы вошли (вошло?) ли да вымой водою².

Трава прикрыш. Трава прикрыш собирается чародеями от 15 августа до 1 октября. Люди, сведущие в чаровании, употребляют эту траву против свадебных наговоров. Когда невесту привезут из церкви в женихов дом, тогда знахарь забегает вперед и кладет траву прикрыш под порог. Невеста, предупрежденная вперед родными о действии знахаря, при входе в дом должна перепрыгивать чрез порог, если же она наступит на эту траву, тогда все эти наговоры обрушиваются над невестиною головою; в про-

¹ Перм. сб. 1860.

² Приб. из 2 кн. Перм. сборника за 1860 г. С. XXXVI.

тивном же случае жестокое их действие обнаруживается над людьми, желавшими несчастья новобрачной чете¹.

Одолень-трава. Корень этого растения держать в доме очень хорошо; по мнению простонародья, кто имеет его в доме, в силах преодолеть разные препятствия; с ним можно ходить по разным судебным учреждениям, чтобы выиграть тяжбу, с ним можно победить сердце молодой девушки. Хорошо с него поить коров во время теления.

Сон-трава. Эта трава собирается чародеями в мае-месяце при желто-голубом цветении, с разными обрядами и наговорами. Поселяне полагают, что она обладает пророческою силою – предсказывать людям во время сна добро и зло. Собранная чародеем с утреннею росой, опущенная в холодную воду, она вынимается при полнолунии и начинает шевелиться. В это время поселянки кладут сон-траву под подушку и засыпают со страхом и надеждою.

Трава тирличь. Трава тирличь собирается под Иванов день на Лысой горе, близ Днепра, под Киевом. Поселяне думают, что эта трава обладает возможностью превращения и достается в удел одним ведьмам. Из тирлича выжимается сок, которым вытирают оборотни свои подмышки при совершении чар. Ведьмы, духи-оборотни проницательные, зная свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и чародеи дорожат тирличом, как сокровищем.

Петров крест. Корень этого растения обыкновенно принимается суеверами за сильное средство для одоления демонской вражьей силы. Если кто несчастливо или неудачно живет, то советуют этот корень носить на кресте закатанным в виде порошка с воском от свечей, стоявших во время молебна пред Спасителем и Богородицею.

Разрыв-трава, иначе прыгун, скакун. Это растение столь редко, что люди, только посвященные в таинство чернокнижия, могут находить его. Поселяне думают, что тот, кто имеет цвет кочедыжника, то есть папоротника, у кого

¹ Сахаров. Сказ. рус. нар. Т. I. 1841. Чернокнижие, С. 42.

есть корень плакуна, то всегда можно поздравить с обладанием этой драгоценной травы.

Чародеи приписывают этой траве разные свойства: разрезывать и разрушать железо, сталь, золото, серебро, медь на мелкие клочки. В народных преданиях доселе есть поверье о кладах, скрываемых по разным местам. В старину, говорят старики, разбойники зарывали награбленное имущество на известное число лет, запирали железными ключами, а ключи бросали в воду. Сила человеческая недостаточна бывает для разрушения дверей и замков, потому что нечистая сила, которой поручено стеречь клад, защищает его своею спиною. Кладокопатели издерживают большие деньги для получения разрыв-травы¹.

Эта таинственная и баснословная трава достается человеку следующим образом: отыскивают гнездо черепахи и выжидают времени, когда черепаха, оставив гнездо с яйцами, уйдет из него. Тотчас же, не медля, гнездо огораживают железными гвоздями, вколотив их в землю и, устроив такой тын, удаляются, чтобы черепаха не могла видеть неприятеля. В известное время черепаха подползает к гнезду и видит, что при всех ее усилиях она не может взойти в свое гнездо, тогда она удаляется на некоторое время и затем возвращается обратно к гнезду с травой во рту, от прикосновения с которой каждый гвоздь вылетает. Тогда наблюдатель подходит уже смело к гнезду, берет траву и врезывает ее в ладонь левой руки, а не правой, иначе тогда ему нельзя будет держать в правой руке оружие. На основании свойства этой травы те арестанты не могут быть заключены в темницу, которые имеют эту траву, и освобождаются.

Трава нечуй-ветер. Эта трава, по сказанию чародеев, растет зимою по берегам и озерам. Простолюдины думают, что тот, кто обладает этою травой, всегда может: остановить ветер на воде, избавить себя и судно от утопления, наконец, ловить рыбу без неводов. День для собирания травы

¹ Сахаров. Сказ. рус. нар. Т. I. 1841. Чернокнижие, С. 42.

нечуй-ветер назначается у поселян 1 января, под Васильев вечер, в глухую полночь. Они думают, что в это время нечистая сила, прогуливаясь по озерам и рекам, бросает траву нечуй-ветер для уничтожения бури. При всем том люди зрячие не могут находить это растение; одни только слепые от рождения чувствуют присутствие его. Когда они наступают на эту траву, тогда их слепые глаза кто-то колет иглами. Если они умеют поднять и схватить их не руками, а ртом, тогда они обладают ею силою.

Рассматривая возможность получения этой травы одними только слепыми, мы смело можем сказать, что изобретатели этого чарования суть слепцы, бродящие по деревням, кочующие всю жизнь на счет ближнего. Доверенность к словам слепых людей и жалкое состояние привлекли на их сторону сердца простодушных поселян. Вот где возникло верование в траву нечуй-ветер, принимаемое всеми поселянами.

Девясил (*enula compeana*). Если это растение сорвать накануне Иванова дня до восхода солнца, высушить эту траву и истолочь и смешать с росным ладаном, то после нужно сделать ладанку, носить, не снимая, на теле девять дней, а потом зашить в платье любимой особе, чтобы это было ей невдомек. По уверению крестьян и других простолюдинов, действие девясила оттого велико, что он заключает в себе девять сил.

Подсолнечник. Это известное всем растение, будучи сорвано в августе и завернуто вместе с волчьим зубом, по народному преданию, должно носить при себе на поясе; верят, что он сохраняет к носившему общее доброе расположение и избавляет от воров.

Спорынья, ржаные маточные рожки (*Secal cornit*). Наши крестьяне, пользуясь названием, встречают на колосьях ржи появляющиеся обыкновенно во время сырого лета черные наросты в виде рожков. Эти зернышки крестьяне... в припеке запекают в хлеб, между тем как это

самый сильный яд, от которого можно умереть или, наконец, приобрести самые сильные припадки, сопровождаемые корчами, нервным расстройством, криками, стонами, тоскою и даже онемением в некоторых частях тела. Эта болезнь называется рафания или *злая корча*. Поэтому в таких случаях нужнее всего остерегаться рожков и, тщательно отделяя их, зарывать в землю, чтобы кому-нибудь не попало по ветру в рот.

Трава песий язык. Говорят, что эта трава, положенная с сердцем лягушки, привлекает к этому месту окрестных собак, а носимая под пальцем ноги будто бы избавляет от нападения собак, а повешенная на шею собаке заставляет ее вертеться до смерти. Этой траве приписывают такое свойство, что если ее положить по всем углам того помещения, где находятся мыши, то все они разбегутся.

Кильная трава. Такая трава известна в Костромской, Вологодской губерниях, а может быть, и в других северных лесных сторонах России, которая избавляет от зоба или от килы. Для этой цели накаливают кирпичи докрасна, кладут эту траву на кирпичи и предлагают больному держать лицо над дымом или парами, исходящими от накаливающейся травы, и прикрывают этого больного сверху наглухо и так, чтобы пары эти как можно более поглощались ртом¹.

Трава железняк. Говорят, будто порошок этой травы, брошенный между разговаривающими, производит ссору.

Семена розанов. Семена розанов, повешенные с семенами горчицы и с ногою ласки, будто бы лишает плодовое дерево его плодов.

Чернобыльник. В первых числах сентября или в конце августа нужно нарвать чернобыльника и зашить в шкурку молодого зайца, которую если носить в виде подвязки, то говорят, что человек приобретет такую ловкость на бегу, что может бежать скорее лучшей лошади.

¹ Слышано М. Евстигнеевым от мельника в имении г. Лугинина. В Кос. губ. Ветлужск. уезда.

Бузина. Бузинной трости приписывают волшебное свойство оберегать и защищать путника от опасных зверей и злых людей, для сего советуют поступать так:

Накануне праздника «всех святых» срезать бузинную трость желаемых размеров, и с нижнего конца выдолбить мягкую сердцевину, и в эту пустоту положить волчьих глаза, языки от трех зеленых ящериц, сердце собаки и три ласточкины сердца, все это, превращенное в порошок, должно положить в сказанную пустоту. К этому порошку нужно прибавить порошка железняка и прикрыть железным набалдашником.

Ятрышник. Кукушкины слезы. По народному преданию, ятрышнику приписывают свойство делать бега лошади быстрым и неутомимым; для этого к овсу нужно примешать горсть ятрышника, изрезанного в мелкие кусочки, и пред тем временем, как ей нужно бежать, смазать брюхо и ноги оленьим жиром, а на шею привесить два волчьих зуба¹.

Крапива. Крапива, по народному преданию, одарена свойством определять или лучше угадывать, будет ли больной жить или умрет? Для этого только что в отлитую больным мочу положить несколько свежей крапивы и дать в моче крапиве мокнуть. Ежели по истечении суток крапива высохнет, сожмется и потеряет цвет, то больной умрет. Когда же крапива останется зеленою и как бы свежою, то больной выздоровеет.

Крапива также употребляется в простонародье от ломотного ревматизма, простуды... Для этой цели крапиву вяжут в веники и нажигают (секут, нахлестывают) больное место. Для этого употребляют всегда свежую крапиву, только сорванную².

Петуния (петунья). Это известное садовое растение. Ему приписывают свойство сохранять от опьянения, что

¹ См. Таинств. чары.

² Тут действуют эфирное масло и муравьиная кислота.

очень важно было бы для людей, много употребляющих спиртные напитки. Говорят, что для этой цели стоило только пред отправлением на бал или на званый обед, на пирושку, принять две ложки порошка этой травы и запить ложкою оливкового масла.

Трава чистотел. По народному понятию, если эту траву носить кому-нибудь при себе, тот человек будет всегда жить со всеми в мире и правым на суде.

Ноготки. Ноготкам придается такое же значение, как и чистотелу; арагонский король Иоанн советует присоединить к этому волчий зуб и, завернув в лавровые листы и в материю из голубого шелка, носить при себе.

Любовные яблоки. Это такие яблоки, чрез которые можно снискать внимание и любовь желанной особы. Делается это очень просто: стоит только разрезать яблоко пополам, в середину его положить записку с именем любимой особы и выложить на солнышек. Будто бы, по мере того как яблоко будет сохнуть, будет страдать и любимая особа.

Трава блекота. Этой траве приписывают такие могущественные свойства, что кто держит ее в руке, тот не боится никакой опасности. Она не может, будучи брошена в воду, привлекать рыб и делает их ручными.

Дурман (*Datura*). Растение это, произрастающее близ мест, куда сваливают всякую нечистоту или где есть много трупов, содержит в зернах своих одуряющий (наркотический) яд. Так как он действует на мозг и глаза с расширением зрачков на последних; на мозг же действует так, что притупляет его постоянную разумную деятельность и развивает ложное воображение до того, что производит разные видения, это и побудило как средневековых алхимиков на Западе, так и наших знахарей и чародеев употреблять его как средство для исполнения каких-либо хитрых замыслов; а мошенники нашего времени употребляют его как средство легко и скоро обобрать простака. Некоторые ветреные жены употребляли это средство,

чтобы усыпить бдительность мужей. После приема этого дурмана свет делается утомительным, и они ясно видят в темноте, причем все предметы увеличиваются в своих размерах. Химически можно извлечь яд *датурин*¹.

Сонная одурь, белладонна (*Atropa belladonna*). Ягода этого растения, черная и блестящая, много похожа на вишню, отчего в деревнях дети часто наедаются плодами этого наркотического растения, считая их лакомыми ягодами. Вкус корня и листьев белладонны остры и горьковаты. Она, как и дурман, производит, смотря по темпераменту, веселый и приятный бред. Оказывается, при больших приемах – спячка и слабость членов. Все предметы также кажутся увеличивающимися сообразно настоящего размера, так, например, лужа кажется озером, соломина – бревном; если капля белены или дурмана будет пущена в глаз, те же явления для глаз. Из дурмана получается сильный яд *атропин*².

Мухомор. Мухомор по своим действиям ядовит как сильное наркотическое средство, которым, впрочем, не брезгают инородцы; мухомором или настоем из мухомора протравляют бумагу и употребляют для окармливания мух. В Восточной Сибири употребляется инородцами для настаивания водок, который производит в больших приемах смерть, но в малых – делает человека веселым или грустным, смотря по темпераменту.

Беленое масло. Беленое масло употребляется снаружи как болеутоляющее средство. Но однако нужно масло держать все-таки закупоренным, чтобы оно не выделяло удушливый газ своего эфирного масла. Говорят, что оно, разнося по воздуху эфирные начала, причиняет какое-то раздражение в человеке, отчего он ищет причины к ссоре; особенно это происходит в теплой комнате, или еще хуже, если будет сохраняемо в печи, и этим маслом будет мазать

¹ Сообщено Евстигнеевым.

² Там же.

больной свои больные части. Говорят даже, что от натира-
ния этим маслом этот человек во сне летает по воздуху.

Тминное и анисовое масла. В Англии нашли, что за-
пах этих масел очень нравится подпольным обитателям,
как то: мышам, крысам и хорькам. Эти средства даже ста-
ли употреблять для приманки этакого рода животных с
целью уничтожения.

Общее заключение

Если мы доставили мало материалов для своего цвет-
ника, то извиняемся тем, что размеры нашего сборника по
своей разнообразности не допускают развития, в излиш-
ках одной части пред другой. Мы очень хорошо понимаем,
что русская народная поэзия полна вымыслов, в которой
зачастую затушевана святая истина, до которой можно до-
браться только путем науки, и тогда легко разъяснить все,
что понадобится; но, к сожалению, сведений весьма мало и
они далеко не разысканы, а между тем было бы весьма не
дурно для полноты изучения нашего народного быта как
пособника истории развить этими путями такие дорогие
сведения, как наша народная медицина и народная бота-
ника, обогащенная самыми чудесными врачеваниями и
волхованиями, и когда только их силы и действия были бы
хоть сколько-нибудь исследованы, то, может быть, многое
оказало бы вещественную пользу.

КЛАДЫ

Кладом называется сокровище, зарытое в земле.
Встарь, как известно, некуда было прятать или отдавать
под верное обеспечение сокровище во время отъезда или
из опасности грабежа со стороны неприятеля или бродяг,
разбойников, скитавшихся по России шайками. И богат-

ства, полученные из земли, вверяли ей же под сохранение. Эти богатства преимущественно состояли из приобретенного золота или серебра в монетах и вещах, и реже в драгоценных камнях.

Если припомнить только, как пытали разбойники богатых людей огнем, то легко понять и то, что более злой обладатель богатства, со своей стороны, принимал все меры и хоронил их, как можно лучше и потайнее, то просто, то с зарокom, то есть с заклинанием, иначе с завещанием (словесным заговором) на имя какого-нибудь лица или человека, а часто на такого человека, которому попадется запись или бумажное завещание, в котором между прочим описано место, где положен клад. Случается и так, что завещатель при зарывании клада делает заклинание, что клад этот зарывается на столько-то голов, значит, достанется тому, кто будет из числа пытавшихся взять клад сверх означенного числа лиц. По понятию кладовщиков, клад, положенный на столько-то голов (например, «на сорок голов»), причиняет сорока кладоискателям смерть, а сорок первый кладоискатель получает клад беспрепятственно. Рассказывают, что клады показываются по ночам, в виде светлых огоньков над тем местом, где клад схоронен, и обыкновенно в ночное время иногда в виде свечи горевшей; также, говорят старожилы, что свеча показывается горящей пред иконой. Тут нужно сделать удар по той вещи и сказать: *аминь, аминь, рассысья!* И будто клад покажется в виде котла, сундука с разными драгоценностями и монетами, то в виде бочонка, а то иногда многих бочонков. Иногда, говорят, клад показывается в пустынном месте человеку в виде какого-либо животного или птицы и показывается, кому должен достаться этот клад, не однажды и всегда на одном месте. Тут нужно, по словам автора «*Абевега*», иметь предосторожности, потому что опыт взятия клада сопряжен с различными опасностями страхом, так как черти, оберегающие этот клад, угрожают опасностью

жизни, крича: «Бей! Жги! Режь!», и потому тот, кто приобретет клад, должен, не озираясь назад, заминить место и брать с собою денег, сколько можно. Иногда случалось, что сокровища клада можно выбрать в несколько раз, но иногда случалось, что все, в первый раз взятое, было и последним. После того клад не открывался.

Один крестьянин нашел клад, который ему дался или открылся, взял с собою денег, сколько мог, и ушел, заметив место, и сказал, между прочим, кладу, что он по истечении такого-то (сказал время) возвратит деньги. Так и случилось, он принес в свое время и возвратил деньги в клад. Так повторился заем несколько раз. Только однажды крестьянину не удалось этого исполнить в срок, хотя он и произвел уплату, но спустя несколько времени. Что же? Клад более не открывался крестьянину. Да и сам он потерял все, что приобрел при щедрости клада.

Клады Стеньки Разина

Разина считают колдуном, и вот как описывают о нем¹:

Памятен Стенька народу. История рассказывает о нем одно, совсем другое говорят народные предания. В них он и богатырь, и чародей.

Еще до Разина, услышите на Волге, Ураков разбойничал, только давно уже это было. Стенька, совсем мальчишкой лет пятнадцати, в шайку к нему пошел из Ярославля и в кашевары поступил. Скоро не поладит он с атаманом. Идет раз судно купеческое, Ураков и хотел остановить, а кашевар кричит: «Брось, не стоит: бедно!» Тот и пропустил. Идет другое, Стенька опять кричит: «Бедно! Брось!» Пропустил атаман и это судно, озлился на Стеньку и ударил в него из пистолета, а Стенька хоть бы пошатнулся, вынул пулю, да назад и подает: возьми, говорит, пригодится другой раз. Ураков со страху наземь упал, а шайка врассып-

¹ См. Нива. 1875. 2 марта. XII кн.

ную; потому такого чуда ей видеть и не доводилось. После того Стенька Уракова разряженным пистолетом застрелил и сам атаманом стал. И пошел Стенька разбойничать да вольничать... Ему все нипочем, все одно – царские ли, купеческие ли суда идут – со всех брал положенное. Вот и шлет ему раз царь строгий спрос: «Зачем ты, Стенька, мои царские суда грабишь?» А Стенька в ответ: «Не знаю, Ваше Царское Величество, которые суда ваши, которые не ваши». Тут царь на свои-то гербы велел ставить. После Стенька долго не трогал. Купцы и догадались: давай гербы на своих посудидах прибивать. Стенька опять без разбору начал грабить, не стало от него ходу никому. Царского войска он не боялся. Шел он раз с войском мимо царева бугра и велел каждому по полной шапке земли с него взять – так что чуть-чуть вершинку сняли; ну а у Стеньки, кроме людской, другая сила была; он себя с малых лет нечистому продал – не боялся ни пули, ни железа, ни в огне не горел, ни в воде не тонул. Бывало, сядет в кошму, по Волге на ней плывет. На воздух поднимался на ней, потому что был чернокнижник, глаза умел отводить. Его в острог посадят, да за запоры; а он возьмет уголь, напишет на столе лодку, спросит воды испить, плеснет этой водой, река станет. Сядет в лодку, кликнет товарищей, и уж на Волге Стенька. Ничем убить его нельзя было: от всего был заговорен – ну и не боялся страху. На что грозный воевода в Астрахани, а какую над ним Стенька шутку сшутил! Приехал из персидской земли, стал ему челом бить; что вот, мол, разбойничал, а теперь Царю русскому новую землю покорил, отпиши, что прошу от него милости. Много Стенька добра всякого из-за моря привез. Воевода кричать было начал, задарил его Стенька, и разбежались у воеводы глаза. Всего-то ему хочется: и того и другого – что ни завидит. Понравилась ему шуба, а была она у Стеньки заветная. «Поддай шубу! Подари! Нешто тебе, – говорит, – жалко ее?» Грозит воевода: «Царю пожалуюсь!» Отдал Стенька шубу, да и молвил: «На

тебе шубу, да чтобы не наделала она шуму!» Так и вышло, Стенька после всю Астрахань разорил, а с воеводы астраханского шкуру спустил по самые пятки. И добро сделал Стенька, комара не заклил. Астраханцы все к нему приставали: «Закляни, да заклини у нас комара». – «Не заклину, – говорит, – вы же без рыбы насидитесь!» Так и не заклил. Из Персидской земли княжну вывез, да и милуется с ней. Товарищи и давай смеяться: «Видно, – говорят, – она тебе дороже нас стала – все с ней возишься». Так что же сделал Стенька? Взял княжну в охапку, да в Волгу и бросил, не пожалел. На, кормилица, говорит, ничем-то я тебя не подаривал. Стеньке все нипочем было. Безбожник был Стенька: грабил он с своей шайкой и обители святыя – монастыри, на все Бог Стеньку попускал, только раз остановила его Казанская Божия Матерь. Подошел он к Усть-Медведицкому монастырю, на Дону, и стал требовать с него откуп. «Не дадите откупа – разорю, – говорит, – и вас всех перебую». Просил монастырь Стеньку повременить до утра. Ночь накрыла; шайка вокруг стен стоит, огни развели, спать улеглись. И явилась ночью Стеньке во сне чудный красоты женщина, явилась и сказала: «Отойди от этого места». Утром Стенька пришел в монастырь и требовал, чтобы все иконы показали, какие есть. Показывают Стеньке иконы, все не та. Наконец, сыскали одну, греческого письма – Икона Казанской Божией Матери. Взглянул Стенька и в ней узнал ту женщину, что ночью во сне видел.

Зазири Стеньку совесть, помолился он Владычице, монастырь наградил и ушел, ничего не тронул.

После опять Бога забыл и много погубил христианских душ; дворян больно не любил Стенька, мучил их всячески, а в Астрахани архиерея с колокольной сбросил. Прокляли за это Стеньку на всех соборах, а после свои же начальству выдали, да он опять бежал, и смерти ему по сию пору нет, где пропадает – неведомо. Старые люди сказывают, что судно в горах у моря Каспийского мучается, видали, говорят, его

там. Постарел Стенька, индо мохом весь оброс, выходит из гор и все спрашивает у прохожих, не умножился ли грех на Руси? Не сожигают ли сальных свечей заместо восковых? И по-другому рассказывают – в Жигулях.

Шло раз по Волге судно, а на нем один бурлак хворый был. Видит хозяин, что работать бурлаку не под силу, дал ему лодку и ссадил на горах. «Иди, – говорит, – куда-нибудь выйдешь, а перевозить я тебя даром не хочу; кто тебя знает, выздоровеешь ты или нет». И пошел бурлак по тропинке в лес; еле тащится. Ночь пришла, зги не видать, только впереди огонек мелькает. Пошел он на него, и вошел в землянку; сидит в землянке старик, волосатый весь и седой-преседой.

Попросился бурлак переночевать, тот сперва не пу-
скал, а после и говорит: «Пожалуй, ночуй, коли не боишься». Прохожий человек подумал: чего бояться? Разбойникам у меня взять нечего. Лег и заснул. Вдруг просыпается – шум, гам, крик, свист и ветер по лесу, и влетела в землянку всякая нечисть. Давай старика мучить, тискать, груди у него сосать, груди у него большие, словно у бабы. Только зорька черкнула, они и отлетели. Передохнул и говорит: «А знаешь ли, у кого ты ночевал и кто я?» – «Не знаю», – говорит тот. «Я Стенька Разин, великий грешник – смерти себе не знаю и здесь за грехи свои муки терплю». У бурлака хворь давно как рукой сняло – стоит, слушает старика. «Далече отсюда в земле с кладом вместе ружье зарыто, – говорит Стенька, – спрыг травой заряжено – там моя смерть. На вот тебе грамотку!» И дал старик запись на богатый клад – зарыт был он в Симбирской губернии, в селе Шатроманах, и столько казны в нем было, что, по его сказаниям, можно было Симбирскую губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстроить лучше прежнего. Все было прописано в грамотке – сколько, чего и как взять.

Первым делом надо было икону Божией Матери, часть денег по церквам и по нищей братии раздать, а после взять и из ружья выпалить да сказать три раза: «Степану Разину

вечная память!» Тогда в ту же минуту умер бы Стенька и кончились бы его муки, да не случилось так: клад бурлаку не дался: человек он был темный, грамоте не знал и отдал запись в другие руки; а грамотники словом одним обмолвились — клад в землю пошел; совсем было до него дорылись, дверь видно было. Перед тем как сгинуть, много успел Стенька всякого добра схоронить. Денег девать было некуда. Струги у Стеньки разукрашены, уключины позолочены, на молодцах бархат с золотом, дорогие шапки набекрень сбиты, едут Волгой, песни удалые поют, казной сорят, по буграм да по курганам Стенька казну закапывал.

В Царицынском уезде, неподалеку от Песковотовки, курган небольшой стоит, всего каких-нибудь сажени две вышины. В нем, говорит народ, заколдованный клад положен, целое судно, как есть полно серебра и золота. Стенька его в полную воду завел на это место. Когда вода сбыла — судно обсохло, он курган над ним и наметал, а для приметы наверху яблоневою палку воткнул. Непростой человек посадил ее: стала палка расти, выросла в большое дерево, и яблоки с нее были только бессемянные, сказывают. Все доподлинно знали, что в кургане клад лежит, да рыть было страшно; клад не простой был положен, из-за кургана каждый раз кто-то выскакивал страшный, престрашный. Нечистые стерегли Стенькино добро.

Есть еще на Волге Настина гора. Не клад в ней схоронен, а Стенькина полюбовница; сам он в одно время жил здесь, а Настасья при нем жила. Уходил Стенька куда и разбойников ставил сторожить. Берег атаман Настасью пуще глаза, да не уберег от смерти. Умерла девица. Зарыл ее Стенька на бугре и закручинился, не знает, чем место заметить, чем помянуть. А с бугра все видно: и обозы, и степи, и суда на реке. Вот видит Стенька три воза со стеклами. «Стой, опрастывай! Тащи наверх!» В степи взять больше было нечего; на Волге, как на грех, тоже не видать ничего. Высыпал на бугор кучу битого стекла, чем и место заме-

тил, а возчикам в память отвалил не одну меру серебра, да по разным дорогам и отпустил, чтобы они, выходит, друг над другом никакого не сделали. Вот какой был Стенька! Битого стекла и сейчас много находят. На Дону у Стеньки камень был, а на Волге – бугор. Атаман на кошме своей то и дело перелетал с Волги на Дон, с Дону на Волгу.

По правому берегу последней реки действительно много показывают Стенькиных бугров; чуть покруче, глядишь и его. Народ сам забыл, где настоящий бугор Стеньки Разина, и крестит его именем то один, то другой. «Тут Стенька станом стоял, – говорят, – вот здесь шапку оставил», так и зовут это место «Стенькиной шапкой». На том бугре стольничал, там клад положен и заклят.

У всех этих бугров есть общие сходные черты: все они одной крутой стеной обрываются в Волгу, а с соседних возвышенностей отделяются глубокими ущельями. Недалеко от д. Банновки, между селом Золотым, Саратовской губернии, и устьем большого Еруслана, обрыв на Волге носит название бугра Стеньки Разина.

Один человек там не так давно пропал чрез него. Вот как дело было:

Заночевало у Стенькина бугра судно. Один бурлак и стал у товарищей спрашивать, согласен ли кто с ним идти на бугор посмотреть, что там есть. Сыскался охотник, пошел. А бурлак-то был из дошлых, хотелось ему клад добыть. Вышел с товарищем на берег, да и говорит ему: «Молчи знай, что бы тебе ни померещилось». – Ну ладно. Влезли на самую вершину, видят: яма не яма, а словно погреб какой с дверью. Спустились туда, в землянку попали. В переднем углу пред иконою лампадка горит, и так хорошо, что не вышел бы из нее. Посередке гроб стоит; на гробу три железных обруча и молоток большой возле лежит да пучок прутьев железных. А по стенам чего только нет: и бочки с серебром, и бочки с золотом; камней разных, золота, посуды сколько!.. и все, как жар, горит.

Помолились бурлаки иконе, и дока поднял молот и сбил обручи с гроба долой. Крыша у гроба отскочила, вышла девушка – красавица и спрашивает, чего вам, молодцы, надо? Берите всего, чего хотите. Красавица эта была Маришка-безбожница. Дока, ни слова не говоря, схватил железные прутья и давай ее полосовать, что есть силы. Товарища индо жалость взяла: «Что ты, – говорит, – делаешь? Побойся Бога!» Только он эти слова сказал, как в ту же минуту все пропало; подняло его невидимой силой и вынесло наверх. Нет ни ямы, нет ни двери, только слышал из-под земли, как крикнул кто-то «девятого».

Клад был зачат на много человеческих голов. От страха бурлак обеспамятел, через силу сполз со Стенькина бугра и три года был без языка. С той поры не выискивалось охотников клад добывать, потому, кто его знает, на сколько он голов положен.

Выше Камышина, верст за сорок, показывают еще бугорок Стеньки Разина, а верст на восемь выше слободки Даниловки лежит ущелье *Стенькина тюрьма*, прозванная *Дурманом*. В старые годы, говорят, оно было окружено таким густым лесом, такой чащей, что пленному выйти некуда было, оставалось только кинуться в воду. И Уранову гору укажут вам неподалеку от колонии *Добринки*. Это высокий, сажень в 70, бугор, из которого убитый Стенькой Уранов, говорит преданье, сряду 7 лет после смерти кричал зычным голосом, проходившим по Волге судам: «При-во-ра-чи-вай!» Где только не жил Стенька, по рассказам. Пещеру его показывают и в Жигулях; толкуют про подземный ход в несколько сажень, вырытый им под всю лугу. Про Стенькины ходы говорят и в Симбирске.

Народ помнит про своего неумирающего атамана, и ни о ком здесь нет столько преданий, как об этом удалом разбойнике – чародее – богатыре и об его несметных богатствах и кладах.

Клад в Верховье

Предания о кладах в Ветлужском уезде Кост. губ. Мне рассказывали, что по Вятскому тракту в Верховье в лесной местности есть клад, который в этой местности близ дороги показывается народу в самом очаровательном виде. Он показывается в виде рассыпанного на поляне золота, в виде монет, а также в виде бочонков с золотом и серебром. Рассказывают, что некоторые крестьяне, проезжая мимо, пользовались этим золотом и богатели оттого, что, набравши один раз золота, сколько можно, в карманы, за пазуху, за голенища, не могли уже вторично найти это сокровище, да и места не могли отыскать. Клад пропадал.

То же. В Костромской губернии¹ один крестьянин так рассказывал: однажды ему приснилось во сне, что в известной местности есть зарыт клад, причем были рассказаны приметы, кроме того, было сказано также и то, <что> клад этот зарыт разбойником, у которого была подруга жизни. Умирая, он наградил ее так, как только умел, чтобы слишком богато обеспечить ее существование с сыном ее. Но его богатство было несметно и зарыто в земле. Умиравший разбойник написал запись и в ней завещал все свое наследство, зарытое в земле, внукам и дальнейшему потомству. Так было возвещено во сне. Крестьянин видел сон этот три раза сряду и решился попытать, действительно ли существует хоть местность, привидевшаяся во сне? Местность действительно была найдена, но, как ни рылись, не могли найти такого клада. Потом крестьянину опять привиделся сон, где говорилось, что клад можно получить только по записи, что запись эта находится в Казани у богатых (ныне) купцов, праправнуков разбойника, что ее нужно от них взять, и только тогда можно взять клад, когда дашь обещание на эти богатства построить три

¹ Рассказ слышан составителем сей книги проездом от Костромы к Нижнему Новгороду почтовым трактом.

церкви. Понятно, что богатство было громадное, если была возможность построить три церкви. Крестьянин был человек зажиточный, он нашелся побывать в Казани, найти этих наследников и хранителей записи, поговорил с ними, но владельцы записи не решились отдать ее; а крестьянин на том же основании не решился соединиться с ними по недоверию, так дело и кончилось.

*То же. Клад в Верховье*¹. Одна женщина как-то видела во сне, что некто, явившись к ней, открывал ей клад, говоря, что если она пойдет с своим кровным племянником или племянницею вдвоем, а нет, так с кем-нибудь из ближних родственников в полночь, то клад ей откроется. Сон повторился три ночи сряду. Нельзя было не поверить, наконец. Обратилась баба к своему родному племяннику и стала приглашать его с собою для отрывания клада. Место, где был клад, осмотрели. Во сне ясно было обозначено место, и его еще днем нашли. Наступила ночь. Баба до смерти боится идти одна, не менее ее боится идти и племянник: «Не позвать ли с собою кого, тетушка?» – «Да, пожалуй, возьмем, кто посмелее», – соглашается тетка. Взяли каких-то двоих, троих смельчаков. Место было знакомое. Вооружились дубинками (против нечистой-то силы) и пошли. Не дошли сажень пятнадцать, смотрят: на том месте огонек сверкает, скачет, а ветер так и гудит! Место-то лесное, свищет по хвою холодный, так сердце и замирает; ведь время-то самое полуночное. Идут, словно упираются, да назад оглядываются. Не дошли до клада и сажень пяти, а уж им чудища стали показываться и плясать и скакать пред огнем. «Глядит мой племянник, – повествует баба, – а уж провожатые-то бегут от нас, только пятки улипают, не выдержали и мы с племянником, за ними же следом побегли, не помним, как с ужасу-то до домов добежали, потому что очень уж страх обуял, да и ветер-то очинно круто свистал и посвистывал... беда!» – заключила рассказчица.

¹ Слышан самим составителем.

Золотой петушок

То же рассказывали про одну крестьянку, которая в скорое время разбогатела и поправила хозяйство следующим случаем¹:

Однажды, взобравшись на возвышенность, находящуюся близ дороги, в виде луговины, женщина увидела золотистого петушка. Первый раз баба не обратила на это внимания, второй раз тоже. В два первых раза баба сметила что-то такое необыкновенное, из ряда вон, причем, конечно, заметила, что ни куриц, ни петухов таких нет в окрестности да и не бывало. На третий раз сметливая женщина прихватила с собою в передник овсеца и пошла на эту гору, где видела золотистого петуха. А он, как тут. Бросила эта женщина овса, петушок подбежал клевать; вот она и начала, идучи к своей деревне, подсыпать, словно сеять, овес; петушок идет за ней да идет, знай клюет, а баба торопко к дому идет, чтобы овса хватило... вот и до ворот дошла... через порог перешагнула... перебежал порог петушок. Как только петушок вбежал во двор, сметливая женщина, затворив ворота, убила наотмашь золотого петушка, и он рассыпался в чистую золотую монету. Баба деньги подобрала и счастливо жить стала.

ПОРЯДКИ, ХАРАКТЕР И ОБЫЧАИ РУССКОГО НАРОДА

Жилые местности

Жилые местности в Старой Руси были: город, пригород, посад, слобода, погост, село, сельцо, починок². Это

¹ Составителю показывали и местность.

² «Очерк домаш. жизни и нравов рус. нар.» Н. И. Костомарова.

уже было в то время, когда образовалась прочная оседлая жизнь русского народа. Но гораздо ранее того мы видим, как говорит Терещенко, славяне, а затем и наши россы жили беспорядочно, потому что, боясь ежедневно набегов, как беззащитные, при неимении правильного государственного строя, должны были защищаться и массами, и поодиночно. Каждый селянин, защищая свое имущество, свою родную семью, скрывался в землянках, вероятно, также и по неумению строиться. Понятно из этого, что они основывали весь свой добыток на скотоводстве, от которого получали пищу, одежду и даже источник дохода – выгодную мену с другими соседними народами, с которыми были в благоприятных сношениях.

Образование городов, пригородов, посадов, сел и прочих общественных поселений образовалось тогда, когда народ сознал и укрепился на мысли, что, действуя массою, он скорее может укрепиться в защите против неприятеля, что и подтверждает история. Сила народа выражается единством духа, единством мысли и силою противодействовать до известной степени, чтобы противостать нападению. В этом случае известная масса, состоявшая из силы и родственников, дружно живущих, принимала все средства к тому, чтобы оградить себя от разного рода нападения, не только от людей, но даже от нападения зверей, и, разумеется, ограждалась тыном, загородками разного рода, вообще преградами, которые были бы недоступны против людей и защищали бы от нападения зверей.

Со дня на день семьи увеличивались, согласие развивалось во имя общей безопасности, с тем вместе и принимались меры защиты против всякого рода неприятеля; нужно заметить, что леса представляли такое необозримое пространство, затруднявшее пути даже для пешеходов, что часто путники утопали в бортях. Но как бы то ни было, а обилие лесов и организация города (огорода,

огородки) дали возможность развить правильность управления, а с тем вместе охраны и защиты.

Отсюда мы понимаем, что слово «город» принималось в различных смыслах, первоначально это означало огороженное место, равносильно с «оградой, огорожей». На основании этого местности для укрепления представляли более надежды на безопасность в случае внешних нападений, и эти местности тщательно ограждались, а вместе с тем попадали под некоторую зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, могла легко обратиться в порабощение.

Таким образом, состоялись города при более или менее благоприятных условиях: одни возросли под влиянием сильных напусков, давления внешних сил, другие, напротив, сами переходили границы и далеко бодрствовали за пределами. И действительно, как о том есть сказание, и их немало, например, возьмем сказание об Илье Муромце, который был представитель земской охраны и в то же время защиты народа.

Плохо согласовалась между собою междугородовая связь, разгром был большой при неурядице, существовавшей подолгу, и это-то была причина, что города были центрами прилива народонаселения, а с тем вместе и центрами сбыта различных произведений как жизненных продуктов, так и других предметов. Последняя причина тоже способствовала централизации населения, причем, конечно, эти ународованные местности нуждались в суде, расправе по причине разных народных столкновений более, чем другие, по своей скученности и по тому также, что как местности укрепленные, требовавшие лиц, специально посвященных стратегическому искусству, имели начальство. Таким образом, города получили значение преимущества перед неукрепленными населенными, и последние подпали им в зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, заменялась легко и часто порабощением.

Но не все города имели равное достоинство своей крепости; крепчайшие делались центром власти, и им подчинялись многие. Тогда между городами образовались два рода: старшие и младшие, сильнейшие и слабейшие, или *города* (град) и *пригороды* (то есть состоящие под администрацией городской власти и стратегических связей). Таким образом, собственно слово «город» приняло значение государственного места. Народные интересы заставили обитателей скупиваться, и вот время от времени около города образовались несколько пригородов, сел, деревень. Так город Киев был городом земли Русской, Чернигов – городом земли Северской, Псков – земли Псковской, Хлынов – земли Вятской, а Вышгород, Белгород были пригороды Киева, Ладога – пригород Новгорода, а со временем Москва – городом всей земли Русской, после того самое значение города было изменено. Городом стало называться не главное правительственное место, где сосредоточивалось правление и суд, а только как укрепленное место или как правительственный пункт.

*Посадам*¹ называлось то, что теперь мы привыкли называть *городом*, и название *посадский человек* (житель посада) означало то же, что теперь *мещанин*. Посады были пунктами торговой и промышленной деятельности, строились всегда близ городов; город в таком случае назывался *кремлем*, а посад раскидывался около него. Часто город был на горе, а посады внизу, как видим это на Москве. Посады эти обводились валами там, где жителям было опасно жить по случаю внешних нападений. Посад разделялся на две части: на *острог* и *поселок*. *Острогом* называлось укрепленное место, служащее для защиты города от внешних нападений, а поселок – населенное место для жителей, собственно – посад, а за ним *слободы*².

¹ За границей, на Западе, посады назыв. *сити* в Англии, *борго* во Франции, *штат* в Германии и пр.

² И теперь у зап. славян существует это деление. Варош – острог, палянка – поселение, посад и град.

Слободами первоначально назывались поселения, которых жители пользовались какими-либо льготами, причем эти льготы давались обществам, которых деятельность посвящена была определительно каким-нибудь особым занятиям, преимущественно ремеслам.

Погост, село, сельцо, деревня, поселок, займище были заняты земледельческим сословием, при которых была церковь, сосредоточивалось управление и даже был сборный пункт окрестного населения. Но когда число церквей умножилось и таких поселений стало много, они, естественно, начали утрачивать прежнее преимущественное значение и назывались селами. Слово «погост» было некогда во всеобщем употреблении, в XVI и XVII ст. сохранилось только в новгородской земле в смысле большого села со средоточием администрации для окрестного края. Сейчас же погостом называют кладбище с церковью.

Между сельцом и селом различие было только в величине их. В позднейшее время «селами» стали называться деревни с храмами, а «сельцами» – деревни, где помещаются дома владельцев имения.

Починки. Починками назывались мало населенные деревни и недавно населенные, которые, впрочем, удерживали это название однажды навсегда.

Займище. Так называлось небольшое поселение на дикой новой земле, занятое одним двором. Когда со временем к этому двору присоединялись еще несколько, тогда из займища образовался починок.

Архитектура городов и зданий

По вышесказанным причинам города возникали вместе с населением, и даже ранее, так как сплоченная масса населения требовала защиты от нападения неприятеля или дерзких хищников при недостатке полицейской (охранительной) власти. Города в старину представляли

более или менее укрепления, в которых правительство сосредоточивало защиту и правление. Как замки на западе Европы, города ограждались рвами, валами; стены делались каменные, кирпичные, земляные и деревянные, последние представляли собою тын из бревен, расположенный по земляному валу. Города располагались так, чтобы близ их была всегда естественная защита: вода или ущелья гор. Случалось так, что одна из стен города примыкала к болоту, реке или пруду, а прочие стороны окружались рвом. При нынешних системах войны эти преграды – ничтожны, но в былое время, когда не существовало огнестрельного оружия, а лишь мечи и стрелы, подобные преграды могли представляться непреодолимыми. Часто случалось, что город, окруженный однажды тыном и рвом, еще раз опоясывался осыпью или деревянною стеною, что называлось острогом, между которыми находилось поселение. Такое расположение для городской защиты мы видим и в Москве: Кремль с Китай-городом составлял сердцевину столицы; на значительном промежутке от них была проведена кругом другая стена, называемая белым городом или бел-городом. Далее, также на значительном промежутке, был расположен земляной вал, обшитый деревянною стеною. Такое устройство существовало и в других городах: в Казани был каменный кремль, а за ним следовал посад, окруженный острожной деревянною стеною; в Астрахани также был деревянный кремль, а его окружала другая каменная стена, соединявшаяся с кремлевскою. Вдоль Волги и промежуток между кремлевскою стеною и этой последней, как и в Москве, – белым городом. Во Пскове среднее укрепление называлось Детинец. Оно стояло в углу, образуемом рекою *Великою* и впадающею в нее *Псковою*.

Вообще как каменные, так и деревянные стены городов не имели никаких правильных очертаний. В каменных стенах всегда делались зубцы, иногда вышиною состав-

ляющей треть всей вышины. По протяжению всей стены возвышались башни, в каменных городах каменные, в деревянных и земляных деревянные; но иногда случалось, что при деревянных городских стенах самые башни были каменные, как то было в Ярославле¹. Кроме башен, в стенах делались разного рода уступы, носившие названия: *городки, выводы, костры, кружала, бары, абламы* (скатные пристройки, выпятившиеся наружу), с деревянными котами (катками или колесами без спиц), которые спускались на неприятеля во время осады. *Печоры* (углубления внутрь стены). *Быки*, то есть расположенные рядами большие выступы, на которых строились большие укрепления, образующие другую стену². Стены разделялись по пространствам между башнями, называемыми *пряслами*. Эти пространства имели различное протяжение в одном и том же городе. Так, в Новгородском каменном городе пространство между башнями в одной стороне было до 70 саженей, а в другой – до 50, в третьей – до 40 и менее. В Новгородском земляном городе между одними башнями было до 150 саженей, между другими – 46. В Тотьме вообще от 70 до 25 саженей. Словом, расположение башен было рассчитано не равенством расстояний, а выгодами в стратегическом отношении.

По пряслам устраивались окна, при которых припасались камни и колья, чтобы метать в осаждающих, и бои, узкие отверстия, откуда стреляли из пушек и пищалей. Таких боев в больших городах было три: Подошевный, средний и верхний. Толщина стен была различная, так что, по сказаниям англичан, стены Московского Кремля в XVI веке имели в толщину 18 футов (более 1½ саж.). Эти стены внутри имели лестницы и ходы из одной башни в другую. По местам эти ходы имеют выходы наружу. На больших выступках, или *быках*, устраивались мосты, на которых, как

¹ См. Кн. Большого чертежа.

² Доп. II. 31. III. 6. V. 295. А. И. III. 283. Ворон. акты. II. 99.

выше сказано, возвышалась другая стена. Вдоль городских стен устраивался мост, по которому можно было иметь движение по всей окружности. Пространство между стенами засыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же вовсе оставалось пустым промежутком¹, над которым устраивалась кровля из теса или решетины и которые были довольно высоки.

Дворы и дома. В глубокую старину дворы были очень просторны, это видно уже из того, что для предохранения от пожаров приказывали варить кушанье и печь хлеба далеко от жилых строений в городах². В старину, при великих князьях, в Москве были дворы, принадлежащие князьям, до того огромные, что делались как уделы, и даже два князя владели одним двором³. В завещании Иоанна III о дворах, данных им своим детям, говорится о том, что в них заводили торги и вели судные дела, касавшиеся живущих в этих дворах; это указывает на обширность и населенность таких дворов⁴. В XVII в. Царская усадьба в Измайлове простиралась на четыре десятины⁵. В Александровской слободе конюшенный двор занимал более десяти десятин (Влад. сбор. 173⁶).

Особенность русского двора была та, что дома строились не рядом с воротами, а посредине; от главных ворот пролежала к жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяин содержал постоянно в чистоте и наказывал слугам счищать с нее грязь в дождливое летнее и сугробы в зимнее время (Домострой. 166). Вместо того чтобы по надобности строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые

¹ Поездка в Кирилл.-Белоз. монастырь. 26. А. И. I. 322. Влад. сб. 170.

² П. С. 3. I. 165.

³ С. Г. Гр. I. 137.

⁴ В. Г. Гр. I. 397.

⁵ Оп. Изм. дв. О. 3. 1851 г. Март.

⁶ «Очерк дом. жизни и нр. великорус. народа». Костомарова. Спб., 1860.

имели общее название «*хором*»¹. Надворные постройки вообще были жилые, служебные или кладовые. Жилые носили названия избы, горницы, повалуши, сенника. Изба была общее название жилого строения. Горница, как показывает самое слово, было строение горе или верхнее, надстроенное над нижним и обыкновенно чистое и светлое, служившее для приема гостей. Название «*повалуши*», холодной кладовой (*Акты относ. к юр. б. 366*), но были также и жилыми покаями. Неизвестно, в чем состоит их отличие от горниц, тем более что они часто были рядом с горницами и занимали верхнюю часть здания. *Сенником* называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и амбарами, служившая летним покоем и необходимая во время свадебных обрядов. Бывало и так, что в одном доме было по три горницы и одна повалуша, а иногда две горницы и три повалуши². При каждом отдельном здании были сени и часто двое: передние и задние, нередко теплые³. Часто отдельные здания соединялись крытыми переходами или коридорами, как то видим в Измайловском и Коломенском селах, и у царей, которые, как к центру, вели к домовым храмам⁴. У простолудинов были избы черные, то есть курные, без труб. Дым выходил в маленькое волоковое окно: при собственно так называемых избах были постройки, называемые комнатами. В этом пространстве жил бедный русский мужик, как живет во многих местах и теперь со своими курами, свиньями, гусями и телками посреди невыносимой вони. Печь служила логовищем целому семейству, а от печи поверху, под потолок, приделывались полати⁵. К избам приделывались разные пристенки и прирубки⁶.

¹ Опис. г. Шуи. 309.

² А. юр. 132 и 126.

³ Там же. 133.

⁴ Описание Изм. дв. О. 3. 1851. Март 18–10. Рус. ст. 140.

⁵ Carl. 355. Petr. 414. Барб. Ю. О. III. 13. Врем. XX.

⁶ А. юр. 147.

В богатых домах крыльца делались с кувшинообразными колонами и покрывались остроконечными кровлями¹.

Вход в нижний этаж чаще всего был чрез особую дверь от крыльца или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундуком*, огороженную балясами², потом прямо в сени второго яруса. Соответствующая ему часть в нижнем этаже дополнялась также сенями и называлась подсенье. Как сени, так и подсенье пристраивались с двух сторон дома, и одни были передние, а другие задние. В этих сенях и подсенях делались чуланы и каморки, иногда светлые, иногда темные³.

Первоначальные жилища. Первоначальные жилища в нашу старину состояли из лесных срубов; ставили их по произволу и по удобству хозяйственных помещений. Внутренность их состояла из одной общей комнаты, в смежности с коею находились пристройки для домашнего обихода, то есть для помещения скота и птиц и для хранения хлеба и жизненных припасов, людей и скота. Овин или гумно стояли недалеко от избы. Мы не имеем самых древних сведений о постройке по наружности наших домов. Судя по простоте тогдашних нравов, должно думать, что избы и хоромы предполагались без наружных украшений и из дерева. Жилые покои стояли внутри двора и обводились деревянными заборами, с решеткою и без решетки, и часто колом. Конечно, это делали одни богатые, прочие огораживали плетнем, а то и совсем не огораживали.

Нет сомнения, что, за исключением Ольгина терема, все тогдашние сельские избы не отличались от нынешних; вообще были невысокие, крылись у богатых досками и соломою. Горожане строили высокие дома и жили обыкновенно вверху или в верхнем жилье; это видно из того, что, когда язычники киевляне хотели принести в жертву

¹ Рус. ст. 146.

² Подр. на Пост. дома Цар. Ив. О. 3. 1851 г. Март 23.

³ А. юр. 132.

идолу Перуну христианина, родом варяга, тогда подрубили сени и убили его с отцом. Тело умершего Владимира I спустили по веревкам из верхнего жилья, разобрав помост между двумя клетями.

Устройство в доме. Низ дома служил для погребов, называвшихся «медушами», потому что в них преимущественно находился мед; а также и для кладовых. Дом делился на клетки (комнаты). Он разделялся пополам сенями, называвшимися иногда *помостом*; вдали от дома строились одрины или опочивальни. Наши предки любили уснуть после обеда, и это называлось у них «маленько отдохнуть».

В XV веке дома дворян и горожан, по большей части, были небольшие, крытые соломою; в них ставили хлебные печи, где варили и пекли, отчего покои назывались «дымом»¹. «Избами» дома назывались, как предполагают, сокращения слова: истоплево. В тех избах нередко толпились телята, другие домашние животные, как доселе. По недостатку в стекле обтягивали окна говяжьими пузырями или проникнутой маслом холстиною, которую впоследствии заменили слюдою. В конце XVI в. столица величалась прочими зданиями: каменными лавками и домами. Но нашлись злодеи: кн. Вас. Щепин, дворяне Василий Лебедев и два Байкова, отец и сын, которые сговорились зажечь Москву в разных местах; однако умысел их был открыт, виновников схватили и казнили. Это было в 1597 г.²

Нужно заметить, веря словам Ченслера, что Москва была обширнее Лондона в 1520 г. В Москве было за 100 000 человек жителей, и Москва-река считалась судоходною.

Гридница. Так называлась у великих князей приемная, еще до Великого князя Владимира I. В его время в ней угощались бояре, гридни, сотники и все нарочитые люди

¹ В старину подать с поселян брали с дыма, с трубы, особенно это началось с татарского ига, отчего наши поселяне затыкали избы и образовали курные, чтобы не платить.

² Никон. лет. Ч. VIII. С. 29.

(именитые граждане). Из этого разряда гридни составляли отборную дружину княжескую, которая потом преобразовалась в мечников¹. На дворе строили вышки и повалуши для голубей, которых любили наши предки издревле, и назывались еще голубницами. Хоромами назывались у нас высокие деревянные дома, а теремами – покои или комнаты, расположенные в верхнем ярусе.

Жилые покои освещались свечами и светильнею. В великокняжеских домах и хорамах горели восковые свечи, потому что воск было у нас в изобилии; его снимали в лесах из диких пчельников и продавали, вероятно, дешево. Недостаточные люди жгли обыкновенное масло (конопляное, льняное), наливаемое в глиняные круглые сосуды, как поныне в обыкновении между малороссиянами, у коих такой сосуд называется *каганец*, а в Великороссии – *жирник*, *ночник*, *свитец*.

Иностранцы, бывавшие у нас по делам посольским в XVI и в XVII вв., говорят единогласно, что путь их в ночное время освещали лучинами, которые горели так светло, как бы самое солнце среди дня; что по дорогам зажигали смоляные бочки, пуки соломы и костры дров. Сальные свечи явились у нас не прежде XVII века; в это время употребляли их многие.

Строителями домов были природные русские. Наш мужичок от природы сметливый, сам плотник и зодчий; так было и в самой отдаленной древности, в XII веке распространялись у нас ремесла и полезные знания; мы имели живописцев и строителей иноземных, кои преимущественно занимались украшением храмов. Кремлевский дворец был первоначально деревянный, как дворцы, великий дворец Великих князей в Киеве. В. К. Иоанн Калита, украшая Москву каменными храмами, обвел ее в 1339 г. дубовыми стенами и возобновил сгоревший в его время кремлик.

¹ Гридни или гридень происходит от шведского слова «меч» (*gred*), придворная стража. Вероятно, слово варяжское.

В его время были возобновлены соборы Успенский, Архангельский, Успенский св. Иоанна Лествичника и Преображения. До XV века не было здесь, кроме храмов и городских укреплений, ни одного каменного дома; князья и вельможи строили деревянные по избытку леса и трудной выделке кирпича, который продавался, без сомнения, дорого, сверх того, требовал искусства в построении.

Украшение комнат. Стены комнат были голые, столы и лавки дубовые только у богатых, они стояли вокруг стен. Стены эти покрывались у богатых коврами даже в то время, когда не знали ни стульев, ни кресел. Великие князья садились на седалище, заменявшее трон, во время обеда на лавках, покрытых тканями иногда да бархатом. Лучшим украшением были образа святых угодников.

Каменные дома начали распространяться только с XV века. Иностранные художники, призванные в Россию для построения городов и каменных церквей, построили в 1491 г. впервые Грановитую палату; знатные люди также стали строить каменные дома (хоромы). Митрополит Зосима поставил на своем дворе три келии каменные с подклетьями; голова Дм. Вл. Ховрин и Вас. Фед. Образец построили каменные дома (в 1485 г.). Тогда многие явно чувствовали превосходство европейцев в гражданском искусстве; старались заимствовать все полезное, кроме обычаев, коим оставались верными. Нельзя оставить без внимания, что постройка и укрепление многих заграничных городов было производимо знанием русских, познакомившихся уже с искусством военным. В домах печи делались изразчатые, стены комнат расписывались изображениями из церковной истории. В светлицах были печи с лежанками, на которых любили покоиться ночью и сиживали днем в зимнее время. В печных стенках делались печурки, назначенные для того, чтобы в них подогревать кушанье и что было надобно для хозяйства; или держали посуду домашнюю, и такие печурки часто заменяли шкафы. Петр

Великий, построив для себя небольшой деревянный домик из трех комнат (на Петербургской стороне), имел такую же печь с печурками, в коих он ставил свой чайный прибор, разные домашние вещи и там нагревал воду. Его домик, обращенный теперь в часовню, не имеет прежней печи. В холодных местах поныне делают у нас печи с лежанками. Высота дома и обширность двора означала богатство и важность хозяина. Встарь было заведено в известный час во всех домах гасить огни и ложиться спать, зачем наблюдали нарочные приставы.

Внутренние стены каменных покоев в зажиточных домах обшивались досками, а в богатых домах обивались голландскою позолоченною кожей; у царицы Ирины, супруги Феодора, были расписаны стены великолепно: стены были изукрашены мусиею с изображением на ней Спасителя, Божией Матери, Ангелов, иерархов, мучеников; на потолке лежал прикрепленный к своду лев, который держал в зубах змею, с висящими на ней роскошными подсвечниками. Две царские палаты: Большая Грановитая и Золотая Грановитая – были расписаны событиями из священной истории, аллегорическими изображениями добродетели, времен года и явлений природы¹. Картины, эстампы и портреты появились в это время, и первый стал употреблять боярин Артемий Сергеевич Матвеев, украшая ими внутренность дворца, который, однако, был деревянный. Почти при каждом доме находился сад и огород для украшения, а иногда сопряжено было с расчетом пользования фруктами и прохладой летом, но лучшим украшением дома и сада считались пруды, иногда очень обширные.

Курени. В безлесных и степных местах существовали еще курени (землянки), служившие преимущественно жилищем запорожцев и украинских казаков. Эти курени выкапывались ямами в земле для помещения от 5 до 10 человек. Внутри обмазывались стены, которые укреплялись

¹ Arsenu Decrip. *itinerisin Moscoviam*, пом. в собран. Вихмана.

на подпорах, вместе с кровлею, состоявшею из земляной насыпи, и поверх ее покрывали соломой, очеретом, травой или делали прежде верх из плетеного хвороста, а потом его посыпали землею. Кровля вскоре зарастала травой, и оставались видными только торчавшие трубы, а часто одни дыры, через которые проходил дым и обкуривал верх, отчего и возникло название *курней*. В курень входили по земляным ступеням; двери делались довольно крепкие, хотя и маленькие, и внутри запирались. Посреди куреня стояла печь, а иногда просто раскладывали огонь (костер), и дым произвольно выходил в трубу и двери; окна в куренях были только там, когда курень поднимался несколько выше земли. Курени занимали пространство многолюдного города и отличались от него только невидимыми жителями. Такие курени существовали встарь у простых казаков, как то: у волжских, гребенских, донских и яицких (уральских).

Мазанки. В юго-западной России строились с самых давних времен мазанки, которые со временем переименовались в хаты (избы). Но между ними существует и различие. Мазанки делались, как и ныне у горских и всех полудиких и степных жителей Кавказа, довольно незатейливо. Предназначенное место для жилья огораживали плетнем; разделив внутренность на части или покои, разгораживали их другим плетнем, который состоял из хвороста или тростника, называемого в Малороссии *очеретом*. Плетень облепливали землею, смешанной с глиною, или просто глиною, потом смазывали нагладко глиною; и вот от этого-то мазанья произошло самое название *мазанок*. Посреди мазанок становилась кирпичная печь, которая топилась из сенеи, очеретом, кизяками (засушенным навозом) или валежником; пол был земляной, иногда он укрывался травой или соломой, но чаще всего смазывался желтою глиною. Стены внутри и снаружи обеливали или завохривали (желтили вохроу), а поверх земляной насыпи часто выводили соломен-

ные крыши. В стене прорезывали небольшие окошки. Со стороны наружных дверей приделывали по бокам призьбы¹ (завалянки), дом огораживали тыном или плетнем.

Хата. Хаты строятся, как строились прежде, в лесу обмазываются глиною с обеих сторон. Внутреннее расположение удобное и широкое; оно разделяется на две половины: в одной живут и готовят кушанье, а в другой принимают гостей, и это последнее помещение называется «свитилкою» (светелкою, светлицею). Пол здесь обмазывают глиною, печь белят; а у богатых они делаются из кахли разноцветной (изразцов), окна довольно большие, покои очень светлые, чистые и опрятные; а так как их часто белят, то в них нет ни тараканов, ни клопов, что очень важно для спокойствия обитателей, пользующихся самым умеренным сном².

ДОМОВОДСТВО

В своей патриархальной простоте наши предки довольствовались весьма немногим: полусырая пища, мясо, коренья и шкуры диких или домашних зверей удовлетворяли их нужды. Наши предки долго не знали роскоши; в XI ст. они питались еще просом, гречихой и молоком, потом уже выучились готовить яства и прочее; и встарь отличались хлебосольством.

Напиток, мед. Мед делался встарь как любимое русское питье, весьма крепкий, до такой степени, что им упивались так же, как вином. Может быть, самый секрет его составления и потерян. Знаем, однако же, что мед не славянское название, а греческое, и притом древнее, на коем мед *мёдѹ* означает опьянение. Эдда называет мед божественным питьем. Жители Дании употребляли его вместо вина. Кре-

¹ Призба, сокращение: «при избе».

² Извлечено из кн. «Быт рус. народа». А. Терещенко. Ч. I.

постъ опьянения меда сравнивалась с водкою. Мы знаем из нашей истории, что великая княгиня Ольга, будучи у древлян (945 г.), повелела жителям Искоростени (ныне Коростень Волынской губ.) приготовить для нее меду, которым она хотела угостить их самих¹. Меда были: вишневый, смородинный, можжевельный, оборный, приварный, красный, белый, белый паточный, малиновый, черемховый, старый, вешний, мед с гвоздикой, княжий и боярский. Для лучшего вкуса и цвета выжимали из зрелых вишен сок и подливали в мед. Нашим русским медам удивлялись иностранцы, так хорошо приготавливали его².

Квас и хлеб. Изведав выгоды гражданской оседлой жизни, русские стали заниматься земледелием для получения хлебного зерна и тогда же стали печь хлебы и готовить квас, а в X столетии мы узнаем, что квасом поддавали в банях и обливались кислым квасом для здоровья³. Квас готовили из хлебных зерен разного рода обработки и даже из репы и арбуза.

Начало введения кваса во всеобщее употребление вышло из народной памяти, знаем только, что искусство печь хлебы и делать квас еще в X веке было уже во всеобщем употреблении, чему способствовали изобилие земли плодородной и удобной, исключая юго-запада. Квас продавался в посадах, в лавках, и был в употреблении в монастырях по будням. Квас был разного сорта, как по сортам солода, так и по приправам, они носили названия: *медвяные* и *ягодные*.

Пиво. По старинному *Олуй*⁴, делалось крепким и носило разные названия по цветам и качествам.

Перевар, взвар, сбитень, существующий и по сие время, составлял теплое питье вроде нашего чая и готовился из

¹ Это доказывает, что в России мед был в изобилии и варили его при первой надобности.

² См. «Быт рус. народа» Терещенко. Ч. I.

³ Рус. л. по воскр. спис. «И обмоются квасом кислым». Ч. I. С. 62–63.

⁴ Вероятно, скандинавское, не от них ли и мы, русские, научились варить и пить пиво?

меда на зверобое, шалфее, лавровом листе, имбире и стручковом перце. Это народное питье, чрезвычайно полезное, ныне заменено чаем, разносилось в *саклях*, медных чайниках, обернутых полотенцами, и преимущественно зимою. Напиток этот существует и поныне.

Пища и питье. Русская кухня вообще для всех была национальная и подчинялась обычаю, а не искусству. Кушанья были просты и однообразны, хотя русские столы отличались множеством блюд, но многие из блюд были похожи одно на другое. Богатые люди имели обыкновение назначать себе блюда на целый год (гастрономический календарь), причем счет велся по церковным праздникам, по мясоедам и постам; так что для каждого дня, сообразно его значению в церковном круге, назначался заранее стол, хотя, впрочем, изменить его значение зависело от воли хозяина.

Стол делился на постный и скоромный повсюду, начиная с царей и кончая последним мужиком; а по припасам, из которых он готовился, его можно было разделить на пять отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные, растительные.

Русские ели преимущественно хлеб ржаной, не исключая богатых и владетельных особ. Иногда примешивали к ржаной муку ячную, но это не было постоянным правилом, так как ячмень в России мало разводился. Пшеничная мука употреблялась на просфоры и калачи, которые были для простого народа лакомством в праздничные дни. От этого даже возникла пословица «Калачом не заманишь» в смысле том, что и приятное не поможет заинтересовать. Лучшие калачи пеклись из крупитчатой муки в виде колец, не в большом размере, другой сорт пекся из толченой муки круглыми булками, эти калачи назывались «*братскими*», был третий сорт, называемый *смесными* калачами, их пекли пополам: пшеничную со ржаною. Такие калачи пекли к царскому столу не из экономии, а ради особого вкуса. Вообще, как хлебы ржаные, так и пшеничные пеклись без соли, и не

всегда заботились, чтобы мука была свежа. Домострой, образец хозяина XVI века, советует печь хлеба из муки, которая уже подверглась затхлости, и научает давать такую же муку взаймы тому, кто попросит¹.

В XVI и XVII вв. было в употреблении между народом толокно, приготовленное из овсяной муки с водой. В сухом виде оно отпускалось служилым людям для удовольствия наряду с ржаной мукою (А. И. I. 327). Мельницы у нас распространились не прежде XIV века, а ранее того по большей части ограничивались ступами и толчением зерна. Впрочем, из устава Ярослава видно уже, что мельницы у нас в России были известны, хотя это было гораздо прежде XI века.

Простой народ питался очень умеренно и ограничивался следующими материалами для пищи: зерном ржи, ячменя, овса и др. хлебных зерен, соли, луковичами чеснока, лука, мясом свинины, баранины (преимущественно), рогатого скота, кур и дичи, птичьих яиц и прочего, и из этого комбинировали разного рода кушанья при помощи приправ из сахара, пряных корений, перца, гвоздики, корицы и других веществ².

Пироги. Из кушаний, приготовляемых из теста, занимают первое место пироги. По способу печения они были пряженые и подовые. Подовые были всегда из кислого теста, а пряженые из кислого, а иногда из пресного. Мука для них употреблялась пшеничная, крупитчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились. Пеклись также и ржаные пироги. Все вообще русские пироги в старину имели продолговатую форму и различную величину: большие назывались пирогами, кулебяками, маленькие – пирожками. В скоромные дни они начиня-

¹ А. И. П. 203, 428. Коших. 63. Steph. Borr. Hoel. 308 – Мейерб. прим. 476. – Колл. 17.

² Перец возили из Царьграда и Болгарии, отсюда же: миндаль, кардамон, анис, имбирь. Корица, лавровый лист, гвоздика, кардамон и др. пряности известны были со времен св. Владимира.

лись бараньим, говяжьим и заячьим мясом и несколькими мясами вместе, например: бараниной и говяжьим салом, также мясом и рыбою вместе с прибавкою каши или лапши. На Масленице пекли пряженые пироги с творогом и с яйцами на молоке, на коровьем масле, с рыбой вместе и с яйцами или с тельным, как называлось рыбное блюдо, приготовляемое в виде котлет. В постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможными родами рыб, особенно с сига́ми, сметками, лодогой, с одними рыбными молоками или с визигой, на масле конопляном, маковом или ореховом. Крошенная рыба перемешивалась с кашей или сарацинским пшеном; в постные, нерыбные дни пироги пеклись с рыжиками, с маком, горохом, соком, репою, грибами, капустою и другими предметами, на каком-нибудь растительном масле или сладкие – с изюмом и другими разными ягодами; сладкие пироги пеклись и не в пост вместо пирожного. Вообще пироги, за исключением сладких, подавались меж ух.

Другой вид печенья был *каравай* – сдобный хлеб, с различными способами приготовления. Был *каравай битый*, который сбивался с маслом, в сосуде ставленный, вроде кулича на молоке. *Яцкий*, на большом количестве яиц, *каравай с сыром*, *каравай братский* и проч.

Яйца, масло или говяжье сало, сыр и молоко служили добавкою в каравае; а различные виды его зависели от того, сколько класть муки, и с чем ее клали, и в каком количестве.

К печеньям из теста принадлежали: курник, то есть *пастет*, который был пирог, то начиненный мясом курицы, то баранины, то яйцами, с маслом или бараньим салом.

Из легких печений у нас на Руси были: оладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Нужно полагать, что как оладьи, так и котлома были тождественны. Как оладьи требовали масла, яиц и муки, так равно и котлома того же состава, но в ней меньше количество яиц, а в постные дни – патоки. Нужно заметить, что в постные дни в

эти приготовления вместо скромных масел или сала клались постные (растительные) масла и подавались с патокой, сахаром и медом.

Сырники готовились из творога, яиц, молока, с большим количеством крупитчатой муки.

Блины делались красные и молочные; первые из гречневой, вторые из пшеничной муки; молоко и яйца входили в последний сорт. Встарь, по словам профессора Костомарова, не были символом масленичных дней. В то время были пироги с сыром и хворосты – вытянутое тесто с маслом. Пекли также тестные шишки, левашники, перепечи; орешки в Ярославле и посейчас существуют, все эти виды хлебного печенья: варенцы, лапша, каша разных родов, сыр из творога с сметаной и прочее.

Мясные кушанья. Мясные кушанья были вареные или пареные; вареные подавались во щах, ухе или рассоле и под взварами, щи забеливались сметаной во время варения, а не при столе. Обыкновенный приварок к щам была кочанная и крошенная, свежая и кислая капуста. Ко щам подавалась гречневая каша.

Уха. Ухой вообще называлась похлебка, как рыба, так и другая; нужно полагать, что этим словом выражался вообще «суп», что-нибудь жидкое, приправленное пряностями, это видно уже из того, что *черною ухю* называлась уха с гвоздикой, с перцем – белой, а без пряностей – голою. Рассол был вроде нынешней солянки; это делалось так: варилось мясо в огуречном рассоле с примесью пряных кореньев и подавалось на стол.

Соус назывался **взваром**.

Жаркие, или жареные, кушанья были: верченые, шестные, печеные, сковородные. Баранина составляла самый обычный вид мясных кушаний в скромные дни, с весны до поздней осени. Домострой научает, как поступать с бараниной: купив целого барана, облупить его и распределить на несколько частей его мясо: грудинка подавалась на

уху или щи; лопатки или почки – на жареное; крюки подавались под взваром. Ножки начинивались яйцами; рубец – кашею; печенку иссекали с луком и, обернув перепонкою, жарили на сковороде; легкое приготавливали со взболтанным молоком, мукою и яйцами. Из головы вынимали мозги и делали из них особую похлебку или соус с пряностями, а из густо сваренной с бараньим мясом ухи, ставя ее на лед, приготавливали холодный студень.

Для говядины служили яловые коровы; поэтому говядина в старину носила название яловичины. Яловиц покупали осенью и убивали. Мясо солили впрок, а потроха, к которым причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, – служили для обыденной жизни и подавались под студнем, под взварами, с кашей, на жареное. Вообще свежей говядины русские ели мало и употребляли более соленую. Многие содержали на дворах своих свиней и откармливали их в течение целого года, а перед праздником Рождества кололи. Свиное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимние щи; а голова, ноги, кишки, желудок подавались свежими в разных приготовлениях, как то: голова под студнем, с чесноком и хреном; из кишок делали колбасы, начинивая их смесью мяса, гречневой каши, муки и яиц. Русские в старину любили свинину, кажется, более, чем теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), рассольные (в рассоле вареные) и под взварами, особенно сладкими. Были и тогда люди, которые считали зайцев нечистыми животными, как и теперь; но другие объясняли, что его есть не грешно, только надобно смотреть, чтобы он не был задушен во время травли. Стоглав запрещает продавать зайцев без спущения крови. Такое же предостережение издано было от московского патриарха в 1636 г. (См. А. А. Э. III. 46). Наравне с зайцами некоторые чуждались или остерегались оленины и лосины; но мяса этих животных почитались роскошью даже в царских и боярских торжествах.

Куры подавались во щах, в ухе, в рассоле, жаренные на рожнах, на вертелах, называемые по способу их приготовления нарожными и верчеными. Щи с курицей назывались богатыми щами и всегда забеливались. К жареной курице обыкновенно подавалось что-нибудь кислое: уксус или лимон. Куря рафленое был употребительный в XVII веке. Суп из курицы с сарацинским пшеном, изюмом и разными пряностями; курия бескостное – соус из курицы без костей с начинкою из баранины или яиц с шафранною похлебкой. За роскошными обедами подавались особыми блюдами: куринные пупки, шейки, печенки и сердца.

Утки, гуси, цапли и друг. птицы, как то: лебеди, журавли, тетерева, рябчики, куропатки, жаворонки – тоже шли в пищу. Утки во щах и жареные. Гуси – шестные – начинивались гречневой кашей и подправлялись говяжьим салом; из гусей приготавливали полотки, которые ели зимою с хреном и уксусом. Гусиные потроха шли в уху или в особые кушанья под взварами. Рябчики, тетерева и куропатки – кушанья зимние, обыкновенно подавались: первый – приправленный с молоком; прочие – жаренные со сливами и другими плодами. Люди во всякое время считали их изысканным блюдом: их подавали под взваром с топешками, то есть изрезанными ломтиками, опущенными в коровье масло; потроха лебязьи, как и гусиные, подавались под медвяным взваром, иногда же с говядиной, или в пирогах и перепечах. Прочей дичи в Москве было много, и она была дешева; но вообще русские мало любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имело свои огородные и пряные приправы: так, репа шла к зайцу, чеснок к говядине и баранине, лук к свинине.

Похмелье. Исчисляя мясные кушанья, нельзя не упомянуть об одном оригинальном кушанье, названном *похмелье*. Это кушанье состояло из холодной разрезанной на тонкие ломтики баранины, смешанной с мелко искрошенными огурцами, огуречным рассолом, уксусом и перцем.

Его употребляли на похмелье (Врем. VI. А. И. II. 431. Пав Иов. – Olear. 209 – Petr. 318 – Jenkins 350).

Рыба и рыбные кушанья. Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные сорта рыбы были: лососина, привозимая с севера из Карелы, осетрина Шехонская и волжская, волжская белорыбица, ладожская ладога и сырт, белозерские снетки и рыбки всех небольших рек: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пескари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовления рыба была свежая, вяленая, сухая, соленая, провесная, ветряная, паровая, подваренная, впрок щипаная, копченая. По принятому обыкновению закупать для дома провизию в большем количестве, везде продавалось множество рыбы, заготовленной впрок посредством соли. Домовитый хозяин покупал для домашнего обихода большой запас, складывал в погреб, а чтобы она не испортилась, то вывешивал на воздух, и это называлось *провесной*, а если хорошо проветрилась, то *проветренной*. С тех пор рыба складывалась не в погребе, а в сушиле пластами и прутами. Пластовая рыба клалась на приделанных к стенам сушила полицах, а прутовая – кучею под рогожею.

Русские не умели хорошо солить рыбу, как не умеют этого делать и теперь: она у них воняла; но простой народ, по замечанию иностранцев, не только не отворачивался от нее, но предпочитал ее свежей. Взяв в руки рыбу, русский подносил ее к носу и пробовал, достаточно ли она воняет, и если в ней вони было мало, то клал и говорил: «Еще не поспела». При затруднительности путей сообщения свежей рыбой могли пользоваться только те, кто жил близ рыбных мест. В Москву свежая красная рыба доставлялась только для царского стола и для знатных князей и бояр: она привозилась живая и содержалась в прудах, сделанных нарочно в их садах. Масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою в астраханских учугах.

Горячие рыбные кушанья были: щи, уха и рассольное. Рыбная уха делалась из разных рыб, преимущественно чешуйчатых, а также из рыбьих потрохов, смешанных вместе с пшеном, или с крупами и с большим прибавлением перца, шафрана и корицы. По способам приготовления в русском столе различалась: уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; в уху бросали мешочки или толченики, приготовленные из теста с искрошенной рыбой. Щи делались кислые с свежей и соленой рыбой, иногда с несколькими сортами рыб вместе, часто с рыбой сухой, вроде стертой в порошок муки. При этих горячих кушаньях подавали пироги с рыбными начинками или кашею.

Рассольное готовилось также обыкновенно из красных рыб, какими и по сие время называются осетрина, белужина и лососина. При горячих кушаньях подавали пирожки с разными рыбными начинками и с кашею. В постные дни летом подавалась *ботвинья* с луком и разными кореньями. Из тертой рыбы разных родов, смешанных вместе с примесью крупы и разного пшена, готовилось кушанье под названием «рыбная каша», а в скоромные дни примешивали туда и мяса; такую же кашу (фарш) клали и в пироги.

Тельное. Тельное готовили из рыбы вроде котлеты; смешивали с мукою, обливали ореховым маслом, прибавляли туда пряностей и толкли. Это называлось рыбным караваем. Жареную рыбу подавали облитую каким-нибудь взваром.

Икра была в числе обычных кушаний. Свежая зернистая из осетра и белорыбицы и составляла роскошь. Но во всеобщем употреблении были: паюсная, мышечная, армянская – раздражающего свойства и мятая – самого низшего достоинства, которую употребляли простолюдины. Икру употребляли с уксусом, перцем и накрошенным луком. Кроме сырой икры, употребляли еще икру вареную в уксусе или маковом молоке и пряженую. В посты русские

делали икряники или икряные блины. Это была взбитая после продолжительного битья икра с примесью крупитчатой муки и потом запаренная.

Балык (*тат.*), живая рыба. Собственно копченая осетрина и вяленая была любимым кушаньем (закускою) русских.

Растительные яства. В те постные дни, когда считалось грехом употреблять рыбу, пищу русских состояла из растительных веществ. Ели кислую и ставленую капусту, свеклу с постным маслом и уксусом, пироги с горохом, с начинкою из растительных веществ, гречневую и овсяную кашу с постным маслом, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи с медом, караваи с грибами и с пшеном, разного рода грибы, вареные и жареные (масляники, грузди, сморчки, рыжики), разные приготовления из гороха: горох битый, горох тертый, горох цеженный, сыр гороховый, то есть твердо сбитый мятый горох с постным маслом, лапшу из гороховой муки, творог из макового молока, хрен, редьку и разные овощные приготовления: взвар из овощей и коливо.

Вообще ко всяким кушаньям русские любили примешивать пряные приправы, а в особенности лук, чеснок и шафран. По запаху чесноком русские отличались от прочих иноземных обитателей, которые даже замечали в своих сочинениях о России, что они не могли выносить вонючей ухи¹, в которой, кроме рыбы, воды и чесноку ничего не было. Для русских лук и чеснок представлялся первой необходимостью, перец, горчица и уксус ставились как необходимость обеда, причем каждый гость брал, сколько хотел. При изготовлении блюд не употребляли соли, солить предоставлялось каждому обедающему. Но соль любили вообще и все соленые предметы впрок, и не только употребляли, как уже сказано, мясо и рыбу в соленом виде, но и заправляли с солью и уксусом разные овощи

¹ Изв. из «Очерка домашней жизни и нравов великорусского народа» Н. И. Костомарова. 1860.

и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши и вишни. У домовитых хозяев всегда стояло несколько посудин с такими соленьями, нагнетенных камнями и засеченных в лед. Они подавались к жареному мясному и рыбному, а белая соленая капуста была обычным запасом на зиму, как у богатых, так и у бедных¹.

Лакомства и десерты. Лакомства и десерты состояли из плодов, свежих или приготовленных в патоке, с медом или сахаром. Плоды эти отчасти туземного приготовления, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши в патоке или в квасу.

Леваши. Это лакомство делали из малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сперва варили, потом протирали сквозь сито и вслед за тем варили снова уже с патокой, густо мешая во время варения. Потом выкладывали эту густую смесь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнце или против огня; когда она высыхала, то свертывали ее в трубочки.

Пастила. Пастила тоже составляла лакомство, она готовилась из яблок. Яблоки клали в сыту и парили в ней, потом протирали сквозь сито, клали патоку, снова запаривали, мешали, били, мяли, потом выкладывали на доску и давали подняться вверх, наконец, складывали в медные, луженые творила, давая закиснуть, и опрокидывали вниз. Пастилу делали также из других овощей, например, из калины.

Мазюня. Редьку в патоке приготавливали таким образом: сначала искрашивали редечный корень в мелкие ломтики, вздевали на спицы так, чтобы ломтик не сталкивался с другим ломтиком, и вывешивали на солнце или в печах после печения хлебов; когда в растении не оставалось сырости, толкли его, просеивали на сито, между тем варили в горшочке белую патоку и, уварив, выливали в

¹ Домострой. 102. – Врем. VIII. – Русск. Вест. 1841 г. 733. Олеария 209. – Иовий 16. – и проч.

редечную муку, прибавляя туда разных пряностей, как то: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатав горшочек, ставили в печь на два дня и на две ночи. Смесь эта должна быть густа, как паюсная икра, и называлась *мазюня*; такую же мазюню приготавливали подобным же образом из сухих вишен, арбузов, привозимых в Московию с низовьев Волги. Из последних приготавлилось следующее лакомство: изрезав арбуз пальца на два от коры, кусками не толще бумаги, клали на сутки в щелок, между тем варили патоку с перцем, имбирем, корицею и мускатом и потом клали туда арбузы. То же самое приготавливали из дынь.

Вообще, как все коренные русские были любители сладкого, то варили в сахаре и в патоке привозные плоды: изюм с ветвями, коринку, смоквы (фигу), имбирь и разные пряности. Обыкновенное русское лакомство было взвар, приготавливаемый из винных ягод, изюму, фиников, вишен и других плодов с медом, сахаром или патокою, с большим количеством гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и прочего. Один род взвара назвался медвяным, другой – квасным.

Сахарные лакомства и печения. К лакомствам также должно отнести пряники и коврижки – русское национальное печение. Сахар и леденец, привозимые русскими из-за границы, служили предметом лакомств для богатых. На царских и боярских пирах ставили на стол приготовленные из сахара изображения орлов, лебедей, уток, голубей, кремлей, теремов, людей и также целые сахарные головы. По способу приготовления и по цвету различалось несколько сортов сахара: сахар свароборинный, сахар зеренчатый, узорочный, леденец белый и красный. Все это привозилось через Архангельск и переходило в народное употребление из-за боярских столов¹.

Напитки. Вина виноградные. Еще Олег, по возвращении его из похода Константинопольского (907 г.), при-

¹ Кн. о яствах. 28. Врем. VI. – Olear. 174. – А. И. 327. li. 14. 423.

вез с собою в Киев: золото, ткани, овощи и вина¹, следовательно, мы тогда еще были знакомы с винами греческими; но неизвестно, какие именно были это напитки. В конце XV столетия у нас в России упоминается белое и красное вино. Новгородский архиепископ Феофил при прощании с В. к. Иоанном III (1476 г.) подарил ему три бочки вина *белого*, две *красного* и две меду старого². Нет сомнения, что вина были известны ранее этого времени. В начале XVI века мы узнаем *Бургундское*, носившее название «Романеи». Его к нам привозили немецкие купцы. Романею, по словам Карамзина, называлась еще в питейных домах наливка, настоянная на водке с медом, также на чернике с клюквой. *Канарское вино* или *бастр* и *мальвазию* пили за столом одни богатые и этими винами подчивали отличных гостей, особенно мальвазией; ее давали понемногу и принимали как лекарство.

Водка. Водка – произведение Аравии, и перешла <к нам> не ранее конца XIII века. Раймунд Лулий, находясь на острове Майорке, бывшем тогда в руках аравитян, узнал там от одного ученого мужа способ приготовления водки, называемой «жизненной водою» (Aqua Vitae), и привез ее в Европу (в 1290 г.). Тогда весь свет считал эту водку за воду, полученную от философского камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила целебное действие. Генуэзские купцы, узнав способ приготовления этого напитка от Арнольда де Виллана, который выведаль от Луллия, продавали в склянках за дорогую цену как целительный бальзам, под именем «жизненной воды». Они производили ее посредством выгонки из винных дрожжей, сочных плодов и хлебного зерна.

После падения генуэзской торговли в XV столетии тайна выделения сделалась всем известною; за всем тем водка долго еще продавалась как лекарство. Весьма веро-

¹ Нест. По Кенигсб. сп. С. 26.

² Русск. лет. по Никон. список.

ятно, что по открытии способа генуэзцами курить вино, оно вскоре перешло на юг России, а тогда генуэзцы, владея приморскими местами, Таврическим полуостровом, имели с нами сношения по торговле. Правдоподобнее полагать можно, что водка появилась у нас не ранее 1398 года, тогда уже генуэзцы доставляли водку в Литву и ознакомили нас с пагубным напитком¹.

Русская водка делалась из ржи, пшеницы и ячменя. Водка вообще называлась вином и разделялась на сорта: обыкновенная водка носила название простого вина, лучше этого сорт назывался – вино доброе; еще выше – вино боярское, наконец, еще высший сорт – вино двойное, чрезвычайно крепкое. Кроме этих водок, делались водки с подслащением патокою, эта водка посвящалась женскому полу. Хозяева настаивали водки на разных пряностях и душистых травах, также настаивали на корице, зверобое, бодяге, амбре, селитре, на разных корках и плодах. Русские пили водку не только пред обедом, но во весь день.

Иностранные вина в XVI столетии употреблялись только в знатных домах, и то в торжественных случаях. Но, по мере того как торговля стала знакомить нас с европейскою жизнью, употребление виноградных вин распространилось между зажиточными людьми, а в XVII веке явились в Москве погреба, где не только явились вина, но куда сходились веселые компании. Из вин было в большом употреблении: греческое, церковное, мальвазия, бастр, алкан, венгерское, белое, красное, французское, рейнское, романея.

Продажа горячего вина и всех хмельных напитков была у нас сперва вольная, но как излишнее употребление причиняло бедность и разорение бесчисленным семействам, то это побудило великих князей ограничить неумеренное употребление. В. к. Иоанн III совершенно запретил готовить крепкие напитки. В бытность в Москве посла барона Герберштейна (нач. XVI в.) позволялось народу

¹ «Быт русского народа» А. Терещенко. Часть I.

пить крепкие напитки только в некоторые праздничные дни. Царь Иоанн IV, построив для своей опричнины *кабак* в Москве, на Балчуге, позволял им пить сколько угодно. За тем всем он не любил пьянствующих; он позволил народу веселиться в кабаках только: на святой неделе, в Рождество Христово и на Дмитриевскую субботу. Во всякое другое время велел сажать в тюрьму¹.

У зажиточных хозяев напитки хранились в ледниках или в подвалах, которых бывало несколько при доме. Они делались отделами, каждый отдел был наполнен льдом на лето. В них ставились бочки, они назывались «*беременные и полубеременные*». Вместимость тех и других не всегда и не везде была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку в тридцать, а полубеременную в пятнадцать ведер. В монастырских подвалах бочки отличались своею огромностью, например, в три сажени в длину и в две в ширину; они никогда не сдвигались с места, а питье пропускалось в них и добывалось из них чрез особое отверстие, проделанное в своде погреба. Напитки наливали из бочки сначала в оловянки или мерники – большую посуду, потом уже разливали для подачи к столу в меньшие сосуды².

Царь Федор велел разломать кабак, но Борис Годунов, думая о государственных доходах более чем о народной нравственности, приказал вновь выстроить и отдал все крепкие напитки *на откуп*. В начале XVII века находились во всех городах и селеньях кабаки, называемые *кружечными дворами*, происходящими от слова *кружка*, которою мерилось вино. В Сибири были заведены такие же дворы в 1617 году со стороны казны. Но как многие перестали заниматься работами, проводя жизнь в пьянстве и приходя в нищету, то царь Михаил Феодорович уничтожил все

¹ В Пермоустюжск. грам. 1553 г. сказ. пермич пожаловал, дал сим им в году три недели питья варити и пити: неделя великоденная, другая в осень Дмитровская, третья в зиме Рождественская, тем трем неделям вино пити доспети без явки.

² См. «Очерк домашней жизни и нравов великор. народа» А. Терещенко.

кабаки, учредил одни питейные дома, в коих продавалась вино только в большом количестве. Царь Алексей отдал опять на откуп и повелел завести кабаки во всех городах по одному, а в Москве три; впоследствии их размножилось до чрезмерности¹.

Нам нечего более говорить о том, что развитие по части хмельных питей получило значение благодаря факту открытия водки; но этого недостаточно, чтобы осмыслить полное значение пьянства или, вернее, – полной потребности неослабного запоя, нужно много писать, и много писать; а еще лучше – ничего не писать. Скорее всего, не выдумывать пьянство, не выдумывать напитков и водки – вот и все. А пробовать искоренять то, что с корнем заточилось, – трудно!

Попойки. До времен Петра I знатные люди проводили время в попойках, которые не считались пороком. Это было не редкостью во всей Европе. Хозяин, не уподобивший своих гостей, считался неласковым, и с ним не хотели знаться.

Благовидною причиною к опьянению служили в старину тосты за здоровье государя, потом государыни, там за каждое царственное лицо, патриарха, знаменитых сановников, за победоносное оружие и, наконец, за каждого из присутствующих. Не опорожнить за здоровье каждого кубок вина значило иметь неуважение к дому, не желать ему добра, а также и тому, за чье здоровье отказывались пить. Хозяин начинал первый и неотступною просьбою заставлял выпивать до капли. В половине XVIII века попойки происходили только в дружеских обществах, на именинах, крестинах и свадьбах, и никогда гости не расходились, не упившись, даже первостепенные особы. Как по деревням, так и по домам не было веселости без вина. Там, съезжаясь друг к другу, проводили время в попойке иногда целые недели и по окончании разгуляя начинали опохмеляться

¹ Отзывы иностранцев о кабаках. См. с. 217. «Быт рус. нар.» А. Терещенко.

столько же времени. Не пить значило унижать себя. Женский пол, не довольствуясь крепким медом, пил тоже и зеленое вино. В конце XVIII века покончили с неумеренным подчиванием (в столицах), а дамы изгнали пьянство из своего общества. Но и посейчас в простом народе существует (в отдельных губ.) обычай угощать гостей и *невольт* по пословице: «В чужой монастырь со своим уставом – не суйся». Ныне, впрочем, существует противоположная посьловица: «Подчивать велено, а невольт – грех».

Буза. Со времен татарского ига мы получили понятие о приготовлении бузы из проса холодным путем. Теперь этот напиток вышел из употребления. У татар разумеют под этим словом брагу, и, по словам Ксенофонта, напиток этот найден в Армении в закрытых в земле сосудах.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И МЕБЕЛЬ

Главное украшение домов составляли, кроме вышеупомянутой обстановки, образа: не было покоя, где бы их не висело несколько. И чем хозяин был зажиточнее, тем более это выказывалось множеством образом. Их ставили не только в жилых покоях, но в сенях, лавках и амбарах¹. Большому числу образов в домах способствовало еще и то, что в старину было в обычае дарить приятелей образами. Таким образом, также царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре.

Все иконописные произведения были русских мастеров, так как, по общему верованию, благодать над тем образом не могла существовать, который был писан иноверцем.

Образа ставились в переднем углу, и этот угол задерживался занавесом, называемым «застенок». Сверх того, каждый образ отдельно задерживался привешенным к концу его убрисом, а внизу спускался конец материи, назы-

¹ Carl. 356. – Petr. 387.

ваемый *пеленою*, часто (у богатых) украшенный дорогими камнями, жемчугом, блестками и т. д. В праздники их меняли на более дорогие и красивые.

В домах зажиточных хозяев, кроме образов, находящихся в каждой комнате, было по комнате, назначенной исключительно для молитвы. Здесь находилось все, что должно служить для моления: образа, аналой, молитвенные книги, просфора Пресвятой Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на стол, а по бокам подсвечники с восковыми свечами. На полке под образами лежало крылышко для обметания пыли и губка для обтирания. Таковые комнаты назывались крестовыми, позже молельнями, где священники совершали утреню, вечерню, часы; некоторые имели своих священников; а набожные вельможи имели даже домовые церкви.

В сенях каждого дома лежали рогожи или ковры. Они положены были для того, чтобы обтирать подошвы ног, так как в старину не было в употреблении калош. Для сидения служили лавки, приделанные, как сказано было, к стенам наглухо. Какою материею были обиты стены, тою же материею обивались и лавки. Затем на лавки накладывались куски материи, называемые полавочниками; они делались о двух полотнищах, так что одно было длиннее другого. Первое закрывало лавку во всю длину, а последнее свешивалось до земли, закрывая середину пространства между лавкою и полом. Их длина и ширина были различны, смотря по лавкам, которых величина была соразмерна покоям. Так, например, были полавочники в 6 аршин длиною и два шириною; но из этого нельзя заключать, чтоб лавки были широки, ибо здесь принималась ширина всего полавочника, в двух полотнищах¹. Полавочники переменялись: в будни клались попроще, в праздники и во время приема гостей – понаряднее. Таким образом, в будни полавочники клались суконные,

¹ Опис. Хорозина. Нар. О. 3. 1851 г. Сент. 115.

а в праздники из шелковой материи, подбитые какою-нибудь простою тканью и отороченные куском материи другого цвета. Также куски клались на окна и назывались *наоконниками*. В будни клались простые коврики, в праздники – шелковые материи, вышитые золотом. Длина их была от двух до трех аршин, а ширина – около двух; вероятно, они спадали вниз с оконного карниза.

Вообще как налавочки, так и наоконники были разных цветов: светло-темного, голубого, кирпичного, гранатного и преимущественно красных отливов, иногда вышитые узорами. На налавочниках узоры на меньшем полотнище делались другие, чем на большом. Кроме лавок для сидения, делались еще скамьи и столыцы. Скамьи были шире лавок, например: до двух аршин шириною, длиною делались до четырех аршин; в одном конце их приделывалось возвышение, называемое *приголовником*. На них не только садились, но и ложились после обеда. Они покрывались, как и лавки, полавочниками. Иные скамьи служили постоянно кроватями. Столыцы были обыкновенными табуретами для сиденья одному лицу и также накрывались куском материи. Скамей и столыцев в доме было немного, а кресла и стулья составляли роскошь царского двора и знатных бояр, даже и там были в небольшом количестве; в народе же вовсе не употреблялись. Столы делались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкие. У зажиточных людей иногда их разрисовывали изображениями из Св. Писания, а бока и ножки украшались резьбою. Кроме больших столов, были столы маленькие, то аспидные, то украшенные разными камнями. Большие столы покрывались подскатертниками, это была вещь, необходимая для приличия. Во время трапезы поверх подскатертника накрывался стол скатертью. Скатерти и подскатертники работали вообще дома и служили предметом занятий для многочисленной прислуги. Как налавочки и наоконники, так скатерти и подскатертники переменились

по праздникам. В будни столы покрывались полотняными и суконными кусками, в праздники – бархатными, алтабасовыми, каановыми подскатертниками с золотошвейными каймами. Скатерти у бедных людей были полотняные, грубой отделки. У богатых – шитые, браные с бахромами. Все эти покрывала вообще на столах, окнах и лавках назывались *хоромным нарядом*. Стенных зеркал у русских вообще не было. Церковь не одобряла их употребления. Особенно духовным лицам собор 1666 г. положительно запретил иметь зеркала в своих домах; благочестивые люди избегали их как одного из заморских грехов; только зеркала в малом формате привозились из-за границы в большом количестве и составляли принадлежность женского туалета. Также старинное благочестие избегало стенных картин и эстампов, не допуская других украшений в этом роде, кроме икон; но в XVII веке мало-помалу начали входить в общий обиход картины и эстампы сначала в церквях, хоромах, потом у знатных лиц. Вкус к ним начал распространяться и между прочими сословиями, и уже в конце XVII века их продавали в овощном ряду в Москве. Впрочем, эстампы, которые тогда позволяли себе вешать в золоченых рамах богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но их строго отличали от образов, и они вовсе не имели никакого священного значения.

Кровати. Кроватью в старину служила прикрепленная к стене скамья или лавка, к которой приставляли другую лавку. На этих лавках клали постель, состоявшую из трех частей. Пуховика или перины, изголовья и подушек. Было два изголовья – нижнее называлось бумажным и подкладывалось под верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынею из полотна или шелковой материи, а сверху одеялом, входящим под подушки. Постели убирались понаряднее в праздники или на свадьбах, попроще в обычные дни. В нарядных постелях на изголовья и подушки надевались

наволоки камчатные, бархатные, атласные, обыкновенно красного цвета, шитые золотом и серебром, унизанные жемчугом по окраинам. Одежда постилались, подбитые соболем, атласные, красного цвета, с гравями, то есть с каймами золотой и серебряной материи, подбитыми соболями. Самые перины были набиты лебяжьим или чижевым пухом. Наволоки были на простых постелях тафтяные, белые или красные, подбитые крашениною. Простые одеяла подбивались заячьим мехом. Вообще, однако, постели были принадлежностью только богатых людей, да и у тех стояли более для вида в своем убранстве, а сами хозяева охотнее спали на простой звериной шкуре или на матрасе. У людей посредственного состояния обычною постелью служили войлоки, а бедные поселяне спали на печках, постилавши под головы собственное платье, или же на голых досках. Детские колыбели делались висячие, всегда широкие и длинные, для того чтобы дитя могло расти, а внутри них всегда привешивались образки или крестики.

Для хранения домашних вещей употреблялись *скрыни*¹, *сундуки*, погребцы и чемоданы. Посуду ставили в поставцах, эти поставцы были столбы, уставленные со всех сторон полками. Книзу их делали шире, кверху уже; на нижних полках ставили более массивную посуду, на верхних мелкую. Разные женские украшения хранились в ларцах, которые сами по себе украшались великолепно, наводились яркими красками и золотом, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами. Такие ларцы передавались из рода в род вместе с драгоценностями, какие там сохранялись. Для украшения в домах зажиточные люди раскладывали разные безделки, вроде следующих: серебряные яблоки, позолоченное изображение петуха с белым хвостом, на поддоне мужичок серебряный, костяной город с башнями, и миниатюрные изображения разных домашних принадлежностей из золота и серебра,

¹ Род колодцев с выдвигаемыми ящиками.

например: жук, в котором было паникадило, стол, четыре подсвечника, рассольник, рукомойник, четыре блюда, четыре тарелки и проч., все в малом виде, так что вместе два фунта и 38 золотников; или, например, ставец серебряный, в котором была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство с Европой ввело к нам часы. Так у Артамона Сергеевича Матвеева было несколько часов; одни показывали часы астрономического дня, на других означалось время от восхода до заката солнца, третьи показывали течение суток с полуночи, в полдень, как наши часы нынешнего времени. Часы стенные, карманные составляли редкость, и гораздо употребительнее были часы боевые, стенные и столовые. Устройство их от наших отличалось тем, что в них ни стрелка по цифирному кругу, а самый круг двигался. Столовые часы делались с затейливыми фигурами, например, с четверугольною крышкою, с перилами наверху, или медное изображение слона с сидящим на нем человеком, или в виде башни. На чердаке ее сделаны были изображения людей, а на самой вершине – изображение орла¹.

Освещение. Освещение в домах было свечами восковыми и сальными. Восковые употреблялись преимущественно у богачей, и то единственно в праздничные дни и во время торжественных собраний. В самом царском дворце зажигали сальные свечи. Свечи вставлялись в подсвечники, которые были стенные, прикрепленные к стенам, стоячие, значительной величины, и малые, и ручные. Вообще они назывались шандалами, делались обыкновенно из меди, иногда из железа. В XVII веке у зажиточных людей были в домах так называемые струнные медные подсвечники, сделанные из натянутых и расположенных удобно медных проволок. Ночью, чтобы иметь огонь, держались ночники. По случаю больших собраний освещали дома ви-

¹ Chensel. Nacl. 277. Домост. 93. Коллинс. 21. Мат. для Ист. Ст. Раз. 200. Врем. IV. См. 22–VIII Оп. им. тат. 37. Раз. кн. Ник. 9. Дом. Б. Р. Ц. Забел. От. Зап. 1851 г. Сент.

сящими паникадилами, которые в богатых и знатных домах были серебряные и делались с разными фигурами.

Для домашнего обихода держались стоячие фонари, с ними прислуга ходила в конюшни и кладовые. У простых поселян избы освещались лучинами. (А. Ю. 445. А. И. П. 406. Доп. VI. 105. – Врем. XIII. Расх. кн. 9. 52. Mejerb. 232. – Бербер. 32.)

Предметы вместимости. Для хранения громоздких хозяйственных припасов в клетях употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки в старину были самым обыкновеннымместилищем и жидкостей, и сыпучих тел, например хлебного зерна, муки, льну, рыбы, мяса сушеного, поскони и разного мелкого товара, как то: гвоздей, цепей, замков, топоров и других принадлежностей хозяйства. Сосуды для варения в поварнях были котлы: медные и железные; там, где приготавлилась каша на большое количество людей, во дворе, они достигали больших размеров, например в 7 ведер. Другие были в 4 ведра, в ведро, в полведра и вообще назывались *творенными* и *тестовыми котлами* в отличие от пивных и винных, достигавших размера пятидесяти ведер. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жаренье производилось на сковородах, не только железных, но и на медных, луженых с рукоятками; для месива теста употреблялись деревянные корыта и большие чаны; для мытья белья – корыта, ночвы, буки, для носки воды – ведра, кумчаны, корчаги, ендовы, кувшины. По окончании обеда у рачительных хозяев все сосуда вымывались, вытирались, потом опрокидывались вниз и ставились на полках в кухне или чулане. В праздники, когда все в доме облакалось в праздничный вид, и в поварню отпускалась посуда лучшей доброты¹.

Для омывания употреблялись рукомойники и лохани; у богатых людей они были серебряные и позолачивались.

¹ А. И. I. 285. II. 399. – А. Ю. 499. Врем. VIII. Оп. им. тат. 22. XIII. Рас. кн. 43. Домост. Врем. 1. 67.

У людей посредственного состояния медные и оловянные. Нередко рукомойник был оловянный, а лохань – медная. Примером богатого старинного прибора для умывания может служить рукомойник Ивана Васильевича, серебряный, позолоченный, с изображением фигур (образов) на стоянце, тоже испещренном чеканными фигурами; при нем серебряная лохань с чеканным изображением рыб и раков.

Столовая посуда. Столовая посуда для пищи и питья носила общее название судков. Жидкое кушанье из поварни для стола носили в кастрюлях и оловянных – медных или оловянных с покрышниками. Другая посуда для носки жидких кушаний была рассольник, также с покрышкою, род соусника: он употреблялся также и для соленых плодов. За столом жидкая пища разливалась в мисы: у богатых они были серебряные, у небогатых – оловянные и деревянные. Твердые кушанья приносились на блюдах. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленные к известному роду кушаний, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На одних блюдах приносилось кушанье из поварни, другие оставались перед гостями так, чтобы два человека и более могли есть с одного блюда. Последнего рода блюда назывались «*блюдцами*». Овощи подавались на блюдах особой формы, называемых «овощниками». К большим блюдам приделывались кольца по два, по четыре. Это показывает, что их носили человека по два. У богатых блюда были серебряные с выбойчатыми мишенцами по обводу; у людей посредственного состояния – оловянные или полуженные, медные. Тарелки, называемые тарели, не были в повсеместном употреблении, и там, где они ставились перед гостями, не переменались во все продолжение обеда, а поэтому в домах их было немного; у богатых они были серебряные, граненые, иногда позолоченные; у менее зажиточных – из польского серебра или оловянные. Весом они до полуфунта, а некоторые и массивнее, например, в

три четверти фунта. В домашнем сервизе немногие из них были больше остальных. Вероятно, название тарели смешивали с названием блюда, так что в одном месте плоскую посуду, поставленную перед гостями, называли тарелями, а в другом — блюдами. Ложки у богатых были серебряные, позолоченные, с фигурой на конце рукоятки и с надписью, кому принадлежит. Ножи в богатых домах опралялись золотом и серебром с драгоценными камнями: их не подавали гостям, потому что кушанье подавалось уже разрезанное. Вилки были двухзубые, а иногда их вовсе не клали. Салфетки не употреблялись. Но необходимую принадлежностью столового прибора почитались: солоница, уксусница, перечница, иногда горчица. Когда готовили стол к трапезе, то, постилавши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы делались на стоянках с покрывками и с рукоятками, уксусницы и перечницы на ножках; эти сосуды иногда соединялись в один, например, солоница, а кверху ее перечница. Серебряные солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображениями, например, солоница на зверках, солоница с верхом, украшенным финифтью с изображением людей по бокам¹.

Столовые сосуды для приноса питий были: ендовы, мутормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова был сосуд более кухонный, но употреблялся и как столовый для приноса питья; ендовы имели различную величину, например, иные заключали в себе целое ведро, другие — по шести ведер, а некоторые были столь малы, что заключали в себе весу только две гривенки. Редко употребляемые при обыкновенном обиходе, они были медные, выложенные, с носком и рукояткою. Муторма была сосуд, близкий по виду к ендове, также с носком и с рукояткою, в чем заключалось их различие — неизвестно. Ведра были

¹ А. юр. 444. 445. — Вр. IV. См. 22. — Врем. VII. Оп. Им. Цар. Ив. Вас. VIII, Оп. им. тат. — Врем. XVIII. Рас. кн. 38. Собр. гос. гр. I. 320. 401. 406. 409. Достопр. Кремля 36. 49. — А. И. I. 4. 406. 428. — Доп. VI. 101. — Рус. Стар. 87. Пов. о пос. Щиле. Рук. И. П. Б.

только служебною посудою, но сделанные в малом размере ставились с напитками на столе; были таким образом серебряные сосуды, в форме ведра, носившие это название, с дужкою наверху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками.

Кувшины, как теперь называют сосуды с раздутыми боками посредине, с суженою шейкой, с расширенными краями, с носками и с кругообразной рукоятью. Были кувшины серебряные с обручами на шейках, с крышкою наверху, на которой становились какие-нибудь фигуры выпуклые, например яблоко и так далее, иногда в ручке кувшина приделывалась цепочка. **Четвертиною**, как показывает ее название, была четвертая часть единицы ведра, то есть кварта; но в домашних приборах этим именем называли сосуд, раздутый по бокам, несколько похожий на суповую чашку с крышкою; в них отсылали питье из дома отсутствующим особам. **Четвертины** были разной величины, даже так малы, что вставлялись в небольшую шкатулку. **Братина**, как показывает ее название, был сосуд, предназначенный для братской, товарищеской попойки, наподобие горшка с покрывшкою. Из них пили, черпая чумками, черпальницами, ковшами. Братины были разной величины: небольшие употреблялись даже прямо для питья из них и назывались братинками. Сулеи были маленькие бутылки с узким продолговатым горлом и с цепью; они привешивались к поясу в дороге¹.

Кружки, чаши, корцы и проч. К прочим сосудам принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, подстаканы, чарки, овкачи и болванцы.

Кружки были цилиндрические сосуды, с рукоятью и крышкой, всегда в одну стену снизу доверху, кверху несколько уже, обыкновенно круглого вида, как показывает самое название; но были также кружки осьмигранные;

¹ С. Г. Гр. I. 401. 406. 409. – Врем. IV. См. 20. – VII. Оп. Им. Ив. Вас. 25. 45. VIII. Оп. им. тат. 22. 35. – А. г. Шуи. 176. – А. И. I. 285.

они ставились на поддонах. Нормальная величина кружки определялась ее мерным значением, так как кружками собственно называлась определяемая мера (половина четвертины, $\frac{1}{8}$ ведра). Но эта мера не всегда соблюдалась, как показывает различие веса, например 4 фунта и в 1 фунт. Следовательно, объем кружек был различен.

Чашами назывались большие разложистые сосуды круглого вида с рукоятками, с кольцами, с намоствами, со скобами, весившие иногда до двух фунтов и более; но вообще под этим названием разумели пропорцию выпиваемого собеседниками вина; в этом смысле на одной братине находится надпись: «В сию братину наливается богородицына чаша». Пить сию чашу значило пить в честь кого-нибудь или за чье-либо здоровье. Таким образом, говорилось: «Государева чаша, патриаршая чаша».

Кубками назывались сосуды с круглым, иногда дощатым или плоским дном, с крышками, на подставке, иногда на ножке и на поддоне. К ним иногда приделывались цепочки. Делались кубки двойчатые, то есть разделившиеся на две половинки, из которых каждая составляла особый сосуд для питья. Величина кубка была различна. Всем известен громадный сосуд Ивана Васильевича Грозного, хранящийся в Оружейной палате, весом в 1 пуд весом фунтов, в сажень вышиною. У знатных и богатых домохозяев были большие кубки весом до четырех и до пяти фунтов, но они большей частью служили только для украшения в поставках. В употреблении были кубки весом в полфунта, фунт, около того. Были из строфокамиловых яиц, оправленных дорогими камнями, золотом и серебром.

Стопы были большие высокие стаканы, иногда с рукояткою, с носками и крышкою.

Достаканы были средней величины стаканы, иногда с рукояткою, на ножках, обыкновенно с разложистыми круглыми краями, иногда же с угольчатыми, и ставились на маленьких поддонах.

Ковши были низенькие сосудцы, круглые и овальные, с дном в виде полушария, с дощатою ручкою, называемой *Полкою*, иногда с загибом на конце. Ковши были обсыпаны по краям жемчугом и весили по три фунта и более.

Кроме этих сосудов, были разные другие сосуды, более или менее нужные в домашнем хозяйстве, как то: солонки, *орех индийский* (вероятно кокосовый), оправленный в серебро, *Туриный* или *турий рог*, оправленный в золото и серебро, с искусно приделанной к нему ножкою, чтобы ставить. Из него пили вино. Потом их отливали из серебра или золота.

Корцы отличались от ковшей тем, что дно у них было плоское; маленькие корцы назывались корчиками. Их название произошло от того, вероятно, что прежде их делали или из березовой коры, или из древесных кореньев.

Чарки. Так назывались маленькие сосудцы с круглым или плоским дном или на ножках с закругленною ручкою, иногда с крышкой.

Болванцы или овкачи. Хотя эти сосуды существовали в числе домашней посуды, но отличительной их формы не знаем. Из описаний видно, что они были массивны, иногда весили до 4¹/₂ фунтов.

У богатых и знатных людей сосуды были золотые и серебряные и относительно работы различных видов: чеканные, гладкие, сканные, то есть витые, граненые (грановитые), травчатые, камфаренные, стеклянистые, пупчатые, решетчатые и др. Фон стены сосуда назывался землей, по которой и делались различные выпуклые изображения трав, людей, животных и пр., как то видим на стенках кубков и чаш. Сосуды с крышками иногда украшались затейливыми изображениями. Кроме узоров трав и фигур, было в обычае писать надписи, касающиеся веса и относительно какого-либо изречения, а иногда надпись говорила о том, от кого и кому сосуд подарен. Надписи делались или на дне, или по наружным стенам сосуда.

Кроме металлической посуды, была и другая, конечно. У богачей сосуды были агатовые, сердоликовые, из горного хрусталя, а между тем входила в употребление стеклянная и хрустальная посуда с теми же названиями. Стеклянная посуда привозилась из-за границы. Причем эта посуда нередко была и разноцветная. Из деревянной посуды, которой пользовался простой народ, известны были чашки, *тарели* и прочее, также ковши, корцы, солоницы. Эта посуда делалась по селам и развозилась по городам, по рынкам. Деревянными изделиями в особенности славились калужане, гороховцы и карельцы. Деревянные изделия нередко украшались резьбою, весьма затейливою и расписною.

РУСКИЕ ОБЕДЫ

Семейные обеды бояр, дворянства и остального сословия нам более или менее известны. Есть некоторые известия о великокняжеских обедах.

Великокняжеские обеды¹

В большой комнате ставились в несколько рядов столы, по подании на стол кушанья объявляют царю: «Государь! кушанье подано», тогда он отправлялся в столовую и садился на возвышенном месте; подле царя садились его братья или митрополит; там вельможи, чиновники и простые воины.

Во время принятия посла, бар. Гербенштейна, В. к. Василий один сидел на возвышенном месте, окруженный пышным двором, с правой его стороны лежал колпак, а с левой – посох, тут же стоял готовый сосуд с полотенцем. Подавши руку послу, он после мыл ее, думая,

¹ См. «Быт рус. народа» Терещенко. С. 242.

что католический закон нечистый. В середине, на высоком столе, блестело множество золотых сосудов, чаш и кубков. Первым блюдом всегда были жареные лебеди¹, за обедом разносили кубки с мальвазией и другими греческими винами. Государь посылал со стола своего кушанья, в знак особой милости, отличенному им гостю, который тогда вставал и кланялся ему, другие также вставали из уважения к милостивому гостю, а он должен был им кланяться². Во время обедов вели разговоры без принуждения. Обедали серебряными ложками, которые сделались у нас известными в конце X века³.

При обедах царских находились: *кравчий, чашиник и чарошник*; каждый из них смотрел за своевременным подаванием кушаний и напитков; но сверх их назначались еще к столу особые чиновники, которые должны были *встолы смотреть, встолы всказывать*. Поднося знатному боярину ковш с вином, именовали его с прибавлением *ста* или *су*, например, если ему имя Василий – *Василий-ста! великий государь жалует тебя чашеею*. Тот, приняв ее, выпивал стоя и кланялся, а подносящий докладывал царю: *Василий-ста выпил чашу, челом бьет*. Менее знатных именовали: *Василий-су*, остальных без всякого прибавочного окончания, просто Василий.

Иностранцы с изумлением отзывались о пышности царского стола: гости пили и ели из золотых сосудов; слуги во время обедов три раза переменили свое платье, и обед продолжался до ночи. Обеды Иоанна IV продолжались до 6 часов; от 600 до 700 гостей пресыщались не только изобильными, но дорогими яствами, плодами и винами. Однажды в кремлевских палатах обедало 2000 нагайских

¹ И сейчас, по народному преданию, лебедь называется царским и свадебным блюдом; говорят, будто бы простым людям их есть грешно, а потому лебедей не бьют.

² Herb. Rer. Moscov com. С. 137.

³ Со времен св. кн. Ольги, при дворе введены св. Владимиром.

воинов¹. Борис Годунов давал пиры в Серпухове в продолжение шести недель и каждый раз угощал под шатрами по 10 000 человек. Кушанья подавали на серебряной посуде². Расставаясь с войском, он дал роскошный обед в поле 50 000 пировавшим на лугах р. Оки. Яства, мед и вино развозили обозами; чиновников дарили бархатами, парчами и камками. Иностранец Варбочь, посол императора Германского, не мог исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой в комнате, смежной со столовой. При нем подавали на стол около ста различных блюд.

За торжественными царскими обедами служили по 200 и 300 жильцов в парчовой одежде с золотыми цепями на груди и в черных лисьих шапках. Государь садился на возвышенном месте; слуги низко кланялись ему и потом по два в ряд отправлялись за кушаньем. Между тем подавали водку; на столах тогда ничего не ставилось, кроме хлеба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложек; тарелок и салфеток не знали. За одним разом приносили сто блюд и более, отведенные поваром при стольнике; после отведывались кравчим в глазах царя. Потом царь посыл гостям ломти хлеба, яства, вина, мед и в конце стола раздавал сам сушеные венгерские сливы.

Всякий гость отпускаясь домой с блюдом мяса или пирогов³. Но ныне соблюдается обыкновение, что хозяйка при отпускании гостей от обеда или ужина навязывает им узелки с разными сладкими и пр. Крайнею было бы для нее обидою, если бы не приняли. Хлеб, соль – дар Божий, говорят русские. Не принять хлеба – значит прогневить Бога.

За столом царя Феодора были уже дорогие вина и мальвазия; обеды его продолжались до полуночи⁴.

¹ Navigat. Пом. в Гакл. с. 349 и 352.

² Margeret – Etat de l'empire de Russie, etc. Все иностранные писатели этого времени с любопытством вели счет гостям и самой посуде.

³ Флечер Com. Vealth., пом в собр. Гакл. Margeret. Etat l'empire de Russie.

⁴ Beschr der Rais in die Moscow so H. Varbotsch gethan. 1593 г. Ч. I. С. 159 в собр. Вихм.

Богатые сокровища русских царей

Иностранные послы всегда говорили с удивлением о богатстве серебряной и золотой посуды. *Бурхард*, посланник императора немецкого Генриха IV, увидев блеск двора, сказал: никогда мы не видали столько золота, серебра и богатых одежд. А другой посол императора, *Ламберт*, не верил своим глазам, видя кучи золота и серебра, и пишет, что столы, накрытые блестящею серебряною посудю, гнулись от тяжести. Герберштейн говорит, что на посудном столе лежали одни серебряные и золотые сосуды, и рассказывает за редкость, что первое блюдо состояло из жареного лебедя; что после обеда подавали разные прохладительные напитки и заедки: сахарные, анисовые и из корицы. Франциск де Колло пишет, что денег, серебра и золота столько было у В. к. Василия, что он есть богачейший и могущественнейший из европейских владетелей; что он сверх богатства, хранящегося в казначействе, собирает ежегодно огромное количество золота и дорогих мехов с разных мест своего царства; что Великий князь щедро одарил самого Франциска де Колло серебряно-позолоченными сосудами и другими вещами. Другие видели в кремлевских палатах: горы жемчугу, золота и серебра¹. Маржерет видел в кладовой литые серебряные бочки, огромные серебряные тазы, коих поднимали за ручки четыре человека; он видел еще три или четыре вазы с большими серебряными чашами, назначенными для черпания меду. Эти вазы были так велики, что надобно было 300 человек, чтобы наполнить каким-либо напитком. Все это было сделано руками русских и притом из серебра². Польский посол князь Гедроцкий и патриарх Иеремия приходили в изумление от великого множеств серебра и золота. Принятие датского принца Иоанна, жениха Ксе-

¹ Navigat. пом. у Гакл. С. 349 и 354.

² Richter Gesch. des Medic. Часть I. С. 72 и Мержерет. Изд. 1607. Пар.

нии, дочери Бориса Годунова, ослепило блеском и пышностью глаза иностранцев. Столы трещали от серебра и золота. Посредине столовой находился четырехугольный стол, искусно украшенный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многие вещи были из чистого золота. Кресло царское было из одного золота, стол серебряный, с позолоченными ножками, который был покрыт вязаной из золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра с боевыми часами. Посол Лжедмитрия, Афанасий Власьев, поднес в подарок Марии Мнишек от имени ее жениха: рубиновое перо, гиацинтовую чашу, золотой корабль, осыпанный драгоценными камнями; золотого быка, павлина и пеликана; часы с флейтами и трубами, три пуда жемчугу, 640 редких соболей, кипи бархата, парчи, штофу и атласа, сверх того, многие подарки ее родственникам, всего на 230 000 червонцев. Иностранцы, описывая блеск Лжедмитриева двора, с изумлением говорят о его престоле, вылитом из чистого золота, обвешанном кистями алмазными и жемчужными, утвержденном внизу на двух серебряных львах и покрытом накрест четырьмя богатыми щитами; над ним блистали золотой шар и золотой орел.

Самозванец имел колесницы и сани, окованные серебром, обитые бархатом и соболями. На его конях узды, седла и стремяна сияли золотом, изумрудами и яхонтами. Он заказывал беспрестанно драгоценные вещи и в три месяца издержал на одну пышность царскую более 7 миллионов рублей серебром. Народ роптал, потому что не любил расточительности государей, страшась новых налогов. Корб, бывший в Москве в конце XVII века, не мог исчислить царских палат. Арсений, бывший с патриархом Иеремиею в Москве в 1590 г., удивляясь богатству и разнообразию сосудов, говорит: «Я был поражен неисчислимым сокровищем: необыкновенною пышностью первостепенных сановников, облитых в золото. Я видел

серебряные сосуды с золотыми коронами, наполняемые критским вином. Из многих золотых чаш была одна, которую едва с трудом несли 12 человек». Великий князь Иоанн Данилович, отправляясь в орду, разделил свои дорогие вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну, Симеону, отдал четыре золотые цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом, три блюда из серебра и два ковша. Ивану четыре золотые цепи, два пояса с жемчугом и камнями, третий сердоликовый, два ковша, две круглые чаши и три блюда серебряные. Андрею – четыре золотые чаши, пояс фряжский, другой жемчужный с крюком (с застежкой) на красном шелку, третий ханский, два ковша, две чарки и три блюда серебром (из серебра). Дочери Фетинье – 14 колец, новый складень (ожерелье), чело (головное украшение) и гривну. Большое серебряное блюдо о четырех кольцах в храм Владимирской Богоматери¹.

Внук его, Вел. кн. Иоанн II, завещал (в 1359 г. ноября 13) детям своим: князю Дмитрию – золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, золотую саблю и шишак; князю Иоанну – саблю и шишак; жемчужную серьгу и стакан цареградский, а двум будущим зятям – по золотой цепи и поясу. Когда великий князь Иоанн III гостил в Новгороде в 1467 г., тогда его дарили шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, рыбьими зубьями (вероятно, моржовыми), иностранными винами и драгоценными сосудами. Владыка Феофил подарил ему золотой ковш с жемчугом, два рога, окованные серебром, серебряную мису. Вас. Казимир – золотой ковш. Яков Короб – рыбий зуб; знатная вдова Анастасия Ивановна – два рыбьих зуба и пр. По приведении Великого Новгорода *во всю волю* Иоанна (1478 г.) ему поднес в дар на Поозерье один архиепископ Феофил: панагию, обложенную золотом и жемчугом (князья и цари носили их

¹ Собр. Гос. грам. и догм. Т. I. С. 31. Пис. в 1388 г. и в 1331 г.

на груди, на золотой цепи); строкофамилово яйцо (страусово), окованное серебром, в виде кубка; сердоликовую чарку, кристальную бочку, серебряные мисы, цепи, чары, два ковша золотые и пояс серебряный весом в 31 фунт. Если верить сказанию современного историка Длугоша, что Иоанн нагрузил тогда 300 волов серебром, золотом и драгоценными камнями. Князь Иоанн Борисович Волоцкой исчисляет в завещании 1504 г. 29 серебряных блюд, 5 мис, 1 уксусницу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малые гладкие, чарку серебряную, 11 ложек, 7 ковшей, 7 чаров гладких, 1 чарку с полкою, 2 чарки больших, 4 чарки малых, 3 кубка, 1 рог, 3 стакана, ковш большой, сковороду серебряную с венцом, серебрянный и посуду каменную.

Боярские обеды (встарь)

При боярских столах бояр и дворянства подавали яства и напитки в простой посуде. Принц Бухау пишет¹, что в его время по большей части кушали и пили из деревянной посуды, коей края позолочены, и эта посуда была позолочена, а работа производилась монахами.

Принц Бухау, обедая у Иоанна IV, говорит, что он не имел ни тарелки, ни ножа, ни вилки; но пользовался ими, заимствуя от сидевшего возле него боярина.

Олеарий, бывший в Москве в начале XVII века², пишет, что у богатых людей редко встречалась оловянная посуда и что за редкость считалось, если серебряная появлялась у бояр. Маерберг, бывший в Москве в половине XVII века, говорит, что у многих богачей оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки подавались одним знатым и почетным гостям.

¹ Daniel prinz fon Buchau. *Moscoviae ortus, et progressus* и проч. в половине XVI века.

² См. Олеарий; его *Voyage*. С. 127.

Званные обеды

Чтобы показать более отличий в царских милостях и польстить суетности вельможей, Борис Годунов первый ввел званные обеды в царствование еще Феодора, который приглашал думных сановников и угощал их в своих чертогах, обнаруживая пред ними всю гостеприимность обыкновенного хозяина¹. Хлебосольство, известное одним нашим русским, отличалось у нас более всего в частных домах, где вольность в обращении, соединенная с равенством, ничьего не обижали честолубия.

Хозяин с радостью принимал гостя, не скупился с ним, ставил все на стол, что имел: яства, мед и водку, чтобы не прослыть в своей среде негостеприимным, отчего возникла поговорка: *«Все на стол мечи, что есть в печи»*. Самым величайшим упреком было еще, кто скажет: *«Ты забыл мой хлеб-соль!»*

ОДЕЖДА

1. Мужской костюм

Старинная русская одежда представляет с первого вида большую сложность и разнообразие; но, присмотревшись к частностям ее, легко узнать во множестве наименований сходство. Г-н проф. Костомаров, сравнивая одежду русского народа, нашел, что одежда крестьян была одинакова с одеждою царей и даже носила одинаковые названия, только отличалась достоинством материала и убранством.

Славяне прибалтийские, еще по свидетельству Тацита, не отличались от германских народов, они едва закрывали наготу свою. Славяне дунайские сражались еще в VI веке

¹ Карамзин. И. Г. Р. Ч. 10. С. 72.

почти полунагие, прикрывая только нижнюю часть тела исподним платьем. Шкуры зверей лесных и домашних согревали их в холодное время. Женщины носили длинные одежды, украшались бисером и металлами, отнятыми на войне или вымененными у иностранных купцов.

Аравийский посол Ахмет, будучи у волжских болгар в начале X в., видел многих славян и описывает их наряд довольно грубым. Мужчины, пишет он, не носят ни кафтанов, ни камзолов, но набрасывают на себя сбоку толстую одежду, оставляя другую (правую) свободною. Они никогда не ходят без оружия; у каждого большой нож, меч и топор; и всякая женщина носит нож, а на шее цепи золотые и серебряные. Главное их украшение – зеленый бисер¹. При описании погребения одного из старшин он говорит, что покойник был одет в два исподние платья, сапоги, куртку, кафтан из золотой парчи с золотыми пуговицами и парчовую шапку, опушенную соболем². Счастливые войны и торговые сношения с Константинополем и болгарами в продолжение двух столетий изменили образ жизни: поселили изобилие и роскошь. Великие князья, сановники и воины ознакомились с пышностью царьградской, стали носить длинные, широкие по-восточному вкусу платья. От них рисунок платья всех прочих сословий, потому все одежды наши (русские) были подражательные греческим. Нередко после требовали от греческих императоров именем своих князей и царской одежды, и венца. Императоры отговаривались от них тем, что порфира и короны деланы руками ангелов.

Женщины, одеваясь в длинные платья, убрали грудь монистами, ожерельями и золотыми цепями; а пальцы кольцами и перстнями. Волосы заплетали в косу, а головной наряд блистал жемчугом и золотом³.

¹ Этот посол был отправлен багдадским калифом Муктедиром к королю болгар в 922 году. Пер. акад. Френем.

² «Быт русского народа» А. Терещенко. С. 314.

³ Египтянам вообще приписывается много изобретений, в числе их – изобретение колец, а затем римлянам, евреям и прочим другим народам.

Богатые люди носили шелковое платье, драгоценный пояс и сафьянные сапоги. В XI и даже в XV столетиях мы встречаем сапоги с загнутыми вверх носами; подошвы подбивались гвоздями; голенища были до икр круглые. В XIV в. голенища шились под самые колена и здесь стягивали их ремнями и тесьмою. Знатные люди и великие князья носили по большей части голенища короткие, унизывали их золотыми или серебряными прошвами, галунами, жемчугом и камнями. Впрочем, такая роскошь появилась, как кажется, в XVI веке, что увидим в своем месте.

Исподнее платье называлось *портами*, шитыми из полотна. *Рубашки* назывались *сорочками*, а по-славянски *срачицами*, шились из холста длинными до колен с разрезным наперед воротом и подпоясывались шнурком поверх исподнего платья. По завладении России татарами изменились многие наши одежды; самые сорочки и исподнее платье приняли другой покрой, и едва ли не тогда вошли в употребление штаны и шальвары. Сорочки тогда шились не длиннее коленок; ворот, ожерелье, ожерелок¹ разрезывали на левой стороне, украшали запонками и шитьем шелковым или, у простого народа, разноцветным. Для украшения же делали на груди и спине *подоплек*, вышитый красными нитками и шелком. Под пазухою нашивали красные и синие *ластовки* или *ластовицы*. Воротник и края рукавов вышивали красными нитками, шелком, серебром и золотом, смотря по состоянию и званию. Воротник застегивали металлической пуговкой. Исподнее платье шилось весьма просторным: из холста, бумажной и шелковой материи и подвязывали на шнуре под рубашкою. Концы исподнего платья засовывали в сапоги. Богатые и знатные носили шелковые и парчовые штаны, которые были холодные и теплые.

¹ Ожерелок, ожерелье, ворот в старину отдельно пристегивали к рубашке и называли сорочкою, а уже после XVII века стали называть так все верхнее белье. Кост. Очерк жизни и нр. Р. Н. С. 64.

В. к. Святослав I, гроза восточной Империи, ничем не отличался одеждою от простого ратника; тогда воины, и мирные воины, и мирные граждане одевались одинаково. Когда он увиделся с Иоанном Цимисхием на берегу Дуная под Даростелем (Силистриею), тогда греки смотрели на него с изумлением. Император, окруженный облитыми в золото конниками, сидел на коне, а Святослав в лодке в простой белой одежде, с длинными усами, реденькой бородой и с клоком волос на голове; в ухе его висела серьга, украшенная жемчужиной и рубинами¹. Вообще одежда была одинакова как у царей, так и у крестьян, носила одни и те же названия.

Ношение серег между мужчинами было во всеобщем употреблении до начала XV века. В завещании В. к. Иоанна, отца Димитрия Донского, видно, что он отказал сыновьям своим по жемчужной серьге (см. собр. госуд. гр. и догов.: Дух. грам. В. к. Иоанна под 1356 г.). По известию иностранных писателей XVI века и начала XVII века, они видели много бояр, купцов и простолюдинов с серьгами. И ныне многие из простого народа видят их.

Обувь простого народа была — лапти из древесной коры. Это обувь из древности и носилась еще во времена язычества. Кроме лаптей из коры, носили башмаки из прутьев лозы, тоже плетеные², вероятно, эту обувь называли пленницы³, некоторые же носили подошвы из кожи и подвязывали их ремнями, обмотанными вокруг ноги⁴. Эта обувь (сандалии), вероятно, заимствована была от греков. Простолюдины обоего пола носили эту обувь⁵. Обувь до-

¹ Малороссы, как и запорожцы, носили до половины нашего столетия чубы, чупрыны, то есть клочок волос на маковке головы, обвитый около правого уха и называемый иначе оселедцем. Обычай ношения чубов древний, и он существует с древних времен. Об этом упоминает Тацит.

² Petr. 314.

³ А. отн. к Ю. Б. 53.

⁴ Dass. gr. Retch. v. Moscov. 187.

⁵ А. И. VI. 399. Доп. III. 145. Врем. XVI. Рас. кн. Ник. 60. Вар. Акты 1. 116. Олеарий 182.

статочных людей составляли сапоги, чоботы, башмаки и четыги. Все эти виды делались из телячьей кожи, из коровьего опойка, из конской кожи, из юфти, а у богатых – из персидского и турецкого сафьяна¹. Сапоги носились до колен и служили вместо штанов для нижней части тела и для того подкладывались холстиною. Их снабжали высокими железными подборами и подковами со множеством гвоздей по всей подошве; у царей и знатных лиц эти гвозди были серебряные. *Чоботами* назывались полусапожки с остроконечными носками, поднятыми кверху. Башмаки были принадлежностью не только женщин, но и мужчин. В старину также носили и *чедыги* или *ичеготы*, иначе *ноговицы*, – обувь, заимствованную от татар; такая обувь состояла из сафьянного чулка и состояла из двух видов: полные, достигавшие до колен, и полуполные. При сапогах и чоботах носились чулки шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мехом. Женская обувь была почти та же, что у мужчин, и была с такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблук. При них были шерстяные или шелковые чулки². Посадские жены носили также сапоги до колен; но дворянки ходили в башмаках и чоботах. Бедные крестьянки ходили в лаптях, как и мужья их.

Вся эта обувь, кроме лаптей, была цветная, ярких красок, а иногда тельного, то есть слабо-розового цвета, и сшивалась золотом в различные узоры, иногда жемчугом, и до того густо, что иногда нельзя было рассмотреть цвета сафьяна³. Вся эта обувь в зажиточных домах изготовлялась опытными холопами, которых при каждом доме было довольно.

¹ Под лапти и другую обувь подвертывались *онучи*, *портянки*, то есть лоскутья холстины, ветошь.

² Чулки вязать в России научились только при Петре Великом, который даже завел для их производства у Калинкина моста в Петербурге чулочную фабрику.

³ См. Домострой. 4. 54. Вых. Цар. 492–4. Ворон. акты. 1 115.

Штаны, порты. Они шились без разрезов с узлом, так что их можно было делать или шире, или уже. У бедных они были из холста белого или красного, также из сермяги, то есть грубой шерстяной ткани. У зажиточных из сукна зимою, а летом богатые и знатные носили тафтяные или из другой шелковой материи штаны. У царей да и у бояр штаны были из тяжелых шелковых тканей разных цветов, преимущественно красного, малинового, лазоревого и желтого. Вообще же в старину штаны достигали только до колен, делались с карманами, которые тогда назывались *зелью*¹.

Верхняя одежда². На рубаху и штаны надевались разного рода верхние одежды: так мы видим на рисунке в Публичной библиотеке, что Олег одет в высокую синюю шапку наподобие колпака, с палевой опушкою, на шее золотой парчи платок с развевающимися концами на груди. Кафтан багряный обложен алой бахромой, подпоясан золотым поясом и в желтых сапогах. Давид и Роман одеты только в алых кафтанах, но костюм одинаков. Княгиня в синей высокой шапке с алым покрывалом; платье красное с золотой бахромой, подпоясана золотым поясом; на рукаве золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотом; она держит за руку юного Ярослава, который представлен в багряном кафтане с золотой бахромой; подпоясан золотым кушаком с бантом, сапоги красные. Кн. Святослав с усами и с бородой стоит в круглой, низенькой, желтого цвета шапке с красною опушкою и в синих сапогах; кафтан на нем синий с красной бахромой, поверх кафтана золотая княжеская мантия; в руках его книга, окованная золотом и покрытая малиновым бархатом.

¹ А. И. I, 335. Домострой 51. Вых. Цар. 219. 622. А. юр. 371. Оп. Шуй 453. А. г. Шуй 174. Оп. им. тат. Врем. VIII. Herberst. 36. Барб. 54. Tuberv. 455. Petr. 306. Olear. 181. Mejerb. 100 и пр.

² Памятником одежд XI века может служить рисунок черниговск. князя Святослава с его семейством, подлин. которого в Императорской библиотеке.

Вся роскошь одежды, как мы видим из этого рисунка, состоит в блеске золота и разноцветной парчи¹.

Великие князья имели частые сношения с Византиєю, получали оттуда богатые ткани и узоры, а купцы, производя значительную торговлю с Грециєю, вывозили их (сказанные материи) для богатых и вельмож. Великие князья и бояре отличались пышностью одежд, а заслуженные из них от незаслуженных – ношением на груди золотой цепи с золотой гривной. Впоследствии времени тысяцкие новгородские носили золотую цепь на шее в ознаменование их власти. Великие князья и удельные, цари и патриархи носили на золотых цепях кресты и панагии, осыпанные драгоценными камнями и жемчугом.

Простой народ одевался в толстые одежды: женщины в *поневы*, мужчины в *зипуны* – это самое древнее одеяние. Мантия называлась в древности *корзнем*, *коцем*, мечем. Вероятно, и мантия Святослава была тоже *корзно*, то есть верхняя одежда. Князь Владимир, желая защитить Игоря от убийства киевлян, соскочил с лошади и покрыл его *корзнем*². Великий кн. Андрей Боголюбский, женатый на дочери боярина Кучки, был убит приверженцами Кучки, и тело его было брошено в огород. Киевлянин Козьма, усердный слуга несчастного государя, стоял над трупом и плакал и потом отнес в церковь, положил в притвор и прикрыл *корзнем*³. Черниговский князь Михаил, прибыв в стан Батия, не хотел поклониться священному огню и кумирам. Ему объявили, что он должен или исполнить ханскую волю, или умереть. «Для вас не погублю своей души», – сказал он, снял с себя *кочь* и бросил убийцам. «Возьмите славу

¹ В историческом описании одежд и вооружений российских, состав. г. Висноватым, ч. I, с. 7, сказано, что черниговский князь Святослав одет в зеленое платье вроде подризника с красною до пола обшивкою, с длинными рукавами и с золотыми нарукавьями, сверху накинута плащ с золотой бахромой синего цвета, застегнутый на правом плече, с красной подкладкой.

² Лет. Нестора. С. 96–204.

³ См. Киевская летопись.

этого мира, хочу небесной»¹. Великий князь Иоанн Калита в завещании своем отказал сыну своему Симеону между прочими одеждами *кочь* с бармами. Это доказывает, что *корзно*, *кочь* или *коц* была великокняжеская одежда, хранилась в Софийском соборе в Киеве и в храме Божией Матери, что во Владимире на Клязьме. Половцы, опустошив Киев в 1201 г. января 4, не оставили в церквах ни одного сосуда, ни иконы и похитили драгоценные одежды наших князей, которые вешались во храме на память потомству. *Корзно* обратилось потом в приволоку, то есть в короткий плащ, который носили дворяне до времен Петра I.

Пояса. Пояса золотые, осыпанные камнями, украшали мужской убор. Они никогда не складывались и надевались гладко и ровно. Были пояса шелковые и плетенные золотом и серебром, бархатные, кожаные. Их усаживали камнями, золотыми и серебряными бляхами, жемчугом. При поясе висели капторги², тузлуки и калита (кошелек). За один из поясов возгорелась война. Князь Василий Косой и Дмитрий Шемяка пировали однажды на свадьбе у родного своего дяди, В. к. Василя, в 1433 г. Все были веселы, и все изумлялись драгоценному поясу Василя Косого. Между тем наместник Ростовский, Петр Константинович, узнал и сказал о том Софии, матери В. к. Василя, которая, обрадовавшись своей находке и забыв пристойность, сняла пояс с Косого. Произошла ссора, Косой и Шемяка оставили дворец с гневом, отправились в Галич, собрали войско и начала неприятельские действия. Этот золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными камнями, первоначально был подарен кн. Суздальским Дмитрием Константиновичем нареченному его зятю князю Дмитрию, впоследствии Донскому; тысяцкий Василий во время свадьбы этого князя (1367 г.) тайно обменял его на другой, гораздо меньшей цены, и отдал сыну своему Николаю, женившемуся на Ма-

¹ Воскр. Лет. Ч. II. С. 223.

² Застежки.

рии, старшей дочери князя Суздальского. Переходя из рук в руки, этот пояс достался Василью Косому.

Кушаки. Кушаки складывались несколько раз. Они были шерстяные, шелковые, а иногда переплетались золотом и серебром, концы кушаков висели впереди. За кушаками и за поясами висели, по азиатскому обычаю, кинжалы (*кинджары*) и ножи¹.

Наряд XIII века. Почти такой же наряд был в XIII веке. Но здесь встречаем гораздо более описаний о женском одеянии и их уборе.

Костюмы мужчин в XIII веке. Мужчины в это время носили епанчи, подобно немецким, покрывали головы остроконечными и довольно высокими колпаками из войлока. Рубреквис при этом говорит, что костюм русских женщин мало имел различия с европейским вообще.

Костюмы мужчин в XVI веке. Павел Юлий, писавший в начале XVII века, хвалил **наружность русских**, а Олсариус хвалил русскую мощь и дородность, причем, говоря о костюмах того века, упоминал, что мужчины любят подпоясываться под брюхо, отчего животы казались отвислыми. Барон Герберштейн, посол германского Императора Максимилиана, один из лучших наблюдателей наших нравов, сохранил в точности названия костюмов.

Зипун. Исподняя одежда называлась *зипун*, как у царей, так и у крестьян. Это было платье узкое и короткое, иногда достигавшее до колен и редко до икр. В *кроильной* книге царского двора длина зипуна означена в один аршин, когда платье, сделанное на то же лицо во весь рост, имело в длину два аршина три вершка. У людей простых и небогатых зипуны делались из крашенины, зимние из сукна, у людей достаточных – из легкой шелковой материи, напр. тафты, часто белого цвета, с пуговицами. Иногда рукава зипуна приделывались из другой материи, например зипун был из белого атласа, а рукава – из серебряной об-

¹ Собрание Госуд. гр. и догов. Ч. I. С. 33.

яри. Но часто зипуны были совсем без рукавов. Воротники к ним делались узкие и малые, а иногда к зипунам, как и к рубахе, пристегали шитый, разукрашенный жемчугом и камнями отдельный воротник, называемый *обнизью*. Таких обнизей хранилось много, и их пристегивали по мере надобности показаться наряднее или проще. Они были разной величины: большие и малые.

Сарафанец. Кроме зипуна, в XVI веке была подобная же комнатная одежда, называемая сарафанец, как кажется, начавший выходить из употребления в XVII столетии. Их носили вместо зипуна с обнизьюми. Они были длинные.

Кафтан, кафтанец. Кафтан достигал до пят или же только до икр, чтоб оставлять напоказ расшитые золотом сапоги. По своему произношению видно, что он перенят у татар. Кафтанец был тот же кафтан, только короткий. Рукава у кафтанов были очень длинные, так что достигали до земли, и собирались в складки или брыжи, так что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и таким образом концы рукавов заменяли перчатки или муфты зимою, и удобство брать руками что-либо горячее. В нарядных кафтанах концы рукавов украшались *запястьями*, то есть вышивкою золотом, серебром, жемчугом и даже дорогими камнями. Разрез на кафтане был только спереди и оторачивался тесьмою, а равно и подол. К этой тесьме прикрепляли металлическое кружево (золотое или серебряное), сделанное с разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно с разрезами, по обеим сторонам делались нашивки из другой материи и другого цвета в виде четырехугольников или кругов, и на эти нашивки пришивались завязки с кистями и шнурки, чтобы застегивать кафтан; иногда же вместо завязок делали на одной стороне пуговицы. В XVI в. кафтаны застегивались чаще завязками наподобие татарских. Но русские отличали свои от татарских тем, что застегивали не на левую, а на правую сторону. Впоследствии начали употреблять

чаще пуговицы от 12 и до 30 на кафтане. Они все были на груди. Остальная часть разреза всегда была незастегнутою. Воротники на кафтанах всегда были узкие и малые; из-под них высывалась обнизь зипуна или рубашки. Но иногда к кафтану пристегивалось отложное ожерелье, расшитое золотом и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда материями низшего достоинства, чем лицевая, и сверх того кафтаны, кроме тесьмы, по подолу под нею и выше нее окаймлялись полосой материи другого цвета, чем кафтан; она называлась подпушкою. Зимние кафтаны делались на мехах, но обыкновенно легких, напр. на собольих пупках или беличьих черевьях; такие теплые кафтаны назывались *кожухами*.

Чуга. Так называлась верхняя одежда, приспособленная к путешествию и верховой езде. Это был узкий кафтан с рукавами только по локоть и короче обыкновенных кафтанов, как это видно из кройки ее, ибо кафтан был длиною в два аршина 6 вершков с рукавами длиною в 1 аршин 5 вершков. Чуга же для той же особы была длиною в один аршин с тремя четвертями и с рукавами в 9 вершков. Чуга подпоясывалась поясом, за который закладывался нож и ложки, а на грудь привешивалась перевязь с дорожною сумою. Те же принадлежности, какими украшались кафтаны: нашивки, кружева, подпушки – делались по желанию и на чугах; чуги застегивались всегда пуговицами.

Ферязи. Так назывались встарь мужские одежды, надеваемые, как и кафтаны, на зипуны. Они были с длинными рукавами, широкие в плечах и уже кафтанов в подоле, почти всегда без кружева и отложного ожерелья, летом из какой-нибудь материи, зимою теплые, на мехах. Трудно себе представить, чем отличалась эта одежда от кафтанов. У Флетчера при описании русской одежды она поставлена третьим верхним платьем, первое – зипун, второе или среднее – узкий кафтан с ножом и ложкою за поясом (под которым этот англичанин разумел чугу). Третье – ферязь,

просторное платье, окаймленное позументом. У Олеария, напротив, говорится, что русские надевали рубаху и штаны, потом зипун, на зипун ферязь, сделанную из какой-нибудь легкой материи, а на ферязь – кафтан (Olear. 181), так что у Олеария выходит четыре одежды, с верхнею или накидною, а ферязью называлась одежда средняя между зипуном и кафтаном.

Во всяком случае, по словам профессора Костомарова, ферязь была комнатная одежда: название это персидское. На ферязях были нашивки, называемые *образцами*. Нашивки эти имели форму круглую или четырехугольную и отделялись друг от друга другой материей. Ферязи застегивались *завязками*.

Кроме кафтана, чуги и ферязей, к разряду средней одежды принадлежали: *армяк, тегилый, терлик*.

Армяк, армяк. Армяки делались с прорезами, с кружевами, с образцами, как ферязи, и с вышитыми воротниками. Его полы не сходились вместе, а закидывались одна на другую.

Тегилый. Эта одежда имела множество пуговиц, как, например, 68 или 56. Особенности покроя неизвестны.

Терлик. Терлик, по словам проф. Костомарова, напоминает чугу потому, что он употреблялся для верховой езды и, надо предполагать, составлял короткое платье поверх кафтанов.

Опашень. Однорядка. Так называлась летняя верхняя одежда, так как в царских выходах она упоминается только летом. Осенью и весною, вообще в ненастную погоду, надевали *однорядку*. Как опашень, так и однорядка делались широкие, длиною до пят, с длинными рукавами, с кружевами по краям разреза, нашивками по бокам, вдоль разреза застегивались пуговицами; иногда к воротнику пристегивалось ожерелье (шитый золотом и унизанный жемчугом воротник). Опашени делались из сукна, а у богатых и знатных нередко из шелковых материй. Однорядка всегда из сукна.

Охабень. Охабень был плащ с рукавами и с капюшоном сзади.

Ферезя. Плащ с рукавами, надевался во время пути.

Епанча. Эта одежда была двух родов: одна дорожная из медвежьей шерсти или грубого сукна, другая – нарядная из богатой материи, подбитая мехом, более из пышности, чем для тепла. Последнего рода епанчу надевали, когда выезжали верхом и красовались пред народом; она делалась без рукавов и без прорез для рук, накидывалась на плечи и застегивалась на шее пуговицами или завязками.

Шубы. Шубы были самым нарядным платьем для русского, потому что русские при бедности природы своего отечества только и могли щеголять перед другими народами, чем мехами. Множество мехов составляло признак довольства и зажиточности. Случалось, что русские не только выходили в шубах на мороз, но сидели в них в комнатах, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бедных были шубы овчинные, или тулупы, и заячьи, у людей среднего сословия и состояния – беличьи и куньи, у богатых – собольи и лисьи разных видов: лисиц черно-бурых, черных, серых, сиводушчатых. Делали также шубы из горностаев, вероятно, только из щегольства. На шубы употреблялись различные части звериного меха, не смешивая одну с другою. Шубки делались на путках, черевах и хребтах и поэтому имели свои названия; шубы обыкновенно покрывались сукном, но часто и шелковыми тканями. На них помещались по бокам разреза нашивки из другой материи, на которые пришивались петли и пуговицы, а самый разрез окаймлялся металлическим кружевом. Впрочем, цена мехов и их достоинство, многие предпочитали носить нагольные шубы. Так, однажды, говорит проф. Костомаров, царь Михаил Федорович сидел за парадным столом в нагольной шубе. Вообще шубы различались в этом отношении на нарядные и санные. В первых только ходили в цер-

ковь, в гости, да являлись дома перед гостями напоказ. В последних выезжали в дорогу¹.

Кунтуш (польская одежда). Это была тоже ферязь с нашивками, и пуговицы на нем были до пояса.

Доломаны, как и кафтаны, представляли короткие платья с пуговицами и прорезами на боках.

Материи, употреблявшиеся для русской одежды. Мужчины небогатого сословия носили одежду из зуфи (род камлота), а в высокотожественные дни – сукном крытую одежду и шелком, которая предпочиталась. К числу шелковых материй принадлежали *дороги*, *киндяки*, тафта, камки, бархат, обьяр, алтебас и изорбек. Вкус того времени требовал самых ярких односложных цветов, черные цвета употреблялись как траурные. По понятиям того времени, яркие цвета внушали уважение в народе, и потому-то сами цари, как говорит проф. Костомаров, приказывали подчас являться начальствующим лицам пред народом в яркого цвета одежде, вероятно, потому, что наш простой народ ходил в некрашенных, по недостатку умения, костюмах, и потому преимущественно серого цвета. Каждый другой цвет на него действовал поразительно.

Встарь были в моде штофы и парчи. Из тогдашних шелковых материй известны были самые ценные: бархат, атлас, алтабас и зорбек; алтабас и зорбек привозились с востока и употреблялись на самые драгоценные одежды царей и знатных бояр. Золотое платье считалось принадлежностью достоинства у бояр и думных людей, окружающих царскую особу и когда принимали послов, то всем, которые не имели такого рода платьев, раздавали их на время из царской казны. Особенная драгоценность русских мужских нарядов заключалась преимущественно в нашивках, ожерельях, запястьях, кружевах и пуговицах, иногда с куриное яйцо, иногда жемчужные. Нашивки делались из другой материи, отличной от той, из которой сшита вся одежда.

¹ А. И. III. 334.

Перчатки, рукавицы. Длинные рукава заменяли рукавицы; но русские цари надевали **перстатые рукавицы**, то есть перчатки, и то во время холода, и, разумеется, на меху, отороченные бобром¹, после эти рукавицы появляться стали и у прочих, причем большие назывались рукавицы, а маленькие – *рукавки*.

Шапки. Русская шапка была четырех родов; зажиточные люди, следуя восточным обычаям, носили маленькие шапочки, называемые *тафьями*, которые прикрывали только одну маковку, их расшивали шелками, золотом, унизывали жемчугом. Их носили, как и в начале нашего XIX столетия знатные особы ермолки и фески в комнатах; а царь Иоанн Васильевич Грозный ходил в ней и в церковь и за это поссорился с митрополитом Филиппом. Другой вид шапки, остроконечный, назывался *колпак*. Богатые делали колпаки из атласа, обыкновенно белого, по его окраине пристегался околышек, называемый ожерельем, который унизывали жемчугом или жемчужными пуговками. Сверх того, на передней стороне колпака прикалывали золотую запону. Зимой такой колпак подбивался мехом, который заворачивался кверху и наружу широкою полосой. Эти колпаки делались с продольными разрезами наперед, а сзади до половины. Разрезы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегивались пуговками. Этой формы шапки носили и бедные мужики из сукна или из войлока, зимою подбитые овчиною или каким-нибудь недорогим мехом. Третий род шапок был – четвероугольная низкая шапка с меховым околышком из черной лисицы, соболя или бобра. Летом этот околышек пристегивался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мехом или хлопчатой бумагой. На ней делались также прорехи, как и на колпаке, с пуговками по шести на каждой прорезе. Вершок ее был чаще всего вишневого, червонного, зеленого и часто иногда черного цвета: избегая черного цвета в костюмах, русские считали его приличным

¹ Поэрле. 36. Кильбург. 76.

на шапках. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были в народе. Четвертый род шапок были так называемые *горлатные шапки* – исключительная принадлежность князей и бояр. Одинаковость одежды у всех сословий здесь имела границы. По шапке можно было заключить о происхождении и достоинстве. Может быть, отсюда возникла и самая пословица: «по Сеньке и шапка». Высокие шапки означали знатность породы и сана. Так что, как бы не оделся посадский, он не смел надеть высокой шапки, и даже в самих колпаках обыкновенной народной шапки высота соразмерялась с достоинством рода.

Горлатные шапки делались из драгоценных мехов с высоким верхом, иногда меховым. По своей фигуре она составляла обратную противоположность колпаку, ибо кверху была шире, книзу уже; спереди делалась прореха, окаймленная вдоль образцами или плащами с насечками. На одной стороне прорехи делались петли, густо обложенные жемчугом, изображавшие какую-нибудь фигуру. Во время парада боярин надевал тафью, на тафью колпак, а на колпак горлатную шапку. Так же и в царских выходах царям подавались шапки с колпаком. Знатные люди считали приличием и достоинством своего сана кутать как можно более голову, и часто в комнате за нарядными столами сидели в своих тяжелых шапках. Когда они возвращались домой, то, сняв шапку, надевали ее на болванец, расписанный нарядно иконописцами и составлявший украшение в доме.

Стрижение и бритье головы. Обычай окутывать голову поддерживался тем, что русские по восточному обычаю очень плотно стриглись, иногда даже и брили голову. Только те, которые теряли родных или попадались в царскую немилость, отращивали себе волосы в знак печали. Зато все носили бороды, и чем она была длиннее, тем осанка человека считалась почтеннее и величественнее, каждый, имевший ее, носил с собою гребешок и поминутно охорашивал. При Василии Иоанновиче начало было входить в обычай

бритье бород, и сам Великий князь последовал этому обычаю, но духовенство вопияло против него, и Стоглав предал неблагословению Церкви дерзавших отступать от дедовского обычая. Под влиянием церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и если у кого от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело¹.

Серьги, цепи. В дополнение блеска своих одежд русские украшали уши свои серьгами или одной серьгой и вешали на шею драгоценные золотые или позолоченные цепи, а к самым цепям прикрепляли крест; и такие цепи передавались вместе с крестами от родителей к сыновьям как залог благословения; так же цари жаловали своих приближенных. Иногда они были так массивны, что весили до двух фунтов.

Перстни, печати. На пальцы надевали русские множество перстей с алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, с вырезанными на них печатями. Можно было встретить перстни в золотых ободочках и с железною печатью. В старину не было наследственных и гербовых печатей, а каждый делал на перстнях рисунки, какие заблагорассудится. Распознавать камни русские не умели, и потому их было много².

Носовые платки. Для отирания носа русские носили платки, которые у зажиточных делались из тафты и оторачивались золотою бахромою. Но их хранили не в карманах, а в шапках, и когда сидели в гостях, то держали в руках шапку, а в ней платок. Впрочем, не считалось неприличным высморкаться и двумя пальцами, даже и за столом, и потом обтереть руки о скатерть. Простонародье не знало платков.

Оружие. В довершение костюма люди знатные привешивали сбоку оружие, даже не в военное время. Право носить оружие предоставлялось только служивым и тем,

¹ Fletch. 241. Olear. 371. Врем. VII. Матер. для Ист. икон. 73 и пр.

² Времен. VII. 28–37. Коших. 22. А. И. II. 406. С. г. гр. I. 271. 406.

которые по своему происхождению его заслуживали, именно: боярам, окольниковым, стольникам, иноземцам, начальным людям, дворянам и детям боярским. Простолюдином, посадским и крестьянам запрещалось ходить с оружием (С. г. гр. 467). Знатные и незнатные не иначе выходили из дому как с тростью или палкою, которая отделялась набалдашником или наконечником из кости или металла: палки или посохи у богатых и знатных снаружи отделялись перламутром¹. Посох служил эмблемою steepенности или важности, поэтому цари не иначе выходили из своих палат, как с посохом.

2. Женский костюм

Женский костюм, по свидетельству очевидцев, был похож на мужской, тем более что последние были по большей части длинные. Но, однако, в одеждах двух полов были и особенности, так что можно было с первого раза отличить женщину издали. Не говоря уже о головных уборах, к самым одеждам, носившим те же названия, как и у мужчин, прибавлялось слово «женский», напр. женская шуба, женский опашень.

Женская рубаха, исподница была длинная с длинными рукавами, цвета белого или красного. Красные рубахи считались нарядным бельем. К рукавам рубахи пристегивались запястья, вышитые золотом, серебром, и украшались жемчугом.

Летник. Сверх рубахи надевался летник; одежда эта не была длинна, и по крайней мере, не доходила до пят, как это видно из кроильной книги, где на царицу Евдокию Лукьянову полагается длина летника в аршин три четверти, тогда как длина другой одежды на ту же особу простиралась до двух аршин с полувершком. Рукава его были так длинны, как целый летник, и чрезвычайно широки, напри-

¹ Кильб. 32.

мер, до тринадцати вершков, и даже до тридцати. Эти рукава назывались *накапками*: они нашивались золотом и ушивались жемчугом. Подол обшивался другою материей с золотою тесьмою, со шнурком и бахромою. Вдоль одежды, на передней стороне, делался разрез, который застегивался по самое горло, потому что приличие требовало, чтобы грудь женщины была застегнута как можно плотнее. Зимой летники подбивались мехом и назывались *кортелями*.

Принадлежность летника составляли *вошвы*, то есть вшитые места; но трудно решить, где они вшивались. Некоторые полагали, что они пристегивались к рукавам, но так как они были очень широки, например в 17 вершков, то едва ли можно было пришить их к рукавам или накапкам, которые были и без того широки. А если только они были то же, что накапки, то, может быть, они накладывались на полы летника по обеим сторонам разреза, как нашивки на мужских кафтанах. Эти вошвы были всегда расцвечены и распещрены разными в виде листьев, трав, зверей и т. п.

Материи на летники употреблялись легкие, как у мужчин для зипуна, например, тафта; но иногда из тяжелых золотоцветных материй и сребротканых. На подкладку употребляли менее ценные материи, например, *киндяки* или *дороги*. Цвета были различны. Упоминаются летники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Небогатые женщины носили летники из зуфи, дороги, киндяка, а вошвы расшивали шелками и цветной пряжей.

К летникам, как к мужским зипунам, пристегивалось шейное ожерелье. У женщин оно теснее прилегалo к шее, чем у мужчин, и потому иностранцы находили сходство его с собачьим ошейником. Оно состояло из тесьмы, вышитой золотом и унизанной жемчугом; к воротнику летника оно пристегивалось пуговками, числом до пяти¹.

¹ Допол. к акт. ист. I. 76. Паэрле. 54. Ак. юр. 47. 444. Оп. г. Шуи, 403. Врем. IV. См. 22.V. См. 25.

Женский опашень. Это была одежда длинная с частыми пуговками сверху донизу. У богатых пуговицы были золотые и серебряные, а у бедных – оловянные. Эта одежда делалась из сукна красных цветов; рукава были длины до пят, но пониже плеча были проймы, сквозь которую легко проходила рука, а остальная часть рукава висела. Таким образом, женщина могла показывать не только широкие накапки своего летника, но и запястья своей рубашки, шитые золотом. Кругом шеи пристегивался широкий меховой, обыкновенно бобровый воротник, называемый *ожерельем*, круглого вида, покрывавший грудь, шею и спину. По разрезу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой материи, расшитой шелками и золотом¹.

Телогрея. Эта одежда составляет другой вид верхней женской одежды. В подробности отличие покроя ее неизвестно. В плечах делалась она уже, к подолу шире; рукава были длинные с проймами, как в опашне, на краях этой одежды пристегивалось запястье из другой материи, обыкновенно вышитое; подол имел подпушку широкою полосой другой материи, а разрез окаймлялся металлическою тесьмой или таким же кружевом, на которой нашивались пуговицы числом 16.

Женские шубы отличались от мужских; эта шуба, кажется, не всегда была теплая. Если летник в женском платье сходствовал с зипуном у мужчин, то опашень и телогрея соответствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кроме шубы, встречаются названия женских охабней, однорядок, ферязей, которые женщины носили с поясом; в других случаях эти верхние одежды вообще назывались *шубы*. Меховые женские шубы делались на соболе, куницах, лисицах, горностах, белках, зайцах, смотря по состоянию, покрывались сукнами и шелковыми материями, как то: обьярью, камкою, атласом, тафтою – цветов червчатого, желтого, зеленого

¹ Акты от. к юр. б. 563; А. И. I. 211. 63. Olear. 183. Carl. 333. Cruil. 138, и пр.

и белого. Последний цвет на женских шубах был в употреблении в XVII веке, покрывались часто цветными тканями с золотыми узорами. От верху до низу напереди был разрез; он застегивался пуговицами и окаймлялся кружевом металлическим кованым, или плетеным, либо шелковым, расшитым золотом и усаженным дробницами. Вдоль разреза по обеим сторонам делались нашивки с золотыми вышивками и с кистями, а по шее пристегивалось к шубе ожерелье из другого меха так, что если шуба была беличья или лисья, то ожерелье бобровое. Рукава женских шуб украшались по краям кружевом, они особливо снимались и хранились, переходя от родителей к детям, как фамильная драгоценность¹.

Подволока. В торжественных случаях женщины надевали на себя сверх обыкновенного платья богатую мантию, называемую по-русски «подволокою». Она делалась из шелковой материи червленной и белой, но чаще всего из золотой или серебряной с вошвами (вероятно, вшитыми местами). Края этой мантии обшивались золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями; они пристегивались к подволоке и снимались, когда было нужно. Они назывались подволочным заперньем².

Головные уборы женщин. Женщины любили украшать голову и вместе с тем прикрывать волосы (замужние).

Волосники и подбрусники. Эти головные уборы, наподобие скуфьи из шелковой материи, нередко из золотой, делались с узлом, посредством которого можно было их суживать, и с ушивкою или оторочкою по краю: эти ушивки унизывались жемчугом и камнями и перешивались с одного волосника в другой, и таким образом переходили из рода в род. Волосник играл большую роль в судьбе замужней женщины, ибо он был символом брачной жизни и составлял необходимую принадлежность приданого.

¹ С г. гр. 1. 303 340 407. Olear 220. А. И. I. 24 Доп. 1 76 0 г. Шуи. 132. 174 187.

² С г. гр. 1. 303 340.

По понятиям века, для замужней женщины считалось и стыдом, и грехом оставлять напоказ свои волосы. Опростошлосить (открыть волосы) женщину было большим бесчестием. Это и ныне считается за обиду, когда кто-нибудь сорвет с головы женщины платок или другой головной убор. Скромная женщина боялась в старину, чтобы кто-либо из членов семейства, исключая мужа, не увидел ее волос, а в новгородской земле вошло даже в обычай замужним женщинам брить свои волосы, но этот обычай не одобрялся Церковью.

Правило скромности переходило в щегольство; так что некоторые женщины, укрывая волосы подволосником, стягивали их так туго, что едва могли моргать глазами, это казалось им красиво. Поверх волосника накладывался ими платок, обыкновенно белый, и подвязывался под подбородок. Его висячие концы густо унизывались жемчугом. Этот платок назывался *убрусом* и считался домашним головным убором.

Кика, кичка. Кичка была шапка с возвышенною плоскостью на лбу, называемой *кичным челом*; чело было разукрашено золотом, жемчугом и драгоценными камнями, а иногда все состояло из серебряного листа, подбитого материей. По бокам делались возвышения, называемые *«переперы»*, также разукрашенные; из-под них ниже ушей спадали жемчужные шторы, числом около четырех или по шести на каждой стороне, и достигали плеч. Задняя часть кики делалась из плотной материи, соболиного или бобрового меха и называлась *«подзатыльник»*. По окраине всей кики пристегивалась жемчужная бахрома, называемая *«поднизью»*. Третий род головного убора был *«кокошник»*, у богатых обложенный жемчугом.

Когда женщина выезжала, то на убрус надевала шляпу белого цвета с полями, у богатых покрытой золотыми материями, жемчужинами и камнями, с этой шляпы спадали на спину длинные шнуры; когда шляпа была бело-

го цвета, шнурки обыкновенно были красные. Также надевали шапки очень часто черного цвета, из бархата или другой материи, отороченные дорогим мехом, иногда с золотой запоной наперед и с поднизью или кружевом по окраине. Девы носили на голове венцы, они имели форму городов или теремов. Например, изображение дома в несколько ярусов, отделявшихся один от другого жемчужными поясками. У венцов были поднизь, называемые «рясы». У других венцы были проще фигурой и состояли только из золотой проволоки в несколько рядов, которые иногда украшались кораллами и камнями.

Девичий венец всегда был без верха, потому что открытые волосы считались символом девичества. Очень часто эти венцы состояли из широкой повязки, вышитой золотом и усаженной жемчугом. Такая повязка суживалась на затылке и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину¹. Зимой девы покрывали голову высокою шапкою: собольею или бобровую, с верхом из шелковой материи; она называлась «столбунцем». Из-под шапки выпадали одна или две косы на спину, в которые вплетались красные или алые ленты. Иные вовсе не вплетали лент, не заплетали кос, а носили волосы распущенными по плечам; девы простого состояния носили повязки, которые спереди были шире, сзади суживались и наконец спускались на спину длинными концами. В знак печали женщины и девы постригали себе волосы. То же делали и бывшие помещики во имя осрамления женщины или девушки; такое пострижение считалось поводом к укоризне, сраму, поношению. Мы читаем в заговорах между прочим, прося от девки «простоволосой» избавления; не то ли же значение имеет девушка остриженная, то есть означенная ножничным стрижением косы вследствие проступка? Кто знает, может, ее боялись, как чумы, чуждались, и не от этих ли падших созданий при

¹ De Bruyns. 48.

строгих правилах наших укрепившихся издавна убеждений, часто неправильных, породилось понятие о ведьмах и других вредных существах из рода людей, которые, имея вид людей, решаются вредить и по смерти.

Женские серьги. Как женщины, так и девицы носили серьги. Как только девочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала в них серьги или кольца. Обычай этот равно сохранялся и у знатных, и у простолюдинов. Самая обычная форма серег была продолговатая; иные назывались двоичны, другие троичны (то есть двойные и тройные), а то одинцы (одиночные). Вообще русские серьги были продолговатые. На что бедные женщины, и те носили серьги, хотя, разумеется, медные, а тем более зажиточные – подчас серебряные и позолоченные, но что касается до богатых женщин, то серьги – золотые, украшаемые алмазами и другими камнями, о которых мы упоминали в запястьях и ожерельях. Причем употреблялись мелкие камешки, называемые «искорки».

Зарукавья, браслеты. На руках женщины носили зарукавья или браслеты, также с жемчужинами и камнями, а на пальцах их были, как у мужчин, перстни и кольца. Женские перстни отличались от мужских тем, что были без печатей, хотя не менее массивны и драгоценны; вообще отделка и форма таких ювелирных вещей не имела существенной разницы. Шея женщины или девицы была увешана множеством крестов, образков и несколькими рядами монист (наборов) жемчужных и золотых, часто составленных в виде цепочки, на которых рядами были коротенькие цепочки, каждая при этом снабжена крестиком. Кроме монист, знатные женщины носили золотые или позолоченные цепи, на которых висели разного рода финифтяные крестики.

Вообще на шеях и на груди знатных господ в Московии, как и повсюду, укладывались крупные капиталы и, между прочим, жемчуга так много, что в приданое везли

часто более пуда. Нужно заметить, что часто на свадьбах на одно платье шло жемчуга более пуда. Доказательством этого чуда дамских платьев прежнего времени можем привести следующее: платье Натальи Кирилловны, которое на нее надели после взятия во дворец и наречения царской невестой, было так тяжело от вышиваний и жемчуга, что у ней заболели ноги.

Румяна и белила. Русские женщины любили румяниться и белиться, но так как в то время парфюмеров не существовало, может быть, белил и красок порядочных не было, то женщины, по замечанию Олеария, сами по себе красивые, белились и румянились до того, что совершенно изменяли выражение своего лица и походили на размалеванных кукол. Кроме того, они размалевывали себе шею и руки белой, красной, голубой и коричневою красками; окрашивали ресницы и брови и при том самым уродливым образом – чернили светлые, белили черные. Даже те из женщин, которые были хороши собою и сознавали, что они хороши и без разных посторонних прикрас, должны были белиться и румяниться, чтобы не подвергнуться насмешкам. При Михаиле Феодоровиче одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотела румяниться, так тогдашнее общество издевалось над нею, – так силен был обычай; а между тем Церковь его не оправдывала, и в 1661 году новгородский митрополит запрещал пускать в церковь набеленных женщин¹.

Платки. Ширинки. В руках у женщины был платок, называемый ширинкою: у богатых эти ширинки были шелковые с золотыми каймами и кистями.

Зонтики. Зонтики были в употреблении у знатных господ, их носили над ними рабыни².

Одежда поселянок. Бедные поселянки ходили в длинных рубахах; на рубахи надевали летники, иногда белого

¹ Olear. 180. Crull. 139. Petr. 307. – А. И. IV. 297.

² О г. Шуй. 174. Mejerb.

цвета, похожие также на рубаху, иногда крашенные, а голову повязывали платком из крашенины или шерстяной материи, подвязывая его под подбородок. Сверху всего, вместо накидного платья, поселянки надевали одежду из грубого сукна или сермяги, называемую «серник».

При большой зажиточности поселянки носили на головах платки шелковые, а сверху летника – однорядки из красной или синей крашенины, зенденя или зуфа; зимою носили овчинные тулупы. Девуцы делали себе кокошники из древесной коры вместо короны. Впрочем, при малейшей возможности муж не скупился принарядить свою жену. В те времена у посадских и у крестьян встречались такие богатые наряды, каких теперь трудно отыскать в этих классах. Их дорогие одежды были скроены просто и переходили из рода в род; о том, чтоб платье сидело хорошо, – не имели понятия. По большей части шили и кроили одежду дома, так как за стыд считалось для хорошего семейства отдавать одежду на сторону. В одеждах не было талии, не существовало гармонии в цветах, а заботились только о том, чтобы одежда была крепко сшита.

Красота женщины. По русским понятиям, красота женщины состояла из толщины и дородности. Женщина стройного стана не считалась красавицею. При этом, по словам г. Костомарова, русские любили женщин с длинными ушами, и некоторые щеголихи вытягивали их себе насильно. Этот обычай как нельзя более согласовался с раскрашиванием и с покроем платья, непонятным уже для нас вкусом, которые ныне считается *безвкусием*.

Сохранение одежды. Как мужские, так и женские одежды почти всегда лежали в клетях, в сундуках под кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительным средством от моли и затхлости. Только в большие праздники, в торжественные случаи, как, например, свадьбы, их доставали и надевали. Так же хранили платье в клетях.

ОБРАЗ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ

У славян всегда почитали старших себя. Глава семейства был родоначальник или отец. Жена, дети, родственники и слуги повиновались этому главе беспрекословно. Великодушные славян было известно даже врагам, потому что самые враги могли найти приют, защиту и хлеб-соль в доме каждого славянина.

Предки наши отличались трезвостью, умеренностью, почтительностью в отношении к старшим себя, почему и существовало общее согласие и любовь. К тому же они отличались долговечностью, здоровьем и веселостью. Любили хороводы, пляску, музыку и песни. Мало зная болезней, привыкнув к стуже с молода, они легко переносили бесследно для своего здоровья все атмосферические перемены.

Простой, безупречно честный народ не положил на себя упрека, а между тем оставил и посейчас следы своего добродушия, словоохотности и хлебосољства.

Хлебосољство. Как остаток старины, мы встречаем и сейчас его в отдалении от столиц и больших городов. Там и до сего времени существует обычай, чтобы проезжего и прохожего пригласить к себе в дом, накормить и успокоить его по возможности. Так было и встарь. Со случайного прохожего за хлеб-соль денег не брали, существовала пословица, что «Хлеб-соль разбойника побеждает». Это добродушие существует и по сие время в Малороссии как стране, где колыбель русского христианства, да и во всей остальной России. Эту прекрасную черту, наследие наших предков, можно было в прежнее время видеть как между помещиками, так и в крестьянском кругу. Хозяева обижались, если их гости мало пили и ели. И потчевание постоянно сопровождалось поклонами и чествованиями. Когда бывало гость был не в состоянии более есть и пить, тогда хозяин со своею женою и детьми становился перед ними на колена (если

гость более уважаемый) и умоляли его: еще хоть немножко! Еще что-нибудь отведай, и так далее.

Набожность. Садился ли кто за стол или вставал из-за стола, то непременно осенял чело свое крестным знаменем. В древние времена вставали до восхождения солнца, молились тотчас Богу, испрашивая Его помощи на все добрые дела, и, не помолясь, не начинали никакого дела. Отправлялись ли в дорогу, строили ли дом, засевали ли поле, всегда ходили прежде в церковь помолиться. В важных и опасных предприятиях исповедовались и причащались. Выступая в поход или осаждая приступом город, все воины исповедовались и причащались и потом шли бесстрашно на смерть. Сражаясь за отечество, охотно умирали мучениками, быв убеждены, что их души примут ангелы и отнесут в царство вечного блаженства. Такое действие веры укрепляло и укрепляет наш народ среди его продолжительных невзгод и бедствий, как встарь, так и по сие время. И посейчас наши войска прежде молебна не отправятся в поход¹.

Время сна и бдения. Предки наши, безразлично как богатые, так и бедные, как знатные, так и простые, вставали рано: летом с восходом солнца, осенью и зимою за несколько часов до света. В старину счет часов был восточный, заимствованный из древней Византии вместе с церковными книгами. Сутки делились на ночные и дневные часы. Час солнечного восхода был первым часом дня. Час заката — первым часом ночи. Таким образом, число часов могло быть равно только во время равноденствия. А потому это время и принималось за норму. Из двадцати четырех суточных часов двенадцать относили ко дню, а другие двенадцать к ночи, несмотря на то, что на самом деле во время зимнее число ночных часов доходило до семнадцати.

Седьмой час утра по нашему часоисчислению был первым часом дня; седьмой час вечера — первым часом ночи.

¹ На этот случай прекрасный пример можно видеть из жизни Владимира Мономаха.

Счисление это находилось в связи с восточным богослужением. На исходе ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы – первый, третий, шестой и девятый – знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня – окончание дня. Русские на основании таких познаний о суточном времени согласовали свой домашний образ жизни с богослужебным порядком и в этом отношении делали его похожим на монашеский. Разумеется, что такой порядок мог иметь место только там, где спокойная и обеспеченная жизнь на одном месте позволяла располагать временем по произволу.

Молеельни, моленны. У зажиточных людей <при возможности> почему-либо, хотя бы по болезни, уходить и выезжать в приход, были свои домовые церкви, свои священники-духовники, содержимые на жалованье. Но эти церкви были только у бояр, у знатных лиц. Между тем у лиц, более или менее зажиточных, имевших собственное недвижимое имение (богатых обывателей), нередко были устроены особенные комнаты, в которых не было ничего более, кроме образов, аналоев, священных книг и прочих предметов, относящихся до молитвы. Такие комнаты называли *образницы, божницы, крестовые*. В этих комнатах находилось больше образов, чем в прочих. Хозяин как домовладыка читал пред всеми вслух молитвы утренние, куда являлись и слуги, и домочадцы. Разумеется, в этом случае зажигались лампы, свечи и курился ладан. Кто мог петь, пел. Священник в таких моленнах служил вечерню, заутреню или всенощную, иногда молебен.

Окончив молитвословие, погашали свечи и лампы и расходились по своим занятиям, задернув пеленами¹ образа. Там, где муж допускал жену по домашним занятиям и по дому, то хозяйка держала с мужем совет, что делать на предстоящий день, заказывала кушанье и задавала на целый день уроки в работах служанкам. В таких домах на хозяйке лежало много обязанностей; она должна была

¹ Занавесями.

трудиться и показывать собою пример служанкам: раньше всех вставать и других будить, позже всех ложиться; если служанка будила госпожу, это относилось к стыду госпожи. При деятельной жене муж ни о чем не заботился по домашнему хозяйству, так что жене должно было знать всякое дело лучше всех тех, которые исполняли работу.

Дворецкие и ключники. В больших боярских домах хозяйка не знала занятия по дому, а этим занимались ключники и дворецкие. Например, дворецкий (мажордом, метр дюпале) заведовал всем хозяйством, как относительно порядка в доме, так стола и домашнего хозяйства, и вместе с тем властвовал над холопами. При таких управителях, какими считались ключники и дворецкие, хозяин дома имел свой надзор только над лошадьми, над полями, над мельницами, над скотными дворами и прочее, а хозяйка — над работами относительно разного женского рукоделия. В больших боярских домах сенные девушки, которых было очень много, были подведомственны исключительно хозяйке. Ключники распоряжались приготовлением стола, часто без ведома хозяина, по годовой росписи.

Обеденный обычай. В полдень наступало время обеда. Холостые лавочники, парни из простонародья, холопы, заезжие в городах и посадах наполняли харчевни; люди домовитые садились за стол дома или у приятелей в гостях.

Цари и знатные люди, живя в особых покоях в своих дворах, обедали отдельно от прочих членов семейства и семьи. Жены их и дети трапезовали особо. Но незнатные дворяне, дети боярские, посадские и крестьяне — хозяева оседлые — обедали вместе с женами и с прочими членами семьи. Впрочем, иногда семейные члены, составлявшие со своими семьями одно семейство с хозяином, обедали от него особо. Во время же званных обедов особы женского пола никогда не бывали там, где сидел сам хозяин с гостями. Стол накрывали скатертью, но не всегда это наблюдалось, очень часто люди незнатные обедали без скатерти и

ставили на голый стол соль, уксус, перец и клали ломтями хлеб. Двое домашних слугителей заведовали порядком обеда в зажиточном доме: ключник и дворецкий. Ключник в поварне при отпуске кушаний, дворецкий при столе и при поставце с посудой, стоявшем всегда против стола в столовой. Несколько слуг носили кушанье из поварни. На обязанности дворецкого и ключника было пробовать кушанье, резать мясо на куски.

Царский стол. В обыденном царском быту каждое поданное кушанье отведывал прежде всего повар в присутствии дворецкого, который являлся пред каждою переменою с толпою жильцов. Сдав кушанье жильцам, дворецкий шел впереди их в столовую и передавал кравчему, который также отведывал и ставил перед царем. Обыкновенно кушанье подавали, где мясо было изрезано в тонкие куски, так что можно было взять каждый из них в руки и поднести ко рту. От этого тарелки, поставленные в начале обеда перед обедавшими, не переменялись, потому что каждый брал руками с стоявшего перед гостями блюда куски и клал в рот, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать в нее обгрызенную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человека в одной мисе, и все ели из нее своими ложками. Такой способ обедать приводил в омерзение иностранцев, чуждых наших обычаев. Также не нравилось иностранцам и то, что русские за столом зевали, потягивались, рыгали, и — запах чеснока, лука и гнилой рыбы.

Прежде всего за обедом пили водку и закусывали хлебом, потом подавали в скоромные дни холодные кушанья, состоявшие из вареного мяса с разными приправами, потом ели горячие, потом жареные; и далее разные взвары, за ними молочные кушанья, лакомые печенья и, наконец, овощные сласти. В постные дни тем же порядком подавали холодную рыбу или капусту, потом жидкие кушанья, далее жареную рыбу, взвары и, наконец, овощи. Как велось

при царских дворах, так бывало и у богатых бояр, разумеется с большею или меньшею простотою (упрощением). Нужно заметить, что на *званных обедах* бывало до 40 или 50 перемен, понятно при этом, что стряпчие, то есть слуги, подававшие кушанье, заслуживали уважение по своим трудам, а между тем подавали кушанье голыми и часто грязными руками.

Последствия званных и вообще обедов. После обеда хозяин пересматривал посуду и, находя все в порядке, хвалил дворецкого и стряпчих, потчевал их хмельным; иногда всех дарил, и вся прислуга обыкновенно обедала после господского стола.

После обычного обеда все гости ложились отдыхать, что было в обычае. Спали все – от царей до последнего из чернорабочих. Самая простая чернь отдыхала на улицах. Тогда-то на улицах в Москве «на Вшивой горке» (тогда на Вшивом рынке) собиралась толпа мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно покрыт волосами, будто полостью.

Время сна. Не спать, по крайней мере не отдыхать, после обеда считалось ересью, как и всякое отступление от предковых обычаев.

Вставши после обеденного сна, русские опять принимались за обычные занятия. Цари ходили к вечерне, а часов с шести вечера, по нашему счету, предавались уже забавам и беседам. Впрочем, смотря по важности дела, иногда бояре собирались во дворец и вечером, сидели там за делами часов около трех. В приказах собирались по вечерам. Был случай, что в 1669 году было постановлено правилом, чтобы приказные сидели с первого до осьмого часа ночи, так как это было зимою, то, вероятно, до десяти часов по нашему счету, считая нашим счетом первый час ночи на седьмой час дня суточного деления сообразно восточно-византийскому счислению, а четвертый, когда ночь действительно наступала в Москве. Вечер в домаш-

нем быту был временем развлечения; зимою собирались друг к другу родные и приятели в домах, а летом – в палатках, которые нарочно раскидывались перед домами.

Ужины. Русские всегда ужинали; а после ужина благочестивый хозяин отправлял вечернее моление, после чего уже не дозволялось есть и пить, и все в скорости ложилось спать.

Благочестивые ночи женатых. Сколько-нибудь зажиточные женатые лица имели всегда особые спальни с тою целью, чтобы не спать вместе в ночи пред Господними праздниками, воскресеньями, средами и досточтимыми почему-то пятницами и в посты. В эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились в спальнях пред образами. Ночная молитва считалась в то время будто бы приятнее Богу, чем дневная: «Тогда бы нощию ум ти есть легче к Богу и могут тя убо на покаяние обратити, нощные молитвы паче твоих дневных молеб...»¹.

Бани. Русские ходили в баню очень часто. Это считалось первою потребностью русской домашней жизни, довольно грязной по большей части. Обычай мыться по многим случаям доставлял удовольствие и наслаждение, да иначе и быть не могло по многим предрассудкам, а также и по многим домашним суевериям, тесно связанным с религиозными правилами.

Почти в каждом зажиточном доме находилась *мыльня*, а в городах, разумеется, с платежом, были, по уверению Котошихина, общественные и царские мыльни, за вход в которые платили деньги.

¹ Рук. Пол. собр. Публ. библ. № 1310.

Часть IV

МУЗЫКА, СЛУЧАЙНЫЕ ПРАЗДНОВАНИЯ, ПОХОРОНЫ, ОХОТА, ПРИСЛОВЬЯ, ПЕСНИ, ЗАГАДКИ И ПОГОВОРКИ

МУЗЫКА

Выражение удовольствия и радости высказывалось у наших предков пением, музыкою и пляскою и еще задолго до времени политической жизни Руси.

Византийские историки повествуют, что славяне, жившие по берегам Балтийского моря, не знали войны, или если и знали, то всегда предпочитали мир войне, любили удовольствия и мирные занятия.

Трудно решить, какие музыкальные инструменты прежде всего существовали у славян. Можно было догадываться, что прежде всего употребляли деревянные трости и также рога домашних животных. Поэтому можно полагать наверное, что дудка и рожок были у славян самым первым инструментом. Потом появилась жалейка, рог и свирель; наконец, волынка, гудок, балалайка, ложки и гусли.

Дудка – самый простой пастушеский инструмент, существующий и посейчас в Малороссии; он называется *сопелкою*.

Но дудку или сопелку нельзя смешивать со свирелью, потому что в книге пророка Даниила сказано, что в

Храме, построенном Соломоном, употреблялись *сопели, гусли, кимвалы, трубы, органы, свирели, самвики и псалтири* и всякого рода мусикийска¹.

Рожок. В руках хорошего музыканта может заменить кларнет в заунывных песнях. Тоже принадлежат к древним пастушеским инструментам.

Жалейка, или *сиповка*, образует двойную дудку, издает сиповатый голос.

Рог делается из двух деревянных согнутых стволов, похожих на военные трубы; употреблялся на охоте. Музыка роговая была в употреблении при Екатерине II. И любителем этой музыки был обер-егермейстер Нарышкин. Музыка эта была им введена за обильными пирами.

Свирель. Самый древний инструмент. Он состоял из семи вместе сложенных рядов створов, длина каждого из них различна, притом так срезан каждый из них, что первый длиною более вдвое сравнительно с последним. Изобретателем этого инструмента был бог Пан. Этот инструмент употреблялся долгое время пастухами в Украине и в Малороссии. В России их также употребляли на пирушках и в хороводах.

Волынка. Представляет весьма своеобразный по характеру инструмент, напоминающий собою гармонику или мех в валах; здесь действует воздух, заключенный в бараний мех, к которому приложены три дудки и трубочка. В трубочку, прикрепленную кверху, напускается воздух с двух противоположных сторон, определены две разной величины трубки, чрез которые воздух, проходя, дает басистые голоса, а третья небольшая трубочка имеет несколько отверстий сбоку, дает возможность играющему производить пальцами разные голоса и звуки.

Гудок. Этот инструмент струнный, походит на скрипку, на котором находится три струны; играют посредством смыч-

¹ Кн. прор. Даниила, гл. 3, с. 5–15. Паралипомен. гл. 5, с. 12–14. Кн. 3. Царств, гл. 40, с. 12.

ка. Рукоятка ее сверху загнута, как у баса, – с тремя колышками; по струнам водят смычком, и гудок производит гудение.

Балалайка. Всем известный трехструнный инструмент, высоко настраиваемый, служил для плясовых песен.

Ложки. Это два деревянные инструмента, напоминающие две сложенные вместе ложки. Рукоятки их унизируют сквозными бубенчиками и оставляют их висячими, подобно виноградным кистям; во время музыки трясут ложками, которые от движения шариков издают многообразные звуки. Тоны их многим нравятся лучше бубен.

Гусли. Они имеют вид легкой ручной арфы с медными струнами; строй их свободный, можно настраивать то очень высоко, то очень низко. Этот инструмент был известен в глубокой древности евреям. Еще Давид, будучи оруженосцем у царя Саула, часто усыплял его гнев кифарами и воспевал славу Божию¹. В Малороссии долгое время играли на гусях, но ныне они выводятся. Но у сербов этот инструмент существует и посейчас.

Трубная музыка. О трубной музыке впервые упоминается в Киевской летописи, именно в Слове о полку Игореве (Карамзин. История государства Российского. Часть III. Пр. 165), что при осаде Киева в 1151 г. князьями Георгием Суздальским и Владимиром Галицким осажденные и осаждаемые трубили в трубы и били в бубны. Во время междоусобия новгородцев с владимирцами (в 1216 г.) первые имели 60, а последние 40 труб и 40 бубен. Во время похода русских против волжских булгар (в 1220 г.) в нашем стану были трубы, бубны, сурны, сопели. В это время были известны флейты. В XVI веке они делаются повсеместны, как то видно из песни того же века:

То ляхи в бубны вдаряют
У свистинска да у трубы выгрывают,

¹ Исповедатися Господеви в гусях, во псалтыри десятиструнном, пойте Ему. Каф. 5, с. 2. Потом ап. Каф. 8, ст. 9. Каф. 10, ст. 22 и пр. См. Псалтирь с толкованием. Изд. Киев. Печ. Лав. 1814 г.

У се войско свое до купы у громаду скликают.
.....

В том же столетии появляются набаты, литавры (накры), флейты и сиповки.

Первоначальный вид труб нам не известен, но должно думать, что они были прямые, как у древних народов, и состояли из одного колена, и потом, изменяясь в устройстве, они получили ныне существующий вид, то есть трехколенные и прямые. К трубам привешивали кисти на шнурах и завесы четырехугольные: из парчи, камки, тафты с серебряной и золотой бахромой¹.

Бубнами или накрами называется подобие наших литавр. Это была небольшая медная чаша с натянутою поверх нее кожею. Конные привязывали ее к седлу, а пешие держали левою рукою и били *восчагою* из толстого ремня с прикрепленным на конце ее ременным шаром. У каждого воеводы был привешен к седлу *тулумбас* или *жулумбас*, поменьше описанных бубен, в который он сам бил во время надобности.

Сурни. Так называлась длинная узкая труба и прямая с закрытым нижним отверстием.

Набат. Так назывался большой медный барабан, который укреплялся на деревянном щите с помощью цепей: его утверждали на четырех рядом поставленных лошадях. Для удара в него употребляли восемь человек².

Каждый воевода имел свой набат, в который по его распоряжению били тревогу в войске, отчего произошло слово «бить в набат», то есть делать тревогу; но ныне эта тревога производится церковными колоколами.

Кроме музыки военной да музыки на свадьбах, духовенство запрещало ее вводить во всегдашнее употребле-

¹ В рис. к путешествию бар. Майерберга. Изд. гос. канцл. гр. П. Румянцевым в 1827, изобр. трубачи, играющие на трубах с завесами.

² Некоторые думают, что набат перешел к нам от татар. См. Историю одежд и вооружений. Ч. 1. С. 10.

ние на пирах, кроме живших в Москве немцев. Олеарий говорит, что однажды патриарх приказал собрать все музыкальные инструменты у частных лиц, нагрузивши ими пять возов, за рекой Москвой сожгли.

Простой народ бегал от музыки, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на том свете; раскаявшихся не допускали к причастию. Так было до Петра Великого, который успел рассеять мрак невежества убеждением, что музыка возвышает чувство, смягчает грубость нравов, доставляя самое невинное удовольствие.

В продолжение XVII столетия появились в России многие музыкальные инструменты, из которых перечислим:

Барабан. Был известен у римлян. Его употребляли для собирания воинов для войны. Приписывают сарацинам его изобретение. Эдуард III, король Английский, в первый раз услышал его при въезде в Кале в 1347 г¹.

Первоначальная наружность барабана была та же, что и ныне: деревянное лукошко вызолоченное или выкрашенное, два вокруг его обруча и две натянутые кожи составляли все его устройство. В полках носили барабан на широкой тесьме или на кожаном ремне, повешенном через правое плечо; хранили в суконных чехлах, называвшихся *нагалищем* и *чемоданом*.

Литавры были то же самое, что бубны, но больше видом, медные, а часто серебряные. К ним привешивали для украшения завесы камчатные, суконные из ярких цветов и обшивали шнурами и кистями. В литавры били небольшими палочками, с закругленным на конце шариком.

Варган тоже музыкальный инструмент, зашедший к нам из Польши, а Польша получила его из Германии, представляет небольшое металлическое орудие с язычком в середине. Приложив его на зубы и вдыхая в себя воздух, бьют пальцем по языку, который при этом производит

¹ Барабан – древнее название франконских славян. Baraban.

довольно приятные звуки по мере движения вдыхаемого воздуха.

Орган, от него испорченное слово варган, введен католическим духовенством при богослужении не ранее IV столетия; употребляется ныне почти во всех христианских церквах, кроме греко-российской. Органы из духовного преобразовались в танцевальные и застольные, а эти послужили к устройству клавиров, роялей, клавесин и шарманок.

Во времена Екатерины II существовала кавалергардская музыка, или трубачи; однако она не простиралась далее гвардии. Император Павел I начал вводить музыку во всех полках, отчего она и стала называться *военною*. Александр I позаботился **окончить намерение своего отца**, и теперь она неразлучна с потребностью вкуса.

Бандура, кобза. Бандура – род арфы с 12, а иногда 28 металлическими струнами; их вешали на шею и ходили с ними из деревни в деревню слепцы или старики. Этот инструмент преимущественно известен в Малороссии.

Цимбалы, или кимвалы. Род фортепиано с металлическими струнами. Струны эти натянуты на рамке; по этим струнам ударяют стальною палочкой или надетым на палец стальным наперстком. Игра на цимбалах сопровождается или пением, или каким-либо духовым инструментом. Звук ее громкий и приятный.

СЛУЧАЙНЫЕ И ЧАСТНЫЕ ПРАЗДНОВАНИЯ¹

Рождение младенца

Зажиточные люди утверждали родильные столы, а крестьяне приготавливали особое пиво и брали для того

¹ Заимств. из очерка жизни и нр. рус. нар. ... 1860 г.

разрешение от начальства (А. А. Э. 420). Родильницы получали от гостей подарки обыкновенно деньгами. Это соблюдалось и у знатных, но только для исполнения обычаев; ибо родильнице в доме боярском давали по золотому. Русские спешили крестить младенца, и чаще всего крещение происходило на осьмой день, но иногда и в сороковой, так как эти числа напоминали в младенческой жизни Иисуса Христа события обрезания и сретения. Имя изрекали чаще всего случайно, по названию святого, которого память случалась в день крещения. Крещение происходило у всех сословий в церквях и в домах допускалось только по болезни или крайней слабости новорожденного и непременно не в той комнате, где он рожден, так как та комната долгое время считалась оскверненною.

Выбор восприемника падал чаще всего на духовного отца или родственника. При крещении на новорожденного надевали крест медный, серебряный или золотой, который на нем оставался на всю жизнь. Восприемнику священник возлагал на шею белый платок и связывал его обоими концами; а по окончании обряда платок этот снимался и оставался в церкви (Стогл., гл. 45). После обряда в тот же день учреждался *крестинный* стол, и при этом, кроме гостей, кормили и нищих. Царь в день крещения делал торжественный стол для патриарха, духовных властей и светских сановников; по окончании обеда духовные благословляли новорожденного, а прочие гости подносили ему дары. В царском быту это был единственный раз, когда царское дитя показывали до совершеннолетия; с тех пор оно долго оставалось в глубине царских хором. Крещение царского младенца не ограничивалось одним обычным крестинным столом.

По городам и монастырям ездили жильцы с грамотами, возвещавшими о рождении царского дитища, и все монастыри спешили везти к новорожденному подарки; тем, которые мало давали, замечалось, что они мало желают добра новорожденному из царского дома.

В свою очередь, однако ж, по случаю рождения дитяти царь прощал виновных и оказывал царские милости (Доп., I. 119).

Духовное рождение считалось значительнее телесного, и оттого день рождения оставался незаметным, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждым, кому позволяло состояние.

Родины у пермяков¹. Пермячка вообще мало обращает внимания на беременность и работает, как и вне беременности, до последних часов. Зимой – если пермячка дома, она удаляется для разрешения в баню, а летом – в хлев, впрочем, из хлева, хотя это и летом, она все же, разрешившись от бремени, идет в баню и часто сама ее затопляет, если нет при ней домашних женского пола. Если же родит в дороге, в поле или на пути к дому, то неминуемо топят баню там, куда она придет.

Повивальная бабка называется у них *гог-баба*, то есть пуповая баба, или *бабитчис-баба*, то есть – повивальная. Ее призывают нередко перед родами, но чаще после родов. Эти бабки у них – старухи, из числа тех, которые по себе подобных случаев много испытали и знают при этом много молитв, заговоров, умеющие лечить в случае трудных родов и знающие приметы.

Родильница перед родами прежде всего развязывает на себе все узлы, снимает пояс, скидает дубас, расплетает косы, иногда разрывает стан рубашки. Это, по мнению пермячек, облегчает и ускоряет роды. Но если, вопреки такой предосторожности, они «мучатся», та бабка приводит ее в избу, раскрывает стол скатертью, ставит на нее хлеб, соль и брагу; потом отодвигает стол от лавок, распускает на родильнице всякие, какие бы то ни было узлы и трижды обводит вокруг стола, каждый раз приговаривая: «Как скоро раба (такая-то) обойдет круг стола, так скоро и родит», затем берет с божницы образ, обмывает его свежью

¹ Пермский сборник. 1860. Кн. II.

водою над дном опрокинутого ведра, которая при этом скопится на обороченном кверху донце, дает пить родильнице из трех мест, поворачивая ведро по солнцу; в заключение оставшеюся водою spryskivaet родильницу врасплох, чтобы испугом ускорить акт разрешения, а домашние с этой же целью неожиданно производят тревогу, крича в избе или под окном на улице что-нибудь такое, что способно возбудить чувство испуга, например: «Горим! Пожар!...». Такими средствами достигают разрешения родильницы от бремени... После родов уводят в баню родильницу. Неблагополучные роды бывают очень редки благодаря крепкой натуре пермяцких женщин.

Какие бы ни случились роды: трудные или легкие – во всяком случае, первое дело бабки приготовить в бане «воду от уроков». Вода для этого употребляется непременно речная, бабка нарочно ходит за ней с чистым ведром и зачерпывает ее всегда по течению реки. Возвратившись с реки в баню и сотворив Иисусову молитву, бабка погружает в ведро правую руку и, зачерпнув там горстью воду, спускает ее по руке через локоть в нарочно приготовленный туес, нашептывая: «Как вода на локте не держится, так на рабе Божией (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держались». Таким образом черпается воды тридевять локтей (то есть три раза по девяти...), которые всегда считаются с отрицанием, как говорится, «сзади»: не одна, не две, не три, не четыре... и т. д., потом считаются вторые и третьи девять. С молитвою спустив в эту воду три накаленные до красна уголька, бабка горстью правой руки через локоть левой, льет эту воду трижды на крайний камень каменки, потом трижды на дверную скобку, придерживая туес так, что пролитая вода опять стекает в него же; при этом каждый раз она приговаривает: «Как на камне (или скобе) вода не держится, так на рабе Божией (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!» Этим кончаются чары над водой, и она после этого считается так сильно заговоренною, что

ни один колдун делается не в силах уничтожить ее целительную силу. Затем бабка становится родильницу лицом на восток – если только она может стоять – в противном случае, сажает ее на банный порог и три раза брызжет ей в лицо набранной ей в рот наговоренною водою, приговаривая: «Как вода на лице не держится, так на рабе Божией (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!» Вылив из тусса остальную воду родильнице на голову, бабка подхватывает воду при ее падении с головы в правую горсть и брызжет ею на каменку из-под левой своей ноги.

В доме между тем готовят родильнице теплую брагу, а у кого есть – и рыбные пироги. Родильница остается с бабкой два, три дня и более в бане, смотря по состоянию своего здоровья, по выходе же вскоре принимается за свои обыкновенные домашние занятия. Принеся новорожденного в первый раз в избу, бабка передает его на руки отцу, который сам кладет его в люльку и тем как бы официально признает его своим детищем.

Вскоре после родов в пермяцких семьях были крестины. Для этой цели зажиточные отцы приглашают священника к себе в дом; у всех же прочих, составляющих большинство, бабки приносят новорожденных для крещения в церковь во всякую пору года, в ближайшие после родов воскресные дни. Разумеется, бывают случаи, что крещение следует иногда тотчас после родов. При крещении родители редко просят священников дать то или другое имя ребенку; обыкновенно эта статья представляется решению самого священника, который и дает ребенку имя святого, которого память празднуется в день крещения или ближайший к нему. Восприимщиками от купели родители назначают кого-либо из родственников или иногда из коротко знакомых; их приглашает обыкновенно отец. Никаких расходов по этому случаю восприимщики не делают, заметьте: крест, пояс, рубашка, ризки – холст, на который принимают от купели, – бывают хозяйские, домашние.

Если восприемницею бывает девушка, то случается, что во время крещения она распускает свою косу у своего затылка в один пучок; когда новорожденного крестят дома, то после совершения таинства отец угощает священника дома вместе с кумом и кумою обедом.

Крестные отец и мать у пермяков уважаются как близкие родные.

Спустя шесть недель после крещения восприемнице приносят от крестника подарок – холстину аршина в два длину. В день своего ангела для выражения почтения крестники или крестницы ходят иногда к своим восприемникам, если они живут близко, с челпанами хлеба. Восприемники отдаривают малюток деньгами. Понятно, что отдарки бывают невелики и ограничиваются двумя, тремя копейками серебром.

В доме родителей новорожденному приготавливали люльку, называемую дютяттан. Люльку эту привешивают обыкновенно под полатями или грядками на едва гнущемся оцепе (шест). Вместо постели кладут грязные обноски одежды и разное грязное тряпье. Полога у колыбели не бывает.

Пермячки по большей части кормят сами детей своей грудью и всегда около года; некоторые дают ребенку рожок с коровьим молоком. Чуждые всякой застенчивости, пермячки кормят грудью открыто, как при домашних, так и при посторонних. Отнимают детей от груди, кормя детей пред наступлением года коровьим молоком, а потом крошками хлеба в горячих щах или просто в горячей воде, а коль скоро дитя достигнул полуторагодового возраста, то кормят тем, что едят взрослые¹.

Именины. Духовное рождение считалось значительнее телесного, и оттого день рождения оставался незаметным, а день ангела или именины во всю жизнь праздновались каждым, кому позволяло состояние. С утра именинник или именинница рассылали гостям именинные пироги;

¹ См. Пермский сб. кн. II. 1860 г.

знатность лица, которому посылались пироги, измерялась величиною посылаемого пирога. Гости, по приглашению, сходились на именинный стол и приносили именинникам подарки; духовные благословляли племянников образами, а светские подносили материи, кубки или деньги. В царском быту царь в день своих именин по выходе из храма от обедни раздавал из своих рук именинные пироги; то же делала царица у себя в свои именины. Совершеннолетние царевичи от себя раздавали именинные пироги, а в день именин царевны или малолетнего царевича раздавал пироги от именинника царь. Но все-таки почиталось необходимым, чтоб от именинника были розданы пироги. Если боярин или окольный был именинник, то являлся с пирогами к царю; царь принимал пирог и спрашивал именинника о здоровье, потом именинник представлялся царице и также подносил ей пироги.

С другой стороны, царю, как и частным лицам, на именины подносили подарки, как и подносимые царю и в других случаях, уже обратились в закон. Все торговые люди должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный двор и с казенного двора продавались; нередко случалось, что купец покупал на казенном дворе ту самую вещь, которую когда-то подарил царю и теперь подносил ее государю в другой раз. За именинными столами приглашенные гости пели многолетие, а после стола именинник, со своей стороны, иногда отдаривал гостей; по крайней мере, так водилось у царей¹. У русских долго было в обычае, кроме христианского имени, иметь еще другое прозвище или некрещеное имя; обычай этот водился в удельные времена между князьями, которые, кроме крещеного имени, всегда имели еще княжее, старославянское и более были известны под последним. В XVI и XVII веках мы встречаем множество имен и прозвищ, которые существовали вместе с крещеным именем и употреблялись чаще последнего, так что

¹ Доп. Б. рус. цар. От. Зап. 1854 г. Янв. 31.

и в деловых бумагах назывался человек не христианским именем, а прозвищем; например, Смирный, Первый, Десятый, Злодей, Козел, Паук, Русин, Злоба, Шестак, Неупокой, Нехорошко, Беляница, Дулай, Май, Доспелко, Распуга, Мясоед, Кобяк¹. Даже священники носили такие имена. Иногда было три имени: прозвище и два крещеных имени – одно явное, другое тайное, известное только тому, кто его носил, духовнику да самым близким. Это делалось по тому верованию, что лихие люди могут делать ему вред разными способами, и вообще иногда легко сглазить человека. Поэтому в глазах людей прикрывались чуждым именем, скрывая настоящее. Случалось, что человека, которого все знали за какого-нибудь Ивана, после кончины на погребении называли Павлом, и тут узнавали его имя. Случалось, что крещеное имя переменялось по воле царя; например, девицу Марию Климову, взятую на царский двор в 1653 г. с намерением быть ей невестой государя, переименовали Анастасией; но когда Государь не захотел взять ее к себе женою, тогда она опять стала Мариею. Другие, особенно беглые, самопроизвольно переменяли свои имена и прозвища и оставались навсегда с новыми, так и записывались.

Нередко цари давали почетные прозвища людям, и эти прозвища оставались навсегда и потом переходили в потомство как фамильное название. Например, в 1564 г. одного мордвина царь нарек Дружиною (Врем. V. См. 52).

Прозвища классические, столь обыкновенные в семинариях, были в употреблении еще в XVII веке, ибо в 1635 году встречается фамилия Нероновых (А. И. П. 333).

Старинные женитьбы и свадьбы

Русские женились вообще очень рано; бывали случаи, что жених имел только 12 или 13 лет. Нужно заметить, этим родители спешили удалить юношу или девушку от

¹ См. «Очерк дом. жизни и нравов В. Н.» Костомарова. Ст. 156.

соблазнов холостой жизни, так как вообще, по тогдашним понятиям, непозволенные любовные связи считали непростительным и незамолимым и ставили наравне с тяжкими преступлениями.

Редко случалось, чтобы русский оставался неженатым, разве только болезнь или обещание вступить в монастырь. При женитьбе жених и невеста часто не знали друг друга и под влиянием родителей играли страдательную роль. Нравственные понятия того времени не позволяли соблазняться молодым людям обоего пола, и даже жених не имел права сказать о том, что он хочет жениться, находясь в полном повиновении родителя. Только тот мог вполне распоряжаться по собственному соображению, когда был в зрелом возрасте, вступал во второй брак или вовсе не имел родителей. Сами цари действовали таким образом. Михаил Феодорович предлагал дочь свою за датского принца¹. Иногда браки начинались по воле высших особ; так цари и великие князья женили своих бояр и ближних людей и сами выбирали им невест, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая их согласия. При царе Алексее Михайловиче правительство, желая умножить народонаселение в Сибири, хотело непременно, чтобы пашенные крестьяне, там поселенные, отдавали дочерей своих за ссыльных; но как честные поселяне не хотели брать себе в зятя мошенников и воров, то их принуждали к тому силою и брали за послушание большую пеню.

В старину брак совершался так: родители, предприняв намерение женить своего сына, советовались со своими ближайшими родственниками и часто не говорили об этом жениху; избравши семейство, с которым не стыдно было завести родственную связь, они посылали к родителям невесты свата или сваху для предварительного объявления.

Если родители невесты не желали вовсе отдать дочь свою за предлагаемого жениха, то имели ту же, как и ныне,

¹ С. Г. Гр. III. 406.

отговорку на молодость дочери. При согласии же заявляли тотчас, но все-таки не спешили, по-видимому, ссылаясь на то, что они будут советоваться с родственниками и назначали день решительного ответа.

Когда наконец давалось согласие, сват или посредник просил дозволения видеть невесту. Случалось и так, что дозволения этого не давалось, иногда из кичливости, а иногда по безобразию невесты. Но чаще случалось, что родители соглашались показать невесту, и тогда приезжала мать жениха или посылалась женщина, называемая смотрительницей, но все-таки смотрел невесту не жених. Показ невесты происходил различным образом. Иногда смотрительницу вводили в убранную комнату, где невеста стояла в лучшем своем наряде, с лицом, закрытым покрывалом; иногда же невеста сидела за занавесом, и занавес отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась по комнате, заговаривала с нею, стараясь выпытать, умна ли она¹, хороша ли, не безъязычна ли, и речью во всем исправлена ли. Бывало, у родителей дочь-невеста урод, то показывали младшую дочь, а то и служанку показывали смотрительнице. Так как жених не имел права видеть невесту до брака, а потому должен был довольствоваться теми сведениями, которые сообщала смотрительница. Он узнавал обман только после венчания. Обманутый жених мог жаловаться духовным властям; производился розыск, допрашивали соседей, знакомых и дворовых людей, и если обман открывался, то виновного наказывали кнутом и брак расторгали; но это случалось очень редко, чаще подводили дело так, что жених должен был жить со своей новобрачной, и ему тогда говорили позднее нравоучение: «Не проведая доподлинно, не женись».

Зато муж в утешение себе колотил свою жену, принуждал ее постричься, а иногда тайно умерщвлял; поэтому некоторые женихи, чувствуя в себе довольно силы и значения

¹ Комис. 120.

перед семьею невесты, настаивали, чтобы ему дозволили самому видеть невесту, и родители позволяли, если дорожили женихом. Но тогда этому жениху было трудно отделаться. Видеть невесту и отказаться от нее считалось бесчестьем, и родители невесты могли напутать на жениха духовным властям много такого, что и не снилось жениху, и вовлечь его в беду и ответственность. Пр. Костомаров приводит такой пример¹. Один молодой человек, вероятно не имевший родителей, задумал жениться и поручил свату найти ему невесту. Приятель условился с одним посадским обмануть его. У этого посадского была кривая дочка. Родитель этой красавицы обещал приятелю щедрую награду, если он сбудет ее за охотника. Сват отправляется к жениху и говорит, что он может видеть из окна невесту, когда она пройдет по улице. Девушку провели во всем убранстве, и жених смотрел на нее из окна. Девушка, идя, держалась так, что жених видел только ее здоровый глаз и, не заметив другого, решился на ней жениться. Плохое житье было как мужу, так и жене; выиграл в этом только один сват.

И ныне есть в обычае в старинных русских семействах и особенно между провинциалами-староверами, что родители, не спрашивая согласия своих детей, соглашались между собою и насильно совершают брак ради своих дружеских отношений, коммерческих выгод или хорошего собутельничества.

Великокняжеские, а впоследствии царские свадьбы начинались смотром девиц. Собирали из разных мест девиц дворянских фамилий, и царь смотрел на них и выбирал из них ту, которая ему нравилась. Когда Великий князь Василий Иоаннович собирался жениться, то на смотр ему предоставили полторы тысячи девиц². Иоанн Васильевич Грозный приказывал князьям, дворянам и детям боярским отовсюду свозить дочерей своих девок. В Новгородской

¹ Strauss. 199. Колл. 11.

² Герберштейн. 19.

области из всех пятин все помещики должны были свозить дочерей своих к наместнику, и наместник обязан был их представлять к царю по требованию. Это была обязанность отцов, и кто оказывался виновным в непослушании, тот подвергался опале и даже казни. Эта честь, как говорит проф. Костомаров, не слишком соблазняла отцов, так как тогда многие вяземские, дорогобужские дворяне получили выговор за промедление. При втором бракосочетании царя Алексея Михайловича девицы были собраны в дом Артамона Сергеевича Матвеева, и царь, в противность принятому издавна обычаю, не посещал домов своих подданных, смотрел на них в окошко из потаенной комнаты. Он выбрал трех и показал доверенным женщинам (может быть, бабкам) освидетельствовать их душевные и телесные достоинства. И потом уже, по рекомендации этих смотрительниц, избрал Наталью Кирилловну. Избранную царскую невесту брали во дворец, облакали в драгоценные одежды, нарекали царевною, причем она жила до самого брака в совершенном отчуждении от царя. Таков был обычай народный: сам царь до бракосочетания имел право только раз видеть свою невесту.

После смотра происходил сговор, первая часть брачного праздника, или вступление к торжеству. Сговорный день назначался родителями невесты. Родители жениха, сам жених и его близкие родственники приезжали к ним. Это случалось иногда до обеда, иногда после обеда, вечером, смотря по тому, как угодно было это назначить родителям невесты. Тут родители невесты принимали гостей с почестями, выходили к ним навстречу, кланялись друг другу до земли, сажали гостей на почетных местах в переднем углу под божницей, а сами садились возле них. Несколько времени проходило в молчании, глядя друг на друга. Этого требовало приличие того времени.

Потом или отец жениха, или родственник жениха, человек близкий, говорил речь такого смысла, где выска-

зывалась причина приезда и доброе его назначение. Родители невесты необходимо должны были отвечать, что они рады этому приезду. После того писалась рядная запись, где означалось, что обе стороны постановляли: в такое время жених обязывался взять себе в жены такую-то, а родственники ее должны были выдать и дать за нее такое-то приданое. Сроки были различные, смотря по обстоятельствам: иногда свадьбы совершались и чрез неделю после сговора, а иногда между сговором и венчанием проходило несколько месяцев. Приданое, как и теперь, всегда было важным условием русской свадьбы и состояло в постели, платьях, домашней утвари и украшениях, в рабах и деньгах, и недвижимых имениях, если девица принадлежала к дворянскому происхождению. От жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невестой вено в XVI и XVII столетиях совершенно исчез¹. Обыкновенно приданое доставлялось в дом новобрачных после свадьбы; но недоверчивость родителей жениха нередко достигала того, что вызвала немедленное исполнение обещанного по пословице: «Денежки на стол, девушку за стол». Роспись приданого в прежнее время называлась *рядною записью*, где писалось подробно все, что давалось за невестою; причем в противном случае договаривалась неустойка или попятное².

Та сторона, которая отступала, обязывалась платить известную сумму. Такие суммы были велики, смотря по состоянию, и всегда таковы, что могли быть отягощением для нарушителя своего обязательства. Рядную запись писал подьячий, которого нарочно для того приглашали³. Случалось, что в той же рядной записи прибавлялось в виду условия, чтобы мужу не бить своей жены; чтобы при случае можно было взыскать обиду судом. Эта мера считалась необходимою, потому что, в противном случае,

¹ Флетчер (Fletch.). 240.

² См. Оп. Шуй. 444.

³ Petr. 321. «Очерк дом. жизни и нравов В. Н.» Костомарова. 1860.

новобрачный мог в полной мере выражать свою лютость и досаду безнаказанно над супругою.

При сговоре невесты в то время не было. Но по окончании условий одна из женщин, принадлежащих к членам семейства или состоя в близкой родне невесты, приносила жениху и сопровождающим его родственникам от имени невесты – подарки. Сговор вообще представлял собою характер укрепляющий для будущей цели брачного союза, нарушить который со стороны жениха значило оскорбить семью невесты.

Как бы то ни было, но, начиная от сговора до свадьбы, как бы ни был продолжителен срок, жених не видит своей будущей невесты. Но вот наступает день бракосочетания: у жениха и невесты делаются приготовления; собирали поезжан, снаряжали разные свадебные чины, которые по духу времени составляли необходимость брачного торжества; замечание профессора Костомарова чрезвычайно удачно, когда он говорит, что вступление в новую жизнь жениха и невесты имело подобие с возведением старинных князей в достоинство их власти, а потому жених носил название князя, а невеста – княгини. Здесь подразумевается и то еще, по нашему мнению, что каждый отец и каждая мать обещает новое потомство, которое во всяком случае своего родоначальника или родоначальницу может почтить высоким достоинством и очень почтенным.

Главный чин со стороны жениха был тысяцкий, точно так же, как такие чины существовали во времена удельно-вечевые. Должность тысяцкого была сопровождать повсюду жениха и всюду остерегать и предупреждать его действия и совершать по порядку, притом так, чтобы из правил, соблюдаемых при венчании и на пиру свадебном, не нарушался порядок церемонии ни на одну черту. Затем следовали посаженные отцы и матери, если не было родных; в более благоприятном случае эту должность исполняли самые родители. Отец и мать жениха благословляли

его на брак; отец и мать выдавали невесту. С обеих сторон выбирались старшие и меньшие дружки и две свахи из замужних женщин; одна сваха была со стороны жениха, а другая – со стороны невесты; с обеих сторон выбирались *сидячие бояре и боярыни*, которые должны были образовывать почетный совет; также с обеих сторон назначались *свадебные дети боярские*, или поезжане, сопровождавшие шествие жениха и невесты и во время церемонии составлявшие второй класс гостей после бояр.

Наконец, к свадебному чину принадлежали лица, выбранные из прислуги: свечники, коровайники и фонарщики. Сверх всех свадебных чинов, был один очень важный, которого должность была оберегать свадьбу от всякого лиха и предохранять ее от колдовства и порчи, ибо свадебное дело в старину считалось особенно удобным для порч и колдовских лиходейств. Он назывался ясельничий или конюший¹.

Накануне свадьбы собирались к жениху его гости, а также и к невесте ее гости, которые должны были составлять поезд, и те и другие пировали. В царских свадьбах царь сидел с невестой за одним столом, и все приносили поздравления. У простых же людей в эти дни выбранные свадебные чины с обеих сторон находились отдельно. У посадских и у крестьян велось в обычае, что жених в то время посылал невесте в подарок шапку, пару сапог, ларец, в котором румяна, перстни, гребешок, мыло и зеркальце², а некоторые, что проф. Костомаров приписывает обычаям XVI и XVII веков, посылали принадлежности женских работ: ножницы, нитки, иглы, а вместе с тем лакомства, состоящие из изюма и фиг, и розгу. Это было символическим знаком того, что если молодая жена будет прилежно работать, то ее будут кормить и лакомить, а если лениться, то будут сечь розгами.

¹ Оп. Шуи. 456.

² Olear. 215. – Оп. гор. Шуи. 63.

Венчание происходило большей частью вечером. Утром, в день торжества, иногда накануне, сваха невесты отправлялась в дом жениха готовить брачное ложе. В те времена суеверие допускало особенное приволье действиям колдунов, там, где *рядят свадьбу*, и потому принимали все меры предосторожности.

Так, например, сваха обходила кругом хоромину, где устраивалось брачное торжество, и кровать, где постигалось брачное ложе, с рябиновой ветвью в руках, на которой нарезывались какие-то знаки¹. Ее шествие совершалось церемонно. За свахою человек пятьдесят и более несли принадлежности брачного ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сенник, часто нетопленный. Необходимо было, чтобы на потолке не было земли, для того, чтобы таким образом брачная спальня не имела никакого подобия с могилою. Сенник обивался по стенам и устилался по помосту коврами; под стенами всегда были лавки с полавочниками, по четырем углам комнаты втыкалось по стреле, а на стрелы вешали меха соболей, в великокняжеских и царских брачных ложах по сорока, а в других по одному соболю, и сверх того, на оконечности стрелы втыкался калач; на лавках по углам ставили по оловяннику питейного меда; над дверьми и под окнами как внутри, так и снаружи по стенам прибивали по кресту. Когда в этот покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крест.

Постель готовилась на кровати или на широкой скамье таким образом: сперва настилали снопы (в царских свадьбах число их было тридевять, то есть 27) в обыкновенных свадьбах по сорока: то и другое имело символикабалистическое значения и, вероятно, употреблялось по произволу. На снопы клали ковер, а на него перины; на свадьбе Михаила Феодоровича положено было семь пе-

¹ См. Буслаева. О нар. поэзии. 32.

рин одна на другую¹; а у простых людей клали две перины и более, по желанию или по средствам. На перины клали изголовье и две подушки; на подушки натягивались шелковые наволоки. Постель была застлана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одеяло; в довершение всего клали на подушку шапку, а в ногах теплое одеяло соболье или кунье, с оторочкою из более богатой материи, чем самое одеяло; шубу и ковер закрывали простыней. Вокруг постели навешивались тафтяные занавеси; над постелью ставились образа и крест, те самые, которые предшествовали при вносе постели. Образа были задернуты убрусами или застенками, смотря по их величине. Возле самой постели ставили кади или открытые бочки со пшеницею, рожью, овсом и ячменем, это означало обилие, которого желали новобрачным в новом домоводстве². На царских свадьбах сенник устраивался во дворце. Между тем и у жениха, и у невесты пекли свадебные хлебы, или караваи, и готовили стол.

Когда время венчания приближалось, невесту начинали одевать к венцу в самое лучшее платье и навешивали на нее сколько возможно более украшений; в это время девицы пели ей свадебные песни. Между тем в парадно убранной комнате ставили столы, накрывали их брачными скатертями, уставляли укусницами, солоницами и перечницами, устраивали поставец, как это всегда водилось на пирах, и убирали место для жениха и невесты на возвышении, что называлось рундуком. На этом месте клали бархатные или камчатные золотые изголовья, а сверху покрывали их соболями, подле самого места становилось одно лицо из свадебных чинов; это лицо держало в руке пук соболей; его должность была *опахивать* молодых. Пред местом сидения новобрачных ставили стол, накрытый тремя скатертями, одна на другой; на них клали соль в солонице, калач или

¹ См. Древ. Русск. Вивлиот. 32–34. Оп. Шуи. 187.

² Olear. 211.

перепечу и сыр (творог). Над местом прибивали икону, и кроме того, в комнате, назначенной для торжества, ставили во всех четырех углах по одной иконе.

После того как в доме невесты было все готово и сама невеста одета, ей на голову возлагали венец – символ девичества – и вели с торжественностью в залу, где было устроено место для нее с женихом. Впереди шли женщины – плясичи, которых обязанностью было плясать и петь песни. За ними каравайники несли на полках, обшитых богатыми материями, караваи. На караваих лежали золотые монеты, называемые в описании царских свадеб «пенязями». Потом следовали свечники со свечами и фонарщики с фонарями для свеч. Как у жениха, так и у невесты было по свече; два свечника несли одну свечу, так она была массивна, например, женихова в три пуда, а невестина – в два пуда. На свечи надевались серебряные или серебряно-вызолоченные обручи и бархатные или атласные кошельки. Возле свеч несли обручальные свечи и Богоявленскую (крещенскую свечу), которою зажигали брачные свечи.

В царских свадьбах, отправляемых во дворце, свечи жениха и невесты несли разом перед будущей царицею. В частных свадьбах жениховы караваи, свечи и фонари несли перед ним, когда он прибывал к невесте. За каравайниками, свечниками и фонарщиками невесты шел дружка и нес осыпало, то была большая серебряная миса или просто металлическая. В ней лежали на трех углах: хмель, собольи и беличьи меха, платки шитые золотом, червонцы и деньги. Двое по сторонам предшествовали княгине, или невесте, и держали путь, чтобы кто-нибудь не перешел дороги. За ними две свахи вели невесту в венце под покрывалом. За невестой следовали сидячие боярыни, составлявшие ее свадебный чин; две из них держали по мисе или по блюду. На одном лежала кика – головной убор замужней женщины с принадлежностями, как то: подубрусником или волосником, гребешком и чаркою с медом, разведенным в воде или

в вине. На другом лежали убрусы, назначенные для раздачи гостям. Блюдо с осыпалом и с убрусами ставилось на столе перед главным местом, где лежала перепеча с сыром. По бокам становились каравайники, свечники и фонарщики.

Невесту сажали на место, а возле нее сажали какое-нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастом. Все, составлявшие чин невесты, садились по своим местам, каждый по своему чину.

Когда все занимали свои места, то как отец, так и мать невесты, как действительные, так по недостатку их нареченные, посылали дружку к жениху. Приходя, он извещал, что время ему идти по невесту.

Священник первый вставал с места и провозглашал: «Достойно есть!» Вставали родители, брали по образу и становились рядом. Жених кланялся им в ноги, целовал им ноги, целовал образ и получал родительское благословение. Потом поезд отправлялся; в таком торжественном шествии впереди шли каравайники с караваем, свечники и фонарщики со своими принадлежностями, потом шел священник с крестом, потом бояре, а за ними жених, которого вел под руку тысяцкий, за ним поезжане, то есть все те лица, которые составляли чин жениха. Они садились на лошадей или в сани. Таким образом, смотря по времени года, церемониальным шествием жених достигал двора невесты. Родители невесты выходили навстречу поезду жениха и встречали его. Жених и поезжане входили в покой, где находилась невеста. Жених молился, ограждая себя крестом, и кланялся на все четыре стороны находящимся по углам образам. Потом вместе с дружком подходил к своему месту; но место это занималось мужчиною или мальчиком из родственников невесты, который занимал место жениха. Непременно требовалось жениху дать занимавшему его место рядом с невестой откуп, то есть несколько монет, и тот уступал свое место, а жених садился рядом с невестою и притом на одну подушку с нею.

В царских свадьбах занимавшего место жениха подле невесты сводили с места под руки.

Эти обычаи сходки (сближения) жениха с невестой были одинаковы и в царских свадьбах, с тою разницею, что на свадьбе у царей все это происходило в одном и том же дворце. Царь собирался в одну из палат, будущая царица – в другую. Сначала царица шла в Грановитую палату; ей предшествовал священник и кропил святою водою место, где ей должно было садиться. На месте, где ей было нужно садиться, клалось сорок соболей, которые были подняты, когда она садилась¹. Возле невесты непременно садился кто-нибудь из знатных князей. Когда все это было устроенно, посылали сказать царю. Царь отправлял прежде всего нареченного отца: тот, вошедши в Царицыну палату, кланялся на все стороны, ударял челом будущей государыне и садился на большом месте возле жены своей, если она была здесь. Посидев немного, этот нареченный отец посылал к царю одного боярина с речью: «Государь царь и великий князь всея России! Боярин (такой-то) велел говорить: прося у Бога милости, время тебе идти государю к своему делу!» Государь вставал, принимал благословение митрополита и со всем своим поездом шел в Грановитую палату, впереди его шли двое духовных особ: благовещенский протопоп с крестом и крестовый недельный священник. Священники кропили водою путь, тысяцкий вел царя под руку, за ним следовали: стольник с колпаком и стряпчие. Прибывши в палату и благословившись, царь подходил к своему месту; большой дружка поднимал посаженное близ невесты лицо, а царь садился на его место близ будущей жены.

Когда, таким образом, усаживались, начинали разносить кушанья и ставить их на столы. По словам Котошихина, гости ели, но с умеренностью и только для того, чтобы совершить чин, другими словами – оказать вежли-

¹ Можно полагать, что это был мех, сшитый из сорока соболей. У меховщиков и посейчас существует слово «сороковой мех».

вость, внимание хозяину. Едва ставили на стол все блюда первого кушанья, как священник прочитывал «Отче наш», потом молитву «покровения». По окончании последней молитвы сваха подходила к отцу и к матери невесты и просила благословения невесту чесать и крутить. «Благослови Бог!» – отвечали родители. Зажигались свадебные свечи богоявленскими свечами; свечники, поставив свои свечи, держали протянутый между женихом и невестою большой кусок тафты с нашитым крестом так, что жених и его поезжане, которые сидели на одной с ним стороне, не могли видеть невесты. Сваха снимала с невесты покрывало, потом венок; другая женщина подносила мису с кикой и гребнем. Сваха омочала гребень и чарку с медом и расчесывала невесту, потом свивала или скручивала ей волосы и надевала волосник, кикку и подзатыльник и наконец закрывала иногда тем же покрывом, который разделял ее от жениха. Венок отдавался на сохранение, на память о девичестве. После того подносили свахе мису с осыпалом; она осыпала невесту и жениха и опахивала сорока соболями, которые держал, как выше сказано, один из свадебных чинов, называемый *держальником*. У посадских людей во время расчесывания был такой обычай: когда жених и невеста сидели, отделенные друг от друга покрывом, им приказывали приложить щеки к покрову. Перед ним держали зеркальце, и жених мог увидеть в зеркало лицо будущей своей жены и дружелюбно ей улыбнуться; в то же время один из гостей подходил к ним в вывороченной шубе вверх шерстью и желал невесте столько детей, сколько шерстинок в тулупе.

Во все продолжение обряда окручивания невесты сидячие боярыни и девицы пели свадебные песни; а дружка, взяв нож, подходил к отцу и матери невесты и говорил:

- Благословите резать перепечи и сыр?
- Благослови Бог! – отвечали те.

Дружка резал перепечу и сыр на мелкие куски, клал на большое блюдо, накладывал туда же множество шири-

нок и отдавал поддружему или меньшому дружке; сам получал от невесты вышитый ее руками убрус и подносил его жениху; а меньшей дружка разносил и раздавал всем гостям куски перепечи и ширинки, также посылал отцу и матери жениха, оставшимся в своем доме. В то же время сваха осыпала свадебных бояр и гостей, то есть бросала в толпу их гостями все, что было на осыпале, – серебряные деньги, хмель, куски материй и проч., и всяк налету хватал, что успевал схватить.

Между тем подавали другое яство, за нею подавали третье; как только оно появлялось на столе, сваха подходила к родителям невесты и просила благословения – везти молодых к венцу.

«Благослови Бог!» – отвечали те. Все вставали. Родители брали по образу, обыкновенно в окладах с драгоценными украшениями. Подле них становился священник. Новобрачные кланялись и принимали благословение. Отец и мать разменивали их кольцами и, взяв дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь друг другу.

Наконец, отец брал плеть и ударял ею свою дочь, говоря: «По этим ударам ты, дочь, знаешь своего отца; теперь эта власть переходит в другие руки; вместо меня за послушание тебя будет бить твой муж!» С этими словами плеть была передаваема жениху, который, принимая ее, так говаривал: «Принимаю как подарок, но думаю, что в ней нужды иметь не буду», – и затыкал плеть за кушак.

В продолжение этого обряда каравайщики и свечники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устилался путь кусками материй, и новобрачные шли по этим кускам к дверям. Женихова и невестина свахи вели невесту за руки, все еще закрытую. Тысяцкий устраивал порядок шествия. Между тем те, которые держали сорок соболей, взятых с места, где сидели новобрачные, клали их на то же место, а скатерть, на которой резали перепечи и сыр, складывали и отдавали ключнику.

На дворе перед крыльцом стояло множество оседланных лошадей и колымаг или каптанов. Когда свадьба происходила у бояр, близких особ царя, то им на этот торжественный день давались царские лошади и экипажи.

Сани невесты убирались до того нарядно, как только допускал это достаток; описывают, что она поволакивалась атласом, а на седалище клалась бархатная подушка; богатый ковер спускался со спинки; под дугой привешивались лисьи и волчьи хвосты. К таким саням подводилась невеста, в санях сидело другое лицо: его следовало свести, точно так, как сводится сидевший подле невесты, вместо жениха. Невеста садилась вместе с двумя свахами. Над нею держали соболей.

Этот обряд соблюдался также и относительно жениха:

У крыльца стоял его аргамак, а на аргамаке сидел другой; когда являлся жених, то этот другой вставал и шел пешком, а жених садился на аргамак и ехал к венчанию. Если же, по причине непогоды, нельзя было ехать верхом, то жених садился с тысяцким в сани или в коляску, а тот, кто прежде сидел в экипаже, шел пешком. Жених должен был ехать с своим поездом вперед и прибыть ранее невесты.

В самых простых свадьбах новобрачные ездили, а не ходили пешком. В царском бракосочетании путь до церкви устилался камками, и двадцать человек боярских детей царицыных наблюдали, чтобы никто не переходил между женихом и невестой.

В простонародных свадьбах впереди поезда пели свадебные песни и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось Церковью, и духовные особы свадебные песни называли нелепым криком и козлогласованием.

Когда молодые входили в церковь, то ясельничий со своим двумя помощниками стерег коня и сани, чтоб кто-нибудь не перешел дороги между верховым конем жениха и санями невесты и чтоб вообще лихие люди не на-

делали чего-либо дурного колдовством, в которое тогда сильно верили.

Путь от церковных дверей до наложия устилался кусками материй; самое место пред наложием также устилалось, и сверх того, на нем клали соборы. Когда свадьба была вечером, то жених и невеста тотчас после прихода в церковь становились на свои места; но иногда свадьбы были после обедни: тогда жених и невеста становились у церковных столбов и слушали литургию и по окончании... становились к наложию.

В царских свадьбах XVI века венчание происходило после обедни, а в XVII – вечером, и тогда высокая чета венчалась тотчас по прибытии во храм.

После венчания невесту раскрывали, и священник читал новобрачным поучение; в нем обыкновенно наставлял их ходить часто в церковь, слушаться духовников, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелевал жену учить палкою, как подобает главе. Потом брал жену за руку, вручал мужу и приказывал им поцеловаться.

Жена в знак повиновения припадала к ногам супруга и касалась челом его сапога, муж же покрывал ее попою своего платья в знак будущего покровительства и защиты¹.

Наконец священник давал новобрачным деревянную чашу с вином; муж принимал, отпивал и давал жене; та отведывала и опять подавала мужу. Таким образом, оба пили три раза, наконец, муж допивал, бросал под ногу чарки и топтал ее разом с женою, приговаривая: «Пусть так под ногами нашими будут потоптаны те, которые станут посеять между ними раздор и нелюбовь».

Существовало поверье, что кто из супругов прежде успеет наступить на чашу, тот удержит за собою первенство пред другим. Но как ни старались в этом жены, им никогда этого первенства не удавалось². Потом подходили

¹ Fletcher. 247.

² Ныне стараются невесты вступить на платки, посланные пред жертвенником первыми, но это тоже пустое поверье. Нужно заметить, что, где женщина хозяйствует, там всегда в доме беспорядок.

свадебные гости и поздравляли обвенчавшихся, а между тем тысяцкий уже посылал дружку вперед к отцам жениха и невесты и к оставшимся в доме свадебным чинам известить, что молодые обвенчались в добром здоровье.

В то же время дружка разрезывал каравай, и священник его (вероятно, чрез того же дружку) посылал отцам обоих семейств как символ будущего их свойства и родственной приязни¹, и оба рода давали обещание быть людьми одного стола и одного хлеба – *хлебосолами* и жить дружно, как зерна одного колоса. Об этом говорит Флетчер как о происходившем в церкви, но, как известно, родители в церкви не бывали, следовательно, обычай соблюдался чрез пересылку; впрочем, вероятно, порядок этот не всегда наблюдался, а в царских свадьбах никогда, так как там равенства между семьями никогда быть не могло.

При выходе из церкви сваха осыпала новобрачных хмелем, семенами льна и конопли, желая счастья, другие дергали за рукав, показывая вид, будто хотят разлучить ее с женихом, а жена тесно прижималась к своему суженому.

На значительных свадьбах существовал обычай бросать окружающим монеты². Из церкви весь поезд отправлялся в дом мужа; у простого народа сопровождался он песнями, криками и плясками.

После венчания, как мы сказали, весь поезд отправлялся в дом мужа, а на царских свадьбах – в тот покой, где было окручивание. Но когда в XVI веке свадьбы происходили после обедни, то царица отправлялась в свои покои; свечи и каравай уносили в сенник к постели, а царь ездил по монастырям и, возвращаясь домой, посылал звать жену и всех гостей к обеду. Вероятно, на свадьбах частных людей, если венчание было после обедни, новобрачные разъезжались по своим домам, а уже к вечеру жену проводили в дом мужа, и там происходило брачное торжество. Если же, как

¹ Fletcher. 50.

² Паэрле. 50.

чаще случалось, венчание было вечером, то все, как выше сказано, ехали прямо к жениху. Когда поезд прибывал в его дом, навстречу выходили отец и мать жениха, с образом и с хлебом-солью благословляли новобрачных.

При входе в дом потешники, по распоряжению ясельничьего, играли в сурьмы и бубны чинно, благолепно, доброгласно. Тогда новобрачные садились за стол: все также садились на свои места, и невеста, будучи открытою, должна была плакать (по обычаю), выражая тем разлуку с родителями и робкий страх нового образа жизни, причем женщины и девицы пели печальные песни.

Ни жених, ни невеста не должны были ничего ни пить, ни есть, хотя перед ними ставили разные кушанья.

Когда гостям подавали третью перемену – лебедя, перед новобрачными ставили жареную курицу; дружка брал эту жареную курицу и обвертывал скатертью, вторую из трех скатертей, положенных на постели перед новобрачными до венчания.

При этом он обращался к отцу и матери и говорил:

– Благословите вести молодых опочивать!

Те отвечали «Бог благословит» и шли к дверям; отец останавливался у дверей, а мать шла к сеннику. Тогда дружка уносил курицу в сенник, за ним шли свечники, каравайники и ставили свечи в кадь со пшеницею, стоявшую в изголовье брачного ложа молодых.

Тысяцкий, дружка и свахи вставали, жених и невеста подходили к дверям; и отец брал за руку невесту и говорил жениху:

– Сын наш! Божьим повелением (а если свадьба устраивалась по повелению царя, то прибавлялось и «царским желанием») и благословением нашим и матери твоей повелел тебе Бог сочетатися законным браком и понять (взять) *такую-то*. Приемли ее и держи, как повелел Бог и как Он чадолюбивый устроил в законе нашей истинной веры и святыя апостолы и отцы предаша.

Сын брал жену за руку, выходил с нею из дверей и шел из сенника; тут встречала их мать или сваха в вывороченной шубе мехом кверху, посыпала их хмелем или льняным семенем. Таким образом новобрачные входили в сенник. Гости уходили в покой, откуда вышли и продолжали допировывать, и дружка и сваха вступали с новобрачными в сенник и раздевали – дружка жениха, а сваха невесту, и потом сами уходили, чтобы присоединиться к прочим гостям и продолжать пирушку.

Тогда, в старину, между женихом и невестою происходил обряд разувания, обряд, существовавший со времен язычества. Он состоял в том, что жена в знак будущей покорности должна была снять с мужа сапоги. В одном из сапог под ногою лежала монета; существовала примета, что если молодая снимала первым тот сапог, в котором лежала монета, то это значило, что ей будет счастливая жизнь замужем; в противном же случае во избежание неудач в жизни ей нужно было угождать мужу.

При этом муж, в знак своей власти, ударял будущую свою спутницу в жизни по спине плетью, полученною, как мы уже ранее говорили, от тестя.

Когда молодые были на сеннике, а гости пировали в комнате, около сенника ходил или ездил ясельничий с обнаженным мечом для предохранения от всякого чародейства и лиходейства.

По прошествии некоторого времени отец и мать посылали дружку узнать о здоровье новобрачных; если чрез дверь жених отвечал, что он в добром здоровье, это значило, что между ними доброе совершилось, и тысяцкий тотчас посылал к родителям невесты сказать, что новобрачные в добром здоровье; дружка за то получал подарки, и все свадебные гости отправлялись в сенник кормить новобрачных. Как жених, так и невеста ничего не ели в тот день, и теперь пищею была им та самая курица, которую дружка им приносил в сенник, обернутая скатертью. Затем подавали им и другие блюда.

В царских свадьбах Государя кормили перед сенником в сенях, а царицу, по старинному обычаю, в самом сеннике. Взявши курицу, новобрачный должен был, по старинному обычаю, отломить у ней ножку и крыло и бросить через плечо назад. По другим известиям, этот обряд совершался пред укладыванием молодых в постель. Во время кормления новобрачных муж подавал гостям вино, и все пили с поздравлениями. Потом новобрачных снова укладывали в постель, а гости возвращались в прежнюю комнату и продолжали веселиться. Тогда веселье часто переходило в оргию и нередко забывались всякие приличия. Музыки не было; только трубили в сурьмы, били в бубны и накромы.

На другой день новобрачных вели при звуке сурьм и литавр и пении песен в отдельные мыльни. В мыльнях их поили вином, также мыли вином и медом. Жена шла в мыльню со свахою и матерью жениха и показывала знаки своего девства; с нее снимали сорочку и вместе с простынею прятали как свидетельство целомудренного поведения. Муж мылся с тысяцким и дружкой, тогда молодая присылала ему в мыльню сорочку, обыкновенно унизанную жемчугом.

На царских свадьбах цари кушали в мыльнях, а царицы – в избушках. По выходе из мыльни новобрачный шел вперед в сенник; за ним приходила новобрачная. Тут являлись женщины, а впереди их сваха несла горшочек или два горшочка, поставленные на одном блюде и обвернутые соболями; в этих горшках была каша; сваха кормила ею и мужа, и жену; перед мужем держал горшочек дружка, перед женою – сама сваха; этот обычай наблюдался и у царей, и у крестьян. На царских свадьбах происходил в это время обряд раскрывания. Боярин, нареченный отец царский, раздвигал стрелою покров, заслонявший царицу; до того времени даже и после венчания ее никто не видал; только после обряда все подходили к ней и могли иметь счастье увидеть ее светлые очи. После этого все шли к столу.

В частных свадьбах этот последний обряд не наблюдался; и после кормления кашею жених вместе со своим родителем, с тысяцким, дружкой и со всеми свадебными поезжанами ехал к родителям невесты.

Вступая к ним в дом, новобрачный бил челом и благодарил за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашал к себе на обед со всеми гостями невестина чина. Тогда у жениха был торжественный пир, называемый и по сие время повсюду у русских *княжм*. Это название и посейчас существует у крестьян, которые никогда не равнялись князьям, и у царей, которые были всегда выше всех князей. Когда, в конце пира подавали на стол овощи и разные лакомства, отец и мать благословляли новобрачных образами, и все гости дарили их разными вещами и тканями; все ели, пили в изобилии и веселились.

Но если бы невеста не сохранила своего девства, то общее веселье омрачалось и посрамление ожидало ее бедных родителей. Отец мужа подавал им кубок, проверченный снизу. Когда сват брал кубок, отец жениха отнимал палец от отверстия в кубке, и вино лилось при общем поругании и насмешках, и жизнь молодой с этого времени подчинялась вечным попрекам в среде чужой семьи.

Впрочем, Котошихин говорит, что в подобных случаях сам новобрачный, скрывая проступок жены от прочих, пенил только тестю и теще, и затем все проходило бесследно.

В этот день новобрачный, если он имел к царю доступ, после посещения родителей невесты являлся во дворец со всем поездом, состоявшим тоже из лиц, имевших приезд ко двору. Государь принимал их, сидя в шапке. Все кланялись в землю. Государь милостиво спрашивал их о здоровье (такой вопрос считался большою милостью), поздравлял жениха с законным браком, благословлял его с женою образами и жаловал подарками, состоявшими обыкновенно в соболях и разных материях или в серебра-

ных сосудах. А в заключение приказывал подать всем по кубку ромanei да по ковшу вишневого меда. Все выпивали и уезжали домой. Новобрачная не ездила с мужем к царю, а посылала к царице и к царевнам подарки, шитые золотом и серебром тафтяные убрους.

Царицы и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали об их здоровье. Если же невеста не сохранила девства, то жених не смел являться царю на глаза.

На третий день после брака начиналось пиршество у родителей невесты. При окончании стола отец и мать невесты благословляли молодых, а гости дарили их.

На свадьбе редко дарили деньгами, а по большей части вещами, также скотом и лошадьми.

По окончании пиров дары отсылались на рынок и оценивались, потом жених должен был отдаривать подарками равного достоинства. Герберштейн говорит, что жених должен был в течение целого года непременно отдарить всех, подаривших ему подарки, после свадьбы, а если не успевал, то должен был отдаривать вдвое, судя по ценности каждого подарка.

Если же жених не отсылал принятых вещей к ценовщикам, то отдаривал по желанию тех, которые ему дарили.

В эти послесвадебные дни пиршеств невеста почти ничего не говорила, кроме обыкновенных форменных речей, потому что малословность и пристойная молчаливость в то время считались достоинством женщины.

Но зато все другие женщины, приглашенные на свадебное пиршество, пользовались большею свободой, чем когда-либо, и часто случалось, что дело доходило до безумия. Все это весьма понятно объясняется: женщины, в обыкновенное время скромные и целомудренные, на свадьбе напивались, позволяли себе смелые выходки и даже невольно впадали в грешки среди общей суеты.

В эти-то минуты разгула, по народным верованиям, всего удобнее колдуны могли портить людей, не огражден-

ных молитвою и богомыслием от их наветов. Тогда вдруг находила на кого-нибудь скорбь.

На одной посадской свадьбе в XVII веке мать жениха, а потом и сноха вдруг начали кликать без ума и без памяти. Явился знахарь, взялся их поставить на прежнюю степень, но, взявшись за дело, не исполнил, и на него подали челобитную (жалобу).

Царские свадебные обряды продолжались несколько дней. На другой день отправлялся княжий стол, на третий – стол от царицы: нареченные родители благословляли молодую высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь делал стол духовенству, и при окончании обеда Патриарх и духовные власти благословляли новобрачных образами, и все гости дарили им кубки и ковши, а потом царь отдаривал их деньгами, тканями и чествовал подачами. В следующие дни делались столы другим сословиям: стольникам, стряпчим, дворянам, гостям, выборным людям, посадским, которые нарочно приезжали к царскому двору с поздравлениями.

Все подносили к царю дары. За то и царь в эти дни, светлые, радостные в его жизни, имел право и возможность щедро вознаграждать всех: он несколько дней щедро кормил духовенство на дворе, раздавал ему деньги, рассылал в дальние города молебные грамоты, ездил с молодою царицею на богомолье по монастырям, кормил и дарил монахов, которые, в свою очередь, отдаривали царя окладными образами и подносили хлеб-соль. Царь не забывал угнетенных и нищих, посещал богадельни и тюрьмы и отпускал на свободу узников, заключенных за долги или за неважные преступления. Не всегда, впрочем, подносимые дары царями принимались, так, при бракосочетании царицы Натальи Кирилловны царь их не принял¹.

¹ См. «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст.» Костомарова. 1860.

Свадебные обряды были одинаковы как у первобрачных, так и у тех, которые женились или выходили замуж в другой и третий раз. Второй брак, по мнению народа, не имел уже той святости, как первый, а если из венчавшихся оба были вдовые, то на них не возлагали венцов, а держали на плечах. Церковный обряд третьего брака состоял в одном молитвословии без венчания и не одобрялся Церковью, так, например, патриарх Фотий в одном из своих посланий в начале XV века приказывал священникам на основании слов Григория Богослова не допускать мирян до третьего брака¹. Несмотря на воспрещение четвертых браков Церковью, они случались, и правительство позволяло детям от четвертого брака пользоваться правами законных детей в отношении наследства. У казаков было в обычае брачное сожитие без благословения Церкви. А в старину некоторые, вопреки христианским понятиям, вероятно по обычаям язычества или магометанства, имели по две жены разом (см. Дост. 91).

Новоселье

Новоселье у нас в старой русской жизни сопровождалось торжественными обрядами. В старое время, время доброе, каждый имел свой собственный дом, и если кто перешел во вновь построенный дом, то сзывал священников на освящение, а потом сзывал родных и знакомых.

Гости непременно являлись с хлебом и солью как символами обилия и благополучия, а люди, не чуждающиеся колдовства и ворожбы, напротив, являлись на новоселье с черною кошкою, с черным петухом, тащили растворенную квашню и катали три хлеба, а потом замечали, как эти хле-

¹ Св. Григорий Богослов говорил: первый брак – закон, второй – по нужи прощение слабости ради человеческой, третий – законопреступление, четвертый – нечестие, понеже свинское есть житие. Доп. 1, 329.

бы ложились, и записывали «на хартиях, и ключи в псалтирь вложить, оттуда ложися вещующе»¹.

Надобно было умеючи выбирать место для дома, и в старину для этого применялись разные гадания. Так, например, для того чтобы определить качество грунта земли, то на то место, где строить дом, клали дубовую кору, может быть, в нескольких местах, а то и сплошь, неизвестно. Это на три дня, на четвертый поднимали кору и замечали, что покажется под корой: если под корой находили паука или муравья – то считали место это лихим; напротив, если находили червяков или черную мурашку, то можно дом строить.

Они же гадали насчет трех хлебов, которые пускали на землю из-за пазухи. Если все три хлебца лягут кверху верхнею корой, то место доброе, тут с Божьей помощью, ничего не боясь, ставить избу и всякие хоромы можно, а если же лягут книзу верхнею корою, то место покинь.

Во время пиршества на новоселье пол устилался травою и на большом столе, покрытом скатертью, клали принесенные хлебы и ставили в солоницах соль. После пирушки каждый гость должен был что-нибудь подарить хозяевам.

Похороны

Много остатков от былой жизни народов рассеяно по белому свету, в полях, лесах, озерах, реках; но лучше всего объясняют старину древние могилы. Хороня покойника, люди всегда думали, что отправляют его на новое житье, подобно настоящему, но гораздо *худшее*. Поэтому снаряжали покойника в лучшее убранство и клали с ним в могилу все, что ему нужно было и при жизни, да по временам приносили ему на могилу покормку. У наших сибирских инородцев до последних времен это делалось и, может быть, еще делается.

¹ Румянц. музей. Рукоп. № 374.

Поэтому вещи, находимые в могилах при костях, всего менее могут быть объясняемы случайностью, и нередко самым положением своим около костей дают нам возможность уяснить их значение и употребление. Кроме того, здесь можно наблюдать различные способы погребения людей, разные обычаи и тем еще более определять житейское бытие того народа, который оставил по себе эти могилы. Наконец, самые кости людей, погребенных в могилах, при сличении их с костями известных уже пород людских могут указать нам, какому именно племени людскому принадлежат те или другие могилы?

Похороны в глубокой древности различались от похорон последнего времени. Так, например, в памяти народов Кавказа, как то у осетин, армян, курдов, персиян и других, умерших или подвешивали к деревьям на подмостках, плотно укутав покойного, или клали его на вершины деревьев высоко от земли. У арийских народов было в обычае спускать труп на лодках или на плотике по воде. Память об этом способе сохранилась у руссов, норманнских немцев при похоронах, которые описали очевидцы. Покойника сжигали в лодке, и даже в словах тех народов нашего арийского племени, с которым наши предки составляли один народ, один язык «новъ, навье», то есть могила, гроб, происходит от древне-итальянского *navis* – лодка, судно или от греческого *ναο* (*váō*) – теку, нео (*véō*) – плаваю. То отсюда берется понятие о похоронах в лодке трупа, которое когда-то плыло.

«В новье глядеть» прежде значило глядеть в могилу, быть на волос от смерти. В Малороссии русалок называют «мовки» или новки – слово, означающее покойничков, пущенных по воде.

Наконец, самая форма так называемых колод, или гробов, близко похожа на лодку.

У древних родственных нам народов воспоминание о погребении такого рода хранилось на их памятниках, где изображалась лодка, или выкладывали ее из камня.

В зимнее время те же племена, зашедшие на север, не могли по воде спускать покойников, а потому и обычай стал другой: там запрягали в сани неосвоенных коней или оленей и, положив на них лодку с покойником или просто покойника, спроваживали его таким образом в неизвестную даль, в неизвестную новую жизнь.

Память о похоронах такого рода сохранилась до позднейшего времени в древних наших обрядах при похоронах и в народных сказаниях *о ночных разъездах мертвецов-колдунов* и также один рисунок в рукописном (XIV в.) описании жития св. Бориса и Глеба. По указанию этой рукописи, мощи святого Глеба везде везут из Вышегорода в Киев на саних. Тело св. Равноапостольного Владимира сын его, Святополк, кладет в сани. Киевский летописец, говоря о поучении, какое писал своим детям Владимир Мономах, замечает, что он писал его, *сидя в саних*, то есть перед смертью, на смертном одре.

Когда человек испускал дыхание, в старину ставили на окне чашу со святой водой и мису с мукой или кашей (кутьей). Это был какой-то остаток язычества, существовавший также у татар.

Мертвеца обмывали теплою водою, надевали чистую сорочку и завертывали в белое покрывало, или саван, обували в сапоги или башмаки, на голову ему надевали корону. Толпы знакомых и соседей посещали покойника, причем дом оглашался плачем с причитаниями разного характера, выражающее сожаление и скорбь.

Затем посылали за духовенством и с посланным священнику препровождали водки, меда и пива.

Когда мертвеца клали в гроб, то по какому-то поверью клали ему в рот несколько мелких монет, как будто для издержек в дальней дороге на тот свет, а к гробу привешивали кафтан покойника.

Летом русские хоронили очень скоро, в течение суток; а если по какому-либо случаю погребение откладывалось,

то труп, во избежание зловония, относили на погреб. Мертвеца выносили из дома покрытым покровом или шубою и непременно на руках; если мертвец был монашеского звания, то несли его монахи или монахини.

Для большей церемонии богатые и знатные нанимали плакальщиц, которые шли по бокам и впереди похоронного шествия с распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Они кривлялись и вопили, громко вскрикивали и заливались в причитаниях.

Все сопровождавшие гроб шли с зажженными свечами, обвязав платками головы.

Когда гроб следовало опустить в могилу, то открывали гроб и все прощались. Жена или близкий родственник должны были плакать и причитывать; а плакальщицы всем хором тоже вторить, причитывая. Священник давал в руки покойника отпустительную грамоту; после опущения гроба в могилу, все целовали образа, потом ели кутью, непременно каждый в три приема, начиная с ближайших родственников.

Зимой не спешили хоронить и ставили покойников в церковь, где духовенство служило каждодневно литургию и панихиды, и на осьмой день предавали тело земле.

Для людей бедных было чрезвычайно дорого рыть могилу зимою; поэтому мертвецов ставили в усыпальницы или притворы при колокольнях и там держали до весны.

Весною семейства разбирали своих мертвецов и хоронили на кладбищах. Должность гробокопателей исполняли особые лица за известную плату, как и ныне могильщики.

Бедняки, которым не на что было похоронить, просили милостыню на погребение, отчего никто в этой жертве не отказывал.

Для городских жителей кладбища отводились за городом; но в селах и деревнях кладбища эти помещались при храмах.

Утопленников и удушенных не хоронили на кладбищах. Было убеждение, что если где-нибудь похоронить утопленника или удушенника, то за это весь край постигает бедствие; на этом основании в старину народ, приведенный в волнение несчастьем, как, например: неурожаем, мором, эпидемией, – выгребал мертвецов из могилы¹.

Но вообще умерших внезапно на улице, убитых в дороге хоронили в убогом доме. Убогие дома были не только в Москве, но и в других городах. В них также хоронили отверженных, которых считали недостойными кладбища: воров, разбойников, казненных, между тем как самоубийц хоронили в поле или в лесу.

Царское погребение совершалось через шесть недель после смерти, и тело ставилось в домовую церквь в гробу. Крестовые дьяки денно и нощно читали над ним псалтырь, и попеременно дневали бояре, окольные, стольники над усопшим. Между тем по всему государству посылались гонцы, которые во все монастыри и церкви возили деньги для служения панихид; в праздники при служении панихиды ставили кутью. Эти панихиды служились шесть недель, каждый день, исключая воскресенья.

В сороковой день кончины совершалось погребение царственной особы. Отовсюду стекались в Москву духовные власти, архимандриты и игумены.

В погребальной процессии впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобы важнейшие особы, архиереи и патриархи, шли сзади духовенства, за духовными следовали светские сановники, бояре и окольные, за ними – царское семейство, а за ним боярыни.

Множество народа толпилось за гробом, без чинов и различного достоинства. Прощания пред опусканием в могилу не было.

Опустив тело в могилу, не засыпали гроба землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на

¹ Поездка в Кирилл. монаст. 2. 37.

погребение соразмерялись со значением усопшей особы, так что погребение царя производилось великолепнее, чем царевичей, а погребение царевичей великолепнее погребения царевен.

Вообще у всех классов 40-й день после смерти определялся на поминовение. Семейные нанимали духовных лиц читать псалтырь по усопшим. Чтение это у иных происходило в двух местах разом: в доме, где умер покойник, и на могиле; для этого устраивался на могиле деревянный голубец или голбец, покрытый сверху рогожею; там стоял образ, и каждое утро при зажженной свече монах или церковный дьячок читал псалтырь¹.

Семейные по покойнике носили скорбное платье, синее или черное, и непременно ветхое, а не новое. В это время траура стыдно было ходить опрятно, как будто это было неуважение к памяти покойного.

Вместе с молитвами об усопших отправлялись *кормы* или поминальные обеды. Таких было по желанию родственников и семейных не менее двух и не более четырех: в 3-й, 9-й и 12-й и, наконец, очистительный в 40-й день, или сорочины; в этот же день снимался траур. Чаше всего поминали три раза: толковали, что троекратное поминовение совпадает с переменами, какие испытывает тело покойника в гробу: в третий день изменяется его образ, в девятый распадается тело, в сороковой истлевает сердце. Затем это троекратное поминовение совпадает с верованием о путешествии души на тот свет: в третий день ангел Господень приводит душу на покаяние Богу. «Якож бо от царя земного послани будут воины привести некоего и связавши его, поведают ему повеление цареву, трепещет же и держащих и ведущих его немилостивно к путному шествию, аще и ангелы от Бога послании будут пояти душу человеку».

Если в этот третий день совершаются приношения памяти усопшего в церкви, то душа получает утешение в скор-

¹ Олеарий. 316.

би, преж бывшие ей от разлучения телесного, и разумеет от водящего ангела, яко память и молитва ее ради в Церкви Божией и так радостна бывает. С тех пор начинаются путешествия ее с ангелом, который показывает ей блаженство рая и муки ада. В девятый день ей дается отдых: душа, сохраняя еще земные привязанности, слетает то к дому, где жила с телом, то к гробу, где лежит тело, в котором была заключена; душа добродетельная посещает место, где она «имеяше обычай делать правду».

Тогда душе грешной указывает ангел места, где она согрешила, и ей необходима для ободрения – молитва Церкви. Наконец, в сороковой день ангел приводит ее снова к Богу, и тогда ей назначается место по заслугам: «добре держит святая церковь в сороковой день, память сотворяя по усопшем»¹.

Кутья была главною принадлежностью постного обеда. О кутье говорилось так:

«Кутья благоверна святым воня; святии бо не едят, не пьют, но воню и благоуханием тем сыти суть»².

Обычай поминовения был и во времена язычества, и потому к нему примешивались и посторонние обряды, не одобряемые Церковью. Так, преподобный Феодосий запрещает ставить по усопшим обеды и ужины, класть на кутью яйца и ставить воду; вероятно, яйца и вода были какими-нибудь символами древнего языческого поминовения.

ЗВЕРИНАЯ И ПТИЧЬЯ ОХОТА В РОССИИ

От царя или Великого князя до последнего дворянина охоту считали самую лучшею забавою и даже полезною в

¹ Св. Макария. Погод. сборник. Биб. № 1321.

² Пуб. библ. рукоп. С. 203.

старину. Звериная охота приучала молодых людей к перенесению голода, зноя, холода; приучала их встречать опасности и трудности и преодолевать их своим бесстрашием; приучала их к ловкости, гибкости и скорости движений, наконец, эта охота давала возможность привыкнуть к успешному управлению всякого рода оружием.

Владимир Мономах так говорит сам о себе: «Любя охоту, мы ловили зверей, я вязал сам своими руками в густых лесах диких коней, вдруг по несколько. Два раза буйвол метал меня рогами, олень бодал, лось топтала ногами, ветер вырвал меч с моего бедра, медведь прокусил седло; лютый зверь однажды бросился и сбил коня подо мною, несколько раз я падал с лошади, два раза разбивал свою голову, повреждал руки и ноги, я сам все то делал, что мог приказывать другим: смотрел за конюшнею, охотою, ястребами и соколами»¹.

Андроник Комнин, греческий император, перенимал многие наши обычаи: он любил нашу звериную ловлю и беганье в запуски.

Ловля зверей, как мы уже сказали, была любимым занятием русских со времен древних, и великие князья с удовольствием проводили праздное время на охоте.

В. к. Василий был даже особенно пристрастен к травле. Вот как рассказывает о нем Герберштейн:

— Увидев государя, мы оставили своих лошадей и подошли к нему. Он сидел на гордом коне в терлике парчовом, в колпаке высоком, осыпанном драгоценностями и украшенном золотыми листьями, которые развевались, как перья; на бедре его висел кинжал, за спиною ниже пояса, кистень. С правой его стороны находился казанский царь Шаг-Алей, вооруженный луком и стрелами, а с левой — двое молодых князей: один из них держал секиру, другой — булаву или шестопер; вокруг их находилось более 300 всадников.

¹ Духовное завещание Мономаха, см. Пушкинский харатейный список Нестора.

Сначала охотились ловлею зайцев в лесу, неподалеку от Москвы.

Государь предоставил первую честь спустить собак важным сановникам и послам: Герберштейну и польским послам Кишке и Богушу. На каждого зайца приходилось по четыре собаки. Государь был весел и хвалил ловцов. В короткое время поймали более трехсот зайцев. Потом последовала соколиная охота. Для этого пускали кречетов бить лебедей, журавлей и других птиц.

Кречеты по тонкому своему чутью открывали, где летали любимые ими птицы, пускали ястребов и соколов из породы орлов и тетерей, которые были замечательны тем, что по крику узнавали фазанов и с быстротою их преследовали. Они черные, величиною с гуся, и брови у них красные.

Затем вызывали охотников бить медведей. Отважные ловцы бросались на зверя с деревянной рогатиной. Если его ранил медведь, то он являлся к Государю и, показывая ему свои раны, говорил смело:

– Государь! Я ранен.

– Я тебя награжу, – отвечал Великий князь. Он приказывал раненого вылечить и щедро обдаривал его платьем.

Вечером мы все сходили с коней, и для нас разбивали шатер на лугу.

Государь, переменив свою одежду, разговаривал весело с боярами в своей палатке об удаче или неудаче этого дня. Слуги разносили кориандр, миндаль, орехи, сахар; все преклонялись пред Государем и ели. Потом пили за его здоровье мед и вино¹.

Любимой забавой царя Феодора был медвежий бой. Диких медведей, ловимых тенетами и в ямах, держали в клетках. В назначенный день для забавы собирался двор и множество народа к тому месту, где предстоял бой. Ме-

¹ Карамзин полагает, что псовая охота чуть ли не введена впервые В. к. Василием, так как до того времени собаками гнушались как нечистыми животными.

сто обводилось глубоким рвом для безопасности зрителей и чтобы ни зверь, ни охотник не могли уйти друг от друга. Являлся отважный боец с рогатиной, и тотчас выпускали медведя, который, увидя своего врага, становился на задние лапы, ревел и с отверстою пастью бросался на него. Охотник стоял неподвижно, он наблюдал его движения и одним сильным размахом вонзал рогаину в зверя, а другой конец ее прижимал к земле ногою, чтобы разъяренный зверь не кинулся на него, так как яростный зверь лез грудью на железо, которое орошал своею кровью и пеною, если не преодолевал, то, падая на бок, издавал раздирающий душу стон.

Народ громкими восклицаниями провозглашал имя победителя. Его представляли царю и потом поили вином из царских погребов.

Каждый охотник бил зверя в грудь; в случае промаха он был им изуродован, и это случалось часто. Счастливец был доволен тем, что оставался в живых, и не получал никакого награждения, кроме того, что его поили. Раненым выдавалось награждение, а жены и дети растерзанных содержались на царском иждивении¹.

Пристрастие русских к охоте оправдывалось убеждением того времени, что охота – занятие благородное, и потому все охотно привязывались к ней; даже в XVII веке было издано особенное наставление для охотников под названием: «Книга, глаголемая Урядник, и устройство чина Сокольникового пути».

Были особенные чиновники, которые наблюдали за охотою, а именно: ловчие и сокольниковы. Ловчие разделялись на ловчих рязанского и московского пути; последнему были подчинены городовые. Ловчий равнялся нынешнему егермейстеру. Сокольниковый смотрел за кречетами, ястребами и другими охотниками, и его звание равнялось званию обер-егермейстера.

¹ Fletcher. Of the Russe Common Wealth, помещ. в собр. Гаклюйта.

Бояре много раз силились отклонить царя Петра I от воинских забав, которыми великий монарх занимался с любовью еще в младенчестве. Перед Петром I псовую и птичью охоту до того расхваливали, что Государь, не любивший охотиться, как-то раз решил выехать в поле.

В назначенный день к государю явились охотники со множеством слуг и собак.

Государь Петр Алексеевич поблагодарил охотников за усердие к нему и, видя, что их сопровождала большая свита псарей, изъявил свое желание лично охотиться только с самими охотниками, без участия слуг, общество которых он считал неприличным, и просил их отпустить слуг.

Вельможи, взяв собак из рук слуг, отправились с Государем. Но лишь только явились на место, как пришли в крайнее недоумение и расстройство. Собаки, которыми бояре не умели управлять, подбегали под ноги лошадей и их пугали. Испуганные лошади носились со своими всадниками по полю и некоторых сшибали с седла.

Позабавившись над неумелыми охотниками, Государь возвратился в Преображенское. На другой день Петр назначил птичью охоту, для чего и пригласил прежних охотников; но некоторые из них были изувечены и лежали в постели, а другие не явились.

Царь спросил у явившихся, «не желают ли они поохотиться», но вопрошаемые отвечали, что не желают.

Тогда Государь сказал им:

— Не лучше ли им быть воинами, нежели псовыми охотниками? Я царь, а слава царя в благоденствии народа; охота же есть слава псарей¹.

Петр I порицал охоту как напрасную потерю времени, отвлекавшую от государственных занятий.

Петр II был с намерением увлекаем к псовой охоте. Граф Остерман, его наставник, бывший потом государственным канцлером, много раз жаловался на князей Дол-

¹ Голиков. Деян. Петра Великого. С. 175.

горуковых, что они поселили в Государе страсть к псовой забаве; отвлекали его от государственных дел, чтобы только самим управлять.

После смерти Петра II охота окончательно исчезла в царственном доме.

Ей предавались впоследствии от нечего делать помещики да сибирские промышленники, которые бьют медведей, пушных зверей и тем доставляют себе пользу, а прочим возможность иметь теплую одежду¹.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРИСЛОВЬЯ

Арзамасцы – лукоеды, гусятники.

Архангельцы – моржееды. «Иванович, Иванович, слезь с крыши, я к тебе приехала!»

Так кричала пришедшая из Архангельска жена к мужу-кровельщику, поглядывая на одну из крыш, где стояла статуя, и долго бы прокричала, если бы ее не уверили добрые люди, что это не человек.

Балахонцы – балахна, стоит рот распахня.

Болховитяне – рака с звоном встречали. «Вот воевода к нам ползет, щетинку в зубах несет».

Борисоглебцы – кислогнездые. В старину здесь были скорняки и клеевары; дворы их издавали пренеприятный запах, отчего окрестные жители и дали этим жителям такое название.

Боровичи – луковники. Луку, луку зеленого. Жители города Боровска (Кал. губ.) занимаются огородничеством.

Брянцы – куралесы. Брянская коза. Куда из дома не поедут, а далеко не отъедут, а все к кружалу их к своему гумну приедут.

¹ Заимствовано из книг: «Очерк дом. жизни и нрав. великор. народа в XVI и XVII ст.» Костомарова, «Быт рус. нар.» Терещенко и др.

Бежечане – колокольною рожком подколотили. В старину еще жители города Бежецка очень любили нюхать табак и держали его в роге. Соберутся к церкви в праздничный день за час, чтобы к началу поспеть, расположатся на паперти, и давай один другого табаком потчевать; разумеется, сперва рогом постучат в стену или о паперть. Вот отсюда и пошло присловье.

Белозерцы – белозерские снетки.

Бувевцы – Буй да Кадуй черт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот сидел. Буй городок, отбей кошелек. Домоседы. Лесники. Поговорка с татарского времени. Татары хотели разорить этот город и искали его, переходя из леса в лес.

Варнавинцы – медовики.

Ветлужане – санники. Санник-тележник, а выехать не на ком.

Вичуговцы – салфеточники.

Вильняне – Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал. В Вильне семь дорог для жида и три для поляка.

Витебцы – Волынка и гудок, сбереги наш домок; соха и борона разорили наши дома.

Владимирцы – клюковники. «По клюкву, по клюкву, по красную клюкву». Собрались кулики, на болоте сидючи, они Суздальцы да Володимирцы, и волынка, и гудок. – Деревянные печи, золотые ворота и железные церкви.

Волданцы – колокольники. Молодец! Купи баранок, а поцелуй в придачу.

Вологжане – На словах, как на масле, а на деле, как на Вологде. Теленка с подковой съели. – Толокном Волгу замесили.

Вытегоры – камзольники.

Вязмичи – пряничники. – «Мы люди не грамотные, едим пряники неписанные». – Коврижки с анисом. – Глупая Вязьма, бестолковый Дорогобуж.

Вятчане – Вятская баталия. – Хлыновские бояре. – Сви-
стоплясцы. – Слепороды. – Вятка, всему богатству – матка!

Галичане – «Що пар галуньки». Корову в баню тащи-
ли. – Город Галивон, озеро Мирон, а люди Кривичи. – Овчин-
ники. – Толокно веслом в реке мешали и толокна не достали.

Глуховцы – Попутный табачок.

Даниловцы – Любимые ловцы. Даниловцы, невыдав-
цы. – Кошкодавы: кошку не купили, а задавили.

Дедновцы – Макары.

Есть в народе предание, что дедновцы Рязанской гу-
бернии отправили своего старосту с выборными людьми
от всего мира встретить Петра Великого с хлебом-солью.
Государь, принимая от них приношения, спросил старосту
об имени. Староста огласил себя Макаром. Государь сказал:
«Хорошо!» Потом спросил у других об их именах.

Дедновцы будто вообразили, что имя старосты их нра-
вится царю, все до одного назвались «Макарами». Государь
на это сказал, смеясь: «Будьте же все вы Макарами!» С тех
пор и зовут их – Макарами.

Дмитровцы – лягушечники. От болот, окружающих
Дмитров, и лягушек, оглашающих окраины города.

Егорьевцы – головотяпы.

Егорьевцы – Сам нож точит, а говорит: «не бось!» – Ру-
дометы, коновалы.

Ельчане – сычужники. – Радуга ушат воды выпила. – У
нас в Ельце, на Сосне реце, курица втенка (утенка) вывела.

Ефремовцы – В кошеле воду варили.

Заднепровцы, запорожцы – задрипанцы.

Ивановцы – Богат да хвастлив, как ивановский мужик.

Казанцы – Казань прогребли и орду прошли.

Кадуевцы – кадочники.

Калужане – Калужанин поужинает, а туляк так ля-
жет. Щагольники. Щаголь щаглует на осиновом дубе, да
воскогуркнет «Ткау! Ткау!» «Наша Колузя Москвы более

да более, а калачами да квасом удалей». Козла в соложенном тесте утопили.

Калязинцы – Свинью за бобра купили. У нашего Макара по три деньги Натальи, а грош дай, любую выбирай.

Капорцы – крошевники. – Капорское крошево и кисло, и дешево.

Каргопольцы – Чудь белоглазая, сыреды.

Кашинцы – Собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Каширцы – Шапку долой! – А що? – Все бо бояре.

Кижане – Золотую грамоту просили.

Кимряки – Петуха на канате кормили, чтоб на чужую землю чрез межу не перешел. Склеенный сапог. – Свои сапоги на лапоть променяли, лапти, мол, нашего товара прочнее.

Кинешемцы – суконщики. – Кинешма да Решма кутит да мутит, а Вологда – убытки платит.

Климовцы – лапотники.

Кологривцы – дегтярники.

Коломенцы – чернонебье.

Костромичи – Лучше бы три раза погорела, чем раз овдовела. – Костромичи в кучу, ярославцы прочь; они на руку нечисты; лапти растеряли, по дворам искали, было шесть, а стало семь.

Крапивенцы – Сено с колокольным звоном встречали, а воеводы не видали.

Как-то раз прослышали крапивенцы, что с Соловы поднялся к ним воевода. Нарядились миряне в праздничные кафтаны и сели по лавкам. А чтобы знать, когда встречать воеводу, то послали десятского на колокольную с наказом: «Как будет-де подъезжать воевода, звони».

Заклубилась пыль по дороге, десятский зазвонил, затрезвонил. Вышли миряне с хлебом-солью, глядят, едет мужик с сеном. Ему-то миряне и били челом.

Кремляне – Живет в Кромах, в разных домах.

Ладожане – Щуку с яиц согнали.

Ливенцы – Соломатой мост обломил. В какое-то незапамятное время приехал в Ливны на воеводство воеводич. Ливенцы наварили соломаты по горшку со двора и понесли в подарок воеводичу. Поехал обоз с соломатой по мосту; а мост не крытый, не шитый, из тычинок собранный, хворостом покрытый, под соломатой-то и подломился.

Лихвинцы – Лихвинские горы да Новосильские воры – злее всех.

Луговцы – разносчики.

Лучанцы – В Луцке все не по-людски: на вколо вода, в середине беда.

Это старинное присловье произошло от униатов и жи-дов, наполнявших город в начале XVII столетия. Точно та-кое же присловье говорили и о Каменце. Каменец – венец, кругом вода, в середине – беда!

Любимцы – Козу пряником кормили. – Водохлебы. Не учи козу, сама станет с воза, а пречиста рука все при-чистит. – Двенадцатый час, а матушка из миру не бывала. (Сын из Питера приехал с часами, половым там был, а ма-тери ничего не посылал, так что та по миру начала ходить, подаянием жить.)

Вдохлебами их называют по их страстной привязан-ности к чаю.

В незапамятную старину двое любимских поселян со-брались покататься на Масленице. Заложили лошадь в сани. У обоих были одни сапоги; вот они надели их, кто справа сидел – на правую ногу, а кто слева, тот – на левую. Тех двух ног, что внутри саней и не видать, что они в лаптях, а все же питерщиной нужно похвалить.

Выехал экипаж: дуга золоченая, сбруя ременная, ло-шадь три дня не кормленая. Едут да остановятся, будто конь их до того заелся и горячится, что лезет из хомута вон; а конь из-за голода ни с места и без хомута. Принялись му-жики за кнуты, под гору бьют в четыре кнута, а с горы – в десять, конь стоит все тут же.

Малороссы – Мазепинцы. – Хохлы. – Чубы. – Хохол глупее вороны, а хитрее черта. – Москаль продал с хохла пояс на ярмарке за три деньги, а хохол в придачу пошел ни за калач, ни за денежку. – Цап (козел) ведет сто баранов на базар, а татарин сто хохлов в Крым. – Что это за люди? – Мы бо не люди, а малороссы. – Казак, коли не пье, так воши бье, а все-таки не гуляе.

Мецяняне – Амчинина быте во двор. Бабы-кружевницы – мужья-лежебоки.

Можайцы – можайский ветер. Такое название, вероятно, дано можайцам исстари по той причине, что они легко переходили от одного властителя к другому, например: от москвичей к Шемяке, потом к полякам против князя Василия Васильевича Темного.

Мосали – Гуторы гуторили, гуторили, да и загуторили воеводу. Матушка Заугра, не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то мосальцы отправили своего старосту Гаврюшку провести в Москву, почем там православные принимают людей на заработки?

Староста выехал в санях прямо по реке Угре, дело было во время ростопели. Река Угра поднималась из берегов. Староста долго не думал, сел в сани, махнул кнутом по лошади и въехал прямо на льдину, а мосальцы проводжали его всем миром. Вдруг вода поднялась из берегов, икры пошли за икрами, старосту затерло во льдинах. Издохались мосали, припали к берегу и стали голосить: «Матушка Заугра! Не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!»

Москвичи – В Москве недороду хлеба не бывает. Живет в Москве, не в малой тоске. – Два брата с Арбата, а оба горбаты. – С Москвы с посада с овощного ряда. – Рака с звоном встречали. – Московский час – подожди. – С москалем дружи, а камень за пазухой держи. Москаль невелик

человек, да опасен. – Правда Московская. Москаля верти (обманывай). Видь москаля – поли *фажи, да втекай* (беги).

По этому случаю г. Сахаров приводит маленький анекдот из малороссийского быта:

Мать. Кто иде?

Дочь. Черт.

Мать. Добре, дочушка, абы не москаль, от черта открестисься, а от москаля дубиной не отобьешься. – Затем следуют и другие поговорки.

В Москве толсто звонят да тонко едят. – Москва стоит на болоте, хлеб в ней не молотят, а больше деревенского едят. – Вишь, как намоскалился, що из-пид живаго пятаы режет. – Видно город велик, коли семь воевод.

Многие из этих сказаний принадлежат историческим эпохам; так, по словам г. Сахарова, «*Правда Московская*» появилась от псковичей, когда москвичи взяли Псков, когда они на Москве били челом в своей покорности. – *Видно, велик город семь воевод* – указывает прямо на семибоярщину. Другие же выдуманы малороссами. Так, например, «*Московский час – подожди*» указывает на медленность прежнего старинного судопроизводства. Во многих случаях, может быть, указывалось на солдат, которых наши хохлы тоже называли «москалями».

Муромцы – колошники. – Вертячие бабы. – Святогоны.

Последнее слово относилось к XIII веку, когда муромцы выгнали из своего города епископа Василия.

Нерехотцы – Село Лупино, арменки глупые, а Нерехта на ум поставит. – Не бойся по Арменской дороге воров, а бойся в Нерехте каменных домов. – Нерехотские бегуны¹.

Нижегородцы – Дома каменные, люди железные. Татинец да Слатинец – ворах кормилец. – Нижегородцы не уродцы.

¹ Бегунами названы нерехотцы потому, что бегают по зимам с безменом скупать пряжу.

Нужно заметить, что селения Татинец и Слатинец, находящиеся от Нижнего Новгорода в 60 верстах, были в старину опасными местами для путешественников, так как в этих двух селениях часто имели пребывание волжские разбойники, о которых и сейчас можно слышать от старожилов. – Бородка-нижегородка – ус Макарьевский.

Новгородцы – долбежники. – Гущееды. – Упрям, как новгородец. – Ты ведь не новгородский дворянин. – Сига в Волхов столкнули.

Долбежниками москвичи называли новгородцев по их дубинкам, с которыми они в старину ходили на бой. Гущеедами прозвали новгородцев за постное кушанье во время поста, приготовляемого из обожженного ячменя, сваренного в простой воде.

В старину хлебосольные москвичи, выговаривая спесивому гостю, что он не приезжал к обеду, говорили: ты ведь не новгородский дворянин.

Новоторы – Город Коростеня, владение Ольгино, народ кривичи. – Новоторы – воры.

Одоевцы – Молодечь, молодежь, продай за грош постных яиц.

Раз одоевцы привезли товар в Москву, пришло время обеда; вот возчики одного из своих послали купить провизию к обеду. Молодец впервые Москву видит. Подходит парень к лотку с огурцами и спрашивает: «Что это за товар?» Москвич смекнул, что это за птица, и отвечает: «Постные яйца». Одоевец, призарясь на огурцы и слыша, что яйца эти постные, а дело было в Петровки, начал торговаться.

Олончане – Олонцы – добры молодцы. – Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и староста. – У нас один молодец съел тридцать три пирога с пирогом да все с творогом. – Один молодец ел хлеба мягка, ножа была востра, а как шапка свалилась, на пол покатилась, до реки пихал ногой, а войдя в реку, почуял,

что-то лопнуло. «Не брюхо ли лопнуло?» – подумал; глядит: брюхо цело, а ремень лопнул, голову нагнул и шапку надел. – Любезный Олонец – белые берега. – Кайваны в Олонце не бывали.

Онежане – На рогах онучи сушили. – Прохорята. – Прохоровы дети. – Прохор письмо прислал и любодырному велел деньги собирать. Во всей Онеге нет телеги. – Летом воеводу возили на санях по городу.

Орловцы – Проломленные головы. – Орел да Кромы – первые воры, да и Карачи на поддачу.

Осташи – Волчьи объедки. Ершееды. – Опозорили, опозорили, а чем же? Уж и не говори!

Пенежане – Покупала по цетыре денецки, продавала по два грошика; барыша куца куцей, а денег ни копейцки.

Пензяне – Сура-речка у нас важная, течет потихоньку, донышко у нее серебряное, круты бережка позолоченные.

Петрозаводцы – Качу лавочку, качу мытный двор, качу свой Торжок. – Боску съели. – Боска, боска, на тебе костку!

Пошехонцы – слепороды. – В трех соснах заблудились. За семь верст комара искали, а комар у пошехонца на носу сидел. – На сосну лазали Москву смотреть.

Псковичи – Небо кольями подпирали. – Хоцу скацу, хоцу не скацу.

Ржевцы – Батьку на кобеля променяли.

Романовцы – Схорони концы. – Барана в зыбке качали.

Дело было так: у одного поселянина украли маленького барашка. Завопил мужик благим матом, а его жена так затосковала, что хоть руки на себя наложить. Соседи сжалились. Ударили в набат, сделали сходку и решили сделать повальный обыск с тем, что если у кого найдут пропажу, то утопить вора.

Поискали, поискали, приходят к вору, а романовец, только услышал приговор, спеленал ягненка и положил

в зыбку. Вошедшие пришли и стали обшаривать избу и подполье. Романовец, качая своего барана, сказал старикам:

– Вот вам правая рука через милое дитя, и чтобы ему с матерью на ноже поторчать, – отвечал романовец.

Ростовцы – вислоухие. – Лапшееды. – Озеро соломой зажигали. – У нас-ти в Ростове, чесноку-ти, луку-ти много, а навоз-ти все коневий.

Вислоухими названы по зимней шапке с ушами. Лапшеедами потому, что лапша – их любимое кушанье.

Когда-то в Москве потребовалось много рыбы. Стали отовсюду ее требовать, и весть эта достигла до ростовцев. Дело прибыльное; но жаль, что озеро замерзло, так как запрос был по зиме.

Думали, думали ростовцы и придумали растопить озеро и наловить рыбы. Натаскали множество соломы с изб, и староста скомандовал: «Ну, ребята! Валяй на счастливую. Зажигай, подпаливай!»

Озера не растопили, а свою деревню спалили.

Рязанцы – кособрюхие. – Мешком солнышко ловили. – Блинами острое конопатили.

Серпуховцы – Дядя едет от Серпухова, бороду гладит, а денег нет.

Сибиряки – Сибирь. – Золотое дно. – Тепло, жарко да масляно. – Сибиряк любит. – Чевошники.

Смольяне – Якой губернии? – Смоленской. – Якого уезда? Города? – Драгобужска. – Якой волости? – Демьяновской посадки! – Якова боярина? – Про то не ведам. – Кружники. – Хоть бейся о Малаховские ворота. – Крепки, как Малаховские ворота.

Солигаличане – бревенники, известняки.

Спасцы – Откуда ты, молодець? – Спасской купеч. – Чем торгуешь? – Красным товаром: свечами и чистым дегтем.

Старичане – Возьми сорок алтын? – Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдам. Петуха встречали с хлебом-солью.

Староруссы – Лошадь съели, да в Новгород писали, чтоб еще прислали.

Судиславцы – грибовики.

Суздальцы – мазанники. – Мазилы. – В Суздале да Муроме Богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуге напиток.

Тамбовцы – молоканы. – Хрептуки степные.

Тверитяне – ряпучиники. – Забегай! Забегай! – А что? – Не видишь, что куница бежит? – Это собака с Клементьева двора. – Ну, так пускай бежит. – Новоприведенная девонька. – Цвякалы, цуканы.

Тихвинцы – Свято то место, где тихвинца нет. – Козу на колокольню тащили.

Торопчане – таботеры. – Торопчанина обманет цыган, цыгана – жид, жида – грек, а грека – черт. – Цыгану лошадь на лапти променял.

Тройчане – Поляки с пушками, а мы с клюшками.

Туляки – Живет в Туле да есть дули. Бей челом на Туле, ищи на Москве. – Стальная душа. – Блоху на цепь приковали. – Бачика присядь, присядь – чижи летят. – Хорош заяц, да тумак, хорош малый, да туляк.

Усольцы – огуречники.

Угличане – Небось, небось, батька! Ведь это не наше.

В старину было: погода ненастная, а время голодное. Пошли отец с сыном поворовать с горя. Ночь была темная, а отец к тому же был полуслеповат. Как вышли со двора, так и дорога пропала. Пропели третьи петухи, дорога опять нашлась, когда уже стало проходить удобное время. «Поди, батько, – говорит сын, – ты посмелее меня» – и указал ему на чужой дом. А в дом-то попали в свой. Дивится старик, что все в избе, словно как свое да знакомое; а сын кричит: «Не бойсь батька! Это не наше». «Как не наше? – возражает отец, – да и старуха-то моя!»

Устюжане – мазы. – Черносеребренники. – Красноязыки.

Холмогорцы – заугольники. – Царя из угла встречали.

Чухломцы – рукосуи. – Рукавица за поясом, а других ищет.

Шуяне – Беса в солдаты отдавали. – В Питере бывал, на полу сыпал и тут не упал. – Кабы мне крепкого мыльца.

Юрьевцы – китаешники.

Ярославцы – Красавцы-белотелы. – Ярослав-городок – Москвы уголок. – Пуд мыла извели, а родимого пятна у сестры не смыли.

СТАРИННЫЕ И НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Песни святочные

Слава Богу, на небе,
Слава!
Государю нашему на сей земле!
Слава!
Чтобы нашему Государю не стариться,
Слава!
Его цветному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрым коням не изъезживаться,
Слава!
Его верным слугам не изменяться.
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца светла;
Слава!
Чтобы Царева золота казна
Слава!
Была век полным полна;
Слава!

Чтобы большим-то рекам
Слава!
Слава неслась до моря;
Слава!
Малым речкам до мельницы.
Слава!
А эту песню мы хлебу поем,
Слава!
Хлебу поем, хлебу честь воздаем.
Слава!
Старым людям на потешение,
Слава!
Добрым людям на услышание.
Слава!
Катилось зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилось зерно ко яхонту,
Слава!
Крупен жемчуг со яхонтом,
Слава!
Хорош жених со невестою.
Слава!
Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Шубенка на нем худехонька;
Слава!
Одна пола во сто рублей,
Слава!
Другая пола в тысячу,
Слава!
А всей-то шубенке цены нет.
Слава!
Цена ей у Царя в казне.
Слава!
У царя в казне, в золотом ларце.
Слава!

Еще ходит Иван по погребу,
Слава!
Еще ищет Иван неполного,
Слава!
Еще хочет Иван дополнити
Слава!
Свою братину зеленым вином
Слава!
Что неполного, и покрытого.
Слава!

Рождественские стихи¹
(которые поются детьми, ходящими со звездою)

Днесь пресветлая
Небу и земли царица,
Христа царя рождает
И млеко его питает.
Пеленами увивает,
В ясли полагает,
Звезда пути являет,
Над вертепом сияет;
Волсви же пониже
Христу царю приидоша,
Трои дары принесоша:
Злато, ливан, смирну,
Вещь предивну.

* * *

Достойно есть удивления,
Духовного веселия,
Ныне звезда явися,
На востоке остановися,
Паче свет свету произвещает,
Бога нашего на земли являет

¹ См. Труды Этногр. отдела Об. люб. естеств. Кн. V. Вып. II. 1878.

Тако дождь нарушнiet,
Тако смиренно Господь на земле приидет,
От пречистые Девы Марии,
Родися яко младенец
Пеленами повиван,
Горние дивятся.
Земные о том веселятся,
Вкупе возрадуются.
Днесь Христово рождение,
Веселимся здесь,
Благодати есть.
Хвалу Богу начнем петь.
В полу на земле звезда,
Ангели пастыри
Возвестили новорожденного
Бога нашего.
Царь же Ирод,
Во всем мире,
Мир нам явися,
Бог Царь от девы Марии
Над вертепи родися.
Во всем мире
Младенцей побили,
Били, секли, ругали.
Лежит тако воронков,
На полях снопков,
Маткам ручки заломили,
Волосы дерут.
Мира мируют,
Жалостны матки,
Соболи детки.

* * *

Новая радость
Во всем мире,
Мире нам явися,
Бог царь от девы Марии

На земли родися.
Дайте, воспевайте,
Возыграйте,
Дай Бог вам,
Вам господам,
Господиновым женам,
Скупно здравствовати,
Виват, виват,
Многие лета¹.

Вечериночные песни

Не нападывай пороша, (2)
 На талую землю, (2)
Что на талую на землю, (2)
 В Петрово говенье, (2)
Что в Петрово говенье, (2)
 В перво воскресенье. (2)
Что по той белой пороше, (2)
 Шел Ваня хороший, (2)
Шел Иванушка хороший, 2
 Белый, кудреватый, (2)
Ваня белый, кудреватый, (2)
 Холост, неженатый. (2)
Зажимает праву руку, (2)
 Ко белому снегу, (2)
Зажимает, сам бросает, (2)
 К Парани в окошко: (2)
Ты пойди, выйди, Параня, (2)
 Выйди, Парасковья; (2)
Есть у батюшки гости, (2)
 У матушки гости, (2)
Есть у братьицы подъячи, 2
 У сестер девиц, (2)
У сестрицы есть девицы, (2)
 У Парани Ваня. (2)

¹ См. Труды Этногр. отдела. Кн. V. Вып. II. 1878.

Я шутя Ване сказала, (2)
Взаболь отказала, (2)
Пошел Ванюша невесел, (2)
Голову повесил, (2)
Пошел Ванюша печален, (2)
Головой качает, (2)
Сам головушкой качает, (2)
Себе размышляет; (2)
Уж я как буду жить, (2)
Кого полюбить? (2)
Мне стара баба любить, (2)
Стыдно к ней ходит; (2)
Мне мужня жена любить, (2)
Убитому быти; (2)
Молода вдова любить, (2)
Денежно носить; (2)
Красну девицу любить, (2)
Щегольно ходит; (2)
Хоша щегольно ходит; (2)
Девицу любить. (2)

* * *

Из-под ели, ели, ели (2)
Течет речка быстра, (2)
Течет реченька быстренька, (2)
Водица мутненька; (2)
Мне нельзя воды пить, (2)
Нельзя почерпнути, (2)
Мне нельзя жены бить, (2)
Нельзя поучити. (2)
Уж я бил жену час, (2)
Сам плакал неделю, (2)
Исриплакал ясны очи, (2)
По четыре ночи, (2)
По четыре темны ночи, (2)
Темные, осенни. (2)

* * *

Вечер сокол
Вечер ясен
 Сыры боры (3) облетал;
Алексеюшко,
Свет Яковлевич,
 Свои кудри (2) свои русы расчесал;
Дарьюшке
Свет Матвеевне
 Два словечка (2), полдесятка сказал (2):
Дарьюшка,
Свет Матвеевна,
 Взгляни радость (3) на меня;
Коль я хорош,
Коль я пригож,
 Наливная ягодка, наливная сахарная (2).

* * *

Посеяли девки лен,
 Ходи браво, гляди прямо, говори, что девки лен
Посеяли в огород. (2)
 Ходи..... в огород
Во частенький, во новый, (2)
 Ходи..... во новый.
Повадился в этот лен, (2)
 Ходи..... лен
Детинушка, парень молодой, (2)
 Ходи..... молодой;
Сильну цветик сорывал, (2)
 Ходи..... сорывал,
В Дунай речку побросал,
 Ходи..... побросал.
Дунай речка не примат, (2)
 Ходи..... не примат,
Ко бережку прибиват, (2)
 Ходи..... прибиват,

Ко бережку ко круту, (2)
Ходи..... ко круту.
Ко желтому ко песку, (2)
Ходи..... ко песку,
Ко серому камешку (2)
Ходи..... камешку.
В сером камне искры нет, (2)
Ходи..... нет;
В своей жене правды нет, (2)
Ходи..... нет;
В чужой жены правда вся, (2)
Ходи.....вся.
Куплю своей жены лапотки, (2)
Ходи..... лапотки;
Чужой жены башмачки, (2)
Ходи..... башмачки,
Своей жены костычек, (2)
Ходи..... костычек,
Чужой жены сарафан, (2)
Ходи.....сарафан;
Носи, жена, береги (2)
Ходи.....береги,
По праздникам годовым, (2)
Ходи.....годовым¹.

* * *

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты к чему рано зашумела,
Преклонила свои веточки?
Из тебя ли, из дубравушки,
Мелки пташечки вон вылетали,
Одна пташечка оставалась
Горемычная кукушечка.
Что кукует она день и ночь,
Ни на малый час перемолку нет,

¹ Все 4 песни взяты из Трудов Этногр. отд. 1878. Кн. V. Вып. II.

Жалобу творит кукушечка
На залетного ясна сокола:
Разорил он ее тепло гнездышко,
Разогнал ее малых детушек,
Малых детушек, кукунятушек.
Что по ельничку, по березничку,
По часту леску, по орешечку,
Что во тереме сидит девица,
Что во высоком сидит красная,
Под косящетым под окошечком;
Она плачет, как речка льется,
Возрыдает, что ключи кипят,
Жалобу творит красна девица
На заезжего добра молодца,
Что сманил он красну девицу,
Что от батюшки и от матушки.
И завез он красну девицу
На чужу дальнюю сторону,
На чужу дальню, незнакомую,
Что завезши, хочет покинуть.

* * *

Стругал стружки добрый молодец,
Брала стружки красна девица,
Бравши стружки, на огонь клала.
Все змей пекла, зелье делала,
Выходила посередь двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей, сестра, наперед меня.
Пила, братец, наливаяочи,
Тебя, братец, поздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорелася.
Сходит молодец с добра коня.
Вынимал свою саблю острую
И снимал с сестры буйну голову;

Не сестра ты мне родимая,
А змея ты подколотная.
Он клал дрова среди двора,
И он сжег ее тело белое,
Что до самого до пепела;
Он развеял пух по чисту полю
Заказал всем тужить и плакати.

* * *

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвела, когда вызрела?
Я весной взошла, летом выросла,
Я весной цвела, летом вызрела.
Под тобою ли, рябинушкой,
Что не мак цветет, не трава растет,
Не трава растет, не огонь горит,
Не огонь горит – ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ах, горит, горит, как смола кипит,
По душе ль, душе лебедушке,
По лебедушке, по голубушке,
По голубушке, красной девице.
Ты душа ль, душа красна девица!
На заре ль, заре утренней,
При восходе ли светла солнышка
Не простившись с отцом, с матерью,
Не выдавшись с добрым молодцом,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы ветры, ветры теплые,
Ветры теплые, вы осенние!
Вы не дуйте здесь, вас не надобно.
Прилетайте вы, ветры буйные,
Что со северной со сторонushки,
Вы развеите здесь мать сыру землю,
И развевши по чисту полю,

По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мне гробову доску,
Уж и дайте мне вы в последний раз
Распрощатися с моей милою,
С моей милою, с душой девицей!
Окропив ее горячей слезой,
Я вздохну, умру подле ней тогда.

* * *

Не спала-то я, младешенька, не дремала,
Я не думала, младешенька, не гадала,
С правой руки ясного сокола отпустила;
Подымался млад ясен сокол выше лесу,
Выше лесу, выше зеленой дубравы!
Опускался млад ясен сокол на сине море,
Он садился млад ясен сокол на кораблик;
По кораблику гостиный сын гуляет,
Во звончатые он гусельки играет,
Он душу красну девицу утешает:
Ты не плачь, не плачь, душа красна девица,
Наживай себе друга милого, иного.
Буде лучше меня найдешь – позабудешь:
Буде хуже найдешь – вспомянешь,
Вспомянув меня, душа моя, заплачешь¹.

Песни игорные и обрядные

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки во высоком, во высоком.
Пал, пал перстень
В калину, в малину,
В черную смородину.
Гадай, гадай, девица, отгадывай, красная!

¹ 4 семейные песни заимс. у Сахарова в его «Сказаниях рус. нар.». Т. I. 1841.

В коей руке былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы ведала.
Чрез поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом приплетаючи.
Ах, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочет бити,
По три утра, по четыре
По три прута золотые,
Четвертым жемчужным.

Еще девицы гадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Пал, пал перстень
В калину, в малину,
В черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого
На правой на ручке,
На малом мизинце.

Еще девицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистым порохом запало,
Призаиндивело, призаплесневело.
Молодайка, отгадай-ка!
Пошли гусли вдоль по горнице
Ай вдоль да по скамеечке;
Дошли гусли до столешничка,
Что до дубового.

Ты возьми, возьми, умница,
С правой руки золот перстень,
С своей ли головы золот венец.
Виноградье красно, почему спознать:
Что Устинов дом Малфеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тын;
Ворота у него дощатые,
Подворотнички рыба зубья?
На дворе у него да три терема:
Во первом терему да светел месяц,
Во втором терему красно солнышко,
Во третьем терему часты звезды;
Что светел месяц, то Устинов дом,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звезды, малы детушки.
Дай, дай, Боже, Устинье Хавроньевне
С высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиков.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего пол-алтына?
За рекою, за быстрою,
 Ой колюдка, ой колюдка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие;
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Поют песни колюдушки.
 Ой колюдка! Ой колюдка!
В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож,
Котел кипит горячий,
Возле котла козел стоит;
Хотят козла зарезати.

Ой колюдка! Ой колюдка!
Ты, братец Иванушка,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я рад бы выпрыгнул,
Горюч камень
К котлу тянет,
Желты пески
Сердце высосали.
Ой колюдка! Ой колюдка!

* * *

Прикажи, сударь хозяин, ко двору придти,
Виноградьє красно зеленое!
Прикажи-тко ты, хозяин, коляду просказать,
Виноградьє красно зеленое!
Ах! мы ходим, мы ходим по кремлю городу,
Виноградьє красно зеленое!
Уж ищем мы, ищем господинова двора,
Виноградьє красно зеленое!
Господинов двор на седми верстах
Виноградьє красно зеленое!
На седми верстах, на осьмидесяти столбах,
Виноградьє красно зеленое!
Что же около двора да железный тын,
Виноградьє красно зеленое!
Что на всякой же тычинке по маковке;
Виноградьє красно зеленое!
Что на всякой же по крестику;
Виноградьє красно зеленое!
Что на всяком же крестику по жемчужку
Виноградьє красно зеленое!
А среди того двора, что три терема стоят,
Виноградьє красно зеленое!
Что три терема стоят златоверховаты.
Виноградьє красно зеленое!
Что в первом терему красно солнце,
Виноградьє красно зеленое!

Красно солнце, то хозяин в дому.
 Виноградье красно зеленое!
Что в другом терему светел месяц,
 Виноградье красно зеленое!
Светел месяц, то хозяйка в дому.
 Виноградье красно зеленое!
Что во третьем терему, часты звезды
 Виноградье красно зеленое!
Часты звезды, то малы детушки;
 Виноградье красно зеленое!
Хозяин в дому, как Адам на раю,
 Виноградье красно зеленое!
Хозяйка в дому, как оладья на меду,
 Виноградье красно зеленое!
Малы детушки, как оладышки,
 Виноградье красно зеленое!

* * *

По Дунаю, по реке,
По бережку по крутому
Лежат гусли неналаженные.
 Коляда!
Кому гусли налаживати?
 Коляда!
Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу
 Коляда!
Зензевея дома нет:
Он уехал в Царь город
Суды судит, ряды рядит;
 Коляда!
Он жене-то шлет
 Куницу шубу.
 Коляда!
Сыновьям-то шлет
 По добру коню.
 Коляда!

Дочерям-то шлет
По черну соболу.
Коляда!

Уличные песни¹

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за темного дремучего,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая:
Со ветрами со погодами,
Со великими угрозами,
Что во ту пору, во то время
Дочь от матушки поехала,
Жалобно, слезно заплакала;
Во зеленый сад заехала,
Среди саду становилася,
С соловьями думу думала,
С молодцами речь говорила:
Соловей мой, соловьюшко,
Соловей мой, птица вольная,
Птица вольная, бездомовая!
Полетай, мой соловеюшко,
На родимую мою сторонушку,
На родиму, на любимую;
Скажи, мой соловеюшко!
Отцу, матушке большой поклон,
Роду, племени челобитьице,
Дружку милому большой поклон.

* * *

Катюшечка, душечка,
Едина в горенке сидит;
Шила, вышивала
Дружку милому платок;

¹ Мезенские. Труды Этногр. отд. 1878. Кн. V. Вып. II.

Сошила рубашечку.
Сама к батюшке пошла.
Родитель мой, батюшка!
Что ты думаешь обо мне?
Дитя мое, Катенька,
Не моя воля, твоя:
Хочешь ты, поди замуж,
Не хошь, девушкой сиди!
Дитя мое, Катенька,
Поди в девий монастырь.
Родитель мой, батюшка,
В монастырь я не гожа,
Кельи разворочаю,
Монастырь весь разорю,
Молодых монашенков
В стыд, бесчестье приведу;
Старой я игуменье
Ризу раздеру.
Сватался на Катеньке
Из-за моря купец;
Сказывал: житья бытия
Двести тридцать кораблей;
Катя думала, подумала:
Я за этого нейду.
Сватался на Катеньке
Из трактира музыкант.
Сказывал: житья бытия —
Стара скрипка да гудок.
Думала, подумала,
Я за этого пойду,
Когда сыта, голодна,
Завсегда я весела,
Завсегда плясать пошла.
Выйду я на улицу,
От всех мне честь, хвала.
Кто идет по улице?
Музыкантова жена!

* * *

Не ходил бы я по этой дорожке;
Не смотрел бы я на это окошечко,
На окошечке лежит приметочка,
Не приметочка лежит, горюшко печаль моя,
Не печаль, горе лежит, лежит сухота моя,
Иссушил я, искрушил, мальчик, красну девушку,
Без белил, без румян щеки у ней алые,
Светлорусая коса у ней часто уплетенная;
Во русой ли, во косе, у ней лента алая,
Лента алая, Дуня девка бравая.
Ваня Дуношку любил, Ваня счастлив был,
Прочь от Дуношки отстал,
Ванюшка несчастен стал.
Что у кустышка было у ракитового,
У колодечка было у студеного
Молодец коня поил;
Ванюша жену учил:
А жена-то, жена, мужу покроялася
В праву ноженьку ему поклонялася.

* * *

Я мала была, да горя не было;
Я повыросла, да горя прибыло;
Я куды с горя деваюся,
Со печалюшки да подеваюся?
Пойду с горя в темны леса,
Во зеленых-то лугах там растет трава;
Растет травонька шелковая,
Расцветали цветы лазоревые,
Разнеслись духи малиновые,
Все малиновые, анисовые.
Я со той травы цветок сорву,
Я цветов нарву, венок совью
Милу дружку на головушку;
Носи миленький, не уранивай,

Люби девушек, не обманывай,
Как веночек спал, любить милый не стал,
Он любить не стал, смеяться стал,
Над Дунюшкой смеяться стал;
У Дунюшки слово тайное, речь забавная.
Уж я всем дружку пондравилась:
Белым лицом подходя,
Мыслями дружку прехитрая,
Во компаньюшке веселая,
Во девицах красавица.

* * *

Уж ты степь наша, степь Саратовска;
Далеко и широко ты, степь, протянулася,
Протянулася наша степь от Москвы до Питера,
От Москвы до Питера, до села Царицына;
От села Царицына до князя Голицына.
Что никто-то, никто, по этой дорожке не езживал.
Тут и шли, прошли молоды извозчики,
Млады извозчики все коломенски;
Они везли-то, везли белу рыбицу,
Белу рыбицу к селу Царицыну.
Солучилося у них несчастье:
Заболел да захворал молодой извозчик;
Заболела у него голова буйная,
Опустились руки белые,
Подломились ноги резвые,
Завязали буйну голову платком тальянским;
Дарил-то платок не батюшка, не матушка
Дарила красна девица;
Подарила, приговаривала:
Ты носи-тко платок, да не хвастай мной,
Когда выносишь, похвастайся.

* * *

Калинушка с малинушкой лазорев цвет.
Не веселая беседа, где милого нет;

Веселая компаньюшка, где любезный пьет,
Он пьет, не пьет, за мной, молодой, шлет.
Я млада младешенька да призамешкалась,
За утками, за гусями, да за лебедями,
За вольною за птичкою, за журавонькою.
Журавонька птичка по бережку погуливала,
Мураву траву потаптывала,
За реченьку за быструю посматривала.
За реченькою за быстрою слободка стоит;
Не малая слободушка: четыре двора,
Во этих во двориках четыре кумы,
Уж вы кумушки голубушки, подружки мои,
Кумитесь, любитесь, любите меня.
Уж вы пойдете во зелен сад, возьмите меня.
Уж вы будете цветочки рвать, сорвите и мне,
Уж вы будете венки свивать, свейте и мне.
Уж пойдете вы на реченьку, возьмите и меня;
Уж вы станете венки спускать, спустите и мой.
Уж и все венки поверх плывут
Только мой один ко дну ушел;
Все дружки с Москвы пришли,
Только мой один остался там.

* * *

Не ясен-то сокол по горам летал,
Летал-то летал, лебедей искал:
Все лебедушек искал;
Он нашел-то, нашел на крутой горе,
На всей красоты сидят,
Все сидят-то, сидят все белешеньки,
Словно беленький снежок:
Что одна-то одна, лебедь белая, всех поснарядливей
Поснарядливей, да подогадливей.
Из стада во стадо лебедь перелетывала.
Письма, весточки перенашивала;
Что мой-от милый в лужках гулял,
Во лужках гулял,

Все гулял-то гулял, лебедей искал
Все лебедушек.
Мне не жаль-то, не жаль самую себя,
Жаль саду зеленого;
Зеленого сада жаль, в садику трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая, все лазоревы цветы.

Песни кашниц¹
(На деревенских помочах)

По сеничкам, сеничкам,
По сеничкам господиновым,
Вью-ли, лю-вью-ли-лю, вью-ли-лю-вью-лилю
Вьюрю-ли, вьюрю-ли, вьюрю-ли, вью-ли-лю².
Господина ласкового,
Да у света приятливого.
Афанасия Семеновича³.

Припев.

Тут не павушка павывала,
Не павина перье ронила,
Тут и ходила, и гуляла
Пожилая боярыня,
Пожилого боярина
Анна Аникишна⁴.

Припев.

Она ходила – гуляла
По всей светлой светлице,
По столовой новой горнице.
Подошла млада к окошечку.
Посмотрю же я в окошечко
На улицу широкую,
На дорожку проезжую,

¹ Записаны в г. Пинеге бывшим студентом А. Сималовским в 1862 г.

² Припев этот повторяется в продолжение всей песни, после нескольких стихов.

³ Имя хозяина дома.

⁴ Имя хозяйки дома.

На млад светел месяц,
Весел ли сударь, господин,
Афанасий Семенович?

Припев.

Ко кроваточке тесовой подошла,
Ко постелюшке пуховой,
Ко зголовницу косяшетому,
К одеялушку черного соболя;
Как спроговорит умная,
Как спроговорит разумная,
Анна Аникишна!

Припев.

Уж ты стань-ко, мой ласковый,
Уж ты стань-кой, мой приятливый!
Мимо наших высок терем
Пролетал тут ясен сокол;
Мимо нашей-то горницы,
Мимо светлой светлицы
Проезжал православный князь,
В собор Богу молиться.

Припев.

Как спроговорит ласковый,
Как спроговорит приятливый,
Афанасий да Семенович:
Отойди ты прочь, умная,
Отступи прочь ты, разумная
Анна Аникишна!

Припев.

У нас все будет излаженное,
Будет Богом исправленное:
У нас извозчики нарошенные,
У нас лошади накупленные,
Во коляску заложенные;
Только сесть нам и ехати
Во собор Богу молиться,
До Николы Святителя,
Пресвятой Богородицы.

Припев.

* * *

Как по горнице столовой,
Как по светлице пировой,
Тут стоят столы дубовые;
На стенах ковры шелковые,
На ковре чара золота
Как полна меду налита;
Еще кто чару наливал
И еще кто с медом дополнял.
Наливал чару¹ Гаврило господин,
Дополнял с медом Афанасьевич;
Свою умную призывал,
Свою разумную прикликивал,
Александрушку² призывал:
Александрушка, друг моя
Ты Гавриловна – милая,
Ты дойди, радость, до меня.
Ты любишь ли меня?
Поцелуешь ли в уста?
Ты прими чару от меня,
Выпей, выкушай всю до дна;
Принеси сына, ясна сокола,
Что белым лицом в меня,
Умом, разумом во себя.
Как ясны очи сокола,
Как черны брови соболя.
Александрушка подошла,
Гавриловна приняла,
Выпила, высушила всю до дна.
Принесла сына, ясна сокола,
Что белым лицом во меня,
Умом разумом во себя,
Что ясны очи сокола,
Черны брови соболя³.

¹ Имя женатого сына хозяина.

² Его жена.

³ Последние пять стихов каждый поется дважды.

Песни во время страды

Маленький мальчишка в горенке сидел,
Во горенке сидел, сам свое горе терпел;
Сушил, крушил сердце – знаю для кого,
Знаю для кого, для любезной своей.
Там моя любезная далече живет.
Далече, далече, меж гор высоко;
Там место прекрасно, приятен дух несет.
Схожу я ко Аннушке, спрошу сам ее:
Скажи, скажи, Аннушка, любишь или нет?
Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я сам себя.
Сам себя убью, во сыру землю пойду;
Буду я молодчик в сырой земле лежать;
Пущай люди скажут, пущай говорят,
Пущай говорят, меня молодца бранят.

Невесте

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за темного, дремучего,
Тут летает стадо серых гусей,
Серых маленьких утиц,
Как второе белых лебедей.
Не умела лебедушка
По мелким ручьям да плавати,
По-гусиному да кикати
Лебединым тонким голосом;
Еще начали серы гуси
Как белу-то лебедь щипати;
Что бела-то лебедь кикати:
Не щиплите вы, серы гуси,
Серы маленькие утицы;
Не сама я к вам залетала
Не своею я охотою;
Злой великою неволею

Занесли да ветры буйные
Злы погодушки великие.
Не умела (имя) невесты
На головушке управити,
Злой свекровушке уладити.
Еще начали чужи люди,
Богоданные родители
Журить бранить (невесту);
Как девица стала плакати:
Не журите вы, чужи люди,
Богоданные родители,
Не сама я к вам во двор пришла,
Что завел меня сам млад князь
На своих он добрых конях,
На добрых, на ступчивых.

Жениху

Что сказали не грозен (жених),
Что сказали не страшен,
Он грозен, грозен, немилостив,
Что гроза его великая,
Красота его неизреченная.
Он ходил, гулял по улице;
Заходил он ко тестю во двор,
Что ко теще на новы сени,
Со новых сеней во горницу,
Во горницу за завесу
Души красной девицы,
Ко княгине первобрачной,
Ко невесте нареченной;
Брал ее за правую, за руку,
Поломал у ей злачен перстень
С дорогой модной ставочкой.
Тут девица испужалася,
Душа красна перепалася:
Уж я как скажу батюшке?
Уж я как скажу матушке?

Уж ты так скажи батюшке,
Уж ты так скажи матушке:
Я брала свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черно плисово сукно,
Я кроила (жениху) кафтан,
Чтобы ему не долог был,
Чтобы ему не короток был,
По подолу был раструбистый,
Посередке пережимистый,
По подпазушкам перехватистый,
Чтобы он легко на коничка скакал,
Хорошенько разъезживал.

Когда отдают невесту на чужую сторону

Что ты, что ты, сине море,
Стоишь, не колеблешься?
Что ты, что ты, березонька,
Стоишь, не шатаешься?
Что ты, что ты, красна девица (невеста),
Сидишь, не рассмехнешься?
Мне чему же рассмеяться?
Мне чему же радоваться?
Мне ночесь молодешенькой,
Мне ночесь мало спалось,
Мне спалось, во сне виделось:
Что на нашей улице,
Что на нашей, на широкой,
Есть пустая хоромина,
Есть пустая, некрытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
Отец-мать отступилися,
Род племя отказалися.
Вы, подружечки, голубушки,
Посудите, пожалуйста,

Если вы не присудите,
Я сама знаю, ведаю;
Молода я догадалася,
Что пустая хоромина –
Чужа дальняя сторона;
Что пустая, некрытая,
Злодейка незнакомая;
Углы прочь отвалилися –
Богоданные родители;
По бревну раскатилися –
То чужи незнакомые.
По полу ходит гусыня –
То свекровушка-матушка;
На печи-то котище лежит –
Богоданный свекор-батюшка:
Что по лавочкам ласточки –
То деверьича-братьицы;
По окошечкам-то голуби –
То голубушки-сестрицы;
А во горнице ясен сокол –
То мой богосуженый.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
------------------	---

Часть I. ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

ПРАЗДНИКИ И СОПРИКОСНОВЕННЫЕ С НИМИ ОБРЯДЫ	9
---	---

Святки. Коляда. – Гадания вообще. – Гадание на вещах. – Хоронение золота. – Окличка прохожих. – Подслушивание. – Гадание на курицах. – Гадание на лошадях. – Гадание у ворот. – Гадание башмаком. – Гадание топором. – Гадание яйцом. – Гадание на поленьях. – Гадание воском. – Гадание на зборнике. – Гадание лучиною. – Гадание на коровьей или воловьей шкуре. – Гадание на сковороде. – Гадание на кольце, хлебе и крючке. – Гадание у омета соломы. – Гадание на перекрестке. – Гадание под окном. – Гадание на бобах. – Гадание ключом. – Гадание на священной книге. – Гадание на зеркалах. – Приглашение ужинать. – Гадание у церковных дверей. – Гадание у бани. – Гадание у сарая. – Гадание на снах. – Мостик. – Пересол. – Гребень. – Гадание по следу на снегу. – Гадание по игральной карте. – Крещенское гадание (легенда). – Святочные вертепы и звезды. – Славление наших царей. – Несколько слов о Васильевом вечере.....	9
---	---

Масленица (Сырная неделя). Катанье. – Торжественный маскарад в 1722 г. – Некоторые исторические маскарады. – Свадьба шута в 1739 г. – Лубочные комедии и игрища. – Козу в мешке играть. – Борьба и кулачный

бой. – Олицетворение Масленицы. – Сожигание Масленицы. – Прощеное воскресенье. – Заключение о Масленице...	44
Вербная неделя	59
Великий четверг	61
Пасха (Святая неделя). – Солнце играет. – Сатана в аду. – Великоденные песни. – Кости теленка. – Как встречают Пасху в Перми. – Красная горка.	63
Радоница	66
Семик (Русальная неделя, русалки). – Симпатия. – Сви-стопляска. – Могила Аники-воина. – Маргостье. – Кре-щение кукушек. – Поминовение самоубийц. – Русальный праздник. – Погребение Костромы. – Изгнание, проща-ние и провожание русалок.....	69
Иван Купало и Аграфена Купальница. Праздник росы. – Ивановская ночь. – Купальные огни. – Сobotки. – Почитание стихии. – Что значит Купало. – Праздник в черном лесе. – Празднование на юге России. – Лысая гора. – Беседа Петра Великого. – Белый петух. – Иванов цвет. – Целебные травы. – Купанье на Ивана Купалу. – Толокчи в ступе. – Кокуева слобода в Москве. – Крапив-ный куст.....	81
Ярило. Костромское Ярило. – Ярилин праздник. – По-гребение Ярилы.	97
Петровки. Гулянье на Наливках. – Народная жертва. – Проводы весны. – Ночные гулянки. – Карауление солн-ца. – Камнепочтение.....	100
Земледельческие праздники и другие замечатель-ные дни. Дежень. – Опашка. – Именинник. – Чучело как представитель окончания жатвы. – Дожинки. – Иновер-ческие праздники жатвы. – Помочь. – Капустница. – Су-прядки. – Ильин день. – Первый Спас. – Юрьев или Его-рьев день. – Прасковия Пятница. – Семенов день (бабье лето). – Покровская суббота.....	106
Обряды во время поминовения усопших (дни поми-новения). – Праздник всех душ. – Пир Козла. – Отрада	

душ. – Поминальные дни. – Причитание по усопшим, вытье, голошение.....	125
--	-----

Свадебные обряды и обычаи. Обычай похищать девиц. – Преследование обычаев духовенством. – Покупка девиц. – Греческие и римские обряды. – Снятие сапога у мужа. – Куничное на свадьбе. – Свадебные птицы. – Головной убор новобрачной. – Баня, меха и солома брачной ночи. – Вскрытие молодых. – Предосторожности и свадебные приметы. – Свадебные песни в отношении их значения. – Суженый. – Свадебные причитания, голосование. – Свадьба с трубами. – Деревенские обычаи в селе Борщеве во время свадьбы. – Пермские свадьбы. – Сватовство пермяков и брачный обряд. – Беглые свадьбы. – Свадьбы великорусские. – Свадьбы в Малороссии. – Свадьбы на Урале. – Свадьбы у донских казаков. – Свадьбы у камчадалов. – Мордовские и чувашские языческие и христианские свадьбы. – Черемисские языческие свадьбы. – Татарские свадьбы. – Калмыцкие свадьбы.	135
Прибавление к первой части	210

Часть II. НАРОДНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Суеверия и ложные убеждения	217
--	-----

Откуда возникли чародейство и суеверие?	222
--	-----

Колдуны и чернокнижники. Договор с демоном. – Колдуны случайные, поневоле, по убеждению, злоумышленные. – Легенды о колдунах в России. – Смерть колдуна. – Хожение тени колдуна. – Передача колдовства внуку (легенда). – Народное понятие о порче.	228
---	-----

Преследование и казнь колдунов. Преследование колдунов инквизицией на западе. – Преследование колдунов в России. – Похитительницы росы. – Наговорщица на хмель. – Московские ворожейки. – Косный развод. – Порча на след. – Обвинение боярина Матвеева в чародействе. – Прекращение преследования путем инквизиции. ..	253
---	-----

Ведьмы и шабаши их. Западные ведьмы. – Двойное зрение. – Шведский процесс над ведьмами. – Русские ведьмы и мары. – Защита против ведьм и колдунов. – Оборачивание ведьм в животных. – Отчего нет сорок в Москве. – Ведьмино селение. – Песни ведьм.	270
Домовые. Происхождение домовых.	280
Водяные	282
Леший	283
Кикимвры, кикиморы, шишиморы, шишиги	283
Проклятые дети	284
Оборотни, Варкулаки, Вовкулаки	291
Баба-яга	292
Шаманизм. Примирение ребенка с бесами. – Шаманы у тунгусов, шаманы у самоедов.	293
Приметы и симпатии. Дурной глаз, сглаз, призор очес или изурочивание. – Открытие вора у камчадалов. – День Благовещения. – Свербение бровей. – Булавку давать. – Волосы, ногти хранить. – Водяной воробей. – Ворон-предсказатель. – Воск из дому выносить. – Против заговоренного от пули. – Оспа и борьба с нею. – Встреча. – Браниться в Егорьев день. – Глаза свербят. – Голубь в окно влетит. – Беззвездные ночи. – Громовая стрела. – Дождь. – Дока. – Дорога. – Железница. – Примета о посеве по жукам, почему не должно работать на загонье. – Примета над замками. – Задушение младенца на постели. – Зеркало держать в комнате – грех. – Огненные змеи. – Икать тяжело. – Имя дать новорожденному. – Именины праздновать. – Комета и ее значение в народе. – Чудо от коровы в Казани. – Кошка. – Кузнечик кует. – Курица петухом поет. – Отламывать лишний кусок хлеба. – Ладанка. – Ладонь чешется. – Ласточка. – Лихоманка, лихорадка. – Локоть чешется. – Лошадь (разные приметы). – Луна. – Лучина. – Мышь. – Лягушка. – Беременная женщина. – Медведь. – Против уроков младенцев. – Суеверное разрезывание следа. – Молчание. – Му-	

хомор и его действия. – Наседку сажать. – Несчастливого в доме не держать. – Обливание водою. – Святые колодцы, святые озера. – Обмирание, летаргия. – Обморочение. – Обнова. – Осина. – Пауки. – Кому садиться в переднем углу. – Переносье чешется. – Прищемить в дверях свою одежду. – Забыть гробовую доску в доме, где был покойник. – Плюнуть на себя нечаянно. – Падение полена. – Понедельник. – Поперхнуться. – Узнать цену хлеба по колосу. – Собака воет. – Саван шить. – Свинья. – Свист. – Скопа. – Скоромы. – Соль просыпать. – Сорочка. – Дом, здание строить. – Стены трещат. – Предчувствие тараканов. – Телятину есть – грех. – Угорь – поганая рыба. – Утопленник. – Уж. – Утопленник нечаянный. – Уши горят. – Филин. – Фортуна. – Франкмасоны. – Чуранье, чураться. – Юбка. – Яйца. – Ячмень на глазе. 296

Хозяйственные приметы на весь год. Народные приметы по солнцу и облакам. – По луне, по звездам. – По воздушным явлениям. – По животным. – По птицам. 321

Заклинания, заговоры, обереги, заклинательные молитвы, подходы, приговоры и пр. *Заговоры от истечения крови.* – Чтобы не шла кровь из раны. – Заговор от крови. – Заговор от пореза. – От истечения крови. – Заговорить кровь. – Чтобы не шла кровь из раны. – От посечения члена. – Заговор от недугов красной девицы в болезни полюбовного молодца. – Заговор красной девицы о сбережении в дороге полюбовного молодца. – Заговор на путь-дороженьку. – *Заговоры о тоске.* – Заговор от тоски. – Заговор от тоски по родном сыне. – Заговор матери в наносной тоске своего дитятки. – Заговор красной девицы от тоски. – Заговор от стены, задумчивости, от тоски и печали. 328

Заговоры воинские. Заговор от пищалей и стрел. – Заговор от ратных орудий. – Заговор от пуль – свинцовых, медных, каменных. – Заговор на железо, уклад, сталь, медь. – Заговор ратного человека, идущего на войну и проч. 337

Заговоры любовные. Заговор молодца на любовь красной девицы. – Заговор для любви. – Заговор полюбовного молодца. – Заговор на любовь на прянике. – Заговор на любовь девушки. – Слова присушить девицу. – На присушение. – На разжение сердца у девицы. – На разжение девичьего сердца. – Слова, тоску напустить, присушить девок. – Навести тоску. – Присушать девок. – Наговор на присушение. – Для присухи. – Старинное заклинание на любовь. – Заговор на тоску добру молодцу по красной девице. – Напустить тоску парню. – На прилучение камня. – На людскую любовь (приобрести общую любовь). – На любовь девушек и всех людей и проч. 343

Остудные, противолюбовные заговоры. На остуду между молодцом и девицей. – Остудные слова. – Заговор на остуду между мужем и женой. – На остуду. – На разлучение. – Наговор на разлучение. 359

Заговоры для призывания или отогнания нечистой силы. В защиту от нечистой силы. – Заговор на отогнание черных муриев. – Заговор на дьявола. – Молитва от злого чарования. – Заговор от змия, к жене летающего в дом. – Молитва, аще в доме глумится. – Заговор от бесов. – Против черта. – Призывание домового на новоселье. – К домовому. – К домовому при покупке скота. – К домовому при вводе в стойло скотины. – Заговор для того, чтобы видеть дворового. – К банному. – При знакомстве с лешим. – От нечистого. – Молитва от нечистого духа. 362

Охотничьи заговоры и молитвы. Для удачи на охоте. – Заговор охотника на постановных клетях для зайцев. – Для успеха на охоте. – На птичью охоту. – Охотничьи слова. – От ворона, мешающего охотнику. – Чтобы ворон не ел попавших в ловушку птиц. – Против злого человека на охоте. – Слова утечи. – Молитва прикосная на зверя. – Охотничьи заклинания на горностаев. – На беличью ловлю. 377

Заговоры и обереги от пьянства. От пьянства. – От запоя. – От похмелья. – Человека от похмелья уловить. – Заговор от пьянства. – Заговор от запоя. 384

Заговоры от порчи и от колдунов	387
Наговоры на рыбную ловлю. Как ты, матушка Шорда-река. – Рыбий прикос. – Слова рыбу лучить. – Для удочного лова рыбы. – При наживе червей на крючок. – На ужение. – Для удачи на промысле.	392
Заговоры от лихорадок. От трясы. – От лихорадки или дрожжанки. – Заговор от всякой лихорадки. – От тряса-вицы. – Общее заключение о лихорадках и заговорах на эту болезнь.	397
Заговоры против зубной боли	410
Заговоры от болезней глаз. От ячменя. – От сучьего сучка. – От боли глаз с озеvu.	413
Заговоры против мужского бессилия	414
Заговоры от грыжи, и глазу, и баенной нечисти. От детской грыжи.	415
Заговоры против насекомых. Заговор от осы. – От червей. – Червь умолвити в коне и на ниве.	418
Слова невест, желающих замуж	419
Свадебные заговоры, обереги, подходы. Подход свата. – На наговоренное пиво. – Когда случится отпустить свадьбу. – Оберег жениха. – Свадебный оберег. – Заговор вежливца.	419
Заговор на подход. Подход пред царские очи. – Подход ко властям. – Подход к начальству. – Заговор для идущего в суд, чтобы власти и судьи были милостивы. – Оберег против суда и несправедливого обвинения.	422
Заговоры пчелиные. На посадение пчел в улье. – Пчелиные слова.	427
Заговоры от всякой болезни. Молитва от всех скорбей. – Заговор от недугов.	428
Заговор на покраденную вещь	430
Заговор оборотня	430
Заговор островника на зеленую дубраву	431

Заговор от злобы, лихих людей и о спасении. Заговор от лихого человека. — Заговор от злобы. — Молитва от злобы.	431
Заговор на кулачный бой	433
Заговор от боли в ушах	433
Молитвенные заговоры от безумия, родимца, белой горячки. Молитва от безумия, порчи, родимца, припадков белой горячки и проч. — Заговор от безумия.	434
Молитвы, заговоры, обереги, касающиеся до скотовождения. Правила пастуху. — Заговоры от болезней скота. — Для предохранения теленка от падежа или от болезни. — Молитва от падежа скота. — Чтобы скотина стояла смирно во время доения. — От лягания коровы во время доения. — При лечении лошади.	435
Заговор от бешеной собаки	438
Заговор на торговлю	438
Заговор, чтобы дело сошлось	439
Заговоры от родимца. Молитва от родимца.	439
Мольба ветру	440

Часть III. ЧАРЫ И ОБЫЧАИ

Чары, русские обычаи, наряды и прочее. 1) Заговор при искании клада. — 2) При собирании папоротника. — 3) Навести красоту. — 4) Горы на ветер. — 5) На собирание Адам-травы. — 6) От лая собаки. — 7) От преследования гусей. — 8) От укушения змеи. — 9) От жабы в горле. — 10) Чтобы испортить или навязать килы. — 11) Икоту напускать. — 12) Чары на след. — 13) Противодействие чар на след. — 14) Чары для калек. — 15) Чары на лошадь. — 16) Старую ленивую лошадь сделать молодой и бодрой. — 17) Чтобы пленник не ушел. — 18) Бесов игра. — 19) Скотская клюква. — 20) Ранить ведьму или колдуна. — Вихрь. — 21) Порча на голике. — 22) Каша. — 23) Плотину разрушить, колодец подсушить. — 24) Чары над змеею, вообще

змея. – 25) Баранец. – 26) Волховники и сборники примет. – 27) Облакопрогонники. – 28) Привораживатели и умиловитители. – 29) Отыскание воров. – 30) Наговор на товар. – 31) Против княжеского и боярского гнева. – 32) Ворожба на ловлю рыбы. – 33) Ворожба против неверности (любовные зелья). – 34) Узнать во сне о верности жены. – 35) Чары на благополучное разрешение младенцем. – 36) Средство против неприятностей от недоброжелателя и от неудач. – 37) Чары на успех в суде. – 38) Чары о поединках старины; кулачных боях тоже. – 39) Чары на след. – 40) Чары под мертвой рукой. – 41) Чары под мертвым телом. – 42) Приворотный корень. – 43) Насылка на ветер. – 44) Чары над просфорой. – 45) Наузы или узлы. – 46) Чары на порчу человека. – 47) Серебряный цвет. – 48) Чары против беса в доме.....	442
---	-----

Народная медицина. От простуды. – От кашля. – От водяной. – От лихорадки. – От хрипоты. – От трясавицы. – От зубной боли. – От глухоты. – От потери голоса. – От шелудей. – От нарывов. – От ран. – От ушиба. – От болезни глаз. – Лекарство от бельма. – От обморока. – От грыжи. – От зуда. – От недержания мочи. – От чахотки. – Пояс как средство от порчи. – Состав о голосу. – Утин прискаты. – При родах. – Средство к размножению пчел. – То же, чтобы пчелы не отлетали и чужие не воровали. – Усыплять чужих пчел. – Сонятница – врачевание от брюшных болезней. – Лекарство от стени. – С глазу. – Хлебная завязка. – Зубы лечить. – Куриная слепота. – Мороз.	468
---	-----

Народный цветник. Волшебный горох. – Калина. – Папоротник. – Плакун-трава. – Трава калюка. – Одолень-трава. – Крапивное коренье. – Трава козлец. – Корень свеклы. – Трава галган. – О чесноке. – Составы пластырей. – Против плешивости. – От рябин на лице. – Чернение волос. – Трава призыш. – Сон-трава. – Трава Тирлич. – Петров крест. – Разрыв-трава. – Трава нечуй ветер. – Девясил. – Подсолнечник. – Спорынья. – Трава

песий язык. – Кильная трава. – Трава железняк. – Семена розанов. – Чернобыльник. – Бузина. – Яртышник. – Крапива. – Петунья. – Трава чистотел. – Ноготки. – Любовные яблоки. – Трава блекота. – Дурман. – Сонная одурь. – Белладонна. – Мухомор. – Беленное масло. – Тминное и анисовое масло. – Общее заключение..... 477

Клады. Клады Стеньки Разина. – Клад в Верховье. – Золотой петушок..... 490

Порядки, характер и обычай русского народа. Жилые местности. – Города. – Посады. – Слободы. – Погосты. – Села. – Починки. – Займища. – Архитектура городов и зданий. – Дворы и дома. – Первоначальные жилища. – Устройство в доме. – Грядница. – Украшение комнат. – Курени. – Мазанки. 501

Домоводство. Напиток мед. – Квас и хлеб. – Пиво. – Перевар, взвар, сбитень. – Пища и питье. – Каравай. – Сырники. – Блины. – Мясные кушанья. – Уха. – Соус. – Жаркие. – Куры. – Утки. – Гуси. – Цапли. – Похмелье. – Рыба. – Рассольное. – Тельное. – Икра. – Растительные яства. – Лакомства и десерты. – Левашы. – Пастила. – Мазюня. – Сахарные лакомства и печенья. – Напитки и вина виноградные. – Кабаки. 516

Домашняя утварь и мебель. Кровати. – Скрыни. – Сундуки. – Освещение. – Предметы вместимости. – Столовая посуда. – Кувшины. – Четвертины. – Братины. – Кружки, чаши, корцы. – Кубки. – Стопы. – Достаканы. – Ковши. – Болваны и овкачи. 533

Русские обеды. Великокняжеские обеды. – Богатая посуда русских царей. – Боярские обеды. – Званные обеды. ... 545

Одежда. 1. Мужской костюм: Сорочки. – Обувь. – Порты. – Карзно. – Пояса. – Кушаки. – Наряд XIII века. – Костюмы мужчин XIII и XVI веков. – Зипун. – Сарафанец. – Кафтан. – Запаястье. – Гуга. – Ферязи. – Армяк. – Тегилай. – Терлик. – Опашень. – Охабень. – Ферязь. – Епанча. – Шубы. – Кунтуш. – Доломаны. – Материи, употребляемые

для русской одежды. – Перчатки. – Рукавицы. – Перстатые рукавицы. – Шапки. – Горатные шапки. – Стрижение и бритье голов. – Серьги. – Перстни и печати. – Носовые платки. – Оружие. 2. Женский костюм: Рубаха, летник, опашень. – Телогрея. – Женские шубы. – Головные уборы. – Волосники и подбрусники. – Кика. – Серьги. – Зарукавья, браслеты. – Румяна и белила. – Платки. – Ширинки. – Костюм поселянок. – Сохранение одежды..... 552

Образ домашней жизни. Хлебосољство. – Набожность. – Моленны. – Дворецкие, ключники. – Обеденный обычай. – Царский стол. – Последствие званых обедов. – Время сна. – Ужины. – Благочестивые ночи женатых..... 578

Часть IV. МУЗЫКА, СЛУЧАЙНЫЕ ПРАЗДНОВАНИЯ, ПОХОРОНЫ, ОХОТА, ПРИСЛОВЬЯ, ПЕСНИ, ЗАГАДКИ И ПОГОВОРКИ

Музыка. Дудка. – Рожок. – Жалейка или сиповка. – Рог. – Свирель. – Волынка. – Гудок. – Балалайка. – Ложки. – Гусли. – Трубная музыка. – Бубны. – Сурни. – Набат. – Барабан. – Литавры. – Варган. – Бандура. – Цимбалы. 585

Случайные и частные празднования. Рождение младенца. – Родины у пермяков. – Именины. – Старинные женитьбы и свадьбы. – Новоселье. – Похороны. 590

Звериная и птичья охота в России 628

Русские народные присловья 633

Старинные и народные песни 644

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 07.02.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 28,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.

Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.

Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.

Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.

Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.

Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.

Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.

Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.

Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.

Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.

Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.

Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.

Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.

Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.

Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.

Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.

Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.

Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.

Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.

Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.

Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.

Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.

Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.

Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.

Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.

Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба русского, 752 с.

Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.

Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.

Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.

Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.

Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.

Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.

Повесть Временных Лет, 544 с.

Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.

Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.

Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.

Пассек В. В. Очерки России, 448 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.

Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.

Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.

Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.

Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.

Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.

Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.

Очерки истории русской иконы, 592 с.

Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.

Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.

Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.

Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.

Русский государственный календарь, 728 с.

Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.

Русская артель, 672 с.

Русская община, 1376 с.

Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)